

**Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук
Министерство культуры и архивов Иркутской области
Иркутский областной краеведческий музей**

**«ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ» НАУКА:
ЭТНОГРАФИЯ В ИРКУТСКЕ
В 1920-Е ГОДЫ**

Москва – Иркутск 2013

УДК
ББК

Книга издана при финансовой поддержке министерства культуры и архивов Иркутской области.

Научный проект осуществлен в рамках и при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

«Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы / составитель, автор вступит. статьи и библиографического словаря Сирина А.А. – М. – Иркутск, 2013. – с.

Книга включает в себя наиболее интересные работы по этнографии народов Сибири, написанные в 1920-е годы и опубликованные на страницах восточносибирских журналов и сборников, а также статья, извлеченная из архива. Авторы книги – этнографы, фольклористы, географы, искусствоведы, художники, библиографы, краеведы, чья жизнь в те годы была связана с Иркутском. В Приложении приводится краткий библиографический словарь иркутских этнографов, а также очерк о развитии этнографии в Иркутске, ставшим в 1920-е годы заметным центром археологических, этнографических и фольклорных исследований в Восточной Сибири.

Для этнологов, фольклористов, географов, краеведов, историков науки.

Отв. редактор: д.и.н. А.А. Сирина, О.А. Акулич

Рецензенты: д.г.н. М.В. Рагулина
к.и.н. Т.В. Лукьянченко

ISBN

© А.А. Сирина 2012
© коллектив авторов, статьи 2012
© Институт этнологии и антропологии РАН, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (С.Г. Ступин).....	
От составителя.....	
Сирина А.А. «Провинциальная наука»:	
Этнография в Иркутске в 1920-е годы.....	
Козьмин Н.Н. Хозяйство и народность.....	
Казаринов П.П. Нация и область в этнографии Сибири.....	
Азадовский М.К. Легенда о Шапове.....	
Бородкина М.В. Очерк хозяйственной жизни Баргузинского края.....	
Попова А.М. Детские игры и забавы в сибирской деревне.....	
Гущина С.Ф. Материалы по народной кулинарии.....	
Удимова Н.И. К изучению одежды русских тункинцев.....	
Виноградов Г.С. Музыканты в Тункинском крае.....	
Миротворцев К.Н. Иркутские ясачные.....	
Титов Е.И. Конские бега в Восточном Забайкалье	
Турунов А.Н. Мэдэн (к вопросу о взаимоотношениях русского и мон- гольского пограничного населения).....	
Мэрдыгеев Р.С. Изделия из шерсти и войлока в Аларском айма- ке.....	
Полтораднев П.Г. Пушной промысел в Тункинском районе.....	
Хороших П.П. Знаки собственности бурят.....	
Козьмин Н.Н. П.П. Баторов (некролог).....	
Баторов П.П. Материалы по ораторскому творчеству бурят.....	
Баторов П.П. Народный календарь аларских бурят.....	
Земляницкий Т.А. Культ заяши, зайнов, онгонов у северобайкальских бурят.....	
Флоренсов В.Н. Монголо-бурятская сказка о Мэргэн-Зорикто.....	
Подгорбунский В.И. Заметки по изучению гончарства у якутов..	
Молодых И.Ф. Пути связи и снабжение Колымско-Индигирского края.....	
Петри Б.Э. Этнографические исследования у малых народов в Восточных Саянах.....	
Петри Б.Э. Проект культурбазы для малых народов Сибири.....	
Попов Н.П. Пища тунгусов.....	
Ходукин Я.Н. Тунгусы реки Коченги.....	
Требуховский П.Ф. Детский рисунок туземных народов Сибири.	

Приложение

Сирина А.А. Биобиблиографический словарь.....	
Именной указатель.....	
Список сокращений.....	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Необычайным интересом к истории народов России отмечены 20-е годы XX века. Предметом целенаправленного внимания ученых и краеведов в это время стала разнообразная, богатая, но мало изученная культура населения Восточной Сибири. В экспедициях по разным уголкам края были собраны уникальные этнографические, фольклорные, музейные материалы; учеными академической школы и краеведами-любителями были написаны ценные статьи и книги, до сих пор не потерявшие своей актуальности.

В 80-е годы прошлого века мы, студенты-историки, увлеченные мудрыми наставниками, серьезно занялись этнографией. Мы выезжали в Восточные Саяны к окинским сойотам, выбирались на север к катангским эвенкам, увлеченно работали в архивах, шли по следам экспедиций иркутских этнографов 1920-х годов, читали их книги и статьи. И удивлялись тому, как мало написано об этом времени, о собирательской и научной работе сотрудников музея ВСОРГО, профессоров и преподавателей Иркутского университета.

Весомые достижения иркутской этнографии, археологии и фольклористики в изучении культуры народов Восточной Сибири безусловно требуют бережного сохранения и глубокого осмысления. Современная региональная наука чрезвычайно нуждается в издании, воссоздающем научную биографию крупнейших иркутских исследователей, объясняющем причины успеха сибирской этнографии. Поэтому книга, в которой под одной обложкой удалось собрать наиболее яркие и интересные статьи иркутских ученых, очень нужна и актуальна. Уверен, что этот замечательный труд найдет своего благодарного читателя, будет востребован маститыми профессионалами и начинающими исследователями не только в нашем крае, но и в других регионах России.

В заключение отмечу, что книга стала результатом плодотворного сотрудничества Правительства Иркутской области во главе с губернатором Сергеем Владимировичем Ерошенко и Института этнологии и антропологии РАН во главе с директором, академиком РАН Валерием Александровичем Тишковым.

С.Г. Ступин,

*первый заместитель министра культуры и архивов
Иркутской области, кандидат философских наук*

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В этой книге собраны лучшие статьи по различным вопросам этнографии, написанные иркутскими учеными в 1920-е годы. Под термином «иркутские» объединены научные и музейные работники, преподаватели, студенты, для кого Иркутск стал домом и местом реализации научных замыслов в сфере этнографии, — вне зависимости от того, какую научную дисциплину они представляли и были ли они учеными в современном понимании.

В истории науки есть периоды сближений и расхождений. В 1920-е годы на волне развития краеведческого движения и одновременно практического воплощения национальной политики советской власти особый стимул и ускоренное поступательное развитие получила этнография. Этнография в России изначально теснейшим образом была связана с археологией, антропологией, фольклористикой, географией, демографией, искусствоведением, литературоведением. Поэтому среди авторов статей — не только этнографы, но и представители вышеперечисленных научных дисциплин. Их всех объединяет интерес к народам и культурам Восточной Сибири и ценный вклад в их изучение.

Опубликованные небольшими тиражами в провинции, статьи стали библиографической редкостью. В последнее время не редки переиздания работ сибирских этнографов тех лет, например, трудов М.К. Азадовского, П.П. Баторова, Г.С. Виноградова, Н.Н. Козьмина, Е.И. Титова. Недавно в дорогом петербургском издательстве «Альфарет» был переиздан журнал «Сибирская живая старина» с сопроводительной статьей инициатора этого предприятия, К.М. Азадовского. Замечательно, что на эти работы постоянно ссылаются ученые, что говорит об их высокой востребованности.

К сожалению, объем книги не позволил включить в нее многие очень хорошие работы и рассказать обо всех, достойных внимания современного читателя, иркутских этнографах. Составитель сгруппировал статьи по народам, этническим группам, а также по темам, получившим приоритетное развитие в 1920-е годы. Книгу открывает статья о феномене развития этнографии в Иркутске в 1920-е годы. В Приложении читатель найдет справочный материал — краткий библиографический словарь иркутских этнографов, относящийся к авторам данного сборника.

Фотографии, размещенные на страницах книги, и некоторые биографические сведения были получены от разных учреждений и лиц: из архива Федеральной службы безопасности по Иркутской области, фондов Иркутского областного краеведческого музея, архива художественной школы им. Р.С. Мэрдыгеева в г. Улан-Удэ, библиотеки и архива Академии художеств в Санкт-Петербурге,

Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника, Российского государственного архива литературы и искусства, а также из семейных архивов К.М. Азадовского, Е.П. Виттенбург, О.О. Петри, Е.О. Турунова. Всем им я приношу искреннюю благодарность.

Директор ИОКМ Д.Г. Люстрицкий, заместитель директора по науке Т.Л. Пушкина сделали все, чтобы книга вышла в срок и в наилучшем полиграфическом исполнении. Сотрудники фондов ИОКМ В.А. Гришев, В.Е. Муценек, Р.Б. Миронов, В.В. Кузнецова, Л.Г. Иванова оказали помощь в подборе литературных, рукописных и фотоматериалов.

Я благодарю заместителя директора Музея декабристов О.А. Акулич, с которой мы задумывали эту книгу* и которая помогла мне на заключительном этапе работы.

Выражаю искреннюю признательность министру культуры и архивов Иркутской области В.В. Барышникову, а также заместителю министра культуры и архивов С.Г. Ступину, курировавшему этот проект.

Значительную поддержку в его реализации оказали директор Института этнологии и антропологии РАН, академик-секретарь отделения историко-филологических наук РАН В.А. Тишков, а также губернатор Иркутской области С.В. Ерощенко. В результате всем заинтересованным читателям, и в первую очередь – жителям Иркутской области открылась редкая возможность познакомиться с богатейшим культурным наследием народов Восточной Сибири.

* *Сирина А.А., Акулич О.А.* Иркутский центр этнографических исследований в 1920-е годы: люди, труды, судьбы // Вузовская научная археология и этнология. Иркутск, 2009. С. 340–342.

«ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ» НАУКА: ЭТНОГРАФИЯ В ИРКУТСКЕ В 1920-Е ГОДЫ

Введение. Особое внимание историография российской этнологии проявляет к первому десятилетию советской власти, — периоду яркому, неоднозначному, противоречивому. Модель отношения власти и науки этого периода получила определение «неравноправного партнерства»¹. Хотя наука в целом испытывала усиливавшееся влияние большевистской идеологии, а этнография — еще и новой национальной политики, в это время произошел небывалый рост этнографических исследований². Марксизм еще не утвердился и ученые использовали различные методологические подходы; были развернуты экспедиционные исследования; возникли новые образовательные и научные учреждения с этнографическим профилем, велась подготовка кадров; этнографы были вовлечены в решение национальных проблем³. Эти характеристики дали С.А. Токареву основание не включать период 1920-х гг. в общую канву «советской этнографической школы»⁴. 1920-е годы были по сути переходными в истории советской этнографии, пока централизация науки 1930-х гг. не взяла ее под тотальный контроль и не нанесла ей тяжелый удар⁵. И потому актуальным остается изучение истории провинциальной сибирской этнографии. Является ли научная жизнь провинции простым слепком со столичных научных центров или она в состоянии создать нечто новое? Исходит ли это развитие из собственной, или привнесенной основы? Возможно ли сосуществование в провинции разных направлений и методов работы?

¹ Соловей Т.Д. Власть и наука в России. М., 2004; См. также: Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии: История отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998.

² Токарев С.А. Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии (проблема периодизации) // СЭ 1951. №2.

³ Томилов Н.А. Российское этнографическое сибиреведение XX века (к постановке проблемы) // ЭО, 2001. №3; Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Советская этнографическая школа // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы // Свод этнографических понятий и терминов. М., 1988. С. 114–124; Данилейко В.А. Научные организации 1920–30-х гг. и их роль в изучении севера Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №2 (22).

⁴ Термин «советская этнографическая школа», под которым понималась вся совокупность этнографических исследований в СССР, был введен в 1946 г. С.П. Толстовым.

⁵ Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне. 1930-е годы // ЭО 1993. №2.

Феномен развития этнографических исследований в Иркутске в 1920-е годы, когда он стал известным на всю страну центром этнографических, фольклорных, палеоэтнологических или «народоведческих», исследований⁶, не был случайностью, а проистекал из предшествующего социально-экономического и культурного развития Иркутска и Восточной Сибири. При оценке вклада в развитие провинциальной науки акцент часто делается на решающем вкладе приезжих ученых и политических ссыльных. Отсюда, например, вывод, что «...говорить ...о феномене мощного развития отечественной этнологии в послереволюционной российской провинции <...> веских оснований всё же нет»⁷. Ответить на эти сомнения можно только с фактами в руках. Поэтому в данной книге содержатся не только статьи провинциальных ученых, но и библиографический словарь иркутских этнографов.

Первые попытки осмысления периода 1920-х гг. в истории восточносибирской этнографии были предприняты его современниками и участниками⁸. Лишь с 1990-х гг. начала складываться литература об истории краеведческих, в т.ч. этнографических и фольклорных,

⁶ *Сирина А.А.* Б.Э. Петри и формирование «иркутской школы» советской археологии и этнографии // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы. Иркутск, 1986; *Китова Л.Ю.* История сибирской археологии (1920–1930-е годы). Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2007; *Медведев Г.И.* Об иркутской школе археологии // Рос. гуманитар. журнал, 2005. №3(7). С. 83–88; *Пержакова А.С.* Иркутская школа палеоэтнологии в 1920–1930-е годы // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2009. Т.8, вып.5: Археология и этнография. С. 9–14; *Иванова Т.Г.* История русской фольклористики XX века: 1900–первая половина 1941 г. СПб: «Дмитрий Буланин», 2009.

⁷ *Савоскул С.С.* Несколько заметок об истории и современном развитии отечественной этнологии и антропологии (по поводу выхода в свет книги «Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века». М.: Наука, 2004. 716 с. Тир.850) // Отечественная история. 2006. №1. С. 179–186.

⁸ *Азадовский М.К.* Пути этнографических изучений Восточно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического Общества // СЖС, 1926. Вып. II (VI). С. 33–62; *Виноградов Г.С.* Этнографические изучения Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества 1851–1926. Краткий обзор // Известия ВСОГРГО. Юбилейный сборник. Т. L. Вып. I. Иркутск, 1927.

исследований, истории ВСОРГО, творческом наследии отдельных ученых⁹, были переизданы некоторые работы¹⁰.

Краеведение и этнография. В конце 1920-х гг. иркутские краеведы критиковались за то, что они слишком много внимания уделяют этнографии: «Иркутские краеведческие организации вели разнообразную работу, но господствующим было этнографическое направление, чему немало способствовали туземные секции»¹¹. Как

Участники I Восточно-Сибирского Краеведческого съезда. 1925 г. Слева направо: 1 ряд: 1-й – Г.С. Виноградов; 2 ряд: 1-й – М.К. Азадовский, П.Я. Черных?, Я.Н. Ходукин?, 4-й – Н.Н. Козьмин, 8-й – М.П. Алексеев, 9-й – Г.Ю. Маннс, 10-й – П.И. Михню; 3 ряд, стоят: 12-й – П.П. Хороших; 4 ряд: 2-й справа – В.Н. Флоренсов. ИОКМ. Книжный фонд.

⁹ Вот лишь некоторые из них: Репрессированные этнографы / сост., отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М., 1999; Иркутское краеведение 20-х; Зуляр Ю.А. Основные вехи истории Восточно-Сибирского Отдела Русского географического общества // География и природные ресурсы. 2007. №3; Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутск, 2009; Алкин С.В. Судьба и труды забайкальского археолога и этнографа Е.И. Титова // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск: АмГУ, 2001. Вып.3. С. 258–269; Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М., Левченко В.А. Пушкина Т.Л. Выставки и краеведческая деятельность ВСОРГО 1851–1931. Иркутск, 2011 и др.

¹⁰ Сибирская живая старина. Вступит. ст., комм., указат. К.М. Азадовского. СПб.: Альфарет, 2008; Виноградов Г.С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири / сост. О.А. Акулич, А.А. Сирина. М.: Вост. лит., 2009; Копылов И.П., Погудин А.А., Романов Н.Я. Промысловое хозяйство туземного и русского населения в верховьях Нижней Тунгуски / ред., вступит. ст., коммент. А.А. Сириной, М.В. Рагулиной. Иркутск: ИГ СО РАН, 2009.

¹¹ ССЭ. Новосибирск, 1930. Т.2. С. 986.

определить круг этнографов в условиях широкого развития краеведческого движения? Мне близок подход фольклористов при составлении биобиблиографического словаря по своей специальности: «речь должна идти не о тех, кто считал себя «фольклористами», а о тех, чья деятельность была направлена на собирание, публикацию, изучение и популяризацию русского фольклора, — вне зависимости от того, какую научную дисциплину представляли эти люди и были ли они вообще учеными¹². В статье речь пойдет о тех, кто, вне зависимости от специальности, собирал и изучал этнографические материалы, публиковал и популяризировал их.

Кроме термина «краеведение», в 1920-е годы в Иркутске наиболее распространенными были «этнография» и «этнология». Иркутские ученые по-разному понимали их содержание и объем. Б.Э. Петри чаще использовал термин «этнология», и считал, что в сферу ее внимания входят археология, этнография, антропология. Он придерживался взгляда на эти дисциплины как на тесно взаимосвязанные; взятые в совокупности, они могут помочь восстановить т.н. «доисторию» ныне живущих народов, в первую очередь бесписьменных. Другой термин, который был в ходу с конца XIX в. и до 1930-х гг.— «народоведение». Он понимался то как синоним этнографии, то в границах антропогеографии, т.е. в привязке человека к территории на исторически протяженном отрезке времени. Этнография, или этнология, рассматривалась иркутскими народоведами, а с 1925 г. — палеоэтнологами как один из первоисточников истории первобытной культуры.

М.К. Азадовский и Г.С. Виноградов понимали этнологию как науку, которая занимается изучением этнографии и фольклора ныне живущих народов, прежде всего русского народа в Сибири.

Иркутский Университет. 12 сентября 1917 г. И.И. Серебренников записал в своем дневнике: «Иркутск начинает переполняться населением: сюда приезжают на житье из Москвы и из Петрограда. Цены на квартиры достигли чудовищных размеров»¹³. Многолетняя мечта иркутян об университете осуществилась во время великого исхода интеллигенции из Центральной России. В 1918 г. в Иркутске был создан университет в составе историко-филологического и юридического факультетов. В 1919 г. из этих факультетов был образован гуманитарный факультет с шестью отделениями. Летом 1920 г., после установления советской власти в Сибири, Иркутский университет покинули сразу 11 профессоров, 16 преподавателей и 7 ассистентов. В 1921 г. из трех отделений университета — правового, экономическо-

¹² *Топорков А.* «Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь» // АФ 2009. №11. On-line.

¹³ *Серебренников И.И.* Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск: Оттиск, 2009.

Профессорско-преподавательский состав ИГУ. Музыкальные пятницы. 1923 г. ИОКМ ф. 11717-1.

го и восточного образуется ФОН – факультет общественных наук, переименованный в 1924 г. в факультет права и хозяйства (хозправфак). Из остальных отделений бывшего гуманитарного факультета вместе с присоединившимся к университету институтом народного образования был создан педагогический факультет (педфак). На педагогическом факультете ИГУ читались более 36 курсов. Студенты Иркутского университета могли выбрать специализацию по русской этнографии и фольклору, по археологии и этнографии азиатских народов Сибири, по истории Сибири или по русской литературе. Кроме него, в университете были факультеты: медицинский, права и хозяйства, рабочий, на которых обучались 2 тыс. студентов. В университете работали 34 профессора, 38 преподавателей, 115 ассистентов¹⁴.

В 1918–1920-х гг. в Иркутском университете работало много приезжих ученых из центральной России, Петрограда, Москвы, Казани, бежавших от революции: филолог-славист проф. А.М. Селищев; языковед, востоковед Н.Д. Миронов; филолог, позже директор Исторического музея в Москве Л.И. Пономарев; историк, проф. В.И. Огородников; первый ректор ИГУ, философ, проф. М.М. Рубинштейн; филолог, историк, религиовед, писатель М.В. Муратов. Схожие процессы происходили на Дальнем Востоке.

¹⁴ Сибирский календарь на 1925 год. Иркутск, 1924. С. 123.

Однако, если на Дальнем Востоке к концу гражданской войны миграционная активность стала важнейшим фактором роста высшей школы и науки¹⁵, то в Иркутске ситуация была несколько иной. Отдавая должное влиянию приезжих ученых на развитие науки и высшей школы в Восточной Сибири, необходимо подчеркнуть, что в Иркутске были свои традиции духовного и светского образования и научных исследований. Обращу внимание только на одну из них. Открытие Иркутского университета совпало по времени с закрытием Иркутской духовной семинарии, подготовившей за свою историю немало церковных и светских деятелей, среди них были и выдающиеся, как митрополит Иннокентий (Вениаминов). Е.И. Титов, сам ее выпускник, замечал: «Иркутской духовной школе надо бы посвятить особое исследование. Из ее стен вышли революционеры, артисты, поэты, философы, ученые и художники. Из нее кроме того выросли просто образованные люди, роль которых в ...сибирской общественности можно учить, закрывши глаза. <...> Школа суще-

Профессора и преподаватели Иркутского университета. 1919-20 гг. РГАЛИ. Ф.2231. Оп.1. Ед.хр. 181. Л.1.

ствовала больше 100 лет, знала в среде своих преподавателей та-

¹⁵ *Малявина Л.С.* Между «красными» и «белыми»: наука и высшая школа Дальнего Востока в период гражданской войны // Известия Уральского гос. университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2009. №4 (66). С. 80–93.

ких людей, как маньчжуровед Орлов, монголист Подгорбунский, а потом — Одинцов, Виноградов, Малышев, Копылов...»¹⁶. Последние из названных Е.И. Титовым фамилий — его современники и земляки, в т.ч. этнографы. Молодежь, получившая начальное духовное образование, затем училась в университете и работала в научных и образовательных учреждениях. Кроме того, в дореволюционной России, в Сибири, дети из обеспеченных семей могли получить образование в российских и зарубежных университетах, как это сделали В.И. Подгорбунский, И.Ф. Молодых.

В университете собрались люди с богатым жизненным опытом, удивительными поворотами судьбы, с разными политическими взглядами, что не мешало им относительно толерантно существовать в одном поле деятельности. Такая же ситуация с кадрами была до начала 1930-х гг. и в других общественных и научных учреждениях Сибири¹⁷.

В университете параллельно с процессом обучения, шла исследовательская работа, в которой принимали участие преподаватели и студенты. Она проходила в тесной координации с ВСОРГО и Иркутским научным музеем (бывший музей ВСОРГО).

В 1919 г. при историко-филологическом факультете Иркутского университета по инициативе Б.Э. Петри была организована кафедра первобытной культуры. На кафедре работал кабинет археологии и этнографии с библиотекой и музеем, где проходили заседания студенческого научного кружка «Народоведение» (позже — «Краеведение»)¹⁸. Студенты посещали практические занятия в музее, разбирая и регистрируя коллекции по археологии и этнографии. Желавшие присутствовали на заседаниях секций ВСОРГО, слушали доклады старших коллег, задавали вопросы, обменивались мнения-

Б.Э. Петри (стоит) со своими студентами (слева направо: А.П. Окладников?, Г.П. Сосновский?, Г.Ф. Дебец?) и ассистентом Я.П. Ходукиным?. Фотография из личного архива О.О. Петри

¹⁶ РО ИРЛИ. Разряд V. Ф.174. Оп. 6. Ед.хр. 31, 32: 2.

¹⁷ Красильников С. Общество изучения Сибири: от расцвета до заката (1925–1931 гг.) // Наука в Сибири. 12 мая 2000. №19.

¹⁸ СПб АРАН Ф. 282. Оп.2. Ед.хр. 227. Л.9об.

ми, познакомились с новинками литературы, взятыми в библиотеке ВСОРГО. Основным требованием Б.Э. Петри к студентам было проведение собственных полевых выездов и написание самостоятельных, а не компиляторских, работ. Поэтому изыскивались все возможные средства, чтобы отправить студентов в «поле». Летом 1919 г. Совет университета утвердил, например, поездку студента Е.И. Титова к верхнеангарским тунгусам для составления очерка их материальной культуры. Б.Э. Петри собственноручно обосновывал ее необходимость: «Одной из настоятельных нужд этнографии Сибири является исследование т.н. верхнеангарских тунгусов, представляющих полную загадку в этнологическом отношении. Об организации их исследования не раз возбуждался вопрос в Р[оссийской] А[кадемии] Н[аук] и в Русском Комитете для изучения Средней и Восточной Азии, но не находилось лицо с одной стороны, достаточно подготовленное, а с другой желающее отправиться на исследование этого загадочного народца.

В настоящее время мой слушатель, студент нашего университета Е.И. Титов, работавший по этнографии под моим руководством в течение пройденного академического года, является уже достаточно подготовленным для работы по составлению очерка материальной культуры и быта. Проф[ессор] Н.Д. Миронов и ассист[ент] Ц.Ж. Жамцарано по моей просьбе инструктировали Титова по записям лингвистического характера.

Чсть имею просить историко-филологический факультет оказать возможное содействие к материальному обеспечению поездки ст[удента] Титова к верхнеангарским тунгусам, расходы на которую могут выразиться в размере 1500 р. Доц[ент] ИГУ Б. Петри 29 марта 1919 г.»¹⁹.

На кафедре первобытной культуры ИГУ специализировались студенты О.И. Зеленикина, Г.В. Ксенофонтов, П.П. Хороших, Г.П. Сосновский, М.М. Герасимов, Г.Ф. Дебеч, А.П. Окладников. Некоторые из них стали впоследствии крупными учеными, родоначальниками новых научных направлений, организаторами науки. Археолог Георгий Петрович Сосновский в 1926 г. получил диплом педагогического факультета ИГУ, учился «доисторической археологии» у Б.Э. Петри, прослушав читаемые им курсы: история первобытной культуры (археология и этнография), спецкурс археологических разведок и раскопок, музейное дело и пр.²⁰ и защитил диплом на тему: «Древнейшие следы первобытного человека в Сибири (исследования и их использование)»²¹.

¹⁹ ГАИО. Ф.р-71. Оп.1. Ед.хр.32. Л.11.

²⁰ А ИИМК РАН. Ф.35. Оп.5. Ед.хр.294. Л.21.

²¹ А ИИМК РАН. Ф.42. Ед.хр.357. Л.4.

Михаил Васильевич Муратов в 1920–23 гг. читал в ИГУ курс «история русского сектантства», но в 1923 г. уехал в Москву. В 1923 г. в университете была основана кафедра русской этнографии, где преподавали проф. М.К. Азадовский и Г.С. Виноградов. М.К. Азадовский был профессором кафедры истории русской литературы. Им удалось привлечь способную студенческую молодежь и заинтересовать ее этнографией и фольклором русского населения Сибири. Анна Михайловна Попова в 1923 г. получила диплом об окончании исторического цикла гуманитарного отделения педагогического факультета ИГУ. Она прослушала спецкурсы по исторической географии Сибири; истории первобытной культуры; истории Сибири; сектантству; русскому и старожильческому населению; русской этнографии (введение)²². Студенты, пользуясь покровительством ВСОРГО, выезжали в экспедиции к русским старожилам и переселенцам: А.М. Попова – на р. Ангара и к семейским Забайкалья, М.В. Бородкина – к русским восточного побережья оз. Байкал, Н.И. Удимова – в Тункинский край, Г.А. Леонов – на р. Кондому Кузнецкого района Томской области, А.М. Моловцева – в Тулунский уезд, С.Ф. Гушина – в Тункинский край, Тулунский уезд, Забайкалье, Е.Я. Самойлович – в с. Смоленщина, Марково и другие подгородние села Иркутского уезда.

М.К. Азадовский и Г.С. Виноградов. Фото из архива К.М. Азадовского.

²² Личное дело А.М. Поповой // Архив отдела кадров Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника.

В университете и среди членов ВСОРГО выделялся преподаватель монгольского языка В.Н. Флоренсов, который до установления советской власти служил на миссионерском поприще. Блестящий знаток бурятского и монгольского языков, он переписывался со знаменитыми лингвистами В.Л. Котвичем и Б.Н. Владимирцевым, принимал участие в дискуссии относительно транскрипции бурятской речи, которая в те годы велась на страницах газет и научных изданий в БМАССР, написал работу о монгольских ксилографах, рецензию на журнал «Бурятияведение»²³. Летом 1926 г. В.Н. Флоренсов собирался выехать в Тункинский аймак БМАССР. В этом районе в 1916 г. ему была передана рукопись сказки о Мэргэн-Зорикто, перевод которой со вступительной статьей В.Н. Флоренсова включен в данный сборник.

Кафедрой сибирской истории в университете с 1924 г. заведовал профессор Николай Николаевич Козьмин, замечательный ученый-историк и преподаватель, один из старейших членов ВСОРГО. В те годы возникло понимание тесных связей между природным окружением, традиционными хозяйственными системами и социально-бытовыми структурами – того, что впоследствии получило название хозяйственно-культурный тип. Н.Н. Козьмин прямо поставил вопрос о связи этнических общностей с хозяйственными системами, впервые ввел сам термин «хозяйственно-культурный тип». Этническую группу стали воспринимать не как случайный набор этнокультурных элементов, а как органическое единство, плод длительной истории взаимодействия природы, культуры и исторических факторов. Статья Н.Н. Козьмина, где рассматриваются эти вопросы, выбрана для переиздания в сборнике. В своих работах о хакасах, якутах, тувинцах, бурятах и других народах Сибири он умело сочетал географо-экономический и историко-этнологический подходы²⁴. Много внимания он уделял истории науки, а также современным тенденциям развития азиатских народов Сибири. Хорошо понимая важность этнологических исследований и потенциал иркутских ученых, он предлагал создать в Иркутске Антропо-этнологический институт.

Географию в университете преподавал К.Н. Миротворцев; он вел этнодемографические исследования среди смешанного населения Сибири (статья об иркутских ясачных, которая воспроизводится в сборнике), карагасов (тофаларов). Гидролог, проф. И.Ф. Молодых,

²³ СПбФ АРАН. Российско-польские научные связи. Монголовед В.Л. Котвич: к 140-летию со дня рождения. Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. Выставка on-line-2012. Ф. 761. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–106. <http://ranar.spb.ru/rus/vystavki/id/416/>

²⁴ Решетов А.М. Н.Н. Козьмин: основные направления научной деятельности // Репрессированные этнографы. М.: Вост. лит., 1999; Шнирельман В.А. В поисках самобытности: у истоков советского мультикультурализма // Неприкосновенный запас. 2011. №4 (78).

тоже преподавал в университете, он опубликовал монографию «Пути связи и снабжение Колымско-Индибирского края» (1930), где важными составляющими были этнографические и поселенческие аспекты в связи с развитием дорожного строительства.

В 1929 г. при БГНИИ ИГУ образовалась комиссия по охотоведению и делам Комитета Севера – совещательный орган при Иркутском уполномоченном Комитета Севера, в который вошли представители разных специальностей, включая этнографов и землеустроителей.

Университет и ВСОГО были подобны сообщающимся сосудам, – одни и те же люди были членами ВСОИРГО и преподавали в университете или были его студентами и выпускниками.

ВСОИРГО/ВСОГО

Жизнь Восточно-Сибирского Отдела ИРГО во время 1 мировой войны и накануне революции едва теплилась. Правитель дел ВСОИРГО И.И. Серебренников записал в своем дневнике 5 октября 1916 г.: «Вечером заседание Отдела Географического Общества, где я должен был доложить отчет за 1915 год. Помимо членов Комитета, на Общее Собрание пришло только четыре члена Отдела; один зеленый ужас. Оживить Отдел – дело почти безнадежное»²⁵. В 1917–1919 гг. во ВСОИРГО массово вступала приезжая научная интеллигенция; общее число его городских членов в 1918 г. составило 137 чел. И хотя на ВСОИРГО после революции обрушился мощнейший удар, лишивший Общество прежнего покровительства, автономии, собственности, оно обладало таким авторитетом и запасом прочности, что, реорганизовавшись, сумело наладить работу. Сильной стороной Общества была его демократичность и внимание к исследовательским проектам не только признанных, но и начинающих ученых и краеведов. В 1931 г. после ряда реорганизаций ему пришлось слиться с Обществом изучения производительных сил Восточной Сибири²⁶.

В России этнография с самого начала развивалась в теснейшем сотрудничестве и симбиозе с географией, археологией, антропологией, фольклористикой. Само это сближение было обусловлено особенностями сибирского этнографического поля, когда археологические культуры переходят в ныне наблюдаемые. Несмотря на эту взаимосвязь, в 1920-е гг. между ними шло размежевание, выразившееся в формировании особых секций во ВСОИРГО. Размежевание было результатом сложения достаточного числа специалистов в каждом из направлений, проведении к рассматриваемому времени значительного объема работ, а главное, в наличии лидеров, организаторов научных исследований.

²⁵ *Серебренников И.И.* Претерпев судеб удары... С. 265.

²⁶ *Зуляр Ю.А.* Основные вехи... С. 216.

В декабре 1922 г. в структуре ВСОРГО были объединены археологическая комиссия (создана в 1919 г. Б.Э. Петри) и этнографическая секция (создана в мае 1922 г. М.В. Муратовым). Этнологическую секцию возглавил Б.Э. Петри. В сферу ее деятельности входили вопросы археологии, этнографии (преимущественно «туземной») и антропологии. В 1922–1923 гг. этнологической секции ВСОРГО удалось выпустить четыре номера «Этнографического бюллетеня» (первые три под редакцией А.Н. Турунова, четвертый – под редакцией Д.А. Болдырева-Казарина). Статьи, помещаемые в нем, были краткими, я бы назвала их этнографическими тезисами или зарисовками, оригинальными как по тематике, так и по содержанию и стилю: взаимоотношения монгольского и русского населения, изучение духовной культуры туземных племен Сибири, областной тип в этнографии, влияние современности на народную культуру. Этнографические зарисовки А.Н. Турунова и П.К. Казаринова воспроизводятся в настоящем сборнике.

Этнологическая секция в 1924 г. была «перехвачена» М.К. Азадовским, приехавшим в Иркутский университет из Читы. Надо признать, что во втором варианте секция более соответствовала своему названию, но за бортом оставались этнологические исследования «туземных» народов Сибири. Как будет показано ниже в специальном разделе, они в значительной мере перешли на площадку «государственной этнографии», в структуры Комитета Севера.

В секции состояло 25 человек. В ее отчете за 1924 г. сообщалось, что работа была перестроена с учетом объединения всех членов секции на выполнение общих задач. Профессора М.К. Азадовский и Г.С. Виноградов развивали родиноведческое направление в этнографии. Сфера деятельности была определена этнографическими и фольклорными исследованиями преимущественно современного русского населения Сибири, межэтнических культурных контактов и культурных взаимовлияний, а также библиографическими изучениями.

Одной из приоритетных тем стало создание программ-инструкций по разным вопросам этнографии и фольклора, а также диалектологии. По сравнению с дореволюционным временем, они стали шире по тематике, отражая интересы как «чистой» науки, так и социально-экономического и национального строительства. Серию «Библиотека собирателя», в которой печатались многие инструкции, вел Г.С. Виноградов. Это были руководства по сбору материалов по народной медицине, фольклору, музыкальной этнографии, ораторскому искусству, а также по оленеводству, обычному праву и экономическим бюджетам. В ответ на программы последовал приток материалов из разных мест Сибири²⁷. Так была написана замечательная статья П.П. Баторова, переизданная в данном сборнике.

²⁷ Виноградов Г.С. Этнографические изучения...

В рамках «родинovedческого» направления была поставлена тема «детская этнография и фольклор», которая с самого начала преодолела междисциплинарные и этнические границы: ею занимались этнографы, фольклористы, искусствоведы, изучавшие не только русских, но и бурят, якутов, тофаларов. Пионерные исследования в этой области вел Г.С. Виноградов. Он впервые определил объем и содержание понятия «детская этнография», направления работы: детский быт, фольклор, игры и игрушки, рисунки, составил программы исследований, привлек к разработке этой темы студентов. Книга Г.С. Виноградова «Русский детский фольклор» (1930) стала заметным монографическим классическим исследованием в сфере детского фольклора. Он же обратил внимание на «музыкальную» этнографию и народное ораторское искусство. М.К. Азадовский возглавил фольклорное направление исследований и сам вел активную собирательскую и библиографическую работу. Коллеги и ученики М.К. Азадовского А.В. Гуревич, Н.М. Хандзинский и др. собирали традиционный, современный («отражение революции в фольклоре») и профессиональный фольклор, публиковали интересные статьи. Мини-монография М.К. Азадовского «Сказки Верхнеленского края», опубликованная как приложение к журналу «Сибирская живая старина» получила высокие отзывы профессионалов.

В конце 1920-х гг. силами студентов и членов этнологической секции ВСОРГО началась разработка исключительно интересной темы

Фольклорная экспедиция в Баргузинский аймак. В тарантасе сидит А.В. Гуревич. 1927 г. ИОКМ. Ф. 13425-15.

«городской этнографии» и русского городского фольклора. В 1926–29 гг. быт и нравы города Иркутска изучала Т.П. Лыткина. Объектом ее внимания были жители «окраин г. Иркутска, т.е. окружающих Иркутск гор, набережной р. Ангары и предместий Рабочедомское и Марата». Выступая с отчетом в этнологической секции ВСОГО, она отметила, что «на окраинах сохраняются патриархальные обычаи. Женщины прядут и ткут, верят в ворожбу и гадания, при болезнях обращаются к бабушкам-шептунам и знахарям, животных лечат у коновалов <...> гонят самогон и устраивают гулянки обязательно с дракой. С давних пор Советская гора славится ворами и убийцами, у которых свой отдельный мирок. Очень интересны организации «шпаны» (молодежь, хулиганы). Все это существует потому, что город мало обращает внимания на окраины, там нет никаких культурных очагов». В 1928 г. она же выступила с докладом «Современные частушки, песенки, пародии и шутки молодежи окраин г. Иркутска», собранные в период 1917–1927–1928 гг. Летом 1928 г. Т.П. Лыткина работала над собиранием материала по «птичьему спорту» города, – голубятням, птицеловам, способам лова птиц, устройству клеток, дрессировке, злоупотреблениям в связи с конкуренцией, истории птичьего базара²⁸. К сожалению, не удалось найти ни одной публикации этого автора, которая разрабатывала темы, актуальные и сегодня.

Сборник «Сибирская живая старина» (1923–1929) был первым послереволюционным периодическим изданием по этнографии в СССР. Его главной задачей было освещение ряда важнейших проблем сибирской этнографии и изучение современного населения Сибири. В семи сборниках «Сибирской старины» (два выпуска вышли сдвоенными) были опубликованы исследования и статьи, посвященные разнообразным вопросам сибирской этнографии, в т.ч. таким интересным и малоизученным направлениям, как детская этнография и фольклор, преимущественно русский (статьи Г.С. Виноградова, А.М. Поповой), устное народное творчество, в т.ч. современное (статьи М.К. Азадовского, Н.М. Хандзинского), народная архитектура (статья Б.И. Лебединского), изобразительное искусство населения Восточной Сибири (статья П.Ф. Требуховского). В нем печатались программы и инструкции по сбору этнографического и фольклорного материала, библиографические статьи и обзоры (П.П. Хороших), значительно реже – статьи по археологии и этногенезу (В.И. Сосновский, Г.П. Сосновский). Сборник получили немало одобрительных откликов в центральной печати, прежде всего, как краеведческое издание, хотя его содержание было гораздо значительнее. Недавно сын М.К. Азадовского, К.М. Азадовский инициировал репринтное переиздание всех выпусков сборника в доро-

²⁸ ГАИО. Ф. р-565. Оп.1. Ед.хр. 114. Л.52.

гом и престижном петербургском издательстве «Альфарет», снабдив его собственной статьей и аннотированным именованным указателем²⁹. В данной книге 10 из 26 статей первоначально были опубликованы в «Сибирской живой старине».

Преобладающим методом этнографических исследований тех лет был экспедиционный, с выездами в места изучения на срок от нескольких недель до трех, реже более, месяцев. Это были одиночные и коллективные (обычно не более двух человек) выезды. Некоторые ученые имели связи с представителями местной интеллигенции. Так, бывший политссыльный П.Н. Мочульский помогал Б.Э. Петри собирать этнографический материал и музейные коллекции у карагас, среди которых прожил много лет. Некоторые студенты и ученые работали в своих родных местах, что значительно облегчало доступ к этнографическому материалу и его осмысление. Методы собирательской работы в Иркутске (на примере фольклорных изучений) в одном исследовании названы «старыми, дедовскими», — по сравнению с массовыми выездами отрядов студентов в центральной России³⁰. Но включенное наблюдение остается и сегодня основным методом полноценной полевой этнографической работы.

В этнологической секции историко-этнографические исследования велись и силами краеведов. Один из примеров — супруги Веселовы: Иван Иннокентьевич, чертежник судостроительной верфи в с. Лиственничное, основатель музея в с. Листвянка, его хранитель и экскурсовод³¹, и Акилина Иовна (Винокурова), учительница. На протяжении 1920-х гг. они постоянно выезжали в экспедиции на личные средства и средства ВСОРГО и ОИС. В 1923 г. И.И. Веселов работал на восточном берегу оз. Байкал, в районе залива Провал для восстановления истории страшного землетрясения, специально «проведовал» стариков-старожилов, собирая от них фольклорные и этнографические сведения о местном крае³². В 1924 г. выезжал для сбора исторических, этнографических и фольклорных материалов в с. Листенничное, Оймур, Дубинино, Инкино, Шерашево, Кудара, Степно-Дворецк, Тврогово, исток. Летом 1928 и 1929 г. этнологическая секция ВСОРГО командировала супругов в Баргузинский район БМАССР. Объектом их изучений было русское население края: Иван Иннокентьевич собирал материалы о первоначальном

²⁹ Сибирская живая старина: этнографический сборник в 4-х т. СПб.: Альфарет, 2008.

³⁰ Иванова Т.Г. История русской фольклористики... 2009. С. 345.

³¹ Галкина В.И., Фиалков В.А. Краевед Байкала И.И. Веселов // Иркутское краеведение 20-х. Ч.1. С. 85–92.

³² Шахеров В.П. Научно-краеведческое изучение бассейна оз. Байкал в 1920-х годах // Иркутское краеведение 20-х. Ч.1. С. 80–85.

заселении края и развитии омулевых промыслов, Акилина Иовна — о детских играх и быте³³.

Супруги работали в Усть-Баргузинском сельском совете, к которому были приписаны пять сел с 342 дворами и 1323 чел. (с. Башарова-Макаринина, Зарина, Адамова, Максимиха, Кулинное). Все они «обязаны своим первоначальным заселением омулевому промыслу в Байкале, развитию на нем судоходства и старейшие из них насчитывают за собой не менее 6–7 поколений».

Новые явления проникали в быт русских этого района, что было видно в портретах вождей, в украшении стен современным лубком, картинами революции, кооперации. Одновременно «далеко не изжитая вера в Бога, привычка справлять шумно церковные двенадцатые праздники».

И.И. Веселов собрал 25 родословных, скопировал три надгробия и тридцать три памятника на кладбищах деревень Башарова, Адамова, Зарина. Он отыскал могилы неизвестного баргузинского купца Ивана Федуловича (фамилия на памятнике не читалась), умершего в 1822 г. на 74-м году жизни и иркутского купца Ив. Фед. Дудоровского на кладбище с. Адамово, ум. 181? г. 53-х лет. И.И. Веселов записывал рассказы о местных купцах, в частности, о купцах Черных (1820–1870-е годы), широко распространившиеся по восточному Прибайкалью. В официальном отчете ВСОРГО были вымараны данные, положительно характеризовавшие купцов, поэтому приведу отрывок из архивных документов полностью: «По выражениям местных старожилов, купцы Черных были «великие помещики, правящие всем краем, как цари держащие в непосредственном подчинении как русских, так евреев, тунгусов и бурят. Одновременно ... Черных являлись и покровителями, и грозой всего населения. Идти против их воли было нельзя — иначе следовала порка. Купцы пороли за пьянство, за нерадение к своему собственному хозяйству и дому, за разгильдяйство и лодырничество. Весь народ независимо от национальности работал у Черных, за что получал не деньгами, а брал натурой, что хотел из складов Черных — через руки специально поставленного для того человека-«эконома». Наиболее же замечательным рассказом о Черных должен являться рассказ об их благотворительности, выражавшейся в том, что купцы имели специальную столовую для бедняков, где даром кормили их ежедневно, а тех, кто были трудолюбивы, но имели большую нужду, выручали (дарили) своим скотом, отпускали им мясо, муку, соответствующее количество мануфактуры на всю семью и даже нередко в готовом виде, чем любила заниматься сама мать Черных. Кроме того Черных всех живших в округе звал «своими», платил за них налог и даже

³³ ГАИО. Ф.р-565. Оп.1. Ед.хр. 114.

откупал от разбойников, в те времена нередко набежавших на села, расположенные по берегам Байкала. Занятия Черных были скупка пушнины, золота и рыбный омулевый промысел на собственных судах в Байкале, которые имели постоянную свою базу при устье реки Баргузин и как видно послужившие основной причиной основания и расцвета села. По происхождению своему Черных являлись выходцами из России и разбогатели в Баргузине случайно от находки спрятанных кем-то в дупле слитков золота»³⁴.

И.И. Веселов записал сказания: от жителя Усть-Баргузина Ф.А. Кузнецова — «О Ермаке Тимофеевиче и его есауле Савве Исаевиче», «О нещастии пращура Петра Васильевича Кузнецова», «О гибели шайки байкальского разбойника Сохатого», «О забайкальском разбойнике Капустине», «О том, как колесовцы на Селенге украли у торговцев церковь»; от П.К. Ермилова — «Свадьба баргузинского купца Черных»; от П.К. Башарова — «Таинственные воспламенения на Байкале»; в г. Баргузине от А.И. Шадрина и В.И. Березовского — «О тунгусах, воюющих с Баргузинским острогом», «О колдуне Клеопе»; от Н.Д. Стрекаловского — «Жизнь и богатство первого Стрекаловского в Голоустном», «О том, как Афанасий Ощепков один в Сенной расстрелял шайку разбойников», «Картины из жизни Байкальского Кяхтинского пароходства»; в с. Лиственничном от М.И. Сиротинина — «Набег разбойников на хутор Романа Кислицина и переселение его в Листвянку»³⁵. Эти материалы не были опубликованы.

А.И. Веселова записала двадцать семь детских игр: в бабки, в пароходики, в беговушку (лапту), кошки-мышки, хоровод-каравай, в городки — пушку, телеграф, гусли; в лунки, в барана, в чеки-боки, в круг (подбрасывается палочка), в прятушки, золоты ворота, уточки, зореньку, веровочку. Собрала детские рисунки, на основании которых сделала довольно наивный вывод: «вера в бога живет еще только у дошкольника, это видно по рисункам дошкольников, которые при графическом изображении своей семьи непременно рисуют на груди каждого члена своей семьи крест, фигура которого напоминает х, на вопрос мой: «что это?» дошкольник мне ответил: «это крест на шее у каждого!» Этого не было замечено у детей школьного возраста». Далее она продолжала излагать свои наблюдения, которые я привожу польностью, потому что никаких публикаций по итогам экспедиции не последовало.

«Во всех почти играх и игрушках проглядывает историческое лицо края и прежде всего с его рыбными промыслами и судоходством. Распространена в Баргузине игра «в пароходики» — эта игра

³⁴ ГАИО. Ф.р-565. Оп. 1. Ед.хр.159. Л.39.

³⁵ ГАИО. Ф.р-565. Оп.1. Ед.хр. 159. Л.42.

определенно и ярко выражает прошлое и настоящее села. Ребята от 8–12 лет в условный час, чуть ли не со всего села (человек 20–30) собираются к известному месту на берег реки Баргузина, куда каждый приходит с собственным, сделанным им же из коры, дерева или из жести (жесть берут от консервных банок с завода) корабликом-пароходиком, который непременно носит название известного ему байкальского парохода и когда собирается таких ребят артель, они начинают свою игру: наловив мальков решетом или удочкой ребята, «засолив» их, как омулей в жестяные баночки или в деревянные бочонки, сделанные самими ребятами; грузят на свои суда и сплавляют на них по течению реки к определенному пункту, но здесь особенно интересно заметить, что, сплавляя свои пароходики, они в редком случае их не связывают длинной вереницей на одну общую нить, зацепляя якорями, сделанными из жести. Этот факт особенно характерен тем, что он несомненно отражает далекое прошлое, когда по Байкалу ходили катера крупных рыбопромышленников, водивших за собой до десятка крупных и мелких судов. Прошлое сказывается иногда и в названиях пароходика, который сделал сам мальчик. Так, например: у мальчика Федорова в Усть-Баргузине жестяный пароходик сделанный им по его личной инициативе называется «Михайл», а Михаил, ликвидированный и выбывший из строя байкальских катеров лет десять тому назад, принадлежал некогда богатому иркутскому рыбопромышленнику С.Ф. Сверлову, любившему водить за своим катером длинные караваны судов. Жизнь советских пароходства отразилась в игрушках ребят в названиях «Шмидт», «Ангара», «Кругобайкалец», т.е. как раз в названиях тех пароходов, которые в дореволюционные периоды совершенно не бывали в этом крае»³⁶.

Не будучи профессиональными этнографами, супруги Веселовы собрали ценные материалы, которые лишь частично были опубликованы.

Другой пример плодотворной краеведческой работы представлял Иван Сергеевич Хромовских, учитель Александрово-Невской станицы, действительный член ВСОРГО. Он дал портрет мастера народной словесности И.Е. Дорофеева; записи детских игр, сделанные в своей станице, он передал Г.С. Виноградову. Информация о собирателе-краеведе была помещена в первом выпуске журнала «Этнография».

Оставшиеся без своей площадки для научных встреч и дискуссий археологи на организационном собрании 24 февраля 1925 г. приняли решение о восстановлении секции палеоэтнологии. Новое название более соответствовало направлениям ее деятельности. На организационном заседании присутствовали А.В. Попов, Я.Н. Ходукин,

³⁶ ГАИО. Ф. р-565. Оп.1. Ед.хр.114. Л.43–47.

Б.Э. Петри, В.И. Подгорбунский, Г.П. Сосновский, Г.Ф. Дебеч, В.И. Сосновский, Ф.Э. Карантонис, С.Н. Лаптев. Учредители мотивировали необходимость такой секции наличием лиц, своими исследованиями доставившими материал, пригодный для построения некоторых схем доистории края, и обширного археологического материала, накопившегося в музее ВСОРГО и в иркутском государственном музее. «Восстановленная» в начале 1925 г. секция палеоэтнологии при ВСОРГО во главе с А.В. Поповым ставила своей задачей «изображение доисторических культур Восточной Сибири на основании материалов археологии, этнографии и антропологии». В то же время подчеркивалось, что «культура <...> т.н. «дикарей» по древности нисколько не уступает, например, европейской культуре; она прошла громадный исторический путь, а «дикари» столь же далеки от первобытности, как и европейцы. Поэтому факты, добытые при исследовании этих наших современников, совершенно немыслимо переносить на первые ступени человеческой культуры»³⁷.

Некоторые ученые-палеоэтнологи пытались отождествить определенные археологические комплексы с этническими группами путем установления связей между современными народами и доисторическими культурами. Построение этнической истории в те годы называлось этногенезом, отсюда и проблема этногенеза в советской этнографии³⁸. Из членов секции палеоэтнологии на эту тему писали В.И. Сосновский, Б.Э. Петри, В.И. Подгорбунский.

На 1 октября 1929 г. палеоэтнологическая секция ВСОРГО включала в себя 21 чел.³⁹. Ее членами были не только «чистые» археологи, но и те, кто сочетал в своей научной работе археологические и этнографические (преимущественно бурят и малых народов Севера) изучения: Б.Э. Петри, В.И. Подгорбунский, П.Г. Полторацков, П.Ф. Требуховский, Я.Н. Ходукин, П.П. Хороших.

В 1920-е гг. произошел необычайный взлет этнического самосознания и началось формирование новых национальных групп, требующих научного обоснования своего права на существование и учета своеобразия хозяйства, быта и социальных особенностей в интересах дальнейшего развития⁴⁰. На этой волне национально-территориального строительства во ВСОРГО в 1925 г. была создана бурят-монгольская секция, а годом позже — якутская секция, проработавшие до 1930 г. Создание бурят-монгольской секции было подготовлено предшествующими исследованиями в области бурятской этнографии, которые велись в Иркутске русскими и отчасти бурятскими учеными. С созданием университета бурятоведение заняло значительное

³⁷ ГАИО. Ф. р-565. Оп.№. Ед.хр. 18.

³⁸ Шнирельман В.А. В поисках самобытности...

³⁹ ГАИО. Ф. р-565. Оп.1. Ед.хр.289. Л. 77.

⁴⁰ Шнирельман В.А. В поисках самобытности...

место в научной работе кафедры первобытной культуры. Б.Э. Петри в эти годы публикует статьи по социальной организации и шаманству западных бурят, основанные на его полевых материалах 1912–1922 гг. Т.А. Земляничский и студентка О.А. Зеленикина в начале 1920-х гг. изучали шаманство и тайлаганы у балаганских, кудинских бурят. П.П. Хороших написал дипломную работу на тему о первом бурятском ученом Д. Банзарове. Впоследствии, став заведующим бурят-монгольским отделом Иркутского музея, он систематизировал литературу о Бурятии, изучал скотоводство, знаки собственности, народное искусство бурят, занимался историей науки и собирал ценные экспонаты в экспедициях в разные уголки Прибайкалья и Забайкалья. П.Г. Полтораднев, сменивший П.П. Хороших на этой должности в 1926 г., много работал над приведением в порядок и пополнением бурятских коллекций, оставил ценную статью о пушном промысле бурят Тункинского края.

Председателем бурят-монгольской секции был избран Н.Н. Козьмин (февраль 1925 – сентябрь 1928 гг.). Среди задач секции были: историко-этнологические изучения (фольклор, история, антропология, язык, животноводство и сельское хозяйство, изобразительное искусство, библиография). Секция предпологала координацию работы с БМАССР и ее научными учреждениями – Бурят-Монгольским Институтом культуры, Бурят-Монгольским на-

Экспедиция в Баргузинский аймак. Слева направо: стоит проф. Б.А. Куфтин (Москва), сидят: П.П. Хороших, Александрович и местный рыбак. ИОКМ. Ф.1296-2.

учным обществом им. Д. Банзарова, Иркутским научным музеем, ИГУ. В 1925 г. Секция периодически собиралась на заседания с докладами, в т.ч. по вопросам национально-культурного строительства в республике; в них принимало участие бурятское землячество. Сообщения в секции делались не только на русском, но и на монгольском языке. Активнейшее участие в работе секции принимала учащаяся бурятская молодежь, из которой формировались будущие научные кадры Бурятии. Наркомпрос БМАССР финансировал экспедиционную работу иркутских ученых П.П. Хороших, Д. Абашеева, А. Балдунникова, П. Хаптаева и др.⁴¹

С 1926 г. секция выпускала «Бурятоведческий сборник», который финансово поддерживали Наркомпрос и ЦИК БМАССР. В сборнике публиковались труды ученых и краеведов, студентов (прежде всего бурят) по библиографии, истории бурят и Бурятии, краеведческие программы, историко-этнографические, археологические, антропологические работы. Среди авторов были Н.Н. Козьмин, В.И. Подгорбунский, М.К. Азадовский, П.Ф. Требуховский, П.П. Баторов, П.П. Хороших, А.К. Бадмаев, И.М. Мункоев и др. Секция имела своих корреспондентов по краеведению в Аларском, Боханском, Баргузинском, Эхирит-Булагатском, Тункинском аймаках⁴². Иркутские ученые Н.Н. Козьмин, П.Г. Полторацнев, П.П. Хороших и печатались и в соседней БМАССР, в журналах «Бурятияведение», «Жизнь Бурятии».

Якутская секция работала во взаимодействии с якутским землячеством в Иркутске. В те годы планировалось создать якутское отделение Иркутского университета специально для обучения студентов-якутян. Печатным органом секции были «Очерки по изучению Якутского края». На его страницах впервые опубликована замечательная мини-монография Г.В. Ксенофонтова о шаманстве, позднее не раз переизданная. В данном сборнике воспроизводится интересная статья В.И. Подгорбунского о якутской керамике, написанная с использованием археологических и этнографических источников.

Тунгусо-маньчжурская секция ВСОРГО проработала не более полугода и была ликвидирована, поскольку не было достаточно ученых, интересовавшихся данной тематикой.

В 1928 г. в Восточно-Сибирском Отделе Географического Общества числились 302 члена. Общество состояло из 10 секций: экономической, землеведения, этнологической, исторической, историко-литературной, якутской, бурят-монгольской, палеоэтнологической,

⁴¹ Романцова Т.Д. Бурят-монгольская секция ВСОРГО // Иркутское краеведение 20-х. Ч.1. С. 70–79.

⁴² Составлена полная библиография работ, опубликованных в «Бурятоведческом сборнике»: Романцова Т.Д. Бурят-монгольская секция ВСОРГО... Приложение 4 и 5. С. 161–176.

Иркутское землячество студентов-якутян. 1928 г. ИОКМ. Ф.603-17.

школьного краеведения, байкальской и астрономической обсерватории. В ВСОГО работали пять платных сотрудников, из них три по госбюджету (секретарь, библиотекарь, делопроизводитель). Библиотека насчитывала 36 000 томов, за год было выдано 2 221 книг⁴³.

В 1929 г. началась очередная реорганизация, связанная с укрупнением научных структур. ВСОГО, затем слияния с другими краеведческими организациями, восстановление в 1947 г. Понадобилось много лет, прежде чем ВСОГО смогло по-настоящему возродиться.

Музей. Постановка музейного дела во ВСОГО до революции была не блестящей. Констатируя этот факт, правитель дел ВСОГО И.И. Серебренников писал в феврале 1917 г.: «Дела же творятся в нашем музее! Кто и когда приведет их в порядок?»⁴⁴. Переданные в музей ценные предметы не всегда регистрировались или регистрировались неправильно, условия хранения оставляли желать много лучшего, научной работы над ними не велось⁴⁵. После установления советской власти музей у ВСОГО был изъят. В течение 1921–22 гг. он неоднократно менял свою принадлежность, пока, наконец, в июле 1922 г. не был включен в сеть государственных музеев под названи-

⁴³ ГАИО. Ф. р-565. Оп. 1. Ед.хр.105.

⁴⁴ *Серебренников И.И.* Претерпев судеб удары...

⁴⁵ ИОКМ. Научно-фондовый отдел. Сектор письменных источников. Ф.9904. Оп.1. Ед.хр. 4.

Оборот дореволюционной фотографии, на лицевой стороне которой – археологическая экспозиция музея ВСОИРГО, со штампами разновременной принадлежности. ИОКМ. №328-77.

ем Иркутский государственный научный музей, с подчинением подделу музеев Главнауки. В 1920-е гг. в СССР был зафиксирован количественный рост музеев, причинами которого, в том числе, были подобные реорганизации.

С установлением советской власти Б.Э. Петри «добился весьма крупных сумм на организацию областного музея народоведения <...> В большом по типу Wertheim'a построенном магазине куп[ца] Мерецкого устроили картинную галерею (очень приличную) и туда же перевели всю зоологию и ботанику из музея [Географического] О[бщества]. Таким образом я получил большое здание, много шкапов и богатые коллекции местного отдела [Географического] О[бщества]. Состою заведующим музеем; у меня штат из 6 человек +1 сторож – мои ученики-студенты»⁴⁶.

С самого начала Б.Э. Петри начал вводить практику семинарских занятий на вещественном музейном материале. Распорядительный Комитет ВСОРГО в начале 1919 г. разрешил ему проводить практические занятия со студентами в музее по понедельникам с 2 до

⁴⁶ СПбФ АРАН. Ф.142. Оп.1. (1920). №2.

*Экспозиция Иркутского музея.
1921 г. ИОКМ. №328-79.*

4 ч дня и по субботам от 8 до 10 ч вечера, при условии оплачивать расходы за электричество. Тогда же он со студентами занялся научным определением археологических коллекций музея⁴⁷. В 1925 г. в бурят-монгольском отделе занимались по своим научным темам студенты Р.С. Мырдыгеев, делая зарисовки предметов материальной культуры, Левит с коллекциями по ламаизму. Под руководством Б.Э. Петри три раза в неделю 52 студента хозправфака, поделенные на небольшие группы, проходили там практические занятия. Кроме того, в музее постоянно проводились экскурсии: в октябре 1925 г. бурят-монгольский отдел музея посетили 543 чел., было проведено 18 экскурсий.

Коллекции музея, пострадавшие во время гражданской войны, переездов, ненадлежащих условий хранения приходилось приводить в порядок. Их регистрацию проводили сотрудники музея А.М. Попова, М.М. Герасимов, А.И. Арембовский, О.А. Зеленикина и др. Т.А. Землянички под руководством Б.Э. Петри занимался описанием онгонов, собранных М.Н. Хангаловым. Одновременно практически все, кто выезжал в экспедиции, привозили в Иркутский музей этнографические предметы.

В 1924 г. Иркутским научным музеем заведовал Я.Н. Ходукин, ученым секретарем был Г.П. Сосновский, хранителями отделов: В.С. Буров (зоологического); В.И. Подгорбунский (археологии); К.Н. Померанцев (картинной галереи); А.М. Попова (русского, японско-китайского, туземцев Сибири, объединенных в один отдел этнографии); М.М. Трофимова (исторического); П.П. Хороших (бурят-монгольского). В.В. Рогозов работал препаратором; Ф.Э. Карантонис – инструктором по охране памятников старины⁴⁸.

В 1930-е годы на первый план в работе музея выходит показ социалистического строительства и развития экономики региона, особое

⁴⁷ ГАИО. Ф. р-565. Оп. 3. Ед.хр. 7. Л. 7об.

⁴⁸ ГАИО. Ф. р-565. Оп.2. Ед.хр. 54. Св.3. 1924 г.

значение приобретает антирелигиозная пропаганда, для чего в музее организуется специальный отдел — антирелигиозный. Ранее музеи были вовлечены в нее как бы косвенно, получая церковные строения и «экспонаты», состоящие из богослужебных предметов. Так, с весны 1926 г. у иркутского научного музея появилось древлехранилище — бывшая Тихвинская деревянная церковь 1696 г. в бывшем Вознесенском монастыре в Жилкино в 9 км от центра города. Музей принял иеромонаха Григория Максунова в качестве охранника этого здания, правда, без зарплаты, но зато с правом проживать на территории монастыря, чьи кельи были переданы детскому дому «Трудовая жизнь»⁴⁹. В этой церкви находились церковные же редчайшие предметы преимущественно XVII в., связанные своим происхождением со временем основания монастыря, т.е. ценнейшие источники по истории Сибири. С 1930-х годов антирелигиозное движение стало наступательным, воинственным, приобрело характер «антирелигиозной компании»⁵⁰. И в это движение напрямую вовлекается музей. Сохранился тематический план экспозиции антирелигиозного отдела на семи страницах, написанный А.П. Окладниковым в 1931 г. Усвоив приемы антирелигиозной пропаганды, молодой человек изобразил различные религии мира, начиная с анимизма, представив их в виде трех комплексов по темам: что такое религия; классовая роль религии; происхождение и развитие религиозных воззрений в крае. Среди представленного материала соседствовали археологические экспонаты, православная чудотворная Смоленская икона Божией Матери из Вознесенского монастыря и бурятские онгоны. А.П. Окладников активно подстраивался под антирелигиозную те-

Члены ВСОПГО Ф.Э. Карантонис, Л.Н. Иваньев, В.В. Рогозов. Конец 1920-х гг.

⁴⁹ ИОКМ. Научно-фондовый отдел. Сектор письменных источников. Ф.9904. Оп.1. №5. Л.48.

⁵⁰ ИОКМ. Научно-фондовый отдел. Сектор письменных источников. Ф.9904. Оп.1. №13. Л.5об. и др.

матику, осваивая выделенные средства на по сути археологические экспедиции на верхнюю Лену.

Другой источник денежных средств, которые выделялись через Новосибирск, был связан с проведением работ по охране культурных ценностей, в т.ч. на охрану архитектурных и археологических памятников. Из-за ограниченности бюджетных средств между ВСОРГО и музеем возникали разногласия. По этому поводу Н.К. Ауэрбах советовал Б.Э. Петри: «Из сообщений, идущих из Иркутска, видно, что Музей «обижен» из-за того, что не ему а ВСОРГО передали средства на работу по учету и охране памятников. <...> Средства на археологию так трудно добываются, что если Музей начнет «бузить», то в результате ни Музей, ни ВСОРГО ничего в 1929 г. на работу не получит. Поэтому дайте добрый совет и ВСОРГО и Музею придти к обоюдному соглашению. Мне лично думается, что работа должна вестись обоими организациями в междуведомственной комиссии, а учетные материалы храниться в Музее»⁵¹.

Тунгусская экспедиция особо выделяется среди экспедиций, снаряженных музеем. В иркутской газете «Власть труда» от 24.08.1930 г. сообщалось об экспедиции на Нижнюю Тунгуску, причем цель экспедиции не скрывалась: «Заграничные музеи и университеты предъявляют спрос на научное сырье. Госторг делает первый опыт организованного опыта коллекций, собранными специалистами и сопровождающихся научным описанием»⁵². Этнографическая экспедиция была спланирована Обществом изучения Сибири по договору с Госторгом, который ее финансировал. В ней приняли участие сотрудники музея П.П. Хороших и П.Г. Полтораднев.

В 1929 г. сибирское государственное экспортно-импортное торгово-заготовительное Акционерное общество «Сибторг» предложило краеведческим организациям опробовать новую статью валютных поступлений. Речь шла о продаже сибирских культурных ценностей за границу⁵³. В поисках средств на проведение аварийных археологических раскопок ученый секретарь Общества изучения Сибири (ОИС) Н.К. Ауэрбах пошел на компромиссный шаг, выступив инициатором таких исследований в ОИС, которое координировало работу других научных и краеведческих организаций в Сибири. Этнографические и археологические коллекции рассматривались как новый вид экспорта для Сибирского края. Активное научно-организационное участие в этой работе приняли зав. отделом этнологии Новосибирского музея Е.Н. Орлова и директор Томского краевого музея М.Б. Шатилов. На

⁵¹ ИОКМ. Научно-фондовый отдел. Сектор письменных источников. Ф.9904. Оп.1. №101.

⁵² ГАИО. Ф. р-565. Оп.2. Ед.хр. 152. Л.11.

⁵³ *Вдовин А.С., Китова Л.Ю.* О продаже за границу сибирских археологических и этнографических коллекций в 20–30-е гг. XXв. // *Вестник Красноярского гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева.* Красноярск, 2010. №2.

этнографическую часть проекта (экспедиции к тунгусам, алтайцам, шорцам и др.) выделялось 50 000 руб. В Сибири к работе по сбору коллекций на экспорт привлекались девять музеев, в т.ч. Иркутский, отделы Географического Общества, краеведческие организации. Им были разосланы планы и инструкции по сбору этнографических коллекций по списку: жилище, одежда, пища, домашняя утварь, способы передвижения, воспитание ребенка, верования, искусство, кустарная промышленность. Одна экспедиция должна была вывезти от 600 до 1200 экспонатов. Кроме материальных предметов, принимались фотографии этнографического содержания, сделанные в экспедиции, в количестве 250–300⁵⁴.

Тунгусская экспедиция была одной из первых в этом ряду, ее планировалось провести с 5 июня по 1 октября 1930 г. Коллекции должны были быть в Новосибирске не позднее 15 ноября 1930 г. Забегая вперед, отмечу, что сроки не были выдержаны. Сотрудники музея П.П. Хороших и П.Г. Полтораднев выехали из Иркутска с большим запозданием, 24 июня 1930 г. Экспедиция выехала налегке, без одеял, продуктов, теплой одежды – все это обещали доставить на Севере⁵⁵. Из Киренска экспедиция выехала на с. Подволочное в верховьях Нижней Тунгуски прямо через хребет, старым волоком, объединившись с экспедицией по изучению рыболовства на Нижней Тунгуске, которую возглавлял Г.В. Моралевич. Вместе они приобрели лодку. «Напрягаем все усилия, чтобы 15–16 июня быть в Эрбогачене, т.к. там в это время будет суглан», – сообщал П.П. Хороших в открытке на адрес Н.Н. Козьмина. В Эрбогачен удалось прибыть только 29 июля. От Туры до Туруханска экспедиция шла на плотках из-за сильного встречного ветра. В Иркутск 23 сентября 1930 г. пришла телеграмма из Туруханска: «Возвращаемся, делаем недельную остановку Красноярске. Хороших». На телеграмме рукой неизвестного, возможно, Н.Н. Козьмина, которому адресовалась предыдущая корреспонденция, написано: «Очень быстро продан маршрут»⁵⁶. 14 февраля 1931 г. в Иркутске, в ОИС было собрано специальное расширенное совещание по новому экспорту при Востсибкрайторгделе. К этому времени экспедиция П.П. Хороших и П.Г. Полтораднева уже вернулась.

Участники экспедиции собрали более 400 отдельных предметов по хозяйственному быту тунгусов р. Нижняя Тунгуска, наиболее ценные предметы – по охоте и оленеводству. Было сделано 275 фотоснимков: типы населения – 35, жилище – 40, оленеводство – 45, средства передвижения – 20, кустарная промышленность – 15, виды

⁵⁴ Акулич О.А. Иркутский областной краеведческий музей и власть: 1930-е годы (по материалам ГАИО) // Краеведческие записки ИОКМ. Иркутск: ИГ СО РАН, 2002. Вып.9.

⁵⁵ ГАИО. Ф. р-565. Оп.2. Ед.хр.35. Л.38, 30.

⁵⁶ ГАИО. Ф. р-565. Оп. 2. Ед.хр. 35. Л.53, 41.

местности — 35, предметы обихода — 15. Было отмечено, что «население неохотно расстается со старинными предметами обихода»⁵⁷. В факториях Госторга не хватало табака, чая, мануфактуры, а деньги здесь были не в ходу. В общем со сбором коллекций дело обстояло удовлетворительно, но не удалось купить полный летний и зимний национальный костюмы. Собранные коллекции были упакованы в 15 ящиков общим весом более 500 кг и переданы в фактории Госторга в Ербогачене и в Наканно по накладной для отправки их в Иркутск зимним путем. В дальнейшем на запросы из Новосибирска иркутяне-музейщики и всорговцы ничего не могли ответить, т.к. П.П. Хороших оказался под арестом 18 февраля 1931 г. по обвинению в участии в карательных отрядах и антисоветской деятельности⁵⁸.

Деятельность экспедиций от ОИС для «Новоэкспорта» была свернута уже в 1931–1932 гг., причем она получила негативную политическую окраску⁵⁹. Большая часть археологических и этнографических коллекций осталась невостребованной и поступила в МАЭ и другие центральные музеи. Обширная фотоколлекция из Нижнетунгусской экспедиции 1930 г. хранится в фондах ИОКМ. Стекланные фотопластинки недавно были сканированы в рамках международного проекта⁶⁰.

Гонения на краеведение и этнографию в конце 1920-х—начале 1930-х гг. привели к кардинальному изменению ситуации с научными музеями и к коренной ломке их работы. В их руководстве стали появляться «выдвиженцы», научно-исследовательская и экспедиционная работы были свернуты. Динамику изменений в Иркутском музее, вызванную политическими запросами, лучше всего передает изменение его структуры: если в начале 1920-х гг. в музее были отделы естественный и народоведения, то в 1936 г. работали отделы историко-революционный (с секторами археологии, этнографии, гражданской истории) и социалистического строительства⁶¹, т.е. цели политической пропаганды стали основными в музейной работе.

В целом музей сыграл свою роль в развитии этнографических исследований, поскольку его сотрудники принимали активное и неформальное участие в собирательской и научно-исследовательской работе, будучи тесно связанными с университетом и ВСОРГО. От

⁵⁷ ГАИО. Ф. р-565. Оп.2. Ед.хр.35. Л.53–54.

⁵⁸ *Савельев Н.А., Пержакова А.С.* Иркутская школа палеоэтнологии. Павел Павлович Хороших (1890–1977). Жизненный путь // Вузовская научная археология и этнология. С. 89–98.

⁵⁹ *Вдовин А.С., Китова Л.Ю.* О продаже за границу сибирских...

⁶⁰ *Манушкина Е.Г., Сирина А.А.* Международный проект «Архивы в опасности»: некоторые итоги работы с фотоколлекциями Иркутского областного краеведческого музея // Краеведческие записки /ИОКМ. Вып.13. Иркутск: ИГ СО РАН, 2006. С. 35–50.

⁶¹ ИОКМ. Научно-фондовый отдел. Сектор письменных источников. Ф.9904. Оп.1. №23. Л.2.

этого взаимодействия выиграл музей, т.к. в его фонды поступили новые ценные коллекции по шаманству, детской этнографии, по ямщине, по другим малоизвестным аспектам жизни и быта населения Прибайкалья и Забайкалья. Хотя между этими организациями проявлялись элементы конкуренции за доступ к денежным ресурсам, объективно они работали в одном направлении изучения культур народов Восточной Сибири.

Изучение народного искусства. Художники и этнография. Значительное развитие в 1920-е гг. в Иркутске получила тема народного искусства, как русского, так и азиатских народов Сибири (работы Д.А. Болдырева-Казарина, Б.В. Шевякова, П.П. Хороших, Р.С. Мэрдыгеева и др.).

Народным искусством, в т.ч. народной архитектурой русского населения Сибири специально занимались Б.И. Лебединский и Г.А. Леонов. Г.А. Леонов, еще будучи студентом, в долине р. Кондомы (Западная Сибирь) в 1924 г. делал зарисовки прялок, копировал вышивки и детали костюма, записывал сведения о технологии народного искусства и сведения о народных художниках. Он изучал также деревянную крестьянскую скульптуру (дуги, скалки, киоты и пр.). Кроме того, он стремился выяснить, как понимает искусство местное население, как оно относится к художникам. Те же вопросы разрабатывались им во время командировки на реку Имим в 1929 г. Известный художник Б.И. Лебединский тесно общался с иркутскими этнографами Г.С. Виноградовым, Я.Н. Ходукиным, принимал участие в нескольких экспедициях, делал зарисовки народного быта и народной архитектуры, опубликовав на эту тему ценную статью в «Сибирской живой старине».

Внимание к изобразительному творчеству коренных народов Сибири, ламаизму и шаманству, детскому рисунку проявляли ряд иркутских ученых в рамках этнологических исследований⁶². В декабре 1922 г. состоялась выставка «изобразительных искусств монголо-бурят», устроенная ВСОРГО на основе этнографических коллекций Иркутского научного музея. Главное место занимали образцы народного орнамента прибайкальских и забайкальских бурят. Прибайкальские буряты были представлены экспонатами рисунков детей с о. Ольхона, брошюрой Б.Э. Петри «Орнамент кудинских бурят», небольшими частными собраниями, а забайкальские — коллекциями А.Н. Турунова и С.Н. Дудина, буддийской иконографией из собрания Карантониса. Ее организаторами были П.П. Хороших и А.Н. Турунов. На открытии выставки были прочитаны публичные лекции. Первая лекция Б.Э. Петри «О значении изучения народного искусства». Вторая лекция была прочитана известным иркутским

⁶² Петри Б.Э. Орнамент кудинских бурят. Пг., 1918. Т.5; Петри Б.Э. Народное искусство в Сибири. Иркутск: Сибгосиздат, 1923.

художником-педагогом, чье имя сегодня носит Иркутское училище искусств, заведующий первой иркутской художественной мастерской-студией И.Л. Копылов «Орнаментальное искусство (потенциальные творческие силы народа и искусство городов)». Другая выставка была приурочена к I Восточно-Сибирскому краеведческому съезду, прошедшему в Иркутске в 1925 г. В марте 1926 г. в музее открылась выставка сойотского искусства.

Активная деятельность ученых в области искусства «туземных народов» нашла отражение в творчестве иркутских художников. Заслуга в проникновении этнографической тематики в изобразительное искусство иркутских художников и краеведов в значительной степени принадлежит И.Л. Копылову. Он ввел в своей художественной студии специальный курс этнографии местного края (читал курс безвозмездно Г.С. Виноградов), установил контакты с ВСОРГО и этнографическим отделением педфака. Это было связано с витавшей в художественной среде того времени идеей об особом сибирском стиле, который мог быть создан в результате слияния европейской художественной культуры с особенностями народного искусства азиатских народов Сибири. Уже в 1922–23 гг. в работах питомцев этой студии зазвучали сибирские этнографические мотивы. В художественной студии учился студент, ставший известным бурятским художником, Р.С. Мырдыгеев⁶³, этнограф, художник, преподаватель П.Ф. Требуховский, который посвятил статью о детском рисунке народов Сибири любимому учителю. Обе статьи являются украшением данного сборника. П.П. Хороших уделял особое внимание сбору детских рисунков бурят.

Обостренное внимание к творчеству народов Сибири было свойственно тому времени вообще: некоторые красноярские художники принимали участие в экспедициях Приполярной переписи, вели этнографические наблюдения и оставили замечательные рисунки, иллюстрирующие жизнь и быт северных народов⁶⁴.

Идея об особом сибирском стиле не исчерпала себя, в полной мере проявившись в конце XX — начале XXI вв. в т.н. стиле «сибирской неоархаики», в обращении художников к археологическим, этнографическим, включая мифологические, корням⁶⁵.

⁶³ Лыхин Ю.П. Иркутские художники 1920-х годов и краеведение // Иркутское краеведение 20-х. Ч.1. С. 107.

⁶⁴ См., например: Ломанова Т.М. Этнография народов Севера в творчестве А.П. Лекаренко (по материалам поездки художника с Туруханской приполярной переписью) // Туруханская экспедиция Приполярной переписи: этнография и демография малочисленных народов Севера. Красноярск: КККМ, 2005.

⁶⁵ Кичигина А.Г. Неоархаика в контексте современной региональной культуры. Основные характеристики и анализ на примере современного искусства Сибири. Омск, 2011.

«Государственная», или прикладная, этнография. Комитет Севера. Когда была определена особая группа «малых» народов как объекта специального внимания советского государства и национального строительства, 20 июня 1924 г. был создан Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК (Комитет Севера). Комитет Севера при исполнительном комитете Иркутской губернии возник как одно из отделений центрального Комитета⁶⁶, и был одним из наиболее активных региональных Комитетов. Советская политика 1920-х гг. была направлена на создание этнотерриториальных образований. Изменилась идеология этнографических исследований, когда наука прямо призывалась на службу практике, становясь элементом социальной инженерии. В историографии постсоветского времени, с подачи зарубежных ученых, занимающихся историей советского строительства на Севере, появился термин «государственная» этнография⁶⁷. Работа по заказу органов государственной власти хорошо финансировалась и составляла важное направление этнографических исследований в 1920-х—начале 1930-х гг. Нашупывая объекты преобразований, в течение 1925–1926 гг. Иркутский Комитет Севера организовал, вместе с Обществом Красного Креста, несколько экспедиций к карагасам (тофаларам), окинским сойотам (Б.Э. Петри), верхнеленским (Е.И. Титов) и илимским тунгусам (Я.Н. Ходукин), а также от Сибирского Комитета Севера к туруханским тунгусам (Н.П. Попов).

К этому направлению научно-практической деятельности были привлечены Б.Э. Петри, В.Ч. Дорогостайский, К.Н. Миротворцев, Я.Н. Ходукин, — люди, имевшие активную жизненную позицию, склонность к практической работе и которым было тесно в рамках преподавания и чистой науки. Для целей Комитета Севера работали представители окружного земельного управления В.А. Некипелов и И.П. Копылов. Осознавая возможные негативные последствия политического заказа на жизнь народов Севера, они, тем не менее, не могли или не хотели отказаться от участия в этой работе, поскольку искренне считали, что проведенные ими научные исследования пригодятся при выработке наиболее безболезненных вариантов преобразований⁶⁸. Б.Э. Петри был одним из самых активных ученых, работавших по заданию Комитета Севера в Иркутске. Научно-практическая деятельность захватила всю его энергию и время, так

⁶⁶ См. подробнее в: *Ходукин Я.Н.* Тунгусы реки Коченги // Сборник трудов проф. и препод. ИГУ. Т.12. Иркутск: ИГУ, 1927. С. 365–391.

⁶⁷ *Андерсон Д.Д.* Экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск, 1998.

⁶⁸ *Ходукин Я.Н.* Тунгусы реки Коченги.

что его ученик, археолог Г.П. Сосновский заметил в 1928 г.: «вы как будто отходите от доистории»⁶⁹.

В 1925 г. карагасская экспедиция, в которую вошли Б.Э. Петри, врач И.П. Карпов и санитар Н.С. Пугачев, выехала из с. Тулун в места кочевий восточной и западной групп карагас, горнотаежным охотникам-оленеводам. На всем протяжении пути карагасам предлагалась бесплатная медико-санитарная помощь, в частности, оспопрививание. Главным результатом экспедиции были новые данные об охоте, оленеводстве, землепользованию и бюджетам, но они не были самоцелью и не служили для построения научной теории. Главная их ценность в то время заключалась в определении места под будущую культбазу. Б.Э. Петри гордился проведенной работой и сделанными на ее основе, при больших финансовых вливаниях государства, коренными преобразованиями жизни карагас: «...маленький народ карагасы казался должен был вымереть бесследно; но за три года на прежде пустынном лугу у подножия Саян при слиянии Уды и Кара-Бурени выросла карагасская культбаза — Алыгджер — школа, медпункт, кооператив, и 20 домов для осевших карагас. Установлены точные границы охотугодий. Самая маленькая в мире республика в пределах одного сельсовета «Карагасия» — мечта, воплотившаяся в действительность в течение только трех лет»⁷⁰. Б.Э. Петри переоценивал готовность карагас к переходу к оседлости, занятиями скотоводством и жизни «отдельными хуторами», но такие выводы вполне согласовывались с политическим заказом и целями Комитета Севера.

Летом 1926 г. Б.Э. Петри возглавил сойотскую экспедицию, снаряженную в верховья рек Иркут и Ока, где жили окинские сойоты. Его спутниками были этнограф П.Г. Полторацнев и врач С.Д. Ставиский. Хозяйство и культура окинских сойот под влиянием ассимиляции в бурятской среде изменились. Экспедиция застала и зафиксировала эту неоднородность: было выделено несколько хозяйственных типов, один из которых, переходный от оленеводства к скотоводству при сохранении роли охоты особенно заинтересовал Б.Э. Петри. Ученый предложил взять его за основу при планировании оседания и коллективизации малых народов Севера⁷¹. По такому же сценарию был построен процесс оседания у тофаларов и тутуро-очеульских эвенков. Окинские сойоты и их уполномоченные Ж. Дамбаев и С. Бадмаев проявили редкую активность. Верхом на лошадях, преодолевая большие расстояния, они несколько раз

⁶⁹ ИОКМ. Научно-фондовый отдел. Сектор письменных источников. Ф.9904. Оп.1. №100.

⁷⁰ ГАИО. Ф.р-1468. Оп.1. Ед.хр.26. Л.50–55.

⁷¹ *Петри Б.Э.* Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах (предварительные данные) // Сборник трудов проф. и препод. ИГУ. Т.12. Иркутск, 1927. С. 217–226.

приезжали в Иркутск, вынудив Б.Э. Петри стать их «адвокатом». Вопрос «о выделении их в самостоятельную административную единицу с распространением на них всех прав и преимуществ для малочисленных народностей Севера» рассматривался на заседании Комитета Севера при Президиуме ЦИК БМАССР в марте 1929 г.⁷² Однако положительного решения не было принято; лишь в 2000 г. благоприятная ситуация позволила включить окинских сойот в перечень коренных малочисленных народов России, а Окинский район республики Бурятия объявить национальным.

Я.Н. Ходукин наблюдал другой вариант ассимиляции среди илимских тунгусов (эвенков), испытавших сильное культурное влияние русской земледельческой культуры. Его экспедиция 1926 г. изначально планировалась к группе тунгусов, проживавших по притоку р. Лена Куте, но кочевники-тунгусы, спасаясь от последствий гражданской войны, откочевали в верховья Нижней Тунгуски и на ее приток Непу. Экспедиции пришлось изменить маршрут и отправиться на р. Коченга, к оседлой группе илимских тунгусов, в дореволюционное время состоявших в ведении Илимской инородной управы. Публикация Я.Н. Ходукина осталась единственным материалом о прежде неизвестной группе из региона, ныне затопленного водами Усть-Илимской ГЭС. Подробный отчет стал для Комитета Севера основанием для исключения этой обрусевшей группы тунгусов из сферы его деятельности.

Работа «государственными этнографами» привела к дополнению или пересмотру методологических подходов и методов в изучении человеческих сообществ. В дореволюционное время этнография Сибири занималась в основном темами, характерными для классической эволюционистской этнографии: происхождением и развитием семьи (социальной организации) и историей и развитием религиозных верований. Практическая деятельность по обследованию народов, получивших статус «малых» и нуждавшихся в практической помощи государства, заставила ученых обратить внимание на этнографию современности, в первую очередь на хозяйство и материальную культуру. Это не могло пройти незамеченным для самих исследователей: «...если раньше каждый новый добытый факт был тем ценнее и интереснее, чем больше следов давности таил он в себе, то теперь нас интересуют преимущественно те факты, которые дают ключ к правильному пониманию основных пружин,двигающих хозяйство туземцев»⁷³. В связи с этим взгляды Б.Э. Петри на предмет и задачи этнографии претерпели существенную эволюцию: от

⁷² ГАИО. Ф. р-1468. Оп.1. Ед.хр.22.

⁷³ *Петри Б.Э. Этнография и современность. Иркутск, 1927. С. 7, 11; Сирина А.А. Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э. Петри // Репрессированные этнографы. М: Вост. лит. РАН, 1999.*

сознания того, что его работы «лишены практического значения» он пришел к выводу: «...не пора ли закончить период исследований и приступить к реальному содействию⁷⁴».

В 1926 г. в связи с упразднением губерний и образованием округов Комитет Севера при Иркутском окрисполкоме был расформирован. Взамен был учрежден Комитет Севера при Киренском окрисполкоме, сфера работы которого охватывала группу тунгусов (эвенков) Киренского округа (верховья р. Нижняя Тунгуска). В мае 1927 г. в Иркутском и Тулуновском округах при исполкомах были созданы должности Уполномоченных Сибирского Комитета Севера⁷⁵. В ведении уполномоченного Иркутского Комитета Севера находились качугские тунгусы (до революции относились к Очеульской и частично к Киренско-Хандинской инородным управам). Малоизученность народов Севера и неизбежность намеченных государством преобразований потребовала объединения усилий разных учреждений и специалистов. Поэтому при Иркутском Уполномоченном Комитета Севера осенью 1927 г. был создан совещательный орган, в состав которого вошли шестнадцать иркутских ученых и практиков. Большинство из них работали в Иркутском университете, трое – в Переселенческой партии, по одному – во ВСОРГО, Охотсоюзе, Окроно и Окраздраве. Работа Совещания проходила в четырех секциях: экономической (Б.Э. Петри), правовой (Черепяхин), здравоохранения (Рубцова) и народного образования (Ходукин). В экономической секции работали К.Н. Миротворцев, Зубков, В.А. Некипелов и И.П. Копылов.

На заседаниях Совещания рассматривались важные вопросы, решение которых нужно было соотносить с поставленными на тот момент задачами национальной политики и социалистического строительства. Обсуждения проходили в жаркой полемике. Например, представители Комитета Севера выступали за резервирование за группой тутуро-очеульских тунгусов особой территории, в то время как представители Переселенческой партии не считали это возможным⁷⁶. Возобладала точка зрения Б.Э. Петри, придерживавшегося официальной линии Комитета Севера на создание культбаз, очень похожих на резервации. Культбаза должна была стать самоокупаемым центром оседания, медицинской помощи и образования у народов Севера. С изменением политическими акцентов в 1932 г. его работа «Проект культбазы у малых народов Севера» подверглась уничтожающей критике за то, что культбаза не рассматривалась ученым как орган диктатуры пролетариата⁷⁷.

⁷⁴ *Петри Б.Э.* Карагасский суглан. Иркутск, 1927. С. 38.

⁷⁵ ГАИО. Ф. р-538. Оп.1. Ед.хр.24. Л.15.

⁷⁶ ГАИО. Ф. р-1468. Оп.1. Ед.хр. 14. Л.17.

⁷⁷ *Сирин А.А.* Забытые страницы сибирской этнографии...

Место для строительства культбазы у тутуро-очеульских тунгусов было определено не сразу. Этому предшествовали экспедиции В.А. Некипелова и И.П. Копылова, Б.Э. Петри. Совещание предложило провести экспедицию в расширенном составе: Б.Э. Петри, врача М.А. Акулина (от РОККа) и охотоведа И.И. Коротина (от Сибзема). В июле 1928 г. экспедиция выехала из Иркутска в верховья рек Лены и Киренги⁷⁸, имея задание обследовать тутуро-очеульскую группу тунгусов в экономическом, бытовом и медико-санитарном отношении с целью организации у них охотхозяйства и постройки культбазы. Основным занятием стойбищных объединений тутуро-очеульских тунгусов была охота, некоторые семьи держали оленей и/или крупный рогатый скот. Экспедиция в полном составе прошла Тутурский район, а в Киренгском районе разделилась: охотовед Коротин с двумя проводниками отправился в гольцы для обследования мест зимней охоты тунгусов на вершине р. Киренги, Тонгоды, Чимбурчана и Лены. Затем члены экспедиции еще неоднократно перегруппировывались, чтобы охватить обследованием все тунгусские стойбища. Б.Э. Петри побывал в верховьях Лены у дудовских и чанчурских тунгусов. По возвращении в Качуг были подытожены важнейшие результаты работ и сделан доклад в райисполкоме⁷⁹. Таким образом, формально (да и неформально) вопрос прорабатывался на всех уровнях: в экспедициях на отдаленные стойбища, на Тунгусских сугланах 1928–29 гг., на заседании Президиума Иркутского окрисполкома. Вопрос о выборе места под строительства культбазы был решен экспедицией в пользу Вершино-тутурского стойбища. Б.Э. Петри последовательно отстаивал свой выбор, хотя ни желания переселяться, ни единства мнений по этому вопросу среди тунгусов не было и быть не могло. Это показали горячие прения на тунгусском суглане 25 февраля 1929 г., где Б.Э. Петри выступил с докладом «О выборе территории для тутурских тунгусов». На суглане в результате голосования тунгусов 27 голосов были отданы за Киренгский район, и 35 за Тутурский. Как честный человек и как ученый, Б.Э. Петри не утаил от коллег имевшиеся разногласия: «Но не следует закрывать глаза на то, что к единогласному решению о выборе места для культбазы тунгусы не пришли. При объезде экспедиции тунгусы высказывались всегда за устройство культбазы на тех стойбищах, где опрашиваемые жили»⁸⁰.

Статистико-экономические исследования среди малых народов Севера 1920-х – начала 1930-х гг. не избежали «политического заказа», преследуя определенную цель: решение всех вопросов изме-

⁷⁸ ГАИО. Ф. р-1468. Оп.1. Ед.хр.13. Л.50, 57.

⁷⁹ ГАИО. Ф. р-1468. Оп.1. Ед.хр. 31.

⁸⁰ ГАИО. Ф. р-1468. Оп.1. Ед.хр. 22. Л.64–67.

нения жизненного уклада туземцев в сторону улучшения виделось в предстоящей коллективизации⁸¹.

Перспективы, намеченные в Комитете Севера, во многом разбивались о неготовность «подопечных» государства жить по установленным извне правилам. Положение дел на строящейся культуре было не блестящим. В письме к Б.Э. Петри от 5 февраля 1930 г. из Тутуры неизвестный корреспондент сообщал: «В кооперации не все благополучно. У заведующего лавкой в Тутуре выявилась недостача на сумму 229 руб., у заведующего лавкой в Дудовке на сумму 561 руб., да плюс за ним долгу на 300 руб. Оба, Зуев Поликарп и Дорофеев Николай, с работы сняты и предаются суду. В Тутуре за неимением подходящих людей лавку временно принял Харитон Харитонович. В Дудовке, так же временно, лавка передана бывшему председателю сельсовета, фамилию забыл.

Пушнины заготовлено всего на сумму 16.830 руб. Или 70% плана. Особенно скверно идут заготовки в Дудовке. Пушнины тут заготовили всего на 2.700 руб. Задолженность поступает очень слабо. Паевые взносы также поступают плохо. Средний пай выражается в 17 руб. 20 коп. на пайщика. Есть тунгусы, которые совсем не состоят пайщиками. Есть сведения что некоторые тунгусы имеют на руках белку, но почему-то ее не сдают. Приезжал в Тутуру агент Госторга Арикияну, который приехал вечером, в ночь собрал пушнину и рано утром уехал. Сколько собрал неизвестно. Говорят полный куль.

Снабжение проходит сносно. Сейчас имеется: масло, сахар, чай, табак, нитки, мука ржаная, пшеничная и сеенка, овес и проч[ие] товары. Недостаток в мануфактуре. Со своей стороны полагаю что тунгусам обижаться на снабжение не приходится. Верно, бывают временные перебои в снабжении, но это зависит от общего положения»⁸².

Другая важная тема в работе Комитета Севера и ученых, с ним связанных — о взаимоотношении с русским населением. «В 1920-е годы, — замечает В.А. Шнирельман, — был найден простой ответ на «отсталость» и пр. национальных меньшинств: имперская политика старого режима, русская колонизация, насильственная христианизация и русификация»⁸³. Риторика жалоб на русское промысловое население и русское население вообще, захватывавшее таежные угодья, соседствовала с ясно выраженным нежеланием отделяться в особый район-резервацию, что было отмечено в отчетах исследователей, но противоречило официальному курсу: «Даже в том случае, если стойбища оказывались заселенными наполовину и более русскими и в

⁸¹ Сирина А.А., Рагулина М.В. Землеустройство коренных народов... С. 12.

⁸² ГАИО. Ф.р-1468. Оп.1. Ед.хр. 22.

⁸³ Шнирельман В.А. В поисках самобытности...

русском окружении как Тырка (7 тунгусских и 7 русских хозяйств) или Дудовка (11 тунгусских и 22 русских), все равно тунгусы уверяли, что лучше их стойбища места не найти»⁸⁴. Такая ситуация была везде в местах исторического соседства с русским старожильческим населением, — например, в верховьях р. Нижняя Тунгуска. И все же Б.Э. Петри искренне видел в русских крестьянах и «тунгусниках» главное зло для «туземцев». В докладе о состоянии тунгусской школы-интерната в с. Бутаково Качугского района на совещании в секции народного образования при Иркутском Уполномоченном Комитета Севера он замечал: «Особо следует обратить внимание на засорение туземного состава учащихся чуждым по национальности элементом. <...> Поскольку мы стремимся создать чисто туземную национальную школу, нет никакой надобности денационализировать ее посторонними включениями»⁸⁵. Б.Э. Петри видел ответ на проблему «отсталости» «малых народов» во влиянии соседей, рассматривая этническую группу как единое целое. Внутреннее расслоение туземного общества на классы он, несмотря на политический заказ, кажется, даже не рассматривал.

Противоположные или не во всем совпадающие с официальной линией мнения исследователи высказывали крайне осторожно. Землеустроительная экспедиция И.П. Копылова по разграничению территорий между эвенками и русскими старожилками верховьев р. Нижняя Тунгуска в своем подробнейшем отчете отметила «исторически сложившиеся реалии в землепользовании, которые нельзя было не учитывать»⁸⁶. Таким образом, хотя в те годы члены экспедиций к северным народам имели на руках определенные инструкции, не все следовали им буквально. Это зависело от личной позиции ученого, его отношения к происходящему, что отмечено и другими исследователями сибирского Севера⁸⁷. Экспедиция И.П. Копылова не смогла найти и резкого классового расслоения среди тунгусов, на фактах показав, что благополучие тунгусов этого района основано почти исключительно на результатах охотничьего промысла, а не на количестве оленей, которых планировалось обобществить, и не на факте эксплуатации.

Совещание при Уполномоченном Комитета Севера в Иркутске играло роль своеобразного фильтра при принятии окончательных

⁸⁴ ГАИО. Ф. р-1468. Оп.1. Ед.хр. 22. Л.64–67.

⁸⁵ ГАИО. Ф. р-1468. Оп.1. Ед.хр. 26. Л.50–55.

⁸⁶ Копылов И.П., Погудин А.А., Романов Н.Я. Промысловое хозяйство...

⁸⁷ Данилейко В.А. Государственная этнография, или отражение процесса социалистического строительства на Приенисейском Севере, в работах этнографов конца 1930-х гг. (к постановке вопроса) // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. Т.2: Гуманитарные и естественные науки. 2011. №3 (17). С. 122–127.

решений по многим вопросам, связанным с северными народами. На Совещании рассматривалось и не прошло предложение о создании при Иркутском университете особого отделения для «туземцев». Вместо этого Б.Э. Петри предложил создать стипендии для обучения тунгусов при педагогическом и медицинском техникумах и на рабфаке⁸⁸. И это был верный подход, поскольку в то время представители малых народов еще не были готовы к университетскому обучению на особом отделении. После обсуждения на Совещании не были поддержаны планы Сибирского Комитета Севера переселить качугских и верхнеленских тунгусов в среднее течение р. Нижняя Тунгуска; планы по строительству для них «длинных домов» прямоугольной формы по типу домов американских индейцев-ирокезов.

Витимскую экспедицию Сибирский Комитет Севера планировал провести еще в 1927–1928 гг., на нее даже были выделены средства в размере 2000 руб.⁸⁹. Экспедиция состоялась в 1929 г.⁹⁰. Ее целью был сбор материалов о населении и экономике округа для земледовоохотустройства «туземцев». В середине 1930 г. Комитет Севера планировал повторную экспедицию для выяснения роли охотпромысла, организации артели и снабжения тунгусов, определения места для строительства культбазы, все — по вышеописанному сценарию⁹¹. Пока только два документа подтверждают эту экспедицию, — телеграмма из Бодайбо в Иркутский Крайплан, адресованная Гаврилову: «Муе Каларе была экспедиция Петри, Петри болен остался Муе, Романовке второго фамилия неизвестна конце сентября приехал Иркутск. Экспедиции Сердитых сведений нет»⁹². Второй — фотографии с автографами Б.Э. Петри на страницах фотоальбома из экспедиции Восточно-Сибирского Госземтреста в Тунгиро-Олекминский район (Витимо-Олекминский туземный округ) Восточно-Сибирского края в 1931–1932 гг.⁹³.

В связи с новыми экономическими задачами государства и изменением политики в отношении нацменьшинств в 1935 г. Комитет Севера

⁸⁸ ГАИО. Ф. р-1468. Оп.1. Ед.хр. 14. Л.4.

⁸⁹ ГАИО. Ф. р-1468. Оп.1. Ед.хр.1. Л.18, 22. Средства не были израсходованы, и источник рекомендовал оставить их в резерве на 1928–1929 гг.

⁹⁰ Волжанина Е.А., Инешин Е.М. Материалы пропавшей экспедиции // Известия лаборатории древних технологий. Вып.9. Иркутск: ИрГТУ, 2012. С. 155–157.

⁹¹ ГАИО. Ф. р-565. Оп.2. Ед.хр.152. Л.15.

⁹² ГАИО. Ф. р-565. Оп.2. Ед.хр. 33. Л. 140. На телеграмме нет года, но его удалось определить по косвенному упоминанию экспедиции Сердитых, которая работала на Витиме в 1930 г.

⁹³ Витимо-Олекминская экспедиция Восточно-Сибирского Госземтреста Альбом из экспедиции, состоящий из 96 фотографических карточек географического и этнографического содержания, часть подписей выполнены рукой Б.Э. Петри // ИОКМ. Книжный фонд. №30100. 91(084).

был ликвидирован, работа по землеустройству с целью выделения особых туземных территорий прекратилась, а к концу 1930-х гг. были ликвидированы многие из созданных ранее национальных районов.

Участие иркутских этнографов, охотоведов, землеустроителей в работе Комитета Севера принесло важные научные и практические результаты. Во-первых, было обращено внимание на прежде малоисследованные народы тайги. К ним за 1924–1931 гг. было снаряжено порядка десяти экспедиций по линии Комитета Севера⁹⁴. Приоритетными темами стали непопулярные прежде: землепользование, хозяйство и бюджет, бытовые особенности, включая жилищные условия и медицинское состояние «малых народов» Севера. В 1930-х гг. они дополнились изучением социальной организации — темы хорошо знакомой по эволюционистской этнографии, но поставленной с практической целью выявления в среде этнических групп Севера классового расслоения. Появилась установка на комплексность исследований: от ресурсной основы до социально-экономических и культурных особенностей населения, тесно связанного с территорией⁹⁵. Этнографическая составляющая в землеустроительных экспедициях приобрела исключительно важный характер. Рекомендации к проведению землеустройства базировались на подлинных, собранных по определенной программе и с использованием различных методов, в т.ч. и похозяйственных карточек, сведениях⁹⁶. Необходимость обеспечения медицинской помощью, а также всеобщего бесплатного образования положила начало исследованиям медицинского состояния и образования северных народов. Ученые участвовали в налаживании государственной системы организации пушного хозяйства, системы снабжения и самоуправления.

Были выработаны новые методы обследования, обусловленные стоящими перед исследователями задачами. Б.Э. Петри предложил метод обследования целых народностей. Он был найден опытным путем, апробирован в экспедициях, снаряженных и финансируемых Комитетом Севера и в 1926 г. был представлен для обсуждения на I Всесибирском краеведческом съезде⁹⁷. Объектами исследований становились отдельные этнографические группы. Ученый предлагал ввести в этнографические исследования плановость, «разбить»

⁹⁴ По их итогам опубликованы отчеты и научные работы: Б.Э. Петри (четыре экспедиции), И.П. Копылова (две экспедиции), Я.Н. Ходукина (одна экспедиция). В архивах хранятся отчеты Е.И. Титова, В.А. Некипелова.

⁹⁵ *Копылов И.П.* Тунгусское хозяйство Лено-Киренского края (по данным статистико-экономического обследования). Новосибирск, 1928.

⁹⁶ *Сирина А.А., Рагулина М.В.* Землеустройство коренных народов... С. 4,6.

⁹⁷ *Петри Б.Э.* Задачи дальнейшего исследования туземцев Сибири и метод обследования целых народностей // Труды Первого Сибирск. краеведч. научно-исследоват. съезда. Новосибирск, 1928. Т.5.

Сибирь на «квадраты» по географическому и национальному признакам и планомерно изучать их в соответствии с приемами статистико-экономических обследований⁹⁸. Экономическое обследование велось по выработанной Петри совместно с К.Н. Миротворцевым программе, рассчитанной «применительно к хозяйству малых народностей тайги»⁹⁹. Медико-санитарное обследование велось по программе профессора Н.М. Анастасиева; программа для охотоведов была разработана профессором В.Ч. Дорогостайским. В состав экспедиции входили помимо необходимого технического персонала, набравшегося на месте, этнолог-экономист, его помощник — этнограф, врач с помощником, охотовед. Это давало возможность в сложных таежных условиях проводить т.н. «кустовые» экспедиции, обследуя наиболее удаленные труднодоступные районы.

Другой метод, практиковавшийся землеустроителями, состоял в изучении как минимум двух этнических групп в их отношении с территорией, находящихся во взаимных отношениях, т.е. был кросс-культурным. Землеустроители практиковали совместные с экономистами, охотоведами маршрутные экспедиции к двум этническим группам — эвенкам и русским старожилам с одинаковой отраслью хозяйства — охотой. Используя известную риторику в отношении русского эксплуатарского населения, они, тем не менее, внимательно изучали особенности охоты и ее роль в каждой из групп, прослеживали их взаимные отношения, связи и зависимости с тем, чтобы предоставить требующиеся рекомендации по разграничению промысловых угодий.

Исследования, проведенные по заданию омитета Севера, не были недостоверными, однако несли в себе внутренние ограничения, вызванные политическим заказом, и воспроизводили ограниченное, а то и искаженное видение реальности. Так, рассмотрение и изучение этнографической группы как замкнутой и самодостаточной, без учета культурных взаимовлияний не могло не привести и к некоторым ошибочным выводам¹⁰⁰. Верно замечено, что историку науки «необходимо быть более осторожным и менее категоричным» при использовании термина «государственная этнография», помня «о специфике той непростой и тяжелой эпохи»¹⁰¹.

Итоги. Восточносибирская научная интеллигенция, оставшаяся в СССР, в целом приняла новую власть и не вступала с ней в конфронтацию; наиболее активные ученые тесно сотрудничали с

⁹⁸ Петри Б.Э. Бюджет карагасского хозяйства. Иркутск, 1928. С. 2; Сирина А.А. Забытые страницы сибирской этнографии... С. 70.

⁹⁹ Петри Б.Э. Программа для составления подворных описей и бюджетов применительно к малым народностям тайги. Иркутск, 1926.

¹⁰⁰ Сирина А.А. Забытые страницы сибирской этнографии... С. 71.

¹⁰¹ Данилейко В.А. Государственная этнография...

государственными структурами. В конце 1920-х гг. в Иркутске объективно не было основания для соперничества старых «буржуазных» и новых «марксистских» ученых и борьбы за власть в науке, которая происходила в Ленинграде и Москве. Как известно, ее итогом стало Совещание московских и ленинградских этнографов в апреле 1929 г., на котором этнография как наука была фактически ликвидирована, став частью первобытной истории¹⁰². В Иркутске борьба за власть в науке происходила в 1918 — начале 1920-х гг. между молодыми столичными учеными, оказавшимися в Иркутске, а также местными исследователями, со старыми кадрами во ВСОРГО. С одной стороны, реформа ВСОРГО назрела внутри самой этой организации, а с другой — была вызвана сменой политического режима и последовавшими за этим изменениями во всех областях жизни. Эта противоречивая и сложная ситуация, тем не менее, не стала препятствием для проведения активной научно-исследовательской работы, в т.ч. в области этнографии.

В начале 1920-х гг. оформились два основных направления в исследованиях: палеоэтнологическое и этнологическое, которые возглавили: первое — проф. Б.Э. Петри, второе — проф. М.К. Азадовский и Г.С. Виноградов. Это позволило продуктивно вести научные исследования в области этнографии азиатских народов Сибири, с одной стороны, и русских старожилов и переселенцев в Сибирь, с другой. Подготовка студентов в молодом Иркутском университете шла по этим направлениям. Размежевание исследовательских интересов и одновременно сохранение тесных рабочих контактов были очень важны для развития этнографии. Особенно значительный рывок был сделан в изучении русского старожильского населения и «малых народов Севера». Иркутские этнографы и фольклористы поставили новые исследовательские темы: современный профессиональный фольклор; этнография детства и народная педагогика, детский фольклор и детский рисунок; межэтнические взаимовлияния; этнография и экономика небольших этнических групп; этногеография. Ясно прослеживалось стремление расширить сферу приложения этнографических изучений — на детей и подростков через школу, а также на широкие слои взрослого населения через краеведческое движение. Работа по заданию Комитета Севера формировала особый тип учебного, верящего в свою общественную значимость, осваивающего новые темы, методы и подходы, работающего в сотрудничестве с географами, демографами, биологами. Ее оборотной стороной была осторожность в выводах и их корректировка в соответствии с политическим заказом, формирование в среде ученых патерналистского

¹⁰² Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928–1938 // ЭО 1993. №2. С. 120.

отношения к изучаемым сообществам. Активная издательская деятельность увенчала итоги научно-исследовательской работы иркутян. Поэтому исследования, проводившиеся в те годы в Иркутске, можно назвать провинциальными только в кавычках.

В 1930-е гг. в общих чертах сформировалась система идеологического контроля над исторической наукой. Политический контроль достигался благодаря распространению выдвигенчества, лишению ученых права заниматься профессиональной работой (ограничения в постановке тем или выездов в экспедиции), деятельности спецслужб по выявлению политически неблагонадежных ученых и преподавателей¹⁰³.

Централизация общественно-политической и научной жизни советского времени превратила научные исследования в регионах в «провинциальные», что пагубно сказалось на развитии науки. Видимым свидетельством относительности понятий «центр» и «провинция» в научных исследованиях всегда было формирование «столичных» школ за счет выходцев из «глубинки». Размышляя о будущем этнографии, можно допустить, что при благоприятных обстоятельствах произойдет децентрализация научных исследований и само понятие «научной провинции» исчезнет.

А.А. Сирина

¹⁰³ *Караулов С.А.* Государственная власть и научная интеллигенция в Советской России: эволюция взаимоотношений в 1917–1991 гг. // <http://vestnik.mgou.ru/web/library/files/incoming/2/2009/2/st12.pdf>

ХОЗЯЙСТВО И НАРОДНОСТЬ (производственный фактор в этнических процессах)*

I. Природа и человек

Как известно, те или иные животные не всегда встречаются в смежных и однородных, казалось бы, районах. Это зависит от выбора и свойственной каждому животному пищи. Северный олень (*Rangifer tarandus*) приручен к притундровой лесной полосе на севере и к границам гольцовой зоны и кедровников, с их лишайниками и мхами. Косуля (*Capreolus pygargus*) водится там, где нет зимой глубоких снегов, мешающих добывать пищу. А только там, где встречается косуля, мы встретим и волка, следующего за нею, как основным объектом его охоты... За стадами сельдей следуют стаи китов и дельфинов. То же самое мы видим и в отношении человеческих обществ. На севере целые районы освоены почти исключительно охотниками на песца и сельдь — на низовьях рек, или на белку и осетра — южнее, или оленеводами, которые спускаются однако же и далеко к югу в горные тайги, с природными условиями, в пригольцовой зоне аналогичными с приполярными.

Та хозяйственная и промысловая деятельность, которая диктуется природой и ранее образовавшимися, может быть, в несколько отличной природной обстановке, навыками, определяет формы быта, а затем и физическую организацию человека. Степняк, скотовод и наездник имеет ноги, поставленные «ухватом», несколько удлиненное сравнительно с конечностями туловище. А совершающий переходы в сотни верст зверолов закрепляет за собой легкий вес, сухошаговое телосложение.

Человек настолько привыкает видеть себя в повседневной хозяйственной обстановке, что по ней часто называет и себя, и своих соседей. Население Алтая и Саян называет себя *йыш-кизи* (или, по другому произношению, *чис-кизи*), т.е. таежными «черневыми» людьми, и это не потому только, что эти йыш-кизи живут в лесах, но и потому, что горная тайга (по-алтайски «чернь») властно определяет их жизнь и быт. Самое время, отдельные части года получают определенные названия по тому заданию, которая природа в данный момент дает хозяйственной, производственной деятельности. Наступает «кандычный» месяц («бес-ай» у сагайцев) и население высыпает на опушки лесов собирать «кандык» (*erythronium dens canis*) на зиму, «сенной» месяц («от-ай») выгоняет на покос; наступает «таежный» месяц («тайга-ай»), и йыш-кизи отправляется

* СЖС. 1928. Вып. VII. С. 1–22.

в тайгу на охоту. Природа властно командует человеком, который механически, инстинктивно соотносит с этой командой свои поступки. Вырабатывается своеобразный хозяйственный и вместе с тем этнический инстинкт. Клеменц рассказал в одной из журнальных своих статей интересный факт, который он наблюдал в Присаянье. Больной и дряхлый, уже не могший ходить, старик туземец, один из представителей «йыш-кизлеров», когда наступал охотничий сезон (тот «тайга-ай», о котором сказано выше), начинал бредить и в мучительном бреду просил окружающих дать ему ружье («мултых, бир мултых» — ружье, дай ружье). Клеменц остроумно сопоставил этот этнологический факт с теми фактами, которые относятся к периодическим перелетам птиц; могучий инстинкт заставляет птиц, когда начался отлет, покидать гнезда с не успевшими опериться птенцами, несмотря на властный зов материнской любви.

Аналогичные явления наблюдатели народной жизни отмечали в крестьянском быту, в ряде явлений, которые еще Глеб Успенский художественно объединил термином «власть земли». Инстинкт хлебороба («таряшин», как метко говорят буряты, от слова «тарян» — хлеб), как и инстинкт зверолова, создался в длинном ряде поколений. Крестьянин также инстинктивно отбирает пригодные для пашни участки, определяет время для пахоты и посева. Он часто лишь «чувствует» дождик, но, конечно, не сумеет составить научного метеорологического календаря. Но тот календарь, художественную характеристику которого дал Ключевский в своем курсе русской истории, дает ему остаточные руководящие нити.

Монгольская летопись, перечисляя различные народы и народности, живущие по соседству с монголами, называет между прочим, булгачинов, кэрэмучинов и т.п. Что такое булгачин? Это слово просто означает «соболевщика», охотника на соболя. Кэрэмучин означает такого же охотника на белку. Мы знаем точжинцев, живущих в восточном таежном Урянхае. Они относятся к тубинской (или тувинской) группе и, несомненно, включают разные мелкие племена как чисто турецкого происхождения, так и «котовского» или кетовского. Что их объединило в глазах соседей и исследователей и, наконец, соединило как бы в одно этническое целое? Несомненно, оленеводство. «То» (или «тон») — олень, «точжи» — тот, кто является оленьим пастухом, оленеводом, как «малчи» — пастух рогатого скота (от «мал» — рогатый скот), а «хоници» — овечий пастух у бурят.

Точно так же на крайнем северо-востоке Азии чукчи и коряки называют себя и соседей или по оленям или по морским промыслам; эти два основных рода занятий разделяют и этнически северо-восточные окраинные народности. Весь строй жизни «олeneвода» разнится от строя жизни «приморского жителя» (*анкилан*), охотника на морских животных, поставленную в такую большую зависимость

от посторонних сил, в противоположность более обеспеченному обладателю оленьих стад. Нет даже, по-видимому, общего имени для обозначения чукчей или коряков — одновременно оленеводов и приморских независимо от занятий. Напротив, общим термином обозначаются приморские чукча и коряк, или оленеводы чукча и коряк.

II. Антропологические и этнологические типы

Интересный исторический факт представляет образование т.н. романских народностей, столь различных и в настоящее время между собой и антропологически и культурно, хотя и возводящих себя к тем «готани», которые построили, две тысячи лет тому назад, мировую империю и колонизовали значительную часть известного им мира, дав, казалось бы, новые кадры населения и заменив латынью языки кельтов, иберов, лигуров, иллиров, даков и т.д. Достаточно хорошо знать латынь, чтобы, при некоторых способностях и напряжении, научиться без учителя читать по-итальянски, португальски или испански. Сомнительно, чтобы можно было восстановить те языки, на месте которых возникли языки испанский, провансальский, ретийский, румынский и др. А между тем чувствуется, что древние иберы и кельтиберы живы в современных испанцах как Европы, так и Америки. И бои быков, и танцы во время католического богослужения, и костры инквизиции, вероятно, идут еще из эпохи доримской и даже докарфагенской. Исследователи неоднократно отмечали, что та этнологическая характеристика галлов, которая дана римскими писателями, в значительной мере может быть отнесена к современным французам, населяющим Трансальпийскую Галлию классических писателей.

Если мы возьмем римские же характеристики греков эпохи империи, и в них мы узнаем характерные черты позднейших византийцев и современных нам греков, тех «продавцов губок», которых склонны считать так не схожими с современниками Перикла и Демосфена. А ведь эти современники Демосфена пробирались за янтарем на Балтийское море, обшаривали в поисках нужных товаров берега Европы и Африки и вызвали презрительное отношение к «graeculi» («гречишкам») со стороны римлян. И если «смирнская маслина» является в наши дни на далеком от Малой Азии рынке Маньчжурии, то она же составляла предмет вывоза и для эллинов классической эпохи в достаточно удаленные от Смирны страны.

Животный мир непрерывно эволюционирует и создает новые формы, бесконечно разнообразные. Как сильно различаются между собою, среди собак, сенбернар и болонка. Любители выводят такие экземпляры голубей, которые похожи, скорей, например, на ястреба, чем на голубя. И все-таки и сенбернар и болонка остаются собаками, а новые «сорта» голубей — голубями.

Есть также малоподвижные — *относительно*, конечно, — неизменяемые типы человеческих коллективов и их представителей, в основе которых нетрудно найти следы тех хозяйственных и естественно-географических влияний, которые отложились в организме и в общежитии в течение необозримого ряда поколений ранних эпох.

В современном нам мире, в одинаковых климатических и географических условиях, живут людские группы различного происхождения и типа. Бушмен, готтентот и кафр в южной Африке — представители различных антропологических типов. На севере Азии мы находим, кроме европейских колонистов, такие различные типы, как айны, японцы, чукчи и турки. Есть тип монгольский с его характерным разрезом глаз и характерным строением лица, желтоватой пигментацией. Но и среди тех народностей, которые дали название этому типу, имеются какие-то резкие отклонения от этого определяющего народность типа.

Среди монголов Халхи нередко можно встретить орлиный нос, большие глаза не европейского, но и не монгольского разреза. То же самое среди сибирских турков.

В Северной Азии можно наметить три или четыре основных антропологических типа. К одному относится «чистый монгол». Этот тип мы найдем и среди бурят, и среди якутов, и среди казаков-кыргызов, и среди туземцев верхнего Енисея, и на далеком Севере; особенно он часто встречается в смешанных группах, среди женщин. Другой тип распространен среди племен «тубинской» группы, алтайцев, саянцев. Характерными представителями его могут быть койбалы. Они близки к т.н. европейскому типу: несколько продолговатое лицо, не монгольские или только монголизованные глаза, более редкая, чем, скажем, у великоруса, но все же обильная, растительность на лице, сухощавое тело. Третий тип сильно напоминает тот популярный образ «краснокожего индейца», который знаком нам по иллюстрациям в романах и этнографических сочинениях. Представителей этого типа мы найдем и среди абаканских туземцев (например, некоторые бельтиры), и среди монголов, и среди забайкальских бурят (хоринской ветви в агинских степях). Можно наметить еще четвертый тип, который встречается среди сагаев и алтайцев. Это и не монгольский, и не европейский тип. Азия, но не монгольская Азия, а какая-то разновидная. Близко к койбалам, но также отличается.

Когда этнографы и антропологи производят свои наблюдения и измерения, они часто берут в качестве объектов для своих манипуляций «типичные», на их взгляд, для обследуемого племени экземпляры. Это ведет к ошибочным выводам. Современные нам племена представляют продукт разнообразнейших этнических *смешений* в результате административных и хозяйственных перетасовок и вы-

нужденного или добровольного усвоения чужого языка, костюма, обычая. Задачей антрополога и этнолога является, как мы думаем, изучение не только этих этнических конгломератных образований, но и тех основных антропологических и этнологических типов, которые как бы пластами прорезывают наличные племенные массивы, представляя результат происшедших в прошлом своего рода этнических смещений, разрывов и сращиваний.

III. Хозяйственная дифференциация

Мы, к сожалению, не располагаем, по крайней мере, при нынешнем состоянии источников, достаточными данными для изучения антропологических и этнологических типов в динамическом разрезе и их исторической эволюции. Может быть, со временем, с открытием новых памятников и уточнением научных методов, и у нас явится возможность для этого, но пока мы должны отказаться от сколько-нибудь законченного разрешения такой задачи. Но у нас все-таки кое-какой, хотя и ориентировочный, материал имеется для изучения этнологических типов в таком разрезе. Этот материал не совсем однороден и часто случаен; надежных построений сделать на его основании нельзя. Все же некоторые линии и контуры развития можно наметить.

Ведь исследователь должен считаться с тем, что ему приходится ограничиваться лишь улавливанием основных тенденций и линий развития.

По счастливой случайности, наиболее обильный материал мы имеем в нашем распоряжении в отношении турков. Орхонские памятники, открытые Ядринцевым и лишь только начатыми изучением нашими покойными туркологами Радовым и Мелиоранским и ныне здравствующим академиком В.В. Бартольдом, дают нам возможность проникнуть чуть не на полторы тысячи лет вглубь истории сибирских турков.

Обращаясь к ним, мы прежде всего должны установить, что эти памятники рисуют нам турецкие племена бассейнов Селенги, верхнего Енисея, Оби и Иртыша, как преимущественно «лесные». Это люди горной тайги, или «черни», йыш-кизи. Обращаясь к своему народу, автор надписей, Бильгекаган, называет его «народом ятыккенской черни». Когда он говорит о колонизации своих восточных владений, он сообщает, что заселили «чернь Кадырканскую». Битвы — даже с киргизами — происходят в черни, куда приходится проникать зимою по глубокому снегу, — там именно пал в битве кыргызский вождь Бпарс-бег... Пожалуй, только обитатель черни мог таким сложным термином, как «йер-суб» (земля-вода), передать понятие «страна». Так тесно связались в его представлении реки и оживляемая ими земля черни. Вполне естественно поэтому считать

в орхонских надписях сетование кагана, что народ ятыкенской черни начал покидать родную чернь, свою «святую землю и воду» (*ыдук йерсуб*) и селиться в степях поближе к соблазнявшим своими дорогами товарами и подарками китайцам. Отсюда, по мнению кагана, произошли все многочисленные и тяжкие несчастья, выпавшие на долю турецкого народа. Соблазненный благами культурных стран, он двинулся к ним навстречу — но чего он достиг? В результате из костей его славных сынов нагромождены горы, а его «чистые дочери» стали невольницами. Только оставаясь в черни, турецкий народ может быть счастлив.

«Черные соболи» и «голубые белки» занимают слишком большое место в орхонских памятниках, чтобы не отвести им место и в хозяйстве народа ятыкенской черни. Очевидно, охота занимала одно из главных мест в хозяйстве населения Алтая, верхнего Енисея и Прибайкалья, т.е. тяргешей, ашей, кыргызов, курыканов, огузов. Это и понятно. Ведь на черных соболей и голубых белок «голубые» турки Орхона выменивали и «сладкие напитки», и более необходимые для них самих и для их хозяйства предметы. Но существующие и на Алтае, и в Хакасии, и в Урянхае древние оросительные каналы, раскинувшиеся на десятки верст, подтверждают известия китайских летописей о существовании также и турецкого туземного земледелия. Русские в XVII–XVIII вв. еще застали и у бельтиров, и у тубинцев, и у сагаев земледелие по методам обработки с существовавшим до последнего времени у урянхайцев. Хазары на Нижней Волге и на Дону не только занимались в VIII–XI вв. хлебопашеством, но имели фруктовые сады и виноградники, которые, очевидно, являются предшественниками астраханского садоводства и виноделия. Болгары в XII–XIII вв. снабжали хлебом Суздальскую Русь. По данным, сообщенным Марко Поло, страна, населенная уйгурами (т.н. Восточный Туркестан, с городами Кашгаром, Хотаном, Кэрией и др.), издавна была богата фруктами, вином, хлопком и шелком («Всего здесь вдвое: хлопка родится много, есть виноградники и много садов»).

То же самое, за полстолетие, отмечал китайский путешественник-монах, расхваливший произведения сельского хозяйства хойхэ, т.е. уйгуров («Когда мы вступили в город, князь угостил нас обедом на террасе; жена его потчивала нас виноградным вином; поднесли нам арбузу, которые весили по пуду; дыни были с целую подушку, с ароматом и вкусом, которых не знают у нас в Китае; огородные овощи здесь такие же, как в Китае»).

Но Уйгурия лежала на перекрестке торговых путей. Уйгуры не только были земледельцами, но и купцами («Много купцов идет отсюда торговать по всему свету»). Это был «народ торговый и ремесленный». Во время Марко Поло многие уйгуры были еще не магометанами, а несторianaми. Сохранялись связи с Передней Азией.

Торговым же было население Самарканда, Балха, Хорезма (нынешних Бухары и Хивы). «Сартолы», позднейшие «бухарцы», во время Чингисхана были почти монополистами в торговле в пределах монгольской империи; они же торговали в пределах Чжунгарского государства. В XVII и XVIII вв. московское и затем петербургское правительство вели упорную и ожесточенную борьбу с бухарским торговым капиталом и бухарскими купеческими компаниями в Сибири и не всегда успешно. Насколько важна была в древности торгово-промышленная роль Хазарии и Великой Болгарии может свидетельствовать, помимо русских и арабских известий, один характерный факт, что у бурят-монголов до сих пор юфть носит название «болгар».

Сами «голубые турки» Орхона, несмотря на привязанность их каганов к черни и к старым устоям жизни, переходили, как свидетельствуют оставленные ими памятники, к городской культуре.

Таким образом, надо думать, что та культура и тот быт, которые были связаны с «чернью», не исключали не только земледелия, но и городского уклада жизни. Но были турки-номады. К ним надо отнести на западе кипчаков (куманов, половцев) и канглов (печенегов), о которых Плано Карпини и Рубрук, проезжавшие через их земли, вполне согласно говорят, как о кочевниках-скотоводах («они не обрабатывали земли, но питались только скотом; также они не строили жилищ, а жили в шатрах»). О каракитаях и найманах Рубрук также определенно говорит, что и они «не занимались земледелием и жили в шатрах, подобно татарам». По крайней мере, это относится к тем, лежащим к югу от Алтая, землям найманов, через которые он проезжал. К скотоводам же принадлежала главная масса населения страны кыргызов и кереитов, о которых те же путешественники говорили как о «живущих на пастбищах».

Таким образом, турки уже к XIII в. и в различных племенных объединениях представляли почти все формы хозяйственной организации и быта, начиная от торгового города и кончая степным кочевьем. То же самое мы видим и теперь. Но такая картина должна быть принята с известными ограничениями. Кара-китаи овладели страной, где до них, несомненно, существовало земледелие. То же самое было с кереитами. Царство последнего кереитского хана Тогрула (Унхана, Ванхана китайско-монгольских памятников) представляло очевидный регресс в сравнении с царством «голубых турок», хотя и являлось его продолжением. Монголо-китайская летопись и орхонские памятники упорно говорят о «черном лесе» (т.е. «черни» же), куда постоянно и надолго удаляется Тогрул после походов и пребывания в своей главной резиденции.

Народы, которые входят в состав государства кара-китаев, найманов и кыргызов, постоянно именуется «лесными народами». Они

настолько представляются одинаковыми по жизни и даже по характеру страны их обитания, что это имя «лесных народов» употребляется почти как этническое. Оно вполне аналогично термину йыш, йыш-кизи, йыштер, чистар (черневые люди, горно-таежники, чернь, горная тайга).

Какое-то особое отношение должно быть между номадами и лесниками («народом в лесах», — у китайцев, — «линьму кэй босин»), горно-таежниками, какое-то культурное одновременно и расхождение и взаимодействие.

Если мы возьмем монголов и ту, пока еще не совсем ясную этническую группу, с которой они ближайшим образом были связаны, — группу «татар», — то и здесь мы, с одной стороны, видим «су монголов» Рубрука, занимающихся охотой и рыбной ловлей, и «йехе-монголов» — скотоводов, с другой стороны — «анчи-татар», промысловых, охотничьих татар монголо-китайских летописей, и «белых татар», которые, по-видимому, составляли основу победоносных армий Чингисхана и его преемников, которые создали его империю, и которых уже в конце XIV в. в огромном числе (свыше 600 тысяч, по свидетельству испанца Клавихо) истребил в передней Азии Тамерлан. На восток от Орхона мы видим то же, что на западе. Развалины т.н. Кондуйского города, к востоку от Онона, не менее замечательны, чем орхонские. Они свидетельствуют также о наличии городской культуры и в областях, казалось бы, чистого монгольского этнического и культурного преобладания. Эта именно городская культура, может быть, дошла до середины XVII в. в виде тех даурских городских государственных объединений, которые стояли на весьма значительной культурной высоте и были уничтожены лишь русским нашествием.

Если мы обратимся к тунгусам, то и здесь мы должны будем констатировать, с одной стороны, переход скотоводов к оленеводству, несомненно, проделанный северными тунгусскими племенами в позднейшую эпоху, а с другой стороны — наличие тунгусской земледельческой и городской культуры на юге, в соседстве с Китаем, у дючеров, маньчжуров и др. Наконец, на крайнем северо-востоке Азии русскими же, уже в XVIII в., уничтожена после истребительной войны интересная культура камчадалов, отнюдь не низкая. Это не была культура «бродячих» звероловов, как мы ее обычно представляем. Благополучно уцелевшие до нашего времени коряки стойко выдержали внушающую нам невольное уважение борьбу с русскими насильниками, свидетельствующую о такой национальной спайке, которая могла быть дана в прошлом только длительной национально-государственной организацией. Самые жилища их представляют приспособление какого-то архитектурного типа к условиям приполярного климата. Едва ли допустимо предположение, что это

развитие дымового отверстия юрты в нечто аналогичное плоской, используемой для обитания, крыше жилища юга.

Можно ли установить определенное соотношение между тем или иным антропологическим типом и тем или иным типом этнологическим? Частичные попытки в этом направлении делались. Так, упомянутая выше постанова ног «ухватом» у монголов и бурят-монголов относятся за счет верховой езды и пастушеского образа жизни. Острое зрение степняка или обитателя тундры приписывают безграничному простору равнин и безукоризненно чистому воздуху. Но эти сопоставления делались пока мимоходом и не были предметом систематического изучения.

Необходимо отметить, что западноевропейская наука имеет за собой аналогичные попытки, как среди антропологов, так и историков. Такова, например, известная теория французского историка Огюстена Тьерри, в значительной мере поддержанная и работами его брата Амедэя. Это теория борьбы рас, по Тьерри, легшей в основу социальной, классовой структуры Европы, - в частности, борьбы двух народных и хозяйственных культурных типов, - романо-кельтского и франко-германского. Романизированные кельты, согласно этой теории, были подчинены завоевателями-франками (древними сикамбрами), образовавшим феодально-дворянскую социальную верхушку, в то время как завоеванное коренное население романской Галлии составило низкое сословие - городское и сельское. Племенные различия со временем сгладились. Но расовые различия превратились в социальные противоположности, противоположности трудовых масс и групп поработителей-эксплуататоров. Расовый антагонизм превратился в классовую борьбу. Различие по крови заменилось не менее глубоким различием кастового, сословного порядка.

Замкнутость средневековых и позднейших сословий не уступала древней национальной исключительности. Французские дворяне, буржуа и крестьяне могли сойти за представителей обособленных этнических групп, - настолько они различались даже в антропологическом отношении.

Несмотря на упреки в односторонности, которым подверглась эта теория, она заслуживает глубокого внимания с нашей стороны, как попытка, - сделанная, не надо это забывать, сто лет тому назад, - нащупать те реальные процессы, которые лежали в основе явлений социальной истории Европы. Эта теория не имела в то время за собой той богатой социологической и экономической литературы, какой располагает современный наш исследователь.

В настоящее время, главным образом, яфетодологическая школа лингвистов занята попытками связать явления в области развития языков с явлениями в области классового расслоения и стремится рассматривать эволюцию языков в свете процессов хозяйственного и

социального порядка. Однако и новые открытия в области материальной культуры Центральной Азии толкают научную мысль в том же направлении. Думается, что в этом отношении Туркестан с его пережитками и следами исчезнувших народов и погибших культур должен представить трудно охватываемое количество материала для историка-этнографа. Но и наши урало-алтайцы и занимаемые ими области (Алтай, Присаянье, Орхон, Монголия Восточная) представляют не меньший интерес, чем восточный или западный Туркестан, с которыми они, несомненно, в глубокой древности уже были связаны.

Дальше мы попытаемся сгруппировать небольшой материал, могущий, до некоторой степени, осветить направление, в котором как будто следует искать разрешения этого вопроса.

IV. Взаимодействие и смена культур

Существует исторический анекдот, приписывающий китайцам утверждение, что первый человек известной еврейской легенды, Адам, не более как «беглый солдат с китайской границы». Этот анекдот должен выставить на вид большую древность китайской культуры сравнительно с еврейской. Но еврейская легенда об Адаме только один из обрывков обширного халдейского мифологического эпоса, которые евреи принесли с собой в Палестину из «вавилонского плена» и включили в свои «священные книги». Прототип этой легенды, несомненно, представляет реминисценцию культурных народов Месопотамии о своей начальной истории, о своих «origines», как говорят французы. Думается, что хронологически они — хотя, конечно, неизбежно и грубо, — довольно удачно определяли начало месопотамской, или халдейской, культуры. Это начало должно принадлежать времени за 5–6 тыс. лет до нашей эры. Но историческое и легендарное начало китайской культуры едва ли относится к значительно более раннему периоду. И вавилонская и китайская культуры, прежде всего, должны быть отмечены наличием непрерывности. Возможно, что они должны быть связаны с началом употребления металлов и открытием письменности. За 2–3 тыс. лет до нашей эры в Месопотамии была не только письменность, но уже развитая литература, как научная, так и художественная, былработан не только литературный язык, но и язык правительственных канцелярий, судов, законодательства, язык деловых и частных сношений. Адам — это образ, олицетворяющий не начало человеческого рода, а начало культурного, цивилизованного существования человека в одном из очагов цивилизации, Месопотамии. Таких очагов было, несомненно, не один и не два. Археологи постоянно открывают все новые и новые «культуры» и в Европе, и в Азии, и в Америке, и в Африке. Одни из этих культур восходят к месопотамской, халдейской, но другие имеют как будто самостоятельное значение. Сама

халдейская и шумерийская культуры должны восходить к каким-то еще более древним прототипам.

Среди новооткрываемых культур имеются носящие «городской» характер. Это наиболее «историчные» культуры, потому что город часто пользовался камнем, обделывал его, делая пригодным для продолжительной сохранности, много накапливал в себе запасов металла, оставлял «следы» нарочитой, сознательной деятельности. Эти «следы» были долговечнее, чем следы других культур.

Иначе обстояло дело с деревенской, сельской культурой, пользовавшейся деревом, необожженной глиной, и собиравшей в одном месте лишь небольшие сравнительно людские массивы. От нее мы имеем разрозненные остатки, — часто только разбросанные по успешным зарастающим тайгой равнинам и увалам орудия и оружие, иногда обломки их. Еще хуже дело со «следами» деятельности и жизни скотоводов, охотников, рыболовов, от которых иногда сохранились одни «кухонные» остатки, кучи костей и осколков первобытной кухонной посуды.

Но уже в глубокие эпохи разных ступеней развития неолита мы можем проследить переплеты и расхождения разных линий культурной эволюции. Мы находим и военные, и торговые города, и оседлое земледелие, и кочевное и оседлое скотоводство, и разные формы оседло-промыслового и бродяче-промыслового хозяйства и быта.

Мы привыкли к почти феерически быстрой смене не только исторических событий, но и форм государственности, общественности и быта за последние века, и нам трудно представить ту медленную, тяжелую поступь исторических процессов, которые развивались как в глубокой, так и в не особенно даже отдаленной древности, когда не было одного объединенного общего культурными связями мира, а были отдельные миры, разделенные бездорожьем, пустынями, отсутствием общего языка, взаимной враждой и страхом. Империя внука Чингисхана, Хубилая, была относительно благоустроенная, а приглашенные к нему отец и дед Марко Поло ехали из Бухары в его резиденцию Ханбалык, по словам Марка, «целый год». Китайский посол, отправленный в пределы нынешнего Туркестана, возвращался десятка через полтора лет, и его сведения отнюдь не считались устаревшими. Политическая обстановка не успевала сильно измениться.

В этих условиях хозяйственный и общественный строй, язык, самый антропологический тип на определенной территории вырабатывались одновременно в условиях тесного внутреннего взаимодействия и вместе с тем значительной изолированности от посторонних культурных влияний.

Номад создавал язык, приуроченный к потребностям скотоводческого хозяйства, с богато разработанной технической терминологией различных процессов и примеров хозяйствования и предме-

тов скотоводческого бытового уклада. Его социальная организация приравнивалась к периодическим передвижениям стад и особым условиям и приемам степной «облавной» охоты, которые ложились в основу военной, а затем государственной организации. Верховая езда вырабатывала «прирожденного наездника с широко расставленными ногами, а постоянная ориентировка в степных просторах — зоркий прищуренный глаз. Наездник больше пил, чем ел. Еда не всегда была к его услугам. Поэтому он ел, когда был случай, долго и много, тщательно обглаживал кости, разгрызал хрящи и высасывал мозг. Постоянное пребывание на воздухе осмуглило его кожу. Все это должно было отразиться на строении туловища, конечностей, внутренних органов, форме лица и т.д. Эти особенности вырабатывались в течение тысячелетий и закреплялись путем естественного, а затем и искусственного отбора и подбора в бесконечном ряде поколений.

Город был, прежде всего, торговым центром, куда стекались товары и откуда они распределялись. Этот сравнительно большой запас материальных благ вместе с усложненными общественными отношениями, с одной стороны, смягчал суровый прямолинейный нрав, свойственный жителю степи или тайги, а с другой — делал его эластичным. Городской житель был гибче, умнее, мог казаться хитрее, лукавее, чем сельский житель. Купец, заурядный житель города, вел торговлю обычно без посредников. Он не мог «выписать» нужную партию товара, как это делает теперь магазин. А с набором местных изделий или ходких сырых продуктов, например, тех же аттических или малоазиатских маслин, отправлялся в продолжительное, иногда длившееся годами, путешествие, пользуясь судами или верблюдом. Дорогой он продавал свои товары, менял их, приобретал новые, все время обращая и увеличивая капитал, вложенный в товары. Когда он возвращался домой из удачного путешествия, то он уже бывал часто богачом. Путешествие не было срочной деловой поездкой. Странствуя, он заводил знакомства и связи; не только накапливал средства для жизни, но и пользовался попутно жизнью. Ловкий, бывалый, он был интересным собеседником в дружественном кругу, удачным советником и для своих собратьев-купцов, поскольку они не оказывались его конкурентами, и для царей и царьков тех стран, которые им приходилось проезжать. Драгоценности и вкрадчивые речи и манеры делали древнего финикийского коммерсанта обольстительным и чрезвычайно опасным для сердец гречанок времен «Одиссеи». Сколько из них делались предательницами, бежали с финикийцами на их кораблях, часто становясь их наложницами, а затем и невольницами. Таковы же были для Центральной Азии и тот лукавый развратитель простых нравов, «табгач» (китаец), о котором говорил негодующий автор орхонских надписей, и ловкий купец-царедворец из

Хорезма и Персии, и более близкий купец и администратор уйгур. Более утонченная душевная организация и возможность широкого пользования культурными благами не могли не отражаться также на физическом облике населения городских общин, особенно верхнего слоя, наиболее знакомого, вследствие подвижности, для соседей.

Аналогично вырабатывался тип земледельца отдельных различных оттенков, начиная с уйгура, владельца виноградника, хлопкового поля, или фруктового сада, и кончая сагаем или бельтиром, вспахивавшим «абылом» небольшое поле под просо и копавшим при помощи «озупа» сарану (*сарышен* – *Lilium martagon*; *акшен* – *Lilium romponium*) и кандык в зимний запас. Антропологические и этнологические черты не могли не находиться в определенной корреляции. Когда в древних Афинах говорили о беотийце, пред собеседниками должен был сразу вставать знакомый образ толстоватого, простодушно-неповоротливого, несколько неопрятного и смешного «свинопаса», так противоположного сухощавому, с резким профилем, опасно-лукавому купцу-финикийцу или нарядному малоазиатскому коммерсанту. Так же ярок был и легко запечатлеваем психический и физический облик египтянина или халдея. Еще при дворе Мунке-хана, вероятно, сразу узнавали уйгура, или «сартола», или китайца, даже переодетых, хотя уже могли быть ошибки, и какой-нибудь найман мог выдать себя за кыргыза.

Происходили сложные процессы хозяйственного и социального расслоения. Земледельческая страна выделяла торгово-промышленный центр, и в центральной Азии были свои Сезостресы Великие и Ассурбанипалы, которые совершали отдаленные походы, производя перетасовку племенных группировок. Происходила инкорпорация одним государственным объединением другого, одним социальным слоем соседнего. Сказывались результаты случайных скрещиваний, и среди светловолосых фракийцев, по закону расщепления признаков (закон Менделя), могли появляться смуглые и крючконосые экземпляры.

Уже передвижения гуннов, аваров, уйгуров, огузов, «турков» произвели и в Центральной, и в Средней и Северной Азии огромные перегруппировки. Колоссальная же передряга, поднятая Чингисханом, оставила мало очень даже отдаленных углов Азии и восточной Европы нетронутыми. Целые племена оказались переброшенными за тысячи верст. Большие народы, образовывавшие государства, были сведены до размеров небольшого племени, или были распылены среди других племенных массивов; из остатков различных народов и племен образовывались новые народы. Так, например, создался новый народ кыргыз-казаков (или просто, казаков), не имеющий даже общего этнического наименования, т.к. казак – название собирательное, искусственное, условное. Казаки образо-

вались из различных племен, которым была придана чингисидами военная организация и которые были выдвинуты, под начальством старшего сына Чингис-хана, Чжучи, на запад, в качестве авангарда и заслона, разделяясь по турко-монгольскому военному правилу на три части (*чжус*): восточное крыло (*зунгар*), центр и западное крыло (*барунгар*). Отсюда произошли Большая, Средняя и Малая Орд. Из каких племен состоит Средняя орда? Кипчак, найман, киреит, аргын и конграт. Кипчак это половцы русских летописей; найманы — противник Чингис-хана, до него они занимали Алтай; киреиты (или керейты) жили по Селенге и Орхону; аргын упоминается Марко Поло, как один из народов, подвластных «попу Ивану», как он, согласно со средневековой легендой, называет «Ванхана» керейтского, Тогрула; конграт-хункират, одно из значительных и влиятельных в Монгольской империи племен. Но аргын имеется и теперь среди ачинских турков, найманы и кипчаки имеются на Алтае и в районе Ташкента, в составе так называемых узбеков. В составе же кыргызов-казаков имеются меркиты, жившие когда-то в соседстве с керейтами, а теперь рассеянные в Казакстане, Туркестане, Западной Монголии, на Алтае; каракас, сохранившихся и на Абакане и среди т.н. карагасов; тастар, существующих и на Абаканских степях. Среди кыргызов большое место занимают кита, главная основа государства Гур-ханов, с которыми воевал Чингис-хан, но они же живут и в Туркестане; кроме китаев мы находим среди них толос, мундус, мунгулдур (так же на Алтае) и конграт. Упоминаемые в орхонских надписях тургеши, очевидно, в то время сильный и многочисленный народ, сохранились в незначительном алтайском племени «тиргеш», а азы — в «торт аз» (т.е. «четыре аза»). Кроме конгратов мы находим в Средней Азии джалайров, которые в виде монголо-бурятского племени имеются сейчас в Южном Забайкалье; они же упоминаются в истории Чингисхана. С другой стороны, сарты Туркестана, вместе с кипчаками, имеются на Алтае; в монгольской форме «сартол» это название носит одно из племен бурят-монголов Забайкалья. Бывшие печенеги русской истории, которые уже в XIII в. были известны путешественникам под именем «каких-то соплеменников куманов (т.е. половцев)», кангитов, живут в Туркестане и Казакстане (канглы). Очень возможно, что племена кан на Алтае и канг (носовой звук) койбалов — те же канглы. Якуты (сахалар) имеют соплеменников в Абаканских степях (сахалар: ак сокы или кок сакы) и в лице кумандинцев Алтая (кумандинцы составились из двух родов: кубан и сокы; самое слово куман есть алтайское произношение слова «кубан»; в XVIII в. абаканские сокы также составляли «Кубанов аймак», а в XIX в. — Кубанов род).

Из этого, не полного, конечно, перечня видно, что группы разнообразного этнического происхождения и не одинаковой культуры

перемешались между собой. Ясно, что и на Алтае, и на Енисее, и в Туркестане мы найдем в составе народности, носящей одно имя, разнородные племенные элементы. Качинец представится и в виде скотовода, и в виде зверолова, и в виде полужемледельца, или земледельца. У одного представителя качинцев исследователь увидит монгольские черты лица и найдет родство с бурятами; а другой встретится с качинцем, на монгола совсем не похожим. Один «качинец» скажет, что он «кыргыз», а другой окажется «туба» или «частых» («ястынец» русских памятников XVII в.), или «бурут», «ара» и т.д.

Среди турецких племен сильное преобладание получила скотоводческая форма хозяйства и кочевой быт, так противоречащий тому представлению об обитателях Утукенской, Кадырканкой и других «черней», которое складывается при чтении орхонских памятников.

На это были основательные исторические причины.

V. Исторические судьбы

Историк Миллер сохранил нам небольшое, но очень ценное и характерное известие. Он говорит, что качинцы (каш), жившие по р. Каче, на которой стоит г. Красноярск и которая от имени качинцев получила у русских свое название, т.к. Сами качинцы и кыргызы называли эту речку Изырсу (Орлиная речка), занимались немножко земледелием. Именно они сеяли дикую гречиху (*кырлык*), из которой приготавливалась на молоке, по словам Палласа, очень вкусная и питательная каша. Но сеяли они ее немного и, убравшись с урожаем, спешили уйти в леса, т.к. боялись внезапного нападения в лице кыргызов, русских и бурят.

Кыргызская государственность, в состав которой входили качинцы, просуществовала после этого целое столетие, но она уже обнаруживала все признаки слабости. Она не давала достаточной военной охраны против набегов со стороны, не обеспечивала прочного внутреннего порядка и не давала места для правильного культурного развития. В «Чертежной книге» С. Ремезова «кашинцы» показаны как «немирные» и «конные», т.е., с одной стороны, не подчиненные еще русскими и, с другой стороны, занимавшиеся скотоводством в наиболее экстенсивной его форме «табунного», пастбищного. Тем не менее у них все же еще, очевидно, сохранялись переживания прежнего хозяйственного строя, сменившегося «номадным».

То, что случилось с каштар'ами (качинцами), в большем масштабе и на более значительной территории происходило за полтысячелетие до этого в Центральной Азии, в Присяянье и на Алтае. Перевес получали всюду кочевники и скотоводы. Земледелие забрасывалось, сохраняясь в разных углах Присяянья лишь в виде абыльной разработки земли и посевов проса, кырлыка и еще реже других злаков. Перед этим произошло отодвижение с севера к югу путей торго-

вых и культурных сношений между мировыми центрами и рынками. Государства, возникшие на этих путях, разваливаются, происходят постоянные войны из-за оставшихся рынков и караванных путей, хронические набеги и грабежи. Скотоводческое хозяйство становится наиболее выгодным и надежным, т.к. позволяет хозяину быстро уючевать в наиболее безопасные места и с наименьшими имущественными потерями. Затем скотоводческое хозяйство, при благоприятном обороте, способно быстро восстанавливаться, не требуя значительно-го основного капитала и дорогого рабочего инвентаря.

Перед тем как сложилась империя «голубых монголов Чингисхана» (наследников, через керейтов, «голубых турков»), в тех странах, которые составили затем основное ядро этой империи, чувствовался не только материальный, но и моральный и волевой упадок. Это было чрезвычайно характерное отражение хозяйственного развала.

Во главе найманского государства стоял Таян, человек своеобразного типа байроновского Арданапала, ни во что прочно не веривший и ничем, кроме охоты и развлечений, не желавший заниматься. Сам керейтский хан Тогрул, при дворе которого были христиане, свидетели отдаленных культурных связей, и который сам едва ли не был христианином-несторианцем, также почти все время проводил в облавах, и не столько он, сколько его золотой шатер, золотая чаша, из которой он пил, и другие предметы роскоши были в славе. Видя возвышение и усиление Темучина, Тогрул не оказывает ему активного сопротивления, но вместе с тем, не отказывает себе в мелком удовольствии задеть и раздражить его, когда тот стал очень силен. Не веря совершенно в успех борьбы и видя, что время упущено, он все-таки позволяет своему сыну вовлечь себя в войну, возлагая на него формальную ответственность за исход борьбы. Это слабование и упадочность способны раздражать даже современного нам читателя летописей. И мы видим это раздражение в старом вояке, наймане, сподвижнике еще Инанчи, отца алтайского Сарданапала, и в сыне последнего, Кутлуке, и в сыне Тогрула. Молодые более энергичны, но и менее проницательны и менее подготовлены к делу, чем отцы. Они выросли уже в период упадка. Монголы все-таки думали, что, может быть, победа в решительном сражении, данном керейтам, и не была бы за ними, если бы не удалось в самом начале битвы вывести из строя воинственного, но не благоразумного сына Тогрула. Сын найманского хана бежал к кара-китайам, сверг с престола также упадочного Гурхана, овладел его царством и продолжал борьбу с Чингисханом, но все-таки бесславно погиб в этой борьбе.

Чингисхан не был абсолютно самым сильным противником, и созданная им держава не представляла большого культурного или политического успеха для Центральной Азии.

В животном мире идет постоянная борьба, и в этой борьбе одерживает успех далеко не самый сильный, здоровый и желательный. Когда во время гона два сильных самца-олени бьются не на живот, а на смерть из-за самки, последняя достается часто третьему, наименее ловкому и сильному, который пользуется дракой сильных, или их гибелью и изнеможением.

Не монархия, созданная Чингисханом, и не сам он были наиболее сильными и достойными победы, а чересчур слабыми и исторически обреченными были его более культурные и численно сильные соперники. У Чингисхана была лишь воля к победе и организаторская выдержка. В недавнее время мы могли быть свидетелями аналогичных явлений, когда победа доставалась наименее сильным, но имевшим против себя в сложившейся социальной обстановке деморализованного, растерянного противника. Интересно, что такая мысль, правда, в отношении лишь гиньской династии, высказывалась самим Чингисханом, который в одном из своих «посланий», перечислив выпавшие на его долю успехи, говорит: «Не от того, что у меня есть какие-либо доблести, а от того, что у гиньцев правление не постоянно, я получил от неба помощь и достиг престола».

Чингисхан создал огромную мировую империю («такого царства не было еще с давних времен наших»). В состав ее вошел ряд больших культурных государств, которые были очень ослаблены и разграблены им и его сподвижниками и преемниками и тем сильнее, чем ближе находились к центру новой монархии. Спустя уже полстолетие, эта империя естественно и стихийно распалась на свои составные части, но из числа последних навсегда выпали государства керейтов, найманов, кара-китайских гурханов, меркитов и др. Огромные, стоявшие на известной культурной высоте и накопившие за века существования большие материальные ценности, страны были чересчур опустошены и обесилены; они превратились в необозримые и годные лишь для кочевников степи и полупустыни. Проезжавший всего через несколько десятков лет после походов Чингисхана через страну кара-китаев, Рубрук занес в свои путевые воспоминания сообщение, что на пройденных им равнинах находилось от Чингисхана много городов, но они все были разрушены татарами, чтобы расчистить место для пастбы стада, т.к. «там были лучшие пастбища». Рубрук еще застал в разных местах секты христиан и буддистов, которыми он, как монах, всего более интересовался, и которые пользовались «собственными письменами» и особым литературным языком.

Думать, что эта культура была уничтожена именно Чингисханом, было бы не совсем правильно. Разрушение началось до него. Чингисхан собственно только ускорил и довершил тот процесс, который захватил уже ранее присаянские и алтайские культурные народы. Он механизировал его.

Есть еще одно обстоятельство, которое требуется разъяснить.

Может возникнуть сомнение, имеют ли изображенные события и эпохи какой-либо интерес, кроме историко-археологического. Развернувшаяся катастрофа должна была нарушить органическое и закономерное развитие культурных и этнических процессов. Можно усомниться, чтобы в последующих периодах могли сказываться действия элементов, например, уничтоженной земледельческой и городской культуры, и чтобы можно было надеяться вскрыть в настоящее время действие столь отделанных факторов, развитие которого, при этом, было так резко нарушено. Если сформировавшиеся номадные государственные образования поглотили культурных орхонцев и алтайцев, то последние уже в ближайшие поколения должны были превратиться в новые этнические элементы и бесследно исчезнуть в своем прежнем виде. Но такое сомнение едва ли было бы основательным. Нас отделяет от описанной эпохи примерно 25 поколений. Это, конечно, очень значительный ряд, но и не так великий, чтобы могли совершенно сгладиться, исчезнуть антропологические и этнологические особенности подвергшихся смешению элементов.

Физическая метисация знает расщепление физических свойств в потомстве. Этим и объясняется наличие в пределах одной (нечистой) народности различных антропологических типов. Физическая же организация должна неизбежно находить отражение в сфере психических явлений, т.е. антропологические особенности должны иметь этнологические корреляции. Это, конечно, пока предположение, полученное скорее дедуктивным путем, чем путем индукции, со стороны систематизированного материала. Но у нас имеется и конкретный материал, позволяющий оставаться в сфере фактов.

В тех политических новообразованиях, которые возникли уже в послемонгольскую (или, вернее, в после чингисхановскую) эпоху, культурная традиция, несомненно, не умерла.

Носителями ее по соседству с нами были те монгольские государства, в состав которых входили турки, — ойратов (или чжунгаров) и алтын-ханов, а отчасти даже, не особенно заметные сами по себе, алтайские и кыргызские княжества. Чжунгарские контайши непрерывно стремились к созданию культурного государства, пытались строить каменные города, завязывать сношения, торговые и политические, с Туркестаном, Персией, Тибетом, Китаем. Те же стремления занимали и Алтын-хана, государство которого включало северных монголов (хойто-монголов) и «уряньхайцев», а среди последних были не одни звероловы-таежники.

Не чужды этих настроений бывали временами и халхасские ханы. Революционное движение в Монголии является указанием на то, что эти настроения явились почвой, обеспечившей успех новому движению.

VI. Этническая группа как хозяйственный фактор

Мы старались выяснить или, вернее, наметить, как хозяйственные и культурные факторы могли влиять на складывание этнологических и антропологических типов, какова была роль производственного момента в этнических образованиях. Естественно, что при этом мы должны были стоять, повернувшись, если позволительно так выразиться, лицом к прошлому. Но, раз сложившись, антропологические и этнологические образования получают способность самостоятельного действия. Взаимодействие их и основных факторов хозяйственного порядка можно изучать, хотя и в динамическом разрезе, но повернувшись, — продолжая наш образ, — лицом не к прошлому, а к будущему. Естественно задать вопрос, какое положительное значение имеет племенное объединение в организации хозяйства страны, и насколько оно может быть прогрессивным элементом в хозяйственной системе.

Мне уже приходилось упоминать в печати об одном интересном наблюдении. Во время одной из поездок по абаканским степям я был свидетелем, как мой ямщик, крестьянин из с. Табата в предгорьях Саян, с которым я всю дорогу разговаривал, перебрасываясь отдельными фразами, а иногда и разговаривал со встречными русскими и хакасами (или «татарами», как тогда говорили), пользуясь свободно то русским, то татарским языком. «Скажите, — спросил я его, — на каком языке Вы лучше говорите?» — «А на обоих одинаково», — ответил табатец, весело смеясь. «Ну, а какой язык, по Вашему, лучше, — не без коварства задал я ему вопрос, — русский или татарский?» Мой собеседник не сразу ответил, а сначала подумал, а потом вдумчиво сказал: «Татарский однако лучше: на нем как-то *ловче* выходит». Русский человек, свывшийся с крестьянской «упряжкой» (по терминологии Льва Толстого) и выработавший земледельческий календарь, создал в течение нескольких веков и соответствующий язык, который, в значительной мере, представляет *обиходный словарь технических слов и оборотов*. И вот этот русский язык в новой природной и хозяйственной обстановке оказывается недостаточно приспособленным, на нем не так «ловко» выразить мысль, как на языке людей, которые создавали его именно в этой обстановке. Поэтому и русский житель околбайкалья, не находя в своем словаре нужных слов, принужден прибегать к бурятским словам и оборотам. Он говорит: «качерик», «бурун», «ирген»; он не может найти термина, соответствующему бурятскому «сундулдуха» и, хотя прибегает к описательному выражению, но все-таки без бурятского слова не обходится: «ехать сундулой» (вдвоем на одной лошади, причем передний управляет лошадей, а задний держится обычно характерно вытянутыми руками).

Есть чрезвычайно характерное и меткое выражение: «понимать с полуслова». Выражаемая этими словами способность дается долгим сожительством и сотрудничеством. Кто имел случай наблюдать работу на плоту, на охоте, в тайге знает, как осуществляется и какое важное значение имеет эта способность понимать это одно сказанное слово, произнесенный звук или сделанный технический жест, заменяющий целую речь или длинные разговоры.

Каждое племя, каждая этническая группа представляют своего рода сработавшуюся, хорошо «спевшуюся» артель, пользующуюся не только одним словарем «технических слов и оборотов речи», но и бесконечно сложным запасом одинаковых навыков, приемов, наблюдений. Едва ли нужно останавливаться на том значении, какое имеет в трудовых процессах экономия сил, сбереженное лишнее движение и лишнее время, а также на том, что дает в этом смысле указанная выше «сработанность», «спетость». Каждая этническая группа сложилась, выработала систему трудовых навыков, создала свой язык в определенной природной и хозяйственной обстановке, и одновременно она представляет известную готовую коллективную рабочую единицу в хозяйственной деятельности данной страны.

Нам и казалось своевременным в этом очерке обратить внимание на очень важное теоретическое и практическое значение этнологических изучений не только в общем динамическом разрезе, но и в разрезе экономической динамики. Мы, конечно, не хотим этим сказать, что это одна тема, которая может быть поставлена и разработана силами одного лица. Тут нужно сотрудничество и этнолога, и антрополога, и экономиста, и климатолога, и физиолога-врача. Осуществление такой задачи было бы по силам лишь специальной исследовательской организации, мысль о которой уже возникла в виде проекта *Антрополого-Этнологического института* при Иркутском университете.

Несомненно также, что эта тема должна входить важной составной частью в ту разработку вопросов планового хозяйственного и культурного строительства, которое ведется на пространстве всего СССР.

НАЦИЯ И ОБЛАСТЬ В ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ*

Научно-исследовательские работы в Сибири издавна носят характер преимущественно этнографический. Это совершенно естественно и вытекает из этнического многообразия края.

Давним и привычным отправным пунктом в этих изучениях была национальность, как укрепленное и выясненное в своих особенностях понятие этнографического порядка. Исследователь-этнограф, вооруженный запасом признаков, как антропологического, так и этнографического характера, отыскивал наличие той или иной национальности в сложных данных наблюдаемой действительности. Система применения в этнографических работах готовых измерителей и классификационных схем твердо укрепила практику широкого пользования дедуктивным методом в этнографии.

Национальность, национальные признаки всегда древны и историчны, и это дает возможность этнографу рассматривать их как стойкое, закрепленное и отличительное явление, противопоставляя его всякому иному.

Излишне доказывать, что национальность всегда являлась плодом длительного единства исторических судеб данного этнического коллектива в условиях определенной географической обстановки и культурной общности. Исторические судьбы могли быть устойчивы для национальности только при условии *изоляции* этого сложившегося коллектива от инородных воздействий. Географическая обстановка изолировала этот коллектив или горными кряжами, или непроходимыми пустынями и болотами или давала возможность широко пользоваться кочевыми привольями и условиями легкого и свободного отхождения друг от друга чуждых народностей и прочих условия зарождения национальности — ее историческая изолированности.

Пока существовала возможность «свободного отхождения» и территориального приволья, народности были на страже своей «национальной чистоты» и проливали за нее кровь.

«И саги и история согласно свидетельствуют, что задолго до Ермака дикие племена Сибири вели кровавые войны между собой. На тех самых полях, где после Ермака одержал лучшие свои победы, часто лежали рядом остиаки и вогулы вместе с их самоедскими и татарскими соседями. Было всеобщее безмирье на земле, «*bellum omnium contra omnes*» (Кастрен).

Конец XVI в. был для Сибири началом развития и возрастающего воздействия *нового фактора*: русской колонизации и перехода кочевых аборигенов к оседлости. Значение этого фактора, смеем ду-

* ЭБ. 1922. №3. С. 6–9.

мать, еще не учтено в должной мере сибирской этнографией. Каково же его значение?

«История сибирского народонаселения в XVII–XVIII столетиях вся есть ничто иное, как история борьбы племен, племенных отношений, *племенного сношения*»¹⁰⁴. XIX век в Сибири был закреплением мирного сожития национальностей, начавших забывать свои междуусобия с одновременной утратой и той этнической чистоты, которая раньше разделяла их на враждующие лагеря.

«Чистота» этнического типа — понятие совершенно относительное, даже для древней народности. Укажем это хотя бы для бурят-монгол, представляющих по словам этнографа буряты Богданова «этнический конгломерат, спаянный общими интересами и общностью культуры».

В существовавшую сложность и запутанность межнациональных отношений русское вторжение внесло новые осложняющие моменты и глубоко закрепилось в течение свыше трехсотлетнего периода, прежде чем революция наших дней провозгласило федеральное строительство и призвала к автономной жизни большие и малые народности. Поток русской колонизации с сокрушительной силой распространился по водным артериям края всюду. Началось физическое национальное смешение (метисация). Культура и нравы русских пришельцев проникли в быт туземного населения. В свою очередь, этот быт и туземная культура обьякутили, обурятили, отунгусили русских землепроходцев и их потомство.

Началось стягивание новым хозяйственным укладом кочевых приволий охотничье-звероловческого и кочевого-пастушеского быта и вместе с тем начался переход к оседлому укладу и новым формам хозяйства. В длительном сожительстве и культурном взаимодействии создались особые диалекты, оригинальные черты духовной культуры, своеобразие правовых воззрений, новые формы хозяйственной жизни. Впрочем, русское влияние было не единственным, и внутри его самого был ряд этнографических слагаемых.

Через южные границы Сибири проникали и оказывали свое поработящее влияние восточные культуры. Влияние древних культур Срединной Азии давнее — оно пришло в Сибирь вместе с войлочными юртами кочевников, потесненных и устремившихся в леса и равнины Севера.

Культура русских пришельцев, как уже сказано, не была внутренне однородна. Служилые, промышленные и гулящие люди шли в Сибирь из самых разных областей России и несли сюда разнородные говоры, привычки, быт. Главная масса переселенцев происходила из жителей северо-восточного Поморья — устюжан, вычегжан, мезенцев

¹⁰⁴ Щанов А.П. Сочинения. Т. II. С. 402.

и пр. Но и это была не однородная по этнографическим признакам масса. «Поморы, принесшие на свою новую родину вместе с языком и религией унаследованную от своих отцов упорную настойчивость и предприимчивость, сами не представляли из себя однородного целого; среди них были очень сильные инородческие финские элементы в лице зырян, вымичей, сысоличей и других племен, из которых некоторые, как зыряне, до сих пор сохранили свой язык и культуру, а другие, как сысоличи, оружием не раньше XIX века»¹⁰⁵. Для забредших в колонизационном передвижении культур Сибирь сыграла роль питомника, дав им свои своеобразные условия акклиматизации. Укажем на судьбу хотя бы русских говоров в Сибири, изучение которых представляет интерес не только для лингвистического познания самой Сибири, но и для истории самой метрополии. Иногда эти говоры, равно как и другие черты бытового уклада пришельцев сохранились здесь на новых местах в своей исторической чистоте и представляют собой надэтнологическое явление. В других же случаях мы наблюдаем утрату на новой родине и соматического типа, и национального сознания переселенца. Какой-нибудь вологодский говор, занесенный поморами в Колымскую область, медленно угас и потомок помора приобрел новое национальное самосознание: «Какие мы юские — мы койимский найод!»¹⁰⁶. В большинстве же случаев нет в наличности ни стойкости забредших этнографических признаков, ни сохранности этнографических особенностей аборигенов.

Укажем социологическую аксиому: общество людей, находящихся во взаимодействии, не есть простая сумма этих людей; это взаимодействие различных этнографических индивидуальностей порождает **новый этнографический тип**. Этот тип плохо объясняется путем отыскания в нем привычных и непреложных национальных признаков. Этот тип, подобно химическому реактиву, механически не разлагается на элементы, первоначально составившие его. Старинное и громоздкое понятие национальности плохо вяжется с ним — он пасынок нации. Последняя имеет за собой кровавую летопись своего исторического расцвета, а порой и политического величия. Этот же новый этнографический тип не может предъявить блистательного этнографического аттестата; он скромен, как дитя мирной трудовой и невоинственной жизни.

Каково же имя, которое должно носить это новое этнографическое образование? Порождает его исторически и географически сложившаяся область и поэтому он называется **областным типом в этнографии**.

¹⁰⁵ Сибирский сборник, 1887. С. 8.

¹⁰⁶ Бахрушин С.В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. Пг., 1922. С. 74.

«Поскольку область имела свою собственную историю и поскольку ее территория отличается более или менее ярко выраженными особенностями, население может выработать себе особый **областной характер**, который будет объективно сказываться в том, что это население делает и производит¹. Когда образуется область, в ней уже нет чистого национального типа. Чем разнообразнее этнический состав области, своеобразнее географическая обстановка и самобытнее исторические судьбы, тем в области больше особенностей, тем рельефнее областной характер и тем сложнее его изучение.

Нам кажется важным, в заключение этого небольшого эскиза, отметить две организационно-творческие функции области. Во-первых, она является приемником, носителем и ассимилятором этнографических данностей, образованных в ней теми национальностями, которые или отложились в ней в целом, или же вошли в нее частично. Это **организационная функция области**. Во-вторых, область является фактором образования новой этнографической группировки, нового этнографического типа. В этом случае область — этнографическая лаборатория. Это — **творческая функция области**.

¹ *Хвостов В.М.* Область как фактор социальной психологии. М., 1913. С. 13.

ЛЕГЕНДА О ЩАПОВЕ*

Маленькой, лежащей в стороне от большого тракта, деревушке Верхоленского уезда Анге выпало на долю быть родиной двух замечательных людей: известного миссионера-этнографа, впоследствии митрополита Иннокентия (в миру Иван Попов-Вениаминов) и знаменитого историка и областного писателя Афанасия Прокопьевича Щапова². Плохо ли, хорошо, но она помнит и того и другого. Одним она гордится, о другом вспоминает неохотно и иронически.

Правда, память о митрополите Иннокентии деятельно поддерживается, вернее, поддерживалась, духовенством. Многие, наконец, и по сию пору помнят пышный проезд митрополита, когда на пути в Москву заезжал он в родную деревню поклониться праху родителей. Местное духовенство со своей стороны довольно часто устраивало чтения и беседы, посвященные митрополиту Иннокентию; лет десять-пятнадцать тому назад был даже реставрирован домик, где родился и провел детство митрополит. Правда, реставрация произведена весьма неудачно, т.к. новая постройка изменила прежний вид и дает представление скорее о типе старинного дома, чем о подлинном домике родителей митрополита Иннокентия. Но, во всяком случае, во всем, что касается памяти митрополита, чувствуется заботливая и бережная рука.

* СЖС, 1923. Вып.1. С. 59–71.

⁵ Настоящая статья составлена по материалам, собранным мной летом 1915 г. в с. Анге, во время поездки моей (по поручению Этнографического отдела РГО и Отделения русского языка и словесности Академии Наук) на р. Лену для собирания материалов по фольклору старожильческого русского населения. Поездка эта являлась частью задуманного экспедиционного плана: по следам прежних этнографов — Ровинского, Максимова и Щапова с целью проверки на месте их выводов и уяснения методов их работы (о необходимости такой проверки — в моей работе «Эпическая традиция в Сибири»). В этих целях я совершил зимой 1913/1914 г. поездку по казачьим селениям р. Амура (путь С.В. Максимова); лето 1915 г. провел, как уже сказано, в Верхоленском уезде, причем особое внимание мною было уделено Анге, как центральному пункту наблюдений Щапова. Поездки по Ангаре — по следам Ровинского — осуществить уже не удалось. Вместе с тем, попав в Ангу, родину Щапова, я решил собрать также и материалы о Щапове биографического характера, а заодно выяснить, сохранилась ли у земляков А[фанасия] П[рокопьевича] память о нем и в каких чертах представляют они себе его деятельность и значение. Ответ на этот вопрос представил неожиданный интерес. Он оказался любопытным и примечательным не столько для биографа, сколько для этнографа-фольклориста, интересующегося процессами возникновения и распространения устных преданий.

Не то с памятью Щапова. Следует, впрочем, отметить одну попытку местной интеллигенции упрочить память Афанасия Прокопьевича Щапова среди земляков. В 1901 г., по случаю исполнившегося 25-летия со дня смерти Щапова, Общество распространения народного образования в Иркутской губернии решило ознаменовать эту дату открытием в Анге бесплатной библиотеки-читальни его имени. Было возбуждено соответствующее ходатайство, собирались пожертвования, велись переговоры с Ангинским сельским правлением. Последнее охотно откликнулось и отвело для предполагаемой библиотеки помещение при сельском правлении; пожертвования собирались также довольно успешно и 4 января 1904 г. библиотека была открыта. Но присвоить ей именование Щаповской власти в лице тогдашнего иркутского генерал-губернатора графа Кутайсова не нашли возможным, и библиотека открылась под названием «Ангинская бесплатная народная читальня». Во время моего посещения Анги библиотека, насчитывающая около двух тысяч книг, влачила уже жалкое существование.

Дом, принадлежавший отцу Щапова, и в котором родился Афанасий Прокопьевич, сохранился, хотя и не совсем в прежнем виде. Часть его снесена. А.П. Щаповым он был продан местным купцам Брегелям, а от них перешел в собственность Ангинской школы. На школьном дворике и посейчас ютится эта маленькая хибарка. Грустное и тягостное впечатление производит она: выбитые стекла, покосившиеся стены — и мерзость запустения внутри. Место рождения знаменитого писателя приспособлено теперь для хранения зимой картошки, капусты и пр. Отвратительным запахом гнили и разложения повеяло на меня, как только я распахнул дверь и перешагнул через порог ветхой избушки. И невольно вспомнилась тропа национального писателя, бережно целиком перенесенная в музей «На лоне природы» в Гельсингфорсе.

Но имя Щапова в Анге не забыто. Щаповых, дальних родственников и однофамильцев А.П. Щапова, в Анге много и по сей час. Сведения о роде Щаповых сообщил сам А.П. Щапов в статье «О физическом развитии Верхоленского населения». «Первый крестьянин Щапов, пришедший из России через Низово-Ленский и Илимский уезды, поселен был в 1693 году, в числе других крестьян, тоже выходцев из России, в только что строящуюся тогда Ангинскую слободу; от этого-то крестьянина прежде всего в самой Ангинской слободе родился небольшой род крестьян Щаповых до второй половины XVIII века. Один из этого русско-крестьянского рода Щаповых, с основанием в Ангинской слободе церкви, по совершенному отсутствию белого духовенства, выбран был ангинскими крестьянами в дьячки ангинской церкви, — и от него пошел духовный род Щаповых, представляющих в прошлом в Ангинской слободе непрерывную генеало-

гию дьячков и пономарей, женатых большею частью на крестьянках и живших совершенно по-крестьянски, а на стороне в разных местах Иркутского округа разветвившийся на побочные сродные линии или отрасли одного духовного рода Щаповых»³. Существует даже особая Щаповская заимка, многие хорошо еще помнят отца А.П. Щапова.

Отец Афанасия Прокопьевича был, как известно, пономарем в селе; семья его была немалая: три сына и три дочери. Все поженились, выходили замуж; у всех, кроме А[фанасия] П[рокопьевича], были дети, но все они куда-то разбрелись, покинув родную Ангу и, вероятно, мало кто из них думает о родстве со знаменитым писателем. Из родственников его мне пришлось повстречаться только с одним из них, Прохором Бобровским, крестьянином села Бутакова (несколько верст от Анги), сыном одной из сестер Афанасия Прокопьевича. В селе Тарае живет семья Кузнецовых, некогда весьма близкая Щапову. Теперешний глава этой семьи, Адриан Иванович Кузнецов, сохранил самую благоговейную память об Афанасии Прокопьевиче. Вообще, в семье Кузнецовых держится еще и до сих пор как бы некий культ Щапова. Имеется его портрет, хранятся его подарки. Долго хранились и письма, но, к сожалению, их унес какой-то несчастный случай. Такое отношение к памяти Афанасия Прокопьевича Адриан Иванович Кузнецов перенял еще от отца и особенно от деда и прадеда.

Последний — умный, известный далеко на Лене, старик Савва Павлович Кузнецов, крепко любил и уважал Щапова, так же относился к нему и сын его, Савва Саввич. По семейному преданию, а также по воспоминаниям других лиц, и Афанасий Прокопьевич платил им тем же и охотно в беседах с ними отводил душу. Жена Саввы Павловича, Елена Андреевна, была к тому же родной теткой Афанасия Прокопьевича и его крестной матерью. В Анге же живет несколько семей политических ссыльных, повстанцев 1863 года, хорошо знавших Афанасия Прокопьевича и более или менее отчетливо помнящих его и сейчас. К сожалению, воспоминания и рассказы о Щапове в семье Кузнецовых не особенно ярки и интересны. Несколько интересных фактов передавал Адриан Иванович со слов деда. Однажды он спросил: «Как это ты, Афанасий Прокопьевич, выдумываешь, пишешь?» — «Да так, — отвечал тот, — найдет новой (иной) раз такая минута, что сами слова на бумагу лезут, будто как говоришь». В другой раз после долгой беседы Саввы Саввича с Афанасием Прокопьевичем первый спросил, не может ли он быть чем ему полезным. «Одним только, — отвечал Щапов, — построй в Анге школу». Этот рассказ подтверждал мне и один из местных политических (повстанцев 1863 г., Стан[ислав] Ив[анович] Ястржембский).

³ Цит. по ст. *Лущинского Г.А.* Афанасий Прокопьевич Щапов: Биографический очерк // Щапов А.П. Соч.: В 3 т. СПб., 1908. Т. 3. С. II.

По-своему помнит Шапова и крестьянская Анга. Его необычайная для обитателей деревни судьба не могла не вызвать интереса к его личности. Странны и даже дики были в глазах крестьян и его наружность и его поступки. Антропологические измерения, записывание песен, поиски археологического материала — все это являлось «чудным» и диковинным. Его не раз вспоминали, не раз досужили о нем деревенские кумушки, разбирались его дела и поступки: одно непонятное громоздилось на другое и, наконец, создалась своеобразная Шаповская легенда, пытавшаяся объяснить и его «занятию» и головокружительный успех земляка «в Рассее» и его быстрое, бесславное падение. Героем этой легенды был не тот Шапов, которого они знали, который не раз беседовал и выпивал с ними, а какой-то другой, «питерский», жизнь которого была окружена таинственностью и загадочностью. Этой легенде только не всегда хватало героического элемента, слишком уж противоречил этому в их глазах реальный образ знакомого им Шапова, «пономарского сына», любившего выпить чудака и к тому же безбожника.

Безбожие Шапова — один из основных стержней этой легенды. Безбожие его — факт, в селе прочно установленный, и ему было посвящено немало рассказов и воспоминаний моих собеседников.

Одна из местных старожилок, престарелая Евдокия Алексеевна Попова, дочь священника, служившего в местной церкви во времена пребывания там А.П. Шапова, и посейчас с большим неодобрением вспоминает Афанасия Прокопьевича. «Был он чудной какой-то. Чо-то ходил все зря, каки-то все сведения собирал. Безбожник был. Придет во храм — не перекрестится». Она уверяла даже, что Шапов родных своих заставил иконы снять. Отец Алексей, по ее словам, перестал под конец даже уважать его, «а сначала-то любил поговорить с ним».

Вообще, как я уже сказал, о безбожии Шапова вспоминают чаще всего, переплетая факты с фантастическими вымыслами. О безбожии его говорил мне и местный священник, уверявший, что Шапов и старика Савву (Кузнецова) «совратил». В семье Кузнецовых сохранилось воспоминание о таком разговоре деда с Афанасием Прокопьевичем. Тот прямо спросил: «Бог-то есть, Афанасий Прокопьевич?» «Есть-то есть, — отвечал тот, — да только понять его нельзя. А чему попы в церкви учат, это брат, ерунда». По убеждению своих однодеревенцев, Шапов был жестоко наказан за свое неверие. Об этом так рассказывал мне девяносточетырехлетний старик, Карп Иванович Аксаментов:

«Грамотей он был, курсовик. Был человек первостепенный, но только в Бога не верил. Приезжает он домой, входит в избу и креста не кладет. Отец ему и говорит: «Ты что же, Афанасей, святым иконам чести не воздаешь, Богу не поклонись?» «А это, — говорит, — дело

рук человеческих». Потом приезжает в Тарай, к дяде своему Савве Павловичу, и опять же святым иконам креста не кладет. Заметил ему дядя, а тот опять в ответ: «Это дело рук человеческих, а Бог тут ни при чем». Ну, погостил он так с полмесяца, поехал в Иркутск, и только Веселую гору проехал, вдруг ослеп. «Что это, — спрашивает у ямщика, — я ни тебя, ни горы не вижу». А он уже отемнел, значит. Приехал в Иркутск и через три дня Богу душу и отдал».

Приходилось мне слышать, что Шапов был чернокнижником и колдуном. Один из ангинских крестьян хорошо помнил Афанасия Прокопьевича, а о нем самом так отозвался: «Сын-то пономаря? Востролом что ли он был? Приезжал откуль-то, где-то жил. Кто его знает. Чернокнижник был какой-то, — равнодушно добавил он.

Другими мотивами Шаповской легенды являлись его успехи, возвышение и падение. По рассказу племянника Шапова, Прохора Бобровского, «Афанасея Прокопьяча возили к самому государю на лицо». Уже приготовили для него черную повозку куда-то завезти, но он сумел обелить себя. Хотели же отправить его за то, что «будто он похоронил кого-то не так, как надо, а «ничком» (так преломился известный слух об участии Шапова в знаменитой панихиде). На мой вопрос: почему же он хоронил, Бобровский ответил: «Да ведь он на архирея выучился, да только не восхотел». «Шапова привезли к государю, — рассказывал тот же Прохор Бобровский, — «по первоначалу-то он (царь) гневался, а после, как выслушал-то Афанасея Прокопьяча, положил ему анпиратор руку на голову и сказал: «Вот какие есть люди в Сибири!» Рассказ этот слышал Прохор от своей матери, сестры А.П. Шапова.

По рассказу семидесятилетнего крестьянина, Андрея Антоновича Шапова, была какая-то «забастовка» и кто-то за его (за А.П. Шапова — М.А.) руку приложил. «Будто за него подписался, а он не при чем. Да ладно, в синоте-то товарищи у него были, а то бы пропасть. Они его и оправили. И так здорово руку подвели, что как не напишет, все его рука». «Не будь этого, — добавил он, — приехал бы он к нам в Ангу генералом». Упомянутая выше Евдокия Алексеевна Попова тоже слышала, что Шапова «из Рассеи выслали за каку-ту панафиду». Высылка ее не удивляла, так как Шапов «поперешной был, все наперекор начальству делал». В Иркутск привезли его в темной повозке (по ее же рассказу) и никуда не выпускали.

Сравнительно ближе к истине передает этот факт биографии Шапова умный и развитой старик Соколов, неоднократно беседовавший с Афанасием Прокопьевичем: «Манифест об освобождении крестьян издали, а народ все не увольняют. Крестьяне по-прежнему всюду работают. И был такой человек, с хорошей головой, который настоящим манифестом раздобылся, и к этому манифесту народ собрался. Тысяч семнадцать народу собралось. А донесли, будто на-

род взбунтовался. Пришли солдаты, стали стрелять. А потом, когда много народу поубивали, Афанасий Прокопьевич и вздумал панихиду о нем служить. Тут его и арестовали. Посадили его на габвахту, где царскую фамилию содят. Думал что повесят. Сидел он одиннадцать дён. Привели его ко государю. Тут и говорит ему государь: «Ну, садись, Афанасей Прокопъич». Сел он, стали они беседовать. В конце беседы и говорит ему государь: «Ну, Афанасей Прокопъич, полюбил я тебя и во всем прощаю. Оставайся у меня в канцелярии, — и положил ему 500 рублей в месяц. Пробыл он у царя в канцелярии полтора года. Но только стал он шибко вино пить. А потом еще стали на него высшие чины злоствовать, потому что Афанасей Прокопъич обо всякой их пакости самолично государю докладывал. Снова призвал его государь и говорит: «Ну, Афанасей Прокопъич, приходится нам с тобой расставаться», отпустил его, значит, и большие прогоны выдал.

Для большей отчетливости напомним некоторые факты, являющиеся реальной основой этих фантастических рассказов. В 1861 г. на почве недоумений, вызванных Манифестом об освобождении крестьян, произошли кровавые события в с. Бездне Казанской губернии. Среди крестьян нашелся раскольничий начетчик, Антон Петров, который по-своему толковал Манифест, в духе народных чаяний. Слух об этом быстро распространился и в Бездну начали стекаться крестьяне из соседних мест. Администрация потребовала у крестьян выдачи Антона Петрова — те отказали. Это было истолковано как «бунт», была вызвана военная сила. В безоружную толпу были даны залпы, в результате которых было убито и ранено около 150 чел. Антона Петрова арестовали и вскоре казнили.

Это событие произвело огромное впечатление на общество. Казанское студенчество решило, в качестве демонстрации, отслужить панихиду по «убиенным за свободу и любовь к отечеству». После панихиды Щапов, тогда профессор университета, произнес горячее надгробное слово. Против Щапова и студентов немедленно же было возбуждено «дело». Он было поехал в Петербург для объяснений, но по дороге был арестован, и прибыл в столицу уже в сопровождении жандарма. В Петербурге он был посажен в Третье Отделение, откуда позже по болезни был переведен в арестантское отделение для офицеров клиники проф. Заблоцкого-Десятовского. Но тюремное заключение Щапова не было длительным, месяца через три (даже меньше) он был уже освобожден. По ходатайству некоторых влиятельных знакомых Щапова, его взял на службу министр внутренних дел П.А. Валуев, с жалованием в 50 руб. в месяц.

Имеют некоторые основания и рассказы о личном внимании Александра II к Щапову. Царь весьма интересовался делом Щапова. На телеграмме с докладом о событиях в Казани он изволил собственноручно карандашом написать: «Щапова необходимо арестовать». В

Синоде дело собственно кончилось для Шапова ничем, но, по приказу Александра II, оно было передано оттуда в Главный Комитет. По рассмотрении дела в последнем царь повелел Шапова устранить от должности и отправить в монастырь. Это неожиданное решение, отменявшее прежнее, смутило самих министров. За Шапова взялись хлопотать такие лица, как П.А. Валуев, гр. А.П. Толстой и др., и, наконец, дело кончилось прощением Шапова, опять-таки по личному распоряжению Александра. Шапов остался в Петербурге на службе, но в 1863 г. он был выслан административным порядком в Сибирь.

Рассказывал также Соколов о том, как учился Афанасий Прокопьевич: «На экзамене или уроке графских и генеральских детей все вперед толкают, а Афанасей Прокопич все на конце да на конце. А потом глядишь — впереди всех выведут». На мой вопрос, где служил Шапов, старик ответил: «Был он заведующим университетом в Казани».

Конечно, о деятельности Шапова были смутные представления у всех. Тот же Андрей Антонович Шапов говорил мне, что Афанасий Прокопьевич был «не то переплетчик, не то составитель книг». Этот А.А. Шапов был помощником старшины в тот год, когда приезжал в Ангу А.П. Шапов, и оказывал ему содействие в поисках старинных предметов. Через некоторых крестьян он добыл Афанасию Прокопьевичу штук пятнадцать старинных стрелок. Тот был очень доволен и после прислал подарок Андрею Антоновичу. Они вдвоем часто ходили по селу и А.П. Шапов, по его словам, все интересовался: и как бабы песни поют, и как стряпают, «словом, до всего доходил». «Для чего ему это было надобно, уж не знаю», — закончил он.

Рассказывал мне об этнографических и археологических занятиях А.П. Шапова и старик Зуев, свойственник семьи Шаповых. Он хорошо помнил и пономаря, Прокопия Андреевича, и Афанасия Прокопьевича. О первом он отзывался с большой похвалой: «Был он хорошо поучон, свещенником был бы, да голос не позволял — писклявой, как у комара». К Афанасию же Прокопьевичу относился с нескрываемою иронией. Насмешливо рассказывал он, как Шапов собирал парней и девок «петь ему песни». На полянку выносился столик с водкой; те, кто хотел петь, подходили, прикладывались к водочке и затягивали. Сам Зуев — тогда молодой парень — был также в числе этих певцов.

Эти подробности подтверждала и одна из представительниц местной интеллигенции, Евдокия Михайловна Масюкова, жена одного из политических ссыльных, местная уроженка, бывшая девочкой во время пребывания в Анге Шапова. Она вспоминала, как Афанасий Прокопьевич часто плакал, слушая песни. В среде политических (повстанцев 1863 года) я слышал такие воспоминания. Однажды Шапова растрогала любимая песенка «Лучинушка». Помню, говорил он: «Как зимой отец хомуты чинил, а я сидел и лучинушкой светил».

Этнографические занятия Щапова были прерваны насильственным образом. В самый разгар работы в волостное управление «пришла бумага из Иркутска». Местным властям предписывалось строго наблюдать за Щаповым и в коем случае не допускать близких сношений его с крестьянами (это в деревне-то!). «Бумага» была секретная. Старшина, приятель Афанасия Прокопьевича, был немало смущен всем этим и положительно не знал, что делать. Наконец, он решил, что лучше всего будет посоветоваться с самим Афанасием Прокопьевичем, сообщив ему содержание секретного предписания. На того это подействовало самым удручающим образом. Он бросил свои наблюдения, «махнул на все рукой», запил и вскоре покинул Ангу⁴.

Это обстоятельство сыграло, конечно, также важную роль в отношениях к Щапову крестьян. Сближение его с земляками-однодеревцами шло и без того туго. «Секретная бумага» из Иркутска завершила это отчуждение. И вместе с тем как бы прояснилось то непонятное, что было связано с обликом Щапова. И его странные занятия, и его рассказы о своей судьбе теперь как бы осмыслились. В представлении о Щапове иркутская «бумага» наложила последний штрих. Недаром, по свидетельству нескольких моих собеседников, эта «бумага» взволновала все село, и один из крестьян признавался мне, что об Афанасии Прокопьевиче даже и «говорить-то потом вслух опасались». Жизнь и судьба его теперь представились под определенным углом: и таким образом был дан мощный толчок для уже начавшей твориться легенды.

Так двойственным и противоречивым зарисовывался в памяти ангинцев образ Щапова. Безбожник и чернокнижник — с одной стороны; и человек, не боящийся стоять за народ, резавший «правду-матку» самому царю, и которого сам царь внимательно слушал и уважал и вместе с тем боялся — с другой. Таким, внушающим страх и уважение представлялся он простодушным ангинцам. Но это были черты городского Щапова. Рядом с ним уживались и другие, более близкие и понятные. Ведь, все же, он был для ангинцев своим, близким, сотрапезником и собутыльником — пономарским сыном, ставшим в городе «чудаком» и интересующимся песнями и «бабьими занятями». И образ опасного «политика», жуткий образ наказанного безбожника, образ «городского» Щапова как бы растворялся в этой фигуре деревенского знакомца. Оттого-то большинство рассказов о нем, да и вся эта Щаповская легенда как бы пронизаны некоторым элементом иронии. Легенде, как я уже сказал, не хватало героического элемента.

⁴ Сообщено мне Адамом Фомичем Петровским, одним из повстанцев 1863 г., служившим волостным писарем, когда разыгрался этот эпизод.

Чтобы покончить с представлениями о Шапове у его земляков, нужно отметить еще одно. В этих рассказах и сообщениях о Шапове на фоне всей этой фантастики мелькают иногда подлинные черты настоящего Шапова. Это тогда, когда речь заходила от отношении Афанасия Прокопьевича к его родным. Племянник его, Прохор Бобровский, никогда не выдавший Афанасия Прокопьевича, но питающий самое благоговейное отношение к нему, сообщал мне со слов своей матери о заботах Афанасия Прокопьевича об ее судьбе и частых случаях помощи ей. Об этом сообщали мне и другие. Между прочим, это подтверждается и некоторыми печатными материалами. Так, вскоре после смерти Шапова в газете Сибирь (1876 г., №36) появилась интересная корреспонденция из Верхоленска; со слов лиц, знавших Шапова, корреспондент сообщал, что Афанасий Прокопьевич незадолго до своей смерти мечтал об издании своих сочинений, чтобы обеспечить своих близких родственников («плакал, на нужду нашу глядя», — говорил мне Прохор Бобровский). Это, конечно, ему не удалось. Он сам умер бедняком — в бедности, почти в нищете, влачили дни его родные. Одна из его сестер была замужем за верхоленским крестьянином, Мальцевым. Корреспондент «Сибири» видел его слепым стариком, собирающим милостыню. Другая сестра была замужем, как уже сказано, за крестьянином Бобровским и также очень бедствовала. С ее же слов рассказывал мне Прохор Бобровский, как сильно был привязан Афанасий Прокопьевич к родным местам и дорожил ими. Он все просил сестру не покидать Анги и жить в отцовском доме. Под старость он и сам собирался переселиться туда же⁵.

Характерен и трогателен рассказ на эту же тему старика Костромитина (по местному прозвищу, Кудукана). С обозами приходилось ему иногда бывать в Иркутске, и каждый раз заходил он к Афанасию Прокопьевичу, который всегда его радушно «привечал», и иногда присылал с ним сестрам подарки. Как-то приезжает он также в город, заходит к «Офонасею Прокопичу», а у того сидел какой-то гость, «барин же». Шапов, увидав земляка, бросился к нему навстречу, обнял его, расцеловался с ним, а потом закричал: «Ну и молодец же ты, что приехал, а то вот я все толкую, что лучше воды, чем наша Анга, нету, а вот он — кивнул на гостя, — не верит». «Ну, я, — довольным тоном закончил Кудукан, — конечно, обсказал, что, действительно, вода наша чудесная, и в ней ни одна змея не может жить»⁶.

⁵ Об отношении А.П. Шапова к родным см. статью Знаменского (Исторический Вестник, 1899, №2), а также мою статью «К биографии А.П. Шапова и митрополита Иннокентия» // Русская Старина, 1916, №7.

⁶ О любви Шапова к природе, в частности, к природе своей родины, неоднократно упоминалось в биографической литературе, особенно у С.С. Шашкова.

Легенда о Щапове — явление не одинокое и не случайное в Сибири. Позволю себе для сопоставления напомнить легенду, которую сообщает в своем воспоминании о Чернышевском В.Г. Короленко. Эту легенду слышал он в одном из самых «угрюмых, печальных и неприветных мест» Сибири. Население этих мест так говорит о своей жизни: «Столбы для дому бей в камень, паши камень и камень кушай... и слеза наша на камень этот падет». «Но, как все люди, — говорит В.Г. Короленко, — они все ждут чего-то и на что-то надеются». Среди этих надежд немалое место занимает надежда и на... Чернышевского. По рассказу одного из станочников-ямщиков, везших Чернышевского при возвращении его из Якутской области, Чернышевский был одним из самых важных генералов и «первееющих сенаторов» у Александра II. Однажды Александр II созвал всех своих «сенаторов» и стал с ними советоваться, как сделать лучше «людишкам своим». Сенаторы предлагали различные меры — и только один Чернышевский упорно молчал. Спрошенный царем, он посоветовал убавить генералам и сенаторам богатства, а работы им прибавить, прочему же народу «убавить тягостей».

«Вот услышали это сенаторы и осердились. Самый из них старший и говорит: «Это, знать, последние времена наступают, когда волк волка съестъ хочет». Да один за одним и ушли. И сидят за столом — царь да Чернышевский — одни. Вот царь и говорит: «Ну, брат Чернышевский, люблю я тебя, а делать нечего, надо тебя в дальние места сослать, потому с тобой с одним мне делам не управиться. Заплакал да и отправил Чернышевского в самое гиблое место на Вилюй»⁷.

Сопоставляя эту легенду с легендой о Щапове, необходимо констатировать не только их общее идейное сходство, но местами поразительное совпадение в деталях. Сходство настолько сильно и глубоко, что, пожалуй, кому-либо покажется возможным поставить вопрос о влиянии первой легенды на вторую или наоборот.

Но, конечно, здесь дело не во влиянии и не в заимствовании. Сходство здесь неизбежно. «Молодой стране изгнания и пуших страданий», как именует Сибирь С.В. Максимов, не раз приходилось сталкиваться с людьми, представлявшимися местному населению какими-то выходцами из иного мира, чья жизнь и судьба поражали своими контрастными переходами. Опальные сановники и царедворцы, разжалованные князья и графы, декабристы, страдальцы за веру, наконец, масса «политиков» второй половины XIX в. длинной и пестрой вереницей прошли перед туземным населением. И в нем, как свидетельствует С.В. Максимов, создавались «особые воззрения на этих людей, известных под именем 'секретных'»⁸.

⁷ *Короленко В.Г.* Полное собрание сочинений, изд-е А.Ф. Маркса, т.1. С. 382.

⁸ Максимов С.В. Сибирь и каторга, Изд-е 3-е. СПб, 1900. С. 389.

Перед населением не раз вставала задача — осмыслить чужую судьбу; и эти попытки осмысления естественно должны были вызвать к жизни ряд легенд, аналогичных приведенным выше: о Шапове и Чернышевском. Добавим, что эти размышления и догадки об участи невольных пришельцев тесно сплетались с размышлениями о своей судьбе и «своем житьишке», вспомним, наконец, что первые и наиболее яркие встречи туземного населения с этими пришельцами-изгнанниками были как раз встречи с вчера еще сильными и властными⁹ — и будет вполне понятен и тот фон, на котором возникали эти легенды, и то направление, по которому шло и развивалось их содержание. Отсюда их идеологическая близость, отсюда сходство и совпадение в деталях. Только образ Чернышевского явился более отчетливым, цельным и законченным в своей легендарности — облик же более близкого Шапова остался двойственным и неясным. Легенда не смогла окутать его целиком.

Значение приведенных здесь рассказов и преданий о Шапове, мне думается, не ограничивается одной только этнографической стороной. Они, несомненно, не лишены и некоторого биографического значения. Известна жестокая, беспощадная характеристика сибирского населения и общества, сделанная Шаповым. В этой характеристике в значительной степени сказались, как уже неоднократно отмечалось критикой, личные настроения и переживания Шапова. Некоторым исследователям эта роль иных настроений представляется даже в чрезмерно преувеличенном виде — например, у биографа А.П. Шапова Г.А. Лучинского. «Мы слышим голос не беспристрастного историка, а человека, измученного в борьбе с лишениями физическими и страданиями психическими», — пишет он¹⁰. Но, конеч-

⁹ Например, на Лене, помимо декабристов, до них еще, местное население видело в качестве таких изгнанников: президента камер коллегии Петра Первого — Фика, князя Черкасского, Барона Менгдена, графа Головкина, графа де Сантиса, Радищева и др. А.В. Пруссак записала в Иркутской губернии ряд легенд о декабристах, своим содержанием вполне подтверждающих приведенные выше наблюдения. С этой же точки зрения любопытна старинная «сибирская повесть» Н. Шукина (*Посельщик Н.Ш. Сибирская повесть*. СПб: Тип-я К. Веклебера, 1834).

¹⁰ *Лучинский Г.А.* Афанасий Прокофьевич Шапов: Биографический очерк // Шапов А. П. Соч.: В 3 т. СПб., 1908. Т. 3. С. VII. Вообще Лучинский невольно для себя таким преувеличением роли личных элементов в построениях Шапова снижает научное значение последних. Личными настроениями объясняются даже такие моменты, как защита Шаповым Трескина и его противопоставление чиновничества купеческой олигархии. «Мрачная характеристика сибирского общества, защита Трескина, предпочтение чиновничества, так раньше ненавидимого Шаповым, буржуазии — вызваны были тяжелой бедностью и озлобленностью Афанасия Прокопьевича на безучастие окружающих к тяжелой судьбе его». Так объяснять — значит,

но, если нет надобности так преувеличивать значение этой личной струи, то учесть ее все же следует. Следует отчетливо уяснить себе душевную настроенность и личные переживания Щапова в этот последний период его жизни, когда он всеми силами рвался покинуть «отвратительный острог», как он называл Иркутск. И с этой точки зрения кратковременное пребывание Щапова в Анге, встреча его с ближайшими земляками и кровными родными, поскольку она отразилась в сложившейся на почве этой встречи легенде, приобретают особый интерес и значение.

В свое время это настроение Щапова пытался уяснить Н.М. Ядринцев, когда в статье «Любовь к родине и А.П. Щапов» писал об одинокой и бесследной смерти последнего. «Почему не воспитал Щапов около себя любви среди своих земляков, почему остался он среди них чуждым, покинутым и озлобленным?», — спрашивал Ядринцев. И ему представлялось, что все дело — в разрыве Щапова со своими прежними областными симпатиями. «Иной поток увлек его из того мира, где он был Антеем, в область туманного космополитизма и внутреннего разлада, заставившего его ненавидеть жизнь и все общество. Он не мог быть «ни пророком ни учителем на родине», продолжает Н.М. Ядринцев, — так как в его сердце не было любви к ней, не было всепрощения своей родине. Глаза, отуманенные горем, не позволили ему видеть светлые точки грядущего. Он не нашел веры в себя и свою жизнь, ибо потерял дорогое имущество — чувство привязанности к своей области»¹¹.

Но прав ли Ядринцев в своем приговоре? Так ли прост вопрос, как это представлялось его чувству пламенного патриота? Не следует ли взамен этих рассуждений поставить вопрос о судьбе культурных пионеров Сибири? Миф об Антее, который по этому поводу напомнил Ядринцев, как раз на сибирской почве имел сплошь и рядом обратное применение. Мы знаем, как слишком часто именно на родной почве утрачивалась действенная сила крупнейших сибирских деятелей. Это было уделом и драмой не одного только Щапова. Не пришлось ли то же, хотя и в меньшей степени, пережить самому Ядринцеву? Пережил (и в очень тяжелой форме) эту драму Г.Н. Потанин. Можно было бы для иллюстрации этой мысли напомнить еще ряд имен, и будущему историку сибирской общественности еще не раз придется останавливать свое внимание на этих фактах.

слишком упрощать вопрос. На долю личных настроений могут быть отнесены страстность тона статей Щапова, некоторое, быть может, сгущение красок, но отнюдь не самое построение. На самом деле здесь замечательная (конечно, еще несовершенная) попытка применения социологического анализа, первая попытка учета и выявления классовых антагонизмов сибирского общества.

¹¹ Ядринцев Н.М. (ред.) Литературный сборник. СПб., 1885.

В ряду этих имен и этих фактов судьба Щапова только, быть может, наиболее сурова и трагична, но не одинока.

Эту судьбу Щапова, как в фокусе, отразила сложившаяся о нем на его родине легенда. Смешивая действительные факты с самыми невероятными вымыслами, соединяя героический пафос с юмористической усмешкой, она все же лучше всяких подлинных документов приближает нас к пониманию того душевного состояния, которое должен был пережить Щапов в кратковременный момент встречи с ближайшими земляками. И в этой правде легенды — ее общественно-биографический смысл и значение.

ОЧЕРКИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ БАРГУЗИНСКОГО КРАЯ*

(опыт составления экономического календаря)¹²

1. Читканско-Горячинский район

Беря начало в Джиргейском хребте, входящем в состав горных цепей Забайкалья, почти параллельно восточному берегу Байкала, защищенная с обеих сторон стеной гор, протекает (на протяжении 350 верст) река Баргузин.

По небольшому сравнительно руслу сначала течет Баргузин, принимая в себя быстростремящиеся горные речки и три весьма значительных притока: Оргаду, Ину и Гаргу¹³. Не доходя верст 80 до устья, на расстоянии 40 почти верст, Баргузин разливается несколькими рукавами по широкой долине и затем снова, собрав свои воды, преодолевая встречающиеся на пути пороги, соединяется в Байкалом. Довольно спокойный, Баргузин иногда имеет течение настолько быстрое, что в некоторых местах не замерзает совсем, вследствие чего не может служить зимним путем обитателям Баргузинского края. Долина Баргузина, не заселенная на протяжении 170 верст, далее вниз по течению реки усеяна многочисленными улусами бурят, живущих здесь с давних времен.

«По рассказам стариков Баргузинской степной думы, до прихода бурят долина Баргузина принадлежала тунгусам. Шесть по-

* Очерки по изучению Прибайкалья. Иркутск, 1926. С. 5–36.

¹² Интересуясь промысловыми районами Сибири вообще и Прибайкалья в частности, автор настоящих очерков осенью 1924 г. произвела монографически-бюджетное описание крестьянских хозяйств Читканско-Горячинского района Баргузинского края. Надо сказать, что север Прибайкалья является наиболее богатой его частью. Здесь сосредоточено золотое дело, отсюда идет пушнина, в частности знаменитый на мировом рынке соболь, здесь крупный центр рыболовства Нижнеангарск, устье Баргузина; если прибавить к этому неисчерпаемые лесные богатства (площадь края более 10 млн десятин, лесистость 90%), то станет понятным, что Баргузинский север является одним из богатейших районов не только Прибайкалья, но вообще Восточной Сибири.

Предлагая вниманию читателей работа есть опыт составления экономического календаря, могущего быть добавлением к цифровому материалу, тем более что программа государственной статистики предусматривает детальное, всестороннее познание экономической жизни того или иного края.

¹³ По Ине находятся прекрасные пастбища, пригодные для земледелия; места эти с давних времен являются предметом спора между бурятами и русскими, нуждающимися в прирезке земли. Гарга, впадающая в 240 верстах от устья Баргузина, зимой служит путем в присиковую тайгу. По ней встречаются горячие воды, которыми пользуется местное население.

колений тому назад (около 300 лет) прикочевали сюда с острова Ольхона и вообще с западной стороны Байкала пять родов бурят, с которыми у тунгусов возникли споры из-за земли. Споры эти окончились заключением в 1802 г. договора, по которому решено всеми землями владеть сообща. Прикочевки сюда из Верхоленского округа, Иркутской губернии, продолжались до конца 30-х годов. Заселение долины Баргузина бурятами началось с юга, и еще сто лет тому назад в теперешней даче «Подхребетной» стояли всего шесть бурятских юрт, а теперь их там тринадцать общин. Первый миссионерский стан около Баргузинской степной думы был устроен в начале 1860-х годов и с этого времени стало образовываться Умонское селение. Второй миссионерский стан Курумканский был устроен значительно позже — всего 12 лет тому назад. Образовавшееся около него селение населено крещеными инородцами, прикочевавшими сюда в 1861 г. после землетрясения, следствие которого был провал в озере Байкале значительной части принадлежавшей им земли. В 1860-х же годах тайша Баргузинской степной думы Сахар Хамнаев старался заставить инородцев вести более оседлую жизнь — сеять хлеб, сажать картофель, коноплю, выделывать кожи и прочее¹⁴.

В настоящее время бурятское население, юрты которого раскинулись на значительное пространство (около 150 верст), составляет большую часть жителей Баргузинской долины.

Достигая численностью своей 14887 чел. (по официальным данным 1924 г.) и имея обширные пастбища для скота, буряты в весьма небольшом количестве занимаются хлебопашеством¹⁵. Предпочитая скотоводческое хозяйство земледельческому, буряты сбывают шерсть, мясо, кожи и другие продукты скотоводства соседнему с ними русскому населению, а также в район верховьев р. Лены в обмен на муку и предметы первой необходимости.

Остальную южную часть долины Баргузина вплоть до устья (на протяжении 90 в.), а также побережье Байкала к югу, кончая с. Гремячинским, занимает русское старожилое население. Первое появление русских в Баргузинском крае относится к 1646 году. «В 1644 г. атаман В. Колесников с отрядом в 100 человек, выступил в Забайкалье с целью «наведаться о серебре или серебряной руде, в котором бы то ни было месте». Направившись к Байкалу по Ангаре, Колесников хотел было обойти Байкал с севера. Дойдя до реки Верхней Ангары, атаман принялся покорять местных тунгусов, среди которых в 1646 г. основал Верхнеангарский острожек и здесь зимовал. Во время зимовки Колесников послал зимовку к югу, при-

¹⁴ Материалы комиссии 1898. С. 4–5.

¹⁵ Посев яровых 1924 г. по Баргузинскому хошуну — 1052, 56 десятин; сюда входят и земельные участки русских крестьян, поселившихся в районе Умона и Курумкана.

чем отправленные им казаки перешли через Баргузин и двинулись к Селенге; в устье последних они встретили «больших братских людей» и монголов и в страхе перед ними повернули обратно к Верхне-Ангарскому острожку. Разведчики сообщили своему атаману, что буряты не добывают ни золотой, ни серебряной руды, но покупают эти металлы в изделиях у монголов. После этого Колесников, оставив в острожке небольшой отряд, направился на Енисей (1647 г.). В это время из Енисейского острога опять снаряжена была экспедиция в Забайкалье. Летом 1648 г. оттуда выступил сын боярский Иван Галкин с 60 служилыми людьми, имея от воеводы поручение — «на новых народов наложить ясак и места около Байкала точно описать, а главное, искать золотых и серебряных жил». Обойдя Байкал с севера, Галкин в это лето дошел до устья р. Баргузин и здесь среди бурятских поселений заложил Баргузинский острог. Новое укрепление сделалось на ближайшие годы исходным пунктом, откуда распространялись русские завоевания в Забайкалье и где с тех пор находился постоянный гарнизон, сменявшийся через каждые два года вместе с новым управителем-приказчиком»¹⁶.

Дальнейшая колонизация края шла путем ссылки. Отбывшие срок наказания на каторге преступники обычно поселялись в этих местах.

Поселившись в Баргузинском крае таким образом более 200 лет тому назад, одна часть русских, сосредоточив свои селения в самой широкой, возможной для земледелия местности, занялась хлебопашеством, образовав нынешнюю Читканскую волость. Другая, обосновавшись в устье Баргузина, Турки¹⁷ и по побережью Байкала, окруженная, с одной стороны, глухой тайгой, с другой водами «священного» моря, занятием своим избрала охоту и рыболовство, образовав район нынешней Горячинской волости. За последние годы, за исключением района Исток-Катокель, заселенного семейскими и русскими старожилами, где земледелие ведется уже давно, некоторые крестьяне Горячинского района стали сеять озимую рожь.

Горячинская волость имеет 11 населенных пунктов, но по числу хозяйств (441) и количеству населения (2346 чел.) далеко уступает Читканской. Посев 1924 г. выразился в 158,98 десятин. Из этого числа 51,66 падает на Катокельский район, имеющий населения 384 чел. обоего пола.

В настоящее время в состав Читканской волости входят 10 селений, где всего числится 96666 чел. обоего пола, составляющих 1679 хозяйств. Посев 1924 г. по волости — 2723 десятины. Хотя засеваемая земельная площадь по Читканской волости значительно больше, чем

¹⁶ *Огородников В.И.* (глухая ссылка — сост.)

¹⁷ Значительная, но не имеющая поселений река, впадает в Байкал на 96 верст южнее Баргузина.

в Горячинской, но с увеличением населения, при отсутствии запаса свободных земель, является крайне недостаточной, а потому своего хлеба населению не хватает. Насколько сильно малоземелье, можно видеть из того, что все пахотные земли самими крестьянами усчитаны с точностью до 1/8 десятины; переделы бывают с сортировкой земель по разрядам. «Дачи общего владения крестьян Читканской волости были обмежеваны в первый раз в 1823 г. землемером Васильевым, затем в 1860-х годах землемер Самарин произвел поверочное межевание. Последний был в 1891 г. Оникиенко, прирезавший три небольшие участка и обмежевавший деревню Усть-Баргузинскую; он же проектировал спорные земли по Умону и Ине в надел крестьянам. Спор с бурятами и тунгусами об этих землях и особенно об Ининской степи тянется с самого первого межевания. Крестьяне подавали целый ряд просьб о наделении их землей в разные учреждения, но до сих пор вопрос этот окончательно не разрешен. Вопрос этот является чрезвычайно важным и в смысле обеспечения крестьян землею и в принципиальном отношении. Еще в 1823 г. при обмежевании инородческих земель был дан особый план, как спорный участок, на степь по левую сторону р. Ины. В 1838 г. крестьяне просили генерал-губернатора Восточной Сибири уделить им от баргузинских инородцев земли по левую сторону р. Ины и по правую сторону Умона. Ходатайство повторялось в 1840-м, 1841-м и 1844-м годах...

В приезд землемера Бутакова крестьяне выяснили, что на левой стороне р. Ины уже существует выселок Бодон, но до сих пор не имеет участка, и что Читканская волость имеет право на часть тунгусских земель, т.к. в 1825 г. в волость было приселено 98 тунгусов без прирезки земли из тунгусских дач. Землемер Бутаков проектировал отвести в надел крестьянам оба спорные участка по Ине и по Умону. Забайкальское областное правление не утвердило его проекта в целом на том основании, что инородцы кочуют в спорном участке и имеют на него план. Областное управление полагало лишь нарезать Бодонскому поселку 3360 десятин и присоединить к Читканской волости 718 десятин казенного леса. Сделано этого не было. В 1890 г. дело это было опять получило ход, но вопрос снова остался открытым¹⁸.

Революция не внесла каких-либо изменений в сферу земельных отношений баргузинских землеробов; по-прежнему споры из-за земли имеют место, временами достигая своего апогея.

Совершенно очевидно, что межевание вновь до крайности необходимо, ибо увеличение населения и тяжелые экономические условия последних лет заставляют признать, что выход из тупика надо найти.

¹⁸ Материалы комиссии...1898. С. 15–16. Помещая значительную выдержку из «Материалов комиссии», автор имел в виду по возможности полнее осветить земельный вопрос в крае, столь остро стоящий и до наших дней.

Когда одного крестьянина спросили, удовлетворяет ли его хлебопашество, от ответил: «Я не хлебороб, а хлебоискатель». И действительно, в поисках хлеба, вследствие недостатка земли крестьянину Читканского района приходится заниматься и охотой, и рыболовством, а также пускаться на те или иные заработки, как извоз, ямщина, выделка кустарных изделий и прочее. В связи с неурожаем за последние годы число охотников и рыболовов значительно увеличилось. Многие, ранее никогда не занимавшиеся охотой, в надежде поправить свои материальные невзгоды, не покидая в то же время и хлебопашества, устремились в тайгу в погоне за белкой и соболем.

Извоз и ямщина, создавшие ранее особый уклад жизни ямщиков, теперь уже утратили то значение, какое имели ранее, когда приисковая жизнь в соседнем золотопромышленном районе была более интенсивной. Извоз, в связи с упадком частой торговли и недостаточного количества кооперативов, стал значительно слабее. Перевозка сульфата («гужир») из района Читканской волости, поддерживавшая несколько деревень, в связи с закрытием завода, принадлежавшего Новомейскому (известному золотопромышленнику Баргузинской тайги), также прекратилась.

Таким образом, извоз хотя и поддерживает крестьян, но в весьма незначительной степени. Из кустарных работ, служащих подспорьем для населения, является бондарничество, обжигание извести, выделка глиняных горшков, плетение корзин из соломы и камыша, выделка кож и тому подобные работы. Особого сбыта все эти изделия не имеют, а потому производство их невелико. В то время, как крестьянин чисто земледельческих районов Забайкалья, собрав осенью хлеб, имеет зимой достаточно свободного времени, сельский житель Баргузинского края в течение всего года не знает отдыха. И зима, и лето, и весна, и осень проходят в неустанном труде, если не на пашне, так в лесу, не в лесу, так на воде. Как же проходит хозяйственный год обитателя Баргузинской деревни?

Лишь только первые лучи весеннего солнца начинают пригревать просыпающуюся от зимнего сна землю, сельский житель Баргузинского края, выгоняя за деревню рогатый скот и нерабочих лошадей, уже готовится к полевым работам. Лошади, которым предстоит тяжелая полуторамесячная работа, как добавление к сену, почти у большинства крестьян, начинают получать сечку из колоса и мякны, слегка посыпанную мукой. В то время как мужчины починают («ладят») сохи, наваривают сошники, поправляют бороны, женщины сажают рассаду табаку, капусты, брюквы. С помощью ребятишек таскают (если нет свободной лошади) «турсуками» навоз в огороды.

На поля свозятся заранее приготовленные жерди и колья; иногда поле тут же и огораживается, но большей частью городьба оставляется на время после пахоты. С половины апреля начинается трудная

работа, отнимающая много времени у крестьян Читканской волости — это искусственная поливка полей. Искусственное орошение, которое Читканскую волость в отношении земледелия отличает от Горячинской, практикуется местными жителями с давних времен. С большим умением и искусством использованы все мелкие горные быстротекущие речки; от них проведены большие каналы на протяжении нескольких верст (так, Волковская канава тянется на 7 с лишним верст — район: с. Уро-Душелан). От этих канав отводятся более мелкие к каждому полю и огороду. Откуда ведет свое происхождение искусственное орошение — сказать трудно. У русских есть предание, что давно, давно до прихода в край бурят и русских жили в этих местах какие-то «больши, долги люди» — баргуты, которые, занимаясь земледелием, провели некоторые каналы; так, существует «баргутская канава». Пришедшие затем русские продолжили работу баргутов и один из них, некто Волков, провел канава, которая и сейчас носит его имя. Есть канава «зубковская» — по имени основателя ее Зубкова. Город Баргузин, находящийся на правой стороне реки, у подножия Баргузинских гор, весь испещрен канавами, проведенными от двух горных речек: Банной и Гремячей. По словам некоторых граждан, искусственное орошение проведено находившимся в нем ранее политическими ссыльными — особенно известным декабристом Кюхельбекером, расчистившим и засеявшим небольшой участок земли. Поле это и до сих пор называется «полем Карловича» (отчество Кюхельбекера). Ежедневно с утра до вечера ходят крестьяне около общей канавы, дающей влагу на целый ряд полей. В иных местах долбят льды, регулируют воду, чтобы равномерно текла и проходила на то или иное поле. «Поденшин» 8—10 (так называют рабочий день крестьяне) уходит на поправку канав и поливку полей. В то время как поливные поля вбирают в себя воду и насыщаются ею, с «Егорьева дня» (23 апреля) пашутся сухие горные земли, не орошаемые искусственно водой. На приготовленный еще с лета пар разбрасываются семена, затем поле пашется и заборанивается; такой сев называется севом «под соху».

Поливные пашни, пока они еще влажные, подвергаются вспашке после сухих горных земель, причем в этом случае зерно разбрасывается на вспаханную землю и затем заборанивается. Такой сев носит название сева «под борону». Обычно на крестьянскую десятину (3200 кв.сажен) идет от 16 до 18 пудов ярицы, так же и пшеницы. Вследствие того, что пахота производится примитивным орудием — сохой, глубина вспашки, от которой обычно зависит и глубина урожая, бывает всего вершка 3—4. У редкого крестьянина можно встретить плуг, большинство работает при помощи упомянутой уже сохи.

Пахота полей продолжается весь май, иногда захватывает и начало июня, — все зависит от состояния политой пашни. Иногда на

просохшую землю снова придет вода, ибо «вода — воля», говорят крестьяне; иной раз, неправильно отведенная, она совсем не польет то или иное поле и снова приходится ждать.

Из хлебных злаков засеваются, главным образом, ярица и пшеница, в небольшом количестве овес и ячмень. По Горячинской волости, кроме ярицы, как сказано выше, сеют озимую рожь. Ни конопля, ни лен, ни просо не возделывается, хотя они и могли бы успешно произрастать в крае.

В период пахоты полей и городьбы пашни нужно успеть вспахать и огород. Огородничеству, слабо развитому в Горячинской волости, в Читканской уделяется довольно много внимания. Из овощей сеется, главным образом, картофель; у редкой хозяйки не посеян табак, затем сажают капусту, репу, редьку, брюкву, свеклу, огурцы; у некоторых бывают тыквы, помидоры, кабачки. Лук — у немногих и только батун, репчатый не родится совсем, поэтому летом стараются засушить полевой, который и употребляется в пищу. В то время, как сев картофеля по Горячинской волости производится довольно просто: «конь идет и мы за ем идем — бросаю картошку», говорят крестьянки, в Читканской волости посадка овощей происходит несколько иначе. После пахоты огорода женщины начинают делать или, как говорят, «подымать гряды»; последние делаются вышиной до одного аршина, разделенные друг от друга глубокими бороздами, по которым проходит пущенная из канавы вода. Картофель, иногда разрезанный на части, а то и целиком, закапывается в круглые лунки — на четверть и менее от поверхности земли. К «Троице» (конец мая) огород стараются засадить картофелем, морковью и свеклой, остальное — табак, огурцы, капуста, брюква сеются после «Троицы». Ежедневно до солнышка пущенной по бороздам водой огород поливается при помощи веника и небольшого ковша-«турсучка», сделанного из бересты. У многих крестьян в огородах растет хмель, запасаемый хозяйками на зиму для варки дрожжей.

В конце мая, после «Микола вёшного», имеющие овец снимают с них шерсть, которая в этот период считается лучше осенней; весной от каждой овцы берут от двух до трех фунтов шерсти. В настоящее время овец держат в незначительном количестве, причиной является недостаток корма, кроме этого за последние годы много скота ушло у крестьян на Лену — в обмен на муку. Если корма не доставало и ранее, то обычно овец отдавали на прокорм за небольшую плату мукой соседям-бурятам. Овечья шерсть и кожи в большом употреблении у крестьян Баргузинского края. Из шерсти вяжут чулки, варежки, головные платки («полушалки»), ткнут сукна, из которых шьют верхнюю одежду. На пару чулок уходит от одного до полутора фунтов, на платок — от полутора до двух. Шкура овцы идет обычно на полушубки, шапки, рукавицы и обувь — «унты»; последние большею частью

привозятся бурятами и продаются от двух до двух руб. 50 коп. за пару. Сняв шерсть с овцы, ее тщательно моют, затем сушат и высушивают («шиньяют»), затем уже прядут. Выделка шкуры овцы производится следующим образом: вымытую на реке овчину сушат на улице («Овчина быгает»). Если шкура очень жирная, то после сушки ее протирают горячими отрубями; затем, приготовив «наквас», тщательно смазывают им кожу, свертывают и держат так около суток. «Наквас» делается из вареной молотой печенки, смешанной с отрубями и слегка подкисшей; этой массой мажут овчину раза три-четыре, после чего «наквас» соскабливается тупым ножом или литовкой. Очистив шкуру, ее весят сохнуть и, чтобы она не была твердой и не коробилась, время от времени мнут особым железным крюком. Крюк этот имеет вид серпа, только взамен острия в нем устроены зубцы, которыми и проводят по непокрытой шерстью стороне шкуры. Выделанную овчину слегка спрыскивают щелоком и протирают мукой. Чтобы менее проникала сырость, шкуру «дымят» навозом или сосновыми шишками, отчего она приобретает тот желтовато-дымчатый цвет, какой имеют обычно нечерненные полушубки. На один полушубок нужно от 5 до 8 овчин.

В июне месяце, как «пал дождь», начинается приготовление пара под посев будущего года; пары пахут и один и два раза. Женщины большую часть времени проводят в огородах, полют гряды, огребают («окучивают») картофель. Так проходит первая половина лета.

В то время, как веселые ручейки уже бегут по земле и земледельцы готовятся к пахоте полей, у охотников на нерпу и рыболовов идут спешные приготовления к «весенним операциям». С конца марта артель за артелью выезжают охотники на нерпу в Байкал («заезжают на промысел»). Охотятся и недалеко от устья Баргузина, но более опытные предпочитают выезжать верст за сто в море. Снабженные съестными припасами на два с половиной месяца, беря с собой бочки для жира и рыбы, лодку, рыболовные и охотничьи принадлежности, в дохах и теплых «дуктуях», нерповщики направляются к деревне Макариной (в 6 в. от Усть-Баргузина); отсюда их путь лежит через озеро «Большой сор» (12 в. от Макариной) к Чивыркуйскому заливу и оттуда уже по побережью Байкала к устью речки Сосновки (75 в. от озера Большой сор), обычное место стоянки нерповщиков. Чтобы иметь возможность сложить свои продукты, охотники на берегу «срубуют» зимовье — небольшую избушку, которая некоторое время будет служить им ночлегом. Тут же недалеко устраивается рыбодел, длиной сажени 2—3, шириной сажени 2 и высотой 2 1/2 аршина. Рыбодел имеет лари для рыбы, главным образом, хариузов, лов которых производится сразу после очищения Байкала от льда. Время от времени нерповщики, надев окуляры, защищающие их зрение от ярких лучей весеннего солнца, с биноклем в руках, выезжают осмотреть ледяной

покров моря — нет ли где «черновы», служащей признаком скорого появления нерпы. Окончив постройку зимовья и рыбодола, охотники выезжают «в Байкал», верст за 20—25 от берега и поселяются на все время охоты на льду. В это время огонь уже не разводится, а пищей охотникам служит почти один хлеб. Ночь они проводят под опрокинутой лодкой, которую завешивают мешками или брезентом. Увидев нерпу, вылезшую погреться на солнышке, охотник, скрываясь за приделанным к санкам паруском, осторожно двигается к животному, стараясь подойти с подветренной стороны и так, чтобы впереди не было тени. Сажень за сто он спускает парусок наполовину и ползет уже на коленях; не доходя до нерпы сажень пятидесяти, промышленник стреляет ее, причем старается попасть в голову, сердце или почки, как места наиболее «убойные», по словам охотников. Нередко раненая нерпа бросается обратно в продушину — «лунку своего продувания», тогда ее приходится доставать особым железным копьём — «носком». Содрав шкуру и сняв сало, сложив («зашворив») его на санки, выслеживает охотник другую, третью нерпу и, приходя вечером к лодке, складывает в одну общую кучу свою добычу. Охота на льду продолжается до тех пор, пока не вскрыется Байкал — числа до 15 мая. Выехав на берег и сложив в яму сало, прикрыв его шкурами, охотники не оставляют своего промысла и далее, и лишь тронется Байкал, лавируя между глыбами льда, они устремляются за лежащими где-либо на льдине нерпами; здесь большую помощь оказывает охотнику носок, который он вонзает в нерпу; к носку привязана веревка, подтягивая ее охотник приближает к себе раненое животное, стремящееся как можно глубже уйти в воду. Окончив охоту, нерповщики принимают за уборку сала; мелко искрошенное, его складывают в большие, вместимостью до 15 пудов, бочки.

В это же время неводом ловят в Байкале хариузов; невод на эту рыбу употребляется небольшой — обычно столб длиной сажень 35, ширина («стень») — 6—7 аршин. Артель нерповщиков и рыбаков по ловле хариузов составляется обычно из четырех, шести человек. Тоня длится полчаса, час; пойманную рыбу тут же чистят и засаливают в такие же большие бочки, как и сало нерпы. На 15 пудов рыбы кладут до 2 пудов соли. Засолив рыбы, принимаются за чистку «нерпятины»; очистка шкуры нерпы является самым неприятным и грязным делом. Для того чтобы освободить нерпичью шкуру от сала, ее усиленно натирают землей с песком до тех пор, пока она не сделается в достаточной мере сухой, тогда ее растягивают на палки и сушат. Окончателная выделка шкурок производится уже дома, выдeldывают их так же, как и овечьи.

Надо сказать, что нерповщики различают три вида нерпы: «аргал» — самец (весит до 4-х пудов), самка с детьми (до 1,5 пудов), «самка-яловка» — самая жирная (от 6 до 8 пудов), которая дает

сала не менее 3 пудов. Нерпичье мясо, пока оно свежее, некоторыми охотниками употребляется в пищу. Из шкур нерпы шьют тужурки, шапки, унты, причем для этой цели идут большей частью шкурки детенышей (на одну тужурку требуется от 8 до 10 шкур).

Усталые, загрязнившиеся, пропитанные нерпичьим жиром, имеющим очень неприятный запах, через два — два с половиной месяца, в начале июля, к «Прокопьеву дню» (8 июля) возвращаются охотники домой. Если каждый везет пудов 15 рыбы и пудов 25 нерпичьего жиру — «весенняя операция» считается удачной; жир сдается в местные кооперативы от 4,5 до 5 руб. за пуд, шкурки нерпы — от 1 до 1 р. 30 коп. за штуку, хариуз — от 4 до 5 руб. за пуд (цены 1923 г.).

В то время, как весенние полевые работы подходят к концу, начинается приготовление для отплытия на Байкал для ловли рыбы. Подготовка к промыслу идет очень оживленно. Промышленники с озабоченными лицами разводят на берегу реки костры, на которых греют чаши со смолой. Женщины внимательно осматривают сети — в исправности ли они — и торопливо несут их к котлам с горячей смолой. Котлы эти вкопаны в землю; над ними на трех жердях устраивается блок, через который перекидывается петля, ослабляемая и затягиваемая палкой («затычкой»). В петлю помещается сеть и при помощи блока она постепенно опускается в котел со смолой. При поднятии петли лишняя смола стекает обратно в котел; сеть вынимают из петли, кладут на носилки и затем расстилают на земле для просушки. Просмоленные рыболовные снасти сушатся дня два, после чего сеть каждого члена артели сшивается с сетями других промышленников, составляя один общий невод.

Лишь только вскроется Байкал (числа с 15 мая, а иногда позднее), по всему его побережью, где есть удобные для рыболовства места, особенно в Чивыркуйском и Баргузинском заливах, располагаются артелями рыбаки.

Отлогие, песчаные берега Байкала, протянувшиеся местами на несколько верст, носят название «Карга». Так, около с. Горячинского находится «Песчаная Карга», к югу от устья Баргузина — «Сиговая», далее — «Максимиха», к северу от Баргузина на 19 верст тянется «Поливная Карга»¹⁹ (иначе — «Полевая Карга»).

Баргузинский и особенно Чивыркуйский залив («Курбулик») являются главными местами добычи рыбы. Первый представляет из себя красивое живописное место. «На несколько десятков верст тянется его гладкая поверхность. Кругом в легкой дымке синеватой горы; их мягкие, волнистые очертания виднеются всюду вокруг... Невысокая кайма гор резко прерывается слева мощным массивом Святого Носа; его вершины царят над всем заливом, гордо выделяясь среди прибрежных

¹⁹ Сабуров Н.Н. Об омуле и состоянии рыбопромышленности на Байкале. Ч.1—7 // Известия ВСОИРГО. Т.ХІХ. №5. Иркутск, 1889.

высот. Святой Нос — горный полуостров треугольной формы. Горбом с двух сторон поднимаются все выше и выше его вершины с тем, чтобы посередине достигнуть высоты более 1,5 верст. На Святом Носу нет отдельных гор — это сплошная масса камня, горбом поднявшаяся к небу, посередине и низко к самому морю спускающаяся по краям. Светло-коричневый, местами желтоватый или сероватый камень этот длинными сверху до низу проходящими складками весь изрезан на части... По склонам зеленеет лес»²⁰. Святой нос — место совершенно необитаемое, но года три тому назад на «Нижней изголови»²¹ поселился крестьянин из Усть-Баргузина; жилище его зимой служит пристанищем обозов, идущих на Лену и обратно.

За Святым Носом к северу начинается Чивыркуйский залив, названный так по имени небольшой речки, впадающей в начале залива.

От устья Чивыркуя к югу (в сторону Святого Носа) тянется ряд губ, утесов и песков, получивших с давних времен различные наименования. Так, в начале (на 2 3/4 в.) идет песок, за ним утес «Каракосун», далее (2 в.) — пологое место и мыс «Тоненький», около которого обычно сетят. За мысом — ключ — речка «Крохалиная», куда для икрометания заходит «соровая» рыба. Рядом с «Крохалиной», отделенная небольшим мысом, находится «Крутая губа» (шириной в 1 в.), где осенью ходят два невода. Далее идет «Чирковский берег» — неводят также осенью, затем мыс «Безымянный», за которым версты 2,5 тянется губа и впадает речка «Безымянка»; осенью сюда идет омуль для икрометания, а потому до 15 октября ловля рыбы не разрешается. За «Безымянной» в 5 верстах мыс «Иркана» — здесь также стоят невода; за мысом маленькая губа и начинается поворот верст на 8. Место это носит название «Черемши» — вплоть до речки «Исток». Тут течения почти нет и вся «соровая» рыба заходит в эту речку. «Исток» — длиною всего 5 верст — впадает в небольшое (2 версты) озеро, называемое «Малым»; последнее, в свою очередь, соединяется с «Большим озером» «воротами». В него впадает «Малый Чивыркуй», куда огромными массами ежегодно заходит омуль для икрометания; устье его имеет всего 20 сажен ширины (Байкал отделен от «Малого» и «Большого» озер непроходимым болотом).

От устья реки «Исток» начинаются берега полуострова «Святой Нос» — губа «Катайская», мыс «Монаховский» — место неводьбы; в двух верстах — мыс «Катунский», версты три-четыре от него — мыс «Покойниковский», который также служит местом неводьбы. Далее (версты 4) расположен мыс «Крестовский», называемый чаще просто «Крестом» — здесь производится весенний лов неводом омуля.

²⁰ Станиловский А.М. Описание побережий Байкала // Труды ВСОИРГО, №7. 1912.

²¹ «Нижняя изголь» — низкий мыс Святого Носа при выходе из Чивыркуйского залива.

От «Креста» идет губа «Змеевая», названная так по обилию ядовитых змей, которых вообще много по этому берегу. В семи верстах от «Змеевой» расположена губа «Ангоконская» — довольно широкая (летом стоит обычно шесть неводов), за ней «Фертиховская» (в 5 верстах), «Солененькая» (в 1 версте) — место очень глубокое. За этой губой начинаются крутые утесы и берег «Святого Носа» заворачивается к устью Баргузина.

Рыболовство весной, начинаясь со времени вскрытия Байкала, продолжается все лето (до «Ильина дня»). Некоторые промышленники, уезжая на покос, рыбачат только до 8 июля («Прокопьев день»). В это время неводом добывают омуля, хариуза и «соровую» рыбу. Устройство невода зависит от места ловли рыбы и ее величины — так, на белую рыбу (омуль, хариуз, сиг) на глубоких местах употребляют невод «стенью» (шириною) от 10 до 12 аршин; там же, где берег более отлогий, применяются более мелкие невода — от 7 до 8 аршин шириной. Длина невода зависит от числа «столбов», количество же «столбов» бывает по числу членов артели, составляющейся обычно из 17—21 человека под руководством «башлыка». Невод сшивается из «столбов», длина которых обычно 8—10 сажен. Через верхний его конец продевается веревка («верхняя тетива»), к которой прикрепляются наплавья — деревянные, длиной сантиметров 20, шириной 5—6, чурбашки. «Нижняя тетива» обвешивается «кибасьями» (галька, завернутая в бересту). Посередине невода между «столбами» вшивается сплетенный из таких же ниток, длиной до 15 аршин, мешок, называемый «мотней». Все сшитые «столбы» по ту и другую сторону «мотни» носят название крыльев невода. К концу «мотни» прикрепляется круглый в четверть аршина диаметром деревянный шар — «кубас», показывающий башлыку положение невода и регулирующий «мотню». К крыльям невода привязываются толстые, длиной до 300 сажен, веревки — «спуски».

Выезжая на промысел, артель берет с собой две-три больших чугунных чаши для варки пищи и вытопки рыбьего жира, две лодки («неводник» и «подъездок»), а также двух лошадей.

Участник артели получает один пай рыбы, «башлык» же, не имея «столба» и каких-либо других рыболовных принадлежностей, за свои знания имеет право на два пая.

Картина неводьбы представляет интересное зрелище: как только первые лучи солнца появятся на горизонте, башлык дает распоряжение «набирать невод». В «неводник» начинают аккуратно складывать невод так, чтобы верхняя часть с «наплавьями» лежала в одну, нижняя в другую сторону. В «неводник» же кругами укладываются «спуски», причем конец одного, «пятового», привязывается к «вороту» на берегу, где уже стоит лошадь. В первую очередь, когда лодка с башлыком и несколькими рыбаками отчаливает от берега, начинают

разматывать «пятовой спуск», затем привязанное к нему крыло невода, выбрасывается мотня, второе крыло и лодка, поворачивая обратно, разматывает второй спуск и кидает конец его на берег. Там спуск привязывается ко второму вороту, который и начинает тянуть вторая лошадь, в то время как первая уже ходит, подтягивая «пятовой». Как только спуски наверху на ворот, лошадей останавливают и невод начинают тянуть «ручной тягой». Около каждого крыла становятся человек по 10 и в такт, перебирая верхнюю тетиву, постепенно сближают крылья. В помощь рыбакам иногда применяется и конная тяга. Посередине каждого крыла есть петля («рачко»). По приказанию башлыка — «зарачивай», когда крылья невода выходят на берег, к петле привязывается веревка, другой конец которой прикрепляется к вороту. В то время, как рыбаки тянут невод, башлык садится в маленькую лодочку («подъездок») и объезжает невод кругом, подбирая «стеня» и «мотню», чтобы узнать о количестве рыбы. В это время внимание его особенно усиливается — наступает самый ответственный момент, когда рыбы много может утечь обратно в море через края мотни и нижнюю тетиву. Чтобы не дать рыбе уйти из невода, некоторые рыбаки, стоя по пояс в воде, стараются ногами придерживать нижнюю тетиву, которая тогда плотнее прилегает ко дну. Когда невод совсем подтянут к берегу, небольшими ручными «турсучками», сделанными из бересты, рыбу выкладывают сначала в «подъездок», откуда при помощи носилок таскают и сбрасывают в лари «рыбодела». Свежую рыбу тут же и чистят, помещая внутренности в чаши для вытопки жира, и распластанный засаливают в бочки или лагуны.

Рыбалка продолжается до тех пор, пока жаркий июль, сопровождаемый обычно засухами в Баргузинском крае, не напомнит крестьянам о том, что пора возвращаться домой и большинство уже к «Прокопьеву дню» (8 июля) кончает летний лов рыбы²². С 3 июня по 13 июля — время, когда официально разрешена охота на изюбря, но срок этот, конечно, соблюдается не всеми, бывают случаи хищничества (охота на изюбря в последние годы запрещена совсем). Так как изюбрь обладает замечательным слухом и острым зрением, охота на него довольно сложна. Способов добычи изюбра несколько: охота с трубой; на солонцах и охота с собакой. В Баргузинском крае более всего охотятся при помощи трубы, которая делается из соснового дерева²³.

С большим умением нужно уловить охотнику звуку, издаваемые изюбром. Промышленник обыкновенно взбирается куда-нибудь выше на бугор или на дерево и, втягивая в себя воздух, издает особые

²² Летом 1921 г. двумя советскими неводами в Чивыркуйском заливе за 29 дней было добыто 1140 пудов рыбы (285 носилок) — Этнографический бюллетень, 1922.

²³ Две продольные половинки склеиваются; к узкому концу трубы приделывается наконечник из кости.

звуки (протяжно, с промежутками). Звуки эти слышны очень далеко; обманутый зверь, заслышав их, вскоре появляется вблизи охотника.

Охота на изюбря производится, главным образом, из-за рогов («панты»), которые очень ценятся в Китае, где имеют применение в медицине. Шкура животного выделяется таким же образом, как и шкуры кабарги; выделанная кожа («лосина») идет на разные хозяйственные нужды — из нее шьют штаны, перчатки («верхонки»), упряжь²⁴.

Вернувшись с промыслов, крестьяне после некоторого отдыха и обычных домашних работ, сбыв продукты охоты и рыболовства в местные кооперативы и частным лицам, принимаются за починку грабель, вил, поправку кос («литовок») — приближается период сенокоса, началом которого считается обычно «Прокопьев день» (8 июля). С этого дня некоторые хозяева, наковив «телегу»-другую на «вольных» местах, везут в город продать или сменить на чай, мыло, спички и т.п. мелочи. В отношении сенокосных угодий у крестьян чувствуется большой недостаток — наделный участок достигает всего 3/4 — 1 десятины, с которого снимается от 10 до 15 копен (копна — 7—10 пудов).

Ежегодно происходит деление сенокосных «пайков», причем каждый крестьянин получает свой пай не в одном месте, так как по качеству сено в разных участках неодинаково. Сенокосные места почти все приречные — заливные, что составляет большое неудобство для населения. Почти каждой осенью в дождливое время Баргузин и окрестные озера выходят из берегов, нередко заливая скошенное и собранное в стога сено. Часть из него гнивает, часть уносится водой, что, конечно, ложится тяжелым бременем на население. Хотя сеном кормят обычно лишь лошадей, подбирая коровам лошадиную «объедь» (труху), все же своего сена не хватает. Чтобы пополнить недостаток корма, крестьяне покупают его у соседей бурят готовым или же берут в аренду у них же сенокосные участки. В последнем случае обычно они отдают свой труд и половину собранного сена, приплачивая нередко картофелем, мукой или табаком. Сенокосный период, начинаясь с июля месяца, захватывает почти весь август.

В июле и августе ребяташки и женщины, урвав свободное от домашних работ время, особенно праздничные дни, разбредаются по «калтусам» (болотам), полям и горам, собирая нежную княженику, черную смородину, голубику, чернику. Ягоды часто служат подспорьем для некоторых крестьян. Сбывая ее (главным образом в Баргузин), женщины на вырученные, хотя и незначительные, суммы покупают спички, мыло, чай и другие продукты. В конце августа поспевают брусника, урожай которой бывает довольно значителен,

²⁴ Об охоте на изюбря смотри работу А. Кузнецова. Изюбриный промысел и разведение изюбрей в Забайкальской области // Записки Читинского Отделения Приамурского отдела Русского Географ. Общества 1898 г.

особенно в таежном районе, каким является Горячинская волость. В этой же местности вблизи Байкала растет водянистая черная «шикша»²⁵. Население Гремячей, Гремячинского и других мест собирает «шикшу», сушит ее и затем делает начинку для пирогов.

С первых чисел августа наступает тяжелое время страды – время жатвы хлебов. При незначительно сравнительно посеве все же много времени уходит у крестьян на уборку полей, что объясняется чрезвычайной чересполосицей и примитивным орудием жатвы. Разделенная на три категории по плодородности, земля поделена на осьмые, четвертые и так далее, части; нередко у одного хозяина такая осьмуха находится за 10–15 верст от его жилья, в стороне от других участков²⁶. Жатва производится серпом. Часто, вследствие засухи, хлеб родится редкий и низенький, трудно срезаемый серпом; тогда его просто рвут руками («теребят»), на что, конечно, уходит еще больше времени. Сжатый и связанный в снопы, хлеб складывается на полях в «кучи» или «груды» – ярица по 10, пшеница по 12 снопов. Дав хлебу выстояться дня три-четыре, его свозят во двory – на гумно. Если хлебный запас у крестьянина к новому урожаю пришел к концу, что обычно и бывает, то часть сжатого хлеба молотится на гумне цепями, сушится в бане или в избе (на печи) и затем мелется. Остальной хлеб, по мере надобности, молотится уже в течение зимы.

В то время, как на лугах косится сено, на полях убирается хлеб, по всему побережью Байкала и в Чивыркуйском заливе, числа с 1 августа, начинается осенний лов рыбы сетями и неводом. В это время омуль идет в реки метать икру, причем самый крупный приваливает в Чивыркуй. Осенний омуль крупный, отличается величиной и вкусом от летнего и ценится значительно дороже. В этот же период ловятся также хариуз и сиг. В близлежащих озерах мордами добывают карасей (до 2 фунтов весом), а в реке Баргузине, главным образом, в «Петровки» неводят осетров.

Кончился сенокос, подходит к концу и жатва, захватывая иной раз и начало сентября. Приближается день «Здвиженья», указывающий, что пора приниматься и за уборку овощей. «Здвиженья жди – морковку, репку рви», говорят крестьянки и, выкапывая картофель, «турсуками» таскают его в ямы, подполья. Самым благодарным овощем является картофель, выручая население при недостатке хлеба. Здесь надо отметить, что по качеству и урожайности славится картофель деревни Нестерихи. Табак, сев которого производится как в Читканской, так и в Горячинской волости, срезается ранее всех овощей; его обычно сбывают в обмен на шерсть, сено и другие про-

²⁵ Похожа с виду несколько на черемуху, но меньше по величине.

²⁶ Так, в д. Нестерихе самые лучшие пашни отстоят в 30 верстах от селения, за рекой.

дукты бурятам. Снятые овощи идут на продажу в Баргузин, нередко морковь и свекла сохраняются в вареном виде, служа зимой начинкой для пирогов; свекла в большом ходу у читканцев. Брюква идет на «паренки», что составляет одно из любимых кушаний ребятишек. Помидоры в некоторых деревнях засаливаются, засаливается также и капуста.

Хлопочут хозяйки с овощами, ребятишки из лесу таскают грузди, рыжики и другие грибы, а в это время для рыболов и охотников наступает горячий период — подготовка к осенним и зимним промыслам. Ежегодно осенью съезжаются в Баргузин охотники-собольщики со всего уезда — делить «подлеморские речки», где обитает знаменитый на мировом рынке баргузинский соболь. Хотя осеннее солнышко и не скупится еще на тепло и дни выпадают ясные, но на вершинах гор шумят уже метели, покрывая белой пеленой «гольцы».

В то время, как охотники горячо обсуждают на съезде, чья очередь и в какую речку идти на соболя, рыбопромышленники, починив невода, «жирят» их нерпичьим жиром²⁷, после чего выезжают в Чивыркуйский залив на «водопольный» промысел для ловли «черной», так называемой соровой рыбы (щука, окунь, сорожина). Водопольный промысел продолжается до тех пор, пока не станет залив, что обычно бывает в «Заговенье» (14 ноября).

С 1 октября («Покров») в окрестных лесах, в верховьях горных речек (Турки), по побережью Святого Носа, «Курбулика» и других мест начинается охота на белку. Забрав с собой пуда 2,5 хлеба на месяц, сушеной рыбы для собаки, мяса, масла и сушеного творогу «арушня» охотник отправляется в тайгу. Сложив в «балаган» всю провизию, бродит промышленник по лесу с собакой, постукивая иногда по стволам деревьев топором или палкой, выпугивая зверька из гнезда. «годом трафляется» — охота бывает удачной — белки много, иногда же она исчезает совсем — это «черт проиграл ее в карты другому», говорят в таком случае некоторые белковщики²⁸.

С «Покрова» же начинается и «осенняя операция» на соболя. Из разных деревень выезжают охотники-«собольщики», вынужденные жребий на право охоты в «подлеморских речах».

Путь промышленников лежит обычно через селение Усть-Баргузин, откуда они едут по Байкалу до устья речки Сосновки. Сложив на берегу в зимовье привезенные продукты, прикрепив за спину к «паняге» съестные припасы и охотничьи принадлежности (весом до 2 пудов) — на лыжах, с «ангурой» в руках небольшими артелями человека по три-четыре, взбираются охотники на крутые

²⁷ Чтобы не гнили в воде и не ломались на морозе.

²⁸ В сезон 1924–1925 годов право охоты на соболя было предоставлено в первую очередь демобилизованным красноармейцам. Охотиться в «Подлеморьи» могут только 140 человек (посменно).

гольцы Подлеморья. В ясную погоду увенчанные снегом, горные громады величаво высятся в безоблачной синеве неба; иной раз на самой вершине их курятся облака. Выбрав место, где по приметам должен быть соболь, охотники располагаются в гольце, приготовляясь к появлению дорогого зверя. «Промышляют соболя обычно сетями («обметом»), длиной от 100 до 150 сажен «ручных». Примяв, притоптав кругом снег, охотник старается, чтобы нижний конец сети плотно прилегал к земле; на верхний конец привязываются колокольчики, которые своим звоном дают знать, что соболь попал в сеть. Пойманный зверек отчаянно защищается, и так как большей частью его ловят руками, он нередко больно хватает за пальцы. Охота на соболя считается промышленниками самой трудной. «Легче идти на медведя, чем промышлять соболя», — говорят они. Сезон нынешнего 1924 г. вызвал большое неудовольствие среди старых, опытных охотников, когда на съезде промышленников было решено дать право охоты на соболя в Подлеморье в первую очередь красноармейцам. «Ну, что может сделать неопытный охотник, не промысловик», — говорит искушенный в охоте зверолов. Иной раз соболь сразу попадет. Вот был со мной случай: выследили мы соболя, по приметам должен здесь, поставили тычки, давай омет обчищать; солнышко к паужну. Лес очистили, оскоблили ствол, чтобы не залез (на дерево). Стоит сушина — сделали лабаз, другую на дрова... Развили огонек. Ночь... Мороз трещит. Кухта падат... Сейчас чаю поьем, я пойду, где слань дымит, посмотрю нет ли там. Только сказал — вдруг др...ы...ы...нь! Я...у...у...й! Собаки за ем, я тоже, а он меня за палец, да как собака укусил. А иной раз сидишь, сидишь. Огонек этот пиликает; ни поись, ни попить, мороз...да, паря, с ометом надо ходить умно». В ожидании появления соболя охотник просиживает около едва теплящегося огонька по несколько дней, бывает иногда, что проходит 4—5 суток, когда, наконец, появится «зверь». И надо только удивляться выносливости промышленника: уезжая на охоту, одетый в довольно легкую суконную (из овечьей шерсти) тужурку и такие же штаны, он не берет с собой более никакой теплой одежды. Постелью ему служит небольшой, аршин с четвертью длиной и три четверти шириной, «потник»; обувь обычно меховая — «анчуры» или «улеги».

Много бывает несчастных случаев, когда в поисках дорогого соболя²⁹, взбираясь на крутые высокие гольцы, охотник попадает под снежные обвалы («суметы», «навивы») и погребает себя навсегда под белой, холодной массой. Случается охотнику попасть на «росыпь», где огромные, в несколько сотен пудов, камни держатся весьма неустойчиво и при малейшем толчке с шумом и грохотом несутся

²⁹ Охота на соболя производится не только в Подлеморье, а и в других местах края, например в гольцах по левому берегу Баргузина, но там соболя, по словам охотников, гораздо хуже.

вниз в ущелья, увлекая за собой массу более мелких камней, песок и снег. Плохо приходится в это время соболевщику, ибо вместе со снегом он неминуемо попадает в пропасть. Сколько умения, сообразительности и находчивости нужно в это время промышленнику, чтобы спасти себя и товарищей от смерти.

«Случай застиг нас такой, — рассказывал один из лучших охотников Читкана, — не было у нас табаку в Большой Речке. Байкал осенью бушует неприступно, — проехать на лодке нельзя, а приехали мы парохомом. Промысел наш был тогда семь соболей, а было нас пять человек. Как быть без табаку? Пришлось разыскивать путь через гольцы. Среди нас троим выпало искать дорогу, двое остались охотиться. Я, Канаев и еще один пошли. Пришли в одно ущелье, где приходится лезти, я шел впереди, но как в скалах без ветру не бывает, мороз не дал мне дожидать товарищей — рискнул лезти на скалу. Но страсть меня взяла, и я дождался товарищей. Базлыгов у меня не было, крюка у ангуры также. Я был в улегах, на которых в крутике нельзя держаться никак. Попросил я Канаева сделать заступни и пошел; товарищи пошли за мной. Обошли мы большущий камень — сажени 4 квадратных кругом, из которого в гольце сделало навив снегу вплоть до земли. Я просил товарищей пробиваться дальше — думал дело наше пропало. Чтобы не оборваться в крутике, приходилось поддерживать друг друга ноги нам двоим, третий был в ончурах — ему итти было легче — в ончурах можно стоять на крутике. Опять дошли до одного камня, величиной со стол — пудов на 500, который лежал на камнях, шевелился. Товарищ говорит: Камень шевелится, я говорю: Смотри, сейчас пойдет вся россыпь. И думал я, что спасенья нет; тут вспомнил я про тот снежный навив — не спасемся ли там. Я сказал товарищам, что я опускаюсь; долго они уговаривали, чтобы я не опускался — они знали, что я убьюсь. Я не обратил на них внимания, сказал: если убьюсь, скажите поклон домашним. Упал я вниз и оттуда стал кричать: опускайся все — мы спасемся. Опустился второй, которого я подхватил, так же опустился и третий. Дальше начали опускаться в видимый нами ключик. Достигли вершины горы. Здесь нас постигла опять маленькая неудача, из-за которой мы могли бы убиться. Курумканский гонец из-за Зародной речки имеет расстояние до упаду Курумкану приблизительно верст сорок (оно так — не мерено, кто его знает). На эту сторону — Баргузинскую — четыре упаду крутых; каждый упад сто сажень; под ними озера — четыре озера. Приходилось катиться; я начал катиться, и когда стали подкатываться к четвертому, я опустился сиверной стороной и оказался невредимым. Раев же упал на озеро, Канаев упал с половины и в дыму не видал, как он упал. С такими приключениями придвинулись мы к Курумкану, оттуда выход к деревне».

В зимнее время, пока не стал Байкал, попасть из Подлеморья в долину Баргузина возможно только через горы. Этот переход очень труден,

т.к. идти приходится по безлюдной местности, перебираясь с гольца на голец. Ветра, обычные в крае в это время года, в горах свирепствуют с особенной силой, навевая среди скал огромные массы снега — это т.н. «навивы», «суметы». Насколько тяжел переход в такую пору, можно судить по приведенному ниже рассказу бывалого промышленника, которому случалось совершать столь опасные путешествия.

«Шесть раз ходил я через голец, но седьмой раз мог быть смертельным, после чего я заклился ходить через голец. Было нас трое. Подхожу я к скале — сажен семьдесят вышиной, на которую придется влезать. Не имея веревки, оттуда спущенной, сняли мы лыжи, поддели юкши на рога паняги, одели на ноги базлыги. В эту пору было видно, что подымается вьюга; я не оробел и товарищ мой Колмаков Савелич тоже не оробел, но Иван Егорыч сделал шаг назад — взяло его круженье; хотя и долго мы его уговаривали, пришлось поднять на вершину горы, но спастись было негде — вьюга усилилась. Я надернул скорее лыжи на ноги и опустил под гору, но тут забыл старые следы. Скатился на озеро со скалы, погода покою не дала и там; товарищей своих я уже не видал. Подхожу ко второму залавку, в этом месте через Курумкан переходят в большую речку; опускаюсь со второго залавку, откатился не далее как сажен двадцать с помощью крюка — ангуры в руках. В эту пору немного просветило; товарищей моих было не видно, но они могли продолжать за мной дорогу по черточкам моих лыж. Вдруг, как это бывает в гольце, туман раздернуло весь и я увидел под собой скалу, где не видно дна. Я стою на вершине скалы. Я заробел до бесконечности и едва мог дожидаться своих товарищей. «Спасите, Бога ради, пропадаю сейчас», — закричал я и среди товарищей Колмаков снял лыжи и по зарубкам спустился ко мне, где взяли меня за руку. Едва я снял с ног лыжи, и он затащил меня наверх. Вьюга покою нам на равнине не давала; по-старому надвинулся туман, пошли морока. Советываться было поздно, приходилось каждому спасать себя. Я не хотел, чтобы товарищи мои робели — теряли дух — и я кричал «спускайтесь», и все мы скатились в неизвестный ключ, которым мы пошли и увидели те скалы. Верными и неверными путями выбрались на знакомую мне-ка дорогу и попали в правый Курумкан. Есть там одно устрашаемое место, где скалой обходят улово, которое имеет упад воды сажен семь; там приходится пробираться узкой тропинкой — в Курумкан второй, по течению правый, по ходьбе левый; это страшное место прошли благополучно. Назавтра в обед были в Курумкане. Услышал знакомый бурят — Тарка, что пришел Кожевин с товарищами, притащил четверть вина своего изделия, за которым мы и забыли все свое горе».

После приведенных рассказов становится ясно, что охота на соболя, действительно, самая трудная в условиях Баргузинского края.

Указанные случаи из жизни охотников не являются вымышленными, ибо труднопроходимые гольцы Баргузинских гор, на которые, по словам А. Станиловского, «только мыслью можно подняться», действительно, служат местом, куда неустрасливо взбираются охотники в погоне за соболем.

В необъятных лесах Баргузинского края, кроме соболя и белки³⁰, осенью и зимой (до декабря месяца) охотятся на кабаргу, лося, диких коз, лисиц, зайцев («ушканов») и медведей. Из птиц — на рябчиков, куропаток, тетеревов, уток и гусей; последних особенно много осенью.

Небольшое изящное животное — кабарга — ценится, главным образом, из-за «струи» (мускус), сбываемой обычно китайцам. Мясо «кабарожки» употребляется в пищу, а шкурки идут на перчатки, «верхонки» (из одной шкуры выходит одна пара перчаток или «верхонок»). Выделка кожи происходит следующим образом: в кислый отстой отрубей, называемый бурдуком, шкура кладется дня на 2–3. Затем тупой литовкой соскабливается волос («выделяется лицо»), после этого шкуру густо намыливают мылом и опять кладут дня на 2–3 в воду. Некоторые предпочитают класть кожу в густую пену из мыла, считая, что так она от него не портится. Дав немного подсохнуть, из шкурки шьют желаемые вещи; делают также и из сухой, но сырую предпочитают. Верхонки шьют, выделявая таким же образом шкуру изюбря, собаки, козла, сохатого, а кабарожьи перчатки считаются самыми мягкими и лучшими. Сшитые и просохшие варежки и перчатки «дымятся» над «конфором», а то просто над ямой на улице, где курится навоз или сосновые шишки.

Охота на медведя производится, главным образом, зимой. С «Покрова» медведь обычно ложится в берлогу. Выследив «логово», охотники затыкают его двумя крест на крест положенными поперек бревнами, затем стреляют зверя. Баргузинский край, особенно Горячинский его район, отличается обилием медведей, которые бродят летом в тайге неподалеку от деревень. Часто зверь выходит на тракт, задирая пасущийся в лесу скот; встреча с ним не считается здесь редкостью, наоборот, это самое обычное дело. Иногда такая встреча может быть роковой, особенно опасно повстречать медведицу с детенышами.

Лисиц и волков травят, закатывая стрихнин в хлеб. Волки летом и осенью причиняют большой вред населению Читканской волости — особенно страдает от нападений серых молодой скот — жеребята и овцы. Борьба с волками затруднительна, так как не занимающиеся охотой не

³⁰ По словам скупщиков пушнины, соболей добывается в крае ежегодно штук 300–400, белки около 100 тысяч. Скупка мехов производится госорганами и частными лицами; последние могут продавать закупленную пушнину только в пределах СССР.

имеют права носить оружие, промышленники же не считают возможным терять время и тратить заряды на столь малоценного зверя.

Проводив рыбаков и охотников на промысел, оставшиеся члены семьи продолжают свои очередные домашние работы. В этом месяце (октябре) загоняется скот во дворы, с овец снимается опять шерсть; осенью шерсти снимается меньше, чем весной (1/2 – 1 фунт с овцы).

Домовитые хозяйки трут на терках картофель, заготавливая на целый год из него муку. Из пуда картофеля обычно получается 5–6 фунтов прекрасной чистой муки. В это же время идет деятельная заготовка на зиму продуктов освещения («смолья»). «Смолье» стараются копать, пока не замерзла земля. Пни «кулупают» особым орудием – «копаницей» и топором. «Смолье» уходит на один «светец» возов 10–12, а иногда и больше, в течение года.

В ноябре (как покроется льдом Баргузин) ловят «на блесну», большей частью ребягишки «соровую» рыбу. В то же время, делая проруби, неводами добывают подо льдом налима. К «Заговенью» (14 ноября) кончается «водопольный» промысел рыбы на Байкале. В Курбулике замерзают губы, что служит началом подледного промысла рыбы сетями и неводом, а также удочкой с приманкой бармашом.

Из домашних работ нужно отметить в этот период возку дров и сена по санному пути, а также молотьбу хлеба. Молотьба у крестьян, живущих неподалеку от реки, производится чаще на льду; молотят цепями (молотилки встречаются редко). Если молотят на гумне, то земля предварительно поливается водой, и работа происходит на ее обледенелой поверхности. Веянием примитивно: в ветреный день зерно подбрасывается лопатой. Следует заметить, что молотьба не заканчивается в ноябре – она может тянуться с перерывами всю зиму, причем снопы не сушатся, так как мороз, по мнению крестьян, сушит зерно. Промысел бармашом, имеющий большое значение для баргузинцев, начинаясь с ноября, продолжается все время, пока не вскрыется Байкал и реки. Бармаш – маленькое ракообразное существо – добывается в озерах, причем он различен по виду и по живучести. Лучшим бармашом в Баргузинском крае считается живущий в озерах на территории бурятских земель. в районе Баргузинского хошуна. Вылавливают бармаша при помощи особого корыта, которое делается из дерева (длиной в 6 четвертей, шириной в 1 четверть, высотой 1/2 четверти). Верхний край одной из боковых и передняя стенка (тоже верхний край) обиваются толстым, в палец шириной, слабо скрученным шнуром из конского волоса – «арканом». К задней стенке приделывается с помощью втулки колено, длиной аршина 2–2,5; к нему подвижно прикрепляется другое, к последнему – третье. На дне корыта, ближе к передней стенке, сделано четырехугольное отверстие, с нижней стороны которого приколачивается полупудовый холщовый мешочек. Сделав прорубь в озере, осторожно вводят корыто под лед и вращательным движением собирают арка-

ном собравшегося подо льдом бармаша. Обведя круг, прикрепляют к первому колену второе, проталкивают таким образом корыто на 2,5 аршина далее. Собрав бармаша второй раз, не вытаскивая корыта, обводят им опять вокруг проруби (прикрепив третье корыто). При осторожном вытаскивании, корыто слегка встряхивается, отчего бармаш сползает под дно корыта в мешочек. Вытащив «приманку», завертывают ее в шубу («в тепле она дольше живет») и так везут до дома, где складывают в кадучку.

Бармашенье происходит следующим образом: сделав прорубь, рыбак бросает туда горсть бармашей, после чего спускает в воду леску, привязанную к короткому (в $\frac{3}{4}$ аршина) удилищу. Леска делается из белого конского волоса; на конце ее прикрепляется крючок, обвязанный красной тряпochкой или гарусом. В день с утра до вечера бармаша требуется от 3 до 6 фунтов, рыбы можно добыть один-два пуда (одной бармашевкой).

Подледный промысел сетями производится следующим образом: как только «стала» какая-нибудь губа на Байкале, как «сетовщики» выезжают на ловлю рыбы, беря с собой кроме сетей необходимые снасти — две пешни, два сака, норило, норильный крючок. С «Заговенья» подо льдом добывают главным образом сига, сети от которого отличаются от сетей омулевых. В то время как омулевая делается с более мелкими ячейми (в $\frac{1}{4}$ — 5–6 ячей) и длиной сажень 40–50, сиговая имеет ячеи крупные (в четверти три ячеи). Длина сиговой сети — 25–30 сажень «ручных», «стень» — три аршина. Сетят обычно два человека, имея по нескольку отдельных сетей — «концов» (в общей сложности сажень 500). Продолбив в одном месте лед, меряют шестом глубину и, если она достаточная, выдалбливают четырехугольную прорубь — «ердань» (длиной 1 аршин, шириной $\frac{1}{2}$ аршина). Шагов 20 от «ердани» делают небольшую круглую прорубь, чтобы можно было только «пронорить», т.е. ввести «норило» (шест, длиной 10–12 ручных сажень). Далее на таком же расстоянии долбят круглую «ердань»; устроив таким образом несколько «ерданей» и небольших отверстий-лунок, вводят под лед «норило», к одному концу которого привязывается веревка сажень 30–40 длиной («затяг»). Проводя «норило» подо льдом, его время от времени подтягиваются «норильным крючком», чтобы оно шло все время против проруби. Когда «норило» проведено далеко и «затяг» уже в воде, ко второму его концу привязывается сеть и опускается в воду. К первой сети привязывается вторая, третья и т.д. Каждые два конца связанных снастей приходятся над «ерданью», причем всегда одну сеть можно отвязать от соседних с ней. Для того, чтобы верхняя тегива не примерзала, между льдом и сетью около «ердани» привязываются отвесно длиной в $\frac{1}{4}$ деревянные палочки. Промысел зимой является самым тяжелым для рыбаков. На морозе, при сильном ветре, вытаскивая голыми руками снасти, промышленники подвергаются часто простуде,

отчего неудивительно, что большинство рыбаков (так же, как и охотников) страдают ревматизмом (следует заметить, что в рыболовстве принимают участие и женщины, главным образом девицы).

В декабре возится с лугов сено, заготовленные с весны дрова, иные занимаются извозом и ямщиной.

Лишь только покроется льдом Байкал, нуждающиеся в хлебе начинают собираться на Лену. За последние годы, в связи с неурожаем в Баргузинском крае и упадком золотопромышленности, много скота свезено населением в Верхоленский район, Иркутскую губернию в обмен на муку³¹. Поездки совершаются группами человек по 8–10; обычно едут по такому маршруту: от Усть-Баргузина через «Нижнюю Изголовь» Святого Носа³² на Онгурен, отсюда на Ольхон. Отсюда идут верст 80 до с. Анги и далее в приленские селения. Такое путешествие длится дней 20–30. Верхоленский уезд, снабжая Баргузинский край хлебом, имеет большое экономическое значение для населения Читканско-Горячинского района. «Поддержит ли нонче Лена?» «Каков урожай за морем?», – часто слышится среди крестьян. Конец февраля-начало марта проходит в заготовке дров, «колья», жердей. Заготовленные дрова нередко сгорают, т.к. жители Баргузинской долины пускают весной «палы» (жгут «ветошь»). Пожары – обычное явление в крае – часто уничтожают не только дрова, но и огромные лесные площади. Так, в сезон 1924 г. в районе д. Нестерихи сгорело до 30 десятин прекрасного строевого леса; в огне погибли и дрова, заготовленные нестериховцами.

Заканчивая обзор хозяйственной жизни небольшого уголка, являющегося лишь частью необъятного Баргузинского края, надо заметить, что описание это – только попытка осветить в общих чертах непрерывный ход различных занятий русского населения Читканско-Горячинского района.

Являясь результатом трехмесячного пребывания автора на севере Прибайкалья, очерки, конечно, не претендуют на полноту и детали; все, что можно было сделать в такой короткий срок, выполнено. Говорить о значении дальнейшего изучения Баргузинского края не приходится: он во многих своих частях *terra incognita*. Планомерного изучения хозяйственной жизни края еще не было и надо думать, что будущие исследователи не оставят без внимания север Прибайкалья, внося, таким образом, новый материал в сокровищницу знаний о Сибири.

³¹ Кроме скота на Лену везут рыбу, масло, шерсть. Типичный пример обмена: в январе 1924 г. крестьянин на двух лошадях увез 15 пудов рыбы (сорожины), 4 овчины, 2 пуда мяса. В обмен получил 40 пудов муки, 5 пудов овса (ушел на прокорм коней в обратный путь). Поездка заняла 21 день.

³² Здесь стоит зимовье.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК

некоторых слов, употребляемых русским населением Читканско-Горячинского района Баргузинского края

адали — словно, как будто бы («Ну и вкусно, ну и сладко адали омуль»)

ангура — деревянная длинная палка, в рост человека, на конце которой прикрепляется веревочная сеточка в круглой деревянной оправе (диаметр около четверти аршина) служит опорой при ходьбе на лыжах.

аргал — самец нерпы

арушень — сушеный творог (сушится на листьях в печке)

анчуры — меховая обувь (делается из шкур конских ног, подошва из сыромяти)

блесна — оловянная маленькая рыбка, на которую наматывается красная тряпочка, чаще гарус. Служит как приманка при ловле рыбы осенью в р. Баргузине

бурдук — кислый отстой отрубей, употребляемый при выделке шкур

базлыки — железные подковки с двумя шипами по бокам — надеваются охотниками, чтобы можно было держаться на скалах
быгать — выветриваться — сохнуть («пушай овчина побыгат»)

белковщик — охотник на белку

белковать — охотиться на белку

балаган — шалаш из прутьев, делается охотниками в лесу от непогоды и для ночлегов

бармашевка — удилище, употребляемое при ловле рыбы на бар-маша

весновать — провести весну где-либо («весновал на Байкале»)

ветошь — высокая жесткая трава, растущая по болотам, употребляется населением вместо рогожи при мытье полов, стелится на пол
вершина — верховье реки («промышлял в вершине Турки»)

веснодельные — заготовленные дрова весной

водопольный — осенний промысел рыбы, до замерзания Байкала

гнездо — связка, например: пара веников составляет гнездо («со-рок гнезд на зиму заготовила»)

галиться — издеваться, насмехаться

груда — снопы сжатого хлеба, сложенные в известном порядке на поле (ярица по десять, пшеница по двенадцать снопов)

гольцы — вершины гор, не покрытые лесом

гужир — сульфат

гуран — дикий козел
гололядка — гладкий чистый лед на Байкале
добывать — ловить рыбу, охотиться («какова рыбалка-то, сколько добыли»)
далеконько — далеко
дым — снежная буря в горах («и в дыму я его не видал»)
дуктуи — короткая меховая обувь (делается из собачьего меха шерстью наружу. Одевается поверх ичиг, заменяет теплые галоши).
двоечком — вдвоем («вы что же двоечком живете»)
докуль — докуда, до какого места («у вас сани-то докуль, до Максимихи»)
ердань — прорубь
жирить — пропитать жиром (жирят рыболовные снасти)
залавок — небольшая равнина в хребте
заступни — зарубины в скалах, делаются топором, по ним охотники взбираются на скалы
зашворить — привязать, подвязать («зашворил убитую нерпу на санки»)
кочевать — переселяться, переезжать
келаганы — травянистое растение из породы злаковых, растущее на солонцеватых местах пучками. Скот не ест, население стелет траву на пол (употребляется в селах Суво, Душелан, Бодон)
кучелга — мелкий омуль
копаница — орудие, при помощи которого добывается смолье
канфор — глиняная жаровня с отверстиями
калтус — болото
крутик — крутая скала
карга — отлогий песчаный берег Байкала, удобный для рыбной ловли
куча — см. груда
ладить — делать, починять, лечить
лесина — дерево
логово — берлога медведя
лончак — прошлогодний жеребенок или теленок
летник — летняя дорога
кумалан — ковер из оленьего меха
камасы — мех из звериных лап
кухта — снег на деревьях
морока — тучи, облака
норить — вести норилла и сети подо льдом
норилло — шест длиной сажень десять-двенадцать ручных
навив — снежный занос в горах
наквас — состав из отрубей и вареной молотой печенки, слегка подкисшей, употребляется при выделке шкур

неводник — большая лодка, употребляемая при метании невода
нерпятину — шкура или мясо нерпы
насок — копье с деревянной ручкой, служащее вместо остроги
при охоте на нерпу
остожье — изгородь для сена на лугах («остожье городил два дня»)
объедь — труха от сена
обмет — сеть на соболя
пяло — четырехугольная рама, приделывается наклонно позади
розвальней
палы — огонь, пущенный весной при сжигании прошлогодней травы
панты — рога изюбря
пото — кожаная
поденщина — рабочий день
подъездок — небольшая лодка на два-три человека
промышлять — охотиться, рыбачить
паренки — печеная в печке брюква
подлеморский — находящийся около Байкала
паняга — деревянная доска длиной до одного аршина, по бокам
имеющая ремни, по краям сверху находится два выступа «рога»,
на которые подвешиваются лыжи. Паняга прикрепляется за спину
ремнями, на нее же привязываются продукты питания и охотничьи
принадлежности
половинщик — получающий за работу половину добычи
полевка — поливка огорода
поправка — исправление
погинуть — погибнуть («погинет однако овес-то от инию»)
рога паняги — см. паняга
слань — кедровый сланец
се — в этом, «се году»
сак — большой круглый ковш из бересты, употребляется для вы-
таскивания рыбы на промысле
сборная — дом, где собираются крестьяне для решения различ-
ных общественных вопросов
сивер — север
страшенное — в смысле очень («сено в весну страшное дело
дорого»)
сушник — сухостой
сетить — ловить рыбу сетями
смешица — смешанное население («теперь-то на Катакеле сме-
шица»)
сушина — сухое дерево
сбегать — в смысле съездить («он побежал в Верхнеудинск»)
светец — очаг, камелек

сетовщик — рыбак, ловящий рыбу сетью
стала — в значении замерзла («река стала»)
смолье — пни и корни соснового дерева
струя — мускус
суметы — см. навивы
соболевщик — охотник на соболя
срубить — построить, сделать («срубить зимовье»)
тулун — кожаный мешок
теребить — рвать хлеб руками
трафляется — случается («годом трафляется попадат зверь»)
турсук — четырехугольная плетеная из камыша корзина, по бокам которой приделываются деревянные палки вместо ручек
ушел — в смысле уехал («ушел на усье с тягасью»)
ушкан — заяц
устрашимое — опасное («в хребте есь одно устрашимое место»)
унты — обувь из овчины или нерпичьей шкуры мехом внутрь
упад воды — водопад, падение воды
чага — наросты на березе, употребляются вместо чая
чернова — продушина, которую делает нерпа во льду весной
чибрики — женская обувь из ичижной кожи без голенищ
шикша — ягода черного цвета, растущая по побережью Байкала
юкши — ременные петли у лыж, при помощи которых последние держатся на ногах

ВЫРАЖЕНИЯ

Вот причина — удивительно
Подымать гряды — делать гряды

ПОГОВОРКИ

Семьей лучше, каша гуще
Сыпь коню мешком, так не будешь ходить пешком
Я лечила от уроков, он страдает от тоски
Здвиженья жди — морковку, репку рви
Вода — воля

ТАБЛИЦЫ
Горячинская волость

	Хозяйств	Посев 1924 г.		Сенокос	Скот		
		яровые	озимые		Рогатый	Лошади	Овцы, козы
Горячинский	108	10.72	8.2	178.61	164	152	—
Исток-Катокель	79	31.5	20.61	112.13	130	108	—
Гремячинский	49	7.64	6.87	53.5	77	80	—
Адамовский	50	9.22	31.8	118.45	120	87	—
Усть-Баргузин	120	0.5	7.03	50.10	153	124	—
Максимиховский	35	10.68	13.61	74.51	47	44	—
ИТОГО	441	70.26	88.72	583.38	691	595	—

Читканская волость

	Население	Хозяйств	Посев	Погибло от засухи	Сенокос	Скот		
						Рогатый	Лошади	Овцы, козы
Б. Читкан	937	170	287.54	132.52	103.36	375	246	—
М. Читкан	1144	240	366.62	181.87	136.74	488	328	—
Б. Уро	949	182	272.93	16.35	120.34	422	226	—
М. Уро	804	153	234.93	23.43	89.32	344	185	—
Телятниково	842	177	302.81	49.88	114.41	423	246	—
Душелан	611	144	267.84	45.02	66.22	344	184	—
Суво	1165	209	414.74	67.70	132.40	544	241	—
Бодан	618	114	222.00	42.50	71.9	349	138	—
Кокуй	397	73	108.06	82.08	61.50	243	133	—
Шпеньково	614	110	158.13	58.29	207.0	250	155	—
Нестериха	585	107	87.41	—	66.68	361	140	—
ИТОГО	9666	1679	2723.01	748.48	1169.06	3532	2222	—

ДЕТСКИЕ ИГРЫ И ЗАБАВЫ В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ*

**(село Распутино, Яндинской волости, Балаганского уезда,
Иркутской губернии)³³**

* СЖС, 1923. Вып.1. С.106–120.

³³ *От редакции* (СЖС – сост.): Этнографические и педагогические русские издания время от времени публиковали описания народных детских игр (например, журнал 1870-х годов «Учитель», «Известия РГО» и др.). В конце прошлого столетия был сделан свод разрозненных описаний доктором Покровским. За последние 35 лет, т.е. после выхода в свет трудов Покровского, крупных сборников народных детских игр у нас не появилось. Создается впечатление, что названным автором завершен круг интереса к детским играм. Это впечатление усиливается при просмотре педагогической литературы – в той ее части, которая в той или иной мере находится в зависимости от этнографических изучений: в обиход детских площадок и подобных учреждений детский материал почти не притекает. Наиболее известные сборники игр (Бокина, Душечкина, Лесгафта и др.) в значительной части повторяют друг друга.

Однако в самые последние годы в поисках «новых» путей воспитания и образования, педагогическая мысль настойчиво обратилась к «старой» народной педагогике, и мы наблюдаем новое явление: теперь педагогические искания вызывают необходимость этнографических изучений. За рубежом, например, Джонсон, использует в педагогических целях детские игры американских туземных племен. Аналогичное течение, объединяющее интересы педагогов и этнографов, мы наблюдаем и в России. В 1921 г. Н.А. Мелкова публикует «Игры киргиз» (Мелкова 1921), в 1922 г. М. Астахов и Н. Бадмаев печатают «Сборник калмыцких и русских детских игр для калмыцкой школы» (Астахов, Бадмаев 1922), в том же году организует собрание материалов по детским играм Отдел Народного Образования Бурят-Монгольской автономной области.

Есть основания ожидать повторения указанной истории второй половины прошлого столетия: снова обнаружен интерес к детским играм, к детскому фольклору; как результат пробуждения интереса, можно думать, явятся новые крупные собрания описания игр. Очередная задача – собрать возможно больший материал, чтобы пустить его в научный оборот, а частью – в педагогическую практику.

Редакция «Сибирской живой старины», предоставляя место описанию игр А.М. Поповой, частично выполняет указанную задачу. Описания эти, давая некоторый материал педагогу, этнографу, позволяют судить о степени распространенности и сохранности общерусских детских игр на территории Сибири, дают варианты игр, в которых отразились местные природные и иные условия, отмечают зарождение в таежной деревне новых игр. И в малообработанном виде печатаемые записи представляют большой интерес, особенно в виду почти полного отсутствия материалов по народным детским играм у русских в Сибири.

Собиранием материалов по детским играм я занялась в 1921 г., во время своей первой поездки³⁴ в Распутино, и продолжала эту работу в 1922 г., пользуясь личными указаниями и программой Г.С. Виноградова³⁵.

Изучая народные детские игры, я старалась отмечать условия, в которых живут дети — участники этих игр. Природные условия наложили известный отпечаток на душу ребенка, на его мысль и фантазию. Удаленность от других селений, сообщение с которыми возможно только по Ангаре, и другие условия способствовали сохранению здесь старинных игр до самого последнего времени. Школа, существовавшая в Распутине уже несколько десятков лет, не привила детям своих игр. Жизнь взрослых, их интересы и повседневные нужды нашли свое отражение в детских играх, как, например, «в охоту», «в торговлю», «в куклы». Современная жизнь с ее волнениями также оставляет свой след в детских играх: я наблюдала игру «в красные и белые», «в войну» и несколько других.

Интерес к тем или другим играм во многих случаях зависит от времени года. Зимние игры большей частью происходят с небольшим количеством участников (иногда — дети одной семьи) и носят менее подвижный характер. Мальчики занимаются главным образом струганием, пилкой, выделкой игрушек из бересты, дерева и т.п., а девочки играют в куклы³⁶. Некоторые зимние игры происходят на дворе, на улице, но таких игр немного.

Характер игр меняется с наступлением весны.

Первой весенней игрой можно назвать «скакули», которые в первый раз устраиваются на Благовещение, продолжаются до Пасхи, когда сменяются качулями.

Описываемые мной игры можно разделить на несколько групп:

1. Игры формальные, т.е. с установленными правилами, например, «палка варобка», «чортика не боюсь» и др.;
2. Игры-импровизации: «парахот», «тарговля» и др.;
3. Игры с игрушками: «куклы», «мячиком», «рыбкой» и др.;
4. Игры без игрушек: «поскотина», «воротам» и др.

Записи приводимых ниже игр производились мной на основании личных наблюдений³⁷, проверенных опросами детей-участников, и толь-

³⁴ Первый раз была участницей этнографической экспедиции, снаряженной Иркутским филиалом по исследованию Сибири; второй раз была командирована Восточно-Сибирским отделом Русского Географического Общества для этнографических занятий среди русского старожилото населения.

³⁵ Виноградов Г.С. 1922.

³⁶ Небольшая коллекция кукол доставлена мной в Иркутский музей народо-ведения, см. инв. №7541.

³⁷ №№1, 3, 4, 6–9, 11–12, 15–24, 26, 28–29, 31.

ко меньшая часть игр³⁸, наблюдать которые не удалось лично, описана после выяснения деталей игры, со слов детей и взрослых; большую часть сведений сообщили мне следующие лица: Мария Распутина, 12 лет, неграмотная; ее сестра Домна, 10 лет, учится в школе; Аскалон Новорожденных, 11 лет, тоже ученик Распутинской школы.

1. Чортика не боюсь

Двое из участников игры берутся за руки, третий ложится к ним на руки лицом вниз. Ему говорят: «Агу!». Он отвечает: «Не могу». — «Рассмейся!». — «Не хочу». Если он не рассмеется, то следующий подходит и проделывает то же самое. Если же спрашиваемый не выдержит и засмеется, то он становится «чортиком» и гоняется за остальными играющими, которые бегают с распростертыми руками, припевая: «Чортика не боюсь». Кого «чортик» поймает, с тем они меняются ролью, но это сделать очень трудно, т.к. стоит только приложить догоняемому руки к груди, как он уже «зачурался». Иногда игра кончается тем, что «чортик» изнемогает от беготни, не поймав ни одного участника.

2. Казак

Всех играющих обязательно должно быть нечетное число (не меньше трех), встают все парами, держась за руки, одна пара позади другой. Впереди всех, спиной к парам, стоит «казак», который произносит: «Раз...два...три!». При последнем слове задняя пара бежит мимо «казака». «Казак» гонится за ними, намереваясь поймать. Бегущие всеми силами стараются соединиться вместе, если им это удастся, то «казак» опять встает на свое место и дожидается следующей пары. Иногда пары бегают несколько раз, а «казак» не может их разъединить. Кого «казак» поймает, тот должен стать «казакком», а изображавший «казака» становится в пары.

3. Поскотина³⁹

Играющие делятся на две партии, и каждая становится одна против другой на расстоянии 2–3 сажень, крепко держась за руки.

Один из участников быстро отделяется от своей партии и бежит к противной, стремясь прорвать ее цепь. Если намерение ему удается, он остается в этой партии, а из нее бежит играющий в первую. При неудачной попытке прорвать цепь играющий бежит до тех пор, пока не достигнет цели.

Продолжительность игры определяется желанием участников.

4. Ангел божий, защит рогожей

Собираются несколько человек (сколько придется), начинают считаться: берут палку⁴⁰, один берет за конец, другой берет палку

³⁸ №№2, 5, 10, 13–14, 25, 27, 30.

³⁹ Огороженное место за селом, где пасется скот.

⁴⁰ Способы «шшота» (счета), применяемые во многих играх, не отличаются разнообразием. В описываемой местности мне удалось установить только три способа: см., кроме названной игры, «сика-бяка» и «прятущкой».

выше его руки и так далее, пока не доберутся до конца палки, и тот, кто прикроет палку сверху всех рук кулаком, становится «ангелом». Снова считаются — следующий становится «чертом». «Ангелу» завязывают какой-нибудь тряпкой — «закрывают рогожей» глаза, позади «ангела» становится «черт». Каждый из играющих, кроме «ангела» и «черта», проводит себе ногой или палкой черту — линию, по которой и бегают. «Ангел» стоит, повернувшись лицом к играющим, сзади него «черт», а дети выстраиваются стенкой на расстоянии 1–1,5 саженей от ангела. Потом один из играющих подходит к «ангелу» и спрашивает: «Что ты мне скажешь, ангел?» «Ангел» говорит: «Я ангел божий, защит рогожей, позади меня стоит черт с рогами, с горячим пирогом. Беги по маленькой дорожке на одной ножки». После слова «ножки» спрашивающий бежит по своей линии, а «черт», вывернувшись из-за «ангела», бросается его ловить, и, когда его «имат», то пойманный становится «чертом», а «черт» превращается в мальчика. Играют до тех пор, пока не все будут пойманы и не побывают «чертом». Потом снова выбирают «ангела» и продолжают игру, или же ее заканчивают.

5. Царь

Собираются все желающие играть: девочки и мальчики выбирают из своей среды одного, ставят или сажают его где-нибудь подальше от себя. Сами обсуждают вопрос, как бы придумать позамысловатей какую-нибудь работу, которой не отгадал бы «царь». Придумав, подходят к «царю» и говорят: «Здравствуй, царь-государь». — «Здравствуйте, мои детки, где вы были?» Играющие показывают неопределенно в разные стороны — «Там и там». — «Кого вы делали?» На этот вопрос «царя» играющие начинают молча делать то, что они порешили совместно. «Царь» старается указать; если он ошибется, то снова остается «царем», а играющие придумывают новую работу, и это продолжается до тех пор, пока «царь» не отгадает. Когда он правильно назовет ту работу, которую проделывают перед его глазами, все срываются с места и бегут. «Царь» их ловит, и кто окажется пойманным, тот делается «царем», а первый «царь» идет в число работающих.

Игра продолжается так же, как и прежде, или же, с поимкою одного из работающих, кончается.

6. Игра в «красных» и «белых»

Обыкновенно участвуют мальчики: девочки такой игры не любят.

Разделяются на две партии, в каждой есть свой начальник: в красной — «коммунист», в белой — «офицер». Запасутся знаменами — тряпочками, на головные уборы⁴¹ тоже навяжут тряпок и идут

⁴¹ Головные уборы детей летом составляют сетки, состоящие из тканей из конского волоса прозрачной личинки и сшитого из какого-нибудь ситца «сетошника». Надевается сетка на голову, закрывает лицо и часть груди и спины. Сетка одевается от мошек, которые целыми тучами вьются над

друг против друга. Когда обе партии сойдутся, то начинается сражение; поднимаются крики: «не сдаваться», «держишься, товарищи» и т.п., слышатся выстрелы, жужжание пуль. Все это проделывают дети своими голосами. Наконец, одна партия, победив другую, забирает в плен противника, и игра кончается. Дети во время этой игры часто приходят в азарт и иногда серьезно колотят друг друга.

7. Палка-воробка

Участники игры сначала «считаются», и кому выпадет доля искать, тот становится лицом к стенке и не смотрит, что в это время делают другие. На условленное место (камень, дерево) кладется «палка-воробка». Играющие прячутся, стараясь найти место ближе к палке. Когда все спрятались, то ищущий берет палку и стучит, приговаривая: «Палка-воробка, пойду искать». Как только он заметит спрятавшегося, тот бежит от него к тому месту, где лежит палка, и старается ею постучать прежде ищущего. Если же ищущий сам успеет «застучать», то искать должен найденный. Иногда бывает так, что ищущий «не доглядит», и все участники игры «застучатся» сами, тогда он снова «без счета» ищет, но случается, что все спрятавшиеся бывают им «застуканы», тогда игра возобновляется «счетом».

8. Воротам

Собираются несколько пар детей или подростков обоего пола, берутся за руки и выстраиваются в одну линию, поднятыми руками изображая ворота. Участники последней пары бегут друг за другом в «ворота». Играющие, под руки которых они подбегают, нередко награждают их тумачами. Пробежав подо всеми «воротами», они останавливаются впереди всех; в свою очередь за ними бежит следующая пара, затем третья и т.д., пока все играющие не отведут свою очередь.

9. «Воробьем»

Собираются мальчики и девочки вместе 10–15 человек и меньше. Становятся кругом, берутся за руки, в середину становится мальчик по выбору играющих. Это и есть воробей.

Круг играющих начинает двигаться, припевая: «Пошел воробей во долину» (до трех раз). «Воробей» похаживает по кругу. «Уж сел воробей на лужочек» (3 раза). «Воробей» садится на землю. «Красным девушкам во кружочек» (3 раза). «Стал воробей шевелиться» (3 раза). «Воробей» в это время пошевеливается и при словах: «На резвые ноженьки становится» — встает на ноги и начинает плясать. «Вот пошел воробей плясати» (3 раза) — себе ровнюшку искати (3 раза), — поет круг. В это время «воробей» выбирает себе пару-девочку, берет ее за руки и выводит на середину, а остальные играющие поют: «Вот нашел воробей себе ровню» (3 раза), «себе ровнюшку-девушку», при этом играющие иногда целуют друг друга.

таежным местом, причиняя страдания и животным, и людям. Взрослые носят сетки, одевая их на головные уборы.

Бывший «воробьем» уходит в круг играющих, по выбору выходит другой и игра возобновляется снова. Иногда «воробья» изображает и девочка, которую выбрал предыдущий.

10. Рига

Участники игры делятся следующим образом: одни изображают ригу, а другие — хозяина с работниками.

Изображающие ригу встают в круг, протягивают руки друг к другу, касаясь только пальцами; расстояние между двумя участниками игры означает дверь риги. Действие происходит вечером, «хозяин» и «работник» спят. «Хозяин» встает, входит в «ригу», подкладывает дров⁴² и с недовольным видом приговаривает: «Черт с тобой, гори сегодня ночью» — уходит и снова спит, проснувшись, посылает «работника», который повторяет все действия «хозяина» и тоже спит. «Рига» горит, дети шатаются, падают — «рига» сгорела.

Выросли деревья, те же дети, «хозяин с работником», их срубили и хотят пилить.

Берут палку, подходят к деревьям, которые лежат на земле, «распиливают» их и сносят на то место, где была «рига». Когда все деревья перенесены, начинают «строить» новую «ригу»: кладут детей друг на друга четырехугольником, а сверху всех одного — для крыши. Этим игра заканчивается.

11. Игра в куклы

Обыкновенно играют в куклы девочки, но иногда участие в играх предоставляется и мальчикам. Куклы шьются из лоскутков, изображают фигуры людей разного пола и возраста. Шьются с ногами и руками, лицо шьется из белой тряпочки, глаза, нос и рот вышиваются или раскрашиваются углем, а иногда они и вовсе отсутствуют.

Одевают кукол в костюмы, какие носят распутицы и сообразно тому, кого изображает кукла. У кукол имеется обыкновенно домашнее хозяйство: посуда, которая делается из глины, дерева и бересты, одежда, постель и т.п. Куклы ведут такой же образ жизни, как родители и знакомые играющих детей.

12. Скакули

Берется толстое полено, на полено поперек кладется доска. На концы доски становятся по одному человеку, в середину садят еще одного. «Садись на кошку» — говорят ему, чтобы полено не прыгало. Устроившись таким образом, начинают скакать. При скакулях очень много шума, иногда скачущие дети летят кувырком. Поются песни, какие кто знает, веселье кипит около скакуль. Игра эта начинается с Благовещения и заканчивается перед пасхой. Скачут не только дети, но и взрослые.

⁴² То есть делает вид, что подкладывает дрова, а в руках у него ничего нет.

13. Качули⁴³

Качули. Главным образом, устраиваются в Пасху, хотя и летом стоят качули, но они мало привлекают к себе желающих, а на Пасхе и большие, и маленькие не расстанутся с качулей. Устраивается она следующим образом: где-нибудь на пустом пространстве, на площадке против домов или позади домов, вкапываются два столба на расстоянии 1–1,5 сажени друг от друга, на столбах лежит перекладина, на перекладину перебрасываются кольца, загнутые из березовых прутьев, к кольцам приделываются жерди (иногда же берется жердь с тонким концом и загибается на перекладине, образуя кольца, тогда других колец не нужно), жерди бывают очищенные от сучья и коры, расположенные на один аршин друг от друга. Внизу в жерди вделана доска, на которую садится качающийся, при этом он держится за жердочки и раскачивается, а товарищи, в ожидании своей очереди, подталкивают его, чтобы он выше взлетел.

14. «Прятушкой»

Число участников не установлено, сколько соберется, мальчики и девочки вместе: одни девочки или, наоборот, одни мальчики. Играющие садятся на бревно или скамейку, один ходит с прутом, которым и дотрагивается до головы каждого, с одним из следующих слов: «чинчики-минчики, летели голубинчики на богову росу, на попову полосу, там в чашке орешки, медок, сахарок, поди выпить королек». Тот, на кого падает слово «королек», выходит и снова начинается приговор с первого слова. Наконец, остается один, которому слово «королек» не достанется, тот отворачивается лицом к стене, а остальные в это время прячутся. Когда спрячутся, то ищущий отправляется на поиски и кого первого найдет, тот становится на его место, т.е. ищет, а он с прочими начинает прятаться.

15. Варнак

Выбирается 2–3 «варнака» и «хозяин», остальные участники игры — «мешки с хлебом» (дети сидят на земле спокойно друг около друга). Ночь. «Хозяин» спит около амбара. «Варнаки», которые сидели, спрятавшись недалеко от него, подкрадываются и уносят мешки. «Хозяин», проснувшись, не видит мешков, горюет и бежит искать «варнаков». Находит у них свои мешки и спрашивает: «Где взяли мешки?» «Варнаки» отвечают: «С неба упали, видишь, в небе дыра?» — и показывают рукой на небо. «Хозяин», рассердившись, говорит: «Нет, мешки мои, вы их у меня украли, я узнал по холсту». Отнимает у «варнаков» мешки, и игра начинается снова, только переменяются ролями (другие дети изображают хозяина и варнаков).

16. Игра в купцов и покупателей

«Торговец» наготовит всякого рода товаров: чаю, сахару, муки, масла, устроит весы, меры, облюбует лавку, сидит в ней и торгу-

⁴³ Качель.

ет, а остальные играющие — «домохозяйева», которые постоянно что-нибудь у него покупают. Деньгами служат черепки битой посуды и бумажки. Каждый черепок, смотря по цветочкам или полосочкам на нем, имеет свою ходовую стоимость: 1 цветочек — рубль, два цветочка — 2 рубля и т.д., а товаром могут быть кусочки хлеба, глины, зола, песок. Игра довольно оживленная и нередко кончается ссорой детей и даже дракой, потому что дети берут друг у друга или намеренно, или невзначай товары или деньги.

17. Баня

Собирается четное число играющих не менее шести человек, выбирают из своей среды хозяина бани и моющегося, остальные дети встают парами и держатся за руки, изображая коридор — баню. В этот коридор приходит желающий мыться. «Хозяин» его спрашивает: «По ково пришел?» — «Баню затопить». — «Иди да вернись назад». Желающий мыться возвращается и снова приходит в баню, приносит мыло, веник при тех же вопросах и так возвращается благополучно назад. Наконец, на вопрос «хозяина»: «По ково пришел?» Он отвечает: «Парицца». Тогда баня во главе с хозяином начинает бить по чему попало моющегося, тот бежит. «Баня» и «хозяин» за ним, догнав его, повалят на землю и довольно основательно, чуть не до слез, «выпарят». Снова выбирают желающих изображать хозяина и моющегося или заканчивают игру.

18. Собака

Один из участников игры изображает собаку, другой старуху (ее хозяйку), а остальные детей, приходящих к старухе за молоком. «Собака» привязывается на длинной веревке к столбу у «дома» «хозяйки» (определенное место), для того, чтобы оберегать от воров. Дети, собравшись вместе, идут к «старухе», и, подойдя к ее дому, кричат: «Бабушка, стреть, а то собака укусит!» «Старуха» встречает детей, «собака» лежит спокойно. «Бабушка, дай молочка!» «Старуха» наливает молока (делает вид, что льет из одной посуды в другую). «Бабушка, проводи!» «Старуха» выводит детей. Как только дети пойдут мимо «собаки», старуха кричит «собаке»: «усь, усь!» «Собака» бросается за детьми, те проливают молоко и быстро бегут. Пойманный становится собакой, которая привязывается на веревку, и игра возобновляется.

19. Гуси

Участники игры выбирают (или по желанию) «медведя» и «старуху», остальные — «гуси». «Гуси» ходят по поскотине и щиплют траву. «Бабушка» кричит: «Гуси, лебеди, домой!» Те отвечают: «У нас луг п'Ангарой». «Старушка» их спрашивает: «Ково делати?» — «Рябчиков теремим». «Каких да каких?» — «Сереньких да беленьких». «Медведь» во время переговоров «гусей» со «старухой»

крадется к ним. Увидя «медведя», «гуси» кричат и бегут от него. «Медведь» ловит «гуся» и делает вид, что ест его. Съеденный становится «медведем», а тот «гусем».

20. Медведь

Из числа играющих выбирается «медведь», который сидит где-нибудь в укромном уголке. Остальные участники — «бабы» — идут за ягодами. Подходят они к тому месту, где находится «медведь», наклоняются к земле, делают вид, что берут ягоды и поют: «Беру, беру ягоду, черную смородину, черт с тобой, погоняй за мной». «Медведь» услышав пение, вскакивает и гонится за «бабами» и та, которую поймает, превращается в «медведя», а «медведь» — в «женщину» и снова идет «за ягодами».

21. Кошки

Собирается несколько человек детей или подростков обоего пола, и выбирают из своей среды «кошку» и «кота», остальные играющие берутся за руки, образуя круг. «Кошка» и «кот» начинают бегать по кругу, иногда за него выбегают. «Кошка» старается убежать от «кота»; ей в этом намерении помогают стоящие в кругу, которые при беге «кошки» широко расставляют руки, давая ей проход, а при приближении «кота», наоборот, сузить круг, чтобы он не так скоро вскочил или вскочил в него. Изображающие кота и кошку все время мяукают. Когда «кот» поймает «кошку», то оба становятся в круг, а другая пара выходит изображать кота и кошку. Игра оканчивается по желанию играющих.

22. Сика-Бака

Играющие сначала становятся кругом, делают из пальцев кольцо и плюют в него. Если слюна попадает на палец, то говорят: «Петька и Марейка об.....», кому слюна попала на палец, тот становится собакой, а кому не попала — лисицами. «Лисицы» выбирают два места⁴⁴ и перебегают с одного на другое. «Собака» их «имает». Если лисица добежит до запретного места и станет одной ногой на него, то «дома», а если обеими, то «сгорела» и меняется местом с «собакой». Также меняются ролями, если поймает «лису» во время перебежки.

23. Рыбкой

Играющие («рыбки») берутся за веревки, концы которой связываются вместе, и бегают, перебирая все время руками. Один из играющих стоит в кругу, изображая ловца, и, когда дети закричат: «Лови, лови рыбку», он бросается на «рыбок» и старается схватить кого-нибудь за руку. Кого схватит, тот становится ловцом, а «рыбак» — «рыбкой». Иногда неловкий участник игры долго не может избавиться от роли ловца.

⁴⁴ Бревна на расстоянии 3–4 сажень, ворота двух изб и т.д. и уговариваются, чтобы на этих местах «не имать».

24. «Бабкам»

Соберется ребят человек двадцать с «бабкам», уставят бабки в кон прямо в правильную линию и начинают смотреть, кому бить первому.

Для битья изготовляют большую бабку; ее сначала просверлят, зальют свинцом для тяжести. Название этой бабки «сохач», «изюбрик», эту же бабку катают при «шшете»; кому она правильно ляжет, говорят: «жох», тому первому бить; кому ляжет на бок, говорят: «Бок» и тому приходится бить последнему.

Перед коном на сажень от него проводится черта; если до этой черты не докатит играющий сохач, то будет бить «слепому». Сколько бабок сшибет играющий, столько и выиграет. Играют исключительно мальчики. Иногда в эту игру играют и взрослые.

25. «Ястрип и парунья-куриса»⁴⁵

«Паруньей» выбирают самого большого по росту участника игры (не всегда девочку); встают по росту, держась друг за друга и за «курицу»; на конце становится самый маленький из играющих. «Ястребом» может быть один из играющих по выбору или по желанию. Когда все установятся, «ястреб» подходит к «курице» со словами: «Парунья, парунюшка, дай-ка мне цыпленочка». — «Бери, да только самава задняя, если имашь, так твоей».

«Ястреб» после этих слов бежит за последним «цыпленком», а «парунья», защищая «детей», отгоняет «ястреба», укрывая собой выводок. Бегают очень быстро. «Ястрип натопырицца, парунья растопырицца и клохчит, а цыплята чиликают». Иногда «цыплята» отрываются, и «ястреб» ловит отставшего.

Поймает «ястреб» одного и съест⁴⁶ и опять подходит к «парунье» с просьбой дать «цыпленка». Игра кончается, когда «ястреб» перетаскает всех «цыплят».

Играют дети не старше 15 лет.

26. «Мячикам»

Собираются «ребята» (девочек принимают очень редко); «каждый себе ямку накопат, наишшет себе стеклышек». У кого первая ямочка, тот катит мячик, сделанный из коровьей шерсти. Кому попадет мячик в ямку, тому бросают стеклышко — «денежку» и так накопляют «денежек» до десятка. Накопившего десяток выводят за угол дома или куда-нибудь в темное место, завязывают глаза, а «деньги» прячут в лунку; лунку засыпают, а мальчиками с завязанными глазами один (по выбору играющих) из участников игры бьет мячом, приговаривая: «Ярка не ярка, баран не баран на поленицы опал,

⁴⁵ Парунья — курица, имеющая цыплят или еще только сидящая на яйцах для выводка из них цыплят.

⁴⁶ Делает вид, что ест, «съеденный» «цыпленок» отходит в сторону и до конца игры не имеет права принимать в ней участия.

тетиву проспал» и так до трех раз. Мальчик ищет свои «деньги» и, когда найдет их, то бросает мячик в бегущего от него противника и, если попадет в него, то игра начинается снова, а если не попадет, то тот опять бьет его, приговаривает и так делает до тех пор, пока нашедший «деньги» в него не попадет.

27. «Горох воровать»

Собираются маленькие ребята (лет 3–10 и менее), сколько придется, мальчики и девочки, выбирают из своей среды «старика»; остальные изображают ребят, ворующих горох. «Старик» посеет горох, который тотчас же вырастет.

«Дедушке» необходимо караулить его по ночам от ребят. Время — изображает ночь. Он спит около гороха. Ребята «рано утром» идут к гроху, припевая: «Я у дедушки горошку пошел воровать». «Старик» от пенья детей просыпается, встает, «умывается» и говорит: «Лешевы детки весь горох у меня слопали». Берет в руку палку и идет «на полосу». Дети на другом конце полосы сидят и «рвут стручки», припевая: «Мы у дедушки горошек воруюем». «Старик», заметив детей, кричит: «А, лешевы детки, вот де оне!» И бежит за ребятами. Кого поймает, тот становится «дедушкой», а последний возвращается в число детей, ворующих горох.

Игра кончается по желанию участников.

28. «Параходом»

Где-нибудь на сарае, на крыльце избы, около бани или в каком ином месте собираются мальчики (девочек принимают редко), привязывают к крыльцу или бревну сучок — «якорь», налаживают «свисток», т.е. выбирают мальчика, умеющего «свистеть, как парад». Приготовив доску — «трап», насадят «пассажиров» и «едут». «Пассажиры» сидят спокойно, команда парохода с «капитаном» во главе дает свистки, «пристает», «отходит от берега» и т.д.

Игра эта не является у детей особенно любимой.

29. «В кони»

В этой игре участвуют маленькие дети, приблизительно с пятилетнего возраста, преимущественно мальчики. Берется палочка (предпочтительно черемуховая), с которой очищается «корлуша» или самими детьми или кем-нибудь из старших. Топором или ножом на ней делаются зарубки и «конь» готов. Сев на «коня» «верхом», дети с «ржаньем» и визгом, лягая друг друга ногами, бегают табуном по улице.

При большом количестве участников игра проходит оживленно. При видоизменениях игры «коней» продают, меняют и воруют друг у друга. Деньгами обыкновенно служат черепки битой посуды.

30. «Мотки разматывать»⁴⁷

Играющие берутся за руки, образуют круг и начинают быстро, быстро кружиться. Кружатся до тех пор, пока один за другим не попадают на землю.

Игра тотчас не повторяется, т.к. у всех участников кружится голова, и они некоторое время сидят спокойно, не вставая с того места, куда упали при кружении.

31. Детские песенки

Иногда ребята собираются на берегу Ангары, девочки и мальчики вместе, берутся за руки, быстро кружатся, припевая при этом:

Бада, бада, бадажок,

На китайску сторну.

Там Марря Систра

Парадила сына.

По воду ходила

Под кус схоранила.

Куста плачит,

Колода скачит,

Пень гаварит,

Нам плисать ни вилит.

Обычно песня повторяется много раз.

32.

Также кругом ходят, только быстрее припевая, иной раз и приплясывая, песенкой:

Рас, два, три, чытыри,

Миня грамоти учили,

Ни писать ни читать,

Только по палю скакать.

Я скакала, я плисала,

Сибе ногу изламала.

Стала ножинька балеть,

Стала маманька жылеть,

Ни жылей-ка, мать ранная,

У мя ножинька бальная.

33.

Песенка во время игры поется также девочками-няньками при убаюкивании ребенка:

⁴⁷ Мотки-пряжа, выпряденная из конопля, намотанная на особое приспособление, т.н. «талька», «мотовило». Устроено оно так: с одного конца вилка, а с другого поперечная палка, длина «тальки» 1,5–2 аршина. Разматывается пряжа также на особых приспособлениях, на которые надевается снятый с «тальки» моток. При разматывании пряжи приспособление это быстро-быстро вертится, а человек, который сматывает пряжу, спокойно стоит на месте.

А, ту-ту, ту-ту, ту-ту,
Патирял мужик дугу,
На поповым на лугу,
Шарил, шарил ни нашол,
К Акулинушки зашол.
Свесил ношки на дарошки,
Посмотри-ка ты,
Как миня визут.

34.

Дети любят подразнить друг друга, нередко доводя товарища до слез или до драки. Мне удалось записать такую припевку, которую дети, прыгая около одного мальчика, пели, что называется, без конца:

Антон баню продает,
Антониха не дает,
Антаняты плачут,
Па имани скачут.

Кроме перечисленных игр, я укажу еще на стрельбу из лука и на такие, которые дети устраивают, подражая старшим; это вечерки, которые, по словам Аскалона Новорожденных и некоторых других мальчиков, устраивают ребята зимой. В мою работу эти игры не вошли, т.к. здесь я касаюсь исключительно детских игр.

Приведенные игры и забавы не исчерпывают всего материала по этому вопросу, ибо мною собрана, может быть, только одна десятая часть всех игр, которые существуют в данной местности.

**МАТЕРИАЛЫ ПО НАРОДНОЙ КУЛИНАРИИ
(русское население Тункинского края)***

Вопрос о народном питании, о составе пищи и способах ее приготовления должен войти одним из важнейших элементов в общую систему материальной культуры русско-сибирского населения, между тем в нашей этнографической литературе встречаются по этому вопросу только отдельные, более или менее подробные замечания⁴⁸. Это обстоятельство тем более усиливает потребность в аналогичных работах для русского населения, особенно в тех местах, где мы наблюдаем взаимодействие культур, например, в Тункинском районе.

Можно полагать, что материалы, собранные в различных краях Сибири, дадут возможность проследить: а) сохранность традиций, вынесенных из России, в) применение их к географическим условиям нового местожительства, с) степень культурного влияния соседящих народов, d) проникновение и распространение влияний городской культуры, e) степень развития народного «поваренного искусства», искусства готовить из сырых растительных и животных продуктов удобоваримую и питательную пищу, для чего требуется знание качеств продуктов и понятие их верного химического отношения. Материалами для освещения последнего вопроса и должна служить, главным образом, настоящая работа.

Питание стоит в тесной связи с хозяйственными условиями и занятиями населения. Тункинские крестьяне занимаются земледелием. Поэтому основа их питания — хлеб. Подсобные занятия: скотоводство, огородничество, охота, рыболовство, кедровый и ягодный промыслы — добавляют другие необходимые продукты питания. Перевозка пассажиров на курорты и др. побочные работы дают возможность приобретать привозные продукты: крупчатку, вино, пряности, соль, сахар, чай и др. От соседящих бурят приобретаются масло, мясо и тарасун — молочное вино.

В разделении пищи по сезонам большого различия не наблюдается, кроме, разве, свежести продуктов, т.к. хозяйки запасаются поч-

* СЖС, 1928. Вып. VII. С. 23–46.

⁴⁸ *Лвдева Е.* Записки и замечания о Сибири. М., 1837. С. 11–30, 154–156; *Пейзен* Этнографические очерки Минусинского и Канского окр. Енисейской губ // ЖС, 1903. Вып. 4. С. 316–317. Работ, специально посвященных этому вопросу, нет. Гораздо больше и внимательнее изучен вопрос о пище туземных племен Сибири: *Серошевский В.Л.* Якуты. Т. I. СПб., 1896. С. 141–172; *Стуков К.* Очерки монголо-бурят, кочующих в Восточной Сибири // Записки СОРГО, 1865. Кн. VIII. С. 141–172; *Попов Н.П.* Пища тунгусов // СЖС. 1926. Вып I (V).

ти на год. Только молоко встречается летом, потому что с перемещением скота в «загоны», обычно после Покрова, молоко «присыхает».

Мука у большинства населения к сенокосу выходит. Ее покупают или «занимают под работу» у своих же сельчан, иногда чуть ли не с Рождества. Мясо бывает не часто. Осенью «по заморозкам» бьют свиней, овец, «кочериков» (годовалых бычков) и птицу: кур, гусей. Многие к страде также бьют по скотине.

Как только пройдет Иркут (к середине апреля), начинают неводять. В середине лета неводьба почти прекращается; с августа же, когда рыба начинает спускаться, возобновляется снова. Зимой некоторые добывают рыбу мордами или на удочку.

Нужно заметить, что рыболовством занимаются преимущественно жители с. Гужиры, расположенного против устья р. Зон-Мурин (приток Иркуты), в котором в 1927 г. ходило 17 неводов, в то время как в других селениях больше двух неводов не встречалось.

Пища готовится в русских печах. В поле, изредка и дома, пользуются *талуһанами* (таган) и, реже, «камфором» (ведро с отверстиями, в которое насыпают горячие уголья).

Соблюдения меры и веса в приготовлении различных блюд наблюдать не приходилось. Довольствуются обыкновенно привычной — «на глазомет». Только нежные печенья: «кольца», «роски», «заварны калачики», заметно изменяющиеся от нарушения пропорции, готовятся с соблюдением меры.

В ежедневном порядке принятия пищи по сезонам замечается разница. Летом бывают: первый чай — часов в 5 утра, второй — около 7, обед — в 12, «паужна» — в 4–5 ч и «ужна» — перед сном. В страду, обычно, выпускают второй чай и паужну. Зимой же — завтрак, нередко — чай около 7 часов, обед — в 11–12 часов, паужна и ужна.

За стол садится вся семья. Хозяйка режет большими ломтями хлеб, кладет его вместе с ложками и вилками посреди стола и подает приготовленное блюдо в общей чашке, после которого следует чай с вареным молоком. Специально к чаю иногда подают «закуску»: творог, грибы и др.

Прием гостей в будни знаменуется каким-либо наскоро приготовленным блюдом. Чаще всего угощают творогом, яйцами и «саламатом».

Праздники отмечаются отдыхом, развлечениями и более обильной вкусной пищей, скопленной нередко в продолжении долгого времени. Особенно соблюдаются престольные праздники, к которым начинают готовиться за неделю: «бьют» скота, «затирают» сусло, пиво и квас, готовят печенье, мясные и рыбные блюда.

Съехавшиеся почти со всего края гости отстаивают службу и отправляются сначала к хозяевам, у которых остановились, а потом к родным и знакомым по всему селу. На место их приходят другие, часто малознакомые, которые сменяются все новыми гостями. У каж-

дой хозяйки перебивает человек 60–70. На другой день, по отъезде дальних гостей, празднуют односельчане.

Как только соберутся гости, стол застилают скатертью, ставят посреди тарелку с хлебом — по одну и с ложками и вилками — по другую сторону и подают сначала холодные, после горячие на тарелках и блюдах, большую часть которых «частят», т.е. режут на куски. Стол устанавливается сплошь. Гости закусывают, не соблюдая какой-либо очереди между блюдами. Хозяин обносит каждого, соблюдая старшинство, рюмкой водки, которая обходит стол несколько раз.

После закуски гостей обносят чаем, который подается на подносе вместе с молоком и сахаром. На подносе же подают печенье: кольца, роски и более скромное: тарочки, пирожки. Берут обыкновенно по штуке простого и «прежонного» печенья. Выходя из-за стола, каждый благодарит хозяина и хозяйку, на что они отвечают: «Не взыскать прошу покорно».

Еще не так давно жители Тункинского края строго исполняли посты. Соблюдались: Великий пост, Петров, «Гунужинкин»⁴⁹ и Филиппов, или Рождественский. Многие соблюдали среды и пятницы, особенно «больши»: Микольску, Благовещенску, Троицку, «Илинску», Успенску, Богоявленску и Девяту Пятницу.

В пост не ели мясной и молочной пищи. Употреблялись «бурдук», кисели, картофель, капуста, рыба, сусло и др. кушанья, приготовленные на «семенном» (подсолнечном) масле.

Перед каждым постом соблюдались «заговенья»: «Рождественско» — «четырнадцатова ва фтаром зимнам мисицу», Масленско, Петровско и Успенско. Они, так же, как и «розговенья», приуроченные к большому празднику, по имени которого называется пост, отличаются, как и все праздники, обильной «молосной» пищей.

Некоторые данные дают повод предполагать влияние бурят. Среди русских широко распространены бытующие у монголов и бурят: *тарак* (сквашенное молоко), *затуран* — чай с молоком, маслом и жареной мукой, и *хурча* — чай с поджаренным пшеничным зерном. На заимствование хурчи указывало само население.

Предлагаемый материал собран в 1926 и 1927 годах по поручению Этнологической секции Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества, в селениях Гужиры, Ахалик, Тунка, Никольское, Шимки, Туран, Мойготы и Монды. Работать приходилось среди женщин — отчасти тех семей, где я жила, отчасти же их односельчанок, с которыми я завязала знакомство. О приемах соби- рания материала можно заметить, что в большей части это опросы,

⁴⁹ Иначе — Успенский, «отрывок» от Великого. «Великий-то пос девять недель должен быть. Да тижало народу. Вот Восподь и велел Успенский пос зделать» (У.К.).

а также наблюдения над действительностью, в которой я нередко принимала живое участие.

Особенно ценными собеседницами были М.В. Попова (Ахалик), М.Е. Зверева (Шимки), Н.Д. Пежемская (Туран) и К.В. Бобкова (Гужиры).

Материал классифицирован на повседневную, праздничную и обрядовую пищу. Нужно отметить, что классификация не совсем точна. Различные блюда, употребляемые повседневно, используются часто в праздники, кроме того, повседневные блюда зажиточного и среднего крестьянина употребляются у бедного как праздничные.

В группу повседневно употребляемых блюд я отнесла стол крестьянина среднего достатка.

За советы и указания считаю долгом выразить благодарность М.К. Азадовскому, Г.С. Виноградову и Е.И. Титову.

Повседневный стол

1. *Ржаной хлеб*. С утра на кваску, находящуюся в квашне, заливают двумя ковшами воды; «когда солнышко назакал», ее размешивают, вливают «распичканный», заранее разваренный, ломоть хлеба, густо замешивают мукой и постепенно, вливая по ковшу, разводят теплой «как парно молоко» водой до тех пор, пока раствор не потечет с приподнятой мутовки. Мутовку и края квашни очищают «косарем», посыпают раствор мукой и завязанную «наквашенником» квашню ставят на печь (зимой) или на «ленивку» (летом).

Когда раствор запенится и опуститься, квашню примешивают или на два раза или на один. В первом случае тесто приготавливают не густым «как на оладьи», дают ему подняться и снова подмешивают уже «насовсем», во втором же месят нагусто. Очень густое тесто не рекомендуется: при выпечке получаются толстые корочки.

Тесто «месят» долго, пока оно не станет отставать от мутовки, покрывают мукой и оставляют подниматься, время от времени потыкивая рукой, осыпанной мукою, чтобы «не ушло на пол».

Как только истопится печь, часть углей загребают в загнету, заматают «под» помелом и начинают катать хлеб. Перекрестившись, хозяйка отделяет первую лопаточку теста на кваску. Остальное тесто слегка наминается на муке, распределяется в 6–8-ми деревянных чашках, наполняя их до половины, и оставляется «растронуться». Из остатков теста со стенок и дна квашни изготавливается особый хлебец «оскребышек», который отдается собакам. Намята и поднявшаяся кваска кладется в квашню и выносятся в чулан.

Растронувшийся хлеб вываливают из чашек на лопату; садят в печь, заслонив ее, пока хлеб не зажарится, и вынимают часа через 1,5 (приблизительно), когда затвердеет нижняя корочка. «В старину, — рассказывала В.М. Т-ва, — говорили, что по донышку грех стучать. Ране и суку и сельницу — не тронуть рукой. А теперь рибитишки и у крестьян муку наваливают, а ране крошки нельзя было валить».

Вынутый из печи хлеб ставят «бочком» в селницу, застланную полотенцем и, когда он остынет, выносят в амбар или чулан.

За хлебом нужен уход. Чуть что-либо не в пору: или растворить на холодной воде, или остудить, или поставить на горячее место — будет «неудача», которую иногда перестряпывают, складывая разломанные ковриги в квашню, заливая водой и заквашивая; получается хороший, слегка красноватый хлеб.

2. *«Сухури»*. Разрезают на две части, параллельно основанию, приготовленные ковриги. Каждая часть разрезается почти «напролом» раз по шесть вдоль и поперек. Хлеб сажают в печь, и когда он высохнет, разламывают по надрезам, после чего «сухури» складываются в мешки.

Они употребляются в «страды» и на охоте.

3. *«Солоники»*. После выкатки хлеба, в квашне нередко остается немного теста, которое раскатывают в небольшие (с четверть в диаметре) сочни, густо посыпают их солью, сгибают вдвое, наподобие пирога, и сажают в печь. Когда «солоники» зажарятся, их вынимают и употребляют, обыкновенно женщины и дети, горячими.

Горячие блюда

Супы и похлебки

1. *Мясной суп*. Разрезают на куски мясо, складывают его в чугунок или котелок, заливают водой, солят по вкусу и ставят в печь. Когда мясо упреет, суп «заправляют» кислой капустой, крупой — ячменной, гречневой и просовой, картофелем или ржаным хлебом, «распичканным» в кипятке и подболтанным мукой. Приправы кладется немного, чтобы суп не был густым. Он снова ставится в печь до обеда. Перед подачей на стол в него всыпают крошеного лука.

2. *Мясная похлебка*. Похлебка мало отличается от супа. Только мясо режется мельче и варится она быстро «перед пылом».

3. *Яшны шти с грибам, бурдуком и с рыбой*. Стакана два ячменной, хорошо перемытой, крупы ссыпают в чугунок. Кладут туда 2–3 картофелины, соли, вливают воды и ставят в «вольную» печь к загнетке. Как только разопреет крупа, в шти кладут: а) разваренные, разрезанные на части сушеные или мелкорубленные соленые грибы и немного лука, в) поваренку «бурдука» (см. кисель из бурдука), размешивая шти, чтобы не скомчилось; или с) сушеную рыбу. Шти приставляются к загнетке и белятся молоком или маслом, за исключением штей с рыбой.

4. *Шти с кислам*. Листья, кочни и т.п. остатки от заготовки капусты впрок рубятся в корытах, солятся и смешиваются с ржаной мукой. Масса киснет три дня дома, а затем выносится в погреб, где хранится всю зиму.

Берут два стакана крупы и поваренку «кислов», разотрут их, вольют воды, посолят «по припорции» и ставят в печь так, чтобы не всплыло, до обеда. На стол эти шти подаются заправленные смета-

ной. Они встречаются теперь только в Тунке на Росейской улице, жители которой, как будто, переселенцы из России⁵⁰.

5. *Лапша*. На двух яйцах и двух стаканах воды замешивают густое тесто, наминают его и тонко раскатывают скалкой. Сочни слегка подсушиваются, свертываются в трубочки и мелко крошатся ножом. Из лапши приготавливаются следующие блюда:

а) молочная лапша. В кипящее, немного посоленное, молоко спускают немного лапши, чтобы не было густо, снова приставляют к огню, время от времени помешивая, и, когда лапша разварится, всыпают крошеного луку и перцу и подают на стол;

в) мясная лапша. Хороший жирный суп, когда упреет мясо, заправляют луком, перцем и лапшой, после чего он кипятится еще раза три.

с) постная лапша. В кипящую в чугуне посоленную воду всыпают мелко искрошенный картофель, снова кипятят, заправляют луком, перцем и лапшой, вливают 3 столовых ложки «семенного» масла и ставят снова в печь до обеда.

Жаркие

1. «Жарены картошки».

а) чистят сырой картофель, режут пласточками, перемывают, складывают на сковороду или латку, солят, добавляют масла или сала, ставят в вольную печь, помешивая его, чтобы не пригорел и, когда он ужарится, подают прямо в латке на стол.

в) очищенные вареный картофель разрезается не особенно мелко, складывается на сковороду, обливается маслом или сметаной, солится и ставится в печь. Когда он поджарится, его перемешивают, заливают сметаной и подают.

2. *Картофельны лепешки*. Толкут вареный, еще горячий картофель, разбивают 3 яйца, солят по вкусу, перемешивают, наминают на муке и катают небольшие (вершка 1,2–2 в диаметре) лепешки, которые поджариваются на масле или сале.

3. *Жареная рыба*. Очищенная от чешуи, выпотрошенная и вымытая рыба складывается в несколько рядов на сковороду. В нее добавляют соли, луку, нарезанного пласточками, перцу, масла или сметаны, обсыпают мукой и ставят в печь. Рыба хорошо прожаривается и подается к обеду.

Каши

1. «Яшная» каша. Заливают молоком два стакана перемытой всыпанной в горшок ячменной крупы; ставят в печь, изредка помешивая, чтобы не пригорела, и, когда каша равномерно загустеет, вынимают ее из печи, солят, вливают масла или сметаны и подают.

⁵⁰ Виноградов Г.С. Замечания о говорах Тункинского края // БС, 1925. Вып. II. С. 2.

2. *Просеная и гречневая каши*. Они готовятся почти так же, как и яшная, только они менее «распариваются», поэтому крупы всыпают больше. Кроме того, гречневая каша держится дольше в печи, пока не выкипит вся жидкость.

3. *Картовна каша*. Разводят молоком, «чтобы лилось с ложки», чугунок очищенного истолченного картофеля, солят его, переливают в горшок и ставят в печь. Каша хорошо проваривается, густеет и подается на стол с молоком или маслом.

4. *Заваруха*. Простокваша или «пахтань» (остатки после приготовления масла) сливаются в горшок, ставятся в печь и, «когда дадут два ключа», предварительно посоленные, густо замешиваются пшеничной или ржаной мукой. В заваруху добавляют масла, слегка поджаривают и подают на стол только горячей.

Кисели

1. *«Бурдук», «бардошный кисель»*. Всыпают в латку полведра пшеничных или ржаных отрубей, густо замешивают их теплой водой, заквашивают дрожжами и оставляют около печи суток на трое. Выкиснувшие отруби, вместе со влитыми 3–4 ковшами холодной воды, перемешиваются процеживаются на сите, причем еще перемываются раза три, и выбрасываются свиньям или коровам. Наутро отстоявшуюся жидкость сливают. Мутно-белый осадок — «бурдук» снова заливают водой и оставляют до утра. Так делают раза три для того, чтобы вытянуть из него кислоту. На четвертое утро «бурдук» собирают в тузлок или кринку и выносят в погреб, где он хранится продолжительное время.

По мере надобности достают в горшок поваренки 2–3, заливают, размешивая, кипятком, солят, приставляют к «пылу» и, когда он вскипит, заправляют двумя столовыми ложками «яблочной» (картофельной) муки, разведенной в холодной воде.

Подается на стол бурдук с сахаром или, чаще, постным маслом. Это, по словам знатоков старины, было самое распространенное кушанье.

Холодные блюда

1. *Чеснок, лук и черемша*. Собранные, нередко верст за 10 от села, чеснок, лук и черемшу мелко рубят в корыте или «селенке», густо солят, «чтобы побелело», рубят еще некоторое время и складывают в корчагу или горшок, хорошо уминая мутовкой. Когда посуда наполнится, масса заливается водой, покрывается капустными листьями и деревянным кружком, на который кладется камень, завязывается тряпкой, чтобы избежать затхлости, и выносится в погреб.

2. *Капуста*. а) *Шелкованная капуста*. Разрезанные надвое, очищенные вилки мелко крошатся ножами или «машинками» (доска с тремя острыми железными ножами посредине), солятся, перетираются в селенках до тех пор, пока не выступит рассол, складываются в кадушку и посыпаются укропом или анисом. Когда кадушка на-

полнится, ее покрывают кружком, на который наваливают камень. К концу третьего дня она начинает пениться и, когда рассол потечет через верх, ее выносят в амбар, где она хранится почти до свежей капусты. б) *Пластёна капуста*. На дно кадушки кладут крошеную морковь, свеклу и редьку, заполняют ее чередующимися рядами шелкованной капусты и «платов» (разрезанных надвое или натрое вилок), заливают кипящим отваром очищенных кочней, оставляют киснуть дня на три и выносят «на улицу» (в погреб).

Приготавливается капуста после Покрова. О капустниках (совместное приготовление капусты у кого-либо) слышать не приходилось.

3. *Соленые грузди*. С Прокопьева дня по «Звиженье» в борах и березовом лесу собираются грузди, рыжики и грибы: обабки, масленики и др. Дома они обыкновенно сортируются на три группы: самые свежие, грузди и старые. Грузди перебиваются, складываются рядами в посудину, густо солятся — каждый ряд по отдельности, покрываются стеблями укропа, задавливаются крышкой и спускаются в подполье или погреб. На стол они подаются растаянными с горячим картофелем.

4. *Сушеные грибы*. Старые грузди сушатся на печи или в печи на протвнях, собираются в мешок и уносятся в амбар. По мере надобности их приносят, заваривают кипятком, мелко рубят вместе с луком, заливают конопляным маслом и подают на стол.

5. *Вареные рыжики*. Молодые грибы и рыжики складываются в чугуны и варятся в соленой воде или в еще незаквашенном квасу с лавровым листом и корицей и, когда они всплывут, выливаются в туюсок или глиняную посуду. Их покрывают капустными листьями и выносят в погреб.

Все эти блюда употребляются в виде салата к горячим мясным блюдам, в которые, в виде приправы, кладутся еще сушеные лук, чеснок и черемша.

6. *Творог со сметаной*. На тарелку накладывается хорошо отжатый творог, заливается сырым молоком и покрывается сметаной.

7. *«Тарак»*. Варят до-красна молоко из-под цынку (снятое) простудят, заквашивают сметаной или творогом и, когда оно скиснется, выносят в погреб. Тарак употребляется большей частью как прохладительное во время полевых работ.

8. *Яишница*. В глиняную чашку разбивают 3–4 яйца, перебивают их, заливают молоком и ставят в печь. Когда яишница зарумянится и загустеет, ее вынимают и подают.

9. *«Кровяная калбаза»*. Кровь только что убитого домашнего животного собирается в чашку. В нее добавляется чайная чашка молока, сало, соль и немного крошеного луку. Смесь вливают в разрезанные на части и хорошо вычищенные кишки, завязывают их, спускают в кипяток и кипятят три раза. Чтобы узнать, поспела ли «калбаза», ее

протыкают вилкой и, если в отверстие выступит сукровица, продолжают еще варить. Употребляется она только в свежем виде.

Напитки

1. *Черный чай*. Дома чай варится в самоварах, в поле и на охоте в котлеках. Особенно распространен черный кирпичный, другие виды встречаются реже.

Крошат в «крошельнице» (небольшое корыто с крючком, в который вставляется нож) кирпичный чай, кладут в «ценинный» (фарфоровый) чайник, заваривают кипятком и, когда он разопреет, разливают в стаканы и чашки. К чаю подают вареное до-красна молоко, хлеб, а по праздникам различное печенье.

2. *Зеленый чай*. Кипятят чугуны воды, всыпают крошенный зеленый чай раза в два более черного, распаривают в печи, для чего, нередко, кладут «гужиру (белый камень кисло-соленого вкуса), забеливают молоком, добавляют масла, 2–3 горсти «затурану» или «хурчи». Размешивают и черпают чашками прямо из чугуна.

Из суррогатов чаю здесь встречаются: «шулта», «черноголовник», «брусничник» и «шипишной цвет».

По рассказам знатоков, *шулта* образуется в старых гнилых березах, в дупла которых натекает сок, загнивает и образует твердую темную массу, в виде не вполне сгоревшего дерева. Ее собирают, толкут в ступке, ссыпают в горшок, вспыскивают чаем и, наглухо закрывши, ставят в печь. Употребляется она, подобно зеленому чаю, с маслом, «затураном» и «хурчей». Уверяют, что она вредна для здоровья⁵¹.

«Черноголовник», «брусничник» и «шипишной цвет» хорошо просушиваются, складываются в горшок, заливаются чаем и «моряются» часа три в печи. Они завариваются, подобно черному чаю, в чайниках, употребляясь чаще дома.

Приправы к чаю

1. «*Затуран*». Всыпают в латку тарелку муки, заливают ее двумя стаканами чаю, кладут «ошурки» сала, перемешивают, ставят в печь и, когда хорошо прожарится, мешают еще раз, и выносят в чулан.

2. «*Хурча*». Перемытое и высушенное зерно пшеницы, реже, ярицы, поджаривают на очаге в больших чугунных чашках, «имбах», встречаемых только у бурят, толкут в деревянных ступах, складывают в мешки и хранят в амбарах.

«Затуран» и «хурча» употребляются чаще в поле и на охоте, куда их возят в специально сделанных для этого кожаных сумках (около трех вершков в длину и ширину).

⁵¹ *Даль В.И.* Толковый словарь. изд-е 2. Т.4. С. 668. Толкование шулты М.Е. Зверевой близко к объяснению В.И. Даля.

Праздничный стол

1. *Пшеничный хлеб*. Его приготавливают на картофельной опаре или из отрубей и на подбойке.

а) *Опара из отрубей*. Перед «вечорошным» чаем сеют пшеничную муку, всыпают в квашню 5–6 совков отрубей, заливают их 4 ковшами кипятку и хорошо перемешивают. Затем добавляют еще два ковша кипятку, разводят холодной водой, прибавляя ее до тех пор, пока опара не будет «как парное молоко», спускают чайную чашку дрожжей, завязывают квашню и ставят ее на печь. Утром, когда опара выкиснет, т.е. отруби поднимутся и расколются, верхний сухой их слой — «гуши» снимают и оставляют для закваски следующей квашни. Пару цедят сквозь сито, солят и подбивают мукой.

б) *Картофельная опара*. Четверть ведра хорошо вымытого вареного картофеля толкут в квашне, перемешивают его с 2–3 горстями муки или отрубей, заливают кипятком, хорошо перемешивают, добавляют ведро холодной воды, помешивая все время, и заквашивают двумя стаканами дрожжей. Когда картофель поднимется, обыкновенно с вечера опару процеживают, подбивают мукой, месят нагусто, до тех пор, пока тесто не перестанет прилипать к мутовке, и ставят в теплое место. Утром тесто перебивают несколько раз, катают калачи, как только истопится печь, раскладывают их на стол, осыпанный мукой, садят в печь, когда они пропекутся, вынимают, дают им остыть и выносят в амбар.

2. *Сдобное тесто*. Разбивают в квашню 5–6 яиц, вливают вбитое в пену масло, пахтань, простоквашу или молоко, перемешивают все, вливают 2–3 ковша теплой воды, заквашивают дрожжами, густо подмешивают пшеничной или белой мукой и долго бьют; бьют так, чтобы шелкало. Утром перебивают выкисшее на печи тесто, дают ему подняться еще раз и стряпают печенье: помазунки, пироги и др., которое садится в первый жар.

3. *Лепешки*. Часть только что процеженной опары вливают в кринку, подбивают негусто мукой и дают подняться. Нагревают в обуглившейся печи сковороду, смазывают ее маслом и наливают уже поднявшееся тесто столовой ложкой, смачивая ее холодной водой, чтобы не прилипало. Лепешки поджариваются с обеих сторон, складываются на тарелку и подаются со сметаной или маслом.

4. *Пресные калачики*. На стакан простокваши кладут два яйца, чайную ложку соды и немного соли. Хорошо перемешивают, всыпают пшеничной, изредка, белой муки, и густо замешивают. Тесто можно заводить, когда печь хорошо растопится. Катают небольшие, вершка 1,5 в диаметре, калачики, которые поджариваются на сале или масле.

5. *Сушки*. Обыкновенное пшеничное тесто густо наминается на муке, раскатывается в небольшие калачики. Перед пылом в чугуне

кипит вода. Калачики спускаются в воду и кипятятся до тех пор, пока не всплывут. Их вынимают, складывают на стол той стороной вниз, на которой они уже лежали: иначе сушка сморщится, и, когда они обсохнут, складывают на протвину и садят в «вольную» печь.

6. *Блины*. 5 яиц, 4 стакана молока, ковш холодной воды, щепоточка соли и чайная ложка соды хорошо перебалтываются в латке. Все это густо замешивается пшеничной мукой и постепенно разводится холодной водой до тех пор, пока оно «не потянется» с поваренки. Нагревают сковороду, промазывают маслом и наливают поваренкой тесто, поворачивая сковороду, чтобы оно равномерно растекалось. Блины поджариваются с обеих сторон, «частятся» и заливаются сметаной или маслом.

7. *Помазунки*. а) *Шаньги*. Когда растопится печь, сдобное или простое тесто, нередко и ржаное, слегка наминается и раскатывается на небольшие (четверть в диаметре) сочни, которые складываются на промазанные маслом протвине. На каждом из них делается небольшой ободок, получаемый следующим образом: сочень медленно повертывается левой рукой, правая же касается конца сочня; пальцы ее, двигаясь по столу, приподнимают краешек, который закатывается ладонью. Ободок делается для того, чтобы не расплылась размазанная по сочню наливка, которая готовится так: 1) вареный, очищенный картофель «распичкивают» мутовкой в латке, разбивают в него 2–3 яйца, вливают молока или простокваши и хорошо перемешивают; 2) растирают хорошо отжатый творог, солят и смешивают с 2–3 яйцами и стаканом молока или сметаны; 3) 2 стакана простокваши или сметаны смешиваются с 2–3 яйцами, солятся и негусто подбиваются пшеничной мукой. «Налевошны» шаньги (в последнем случае) стряпаются без ободков.

Шаньги покрываются сметаной и садятся в печь, чтобы зарумянились и подсохли.

б) *«Тарачки»*. Они бывают различной формы. Чаще всего встречается следующая: на противоположных концах сочня разрезаются ножом два отверстия так, что получается два полукольца в палец шириною, которые соединяются с общей массой сочня двумя небольшими промежутками. На средину сочня кладут начинку, чаще ягоды: землянику, голубицу, смородину, бруснику и черемуху, вскипаченные перед «пылом» и заправленные «яблочной» мукой, черемуха же, смолотая на мельнице и просеянная на сите, заваривается с вечера, утром не подбивается мукою. Начинка равномерно распределяется и покрывается вытянутыми, положенными друг на друга, полукольцами.

8. *Пироги*. Тесто для пирогов берется из пшеничной или ржаной квашни, пресное же «нейдет — пузырится». Его наминают, раскатывают на небольшие, как на шаньги, сочни, на которые накладыва-

ется приготовленная заранее начинка, зашипывают их и «прегут» (жарят) в масле на сковороде, реже пекут в вольной печи.

Начинки для пирогов бывают разные.

1) *«Капустники»*. Кислую (зимой) или свежую (осенью) капусту рубят сечкой в «селенках», отжимают ее, складывают на сковороду и поджаривают в масле или сметане. В свежую добавляют по вкусу соли.

2) *«Творожны»* или *«сырны» пириги*. Хорошо отжатый перетертый творог перемешивают с 5–6 яйцами, 2–3 столовыми ложками сметаны и щепоткой соли.

3) *«Картовны»*. Очищенный вареный картофель, еще горячим, толкут в «селенке», смешивают его с таким же количеством изрубленного лука и вливают сметаны, молока или конопляного масла, чтобы масса была влажной.

4) *«Пириги с луком»*. Мелко искрошенный лук складывают в деревянную чашку, солят, толкут мутовкой, добавляют 2–3 яйца и сметаны или масла, перемешивают и «загибают» пириги нередко из ржаного теста.

5) *«Морковники»*. Мелко рубят очищенную, сваренную перед пылом морковь, солят ее по вкусу, разбивают 2–3 яйца, заливают стаканом молока или сметаны, хорошо перемешивают.

6) *«Груздовы пириги»*. Принесенные с погреба, перемытые грузди, летом специально посоленные на неделю, мелко рубятся и немного поджариваются в масле.

7) *«Пириги с ягодами»*. Ягоды готовят так же как и в «тарачки», только иногда подмешивают их пшеничной мукой.

8) *«Пироги с избоиной»*. «Избоина» — оставшаяся, после выработки семенного масла, масса складывается с вечера в кринку и заливается водой. Утром ее растирают, процеживают сквозь сито, причем оставшаяся масса промывается еще раза три и выбрасывается, наконец, свиньям. Мутную жидкость сливают в чугунок и ставят в печь. Вода кипит. Сверху собираются белые пенки, которые выливаются на тарелку, солятся и хорошо размешиваются с мелко искрошенным луком.

9) *«Пириги с осердием»*. Сварят и изрубят осердие. Положат в него лук, перцу, соли, зальют «отваром» (водой, в которой оно варилось) и хорошо перемешают.

Летом, когда бьют скота к страде, осердие используется сразу же, чтобы оно не испортилось от жары.

10) *Пироги с мясом*. Сырое или вареное мясо мелко рубят в корыте, солят по вкусу, кладут перцу, луку и жарят в масле перед пылом. Сырое мясо прожаривается лучше.

9. Большие пироги

1. *«Хлёбальны пириги»*. На один край большого, в палец толщиной, сочня из пшеничного или ржаного теста накладывают начинку:

капусту, морковь и др. Закрывают ее другим краем, обрезают лишние, выступающие у сгиба, части теста, зашиповывают и сажают на протвине в печь. Когда пирог зажарится и затвердеет, его вынимают, срезают верхнюю корку, вливают масла, перемешивая начинку и подают на стол в виде чашки, из которой начинка хлебается ложками.

2. *«Складной пирог»*. На сковороду кладутся 5 или 6 сочных сдобного теста, между которыми чередуются прослойки начинки: ягод или изюму. Сверху пирог покрывается большим сочным, так что охватываются его края, печется в вольной печи и подается на стол холодным.

3. *«Творожны, грузденые и капустные»*. На смазанный маслом протвине раскатывается большой, пальца на 1,5 в толщину сочень из ржаного или пшеничного теста. На него плотным слоем накладывается разрезанный ломтиками лук, который покрывается начинкой: капустой или грибами, последние нередко кладутся целыми. В творожные пироги лук не кладется. Свободные от начинки края сочня загибаются и зашиповываются, пироги сажаются в печь после печения и подаются разрезанными на части или как отдельное блюдо или вместе с другим печеньем к чаю.

4. *Сладкий пирог*. Раскатывается сочень из сдобного или простого теста, кладется на сковороду или протвине и покрывается ровным слоем начинки: ягод или изюму и урюку, распаренных у огня и мелко изрубленных. Начинка покрывается «крест на крест» полосками теста, в палец толщиной. Это — «закрытый» пирог. «Открытые», т.е. без полосок сверху, пироги, начали готовиться в последнее время.

10. *Вафли*. 10–12 желтков, стертых со столовой ложкой сахара, смешиваются со взбитыми в пену венчиком из красных пруточков белками. В них добавляют соли, чайную ложку соды и замешивают негусто пшеничной мукой. На углях нагревается хорошо промазанная маслом вафельная доска, купленная кем-либо и переходящая из рук в руки. В одну из ее створок наливается тесто, она закрывается и кладется на угли, пока вафли не зажарятся с обеих сторон.

Подаются они в тарелке, сложенный так, что внутри остается место, куда вливают «хрем» — 2–3 белка, взбитые с 2–3 стаканами сахара. Каждый, беря вафлю, покрывает ее чайной ложкой «хрема».

11. *«Роски»*. Разбивают 15–20 яиц, добавляют щепотку соли и столовую ложку сахара и «круто» замешивают крупчаткой. Тесто хорошо наминается, тонко раскатывается и разрезается на различной величины кружочки (стаканом, блюдцем и рюмкой). Кружки смазываются посредине белком, накладываются друг на друга, постепенно уменьшаясь, слегка надавливаются посредине, чтобы сплюсались, и спускаются в кипящее масло, пока не зарумянятся. В средину каждой «роски» кладут иногда варенье.

12. «Свит или есвит». Накаляют и смазывают маслом глиняную латку, сливают в нее взбитые в пену 10 белков и растертые с сахаром желтки, всыпают, быстро мешая, стакан картофельной муки, ставят в печь и, когда «свит» поднимется, зажарится и перестанет «шелкаться», вынимают из печи.

13. «Заварны калачики». Четыре чайных чашки кипятку и чашка «талава» (топленого) масла вливаются в чугунок, ставятся на «талуһан» и кипятятся. Когда жидкость даст «три ключа», всыпают щепотку соли, столовую ложку сахара и густо замешивают крупчаткой или картофельной мукой. Тесто перекладывается в чашку, разводится яйцами до тех пор, «пока не будет капать», после чего стряпают пробный калачик. И лишь убедившись в мере, раскладывают остальное тесто, садят на протвнях в печь, откуда калачики вынимаются, как только перестанут «шелкаться».

14. «Кольца». В латку или кринку разбивают 10 яиц, перебалтывают их, всыпают сахара, чайную ложку соды, щепотку соли и круто замешивают крупчаткой. Тесто разводят яйцами, молоком и водой в отношении 5 яиц на стакан молока и стакан воды, до тех пор, пока оно не «потянется с ложки».

В железной кастрюле «на камфоре» кипит масло. В него спускают «лесорку» (изогнутая железная спираль около четверти в диаметре и вершка в высоту), нагревают ее, быстро погружают в тесто и снова спускают в масло. Готовое кольцо стряхивается на тарелку.

Горячие блюда

Супы

1. *Пельмени*. Разбивают три яйца, смешивают со стаканом молока или воды, солят и густо замешивают крупчаткой или пшеничной мукой. Тесто круто наминается, раскатывается в тонкие (2 мм) сочни, которые нарезаются на «косячки» (ромбы) с вершок в диаметре.

Начинка готовится из мяса или рыбы, которые рубятся в селенке с добавленным перцем, луком и двумя ковшками воды, чтобы мясо было влажно, и раскладывается чайной ложкой на сочни, которые затем зашиповываются и складываются на посыпанные мукой протвни.

Жаркие

2. «Жарнина». Режут небольшими кусочками 4–5 фунтов мягкого мяса, складывают в глиняную латку, наливают воды, солят, добавляют черемши или чеснока, 6–8 сырых очищенных картофелин и ставят в печь или на «талуһан» часа на 1,5, время от времени помешивая, чтобы не пригорело.

3. *Котлеты*. Рубят 5–6 фунтов хорошо перемятого мяса, добавляют «препарату»: соли, перцу, 5 луковиц, 2–3 картофелины, 5 яиц, немного размоченной в кипятке булки и чайную чашку молока. Отделяя столовой ложкой немного мяса и слегка наминая

его в сухарях, скатывают небольшие клубочки, выделывают из них лепешки и на рубают их «крест на крест» ножом с той и другой стороны.

Котлеты складываются на сковороду, жарятся в масле или сале и подаются на стол с «подлевом» из сула, ягод или капусты.

4. «Смолос(т)ь». Вымоченную с вечера смолость (вымя) натирают порошком из перца, лаврового листа и соли, кладут в латку, заливают водой, добавляют масла и крошеного картофеля и ставят в жаркую печь, чтобы она хорошо прожарилась.

5. «Сычуг». 1,5 стакана крупы, обваренной два раза кипятком и смешанной со стаканом мелко изрубленного мяса или осердия, в которое давлены: соль, лук и перец, складывают в хорошо вычищенный «сычуг» (часть желудка крупного рогатого скота), нижний, более узкий конец которого завязан ниткой. Завязав или зашив открытый конец, кладут сычуг в латку, заливают водой и ставят в печь. Когда он поспеет, его поджаривают с обеих сторон уже в другой латке и подают на стол с «подлевом» — жидкостью, в которой он жарился.

6. *Курица, залитая яйцами*. Заранее освежеванная курица или утка заливается в чугуне водой, солится и ставится в печь. Когда она упрет, ее «частят» на доске, складывают в латку, заливают десятью яйцами, смешанными со стаканом молока, и снова ставят в печь, где она хорошо прожаривается. Иногда она подается холодной.

Каши

7. «Саламат». В чугунной чаше, специально сделанной для саламата или, чаще, в чугуне на «талуһане» кипятят 5 стаканов сметаны. Когда она «даст 3 ключа», всыпают тарелку пшеничной муки, мешая все время, дают ей вскипеть еще несколько раз, вливают стакан холодной воды и снова кипятят. Вода вытесняет вытопившееся масло, которое сливают в какую-либо посуду. Саламат выкладывают на тарелку и подают на стол.

Сладкие блюда

Кисели. Кисели готовятся из ягод: облепихи, голубицы и брусники. Готовят еще «молочайный» кисель из молока. Характерным в приготовлении киселей является то, что их «заправляют» картофельной мукой, разведенной в холодной воде, которая имеет свойство сгущать кипящую жидкость.

а) *кисель из ягод*. Стакана два каких-либо ягод всыпают в горшок, заливают водой, кипятят перед «пылом» и, когда они уварятся, процеживают через сито. Оставшиеся ягоды распичкивают, промывают отваром, который сливают в горшок, добавляют в него две столовые ложки сахара (в облепишный — больше), приставляют к огню и, когда он вскипит, заправляют картофельной мукой. Кисель кипит еще некоторое время, сливается в тарелки и подается на стол.

б) «Молочайной» кисель. Кипятят горшок молока, заправляют его чайной чашкой картофельной муки, дают еще покипеть немного, сливают в тарелки, посыпают сверху сахаром и подают на стол.

Кисели иногда употребляются холодными.

Холодные блюда

Холодные мясные

1. *Студень*. Обжигают в «пылу» 3–4 ноги крупного или мелкого рогатого скота, очищают их, разрубая на части, заливают водой в полведерном чугуне, солят и ставят в печь. Когда ноги упрут, их рубят в селенке, выбравши предварительно кости, добавляют луку и перцу, заливают «отваром», перемешивают и выносят на холод.

Вечером накануне Нового года (1 января ст.ст.) студень готовится из свиных или бараньих ножек, из косточек которых дети делают «фурчалки» или «шуршалки».

2. «Солонина». Нарезанную кусками свинину складывают в чугуны, сильно солят, кладут лаврового листа и перцу, заливают водой и ставят в печь. Когда она хорошо упрет, дают ей остыть, разрезают на тоненькие ломтики и подают на стол с горчицей.

3. *Язык*. По утрам, в течение трех дней, натирают порошком из перца, лаврового листа и соли хорошо просоленный скотский язык. На четвертый день варят его в вольной печи, и, когда он поспеет, с горячего еще снимают кожицу, кладут на тарелку и выносят на улицу.

4. «Окорок». Недели за три до праздника приносят скотское, баранье или свиное «стегно» (бедро), засаливают его в кадучке и, когда подойдет праздник, натирают перцем, завертывают в ржаной сочень и на протвине садят в печь. Часа через 1,5–2 (приблизительно) смотрят не поспел ли он, для чего часть корки снимают и протыкают мясо вилкой. Если из отверстий не выступает сукровица, окорок освобождают от корки, кладут на тарелку и «убирают» цветной бумагой, т.е. обертывают ею оголившуюся кость.

Сладкие холодные

1. *Сусло*. а) Заваривают 5–6 фунтов ржаной муки и столько же солоду (проросшего, высушенного и смолотого зерна ржи или ярицы), замешивают погуще и ставят на печь. Утром массу наминают на отрубях, стряпают «квасники» (ковриги с отверстием посредине, чтобы лучше просыхало), садят в печь сушиться, иногда, дня по три, и выносят в чулан.

Заливают водой разломанные в горшок 2–3 «квасника», ставят в печь и, когда они разопреют, темную густую жидкость «сусло» сливают в глиняную посуду.

б) 5 ф. солоду и 5 ф. ржаной муки заваривают и хорошо размешивают в корчаге (латка с отверстием у доньшка, в которое вставляется деревянная палочка — «гвоздь»), ставят ее на печь, тепло укрывают и «солодят», время от времени помешивая. К паузне затопляют

печь, смешивают солод с горстью мелко изрубленной соломы, кладут в свободную корчагу две «кидки» (соломенные кольца с четверть в диаметре), причем одна весится на гвоздь, а другая кладется на дно: «крест на крест» к первой, выкладывают в нее солод, наливают ковш кипятку и ставят «на солод» в жарко натопленную печь.

Наутро корчага вытаскивается, наполняется кипятком, который льется на «корочку» (мешать солод нельзя). Вскоре из открытого отверстия вытекает сначала густое темное «сусло», а затем более светлое «пиво», которые собираются в различную посуду. В сусло добавляют сахара, сушеной черемухи, реже, изюма или урюка и, если оно жидковато, картофельной муки; сливают его в глиняную посуду и выносят до праздника в погреб.

2. *Ягоды.* а) Хорошо вызревшие земляника, голубица, черная и красная смородина складываются в стеклянные банки или туесья, засыпаются слоем сахарного песка и выносятся в подвал.

б) Всыпают ягоды в кринку, заливают водой, кладут ложки 4 сахара и ставят к загнету. Утром ягоды сливаются в глиняную посуду, заливаются топленным маслом и выносятся в погреб.

в) Брусника вызревает позднее и сохраняется лучше, ее ссыпают в кадушку, заливают кипяченой с сахаром водой и ставят в подвал.

д) Более жадиточные крестьяне варят «настоящее варенье». В эмалированную кастрюлю или таз кладут сахара «половина на половину» (по объему), смачивают водой и кипятят на «талуһане». Когда сахар закипит, всыпают ягоды, кипятят их, помешивая и собирая поднимающуюся пену до тех пор, пока не загустеет сироп. Дают варенью остыть, сливают в банки и выносят в чулан.

Напитки

1. *Квас.* Только что приготовленные «квасники» (см. сусло), разламываются в горшок или чугу́н, заливаются водой и ставятся в печь. Наутро напревшую жидкость «слевают» в кадушку, добавляют в чугу́н квасников и снова ставят в печь. Таким образом кадушка наполняется квасом, который заквашивается дрожжами и, когда он запенится, процеживают его через сито и выносят в подвал. Иногда в него добавляют сушеной черемухи или изюма.

2. *Пиво.* Пиво готовится вместе с суслом. Как только из корчаги сбежит сусло, посуду меняют, собирают более прозрачное, жидкое «пиво», доливая корчагу кипятком еще 2–3 раза, сливают его в деревянную кадушку, заквашивают дрожжами, цедают, когда оно подыметса, как опара, и выносят в подвал.

Лакомства. Наиболее распространенным, употребляемым женщинами и детьми, лакомством, является листовничная сера. Ее «кулу́пают» специально для этого сделанными ножами, приносят домой, наполняют до половины водой латку, покрывают ее сеткой лучинок, на которые кладут конопле, а поверх его серу вместе с корою. Латка

ставится в печь и держится там до тех пор, пока вся сера не растопится и не стечет в воду, после чего ее делят на плиточки около вершка в диаметре.

Серу готовят большей частью специалисты, которые обменивают ее желающим по яйцу за плитку.

Обрядовые кушания

Дней с определенно выраженным обрядовым значением в году тункинского крестьянина не так мало. Это – Пасха, Фомино Воскресение, Троица, Семик, Девята Пятница и др. календарные праздники, кроме того, не приуроченные к определенному дню «отжинки», «отмолотки» и семейные: крестины, свадьба и «поминки».

К одним праздникам готовят особые, не употребляемые в другие дни, кушания, например, куличи, сыр, крашеные яйца на Пасху, обрядовое печенье «жаваронки» в день Сорока Мучельников (9 марта и др.). В другие же используются с этой целью продукты и кушания, взятые из повседневной жизни, как «баушкина каша» в крестины, «холодный кисель» в поминки и ряд других.

9 марта в день Сорока Мучельников пекут особое печенье «жаваронки» на каждого члена семьи, каждой лошади: «чтобы не завалилась на весну» и «дедушке-суседушке».

Приготавливается оно различно. Чаше, прямо из квашни катают булочку, растреплют, разрежут на три части: одна туша, другие крылья. Нарезут ножом «перушки», загнут голову, доспеют глаза, нос и испекут. Некоторые стряпают особое тесто, наминают его на анисе или конопляном семени, выделывают «жаваронков», варят их в соленой воде, и, когда они обсохнут, пекут в печи.

К Пасхе, помимо часто встречаемых в другие дни блюд, готовят сыр, куличи, крашеные яйца. Готовят все это в Великий Четверг.

1. *Куличи*. Куличей стряпают несколько: для посева (первый), для гостей и для себя, иногда на каждого в семье.

Кулич, предназначенный к посеву, ставится в «ситиве» (лукошко, из которого сеют) с зерном на стол в передний угол, освящается во время молебна, стоит на одном месте весь праздник и сохраняется в погребе до начала посева. Зерно из «ситива» смешивается с посевным хлебом.

В первый день сева, перед отправкой в поле, кулич ставят на стол, обрызгивают его святой водой, зажигают свечи и всей семьей молятся. Кулич берут с собой на пашню и съедают его до начала работы. Кроши от пасхального кулича с шелухой яиц, воском от свечи, «которой Христа стричали», ладаном и вереском привязывают в тряпочке к ситиву.

Тесто для куличей делается из пшеничной, редко из белой муки. С вечера замешивают опару. Утром в нее добавляют масла, сахара и молока, примешивают и дают подняться, не хлопая, как обыкновенное

тесто. Когда печь истопится, нагревают и промазывают маслом формы (небольшие железные ведра), обсыпают их сухарями и наполняют до половины тестом. Поднявшиеся куличи сажают в печь, вынимают часа через 1,5, осторожно вытряхивая на подушку, «поднимают» на поднос и «убирают» взбитым в пену белком со стаканом толченого сахара и «светным маком», специально покупаемым в лавках.

2. *Сыр*. 5 фунтов хорошо отжатого и растертого творога перемешивают с пятью яйцами, полуфунтом масла и чашкой сахара; выкладывают его в деревянную формочку, в которую постлана тряпочка, или завязывают в полотенце и придавливают камнем. Через сутки его вынимают, ставят на тарелку и окружают крашеными яйцами. Иногда сыр украшают разрезанными надвое вареными яйцами, которые кладутся по углам в свободную еще форму.

3. *Крашеные яйца*. Яйца красят лиственничной корой, луком и веничным листом, «светком», «опилками сена», «линючей» материей, «куксином» и чернилами.

Лиственничная кора, дающая коричневый цвет, собирается в любое время года. 5–6 пригоршен ее толкут в ступе, заливают в чугуне водой и парят всю ночь в печи.

Лук и веничный лист, окрашивающие в желтый и бордовый цвета, кипятятся перед пылом.

«Светки» (лепестки пострела) и «опилки» сена (труха), дающие «бусенький» и темно-желтый цвета, ставятся в печь часа на четыре.

«Линючая» материя ярких цветов заваривается кипятком.

Утром в кипящий перед пылом навар спускаются яйца минут на 15, опускаются затем в холодную воду, чтобы отстала шелуха и перетираются для блеска маслом.

«Куксин» (фуксин) и чернила разводятся в стакане, куда опускаются уже вареные яйца на несколько минут.

О кушаньях на поминках и крестинах достаточно ограничиться несколькими подробностями.

«Поминьки». Пока народ на кладбище, хозяйки, нередко приглашенныестряпухи, прибираются по дому. К приходу с кладбища все приготовлено: стружки и щепка от гроба сожжены среди двора, изба вымыта, столы, составленные в ряд от переднего угла ко входу, застланы скатертями и накрыты холодной «закуской» — пирогами с рыбой, холодными мясными блюдами и др.

Гости умываются на дворе, проходят в избу и садятся за стол. Их сразу же обносят чашкой горячего чая с калачиками, пирожками и тарочками, после чая подают горячую закуску — мясные горячие блюда, кисели и др. Перед холодной закуской иногда хозяин (старший в доме) обносит всех рюмкой водки. После нее ставят холодный, обыкновенно бурдушный кисель, застуженный в чайных чашках и опрокинутый в тарелку с сахарной или медовой водой. Отведав его,

гости сидят некоторое время молча, потом встают и «дают спасибо хозяевам».

В с. Никольском перед расходом по домам ставят на стол две бутылки вина. Все присутствующие подходят к ним по очереди и выпивают по рюмке.

«Стины» (крестины). К «стинам» готовят те же горячие и холодные закуски, которые употребляются каждый праздник. В порядке подачи блюд особой разницы не наблюдается. Только перед чаем бабушка-повитуха подает тарелку с густо сваренной кашей — гречневой, ячменной или просовой, около которой ставится блюдечко. Гости должны выкупать кашу у бабушки, она же угощает каждого своим вином.

В заключение можно отметить чистоту и опрятность, соблюдаемые тункинскими женщинами при изготовлении пищи, и большое умение в кулинарном искусстве, о котором Ровинский замечает следующее: «Если в обыкновенное время питаются кое-как, то в праздничное, во время какого-нибудь домашнего пира, вы увидите, что тункинцы умеют изготовить. Бывши на нескольких свадьбах, я видел везде отличные печеня, весьма разнообразные, и думал, что все это им делают поляки; но оказалось, что там каждая женщина умеет отлично испечь, дайте только хорошей муки. Затем важную роль играют мясные блюда, которые подаются изрезанные на мелкие кусочки. В каждом доме делается также порядочный запас грибов и ягод. Так что в общем итоге у сибиряка больше стремления поесть хоть немного, но повкуснее, и больше умения изготовить, чем у русского»⁵².

⁵² Ровинский П. Очерки Восточной Сибири. V. Тунка // Древняя и новая Россия. 1875. Т. III. С. 386.

Терминологический словарь (пища и посуда)

Бардошный кисель — кисель из бурдука

Бурдук — суслой, осадок из вымоченных пшеничных отрубей

Вольная печь, вольный жар — истопившаяся, уже закрытая печь

Гужир — солонец в виде камня или земли

Гуши — гуща

Есвит, свит — бисквит (образовано через осмысление; ср. есва (Виноградов 1918. С. 56).

Жарнина — жаркое, жареное мясо

Загнета — углубление в углу печи, куда загреваются угли

Закуска — легкий завтрак, чаще мясные и рыбные блюда

Заправлять суп — добавлять приправы — картофель, капусту и пряности

Затуран — стр.

Избоина — стр.

Камфор — стр.

Кислы — стр.

Корчага — стр.

Косарь — нож, употребляемый при изготовлении хлеба

Кринка — глиняная своедельная посуда особой, редко встречаемой, формы, около 6 вершков в высоту и 4–5 в диаметре у дна, постепенно расширяющаяся кверху.

Круто замесить — густо

Крошельница — стр.

Латка — глиняная глубокая (до четверти) сковорода, иногда продолговатая

Лесорка — стр.

Молочайной кисель — молочный

Мяхкие — свежий пшеничный и белый хлеб или простое печенье

Накваска — небольшое количество теста, употребляемо для квашивания нового теста

Наквашенник — полоса холста около 1,5 аршин в длину и ширину, которой завязывают квашню

Налевошны шаньги — шаньги, покрытые сметаной или простоквашей, подбитыми мукой

Оскребышек — стр.

Ошурки — не вполне вытопившееся скотское сало

Пахтань — остатки от приготовления перетопленного масла

Подлев — жидкость, в которой жарилось мясо, подаваемая к нему вместо соуса

Помазунки — печенье (тарочки, шаньги), покрываемое сверху начинкой

Прежонное печенье – печенье, прожаренное в масле
Простое печенье – печеное в вольной печи
Припасы – мука и другие продукты питания
Противень – противень, железный лист около 1,5 аршин в длину
и 3 четвертей в ширину, с загнутыми на 0,5 вершков краями
Раствор – жидкое, еще не подмешанное тесто
Саламат – стр.
Селенка – деревянное корыто около 1 аршина в длину, 0,5 аршин в ширину, и 0,25 аршин в глубину
Семенное масло – конопляное
Скомчилось – неравномерно, комками сгустилось
Смосос(т)ь – коровье вымя
Стегно – бедро домашних животных, употребляемо в пищу
Талуһан – железный треножник, на котором варят пищу
Тарак – стр.
Тарачки – стр.
Хлёбальны пириги – стр.
Хрем – стр.
Хурча – стр.
Ценинный чайник – фарфоровый чайник
Молоко из-под цынку – снятое молоко
Частить – разрезать на мелкие части
Шаньги – стр.
Шулта – стр.
Яблoшна мука – картофельная

**К ИЗУЧЕНИЮ ОДЕЖДЫ РУССКИХ ТУНКИНЦЕВ
(из материалов Тункинской экспедиции ВСОРГО)***

Самые близкие, самые повседневные явления остаются наименее изученными. Любовь к дальнему отвлекает нас, и нашего внимания не хватает на вещи обыденные. Сибирские краеведы прежнего времени, как и нынешние деятели в области краеведения, кажется, в одну из последних очередей занимались вопросом о путях и способах создания или усовершенствования какой-либо людской группой «собственного климата, независимо от внешних климатических невзгод» (выражение доктора А.В. Елисеева). Вопрос же представляет много интересного не только с теоретической стороны, но и точки зрения практической.

Трудно наперед сказать, что нового дадут (и дадут ли) наши краевые изучения для понимания истории одежды в пределах общечеловеческой культуры; но история одежды отдельного племени, или народа, или отдельной провинции стоит затраты сил и времени на ее изучение. Многие историко-культурные вопросы первостатейной важности встают перед наблюдателем именно при изучении одежды. Прежде всего — влияние географических (в широком понимании этого вопроса) и затем хозяйственных условий на изобретение различных форм одежды: под какими влияниями и какими путями шла «коллективная» мысль, работаю над созданием, изменениями и усовершенствованием одежды в целом и ее частей. Далее стоит вопрос о культурных взаимовлияниях, поскольку он может быть с совершенно новой стороны освещен при изучении одежды населения, соседящего с носителем иной культуры: создавалась или совершенствовалась одежда племенем, вообще группой населения самостоятельно или она полностью или в частях перенималась извне. Пути взаимовлияний, причины и условия проникновения моды, заражаемость модой, роль пола в этом процессе, народная эстетика, — вот новый ряд вопросов, который ставится изучением одежды.

Проследить историю одежды в небольшой области, «крае», представляется делом нелегким. В распоряжении собирателя материалов оказывается немного источников: 1) факты, полученные из личных наблюдений; 2) факты из личных воспоминаний, 3) факты из воспоминаний людей уходящих поколений. Путем использования этих источников восстанавливается (не всегда достаточно определенно) краевая история одежды за сравнительно небольшой промежуток времени — близ столетия.

* СЖС, 1926. Вып. II (VI). С. 201–210.

К указанным источникам можно отнести обычно не обращающие на себя внимания выкройки и мерки деревенских модниц, старые семейные фотографические карточки, в весьма редких случаях — портреты и картины «местного происхождения». Этот источник, имея некоторые преимущества перед только что перечисленными (он не подвержен искажениям, которые неминуемы в воспоминаниях и устных описаниях, и пр.), не углубляет в прошлое интересующей нас истории больше, чем другие источники.

Надеяться найти данные, касающиеся давно минувших времен, было бы напрасно. Правда, о той или иной области, о том или ином крае часто имеется кое-какая литература, но и она в большей части случаев сравнительного недавнего происхождения. К тому же надо заметить: если вся совокупность писаний о Сибири содержит не малый, хотя по частям и крупницам разбросанный материал, касающийся одежды, то для каждого отдельного района имеющиеся в литературе сведения окажутся случайными и бедными.

Одной из интересных и полезных задач, которую пора бы уже выполнить краеведом-этнографам, следует считать выяснение наличия и сводку литературных данных, касающихся одежды сибиряков разных провинций. Эта задача должна лечь на плечи краеведов-горожан, в распоряжении которых книжные сокровища. Вторая задача, которую должны выполнить полевые этнографы, и при том выполнить без промедления (за последние годы старая одежда уходит в прошлое особенно быстро), это — обстоятельные описания одежды по возможности во всех более или менее обособленных районах («краях»).

Восточно-Сибирским Отделом Географического Общества указанная задача поставлена как одна из первоочередных. По отношению к тункинскому краю она может считаться выполненной этнографической экспедицией нынешнего года. Прежние путешественники по долине Иркутка, упоминая в редких случаях об одежде населения, подробностей о ней не рассказывали. Этот пробел отчасти заполняется публикуемым описанием.

Редакция СЖС.

Предлагаемые материалы собраны летом 1926 г. по поручению этнологической секции ВСОРГО в следующих селениях Тункинского края: Ахалик, Тунка, Шимки, Туран, Мойготы и Монды. Собирая их, приходилось работать, главным образом, с женщинами тех семей, где жила на квартире. В Ахалике это была семья Поповых, в Тунке — В.М. Тюменцева, в Шимках — семья Зверевых, в Могойтах — Беспаловых, в Мондах — Полубенцевых.

Особенно много сведений я получила от М.В. Поповой, М.Е. Зверевой и Н.Д. Пежемской. Они без усталости рассказывали и показывали мне все, что было интересного. С их помощью я делала

вылазки в другие семьи. Им я очень благодарна за их внимательное отношение ко мне и помощь в моей работе.

Обычно моя работа протекала так: я расспрашивала сначала об общем укладе жизни, затем переводила разговор на одежду и, наконец, просила показать мне то или другое. Просьба эта всегда удовлетворялась. Я говорила комплименты хозяйке какого-либо сарафана или тэрлика, просила обмерить их — и дело устраивалось к общему удовольствию. Иногда я сама присутствовала и помогала при шитье: тут шел обмен мнениями, сведениями, давались советы и пр. так, девушки всегда показывали мне свои платья и т.п. лишь после того, как я показывала свои и рассказывала им, никогда не бывавшим в городе, о городских фасонах, нарядах и т.п.

Наконец, я ходила всюду, где предполагала встретить много костюмов: по улицам, по лавкам, на вечерки в народом, к обедне, иной раз подходила к незнакомым женщинам, напрашивалась к ним в дом и т.п.

Заслуживает упоминания еще один прием: помощь в хозяйстве и помощь лекарством, советом и др. Если помочь хозяйке начерпать воды из колодца и вымыть посуду, можно быть уверенной в том, что по первой просьбе она пойдет в амбар и достанет и старинную шубу, и сарафан, и все, что нужно. Таковы были приемы моей работы.

* * *

Тункинский край много раз описан в этнографической литературе, там бывали такие видные этнографы, как Дуброва, Ровинский и многие другие. Все они оставили отчеты о поездках, статьи. Наличие этих трудов делает излишним географический очерк и дает возможность перейти к описанию тункинского костюма, что и составляет задачу предлагаемой работы. О костюме сибирских крестьян написано мало. В работах о Тункинском крае, дающих достаточное знакомство с общим характером края и его насельниками, об их костюме или нет ничего, или почти ничего — лишь мимоходные отрывочные и общие замечания. Это обстоятельство оправдывает появление работ, подобных настоящей.

Костюм тункинских крестьян интересен еще и потому, что там до сих пор сохранились (а теперь, вследствие дороговизны и малодоступности мануфактуры, приняли широкие размеры) старинные домашние промыслы — прядение и тканье. Чем ближе к железной дороге, к городу, тем меньше распространены эти занятия (так, в с. Тунке только два ткацких станка — «красна»). Но чем дальше вглубь Тункинской и Туранской котловины, тем они встречаются все чаще и чаще. В селе Туране нет почти ни одной избы, где не было бы красна. На краснах ткют посконный холст. Посконь в Тункинском крае сеют повсеместно до с. Турана. Выше (если считать по течению Иркуты) она не вызревает, мерзнет.

Холст ткут разной ширины: обычный размер — «семуха» (семь четвертей) и «шестерик» (шесть четвертей). Толстая пряжа идет на мешки, более тонкая — на верхнюю одежду, самая тонкая — на столовое и носильное белье.

На краснах же ткут сукно из шерсти домашних овец. Иногда комбинируют посконные и шерстяные нитки и ткут полушерстяную материю. «Своедельшына» — материя своего производства — употребляется для будничного платья. Для праздничных нарядов тункинец покупает в лавке «сакин», ситец, «памазею», «рупчык» (бумажный диагональ), а раньше и плис, и «шендандабу», и «далембу» (материи, привозившиеся из Монголии) и «мунгольски шалка». Теперь сатин равен прежнему шелку.

Из домашнего холста, как было сказано выше, шьются: белье, «запоны» (передники), «работны брюки» и т.п. Из домашнего сукна — «куртики», «курмы», «шынелки», «скутки» (портянки) и др. Из ситца и других покупных тканей — «надевашки» (мужские рубахи), платья, сарафаны и головные уборы (в большинстве случаев). Таково распределение одежды по сортам материи. Распределение же ее по родам и видам следующее. Начну с белья.

Белье тункинца несложно. У мужчины оно состоит из нижней рубахи (ею часто служит старая верхняя рубаха) и «подштанников», или нижних штанов. Кроятся эти «кульсоны» так: из цельной полосы холста выкраиваются отдельно верхнее («передница») и нижнее («задница») полотнища. Книзу они немного скашиваются: получают «гачи». В «переднице» прорезаются два кармана и с левой полы пришивается «паворот». Затем полотнища стачиваются и сверху к ним пришивается «ошкур» (пояс), обычно из более тонкой материи.

Женское белье немногим сложнее. Оно состоит из рубахи (сорочки), «лифтика» и (зимой) панталон. Рубаха различается двух видов: 1) рубаха, носимая молодежью, это — обычная сорочка, в которой только необычайно длинны и широки (они начинаются от самой подмышки) боковые клинья. Это делается для облегчения наклонного положения при жатве (обыкновенные сорочки с маленькими клиньями при этом рвутся). 2) Рубаха старух совсем не то. Это — длинная одежда, прямая или с небольшими клиньями. Состоит она из двух частей: «станушки» и «рукувов». «Станушкой» называется нижняя часть, как бы юбка, сделанная обычно из домотканины. «Рукува» же (лиф) делается из «товару» (покупной материал). «Кады (иногда — Н.У.) делают с перелинкой (кокеткой — Н.У.) (Фекла Попова, д. Ахалик). Ворот обычно или вырезают по шее, или делают маленький прямой, как у мужских рубах. Самый же рукав в старину кроился прямым и подмышку вставлялась треугольная «ластофка» из той же материи. Теперь же, вместо этого, рукав просто скашивался книзу. Обычно рукав доходит до «локотика» и тут оканчивается

«накладушкой» (биэ) и оборочкой. Биэ часто делается из той же материи, что и сарафан. Носится такая рубаха прямо под сарафаном, так что рукава заменяют кофту. В старину рубахи делали «паровой» с сарафаном, т.е. из одного материала.

«Лифтик» принадлежит, по-видимому, к позднейшим заимствованиям из города. В некоторых семьях приходилось слышать, что кроить лифчики девушек научила та или другая «гороцка». Кроится он обычно с выточками или застежкой спереди или с левого бока. Лифчик, как и сорочка, иногда вышивается «в гладь» («Катора ежли умет, дак пошто не вышить?» Маня Попова, д. Ахалик). Но вышивать умеют редко, и потому белье чаще не имеет никаких украшений. Лифчик носят лишь девушки и молодые женщины (начинают носить с 15-ти летнего возраста).

«Штаны» составляют почти необходимую часть зимнего туалета тункинской «девахи» или «молодухи», т.к. зимой им часто приходится подолгу бывать на морозе, ездить верхом. Быть может, здесь действует пример буряток, у которых длинные штаны являются необходимой принадлежностью туалета. Не носят их лишь самые бедные. Кроются панталоны длинными и узкими, как рейтузы. Они почти натягиваются на ноги. Застежка делается на «касьме» (тесьме). Шьются «зимни штаны» из бумазеи. В некоторых семьях девушки делают и летние панталоны из белого коленкора «гля качули, кавда качацца на Паски» (Вера Попова, д. Ахалик). Пожилые женщины и старухи панталон никогда почти не носят.

Некоторые девушки носят и «нижны юбки». Их редко шьют новые, а больше донашивают в качестве нижних старые юбки.

* * *

Обычный комнатный костюм тункинского мужчины состоит из брюк и рубахи. Брюки кроются как и «кульсоны». «Работны штаны» часто делаются из домотканины; праздничные — из «рипису», «рупчыку», шендандабы, а в старину — из плиса. Покрой брюк стариков отличается большой шириной в верхней своей части. Это делается путем вставки большого куска материи в нижнее полотнище. Фасон этот называется «штаны са жопой» и встречается лишь у стариков.

«Надевашка» (рубаха) старика тоже отличается от рубахи молодого мужчины: она длинная, до колен, и сшита всегда с длинной «перелинкой» (кокеткой). Если сверху надет «пинжак» или «жалетка», рубаха всегда виднеется из-под него. Рубаха молодого тункинца короче и часто напоминает френч обилием карманов. Иногда сзади рубахи делается «зборочка», и тогда рубаха носится без пояса. На работе, впрочем, все без «кушука». Надевашка делается как с прямым, так и с косым воротом. Старики подпоясываются всегда, поясом им служит «касе́мочка» или ремешок. На поясе всегда висит

на ремне «сандой» (кисет) с табаком, огниво и «саёк» (крючок для чистки трубки). Парни же, когда идут на вечерку, подпоясываются ременным или лаковым «кушуком». Одним таким поясом пользуются все братья семьи: сегодня его надевает один, завтра — другой.

Женский комнатный костюм встречается двух видов. 1) молодежь носит кофты и юбки городских фасонов. Когда они сшиты из одного материала, то называется «парой». «Запон» (передник) молодежь носит почти всегда, но для выполнения этого предписания деревенского этикета необходимо настойчивое вмешательство старшего поколения. Запоны шьются самых разнообразных фасонов: «с перелинкой», «с бартелями», выкраиваются овалом и «угулком» и отделяются «файбарой» (оборкой), шелковой строчкой, «клеточкам» из той же материи и карманами разнообразнейшей формы.

Юбки шьются «с бантом» (бантовой складкой) посередине или «кругом со складням» (складками). Часто встречаются юбки с «файбарой»: иногда она достигает значительной ширины (шире верхней части юбки). Встречаются на юбках обшивки, в большей части случаев темные на светлом фоне: черные или «куричлевы» на белом или розовом фоне.

Фасоны кофт очень разнообразны: они надеваются под юбку и сверх нее (такие шьются свободными и с поясом). Очень часто встречаются «накладки» (отделки, обшивки) из другой ткани, причем рисунок и сочетание цветов не играет никакой роли: например, на белой с розовой полоской кофте приходилось видеть отделку из коричневого с белым рисунком ситца. Накладкой обшиваются «запяски» (манжеты) и ворот, вырезаемый четырехугольником. Отделяются кофты и «мелким складничкам», и дешевым кружевом.

2) У пожилых женщин встречаются тоже 2 рода костюма: первый состоит из бористой широкой и длинной юбки, свободно надеваемой поверх нее кофты и, непременно, запона. Последний делается длинным, прямым и без нагрудки. У старых сохранились вышитые запоны. Вышиваются они по черному «кашмиру» «казанским» или обыкновенным крестом яркими цветами: зеленым, красным и желтым. Кофты часто шьются одного цвета с юбкой.

Другой вид женского костюма, это — до сих пор сохранившийся в Тункинском крае сарафан. Сарафан состоит из двух частей: «подола» и «лифтика». Кроится он таким образом: отдельно выкраивается подол, лиф, проймы и «задница» (задний лиф). Сшит он плотно «по туше» (тали). Юбка делается широкой, но без клиньев: шьется она в 4–6 полос ткани. Сарафан шьется до шиколоток, а в старину гораздо длиннее, «до полу». Материал сарафана самый разнообразный: ситец, бумазая, далемба и пр.: цвет также. Лиф плотно облегает тело, юбка пришита к нему борами. По пройме лиф обшивается узкой (1 см) полоской другого материала другого цвета (белая на

синем сарафане, зеленая — на розовом). Застегивается лиф на 4–5 пуговиц и крючок. На юбке застежки нет, а прореха на месте застежки прикрыта сверху передником. Раньше, когда девушки носили сарафаны, у их лифов делались выточки. «У их грудь-от выше: как сделаешь выточки, дак грудь така пышна, красива быват» (М.Е. Зверева, с. Шимки).

Некоторые старухи уже перестали носить сарафаны, но имея привычку к удобной и теплой одежде, они носят т.н. «телогреешный лифтик», т.е. лиф сарафана, надевающийся сверх юбки и кофты.

Под сарафаном носится описанная выше рубаха. В старину сарафан и рубаха шились из одного «товару» и назывались тогда «паровым сарафаном»: на шею надевали «француски» (батистовые) платки, затыкая концы из за запон. Нужно заметить, что и сейчас выходить на улицу без запона женщине считается неприличным.

* * *

Рассматривая верхнюю одежду тункинцев, мы находим, что она, в большей части случаев, делается тоже из домотканного сукна. Обычная верхняя одежда тункинца это «шынелка». Старинная шинелка кроилась длинной, до шиколоток; шилась такая шинелка без застежки, а лишь подпоясывалась широким домотканым или даленбовым поясом. Для удобства при ходьбе правая пола затыкалась за пояс. Тепершняя шинелка гораздо короче и имеет застежку. Застежка сделана так, что правая пола накладывается на левую. Шинелка и сейчас подпоясывается широким поясом. Когда едут в дальний путь, на пояс надеваются деревянные ножны с двумя длинными ножами. Когда приходится ехать куда-либо зимой, то на шинелку сверху надевается «берёзова шуба» или «доха». «Берёзова шуба — это непокрытая, нагольная шуба из овчины; доха шьется из собачины мехом кверху.

Женщины зимой при исполнении домашних работ носят «куртик» или «курмушку». «Куртиком» называется коротенькая с небольшими клиньями или даже прямая курточка. Шьется она из домотканного сукна; иногда в кур тике комбинируется посконная нить с шерстяной. Куртик застегивается на левом боку. «Курмушка» отличается от него тем, что она длиннее и слегка подбита верблюжьей шерстью.

Едучи в гости зимой, тункинская крестьянка надевает шубу. Шуба эта обычно очень широка в подоле, очень длинна и тяжела. Она бывает подбита беличьим или «ушканным» (заячьим) мехом, а иногда имеет еще и подкладку. Шуба бывает покрыта какой-нибудь толстой бумажной материей темного цвета: черного, серого и т.п. Ворот у такой шубы бывает обязательно меховой; обычно он спускается на грудь длинными концами. На вороте бывает чаще всего

белка, иногда крашенная кошка под громким названием «котика». Лишь в самой бедной семье мать не позаботиться о том, чтобы у ее дочери была такая шуба годам к пятнадцати, чтоб после дать ее в приданое. Обычно такая шуба служит своей владелице всю жизнь, т.к. надевается она редко.

Теперь тункинские девушки шьют себе пальто на городской манер, со складками и пояском, но называют их по-прежнему «курмами». Особым шиком считается черная сатиновая курма, легко подбитая шерстью.

Из верхней одежды тункинцев нужно отметить «тэрлик». Это — одежда универсальная, т.к. она служит лицам того и другого пола и самых разнообразных возрастов. Ближе к монгольской границе, в Мондах, нет ни одной восьмилетней девочки и ни одного старика, у которых не было бы тэрлика. Тэрлик — это короткая, чуть ниже бедра, курточка. Книзу она расширяется, с боков сделаны разрезы в 1/4 аршина длиной. Рукав без обшлага, ворот очень маленький, у правой полы сходящий на нет. Застежка сделана на правом плече: сделана она из трех маленьких металлических резных китайских пуговиц: две на плече и одна на поле, на расстоянии четыре-пять вершков от подола. Тэрлик обычно шьется из синей даленбы и слегка простегивается шерстью. Он является заимствованием от бурят.

* * *

Перехожу к описанию головных уборов тункинцев. Обычный головной убор — покупной картуз. Зимой носят шапки самых разнообразных фасонов: меховые круглые, покрытые «товаром», обыкновенные с двумя «кондырями» и ушами, папахи, и, наконец, «торсык». Торсык — это «мунгольска шапка». Они раньше покупались в Монголии. Торсык не шит, а выкатан целиком из какого-то материала в роде фетра. Он имеет два «ушка» и два «кондыря» (козырька): один спереди и один сзади. Кондыри и ушки подбиваются мехом. Торсык иногда богато украшается вышивкой, а если нет, то на нем непременно присутствует яркая «ленда» или «пузумент», положенный вокруг тульи. Непременно также «коса» — длинная кисть из ярких шелковых нитей, сантиметров двадцать длиной, спускающаяся с макушки.

Во время сенокоса все мужчины поголовно во избежание солнечного удара носят на голове белые женские платки, которые они надевают «взять концы», предохраняя этим уши от укусов насекомых. Обычно же платок носят женщины. Носят его все от мала до велика. Маленьким девочкам платок, сложенный прямоугольным треугольником, надевается широкой стороной на лоб, затем концы обертываются вокруг шеи и завязываются назад. Девушки носят платок «взять концы». Пожилые женщины дома носят — «взять концы», а

когда выходят на улицу, надевают «вперёд концам». Старухи носят «повойники». Повойник бывает двух видов: 1) более распространенный — треугольником с сильно удлиненными двумя концами. Они сшиты или плотно связаны. Волосы, заплетенные в две косы, укладываются кругом головы и на них надевается повойник. Удлиненные концы его укладываются, как косы, т.е. кругом головы. Уши при этом или закрываются повойником, или остаются поверх него. 2) повойник, состоящий из круглой тулейки, с нешироким ободком (на манер поварской шапочки), на которой сзади нашиты две пуговицы, на которые и застегивается повойник. Тулейка такого повойника иногда отделяется группами мелких складочек. Еще один вид женского головного убора (мало распространенный) — сетка. Это — треугольник, вязаный тамбуром из цветных ниток и завязывающийся кончиками назад. О такой сетке поется в «чытушке»:

Я надену сетку редку,
Завяжу концы назатъ.
Сяду, сяду с милым рядом:
Никуму не укузатъ.

* * *

Обычная обувь тункинцев — это унты, позаимствованные, видимо, у бурят. Унты сделаны из «качеричины» (телячьей шкуры) мехом вверх. Они доходят до подколенка: мех иногда отворачивается сверху на голяшке. Унты шьют бурятки, за что им платят табаком.

Унт кроится так: голяшки и передок — из качеричины или «товару» (в последнем случае он подбивается шерстью и простегивается). «Обложки», передняя и задняя (задник и союзка), и «дужка» (ремешок, стягивающий перед унта) — из покупной кожи «булхарины». Подошва кроится из коровьей кожи своей выделки. Раньше унты шились из плиса. Унты носят все от мала до велика. Еще из обуви следует упомянуть обыкновенные покупные сапоги у мужчин и чирки у женщин. Праздничная обувь женщин — ботинки: их нет у редкой девочки-подростка (о взрослых нечего и говорить). Заслуживает внимания охотничья обувь — камасы. Они покупаются у бурят готовыми или их шьют готовыми — те же буряты. Сшиты они из «лапок» дикого козла — «гурана». Камасы выше унтов, но сшиты так же. В них имеется подкладка из холста.

Таковы главные предметы, составляющие своей совокупностью одежду русских Тункинского края.

ИЗ ЗАПИСЕЙ ФОЛЬКЛОРИСТА*

Музыканты в Тункинском крае

Из музыкальных инструментов тункинцы знают «балалайку» (балалайка), «скрыпку», гармошку, меньше всего — мандолину. Гармошка, как и мандолина — инструменты «фабрицкие». В последние годы появились не только «фабрицкие» балалайки, но и скрипки. Однако они не вытеснили «своедельских» инструментов этого рода. Как и прежде, до появления в большом сравнительно количестве фабричных инструментов, так и теперь, чуть не в каждом селе есть мастера, обслуживающие односельчан-музыкантов и музыкантов из соседний селений, деревень и заимок.

В с. Талом, населенном ясачными, мне посчастливилось познакомиться с популярным там и в окрестностях музыкантом и мастером — Егором Ивановичем Сороковиковым, видным 50-летним мужчиной. Он делает балалайки и скрипки. Скрипка, по его (почти буквально записанным) словам, делается не из одного материала. Верхняя крышка — из кедра; за неимением кедра — можно из ели. Нижняя крышка — березовая или осиновая. Гриф — береза. «Кузовок делается на болване (тоже своедельском). Величина — по усмотрению; лучше с фабричных скрипок. Лады — на слух, до самого края. Звук зависит от тонкости крышки и умелой оклейки. Неумелая оклейка не позволяет давать хороший звук: получается дребезг и настоящего звука нет. Высота кобылки — смотря (по тому), как установлен гриф. Колки замыкают слюной, а то — мелом: мел очень крепко держит. Очистка смычка, если он загрязнится, (производится) тоже мелом; затем следует натирать канифолью. Плохие игроки — те натирают листовничной серой: светляки на листовнице, сосульки, сказать, такие бывают. Светляками натирают, как канифолью, только смычок плоховато идет».

Сам Егор Иванович — хороший настройщик и «игрок». Его репертуар, выполняемый на скрипке, содержит: две «польки», «краковяк», «Малороссийского казачка», «За гаем, гаем...», «По улице мостовой...», «Камаринского», «Выйду ль я на реченьку...», «Во саду ли, в огороде...», «Сени мои, сени...», «За Кубанью рекой...», «Стеньку Разина: Што ни царский воевода...», «За реченькой слободушка стояла...», «Ваня разудала голова...», «Как по улице молодец идет...», — «все свадьбишны песни».

Кроме скрипки, он играет на балалайке, на мандолине, — «своим слухом дошел». На гармошке тоже мог бы играть, но не любит

* СЖС. Вып. I (V). 1926. С. 38–40.

ее Егор Иванович: «гармонь — уличная музыка». Впрочем, эпитет уличная здесь обозначает только наиболее подходящее место для использования музыкального инструмента. И балалайки он делает. «Нонешная балалайка, фабричная, — частоладка; на старой (своедельской) — семь ладов, не более, а то и на четырех ладах работает». Делается она из ели или из кедра — вся, только шейка березовая; верхняя доска — еловая или кедровая, по неимению — сосновая. Верхняя доска — не сплошная: с прорезом, даже с двумя или тремя, «а то звук заглушает».

Егор Иванович — мастер не единственный в этих местах. Даже в рядах молодых мужиков встречаются мастера. В Хобоке, рядом с Талой, называют несколько мастеров, изготавливающих балалайки; из них я свел знакомство с Андреем Гавриловичем Нефедьевым. Называют мастеров-балалаечников и в других местах.

Музыкантов называют без затруднения. Егор Иванович говорит, что еще недавно в Талой «было скрипачей с пяток». В старину тоже было немало. Балалаечников было и есть много. Молодежь больше играет на «частоладках»; старики и люди пожилые в том же Хобоке (Иван Иванович Солдатов, Гавриил Гаврилович Нефедьев и др.) — на старых «редколадках». Теперь предпочитают «струны из проволоки (металлические), а прежде, — вспоминает Максим Григорьевич Пежемский (с. Туран), — вытягивали из бараньих жил и кишок», придерживаясь седой древней традиции:

«...певец приобкшиый, Цитрою звонкой владеть, начинать песнопенье готовясь, Строит ее, и упругие струны на ней, из овечьих Свитые тонко-тягучих кишок, без труда напрягает...»⁵³.

Видным «на Тунке» скрипачом слывет «Миша Кудриватаф — больши никак не завут — старик уж, лет 60. У тургуюшших на вичираф играл, играл на свальбаф (свадьбах)».

Из людей среднего возраста у туранцев пользуется известностью, как мастер (делает скрипки и балалайки) и как музыкант, «Михайла Кирсаных» Пежемский, владеющий скрипкой, балалайкой; играет на «гармонье». В Шимках не могут нахвалиться игрой скрипача Григория Иннокентьевича Шубина. В Нижнем Нерюхае слывет как скрипач Глеб Афанасьевич Тугаринов; в прежние годы его приглашали играть на свадьбах; теперь играет на семейных праздниках только у родни. Там же знают скрипача Сарафона Константиновича Чернигова; на Аршане — Вл. Иннокентьевича Усолцева. Приметным мастером и музыкантом-балалаечником считался в Тунке Константин Федорович Домышев, теперь уж старик.

Ахаличане указали небольшую ассоциацию скрипачей: Павла Максимовича Домышева, Иннокентия Иннокентьевича Демина

⁵³ Гомер Одиссея. Пер. В.А. Жуковского. XXI. С. 267.

(более 50 лет каждому), Алексея Афанасьевича Ощенко (лет 40), — «играют па свайбам: на всю ли свайбу, на три ли гня (дня) приглашают». «Играет скрипкай па свайбам», — по тем же данным, — сорокалетний скрипач Яков Семенович Усольцев, по прозвищу Яша Красенький; «может с гармошкой (под аккомпанемент гармоники) играть». Подавляющее большинство поименованных мастеров и музыкантов — люди или совершенно неграмотные или малограмотные.

Гармонистов много, особенно среди мужской молодежи. Достойно примечания, как крестьянские женщины или девушки, выделяя из своей среды довольно значительное количество хороших голосов (сколько наблюдал, высоких голосов мало, контральто — не редкость), большое число певиц, не находят в своей среде ни скрипачей, ни гармонистов; даже балалаечницы — редкое явление, и в качественном отношении они далеко уступают музыкантам-парням.

Гармонисты исполняют преимущественно плясовые песни; из них наиболее употребительны: «бараня», «тижик» («чижик»), несколько полек. На поляне в Петров день (Аршан, 1925 г.) «молодытник» под гармонику усердно плясал «казачка», «тижыка», «русскую», «польку», «шыстёрку»; «восьмерки», о которой говорит П.А. Ровинский при описании Тунки⁵⁴, молодежь не знает. Пляшут парни и девушки с серьезными, поразительно спокойными, словно застывшими лицами. Парни пляшут неважно, зато «форсисто», молодецким посвистом приглашают девушку на танец. Среди девушек есть весьма незаурядные плясуньи.

⁵⁴ Ровинский П.А. Очерки Восточной Сибири. Ч.IV, V: Тунка // Древняя и новая Россия СПб., 1875. Т.3. №XII. С. 387.

ИРКУТСКИЕ «ЯСАЧНЫЕ» В ОСВЕЩЕНИИ СТАТИСТИЧЕСКИХ ЦИФР.

Статистический этюд*

Сельскохозяйственная перепись 1917 г. регистрировала сельские хозяйства Иркутской губернии по сложившимся бытовым группам, принимался при этом во внимание и национальный состав местных народностей. Еще при первоначальном подсчете предварительных итогов обратила на себя внимание группа, отмеченная переписью под названием «ясачных». Каково историческое происхождение этой группы и ее этнический состав переписью не выяснилось, попытка точно разрешить этот вопрос позднее автору настоящих строк также не удалась. Личное знакомство с некоторыми из ясачных (в Тункинском крае, например) и расспросы знающих губернию людей приводят к заключению, что значительная часть этой группы произошла путем метисации бурят и русских⁵⁵. Представляя выяснение этого вопроса этнографам и историкам Сибири, я имею в виду обратить внимание на ряд сопоставлений и сравнений статистического характера, не лишенных, на мой взгляд, значительного интереса. Дело в том, что хозяйство ясачных по многим статистическим признакам отличается как от группы бурят, так и от русских старожилов, занимая среднее между ними место по количественному выражению признаков. Если такое положение является следствием более значительного, вследствие браков с русскими, влияния русской культуры, то нельзя ли видеть в современном строении хозяйства ясачных того пути, по которому суждено идти бурятскому хозяйству? Нельзя ли видеть в хозяйствах бурят кочевых, бурят оседлых, ясачных и русских естественных ступеней развития хозяйственной жизни, различных этапов того пути, по которому пройдет хозяйство бурятское в своем естественном развитии.

По-видимому, на эти вопросы нужно дать положительные ответы, а если так, то изучение отличительных особенностей хозяйства ясачных, как переходной стадии от преимущественно скотоводческого хозяйства бурят к преимущественно полеводческому хозяйству русских, представляет большой теоретический интерес. В настоящий момент этот вопрос имеет еще и другое значение. Вопросы районирования требуют не только изучения статистических явлений хозяйственной жизни, но заставляют экономиста заглядывать и в

* Материалы Иркутского губернского Стат. Бюро. Вып. XII. Иркутск, 1923.

⁵⁵ Некоторые ясачные происходят от приписавшихся к бурятам русских, при этом видимо также произошло смешение русских с бурятами посредством браков.

будущее, предвидеть ближайший и более удаленный ход развития хозяйственной жизни. Хозяйство ясачных — это один из будущих этапов хозяйства бурят.

Материалом для дальнейшего изложения послужили данные переписи 1917 г. Предварительные итоги этой переписи были опубликованы в виде волостных, уездных и губернских итогов по группам населения⁵⁶, но дальнейшей обработке эти материалы не подвергались. В виде исключения группа ясачных была мною выделена и при помощи нескольких сотрудников бывшего Статистического отдела Переселенческого района⁵⁷ была подвергнута некоторым детальным подсчетам. Для опубликования некоторых выводов, полученных мною еще в 1920 г. в результате дальнейшей обработки и сопоставлений, я ожидал дальнейшей разработки всех весьма ценных материалов переписи 1917 г. Так как время такой разработки едва ли наступит, то я решаюсь опубликовать в виде отдельного очерка полученные мною данные об ясачных, принимая во внимание настоятельную нужду во всех материалах, которые могли бы принести пользу в решении некоторых вопросов районирования.

I

Ясачные в итогах переписи 1917 г. составляют две группы: «ясачные буряты», составляющие группу из 1628 хозяйств и «ясачные тунгусы» в количестве 16 хозяйств. Для более детальных подсчетов были отобраны исключительно хозяйства исключительно первой группы в количестве 1585 хозяйств, 43 хозяйства в подсчеты или потому, что они оказались единично разбросанными среди массы русских и бурятских хозяйств, или потому, что карточки этих хозяйств признаны были дефектными.

Распределение ясачных по уездам и волостям в 1916 г. было следующее.

В пределах бывшего Верхоленского уезда:

Адм. единица	Количество хозяйств
Куленгская волость	95
Ленская волость	61
Ангинское ведомство	123

⁵⁶ Итоги предварительного подсчета сельскохозяйственной переписи 1917 г. Иркутской губернии. Иркутск, 1919.

⁵⁷ В выборке материала и первоначальном его подсчете принимали участие Н.М. Кудрявцева и В.А. Владимиров.

В пределах бывшего Иркутского уезда:

Адм. единица	Количество хозяйств
Коймарское ведомство	261
Харибятское ведомство	228
Тункинское ведомство	77
Курумчинское ведомство	21
Торское ведомство	23
Култукская волость	51
Сайгутская волость	18

В пределах бывшего Балаганского уезда:

Адм. единица	Количество хозяйств
Тыретская волость	19
Тагнинская волость	45
Осинская волость	39
Ашехабатская волость	263
Заларинская волость	70
Бажеевская волость	80
Голуметская волость	111

Большая часть этих административных единиц вошла в Бурят-Монгольскую автономную область (в аймаки Эхирит-Булагатский и Тункинский), таким образом, по-видимому, большая часть ясачных находится в настоящее время среди бурят, а меньшая часть среди русских.

Отсылая интересующихся абсолютными цифрами подсчетов тех или иных признаков хозяйства ясачных к опубликованным итогам переписи 1917 г., я в своей характеристике хозяйства ясачных буду пользоваться преимущественно относительными величинами и данными группового подсчета.

Состав населения. Средняя семья ясачных состоит из 5,8 чел., из коих 2,7 являются работниками, тогда как у бурят средняя семья состоит из 4,4 чел., а у русских из 6,2. Как видно из цифр, ясачные приближаются к русским, отличаясь от них только на 0,4 по среднему составу семьи, тогда как бурятская семья менее на 1,4 чел. Семьи ясачных по числу своих членов распределяются следующим образом: до 3 членов семьи – 19,3%, от 4 до 6 – 42,2%, от 7 до 10 – 32,9%, от 11 и выше – 5,6%. Таким образом, семьи среднего и выше среднего размеров являются наиболее распространенными.

Ясачные, по-видимому, имеют все данные к росту их числа, т.к. возрастное распределение их выгодно отличается от бурят. Процент детей до 6-летнего возраста у них доходит до 21,05, тогда как у бу-

рят он равен только 17,28⁵⁸, а у русских — 20,4. Влияет ли у ясачных на высокий процент детей, этого залога «будущего» народа, изменение экономических условий «обрусевших бурят», как некоторые называют ясачных, или это следствие метисации, — на этот вопрос можно было бы ответить только после подробного специального изучения этой интересной группы совместными усилиями этнографа, антрополога-врача и экономиста-статистика. Для бурят, которых не может не тревожить вопрос о причинах малого количества детей в бурятской семье, этот вопрос представляет большое практическое значение.

Доказательством роста семьи ясачных служат и некоторое сопоставления данных переписи 1917 г. с прежде бывшими исследованиями. Так, в переписи 1887–89 годов группе ясачных соответствует группа «оседлых инородцев», тогда как остальные буряты отнесены к группе «кочевых и полукочевых инородцев». В пределах бывшего Верхоленского уезда средняя семья оседлых инородцев состояла из 5,7 чел., в в 1917 г. ясачные там же дают среднюю семью в 6 чел., тогда как бурятская семья там уменьшилась с 4,6 до 4,1 чел. Средняя русская семья за тот же период так же, как у ясачных, увеличилась с 6 до 6,3 чел.

Если вычислить, какой процент в семье составляют работники, то окажется, что ясачные также занимают более близкое место к русским, чем к бурятам. У бурят работники составляют до 52% членов семьи, далее следуют ясачные, среди которых работников 46%, у русских старожиллов процент работников опускается еще ниже, до 45%⁵⁹. Такое соотношение в составе населения у бурят, экономически выгодное для данного момента, чрезвычайно опасно для будущего развития нации. Призрак приостановки роста населения у бурят еще станет более очевидным, если принять во внимание, что наряду с высоким процентом среднего состава работников в семье у бурят наблюдается и наибольший процент хозяйств без работников.

⁵⁸ Для сравнения взяты цифры по демографической переписи 1920 г., причем население аймаков считается бурятским, а население уездов — русским. Такое условное допущение не меняет наших выводов, потому что примешанные в аймаках к бурятам русские и те же ясачные только могут повысить процент детей, следовательно, представить положение бурят в более благоприятном виде — см. Иргубстатбюро, вып. IX, статья М. П. Соколова, с. 22.

⁵⁹ Интересно, что процент работников у бурят почти совпадает с процентом лиц рабочего возраста во Франции (52,9%), тогда как русские старожилы мало отличаются от Европейской России, где лица в рабочем возрасте составляют 44,3% — *Каблуков Н. А.* Краткий очерк статистики народонаселения в его «Статистике». М., 1915, с. 274.

Хозяйств без работников у бурят 10,3%, у старожилов-русских – 8,2%, а у ясачных только 6,5%⁶⁰. Соотношение полов так же у ясачных более благоприятно, чем у других групп населения Иркутского края. На 100 мужчин приходится женщин: у ясачных – 97,2, у русских старожилов – 95,6, а у бурят только 88,5. Последняя цифра ниже соотношения, установленного Бюхером для всей Азии (95,8).

Более высокий процент женщин у ясачных в 1917 г. по сравнению с русскими может быть, объясняется тем, что война взяла от русских значительное число мужчин, тогда как ясачные наравне с бурятами были избавлены от воинской повинности. В 1887 г. соотношение полов у русских и ясачных было почти одинаковым. После 1887 г. относительное число женщин убавилось у всех групп населения⁶¹, но тогда как у русских оно убавилось почти на 4%, ясачные почти сохранили прежнее соотношение, у бурят же число женщин сократилось почти на 2%. Убыль женщин среди русского населения более или менее удовлетворительно объясняется влиянием переселения в губернию, усилившуюся после 1887 г., среди бурят же это положение, по-видимому, может указывать на наличие ненормальных явлений, вызывающих значительную смертность женщин (такими причинами вымирания женщин могут быть: увеличение тяжести работ при болезненно изменяющемся строе хозяйства, распространение инфекционных болезней, углубляющееся несоответствие между культурно-бытовой обстановкой и физическим здоровьем населения и т.п.). Один французский ученый Brunhes, говоря о вымирании малых народов, справедливо указывал, что для сохранения нации прежде всего нужно охранять женщину. Это предостережение, очевидно, относится и к бурятам. Жизнеспособность ясачных, очевидно, устойчивее, чем у бурят.

Неземледельческие промыслы. Хотя для ясачных, как и для других групп населения, земледелие является главным занятием, однако неземледельческие промыслы у них занимают весьма видное место: из 100 хозяйств в среднем 40 занимаются промыслами, тогда как у русских промысловых хозяйств 26%, а у бурят только 20%. Большой процент занимающихся промыслами объясняется в значительной мере географическими условиями расселения ясачных.

⁶⁰ Большой процент хозяйств без работников у бурят, может быть, указывает на высокую смертность и инвалидность среди взрослого населения. Кроме того, статистические данные показывают большой процент одиночек среди бурятских хозяйств (по переписи 1920 г. процент хозяйств с одним членом семьи у бурят колеблется от 4,2 до 9,5, тогда как у русских от 2 до 3,4).

⁶¹ Убыль эта замечается еще со времен X ревизии. См. Материалы по исследованию землепользования и сельского быта Иркутской губернии, т.2, вып.2 и 6.

Там, где развитие земледелия встречает различные препятствия, как, например, в Култукской волости и Тункинском ведомстве, почти все занимаются промыслами (94% хозяйств в Култукской волости и 61% Тункинском ведомстве), наоборот, в местностях, пригодных для земледелия, промысловость хозяйств невелика, например, в Заларинской волости – 4%, в Голуметской – 12%, в Бажеевской – 28%. Такие же колебания замечаются среди русских и бурятских хозяйств в зависимости от географических условий расселения.

По промыслам хозяйства ясачных могут быть распределены следующим образом.

, или.

		% числа подвергнутых групповой разработке, хозяйств
Всего хозяйств с промыслами	663	41,8%
Сельскохозяйственные работы	98	14,8%
Ремесленники и кустари	67	10,1%
Охотники	177	26,7%
Ореховый промысел	120	18,1%
Извозный промысел	34	5,1%
Рыболовство	11	1,7%
Торговля	5	0,8%

Несовпадение итога, получаемого от суммирования числа хозяйств с разными видами промыслов с общим количеством промысловых хозяйств объясняется тем, что иногда в одном и том же хозяйстве встречается одновременно занятие двумя и более промыслами. Разнообразие наблюдающихся у ясачных промыслов и значительное развитие их также свидетельствуют о большой жизнеспособности этой группы и умение ее приспособляться к окружающей географической и экономической обстановке.

В указанных выше промысловых хозяйствах насчитывается 790 мужчин и 103 женщины, занимающихся промыслами. Большинство промысловых хозяйств имеют лишь по одному промышленнику (497 хозяйств, или 75%), 16,3% промысловых хозяйств имеют по два промышленника, 6,2% по три промышленника, 1,5% по четыре промышленника, 1% приходится на долю хозяйств с пятью и более промышленниками. По три и более промышленников в семье встречается преимущественно в районах пушного и кедрового промысла.

II

Скотоводство у ясачных занимает весьма видное место в хозяйстве. Как и у других групп населения Иркутского края, главным скотом у ясачных оказывается крупный рогатый скот и лошади; об-

щее обеспечение скотом сближает ясачных с русскими старожилами. На одно хозяйство у ясачных приходится 5,9 голов скота (в переводе всего скота на крупный), русские хозяйства обеспечены немного менее (5,5 на хозяйство), тогда как бурятское хозяйство имеет почти в полтора раза более скота (7,9 голов на хозяйство). Ту же мысль подтверждает и следующая таблица об обеспечении различными видами скота сравниваемых групп населения.

*Табл.
Количество голов скота на хозяйство*

	лошади	крс	овцы	козы	свиньи	Всего (без перевода на крс)
русские	3,2	4,8	2,2	0,2	2,7	13,1
ясачные	3,3	5,6	2,3	0,3	1,9	13,4
буряты	3,3	9,4	4,3	1,0	0,8	18,8

В отношении всех видов скота ясачные занимают среднее место между русскими и бурятами, причем везде наблюдается более близкое сходство ясачных с русскими, чем с бурятами. Исключение составляет среднее число лошадей, совершенно одинаковое у бурят и ясачных, но в отношении обеспечения лошадьми все крестьянские хозяйства губернии находятся в одинаковом положении. Так, среднее обеспечение русских старожилов почти такое же, как у бурят и ясачных, и только отдельные группы русских, ведущих хуторское хозяйство, обеспечены лучше (5,5 и 5,2 на хозяйство). Однообразие, наблюдающееся в отношении обеспечения лошадьми, объясняется тем, что лошадь — это рабочий скот всех групп населения. Если принять во внимание преобладающий внутри губернии гужевой характер транспорта, дальность расстояний между населенными пунктами, трудность возделывания тяжелых глинистых почв и малый рост и слабосильность местных лошадей, то станет вполне понятной необходимость более высокого среднего обеспечения хозяйства лошадьми по сравнению, например, с Европейской Россией (в Европейской России в среднем приходилось на хозяйство в 1916 г. 1,4 лошади). В русских хозяйствах оказывают больше влияния одни причины (обработка пашни), в бурятских — другие (уход за скотом, перевозка сена, религиозно-бытовые особенности), но конечный результат получается один и тот же.

Переходный характер хозяйства ясачных и влияние на них русских из приведенной таблицы видны ясно: русское хозяйство старожила переживает сильно заметную эволюцию замены экстенсивного овцеводства более интенсивным свиноводством⁶², количество овец и

⁶² Материалы для исследования землепользования Иркутской губернии, т. II, вып. 4, С. 130–131.

коз заметно сокращается, а количество свиней увеличивается. Этот процесс не мог не затронуть и хозяйства бурят, у которых начинают появляться свиньи, которых прежде совсем не было. Хозяйство ясачных решительно встало на путь интенсификации животноводства и по отношению к среднему обеспечению овцами и козами почти не отличается от русских; в области свиноводства ясачные также близки к русским, отставая от них в среднем на хозяйство только на 0,8 и перегнав бурят на 1,1. В более устойчивой отрасли животноводства — в разведении крупного рогатого скота — переход ясачных к средним русским нормам не так решителен, хотя и здесь ясачные ближе к русским, чем к бурятам. Хозяйство ясачных в порядке естественной эволюции не слепо следует по пути подражания сложившимся русским формам, а делает разумный хозяйственный выбор. Овцеводство в Иркутской губернии с преобладающим в ней лесным, болотистым и горным характером местности при сокращении в виду увеличения населения площади выгонов и сенокосов не имеет будущего, и ясачные довольно решительно его ликвидировали до обычного у русских уровня; свиноводство, напротив, встречает все благоприятные условия для своего развития, и ясачные занялись разведением свиней. Крупный рогатый скот несомненно будет иметь значение и в будущем и край нуждается не в ликвидации крупного рогатого скота, а в изменении существующих условий животноводства, необходимы более культурные формы разведения скота, улучшение породы и ухода и т.д. Ликвидация этого вида скота хозяйственно нецелесообразна и ясачные сокращают рогатый скот более медленно, изменяя бурятскую систему разведения мясного рогатого скота в сторону молочного, более доходного, скотоводства.

Высказанные здесь соображения об относительном значении различных видов скота в хозяйстве ясачных по сравнению с другими группами населения подтверждаются также данными о составе стада.

На 100 голов всякого скота приходится:

	лошадей	крс	овец	коз	свиней
У русских	24,3	36,9	16,6	1,8	20,4
У ясачных	24,3	42,2	16,9	1,9	14,7
У бурят	17,5	50,2	22,9	5,5	3,9

Более скотоводческий характер бурятского хозяйства по сравнению с русским хозяйством здесь выявляется вполне определенно: рогатый скот и овцы с козами составляют более 3/4 стада, а более продуктивное скотоводство имеет еще очень небольшое значение. У ясачных следы их прежней близости с бурятами сохранились в относительно большом проценте у них рогатого скота, в немного большем значении овцеводства и козоводства и в меньшем процен-

те свиней по сравнению с русскими. Так как хозяйства всех трех рассматриваемых групп населения в среднем обеспечены лошадьми почти одинаково, а общее обеспечение скотом у бурят значительно выше, чем у русских и у ясачных, то меньший процент лошадей в составе бурятского стада вполне понятен. Однако, и здесь замечается весьма характерное явление, свидетельствующее о переходном состоянии хозяйства ясачных и бывшем близком родстве их с бурятами. На 100 лошадей у бурят приходится 78,1 рабочих лошадей, у ясачных — 76,8, тогда как у русских только 73,3. Меньший процент использования лошадей для работы у русских объясняется тем, что лошадь в русском хозяйстве нужна, главным образом, для тяжелых полевых работ и это обстоятельство заставляет русских более бережно относиться к использованию молодых лошадей, не достигших еще настоящего рабочего возраста, тогда как у бурят работа лошади довольно часто сводится к сравнительно легкой верховой езде, что дает возможность употреблять и малолетних лошадей в качестве рабочих. У ясачных, сообразно переходному характеру их хозяйства, пользование молодняком лошадей для работы меньше, чем у бурят, но значительно еще больше чем у русских. Следующие цифры наглядно доказывают эту мысль: рабочие лошади моложе четырех лет составляют по отношению к лошадям в рабочем возрасте (т.е. старше четырех лет): у бурят — 8,3%, у ясачных — 8,2%, тогда как у русских только 7,5%. Высказанное ранее мнение, что у русских лошадь более употребляется для полевых работ, подтверждается следующими цифрами: у русских на одну рабочую лошадь приходится 2,4 десятины посева, ясачных — 1,8 десятины, а у бурят только 1,3 десятины. Напрашивается невольный вывод, что, чем больше имеет значение в хозяйстве полеводство, тем меньше употребляются молодые лошади для работы или, вернее, тем лучше усваивается практически проверенное положение о нецелесообразности раннего использования рабочего скота.

Переходное положение хозяйства ясачных ясно видно также из некоторых других сопоставлений. Таковы, например, цифры распределения скота на 100 душ населения, сведенные в следующую таблицу.

На 100 душ населения приходится:

	лошадей	крс	мелкого	рабочего
У русских	50,2	76,2	80,1	36,8
У ясачных	54,8	94,7	75,7	42,1
У бурят	74,3	211,9	136,4	58,8

Более детальный анализ распределения рогатого скота у разных групп населения показывает также, что хозяйство ясачных идет

по пути приближения к более молочному (правильнее — мясо-молочному) направлению скотоводства, чем это наблюдается у бурят. Характер направления скотоводства статистически довольно хорошо определяется процентом коров в стаде рогатого скота. Так, материалы сельскохозяйственной переписи 1916 г. дают следующие коэффициенты: в губерниях, где развито молочное скотоводство, например, в Западной Сибири, в Вятской, Новгородской и Вологодской губерниях процент коров колеблется от 61,5% до 59,6%; в губерниях с типично мясным скотоводством — например, Донская и Уральская области, Киргизский край, Забайкалье и Харьковская губерния — процент коров значительно ниже, от 24,1 до 38,2. Вся Восточная Сибирь, где скот разводится для целей мясных и молочных, имеет коров менее 50 и не более 40%.

В Иркутской губернии распределение рогатого скота следующее: На 100 голов рогатого скота приходится:

	Волов %	Быков %	Коров %	Нетелей %	Телят %
У русских	0,4	1,8	44,2	25,9	27,7
У ясачных	0,7	1,8	41,4	25,2	30,9
У бурят	2,9	2,3	38,1	27,5	29,2

Как видно из таблицы, у бурят коровы составляют 38% стада рогатого скота, что соответствует мясному направлению скотоводства, тогда как у ясачных коровы уже составляют 41%, т.е. у них наблюдается переход к мясомолочному скотоводству, т.е. тому типу скотоводства, который наиболее соответствует местным естественно-историческим условиям при изменяющихся экономически формах более интенсивного хозяйства⁶³.

Об этой же эволюции хозяйства ясачных свидетельствует и процентное отношение молодняка к числу коров: у бурят на 100 коров приходится 110 голов молодняка, у ясачных уже 90 голов, у русских — только 84.

Для несколько более подробной характеристики ясачного хозяйства со стороны скотоводства могут служить следующие данные группового подсчета:

⁶³ Имеются некоторые данные, которые говорят, по-видимому, о том, что бурятское хозяйство испытало в XX в. даже регресс в области животноводства, перейдя от мясо-молочного к мясному направлению. См.: Материалы по исследованию..., т. II, вып. 6 и Итоги сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Иркутской губернии. Подробно об этом надеюсь сказать в другом месте.

Из 100 хозяйств ясачных оказывается:

Количество скота	%
Без всякого скота	4,5
Без рабочего скота	2,3
С 1 головой рабочего скота	25,2
С 2 головами рабочего скота	28,9
С 3 головами рабочего скота	17,3
С 4 головами рабочего скота	9,3
С 5–6 головами рабочего скота	8,7
С 7–8 головами рабочего скота	2,2
С 9–10 головами рабочего скота	1,0
С 11 и более головами рабочего скота	0,6
Без коров	7,3
С 1 коровой	27,2
С 2 коровами	28,4
С 3 коровами	13,9
С 4 коровами	7,2
С 5–6 коровами	6,7
С 7–9 коровами	3,1
С 10 коровами и более	1,7

К сожалению, нельзя сравнить данные группового подсчета ясачных с таковыми же данными других групп населения, т.к. такой групповой разработки переписи 1917 г. полностью произведено не было. Некоторым подтверждением прежде высказанных уже положений о предполагаемом происхождении группы ясачных из группы инородцев-бурят могут служить следующие вычисления, сделанные мною из группового подсчета переписи 1920 г. (еще не опубликованного Земельной секцией Губстатбюро). По этим подсчетам оказывается, что у бурят процент хозяйств без коров равняется 4%, хозяйств с одной коровой 13,4%, хозяйств с 2 коровами 22,2%, с 3 коровами – 20,3%, с 4 коровами – более 13% и т.д.

КОНСКИЕ БЕГА В ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ*
(Урульгинская волость Читинского уезда)

Тема о конских бегах у забайкальских метисов⁶⁴ в этнографической литературе почти совсем не освещена. Между тем, она представляет собою широкий интерес. Дело в том, что вопрос о конских бегах, в отличие от других объектов этнографического исследования, затрагивает прежде всего исключительный момент *массового действия*, в котором животные (лошади) выступают на равных началах с людьми. На фоне *стихийного*, почти зоологического, соревнования разворачивается сложная картина быта, построенного на колдовстве и магии, антропоморфизации животных и в то же время хранящего и воспитывающего безошибочное, основанное на вычислении, эксперименте и наблюдении, знание. Мне кажется, что даже в том несовершенном виде, в каком эта работа предлагается мною, она может заинтересовать наравне с этнографом также и социолога, исследователя массовых психозов и зоолога, и, наконец, просто наблюдателя жизни и человека. Кроме того, характер моих записей дает некоторый материал и лингвисту, хотя я старался держать средний курс между точностью фонетической записи и свободой обычного письма. В тексте, кроме фактических данных, отсутствуют всякие обобщения, для которых еще не настало время. Впрочем, этнограф-собираетелю не должна беспокоить невозможность теоретизировать по поводу только что зарегистрированного факта. Следует постоянно помнить афоризм Гете: *«величайшее дело постигнуть, что все фактическое уже само есть теория»*.

Село Урульга, где я собирал предлагаемый ниже материал по конским скачкам, еще не так давно называлось Князе-Урульгой, потому что была резиденцией тунгусских князей Гантимуровых. Об этих князьях существует довольно обширная литература, но для нашей задачи сейчас достаточно пока сказать, что Гантимуровы поселились по речке Урульге приблизительно с половины XVIII столетия. В 1765 г. князьям Павлу Алексеевичу и Алексею Лазаревичу Гантимуровым были отведены — первому «сенные покосы» по р. Урульге с устья до вершины «и с посторонними падшими в нее падьми», второму — по Нарын-Талаче с устья до вершины; «подкотский выпуск» — близ устья р. Урульги около р. Ингоды до Харбачей (один из отрогов Яблонового хребта). Еще по переписи 1897 г. в состав Урульгинской

* СЖС, 1924. Вып. II. С. 38–54.

⁶⁴ Материал для этого очерка был первоначально проработан в семинарии по русской этнографии, руководимом Г.С. Виноградовым (педагогический факультет Иркутского государственного университета, 1922–1923 акад.год).

Степной Думы ведомства князей Гантимуровых входили инородные управы: Онгоцонская, Кужертаевская, Маньковская, Шундуинская, Урульгинская, Улдургинская и Оловская. Все эти управы находятся частью среди кочевьев бурят, частью — среди русских поселений.

К Урульгинской инородной управе принадлежали до последних лет: тунгусы общины Байцатуй, Верхне-, Средне- и Усть-Талачи, Карымского села, деревни Княже-Береговой⁶⁵, Княже-Поселья, Урульги, Батура, Усть-Ницигуна, общин Кучегерской и Торгинской, общины Поваринской, села Береи, булуков Шергальджинского и Сухульского и села Дылюн. Когда-то, может быть, лет сто назад тунгусы всех этих управ представляли собой действительно чистый этнический тип, но уже в 50-х годах прошлого века Кастрен, изучавший диалекты тунгусов маньковских и урульгинских, находил, что эти диалекты в «сильной степени бурятизированы»⁶⁶. А рядом с обурячиванием еще более энергичным темпом шло обрусение урульгинских тунгусов, и в настоящий момент во всех перечисленных выше управах, общинах и ведомствах вы уже не услышите звуков тунгусской речи, чаще встретите бурята, говорящего на родном языке, но господствующими являются русский язык и русский физический тип. Среди двух или трех сотен дворян Гантимуровых не найдешь ничего такого, что грубо говорило бы о недавнем тунгусском прошлом, — если, конечно, не относиться слишком подозрительно к кое-где вынырнувшему орлиному носу, который — «как собака на косогоре» — господствует среди широких скул меж черных глаз, поставленных чуть-чуть косее, чем позволительно. Этнограф, конечно, без труда снимет верхние пласты наносных почв — а их надуло, кажется, решительно со всех концов «Рассеи», которую коренной урульжанин, помнящий в дедах и прадедах тунгуса, все же не забывает еще величать «дикой». Конские бега, о которых ниже речь, дадут хорошую пробу «национальному характеру» жителей Урульгинской волости.

Об Урульге и князьях Гантимуровых можно прочитать у Андриевича⁶⁷; Бантыш-Каменского Д.Н.⁶⁸; у Патканова в сочи-

⁶⁵ Маак по дороге на Амур 18 апреля 1855 г. записал в своем дневнике: «Княже-Береговая. Тотчас по приезде нашем в станционную комнату вошел рослый, статно сложенный, широкоплечий тунгус, в простой, но весьма удобной для охоты, одежде, с винтовкою и другими охотничьими принадлежностями. Он предложил мне купить только что убитых им уток и, между прочим, объяснил нам, что он дворянин Гантимуров» // *Маак Р. Путешествие на Амур*. СПб.: Издание С.Ф. Соловьева, 1859.

⁶⁶ Castren M. *Nordische Reisen und Forschungen*, 1856; Castren M. *Reiseberichten und Briefe aus den Jahren 1845–1849*. Spb., 1856.

⁶⁷ *Андриевич «История Сибири»*. Ч.I, гл.5; ч.II, гл.6. СПб., 1889.

⁶⁸ *Бантыш-Каменский Д.Н.* Дипломатическое собрание дел между Россией и Китаем, Казань, 1882, стр.14–16.

нении о тунгусах⁶⁹; в материалах Куломзина. Некто Боголюбский в заметке об о. Баунт говорит о выселении баунтовских тунгусов в Урульгинскую управу⁷⁰. Также в моей работе «Орочены в Забайкалье»⁷¹. Из специальной литературы о бегах укажу: газета «Сибирь», 1885, №2 — корреспонденция из Нерчинского округа: «Конские бега»; Кокосов В.Я. О бегунцах Забайкалья⁷².

* * *

«Джучи сказал: «На мой взгляд, высшее удовольствие — разводить многочисленные табуны лошадей, пускать взапуски многочисленных двулеток, воздвигнуть себе ставку и забавляться пиршествами» (из поучений Чингис-Хана⁷³)

Конские бега устраиваются в течение всего года, но специальный сезон для них — «масляная» неделя. В другое время «бегают», сговорившись заранее о дне бега и об условиях состязания, обыкновенно, владельцы двух «славных» по округу бегунцов. На эти бега и собирается вся округа. Тем более, если соперничающие владельцы бегунцов принадлежат к разным селам, например, один — талачинец, другой — из Урульги. Съезжаются верст за 40–50, все равно когда: в сенокос, в жатву. Конечно, виновники бегов стараются «приноровить» день состязания ко времени, так сказать, безразличному в сельскохозяйственном отношении, например, к затишью работ между началом сенокоса и концом пахоты.

Но можно сказать, что бега до масляной и после нее — событие случайное; они являются отражением бегов на неделе перед «Чистым понедельником». Масляная же — это сплошная беговая оргия.

За деревней по «большой дороге», к западу от которой тянутся отроги Яблонового хребта, с раннего утра до «потемок», начиная с пятницы масляной, копошится толпа всадников. Лихорадка длится, захватывая первую неделю поста. Толпа то разделяется на две «стены», пропуская с гиком и гамом пущенных к ней по дороге лошадей, то «свернувшись» в пчелиный клуб, колышется. Орет, спорит, ругается. Не редкость — драки, заушенья, удары нагайкой. Крики то всей толпы, то отдельных, разгоряченных и опьяненных воодушевлением толпы, субъектов висят в воздухе: «Отпустили! Пошли! Спущают!»

⁶⁹ Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. СПб., 1906.

⁷⁰ Известия ВСОРГО, т. XXVIII, 1897, с. 82–85.

⁷¹ Чита 1923.

⁷² Приамурские Ведомости, 1895, №55.

⁷³ «Восток», 1922, №3 перев. В. Котвича.

Заводят!» А когда бегунцы, действительно, «пошли»: «Рыжа вперед! Заронила (отстала)! Вытянулась на узду!? Сади! Бура!»⁷⁴

Иногда орава увеличивается — это значит «большой бег». Кто-нибудь «заколотился» на большую сумму. Многие заинтересованы, как вкладчики. Владельцы лошадей могут начинать бег и на ничтожное пари («заколачиваются»), но «бегущих» поддерживают стороны, «мажут». Обычно бегунцы собирают вклады своего же села. «Заколачиваются» по корове, по «барафчану» (прошлогодний теленок), по коню, по ямане (коза), по возу сена, на деньги. Есть «горячие» субъекты, про которых говорят: «Он, че есть, бабу заложит!» Деньги обеих сторон передаются особому лицу, которе и держит их до тех пор, пока лошади перейдут мету.

«Дают заруки (заклад) чесному человеку для всякой правильности. Ешлиф за спором дело — тот человек держит заруки до суда». Если лошади придут вряд — «пирибег». То же самое, если один из бегунцов по какой-либо причине уйдет с дороги в сторону.

* * *

Бегунца узнают «через пробу»: «пропускают» с другой лошадей, чаще всего с беговой же. Замечают «ускок», повадку бежать. Я приведу отрывок из одного чрезвычайно характерного письма, полученного мною в марте 1923 года. Пишет старый (лет 60-ти) священник, который живет в Урульге 25-й год: «Сегодня пятница Св[ятой] Пасхи — знаменитые бега. У дяди Сергея в 1921 г. родилась кобылка, смесь от нашей игренюхи и персидского жеребца Володи Абедина (Володя в прошлом году умер в Манджурии). Вот эта кобылка и пожиная лавры. На масляной выбежала три бега. Сам дядя живет в Былкэртуе (кочевье бурят верст за 50 от Урульги — Е.Т.), а бегами руководил Сашка. Седоком был Сережка (о них смотри ниже — Е.Т.). Все боятся пробежать, но постом нашелся соперник и вот ударились бежать в сегодняшний день. Заклад: два бычка боровчана, один бычок — кашерик (годовалый теленок), барануха с барашком и 10 руб. золота. Сегодня у Стуковых (фамилия «дяди Сергея») беспокойство. Сашка очень уверен, впрочем. Народ, конечно, все кладут за стуковску кобылу. Я думаю тоже, она убежит. Расстояние небольшое — 300 сажен. На это расстояние она и понюхаться не дастся, но и соперник не из последних бегунцов. Ему 5 лет, и он за свою жизнь только раз пробежал на абоне (летние бурятские праздники, когда устраиваются массовые бега — Е.Т.), а то на всех абонах приходил первым. Одна надежда, что ему 5 лет, а персичке 2 года. А известно, что жеребята сначала бегут очень быстро, а пожившие лошади разбеживаются с годами... Персичкой любители конского спорта заинте-

⁷⁴ Вытянуться на узду — уйти головой вперед; садить, бежать — синонимы.

ресовались и даже вымеряли ее усюки, и оказалось, что она делает по 34 четверти и даже иногда до 36 четвертей усюк. Такие усюки (до трех сажен) редкая лошадь делает...

...После бегов. Спускал свою кобылку рыжую сам Сашка и пустил немного позднее. 15–20 сажен и рыжая была уже впереди, но затем сивый (соперник) начал нагонять, и к мете не догнал только на шею, а за метой был уже впереди. Так что Сашкина рыжуха взяла только шеей. Будь еще на 4 или 5 сажен дальше мета и рыжуха пробежала бы. Дядя Сергей был на верхней мете, и что он, бедный, пережил – страшно сказать. Народу было видимо-невидимо. Сначала голоса гремели: «Сивый! Сивый! Сивый!», – у дяди душа в пятки. Но вот стало слышней: «Рыжа! Рыжа!» Потом опять: «Догонят!...» Наша тетка была на бегах и говорит, что рыжуха красиво бежит».

* * *

«Дядя Сергей» Стуков – кровный урульжанин. В предках (прадеды) – буряты (со стороны отца). В описываемый (в письме) момент ему сорок три года. Когда-то в молодости его попробовали учить в Нерчинской бурсе, но ученье не пошло впрок, и свободолюбивый первенец престарелых родителей возвратился навсегда к урульгинским пажитям, где паслися «вольны не хранимы» стада его отца, священника (заступившего в свою очередь отцовский же приход). Дядя Сергей «сел на хозяйство». Тут и начинается его карьера как ладильщика, коновала, владельца большого табуна, в котором не выводились бегунцы. Лет за семь до европейской войны Сергей ликвидировал хозяйство, деньги «положил на книжку» и, поступив молотобойцем на железную дорогу, мужественно вплоть до осени 1921 года тянул лямку «железнодорожной кобылки», которая живет от платежного до платежного и не умирает только потому, что некогда. К 40 годам Сергей росту без четырех вершков три аршина, волос – грязно-желтого цвета, глаза – серые, хищные; бороду бреет, в закопченных усах – намертво вросшая трубка (курит «самосядку», которую выращивает в изобилии рядом с другой «овошью»), жена, неграмотная женщина из Талачей, по происхождению тунгуска. Осенью 1921 года Сергей Стуков, утомленный «легким рублем», рассчитался с кузницей и опять сел на хозяйство – и теперь уж, видимо, надолго. Кстати же подросли дети. Трое сыновей: старший, Сашка, 20-ти лет, средний – 17-ти, малый, Сережка, по 12-му году (девчонки как-то умирали). Жена – вечная царица улья и пчела работница – с детьми заодно вырастила четыре коровы, а с коровами как-то сами собой появились лошадь, другая... Может быть, все и началось-то с «нашей игренюхи», о которой говорится в письме. Словом, дяде Сергею по возвращении с железной дороги пришлось только перекрыть старые отцовские стайки, кое-где

поправить пошатнувшиеся столбы, и вот вам — картина «большой семьи», которую представил нам сосед Стуковых — мой корреспондент. Хозяйство ведет Сергей, сыновья работают. Собственно, все делает Сашка; «хозяин», самое большее, живет на заимке, покуривая трубку и постреливая белок. Но при холостых сыновьях в доме «большак» — отец. Сашка еще не женат. Он кончил три отделения начальной школы, дальше не пошел, просидев в третьей группе три года. Зато «на земле» оказался тароватым. Он из «седоков». Лет с девяти, пока не «отяжелел» — был возим по хорошим бегам. К двадцати годам опыт юности и наследственное пристрастие сделали из Сашки «другого дядю Сергея» — энциклопедиста по части познания лошади, а, главное, владельца бегунцов и страстного любителя бегов. Из школы Сашка вынес некоторое умение писать да слабость к стишкам, которые он и сам сочиняет в виде частушек, романсов (например, на мотив «Трансвааль, Трансвааль, страна родная»), где любовь, ревность, месть и даже убийство безыскусственно варьируют на всевозможные лады. Сашкины песни поют в деревне. Но эта «культура» ничему не помешала: Сашка, позабыв арифметику, добросовестно запомнил все приметы и обряды, связанные с лошадью, ее привычками, болезнями, возрастом. Он безошибочно «по зубу и так» определит «Сколько трав съела лошадь». Любит поменять лошадей — «как цыган».

От сына и отца Стуковых я получил зимой 1921—1922 годов и летом 1923 года немало сведений о том, как надо готовить лошадь к бегу, «ладить». Мать Сергея, Сашкина бабушка, Анна Михайловна Стукова (умерла осенью 1922 года, 74 лет от роду) «старая попадья», передала мне формы ворожбы и некоторые пословицы. Ворожила она сама, еще в ту раннюю пору жизни, когда дядя Сергей, порвав с бурсой, принял на свои широкие плечи отцовское хозяйство.

Я опросил другого урульгинского ладильщика — «Абдея» (Авдий). К сожалению, мне не удалось подробно выяснить биографию этого интересного человека. Родом он из Байцетуя — селение, лежащее в 35 верстах от Урульги. Лет с восьми до начала юности был в седоках (обычная карьера ладильщика). Дальнейшее остается неясным, может быть, и для самого Абдея. Я с детства помню его маленьким мужичонком («замухрыш»), очень сутулым, лицо сморщенное, глаза голубые, ясные — живет бобылем, всегда в «услужении» при каком-нибудь суде, волостном правлении и т.д. В 1921—1922 годах я застал Абдея сторожем в канцелярии народного судьи. Он успел пожениться, похоронить жену и сейчас всюду появляется в сопровождении очень здорового мальчика лет трех; может быть, это был его сын. Но «может быть» совсем не мешает Абдею любить ребенка так же страстно, как он привязан к скрипке. Абдей в моей памяти — постоянный музыкант на вечерках, свадьбах. Талант у него природный,

несомненный. Абдей один из тех мужичков, которые хранят «национальную музыку» — без всякого, впрочем, для себя труда, потому что «благословёны». Ладильщик Абдей тоже не бездарный. К делу этому он относится с уважением и верой. Ниже я приведу точные записи его ладильщицкий рецептов. Но к Абдею, как ладильщику, многие сельчане относятся насмешливо. Его признают, но не уважают. А это очень важно: надо, чтобы вокруг бега стояла постоянная атмосфера совершенного доверия и неубывающей серьезности. Абдей же какой-то чудаковатый. Он, как говорят урульжане, «заполосный». По поводу своего отношения к бегам он сам признавался мне: «Это рыск. Я на бегах рыск (риск)». Про человека, который очень уж осторожен, Абдей говорит: «Он рыск не смекат».

Зато есть у нас в Урульге другой ладильщик — Яков Митрич Золотухин — этот насмешек возбудить не может. Это единственный по округу ладильщик. «Яков знат», — говорят в тех случаях, когда дело идет о какой-нибудь темной детали бегов. Ему сейчас 54 года, с восемью лет до шестнадцати в седоках, потом «бегал сам». В хорошие времена «водил по кругу во близе» (по окрестным ближайшим деревням) три-четыре бегунца. «Я выбегал без шшота, — сказал он мне, — а пробегал без шшота. Убытка па маёму не терпел. Не знай, как другие думают». Дело свое он любит до страсти, и хотя сейчас пораззорился и живет незаметно, но, если на очереди хороший громкий бег — поставит последнюю лошадь, корову — все, что есть. К сожалению, я должен с грустью признаться, что мне не удалось войти в доверие к Якову Золотухину — очень осторожный человек; может быть, побоялся, что расскажу кому-нибудь о «суевериях»: время как раз было антирелигиозное (1922 год), в Урульге преследовали заезжих лам и шаманов, даже отдали под суд председателя волревкома, написавшего знакомому ламе удостоверение в том, что лама этот имел успешную врачебную практику среди жителей села Урульги за время тифозной эпидемии тогда-то... Но все же я воспользовался советами Якова по организации самой системы бегов, за что и приношу ему глубокую благодарность. Надеюсь, что в следующий раз Яков Митрич отнесется к моим расспросам с большим доверием. Золотухин из талачей; в Урульгу «выкочевал» лет 25 назад: дед у него русский, «правед» — выкрест; в предках — тунгусы Баһидовы.

* * *

«Я бы с них содрал шкуру, выворотил бы... Но мне жизнь дороже всего», — говорил мне Яков Митрич Золотухин про одну компанию мужичков, посуливших ему «ножа» в случае, если Яков будет «ладить» лошадь против их бегунца. В беге все дело решает ладильщик. «Силу коня поставит на точку ладильщик», — как совершенно справедливо выразился однажды Абдей в беседе со мной на тему о бегах.

Так что, собственно, лошадь в беге как будто значения не имеет — плохая она или хорошая — важно, чтобы ладильщик был «добрый». А тем более, если с искусным ладильщиком соединился опытный «порчун». Ну, тогда дело совсем хорошее: «Порчун где ударится — убежит. На виноватом коне убежит...» (Абдей)⁷⁵. «На бегунца могут «хомут одеть» - «пудря опухнет» (Абдей). Мне не удалось собрать более подробных сведений о том, как «надевают хомут». Некоторые признаки дают право думать, что хомут на лошадей надевается так же, как на людей. А «людской хомут» описан Г.С. Виноградовым⁷⁶: «Болезнь выражается в опухоли половых органов; иногда опухоль распространяется и на бедра. Хомут набрасывают часто по злобе, а то просто «ради насмешки»; например, девки «подшучивают» над парнями; «бабы редко займутся такими делами», разве по просьбе девок. На конский волос, завитый в кольцо, наговаривают... и бросают его там, где намеченный человек должен пройти. Иной раз бросают так неострожно, что хомут может паст на невинного, например, на ребенка, — не всякий, умеющий надеть (набросить) хомут, может снять его. Снимают с помощью наговора, при произнесении которого больное место обводится пальцами и смазывается у животных — дегтем (причем одни знахари берут деготь с колеса, другие — прямо из «логушка»), у человека — коровьим маслом. Некоторые знахари больное место натирают какою-то травой». Этот наговор «от хомута» удалось отыскать тому же Г.С. Виноградову уже после напечатания указанной выше книжки. Текст его любезно сообщил мне собиратель. Он находится в рукописи с заговорами, которая представляет из себя 1/8 листа старой бумаги, письма конца XVIII—или начала XIX столетия на 36 нумерованных страничках; подмочена, кой-где закапана воском, тщательно зашита. Вот этот заговор:

«Стану благословясь, пойду перекрестясь издвери водвери изворотъ въ ворота въ чистое поле подвостошную сторону какияну морю наакияне море стоит латырь камень я приду рабъ божиі [имярек] налатыре камене сидитъ пречистая богородица Михайль архангель грозныхъ силъ воевода я приду помолюся ипоклонюся раба божия имракъ пособи и помощи от ворона вороновича от колдуна колдуновича от бабы колдуньи от девки простоволоски от двоезубова от трозубова от шепоты от ломоты стану я рабъ божиі пособляеть и

⁷⁵ О роли порчунов в бегах мне не удалось собрать сколько-нибудь определенных сведений, а передавать сообщения, полученные из вторых и третьих рук, я не считал возможным. Думаю только, что эта роль крайне характерна и значительна.

⁷⁶ Виноградов Г.С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилото населения Сибири (материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // Живая старина. Год XXIV. Вып. IV. Пг., 1915. С. 30.

наговаривать от всяких скорбеи и болезней о матушка кака река сколь ты быстро течешь смываешь круты берега и желты песка снеси ты у такова то раба божия имрак скорбь и болезнь и прогони ты скорбь и болезнь в чистое поле врукавишное море как отъ тела от меня отходить поешь такъ бы от его отходить от его от тела хомкть испод] хомутникомъ ключъ замокъ поить трава василишником лапушникомъ».

В той же рукописи записаны заговоры «на выбег».

1) В беги бегать.

Какъ гасникъ отъ меня неотходит деньну ниошну полуношну такъ бы отъ меня раба божия имракъ неотходил добрый конь како[й] шерсью⁷⁷ как плетью махну такъ бы остался бы какой шерсью⁷⁸ стегать поглазам⁷⁹ трижды».

2) «Власіш Медосіи пошел я рабъ божиі имракъ изызбы дверми изворотъ въ ворота в чистое поле подвостошную стороону съ добрымъ конемъ поводитца от строешнаго поперешнаго от колдцна от заугольника от рыжева от русова и закрои зашити ризою от востоку до западу поставь тынь огородъ надо мною на добрымъ конем моим».

3) «Во имя отца и сына и святого духа аминь отрыжева русова от чернова от прекослова от ворога супостата от колдуна от еретика <...>⁸⁰ зашитъ сам исус христосъ мать пречистая богородица ризою нетелен[ной] от земли и донеси от ста <...> тынь огород надомной надобрым конем нар<...> натъ конем над моим какой шерсью и некак <...> колдуну еретика и немог<...> не незритъ несмотреть — наменя раба божия имрак как от огня и от пламя жъ жеть и палить такъ от меня раба божия имрак жгло и палило и колдуну еретика сучева в зубы лемота въ щеки судорога в ноги железны муки въ глаза невидел бы меня раба божия накругу начерте и склонемъ моимъ какой шерсью во имя от отца и сына и святого духа аминь ключъ замокъ и возму ету свету молитву запру заключу инекому колдуну еретика ключи недостатъ и замка неотпереть».

Я думаю, что приведенные заговоры можно без особой натяжки относить к практике наших урульгинских беговщиков. Многие совпадения других деталей этнографии старожилго населения Восточного Забайкалья, с одной стороны — и русского старожильчества волостей, обследованных Г.С. Виноградовым — с другой, позволяют с большой долей уверенности умозаключать к совпадению и в случае с «хомутом», и с заговорами «на выбег». Эти заговоры, судя по их содержанию, предусматривают как раз те самые детали бегов, которые в моих наблюдениях только зафиксированы. Правда,

⁷⁷ Имя своего коня?

⁷⁸ Имя чужого коня?

⁷⁹ Указание наезднику? (указания Г.С. Виноградова).

⁸⁰ <...> — обгорело.

заговоры эти имеют в виду как будто лишь лошадей, а между тем, кроме лошади, могут испортить и седока, которому поэтому опытный ладильщик от себя не отпускает, чтобы не сглазили, а перед самым бегом седоку моют лицо «крещенской водой»⁸¹. Но об этом подробнее после, а сейчас в порядке очереди – «про лад».

* * *

Дает показания Сергей Стуков. Сашка сидит на скамье рядом; тут же в «куте» случайно забредший товарищ Сергея – Иван Фомин, тоже «спец» по бегам, а главное, верит в «запуки» (Фомин «очень из тунгусов»). Сергей: «К настоящему бегу ладят коня двенадцать дней. Можно шесть, четыре, три. Хорошего – дольше. В бег коня закармливают: в волю овёс, сено».

Некто Луговской, Сергей Степанович, урульгинский старожил, продиктовал своему сыну, моему ученику (второй ступени в 1921/1922 годах): «На бегунце ездят «добровольно» до Петрова дня, а некоторые и до 20 июля. Потом отпускают его на волю «гулять» до 10 или 20 октября. Ловят, выдерживают, кормят овсом и сеном – «вволю», месяц или полтора. Перед бегом берутся ладить. Лаженьё продолжается смотря по лошади: если жирная – суток двадцать. Я свою лошадь ладил двадцать один день».

Ладильщик Стуков Сергей: «Потяг (от слова потпотить) сначала небольшой. Постель на фсё прясло (корпус лошади), седло, поездить ступью, погорячить. Сразу не расёдлывать, ослабить подпруги, чтоб спину не сдуло. Расседлают, на ветер свяжут, штоп задрожжал, просох. Потом опушшают на вольно сено. Ес[т] пока станет на отстой; ведут поить. После вады – авёс. Авёс поес – подойдет к сену (вольно); вяжут на фсю ночь на стойку. Стоит до свиту. Атзаривать начнёт – апушшают на вольно сено. Наесса – поить вволю. После вады хлеп даёцца. Ставят на весь день. Перед заводом маленька покормят, попоят. Водят». «Водить, канешна, смотря по коню, как будет подбирацца» (Фомин).

⁸¹ М.К. Азадовский напомнил мне подобное же отношение к седоку в «Анне Карениной»: Вронский перед скачками собирается ехать к Карениной, Кэрд (жокей) неожиданно спрашивает: «А вы куда едете, милорд?» употребив название *tu lord*, которого он почти никогда не употреблял и т.д. Правда, Кэрд смотрит на свое дело весьма позитивно («первое дело быть спокойным перед ездой») и о «сглазе» как будто не думает, но его отношение к бегам и отношение к лошади – совершенно в духе наших урульгинских ладильщиков (напр., «пожалуйста, не говорите громко. Лошадь волнуется...») И вообще, надо предположить, что европейские жокеи подмешивают к своему ремеслу немалую долю «мистического» элемента, – о чем, по крайней мере, свидетельствует недвусмысленно Л.Н. Толстой, из современных беллетристов – Лидин.

Сашка дополняет: «Авса по 3 фунта, сушонава, вытолчинова». Свою «рыжуху» Сашка после пота сразу к воде, и мыл. «Пока четыре ноги все вместе не сведет — все мойшь. Потом обсушивать — водишь горой». В день бега утром шесть глотков воды и фунта полтора овса; перед заводом — четыре глотка воды.

Из записки Луговского: «Для бегунца подковы должны быть ровные, вес одной подковы не больше полфунта, шипы — низкие».

Абдеевы дополнения: «Ладильщик силу поставит на точку. Приведем в рыхму (рифту?). Кавды ездить — знат. Расстоянье много роль играет⁸², ф каком теле, какой конь, какое телосложение. Конь сырой, тело крепко — два пота, вымороску дас. Выезнова коня надо постоянно держать, а ни так, штобы ел да потел — ета уш ни конь. Сытому коню — распарка. Ежли конь распачённый — у него шерсь мохната, дыбтом. Надо выдерживать. Ежли ж жару накормили — много влият». Когда идет лад: «Спит ешли [бегунец] — даже не шарк, когда соснет, будет поедать — вот он иво гладит, дает ишо больше, дескать будит ли ись. Ешли конь нервничит, злицца — ф то время надийет узду, водит, разминат — значит, конь сам себя принимаецца ладить. Браци строго блюдут за ладом. Вопче кормят, потят, морозят; дён десять — восемь ладят. Когда опустят кормить, штобы никто не шаркнул, ни стукнул, сам [ладильщик] осторожно адин ходит: смотрит, как спит, как ес. Кавды ладить стали — и тибя [седока] тут же доржат; ежли пробовать — чтобы никто ни знал. У них [у бурят] воичины: Кавды атдыхат — настелят мякка сена, гавёшки убираёт. Как спит — ф шэлку глядят. А у нас чё? — идут оравой. У бурят ешли спит — ни отнюдь».

Здесь кстати же прибавить некоторые наблюдения урульжан относительно добротности лошади вообще. «Кобыляя виноходь, что бабья грамота» (Сергей), — разумеется при этом, что и баба и кобыла — первая в грамоте, вторая в иноходи, тоже и в беге — хороши до первого ребенка и до первого жеребенка. — «Не покупай коня из почты, не бери жену ис стряпок, не ходи по улице бис трости» (Сергей). Потому что лошадь из почты, как жена из стряпок — «худнога, запалёна, загната». На коне не бегают, когда у него «зуборон» (зубы падают: передние с трех лет, коренные с четырех) — конь обессиливает и в беге «не так уж» (Сергей).

Бегунца выводят со двора — торжественный момент. Кладут «оберечь» — на бегунца и на седока. «До межн седока ведет иногда хозяин, иногда ладильщик» (Луговской).

Сергей Стуков: «Обережник свой делат: нальет воды с наговором (если крещенска вода — без наговору) — Фомин), перед заводом

⁸² Абдей пугает в окончаниях 3 лица «ает» и «ат». Вообще, в моих записях больше попыток точной фонетической передачи урульгинского говора, чем действительно выполненного намерения.

в избу собирающа, посидят. Стают, хозяин скажет: «Господи бласлави», бирёт стакан с водой, чёлку мочит [потом] по фсему пряслу выливает стакан. Новой [иной] ишшо абизательно дымыкурит: угли горячи, какой-то есь каришок такой»... Оберець предохраняет от порчи. Еще приемы обережи:

«Воск от боговой свечки связывают под гриву с наговором» (Сергей Стуков);

«Мылом, которым мыли покойника, потереть под гривой бегунца» (бабушка Анна)

«Штобы «прафшим» был, привязать к чёлке нательный крес[т]» (Сергей Стуков).

Я спрашивал Абдея: «какие молитвы читают, когда выводят бегунца из дома — для обережи?» Абдей ответил не сразу, потом сказал неопределенно: «Вопче, помощница и заступница, из доскреснет бох, живые помощи.»

Но вот повели. До межи ведет хозяин или ладильщик. Седока не отпускают ни на шаг. По дороге к мете бегунца может испортить женщина⁸³. Поэтому впереди идет кто-нибудь из «своих» и отгоняет всех посторонних. Абдей: «Я приметую кладу: кажнова бегунца просмотрю на нижней черте. Черты черти раньше, штобы коня не одерживать. Когда перешагнет правой ногой — хорошо»⁸⁴. Я примечаю: конь в другой раз туманный, невеселый, как человек, бувае — ладильщик што-нибудь пустил». Бабушка Анна говорила мне: «Ладильщик не должен ругацца по-матерни».

Когда бегунца ведут «на мету» — кони ржут на встречу: «в голос начнут прекликацца — значит, будит прафшай. Старики примечали... Иногда на заводе [на «верхней мете»] который конь ни подильный — на прафшаво нагледецца не может, а етот дажи и не глядит» (Фомин).

Бегунцов ведут «спускать», а в это время дома заинтересованная семья в большом волнении. Дома, впрочем, остались только «маломочные» женщины да совсем старые старики. Все «могущее» население деревни к моменту большого бега предстоит на «нижней мете». Но оставшиеся дома, говорю, не теряют времени напрасно: все собралось вокруг какой-нибудь старушки, которая ворожит: раскладывает две одинаковых булочки и «нетронутые» сядит в печь на «ровный пот» — замечает бегунцов; у которой булочки выйдет длиннее голова — тот конь и «убежит»; раскладывает пасьянс «на четыре туза»; свечи «жгет» одинаковой величины; лопатку баранью — за-

⁸³ В Уненкере (соседнем с Урульгой селе) женщинам и девушкам нельзя шагать через конскую сбрую: если шагнет через узду, у лошади будет течь слюна, если через хомут, через седелку — лошади будут потеть.

⁸⁴ Вариант: если на первую мету правой ногой ступит — прафшой будит, левой — вопче чо-то такое задерживат» (Абдей).

мечает по трещинам (?); «жгет» нитки: которая вперед сгорит — замечают на нитку бегунца. На картах ворожат на голодный («на-тошах») или в то время, когда «ведут» (сообщила о ворожбе Анна Михайловна Стукова).

Бегунцов «спускают». Привели к верхней мете. Выступают новые действующие лица — «спушшенники» и «нуки». Первые — это два всадника, которые будут «спускать» бегунцов. Нуки (от слова «ну!» — пошел!) «двоя с обеих сторон по человеку на верхней мете (вроде понятых) — те же свидетели гля тово, ежли какая неправильность. Рас сказали: «Ну!» — начить [значит] опустить должен» (Абдей). Тут выясняется необходимость строжайшего контакта спшшенников с нуками. «Ежли неповоротливый спушшенник, нук скажет «ну!» — а он не апустит, другой же апустит — конь две меты дас у нево уш теряцца. Спушшенник может коня спутать... Коня надо ярить, штоп конь сам себе находил ускок, расшивеливай. И в сторону глядеть — за посторонным нуком, штобы впирёт не апустил. Ежли положицца особенно на маленько расстояние — выбирай как коня же и человека [спушшенника] (Абей). Плохой спушшенник сам себе коня держит напоперек». Впрочем, конь на спуску «сам зрит». А тут еще «скукали да зухали, да взади плети две-три — конь пошел с аднаво нука. Ежли противник опоздал, спустил взади — дело мое, удачей взял» (Абдей). «Иногда нук распределяцца по спушшенникам, хто первый скажет: «пошли» (Николай Гантимуров).

Но вот, так да сьяк, бегунцов «спустили» («Апустили! Пошли!» — кричат на нижней мете толпа всадников иногда человек тысяч три). Теперь весь бег зависит от седока.

Я позволю себе привести отрывок из одного моего рассказа, который был напечатан в читинской газете «Фонарь» (1923 г., №8). Дело идет о переживаниях седока. Они мне знакомы потому еще, что в детстве я сам «сидел».

«Пошли... Смотри, чтоб не остаться на месте, прижимай ноги в паха, подайся к гриве... Все исчезает, только ветер в ушах свистит. Во рту сухо, а сердце бьется медленно и тяжело; почти не дышишь. Но сидеть легко, качает, как в зыбке. Кизгины (повод) бросить на гриву, в обеих руках плети.

Очень важно «выскачить» первым. Хороший седок старается это сделать, помогая своему внуку: ударит с меты, вдруг, резко, в обе плети. А если «ушел» вперед и уж не слышно, где отстал противник, все же смотри на дорогу зорко. Седоку, если он уходит вперед, может «почудиться»: например, увидишь, будто по дороге твоему коню под ноги катится бочка или из-под тебя вылететь хочет. Ну, тут опытный седок должен сказать: «во имя отца, аминь» и будто махнуть вправо рукой, и все исчезнет. Зато, если подходишь к мете первым — то, доложу я вам, это такая сарана с пирогом, что отдай всё

да и мало. Целая деревня народу (иногда пять-шесть деревень съезжаются) расступились улицей, ревут. Рев начался с самого спуска: «Калтары-ый», — затянет деревня, когда ясно, что калтарый (гнедая масть, слово манджуро-тунгусское) с первого «ускока» вылетел вперед. Нукают, ухают, а кто просто орет, как зарезанный, потому что нельзя молчать, все опьянели, стоят бледные с дико остановившимися глазами. Сажень за сто седока подхватывает этот усиливающийся вой. Мета мелькнет, пройдешь по ней, как по огню. Только теперь подхватишь повод, задернешь. Окружают возбужденные люди, чуть не целуют и лошадь, и седока. Опять подана кошевка, едешь домой, гордо озираясь на товарищей, которые скачут за тобой шумной оравой на пузатых клячах до самого дома».

В заключение, не лишним будет сказать, что мой метод собирания материалов о конских бегах кажется мне далеко несовершенным. Я нахожу его слишком арифметичным, тогда как почти всякое этнографическое явление требует прежде всего качественного к нему отношения: необходимо вживаться и, по возможности, переживать то, что исследуешь — если дело идет не о жуках и кварцитах, а о человеке и его страстях. Я не «сделал бега» сам. Следовало бы самому «заколотиться», пригласить ладильщика, вместе с ним встать до зари, выполняя все его советы, замечания. Кроме того, я не сделал снимков, зарисовок. Не осветил роли ведунов.

МЭДЭН

К вопросу о взаимоотношениях русского и монгольского пограничного населения*

В долине далекой Джиды, среди монголо-бурят и тунгусов (хамнеганов) — природных обитателей этого края, вкраплены кое-где русские поселки. Это прежняя сторожевая линия казачьих пограничных караулов. От Троицкосавска до Кяхты, на запад по направлению к Тунке, на пространстве более четырехсот верст тянется длинная цепь таких поселков. Теперь это сравнительно большие земледельческие села: Цаган-Усун, Боций, Желтура, Хулдат, Харацай, Цажей, Хамней, Цакир, Модонкуль, Шаразарга и отдаленная Ключевка. Чаще всего эти села расположены в долинах южных, горных притоков Джиды, стекающих с зарубежных монгольских хребтов, иногда же ютятся в падах, открывающих дорогу за границу.

Своеобразными причудливыми зигзагами ломается пограничная линия. Местами граница почти подходит к шумливой Джиде, местами удалена от нее на два и больше десятка верст. В памяти старожилого населения сохранились отрывки каких-то смутных рассказов о приезде русского графа Саввы, спорившего с китайцами из-за пограничной линии. Народная память не исказила исторической действительности — как известно, южная граница с Китаем была установлена Буринским договором 20 августа 1728 года и переговоры со стороны России действительно велись «полномочным послом» Саввой Рагузинским. Запомнились, между прочим, и некоторые детали этого события. Изустно передается рассказ, как обе стороны (т.е. русские и китайцы) прибегали ко всевозможным хитростям, лишь бы как-нибудь урвать друг у друга лишнюю версту территории.

Оба посольства ехали одновременно рядом, состязаясь в скорости движений, причем каждое старалось захватить вперед и пересечь противнику дорогу. Оплошавший принужден был тогда ликвидировать заезд обходным движением. Вот почему, повествует предание, пограничная линия идет такими причудливыми зигзагами, бросаясь из стороны в сторону. Там где она глубоко вдается в русскую территорию — расторопные китайцы, снабженные лучшими проводниками, успели опередить зазевавшегося графа.

Прежде граница была отмечена засечками и столбами, которые обе стороны обязаны были держать в исправности, кроме того вся пограничная линия была прочерчена с обеих сторон особым способом. По преданию, лошадь, запряженная в особую небольшую сошку, где сошником служил большой сук лиственницы, проезжала вдоль границы с той и с другой стороны.

* Этнографический бюллетень. Иркутск, 1923. №2. С.1—4.

Время от времени черта эта пропахивалась и возобновлялась. Между бороздами, сделанными китайцами и русскими, оставлялось небольшое, сажени в две шириной, нейтральное пространство.

Пограничным дозорам вменялось строго следить, чтобы трава на этой полосе была не примята. Если случалось заметить, что трава где-либо притоптана, то следы тщательно обследовались и «сдавались» караулу той стороны, откуда исходили, для отыскания виновного. До выяснения личности самовольно перешедшего границу след тщательно охранялся: его закладывали камнями или дерном, чтобы не повредили дожди или ветры. В падах против сторожевых поселков, на проезжих тропах по обоим сторонам устанавливались столбы. Один из них имел в верхней своей части отверстие, через которое продевался шерстяной шнур *оилгао* (по-русски «синка»), привязанный к другому столбу, шнур этот запечатывался представителями пограничного населения с обеих сторон. Таким образом, в обычное время дороги были запечатаны таким своеобразным способом. В остальных местах границу перейти было трудно, т.к. след легко выдавал виновного, а обе стороны, заключившие договор о таком способе охраны границы, умели твердо его соблюдать, выдавая друг другу виновных на расправу.

Однажды в год, обычно летом или ранней осенью, представители пограничного населения обеих сторон посещали друг друга для поддержания прежних добрососедских отношений и подтверждения договора о порядке охраны границы (*мэдэ мэдэхэ*).

В присутствии представителей от обеих сторон шнур обрывался, представители населения (обычно это были почтенные старики) перезжали границу, а за ними спешили пробраться туда толпы торговцев и контрабандистов. До возвращения делегации дорога была открыта. Каждый казачий караул при возобновлении договора имел дело с тем монгольским населением, которое жило против участка границы, охраняемой этим караулом. Делегация для удостоверения личности и полномочий должна была вести с собой и предъявлять за границей половинку деревянной дощечки, на которой в сжатой формуле писался по-монгольски договор о добрососедских отношениях (одна из виденных мною надписей гласила: «с той стороной дружбу открывающая дощечка»). Этот оригинальный документ и назывался *мэдэном* и обычно с большими предосторожностями старательно хранился у поселковых атаманов, вторая же его половинка с такой же надписью — в монгольском *ямане*.

Если предъявленная половинка точно совпадала с отколотой от нее частью, то монголы убеждались, что приехавшие гости — действительно полномочные представители русского пограничного населения. В честь прибывших устраивался народный праздник (*цайлаган*, или «банкет», как именуют его крестьяне). Лучшими монголистами произносились цветистые речи, где в витиеватых выражениях обе

стороны уверяли друг друга в дружбе, которую предполагали сохранить и на будущее время.

Кололись бараны, лилась широким потоком молочная водка. Через некоторое время монгольская делегация появлялась в русском поселке. Опять та же церемония, те же речи. Деревня в складчину приобретала для угощения гостей 2–3 баранов и несколько ведер араки.

Наслушавшись дружественных речей и уверений во взаимной приязни, удовлетворенные соседи спокойно разъезжались до нового года.

Практически договор имел большое значение и его умели хорошо соблюдать. Русский, обижавший монголов на территории их страны, выдавался им для наказания своим поселком, и монгол, напроказивший во время своих поездок в поселке, нес возмездие у русских, выданный своими сородичами. Краж и взаимных обид почти никогда не бывало.

Время шло, граница перестала так тщательно охраняться. В область преданий отошли заградительные шнуры и печати на проезжих дорогах, но от далекой старины консервативная память народа сохранила странный обычай ежегодных приветствий и подтверждения договора о добрососедских отношениях. До самого последнего времени представители обеих сторон аккуратно, каждым летом посещали друг друга, а в станичных управлениях (теперь ревкоммах) и в монгольских ямнях тщательно хранились затертые, ветхие дощечки с едва различимыми письменами союзного договора. Население придавало этому обычаю большое и серьезное значение. Действительно формальная традиция приобретала большое практическое значение для обеих сторон.

Русские крестьянские села, часто небогатые землей, имели свои сенокосные угодья за монгольской границей, там же были и промыслы — рыбный и охотничий, а иногда и кедровые орехи набивались попутно в богатых кедровниками заграничных горных «гривах».

Монгольское пограничное население, минуя всякие формальности, ездило за товарами в русскую «потребилровку» или лавчонки сельских торговцев, вместо того, чтобы тащиться в далекий Ван-Курен.

Монголы, никогда не выкашивавшие всех своих угодий, ежегодно по традиции оставляли своим русским соседям определенный участок (джасса), который и выкашивался безвозмездно русскими крестьянами для своих потребностей.

До последнего времени хозяйственные интересы русского старожилоселения и пограничных жителей Монголии были тесно связаны друг с другом.

Правда, последние богатые событиями революционные годы осложнили быт далекого, глухого края. Набег Унгерна окончательно выбил местную жизнь из привычной колеи, но старый обычай еще не забылся и не оставлен — обе стороны ждут возможности возобновить добрососедские отношения.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ШЕРСТИ И ВОЙЛОКА В АЛАРСКОМ АЙМАКЕ*

В довоенное время у бурят Аларского аймака не было почти ни одного домохозяина, который бы не имел хоть одной овцы. Зажиточные хозяева имели по сто с лишним овец, а самые бедные — 2–3 овцы. За годы гражданской войны, начиная с 1917 г., в связи с общей разрухой народного хозяйства, у бурят, по сравнению с прежними годами, сильно сократилось скотоводство.

Вспоминается, как в детстве, когда зайдешь, бывало, с ребятишками в богатую юрту в своем улусе за сбором сметаны⁸⁵ для предстоящего ночного надана (вечеринки) — сразу же бросались в глаза красиво расписанные орнаментом «бараны» — ящики с ножками, открытые с верхней и с нижней стороны, расставленные у стены юрты, по левую сторону от входа в нее, а на них сложенные в несколько рядов белые, как снег, войлоки, на которых лежат одеяла из овчин, покрытых бумажной материей, а поверх их — подушки. Внизу, между ножками «барана», вкладывали тары из волос, сложенные складками, заполняя, таким образом, все пустое пространство. Такая обстановка в юрте явно подсказывала каждому, что здесь хозяин имеет много скота, в частности, овец и коз.

Скотоводство у бурят Аларского аймака и поныне носит старый, примитивный, «дедовский» характер. Население еще мало осознало доходность улучшенного овцеводства и козоводства.

Обыкновенная бурятская овца, которую держат зимой в тесных и душных хлевушках и кормят грубым сеном и соломой, без всякого поила, дает к весне, при стрижке, самое большее 1 кг шерсти, а козы еще меньше.

Но за последнее время, с возникновением коммунальных хозяйств среди населения Аларского аймака, где преимущественно разводятся породистый скот, буряты, имея постоянное сношение с ними, мало-по-малу начинают сами понимать и убеждаться в том, какую громадную пользу может принести улучшенное овцеводство. Некоторые буряты уже завели у себя выродков испанских тонкорунных, мериносовых овец, способных дать при таком же уходе, как

* Бурятияведение. 1928. №1–3. С. 139–148. Статья составлена на основании личных наблюдений над указанным производством и отчасти на основании сведений, сообщенных гр. Матаровой (Мэрдыеевой). В научной литературе этот вопрос почти не затронут.

⁸⁵ Сметана собиралась детьми обыкновенно в первые три дня летнего тайлагана — в честь Баруни-эрэн-юун хад, юун саган тэнгри; варилась опытной девицей с мукой, и получался т.н. зохэ.

и за простой овцой, от 3 до 5 кг первосортной шерсти и в 4–5 раз больше мяса и сала, чем простая овца. Например, простая монгольская овца, разводимая прежде теми же хозяевами, давала от 10 до 12 кг мяса; бараны — от 12 до 16 кг, а мериносы-рамбулье теперь им могут дать от 49 до 65 кг мяса — овцы и от 65 до 81 кг — бараны. Мериносовых овец как буряты, так и русские крестьяне называют «шленкой».

Буряту овцы приносят большую пользу, одевая его с ног до головы и кормя своим мясом и салом. Тулупы, шубы, полшубки, одеяла, дохи, катанки⁸⁶, вязанки, чулки, шарфы, теплые платки и шали — все это дают овцы и козы. И все эти предметы буряты, имеющие овец, изготавливают у себя, не прибегая к денежным затратам.

Буряты прежде любили белых овец; даже когда рождался в стаде пестрый или черный ягненок, это считалось плохим признаком, предвещающим болезнь хозяевам, ибо шаманы приносят в жертву духам именно таких овец и баранов. Теперь, постепенно освобождаясь от религиозных предрассудков, буряты перестали разбираться в масти овец; в тех местах, где вяжут платки и шарфы, предпочитают и ценят овец с бурой и голубовато-серой шерстью.

Я выше говорил, что у бурят сократилось овцеводство, по сравнению с прежними годами, но они не унывали, а, наоборот, старались всеми силами поддержать и расширить его, т.к. они не могут жить без овец, — каждому из них нужны шуба, одеяло, унты, рукавицы из овчин и чулки, вареги, катанки, платки, шарфы из шерсти.

За 1920–1921 и 1922 годы, когда ощущалась в стране острая нужда в товарах, изделия из шерсти и волоса занимали у русских крестьян и бурят первое место. С прибытием в Сибирь беженцев, в связи с голодовкой в 1921 и 1922 годах, главным образом, крестьян Приволжья, магометан, бурятские женщины научились от них вязать шали, платки и шарфы из шерсти разного цвета. Уменьем вязать отличались татарки из Симбирской и Казанской губерний. Даже дети научились от них плести из разных волос (белых, рыжих и черных конских волос из хвоста) браслеты и кольца.

Овец и коз буряты у нас стригут весной, в конце апреля по старому стилю, перед тем, как отдавать их пастуху. За день до стрижки женщины, если много овец в хозяйстве, зовут к стрижке соседок девиц и невесток, а мужчины точат и правят ножицы.

Утром на другой день, загнав овец и коз в маленькую стайку или ограду, девицы, иногда и молодые мужчины, начинают ловить их. Если собралось много женщин, то ловят по 2–3 овцы зараз. Пойманную овцу или козу кладут на спину на «камусовый» поло-

⁸⁶ Изготавливают русские пимокаты.

вик (*хугсар*⁸⁷), причем буряты очень осторожно обращаются с левым боком животного, чтобы «не повредить селезенку»; затем связывают все четыре ножки волосяной веревочкой, т.к. другие конопляные веревочки и ремешки врезаются в тело, и в результате происходит омертвление конечностей животного или хромота. Перед тем как связать ножки, стригут всю шерсть с брюха, которая должна была оставаться под связанными ногами. При стрижке ягнят и козлят делают надрезы на ушах, т.н. пятна — им. Рану засыпают сухой землей или древесной золой (см. рис. 1).

При стрижке обыкновенно сортируют шерсть по качеству и цвету и собирают каждый сорт отдельно. Шерсть со спины овцы или барана считается перво-сортной, т.к. она чиста и длинна; шерсть ягнят идет на вязание платков и шарфов.

Шерсть хранят в особых берестяных турсуках, из-под *арса*; буряты называют их еще *арсан торхо*, потому что, когда в старину преобладала среди бурят молочная, здоровая пища, в этих лукошках фильтровали густую, молочную барду — *бозо*, из которой варили весьма полезный напиток — *арс*. Недаром старики и старухи со вздохом вспоминают степь и пестрые, бархатные луга, с многочисленными стадами, и здоровый напиток *арс*. Они отчасти и правы, когда укоряют нас, молодых, хилых и слабых их наследников, что не стали пить *арс* и употреблять молочную пищу. Но тут, пожалуй, виновато царское правительство, утеснившее бурят переселением и череполосицей и отнявшее у них привольные степи и луга.

Дождавшись жарких летних дней, хозяйка вынимает шерсть, предназначенную для катания войлоков и потников, и сушит на солнце. После сушки шерсть подвергают взбиванию — сухим, тонким стволем черемухи, похожим на шомпол дробового ружья, длиною в

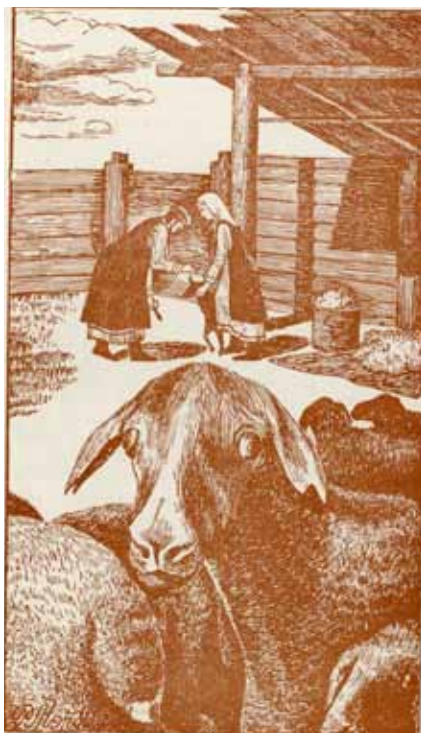

Рис. 1. Подрезывание ушей у ягнят и козлят

⁸⁷ Хугсар стелят под овцу голой стороной вверх.

метр с лишним, называемым по-бурятски *хаба*, т.е. шерстобитная палочка. При взбивании женщины держат в руках по одной такой палочке *хаба* и поочередно бьют по включенной шерсти, разосланной на полу, на том же половике *хунсар*. При мгновенном поднятии палочки, они так ловко вытряхивают шерсть с палочки, что, пожалуй, если посадить на их место неопытного мужчину, то он разбросал бы всю шерсть по юрте. Звук от свиста и треска палочек получается ритмический, невольно хочется или подплясывать или посвистывать в такт звуков.

Затем идут сборы к катанию войлоков и потников. Так же, как и при стрижке, хозяйка зовет «на помощь» соседних девиц, невесток и старух. Для старух высиживают два-три котла молочного тарасуна — *идени арси*. Катанье производится в юрте.

При катании войлоков и потников одна из старух становится распорядительницей и распределяет между женщинами работу. Женщины умеющие раскладывают шерсть на кошме, одна из женщин греет воду, и в котел с кипящей водой льют немного кислого молока; при таком растворе войлоки и потники очищаются от грязи и перхоти. Дети следят за огнем под котлом, время от времени подбрасывая щепок или мелко расколотых дров. Хозяйка приносит в юрту большую холшовую кошму, обливает ее водой и на ней, на полу, невестки и старухи начинают *зулаха*, т.е. расстилать шерсть такой толщины, какой должен быть войлок. Старуха-распорядительница берет черепок от разбитой чугушки или горшка, кладет на него горячие уголья, на них насыпает мелкой *арсы* — можжевельника — и подкуривает кошму с разложенной на ней шерстью; для этого кошму приподнимают над полом. Это делается для того, чтобы «не осквернился приготавливаемый войлок», считающийся «священным», спустившимся когда-то в старину с неба. Затем, когда женщины опускают кошму на пол, та же старуха берет чашку с тарасуном и капают на шерсть, приговаривая при этом заклинания заяну — покровителю войлочного производства, для успеха в дальнейшей работе.

После этого, загнув концы кошмы, обильно поливают водой из большой деревянной поваренки — *шанга*, или из ковша⁸⁸ шерсть на кошме; на одном крае кошмы кладут длинный круглый шест, концы которого выступают за края кошмы, и обертывают кошму с шерстью вокруг этого шеста; свободный край кошмы зашивают редким швом волосяными нитками (*сялеа* — *хан хабар*). Затем берут веревку, связывают ее концы и, вытянув ее так, чтобы обе половины образовали параллельные линии, каждую половину веревки, в средней ее части, обертывают один раз вокруг кошмы, наверху на шест и образу-

⁸⁸ Теперь находчивые женщины поливают шерсть на кошме из огородной лейки и считают такой способ очень удобным.

ющей вала и начинают катать войлок на веревке, как показано на рис. 2. Женщина, греющая воду, время от времени вливает горячую воду с молоком в щели между швом. Войлок или потник катают в течение полутора часов, затем переворачивают уже сросшийся войлок на кошме, снова зашивают его и продолжают катать в течение часа; затем снимают с кошмы этот войлок и дают катать другим женщинам, а сами начинают раскладывать шерсть для следующего войлока указанным способом.

Войлок, снятый с кошмы, катают на чистом полу или на кровати, без шеста, руками, три или четыре женщины. При этом ежеминутно зажимают края войлока, чтобы они не расходились; эти края называются ртами войлока — *игэн аман*, или *нигэн аман*. Зажимая «рты» у войлока, невестки думают, что зажимают рот у злой своей свекрови, — поэтому такая работа считается до некоторой степени «полезной».

После такого катанья войлок уже готов, и его выносят на улицу и раскладывают для просушки на солнце, где-нибудь на драницах или на навесе (сарая) *һарабша дэри*, но отнюдь не на траве.

Приблизительно в день при десяти работницах можно выделать около 5 или 6 войлоков.

Неудавшийся потник или войлок старухи принимают за дурное предзнаменование: или с хозяином, или с хозяйкой случится несчастье.

Катание потников ничем не отличается от катания войлоков. На потниках только ставили раньше из слегка скроенной шерсти клеймо хозяина (если белый потник, то черное клеймо, а если черный — то белое клеймо), чтобы, при потере потника, можно было искать по клейму. Теперь грамотные женщины ставят инициалы имени и фамилии хозяина из букв русского алфавита.

Сушка войлока на солнце продолжается два-три дня, пока войлок совсем не высохнет; ночью или во время дождей войлок убирается в свободную избу.

Шерсть для вязания чулков, варегов, шарфов и платков берется со спины овцы, а также идет шерсть ягнят. К вязанию приступают уже осенью, по окончании страды.

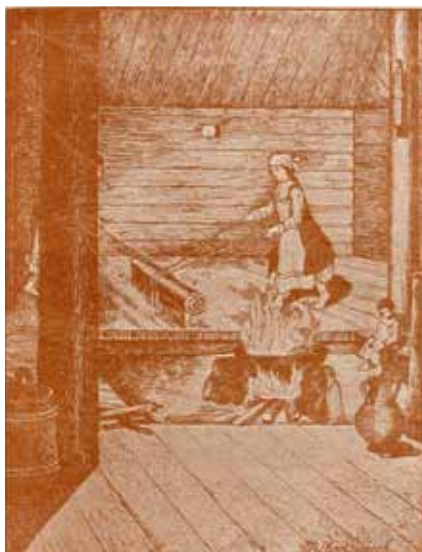

Рис. 2. Катание войлока

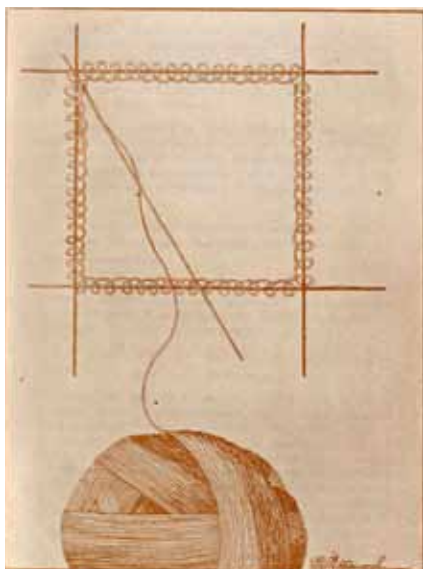

Рис. 3. Способ вязанья

боте, и эта хвала разносится по всему улусу. Горе той невестке или девице, которая не следует такому примеру, а бережет свое здоровье...

По окончании работы пряжу скручивают и делают мотки, и в мотках моют и снова сушат у печи. После сушки пряжу сматывают в клубок — *бонсгэ*. Наконец, начинают вязать чулки. Вязанье чулков производится пятью иглами. Начинают вязать так: берут одну иглу, на ней нанизывают из пряжи от 10 до 13 петель, по размеру чулков, в один ряд, не отрывая ее; затем берут вторую иглу, на ней то же делают, что на первой, и так третью и четвертую иглы. Потом концы первой и четвертой игл соединяют, образуя при этом квадрат (см. рис. 3). А пятой свободной иглой производят вязание с того угла, где соединены концы первой и четвертой игл. В процессе работы иглы, поочередно освобождаясь, каждая исполняет роль пятой иглы. В общем, вязание чулков у бурят ничем не отличается, по-моему, от вязания у русских женщин.

Никаких украшений на чулках бурятки Аларского аймака теперь не делают, тогда как в старину они украшали их орнаментами. В наше время чулочная орнаментация господствует в Эхирит-Булагатском аймаке, особенно на о. Ольхоне. П.П. Хороших собрал большой материал по чулочной орнаментации у бурят.

Прежде всего шерсть сушат в теплой печи, затем теребят ее. В этой работе принимают участие все женщины в семье и даже маленькие дети. Прядут шерсть только умеющие женщины. Эта работа — очень утомительная, занимает много времени⁸⁹. Бурятки без перерыва сидят часами, даже ночами — многие из них даже от этого страдают бессонницей, малокровием. Вообще бурятские женщины, если сядут за какую-нибудь работу, например, шитье, вязание, прядение и т.п., встают только когда нужно обедать или ужинать, или же перед рассветом. Зачастую такое злоупотребление здоровьем молодыми женщинами своим здоровьем среди старух принимается как усердие к работе,

⁸⁹ Теперь буряты заводят самопрялки, благодаря чему не только облегчается труд, но и повышается в несколько раз его производительность.

В старину из шерсти буряты вязали голенища к унтам, наподобие теперешних бурок. Они назывались по-бурятски *шудыти* — вязаные унты.

Вязание варежек производится посредством одной иглы и походит на плетение корзин. Сначала делают из пряжи небольшой круг, в две пряди, и затем постепенно окружность заполняется пряжей, при помощи иглы, крест-накрест. Из шерсти вяжут еще перчатки и шапочки-колпачки для старух.

Перед тем, как приступить к описанию изделий из волоса, я коснусь немного порядка снятия волос бурятами с рогатого скота и лошадей. Рогатый скот у бурят нашего аймака постепенно мельчает и вырождается. Так оно и должно быть, поскольку буряты не знакомы с научным ведением скотоводства. Но некоторые буряты уже взялись за улучшение породы рогатого скота и стали приобретать со стороны производителей из молочно-симментальской (швейцарской) и ярославской породы и мясо-молочной холмогорской породы. Правильного ухода за этим скотом они не знают и потому польза от них получается пока незначительная.

При продаже коров и быков каждая хозяйка обязательно подрезает у них хвост. Это делается для того, чтобы не выпустить из «пригона» для скота (*хурэ-согһонь*) т.н. *хышик* — скотоводческое счастье. По старинному поверью, в каждом хозяйстве покровительствует скоту особый *заян* — дух, который имеет чудесную силу для размножения того или иного скота. Упустить эту силу — *хэшик* из хозяйства считается немалым грехом и ущербом в хозяйстве. Этим *заянам* многие из бурят и теперь приносят особые как общественные, так и индивидуальные *тайлаганы*, для испрошения *хышика* — осенью, по окончанию сенокосной страды, — общественные, и, по уборке хлебов — индивидуальные. После совершения последнего тайлагана в хозяйстве держится строгий трехсуточный запрет — *хорюл*. В течение этого *хорюла* абсолютно ничего нельзя давать постороннему, нельзя кричать в «пригоне», бить и ругать скотину, сильно хлопать воротами; в противном случае, при несоблюдении этих правил хозяевами, только что вымоленный *хышик*, еще не успевший вселиться в хозяйство, может вместе с отдаваемым предметом отойти к постороннему хозяину; или же, если не соблюдается мертвая тишина и не относятся к скотине с любовью, то может отойти, ускользнуть *халыха* из хозяйства. *Хышик*, поэтому, является как бы живым и чутким существом. Хвост подрезают и у заколотой на мясо или павшей от болезни скотины.

С наступлением теплых весенних дней, когда сойдет снег с полей, появится кое-где травка, и всюду жаворонки поют, скот неудержимо рвется в поле, на волю после долгого зимнего заточения в «пригоне», где, если хозяин человек скупой, он кормится скудно — соломой и

самым плохим сеном. Хозяева, сняв гривы и хвосты у лошадей, выпускают их на волю, на все лето.

Снятие гривы у лошадей в хозяйствах, где имелось раньше до 20–30 кобылиц, проводилось торжественным образом (*адна дьлһылхэ*). Хозяин собирал в улусе молодых и сильных мужчин (*залу хубуһь*), которые, собравшись, ловили лошадей петлями, искусно сделанными из веревки и прикрепленными к концу длинного шеста, ловко накидывая их на шею лошадей. Табун отличается дикостью. При ловле раздается сильное ржание кобылиц, топот, а также крики и смех людей. Ребятишки, выбежав из избы, смотрят снаружи двора в щели забора и как только табун побежит в сторону их, они с испугом отскакивают от забора, потом, переглянувшись, смеются и опять продолжают смотреть. Табун загоняется в просторный с высоким забором двор. Здесь очень осторожно обращаются с жеребями кобылицами, чтобы не случился выкидыш. Гриву с кобылиц и молодых жеребят снимают почти всю, оставляя только на макушке головы, между ушами, хохолок. У жеребят, кроме гривы, снимают волосы и с хвоста, оставляя небольшой пучок.

У жеребят до снятия гривы делают на ушах такие же надрезы, как у ягнят, козлят и телят. У жеребца (*адһани толгэ или адуну харул*) не снимают ни гривы, ни хвоста и очень его почитают. Гривы помещают в отдельных лукошках.

Тем временем хозяйка готовит «торжественный» обед. Варит саломат (*зцхэ*), и полный котел жирного, вяленого мяса (*хатамал*), ставит на стол калачей и шанег пшеничных, высиживает несколько котлов *тарасуна*. Если в доме нет помощниц, то хозяйка просит помогать ей соседку или сама во всем успевает. Затем, по окончании работы, хозяин приглашает своих помощников в избу и вместе с хозяйкой на первой чашке *тарасуна* приносит им дружеское, соседское спасибо. В ответ на это помощники высказывают пожелание, чтобы «табун у хозяина не убывал, а умножался, поддерживая гордость и славу его»...

Из конских волос плетут вожжи, подпруги для седел, ошейники для телят, веревочки для привязывания телят во время доения коров, путы для лошадей, поводья для узд, дужки для ведер и сети для ловли рыбы. Работа при скручивании пут требует большой ловкости и даже силы, поэтому в этой работе участвуют трое-четверо мужчин.

Вожжи, поводья для узд и подпруги для седел плетут женщины. Из конского хвоста большей частью плетут дужки к деревянным ведрам. Плетение дужек производится особым способом, который буряты называют *могэшилха* – «плести змееобразно». Из волос коровьего хвоста в соединении с жилами делают толстые нитки (улан һаб), которые употребляются при шитье и починке подошв унтов, чирков и ичигов. Эти нитки (постегонки) отличаются особенной прочностью.

Ошейники для телят и веревочки для привязывания их во время доения коров не плетутся, а вьются женщинами, как веревка из конопля.

Лет 20 тому назад в Алари вязали кошмы (*тары*) одной иглой из гривы лошадей и яманьей (козьей) шерсти. Теперь стали давать русским крестьянам ткать на кроснах (станках), но *тары* получаются слабые. Раньше и буряты-аларцы ткали *тары* на своеобразном станке, называемом *ныхур*, наподобие верхнего деревянного решета веялки, к сожалению, мне не удалось видеть эти станки и работу на них.

Если поискать по всей Алари, то можно, конечно, найти их, даже весьма возможно, что найдутся такие люди, которые и теперь ткут на них тары. Эти станки, по некоторым сведениям, и теперь применяются в Унгинском хошуне и в Боханском аймаке. Там еще и руками вяжут *тары*.

В старину, лет 50 тому назад, буряты, имея большие запасы конских волос, носили вязаную из конского хвоста и гривы обувь наподобие лаптей. Такая обувь была незаменимой во время дождей, сохраняя кожаные унты. Они назывались *пантла*, т.е. унты-дождевики.

У бурят Аларской степи, по словам покойного П.П. Баторова, лет 60–70 тому назад имелись волосяные сети. Такие сети изготовлялись бурятами, жившими по берегам Алари, Голумети и Ирети и на берегу оз. Алят. Для вязанья рыболовных сетей брались волосы лошадей белой масти, чтобы при закидывании не пугать рыбы. «В 1868 году я сам ловил, – говорил П.П. Баторов, – у малобельских тунгусов волосяными сетями щук». Существования волосяных неводов в Алари он не помнит. Неводов, по-видимому, не было у наших бурят, т.к. старики не помнят. Теперь буряты большей частью покупают у русских готовые сети, вязанные не из волос, а из конопляных и льняных ниток или же сами покупают эти нитки и плетут дома.

Производство из шерсти и волоса имеет большое значение в бурятском хозяйстве. Если бы больше обращалось внимания на производство изделий из шерсти и волоса и были бы улучшены методы производства, то последнее явилось бы одним из средств для поднятия экономического благосостояния бурят.

ПУШНОЙ ПРОМЫСЕЛ В ТУНКИНСКОМ РАЙОНЕ*

Процесс охоты на соболя. При дальнем промысле добывают, главным образом, соболя, а также и белку. Организация артели иная и одиночно не охотятся. Артель подбирается из хороших охотников, состав ее 4–8 человек бурят; участвуют также сойоты и русские. Добыча делится по числу участвующих. В такой артели есть старший (толгой), выбранный всеми участниками. Сговариваются задолго до промысла и ни один раз до его начала артельщики собираются или просто при встречах со старшим советуются и обсуждают, что брать и в каком количестве, намечают место, куда идти, соотносясь с данными о наличии белки и руководствуясь результатами прошлых лет. Перед отправкой старший обязан знать – все ли взяли, что намечалось и должен сделать соответствующие указания. В тайге на стане он следит за всем порядком в артели, за своевременной варкой пищи, за заготовкой дров, воды, ведет очередь наряда на эти работы, но и сам участвует во всех работах, указывает районы охоты для каждого члена артели и дает советы и указания, как поступить в том или другом случае на промысле. От опытности и распорядительности старшего зависит в большой степени успех промысла. Вот почему в старшие выбирают человека бывалого, хорошего охотника, который имеет за собой «изрядное» количество добытых соболей.

В тайге артель устраивает четырехстенный балаган (оток) с крышей в два ската; некоторые артели, очень редко, устраивают конические круглые шалаши (*ураца*) и даже шестистенные юрты. При разведении огня в новой юрте производят обряд угощения хозяина огня мясом, маслом и пр. При этом говорят: «Мы нашли хорошее место, богатое соболями, белкой, помогай нам и кушай все, что у нас есть» (перевод вольный – П.П.). Кроме жилища устраивают амбар (*дык-тэ*) в виде площадки на столбах или между деревьями на известной высоте (2 м и выше), чтобы собаки и звери не могли полакомиться продуктами, которые хранятся на этих площадках.

Иногда амбар строят в виде четырехстенного маленького (1x1 1/2 м) балагана, но с плоской крышей. На постройку балагана и амбара уходит от 2 до 3 дней, но на постройку юрты времени требуется больше. У некоторых артелей, которые промышляют из года в год, в состав одних и тех же лиц, существует по два и даже по три жилища в разных районах, где артель промышляет, в зависимости от наличия зверя. Балаганы стоят по несколько лет, пока их не перестроят, или пока они не развалятся от ветхости, заброшенные артелью. В

* ЖБ. 1929. №1. С. 99–106. Тункинский район находится на территории Республики Бурятия – сост.

балагане имеется очаг, обложенный несколькими камнями, а по сторонам нары или просто кора и ветки, постланные на земле. Дверь в балагане всегда на юг, с небольшими отклонениями на восток или запад. Распорядок в балагане поддерживается такой же как в юрте, например — вся посуда, продукты, находятся у восточной стены, а место для спанья и одежды и других предметов охотника помещается налево от входа, т.е. у западной стены.

Распорядок дня у охотников дальнего промысла почти таков же, как мы наблюдаем у охотников ближнего промысла. Но здесь, в артели, имеется определенное лицо, которое исполняет все хозяйственные дела; делают это или по очереди, или поручается одному более слабому охотнику. Он находится все время около стана, промышлять может только вблизи, так, чтобы к приходу своих товарищей он уже был в стане и все было готово, чтобы товарищи, после тяжелого дневного труда нашли в балагане тепло, готовую пищу и покой.

Пища дальних промышленников разнообразится постоянным наличием мяса, взятым из дому, и мукой, из которой в тайге приготовляют саламат, поджаривая и проваривая ее в масле. Мяса на артель берут с таким расчетом, чтобы на каждого едока приходилось от 20 до 30 кг (до 2 пудов). Обыкновенно артель покупает одного быка или лошадь, которую и ведут в тайгу, чтобы не возить лишнего груза.

Сама по себе охота на соболя требует большой выносливости, ловкости и решительности; иногда за одним соболем охотник гоняется по шесть дней и больше. От плохого, неопытного охотника соболь легко уходит. Встретить соболя еще не значит, что он будет убит. Соболь, почуяв человека, убегает, преследуемый собакой, вот здесь то и важно, что бы собака загнала его на дерево, где легче всего можно убить зверя, но в тайге кругом валежник. Куда соболь часто прячется, здесь его трудно уследить, приходится разбирать, рубить, а иногда просто жечь сырье и дымом выгонять его и следить, куда он пойдет. Еще труднее бывает, когда он забежит в камни (россыпи), в которых нередко след его и теряется. Бывает и так, что только к концу дня удастся загнать соболя на дерево, удобное для обстрела, но ночная тьма не позволяет его видеть и стрелять. Тогда охотник вынужден целую ночь дежурить у дерева, а чтобы соболь не убежал, он разводит кругом дерева костры, сам же все время старается пугать зверя криками, чтобы удержать его на дереве до рассвета, когда можно будет его увидеть и убить.

Сетей (обметов) буряты не употребляют. При поисках соболя охотники придерживаются следующего: если охотник, нашедший след соболя, встретит другого охотника, вышедшего на этот след, то он должен принять его в компанию и убитый ими соболь делится и на нового члена. Бывает и так, что охотник загнал соболя на дерево и собирается стрелять; если в это время сюда придет другой охот-

ник, то соболь тоже делится на артель с включением нового члена. Но если охотник уже убил соболя и в это время подошел другой охотник, то добыча делится.

Обрядность и приметы. Ценность соболя и трудности с какими приходится его добывать, породили всевозможные обряды, существующие среди бурят-охотников. Так, перед отправкой на промысел, особенно на соболя, устраивают обряд в честь покровителя охоты *Анда-Бара*. Анда-Бара, говорит легенда, был большим шаманом, но вот однажды с ним случилась беда, он заболел после продолжительной гулянки у *Эрлих-Хана*. Много он обошел бурят и только тункинские буряты хорошо его угощали, ухаживали и он поправился. За эти услуги он и обещал помогать на промысле. Изображают его в виде двух лоскутков, — одного кожаного и другого из красной материи. На первом лоскутке прикреплена жестяная фигурка чело-века — это дух Анда-Бара, а на материи — раковина, эмблема женственности, это жена Анда-Бара, которая носит одежду (тряпочку) и бубен (обручек) своего мужа.

Обряд совершают свои же старики, но звать шамана для совершения его нельзя. Перед обрядом варят саламат, мясо. Изображение Анда-Бара помещают на новый или чистый (малоупотребляемый) войлок на шире (маленький узкий, но высокий — 60 см столтик); перед ним ставят саламат, мясо и при соответствующих обращениях угощают Анда-Бара, брызгая маслом, молоком, жгут *арсу* — священную траву. Запрещается брызгать тарасуном, водкой — он этого не любит. При обряде смазывают ружья маслом с саламатом, проносят все вещи (охотника) через дым очага, очищая их от всего нечистого. У Анда-Бара просят хорошей удачной охоты, дорогих черных соболей, здоровья для охотника, чтобы глаза хорошо видели, уши хорошо слышали, ружье хорошо стреляло, собака хорошо искала зверя. В то же время, но только во дворе, брызгают тарасуном, и жгут *арсу* в честь хозяина тайги Хангая, угощая его также саламатом. При этом просят давать много ценных соболей и вообще способствовать удачному промыслу. Полностью обряд совершает лишь часть бурят; в улусе Хойтогол, например, ламаизм совершенно видоизменил этот обряд. Здесь перед охотой призывают ламу и он совершает службу об окончании летних работ, о даровании хорошей жизни, об удачных делах дома и в тайге. Все чтение ламы сопровождается рядом обрядностей, исполняемых хозяином, его семьей и присутствующими. Перед службой готовят саламат, тарасун, варят мясо. Службу производят днем или вечером. В юрте, влево от входа, перед шире сидит лама лицом к очагу; на шире, кроме книги, (нома), по которой читает лама, лежит колокольчик (*хонхо*), крапило из павлиньих перьев, очир, зерно ярицы, две чашечки с водой, т.е. те предметы, которые требуются ламе при совершении службы. На шире-божнице

зажигаются светильники. Кругом стоят тарелки, чашки с саламатом, против центрального светильника посередине стоит ведро деревянное, тоже с саламатом и воткнутой в него большой деревянной стрелой, с привешанными хадаками. На шире стоит бутылка с тарасуном. Во время чтения, по указанию ламы, кто-либо из домашних (мужчин) берет эту бутылку и чашку, выносят на двор и брызгают около курящихся углей, на которые положены арса и саламат. В это же время в юрте льют масло и бросают арсу в костер. Все окружающие сидят, некоторые улыбаются, а другие сосредоточенно смотрят в костер. Временами домашние встают по одному прикладываются к столику перед ламой и кланяются шире-божнице.

Но вот наступила, как видно, самая торжественная часть обряда. Лама сделал перерыв и по его указанию посуду с саламатом раздают всем присутствующим без исключения. На некоторых чашках-тарелках с саламатом лежит кусочек сахара; ведро со стрелой берет сам хозяин, при этом сидящие у северной стены поворачиваются лицом к божнице, а остальные сидят так, как сидели, не меняя направление. Лама продолжает читать, костер ярко горит, освещая всю юрту с ее закоптелыми стенами, потолком. Лица у стариков серьезные, молодежь изредка улыбается и временами даже смеется. Но вот лама возглашает: ахури, ахури, ахури (призывание — П.П.) и все повторяют это слово и кланяются, приподнимая посуду с саламатом перед собой и снижая ее до земли. И так несколько раз... Наконец, сказано последний раз ахури, лама разбрасывает хлебные зерна во все стороны и в костер и служба заканчивается. Сейчас же ставят перед присутствующими столики (шире). Бутылка с тарасуном передается буряту, соседу ламы, который во время чтения усердно бил в подвешанный перед ним барабан (*хэнгэргэ*). Он наливает тарасун в чашку и начинает угощать с ламы. Каждый пьющий делает хозяину пожелание благополучия для дома, для скота, для хорошей удачной охоты и т.п. После того, как бутылка опростается, начинают есть саламат, отдавая опорожненную посуду хозяину. Хозяин в свою очередь наливает в чашки приготовленный во время службы чай затуран и угощает всех присутствующих.

Это общие обряды, совершаемые дома, перед началом промысла. Есть еще обряды, совершаемые при следовании на места промысла — на перевалах, в долинах, у речек, где необходимо бывает также угостить хозяев — духов этих мест, чтобы они не причиняли зла и способствовали благоприятному следованию. Этих духов угощают табаком, *хурчей*, маслом, а некоторым жгут арсу. Более многочисленным хозяевам речек, где водится соболя, например, хозяину р. Даялик, Буруктой и др. приносят в дар саламат, масло и брызгают тарасуном (тарасун берут с собой из улуса).

При добыче зверя также совершают обряды. Так, при добыче соболя берут его в руки, а иногда кладут его в шапку и машут на все

четыре стороны по ходу солнца с возгласами: «ахури, ахури, ахури, ахури» с добавлением в сторону на юг — «давай от каждой лесины лучшего соболя»), на запад — «давай от каждого камня лучшего соболя», на север — «лучше нам прежде всех давай», на восток — «Хангай, лишь нам давай».

Прежде, по словам охотников, благодарили и просили Хангая по-другому, а именно «Хуруй, хуруй, а хуруй Баян Хангай», т.е. так, как это наблюдал П.П. Баторов в Аларском аймаке⁹⁰. По окончании этой просьбы перед Хангаем, охотник завертывает соболя в платок, а если его нет, то так без платка кладет его за пазуху. В стане охотника встречают вопросом: «Счастливо ли промышлял?» (*с олзоном*). Если охотник отвечает: «С олзоном», то его усаживают на лучший потник в почетном углу, как дорогого гостя. Охотник сам, или кто другой, вытаскивает соболя из-за пазухи, завертывает его в шубу и кладет в том же почетном углу. В это же время идет приготовление лучшей пищи для гостя. Варят саламат, мясо и угощают гостя. После угощения все смотрят соболя, делая свои замечания о его ценности, а потом все вместе благодарят хозяина тайги — Хангая, возгласами на все четыре стороны: «ахури, ахури, ахури, ахури». Затем одни из старых охотников начинают обдирать соболя, предварительно выдергивая когти, чтобы они не мешали работе; обдирать начинают с губ, где делаются единственные надрезы ножом и снимают шкурку мешком, а в дальнейшей работе делают все зубами, чтобы не испортить шкурку. Шкурку расправляют на прутиках, согнутых дугой, но никогда не правят на доске, т.к. доской можно легко испортить дорогой мех. Тушу соболя кладут особо, где-либо на крыше или дупле (*мотнэ хунды*); то же проделывают и с внутренностями и с когтями, для которых устраивают особое гнездо (*буриши*) из травы и все это кладут куда-либо в дупло, чтобы никто не растащил, а то соболю не будет попадать, Хангай не даст. Туше соболя придают положение спящего животного со сложенными крест на крест ногами, у которых предварительно подрезают жилы, хвост кончиком засовывают в нос животного, кладут его на правый бок. Делают это по объяснению бурят для того, чтобы соболю символически не мог убежать от охотника, и как можно ближе подпускал его.

Мясо соболя на промысле не едят, нельзя, а то Хангай рассердится и не будет давать добычу. После промысла есть соболя можно. Некоторые привозят его не только для еды, но и для лечения скота от кашля; для этого варят мясо соболя и отваром моют ноздри скотины.

Кроме обрядов, у охотников наблюдаются всевозможные приметы, связанные с тем или другим животным. Мною записаны следующие.

⁹⁰ Баторов П.П. Белкование у аларских бурят и народные поверья.

Сны

1. Видеть во сне соболя – плохо, не добудешь его;
2. Видеть во сне белку – тоже;
3. Видеть во сне изюбря – тоже;
4. Видеть плохого человека – неудача на охоте и вообще в делах;
5. Если во сне что-либо отдирают – плохо, неудача;
6. Били во сне – тоже;
7. Продавал что-либо – тоже;
8. Видеть священника или ламу – тоже;
9. Продавал лошадь – изюбрь уйдет, не убьешь;
10. Убил во сне человека – медведя убьешь;
11. Видеть себя пьяным среди народа – хорошо, удача будет;
12. Тарасун видеть, пить – тоже;
13. Хлеба много видеть – тоже;
14. Детей видеть – тоже;
15. Лошадь седлал – тоже;
16. Лошадь искал и нашел – хорошо, удача будет;
17. Разговаривал, смеялся – тоже;
18. Нашел ребенка или хоть держал – соболя добудешь;
19. Хлеб нашел – кабана или козу добудешь;
20. Старика с белой бородой – хорошо – это сам Хангай явился;
21. Лошадь имел – изюбрь попадет.

Встречи

22. Если при отъезде встретил ламу – будет неудача, хворать будешь (лучше вернуться);
23. При следовании на промысел встретил лисицу – очень плохо, неудача на промысле;
24. При следовании встретил волка – тоже;
25. Встреча женщины – хорошо, удачная охота;
26. Если собака перед промыслом бегаёт и лает – хорошо, удача;
27. Если перед промыслом лошадь ржет – тоже;
28. В тайгу нельзя было брать верблюжьей шерсти (теперь это выходит) – Хангай не любит и не пошлет хорошей добычи;
29. Нельзя брать шкурку тарбагана – тоже;
30. Нельзя ходить на промысел человеку, у которого кто-либо умер – тоже;
31. В тайге нельзя было называть своими именами: верблюда, надо говорить – горбатенькая шейка; тарбагана – большой зумар; соболя – зверь (*ан*); медведя (изюбря – зверь; телегу – мухурхай (мохорхухай))
32. В стане нельзя лить воду на тропу;
33. Нельзя лить воду в огонь. Огонь надо вообще держать твердо, т.е. ничего не бросать в него, например: старых стелек из гутул, головни нельзя бросать и др.;

34. Нельзя валить деревьев на тропы, около стана — не будет счастья;
35. Песни петь нельзя — Хангай не любит;
36. При неудачной охоте охотник ходит, ходит и ничего не встречает, он рисует на снегу фигуру человека, отходит и стреляет назад в эту фигуру не поворачиваясь и быстро от этого места уходит. Таким образом охотники отгоняют *бохолдоя*, который мешал успеху охоты и водил охотника по пустым местам. Могут мешать также умершие старухи-сойотки. Их необходимо угощать чаем, маслом, тогда они не будут вредить охотнику. Есть и другие местные духи, мешающие охоте; так, в долине р. Даялика, притока р. Урика живут мужчины и женщины, называют их Ирлэнхе⁹¹, они сильно вредят охотникам, если их забывают и не угощают. Угощать их надо мясом, маслом, чаем и саламатом. Кроме этого, надо всегда угощать хозяина тайги Хангая, от которого зависит успех промысла. Если его не угощают, то он сердится и все время мешает. Видеть его трудно, но охотники всегда чувствуют, как он ездит на олене около стана и вообще в местах, где промышляют⁹².

Место промысла в хозяйстве бурята. Выше говорилось, что бурята охотятся с собакой. Роль собаки на промысле очень большая. Хорошая собака найдет зверя, загонит его так, что охотнику остается лишь убить. Без хорошей собаки никогда не загонишь соболя, да и белку не так-то легко найдешь в густых ветвях пушистого кедра. Иметь хорошую собаку для охотника мечта. Но, несмотря на это, у бурят обследуемого района хороших собак очень мало; большинство собак ходит лишь на белку. Здешние собаки — это лайки среднего роста с короткими торчащими ушами, пушистым длинным хвостом, длинноватой мордочкой. Собак роят от своих производителей; щенят не обучают, на втором году берут их в тайгу вместе со старой собакой и пробуют, как они идут за зверем. Хорошие собаки ценятся в сто и более рублей. По недостатку их берут «вкормом» у русских в поселках Туран, Шимки и даже Кулдук, выплачивая пушниной или скотом.

Промысел в жизни бурят обследуемого района занимает определенное место и для хозяйства служит очень большим подспорьем. Надо сказать, что район в силу физико-географических и климатических особенностей не благоприятен для развития земледелия, которое, хотя и появилось у бурят, но находится в зачаточном состоянии; в улусе Мондах его совсем нет, если не считать нескольких бурят, имеющих огороды с картофелем; в Хойтоголе редкий год хлеб вызревает, а чаще он мерзнет и засыпается снегом. Скотоводство также развито слабо, особенно в улусе Хойтогол, где скот нельзя держать

⁹¹ В районе есть речка Ирлэнхе, приток р. Даялика, где раньше были кочевья сойот.

⁹² Шорох, шум в тайге бурята охотники не стараются объяснять действительными причинами, а чаще приписывают действия Хангаю.

круглый год на подножном корму, так как нет горных лугов, а заливные луга зимой засыпаются снегом и покрываются льдом. Здесь на зиму приходится запасать много сена, что при большем количестве скота буряты с их примитивными способами уборки сделать не в силах. Цифровые данные о количестве скота у бурят улуса Хойтогол таковы: самый богатый бурят имеет сорок две головы скота всех видов. В среднем на одно хозяйство по улусу приходится шестнадцать голов. В улусе Мондах дело с горными лугами обстоит лучше, но не настолько, чтобы можно было содержать скот в большом количестве. Раньше в Мондах буряты зимой пользовались лугами в Монголии, куда и угоняли весь свой скот, но теперь граница закрыта, а своих лугов недостаточно. Скота в Мондах больше, но далеко не столько, сколько необходимо для скотовода, всецело удовлетворяющего свои нужды за счет хозяйства. Средняя на одно хозяйство в Мондах равна двадцати трем головам различного скота, а самый богатый бурят имеет более ста голов, но есть хозяйства, имеющие одну-две скотины.

Других источников дохода нет, если не считать хозяйства, имеющие кузнецов, плотников, седельщиков, лиц, занимающихся извозом, поденной работой (рубка дров, косьба, жнитва и др.) и лам, собирающих небольшую лепту с населения. За последние два-три года буряты, вынуждаемые недостатками, продают сено в Сибторг; так, за 1927 г. Хойтогол продал около 4 тыс. пудов по 17 коп. за пуд и в Мондах продано 2 тыс. пудов. Безусловно, это продажа идет за счет скота, который за зиму недоедает и к весне сильно тощает, болеет и нередко пропадает. Но всех этих доходов далеко не хватает для покрытия расходов. Продукты скотоводства удовлетворяют часть потребностей населения, а покупная способность бурят базируется, главным образом, на пушнине и тех дополнительных заработках, о которых говорилось выше.

Какое количество пушнины добыто бурятами в районе и какая сумма выручена от продажи сказать пока трудно, невозможно, т.к. точных и полных цифр я не получил, да их нигде и нет. В аймаке в кредитном товариществе зарегистрирована пушнина, главным образом, из Окинского сельсовета, но и о далеко не вся, а на Туранский сельсовет из зарегистрированной пушнины приходится не более 5–10%, т.е. соболей 8–15 штук, белки 1250. Конечно, трудно учесть добычу, когда он уходит в десять рук. Так, за обследуемый год пушнину скупали: Госторг, Сибторг, Ирторг, Кредитное Товарищество в Кырене, потребительское общество в Шимках, Тунке, Торах, Култуке и многие другие организации и частные лица.

При личных опросах каждый бурят старается скрыть добычу, чтобы избежать лишних налогов и других неприятностей, близко с этим связанных, т.к. часть пушнины сбывается в Монголию контрабандным путем. Из опрошенных охотников единично дали показания такие: соболя не более четырех, белки не более ста штук на охотни-

ка, горностая и колонка не более двух штук по отдельности. Рысь на всех одну, кабарговой струи не более двух; изюбря, горного козла, лисиц, медведя, росомах, волков и других совсем не показали.

Так 60 опрошенных охотников (ул. Хойтогол) показали в общем количестве: соболей – 40 штук, белки – 1700 шт., кабарговой струи – 12 шт., горностая – 20 шт., колонка – 14 шт., рысь – 1 шт., медведя, лисиц, волка, кабана, коз, изюбря – нет.

Безусловно, это цифры должны быть больше, особенно добыча белки, кабарги, горностая, колонка, рыси и др. Такова картина показаний в улусе Хойтогол, более отдаленного от границы, около *хошуна*, где все буряты, как говорят, на глазах. А в Мондах показания совсем ничтожные. Из расспросов полкчается, что охотятся только на белку и добывают очень мало, не более 20–30 штук на охотника, редкий укажет цифру 50.

Косвенным же путем устанавливается, что не менее половины бурят ходили промыслять соболя; белки добыли много больше, чем показывали, добывали коз, яманов, лисиц, горностая и др., т.е. тех зверей, которых совсем не показывали.

Из расспросов бурят выясняется, что рысь лучше сбывать с Монголию ламам, которые очень охотно покупают и дают всегда хорошие цены. Хорошо также сбывать в Монголию кабарговую струю, хвосты изюбря. Привлекает Монголия и потому, что там можно получить такие товары, которых у нас нет, а если и есть, то плохого качества, например: шелк, чесуча, далемба, трубки китайские, чашки чайные деревянные, украшения в виде подвесок, шнурков, кистей шелковых и др.

Местная цена на пушнину в охотничий сезон 1926–27 года была такова: соболь – от 20 до 350 руб., белка – от 23 коп. до 1 руб. 30 коп., колонок – от 1 руб. до 3 руб. 50 коп., горностай – от 13 коп. до 1 руб. 75 коп., струя кабарги – 3 руб. золотник, рысь – 22 руб.

После реализации пушнины средняя цена выразилась⁹³ на соболя 85 руб., белку – 1 Руб. 30 коп., колонка 2 руб. 60 коп., горностай 1 руб. 71 коп., струя 6 руб. 71 коп. штука и рысь 24 руб. 86 коп. Если исходить из этих цифр, то опрошенные мной охотники в числе 60 чел. должны были получить за всю указанную пушнину 5785 руб., т.е. по 91 руб. на охотника. Вычитая все расходы, о которых говорилось выше – 25 руб. (округленно) мы получим чистой прибыли на каждого охотника 66 руб. Но это, конечно, далеко не та цифра, какую получили упомянутые охотники за добытую пушнину.

Буряты сбывают, главным образом, ценную пушнину, а менее ценные меха изюбря, кабарги, коз, кабана и др. используют в своем

⁹³ Охотники за сданную в кредитное товарищество пушнину должны были получить дополнительно 13% первоначальной цены.

хозяйстве. Выделанная кожа изюбря идет на крутки, штаны, которые отличаются особенной крепостью. Из выделанной кабарговой кожи (замши) шьют крепкие и мягкие перчатки, рукавицы, шерсть кабарги идет на набивку подушек, матрацев. Козья шкура идет на шубы, сапоги (*гутул*). Шкура кабана употребляется на изготовление ковриков (*хунсыр*) для сидения. Коврики приготавливают из других шкур, а особенно развито приготовление их из камысов — кожи, содранной с ноги животного. Из шкур шьют также штаны, рукавицы, чехлы для винтовок, котлов походных и других предметов. Нет ни одного хозяйства, где бы не было каких-либо изделий из шкур упомянутых животных. Наличие всех этих изделий только подтверждает мысль, что значение пушного промысла в жизни бурят обследованного района очень большое, несмотря на пока еще не полные цифры, какие мы имеем. Только при особом значении пушного промысла становится ясным наблюдающееся оживление и горячка в заготовках всего необходимого для охотника, едущего на промысел. Ведь поголовно все участвуют в работе, зная, что хорошо снаряженный охотник все расходы и труды окупит с большим избытком.

В заключение можно пожелать: поставить лучший учет добываемой пушнины, сосредоточив его в одном учреждении. Правда, в этом направлении начало заложено, так, с 1927 г. в Тункинском аймаке введена монополия на заготовку пушнины кредитным товариществом «Пахарь». Это даст возможность учесть добываемую пушнину, но в то же время и обязывает кредитное товарищество относиться более внимательно к потребностям охотника и все заготовки производить с полным учетом действительных запросов населения. Без учета этих запросов и при снабжении случайными и плохого качества товарами население будет искать лучших условий на стороне у частного или в организациях поселков Култук, Слюдянка, города Иркутска и даже в Монголии, следовательно, пушнина будет уходить минуя товарищество, что породит много недовольства. Очень хорошо должна подействовать на охотников постановка сбыта пушнины на процентных отчислениях в пользу торговых организаций. Эту меру ни в коем случае нельзя отменять, а, наоборот, надо внедрить в низы охотников мысль, что они прямые хозяева пушнины, а торговая организация лишь посредник. Кредитному товариществу надо это иметь в виду и вовремя поддерживать пушной промысел в улусах с ограниченными возможностями для развития сельского хозяйства. Усилить снабжение охотников ружьями, берданками, винтовками, малопульками, которые только и могут окончательно заменить несовершенные кремневые ружья. В данное время большим минусом является то, что здешние буряты не имеют строго установленных за ними, закрепленных районов охоты. Они охотятся совместно с русскими, бурятами из Иркутского округа и Аларского района. В силу

этого в тайге часто бывают конфликты из-за мест охоты и даже из-за балаганов. Надо сказать, что русские и буряты из Аларского района и Иркутского округа раньше выходят на промысел: «Придешь, а они уже везде рыскали и распугали зверя», — говорят буряты улуса Х.

Все эти недоразумения для охотника буряты имеет чрезвычайно важное значение, они нарушают правильное течение промысла и, конечно, нервируют местное население. В дальнейшем желательно ограничение районов промысла, как для аларцев, тункинцев, так и для населения Иркутского округа. В противном случае нет заинтересованности охотников в сохранении ценного зверя в известном районе и он истребляется всеми способами, чтобы только не доставался другому. Запретить добычу неполноценного зверя (невыходного — А.С.), например, белки, когда она еще не вышла и т.п. При проведении этой меры в жизнь не принимать неполноценного зверя, привлекая к ответственности охотника. Уменьшение цен на невышедшего зверя плохая мера, которая кроме вреда ничего не дает. Необходимо позаботиться о сохранении ценного зверя, для чего путем разъяснительных бесед повести борьбу с употреблением ловушек, особенно в период течки, когда, например, соболь делается менее осторожным и легко попадает в разные ловушки. Необходимо разработать вопрос о заказнике в верховьях рек Китоя, Оспы, что дало бы возможность сохранить ценного зверя, за счет которого строится благосостояние многих улусов, входящих в состав Тункинского района.

ЗНАКИ СОБСТВЕННОСТИ БУРЯТ*

Вопрос о знаках собственности (тамга, тавро, клейма, знамена, мета и т.п.) туземного населения Сибири разработан в литературе еще недостаточно полно. Наиболее полные материалы по данному вопросу собраны среди турецких народностей: киргиз и казак-киргиз (исследования Н.А. Аристова, А.Н. Харузина, Н. Харузина, П. Гродекова, В.В. Радлова, И. Иванина, Г.Н. Потанина и др.), минусинских народностей (Н.Ф. Катанов, В.В. Радлов, Н.И. Попов и др.), башкир (Д.Н. Соколов, Н.А. Аристов), якутов (Ю.Д. Стрелов, В. Серошевский). Знаки собственности остяков, самоедов и вогулов изучались Н.Н. Оглоблиным, И. Иславиным, А. Абрамовым, И. Лепехиным, Н. Сорокиным и др. Изучением знаков собственности монгол занимались немногие исследователи: А.Н. Самойлович, Г.Н. Потанин, И. Самоквасов, Г.И. Рамстедт и др.) Последний исследователь в 1909 г. привез из Западной Монголии большое количество тамг, но материал, по-видимому, еще не опубликован⁹⁴.

Знаки собственности бурят еще никем не изучались, мы располагаем только краткими сведениями о них в работах М.Н. Хангалова⁹⁵, П.П. Баторова и П.П. Хороших⁹⁶. Между тем, знаки собственности имеют большое историко-этнографическое значение и еще не так давно они находили заметное применение в хозяйственной и бытовой обстановке народностей Сибири.

Тамги, тавра, знамена, клейма и т.п. представляют не только знаки родовой собственности, но и знак единства происхождения, близкого родства племени — почему изучение их имеет большое значение при выяснении вопросов о родословных того или иного племени, а также и при выяснении взаимоотношений между отдельными родами. В особенности это важно при изучении истории народностей, не имеющих каких-либо письменных памятников.

По изображениям тамг можно установить род службы или занятий того или иного племени, так, например, у древних киргиз тамги были даны отдельным родам самим Чингисханом и они обозначали род службы или род оружия (копье, меч, лук, стрелы и т.п.), которыми были вооружены ханские полки или отряды Чингисхана.

* СЖС, 1929. Вып. VIII—IX. С. 199—212. Библиография о знаках собственности, таврах, тамгах (с. 213—218), которая приведена в приложении к статье, в данном издании опущена — сост.

⁹⁴ Хроника // ЭО 1909. №2—3. С. 278.

⁹⁵ Хангалов М.Н. Юридические обычаи у бурят // ЭО, 1894. №2.

⁹⁶ Хороших П.П. Бирки иркутских бурят // СЖС. 1926. Вып. I. С. 97—112.

Происхождение знаков собственности следует отнести к очень древним временам. Н.А. Аристов считал, что родовые тамги были первоначально изображениями родовых богов или духов-покровителей, и лишь впоследствии обратились в знаки родовой собственности, приняв для этого формы простейших геометрических фигур, как наиболее удобные для вырезания или выжигания⁹⁷. Древность тамг как родовых знаков собственности подтверждается еще и тем, что многие названия родов и колен туземного населения Сибири происходят от названий начертаний тамг, например, киргизский род Средней Орды «Таракты» имеет тамгу — гребень (по-тюркски — тарак), отчего и род ведет свое происхождение. Есть предположение, что существовавшие с глубокой древности родовые тамги были позднее употреблены в качестве букв орхонско-турецкого алфавита⁹⁸. Можно предполагать, что тамги образовались еще тогда, когда не было личной или семейной собственности, а вся собственность (скот, имущество и т.п.) принадлежала роду.

Со временем, когда рода сделались многочисленными и произошло их разделение на более мелкие единицы и когда изменилась хозяйственная и бытовая обстановка, то родовые знаки собственности стали знаками собственности общинными, семейными, сословными, домовыми и, наконец, личными. Постепенно стал изменяться и вид коренных тамг и тавр. К основному, старинному родовому знаку стали по необходимости вноситься добавления и видоизменения. Впоследствии знаки собственности стали появляться и произвольно, вне зависимости от старинных родовых знаков. Иногда рисунок знака собственности искажался и невольно, если он рисовался не привычной к тому рукой. Вот почему проследить действие наследственности и установить принадлежность данной общины или семьи в прошлом к тому или иному роду бывает не всегда легко.

Наибольшее применение и важность знаки собственности имеют среди народностей, ведущих кочевой, скотоводческий образ жизни (киргизы, казак-киргизы, башкиры, монголы и др.), а также и среди народностей Севера — оленеводов. Применялись знаки собственности

⁹⁷ *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей // *ЖС.* 1896. Вып.3–4. С. 285.

⁹⁸ *Аристов Н.А.* Опыт выявления этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // *ЖС.* 1894. Вып.3–4. С. 409,410, 418–419; *Малицкий А.* О связи тюркских тамг с Орхонскими письменами // *Протокол заседаний и сообщений Туркестанского кружка любителей археологии.* Год 3. 1891–1893. С. 43–46; *Филоненко В.И.* Тамги татарских кладбищ г. Евпатории // *Известия Крымского пед. ин-та.* 1923. Год 2-й. С. 97–98.

и среди охотников, рыбаков, бортников (пчеловодов), где ими отмечались охотничьи и рыболовные снасти, шкуры убитых зверей, границы охотничьих и рыболовных угодий, бортные деревья, улья, деревья, выбранные для смолокурения. У некоторых народностей знаки собственности ставились на границах пашен и сенокосных угодий.

В старину знаки собственности находили большое применение на различного рода «челобитных», сысках, на купчих крепостях, на дарственных записях, на различного рода бирках, они же употреблялись при сборе ясака, при доказательстве на суде и т.д. В северных губерниях европейской России знаки собственности ставились еще на обходные палки караульных, с целью соблюдения очереди при окарауливании.

У кабардинцев существовал обычай, что всякий, посетивший где-либо в дальнем ауле своего кунака, уезжая, почитал своей обязанностью и актом вежливости вырезать на дверях кунацкой (небольшой избушки) на память о себе свое тавро, конечно, если такое было у него. Так как такие обоюдные визиты были постоянны, то двери кунацких обычно от верха до низа были исцарапаны названными таврами. Такие двери нередко существуют несколько поколений и навешиваются в новых кунацких в случае их перестройки. У тех же кабардинцев существовал обычай обозначать права на выпас скота знаками (таврами) на скалах, находящихся на месте пастбища⁹⁹.

Накладывались тамги и на товары, экспортируемые через границы ханских владений или на товары выдавались пропуска с тамгами, за что взимались и особые сборы агентами ханов «тамгаджи». Это указывает на происхождение русского слова «таможня» от татарского слова «тамга»¹⁰⁰. За заведомую порчу знаков собственности или тамг применялись особые наказания. Уничтожение клейма рассматривалось как преступление.

У вогулов, по словам Н. Сорокина, тамга служила еще и как медицинское средство. Если кто-нибудь сломал руку или ногу, или просто долго болел, — то над больным или переломанным местом накладывали тамгу, посредством острого оружия и затем рану натирали толченым порошком¹⁰¹.

Применялись знаки собственности и на монетах у монгольских ханов, так, например, на монетах джучидов обозначалась тамга — стремя, у гиреев — трезубец, Тамерлан имел тамгу в виде трех кружков.

⁹⁹ *Пожидаев В.* Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925.

¹⁰⁰ *Акчокраклы О.* Татарские тамги в Крыму // Известия Крымского пед. ин-та, 1927. Кн.1. С. 44–47; *Самойлович А.Н.* «О пайза-байса» в Джучиевом улусе // Известия АН СССР, 1926. №12. С. 112.

¹⁰¹ *Сорокин Н.* Путешествие к вогулам // Труды О-ва естествознания при Казанск. Ун-те, 1873. Т.3. Вып.4. С. 46.

Наконец, знаки собственности встречаются на знаменах, коврах, на надгробных памятниках, где они показывают, какому роду или поколению принадлежал умерший, встречаются они и на древних сибирских писаницах, на камнях у курганов, на предметах домашнего обихода, вооружения и т.д.

Уже из приведенного краткого перечисления видно, насколько знаки собственности находят широкое применение в хозяйственной и бытовой обстановке населения.

В данной статье дается описание некоторых видов знаков собственности бурят. Материал мною собран во время поездок по территории Бурятии за 1922–1929 гг. в числе прочих материалов по материальной культуре бурят-монголов. Поездки производились по поручению ВСОРГО и БГНИИ.

I. Клейма на скоте

Клеймение скота среди народностей Азии и, в частности, Сибири находило применение в очень отдаленное от нас время, в особенности оно было в обиходе у скотоводческих племен. Н.А. Аристов говорит, что древнейшее упоминание о знаках собственности на скоте у тюрков (именно гаогюйцев) относится к V веку¹⁰². У Рашид-Эдина говорится, что тамги «определены и утверждены» при Кун-хане, сыне и наследнике мифического Узун-хана, чтобы ими «нарочито обозначались указы, сокровищницы, табун и стадо, во избежание от кого бы то ни было ссоры или сопротивления у одного с другим»¹⁰³. В различных законодательных памятниках северной Монголии, например, в «Халха-Джироме» — кодексе законов, относящемся к половине XVII столетия, к эпохе создания общего монголо-ойратского кодекса, также упоминается о запрещении пользования и продажи тавренных верблюдов и лошадей (тавренные — находящиеся на военном учете, строевые) и какого-либо оружия и о том, сколько лошадей в табуне можно таврить, оставлять для верховой езды и выючить¹⁰⁴. Об этом же имеются сведения и в китайских летописях, где указывается, что древние уйгуры также метили свой скот¹⁰⁵.

Н.А. Аристов находит, что значительная часть родовых тамг нынешнего населения Монголии и Туркестана не была выработана непосредственно тюрками и монголами, а заимствована ими у тех дин-

¹⁰² Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен...С. 285.

¹⁰³ Аристов Н.А. Опыт выявления этнического состава киргиз-казаков... С. 410.

¹⁰⁴ Жамцарано Ц., Турунов А.Н. «Халха-Джиром». Иркутск, 1923, С. 15; Рязановский В.А. Обычное право монголов // Вестник Азии. 1923. №51.

¹⁰⁵ Иакинф (Бичурин) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии. Ч.1. СПб., 1851.

линских племен и родов, от помесей которых с тюрками произошли тюркские племена и роды¹⁰⁶.

О времени применения знаков собственности для клеймения скота у бурят-монголов мы не располагаем определенными историческими данными, — можем только предполагать, что у отдельных бурят-монгольских родов эти знаки находили применение еще с тех пор, когда бурят-монголы обитали в пределах северной Монголии.

П.П. Баторов находит, что, судя по многочисленным названиям костей или родов бурятских, ныне населяющих пределы Иркутского округа, буряты пришли сюда из разных и отдаленных друг от друга местностей внутренней и внешней Монголии, ибо в шаманском тексте молитвословий постоянно упоминаются местности, находящиеся во внутренней и халхаской Монголии, Маньчжурии и Джунгарии¹⁰⁷. В пределах Прибайкалья отдельные бурят-монгольские рода появились в первой половине XIV в.¹⁰⁸

Б.Б. Барадин находит, что в эпоху Чингисхана бурят-монголы еще не фигурировали, как отдельное самостоятельное племя, т.к. они в те времена носили свои отдельные племенные или родовые названия, входя в состав т.н. лесных народов. Окончательное оформление бурят-монгольской народности, как культурно-национального целого, произошло в период завоевания Бурятии русскими, т.е. между 1627—1689 гг. С той поры и стали называться бурятами не только собственно буряты, булагаты, но и икириты и хоринцы и все представители монгольских племен, оказавшиеся в то время в пределах русской границы и никогда раньше не называвшие себя «бурятами»¹⁰⁹.

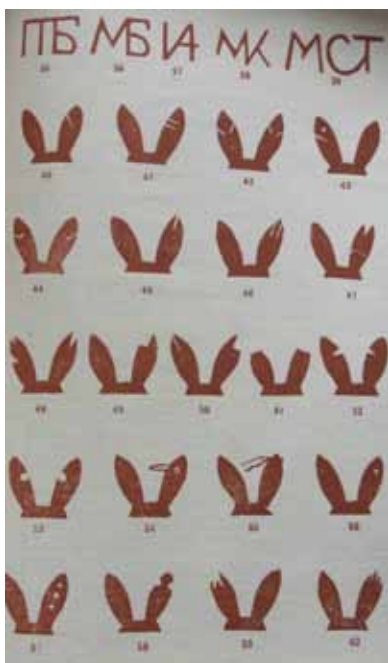
Клейма на скоте делаются или посредством меток на ушах или посредством таврения на стегне, копытах и рогах. Метки на ушах ставятся на всех домашних животных (овца, баран, козел, лошадь, бык, верблюд и т.д.). такие метки называются «им» (баргузинские, боханские буряты), «имэ» (кударинские буряты), «эм» (аларские буряты). В зависимости от того, на каком животном ставятся знаки, они имеют и различные названия, например, если знаки ставятся на ушах коровы, то они называются «уни им», или «уни эм», на ушах лошади — «морин им», на овце — «хонин им», на ушах рогатого скота вообще «укур им».

¹⁰⁶ Аристов Н.А. Опыт выявления этнического состава киргиз-казаков... С. 458.

¹⁰⁷ Баторов П.П. Материалы к вопросу о происхождении бурятских племен // Бурятияведение. 1926. №2. С. 3.

¹⁰⁸ Козьмин Н.Н. К вопросу о времени водворения бурят вокруг Байкала // СЖС. 1925. Вып.3—4. С. 113—132.

¹⁰⁹ Барадин Б.Б. Бурят-монголы. Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности // Бурятияведение. 1927. №3—4. С. 44, 51.

По своему виду и способу порезов, метки на ушах имеют такие названия:

1. «оно» или «оли» – порез в виде вилки (рис. 47);
2. «Дохолон» (дохлан – бохан, алар., тункин., баргуз.); «гахана» (кудинск.), т.е. пенёк (рис. 49);
3. «Ухами» (бохан.), ухми (алар., тункин.), т.е. вырезано полукругом с внутренней стороны уха (рис. 53);
4. «Ирхей» (тункин.) – вырезано углом внутри уха (рис. 52);
5. «Зярхен, т.е. сердцеобразный порез (рис. 59);
6. «Хэршэлэ» (алар.), «ганзаго» (баргуз.), «шигшин» (бохан.) – т.е. мизинец;
7. «Хахарха» (алар.), «хахалмар» (баргуз.), «хахалмар» (бохан., тункин.) – прямой порез посреди уха (рис. 45);
8. «Хапшилга» (алар.) – т.е. колья (рис. 46);
9. «Сулга» (цулгэ им»), «суломар» (бохан.), «солomar» (баргуз.) – прорубь. Отверстие делается бродком (рис. 56);
10. «Гурбан цолгэ» (тункин.), «гурбан солomar» (баргузин.), «гурбан сулбырэ» (бохан.) – три отверстия, пробитые бродком (рис. 57);
11. «Шихэндэ ноһотэ» – т.е. веревка или проволока, продетая в отверстие уха (рис. 54);
12. «Шергользон» (алар.) – два полукруглых пореза с обеих сторон уха (рис. 58);
13. «Хабяга» (алар.) – т.е. мелкие косички молодухи (рис. 60);
14. «Хоюр шихэнин тайрулаган» (кудинск.) – оба конца уха отрезаны. Если срезано одно ухо, то метка называется «тыпхэ имь», «тарьха» (алар.), «тюрмэл» (баргуз.), «тарямхай» (бохан.) (рис. 51);
15. «Хоюр ганзага» (баргуз.) – порезы с обеих сторон уха (рис. 42);
16. «Хоюр хандуга» («хоюр ганзуга» – агин.) – два пореза рядом (рис. 41);
17. «Хоюр шихэин угла ар отлоон» (кудинск.) – надрез углом снаружи уха (рис. 44).

Метки на ушах у домашнего скота наносятся обыкновенными железными ножницами и ставятся или на одном или на обоих ушах. У тункинских бурят иногда вместо порезов на ушах делается отвер-

стие бродком, в которое вставляется железная или медная проволока и на конце ее подвешивается кусочек материи.

У агинских бурят, кроме знаков собственности на ушах, делают еще пометки краской или дегтем на курдюке овцы или барана, а иногда оставляют на курдюке овцы небольшие пучки шерсти, как отличительный знак. Это делается, когда овец на зиму сдают пастуху.

Раны, образовавшие при нанесении меток, залечиваются различным способом: золой, песком, мукой или просто землей.

Тавро ставится только на лошадях и верблюдах. Тавро выжигается раскаленным докрасна железным инструментом, имеющим вид молотка, на левом стегне животного, т.е. на той стороне, с которой на лошадь или верблюда садятся. У верблюдов иногда тавро ставится на щеках¹¹⁰. Размер тавра не более 1 кв.вершка. После таврения большое место мажут маслом и протирают оленьим рогом.

У бурят-ламаитов таврение скота в старину делалось особо приглашенным лицом, в дни, назначаемые ламой. Таврение обыкновенно совершалось одновременно со сниманием грив и обрезанием хвостов у лошадей. Этот обычай всегда сопровождался различными обрядностями, конскими бегами, борьбой и стрельбой из лука. У иркутских бурят-шаманистов на посвященных лошадях и быках клейма и тавро ставить запрещается, т.к. по их поверию, клейменных животных божество не принимает. Посвящение лошади божеству Субертену и быка божеству Гужир-тенгри делается бурятами-шаманистами с целью способствования приплоду (адаһани удэхинь толо)¹¹¹.

Таврение скота находит наибольшее применение среди забайкальских бурят-скотоводов, у иркутских бурят, по мнению П.П. Баторова, таврение стало применяться не так давно.

Рисунки бурятских тавр очень разнообразны, но в общем они не очень сложны. Сложные рисунки не будут ясно выделяться на коже животного и они обыкновенно вскоре же по нанесении на коже мелких порезов заживают или сливаются так, что их трудно разобрать.

Наиболее распространены клейма в виде черты, круга, креста, квадрата, угла, скобы и т.п. (см. рис. 1,16, 20, 25, 27). В общем, бурятские клейма имеют большое сходство с таврами киргиз, башкир, монголов и других народностей, что говорит о взаимодействии этих народностей в отдаленном прошлом. За последнее столетие у бурят стали появляться тавра в виде начальных букв имени и фамилии

¹¹⁰ Кипчаки, по сведениям Гродекова, для отличия одного рода от другого накладывают общую кипчаковскую тамгу на разные части тела животных, например, род «торы» — на шею, род «узун» — на передние ноги (Аристов Н.А. Опыт выявления этнического состава киргиз-казаков... С. 417.

¹¹¹ Хороших П.П. Посвящение лошади и быка // ЭБ. 1922. №1. С. 13; Баторов П.П. и П.П. Хороших Материалы по народному скотолечению бурят // БС. 1926. Вып.2. С. 50–60.

владельца лошади (см. рис. 34–38). У бурят-ламаитов встречаются еще в качестве клейм знаки, называемые «цзендемуни» (рис. 24), «горги» (рис. 29), «соембу» рис. 31), знак «хас», имеющий вид свастики (рис. 19, 32) и знаки, называемые «ульзуй-утаса-тамага» (квадрат с кружками по углам), «зиндэмени тамага» (три кружка вместе), «матамага», «артада тамага» и др. Знак «хас» по словам бурят ставится на лошадях и верблюдах со времен Чингисхана и имеет «оберегающее» значение. Среди баргузинских бурят знак «хас» более всего применяется бурятами из Шоноевского рода.

В некоторых районах Бурятии кроме знаков собственности на ушах и таврения на стегне животного наносятся еще «секретные» знаки собственности, путем выжигания их под гривой, или путем вставления в ухо серебряной монеты, которая там и заживает. Русское население вместо монеты в ухо вставляет дробинку.

Обыкновенно пятают и таврят скот весной, перед тем, как его отпускают в степь, или когда его передают на пастьбу пастуху. Мелкий скот (козлят и ягнят) пятают во время весенней стрижки.

Пастух обязан хорошо знать все лучшие места для пастьбы скота, предохранять луга от потравы, лесного пожара и т.д. Договор с пастухом заключается на общем собрании всего улуса. Вознаграждение ему выплачивается или деньгами, или хлебом. Пастух, принимая скот, делает бирки («пастуя ирбизен»), которые представляют собой небольшую, выструганную со всех сторон деревянную палочку, длиной не более 10–14 см. Назначение этой бирки – служить распиской при приеме или выдаче скота, для чего на широкой стороне бирки наносятся особые знаки (цифры) в виде зарубок, линий, крестиков и т.п., обозначающие количество сданного пастуху скота¹¹². Различные виды скота обозначаются на различных местах бирки, так, например, овцы обозначаются с левого конца бирки, козы – с правого, телята – посредине. Когда количество принятого на пастьбу скота указано, то бирка раскалывается вдоль на две части так, чтобы разрез прошел посредине всех знаков. Сама бирка («ихэ ирбизэн») остается у пастуха, а отрез ее передается хозяину скота, в качестве расписки. На одной из сторон бирки хозяин скота ставит свои знаки собственности или пишет свою фамилию. Когда хозяин пожелает взять из стада некоторое количество скота, то он обязан принести пастуху отрезок бирки, и пастух, приложив отрезок к самой бирке, на оборотней стороне ее делает нарезки, показывающие количество взятого из стада скота. Нарезки делаются против того вида скота, который берется хозяином из стада. После этого отрезок вновь передается хозяину. Таким образом ведется постоянный учет скота.

Кроме знания лучших мест пастух обязан исполнять еще и ряд обязательств во время пастьбы скота; так, например, если во время

¹¹² Хороших П.П. Бирки иркутских бурят // СЖС. 1926. Вып.1. С. 102.

пастьбы в стаде рождаются маленькие ягнята, то он обязан сразу же об этом сообщить хозяину и хозяин вскоре же пятнает их своими клеймами. Если в стаде пропадет какая-либо скотина, то пастух обязан пригласить хозяина ее, а если его нет, то в качестве свидетеля кого-либо из улуса и показать ему павшую. Только после этого пастух имеет право снять с павшей скотины шкуру и вместе со знаками собственности на ушах или стегне принести в качестве доказательства хозяину. В тех случаях, когда скот из табуна похищается зверем, пастух также обязан представить хозяину шкуру, в каком бы она виде ни была, т.к. зверь обыкновенно никогда головы скотины не ест, почему знаки собственности на ушах скотины сохраняются. Если пастух этого не сделает, то хозяин вправе потребовать от него согласно договора стоимость павшей скотины. После удостоверения в пропаже скотины хозяином и пастухом делаются изменения в количестве скота на бирке, отмечается на бирке также и прирост скота во время пастьбы.

У селенгинских бурят существовал такой обычай: если кто брал для работы или доения скот, то в случае падежа какой-либо скотины от болезни либо, пользуясь ею, обязательно было показать павшую скотину ближайшим соседям, а особенно обязан был показать голову, шкуру, клеймо или тавро, настоящему хозяину. Только при соблюдении этого обычая он избавлялся от платежа¹¹³.

Условные знаки собственности находили применение у бурят и на других видах бирок, например, бирках хлебных («таряни рубишхэ» или «магажей ирбиска»), бирках денежных («мунгут ирбизэн» или «мунгуни рубишхэ») и бирках, применяемых на общественных праздниках¹¹⁴. П.П. Баторов передавал мне, что знаки собственности ставились также на бирках, употреблявшихся ранее при взносе ясака, при сборе податей и т.п.

На рогах и копытах знаки собственности выжигаются также раскаленным железом, но инструмент для выжигания делается значительно меньшего размера.

Знаки собственности не следует смешивать с надрезами, делаемыми иногда под горлом скотины на висячей коже, называемые «бойнок хэтэлхэ» или «хэтылхэ». Такие надрезы делаются бурятами в тех случаях, когда у хозяина-скотовода количество скота достигало до ста голов. Если у хозяина количество скота достигало до двухсот голов, то на скотине делался еще второй надрез, т.е. на каждую сотню скота прибавлялся один надрез. Эти надрезы, по мнению бурят, имели «оберегающее» значение — стремление скотовода не допустить умень-

¹¹³ *Самоковасов Д.Я.* Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876. С. 181.

¹¹⁴ *Хороших П.П.* Бирки иркутских бурят...С. 103.

шение скота в своем хозяйстве¹¹⁵. Этот обычай находил большое применение кроме бурят и среди других скотоводческих племен.

Знаки собственности также не следует смешивать с порезами на ноздрях лошадей, делаемыми бурятскими коновалами при кастрации молодых жеребцов. Такие порезы, по словам П.П. Баторова, делаются бурятскими коновалами с той целью, чтобы легче лошадь переносила боль при кастрации.

Знаки собственности переходят из рода в род, от отца к сыну. Сыновья до тех, пока они живут в семье отца, все пользуются общим отцовским знаком собственности. По выделении сын не должен ставить новое клеймо на скоте, а может только видоизменить его путем удвоения, добавления новых знаков. Например, на отцовском клейме, изображенном на рис. 47, первоначально была метка «оно», выделившийся сын к ней еще добавил вырез сбоку (см. рис. 48), или к клейму (рис. 45) при разделе добавлен еще один надрез (см. рис. 46). Если бы родовое клеймо было выделившимся сыном совершенно изменено, и впоследствии оказалось бы, что точно такое же клеймо принадлежит какому-либо другому роду, то последний вправе отобрать себе весь тот скот, который отмечен принадлежащим ему клеймом¹¹⁶. Если в хозяйство выделившегося сына поступал скот его жены, то на скоте к имеющимся знакам ставились еще знаки собственности мужа. На покупном и обменном скоте также ставились новые знаки собственности: например, если куплена или обменена была лошадь, и у ней уже были знаки собственности — тавро на левом стегне, то второе тавро ставилось на правом стегне. Вот почему иногда и встречаются лошади с таврами на обоих стегнах. На купленных быках или коровах и на мелком скоте делаются изменения только на клеймах ушей. Д.Н. Соколов находит, что стремление сделать как можно меньше изменений в изображении основного отцовского знака, по-видимому, имело и практическое значение: удобство легкого передела знаков на тех вещах, которые доставались вновь выделенному¹¹⁷.

II. Клейма на деревьях, мешках, предметах обихода

Клейма и меты на дровах, бревнах, на различных предметах домашнего обихода, на рыболовных и охотничьих принадлежностях находят до сих пор применение в хозяйстве бурят-монголов. Однако, с каждым годом они все более и более теряют свое значение; из-

¹¹⁵ По поверию бурят, в «бойноке» находится благодать Буха-ноена (*Баторов П.П.* Аларские тайлаганы. Иркутск, 1926. С. 11).

¹¹⁶ *Хангалов М.Н.* Юридические обычаи у бурят // ЭО. 1894. №2. С. 138.

¹¹⁷ *Соколов Д.Н.* О башкирских тамгах // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1904. Т. XIII. Вып. XIII.

меняется и их вид, вместо условных клейм и мет появляются знаки буквенные.

Клейма и меты ставятся различным способом: посредством черчения улем, дегтем, путем высекания топором, выжигания особым железным молотком с вырезанными на нем условными или буквенными знаками или путем вышивания на кошме и на пологах дверей у войлочных юрт. В старину такие же клейма находили применение еще при проведении поскотины и при дележе утугов. В таких случаях они ставились на особых жердях, на концах межей или выжигались на вбитых в землю столбах.

Главное значение клейм заключается в том, чтобы закрепить право собственности на тот или иной предмет и оградить его, таким образом, от похищения. Такого рода клейма имеют самый разнообразный вид: черты, квадрата, ромба, полукруга, круга, креста, звезды, свастики, изображения стрелы, солнца и луны, различных орудий производства, предметов обихода. Названия клейм, большей частью, совпадают с названиями изображаемого ими предмета. Иногда один и тот же знак носит в различных местах Бурятии два, три и более названия.

Некоторые изображения клейм заимствованы из ламайского культа. Такие клейма более всего встречаются среди бурят-ламаитов (тункинские, аларские, забайкальские).

В нашей коллекции имеются следующие знаки:

1. «Хурган тамаган», т.е. изображение пальца, «шикшигэ тамага» — изображение мизинца, или «хауһан тамага» — кол (рис. 1);
2. «Хорби тамаган» — костыль (рис. 2);
3. «Алха тамага» — молот (рис. 3);
4. «Шажигайн набар тамага» — сорочья лапа (рис. 4);
5. «Хабар тамага» — птичья лапа (рис. 5);
6. «Ала тамаган» — точного перевода этого слова нет, приблизительный перевод — пространство между ног (рис. 6);
7. То же (рис. 7);
8. «Утха тамаган» — стрела или «гохо» — багор (рис. 8);
9. «Аса тамага» — вилы (рис. 9);

10. «Номо утха тамага» – лук и стрелы. Это наиболее распространенный знак собственности. Такие же знаки встречаются и на печатях (рис. 10);
11. То же (рис. 11);
12. То же (рис. 12);
13. «Барта тамага» – ворота или «уден тамага» – дверь (рис. 13);
14. «Хирписе тамаган», или «тосха тамга» – кирпич (рис. 14);
15. «Арам тамаган», или «шагабыр тамага» – изображение рамы, окна (рис. 15);
16. «Хресе тамаган» – изображение креста (рис. 16);
17. То же (рис. 17);
18. «Гохо тамага» – крючок (рис. 18);
19. «Хам тамаган» – изображение буддийского креста с завернутыми в одну сторону прямыми концами. Такой знак ставится на многих предметах обихода бурят-ламаистов. «Хас» считается знаком благопожелания, предохраняет от всего дурного, злого. Иногда «хас» бывает не с прямыми, а с полукруглыми углами¹¹⁸ (рис. 19).
20. «Дуга тамаган» – изображение дуги или «таха тамага» – подкова (рис. 20);
21. «Дуро тамаган» – стремя (рис. 21);
22. Знак, не имеющий определенного названия, по-видимому, представляет удвоение знака «номо утхэ тамага», т.е. лук и стрела (рис. 22);
23. «Дэгэ тамаган» – крючок для подвешивания (рис. 23);
24. «Цзендемуни тамага» – знак, заимствованный из ламайского культа (рис. 24);
25. «Тухрон тамага» – круг (рис. 25);
26. «Наран тамаган» – изображение солнца (рис. 26);
27. «Хара тамга» – изображение луны (рис. 27);
28. То же (рис. 28);
29. «Горди (горги) тамаган» – т.е. изображение пряжки (рис. 29);
30. Знак, заимствованный из ламайского культа;
31. «Соембу тамган» – ламайский знак, изображающий двух рыб. Знак символизирует дружбу, благополучие. Применяется этот знак больше всего у зажиточных бурят (рис. 31);
32. «Хас тамага» – такие знаки ставились более всего посредством железной печати (рис. 32);
33. «Хорло тамаган» – ламайский знак. «Хорло» в переводе означает «всегда приводящее к бесконечному совершенству, всечистейшее, золотое тысячерадусное колесо-хурдэ»¹¹⁹ (рис. 33);

¹¹⁸ *Хороших П.П.* Орнамент северных бурят // БС. 1927. Вып.3–4. См. табл. 11, 18, 20.

¹¹⁹ *Позднеев А.* Очерки быта буддийских монастырей и духовенства в Монголии. СПб., 1887. С. 87.

34. Буквенные знаки А.К.;
35. То же: П.П.Б.;
36. То же: М.Б.;
37. То же: И.А.;
38. То же: М.К.;
39. То же: М.С.Т.

Описываемый вид знаков собственности, как и знаки собственности на ушах, передаются по наследству от отца к сыну. Более всего буряты стремятся поддержать знак собственности деда. Сын, получая от отца предметы домашнего обихода со знаками собственности отца, вносит в них лишь незначительные изменения путем добавления линий, изображения знаков в перевернутом виде и т.п. В общем, семьи, имеющие родство, имеют также и близкие по своему виду знаки собственности. Но безусловно, иногда знаки собственности могли возникнуть и самостоятельно, вне какой-либо родовой связи. С момента столкновения бурят с русскими стали применяться буквенные знаки.

У ольхонских бурят еще не так давно существовал весьма интересный обряд «утха узур хяндылхэ», т.е. воспоминание о древних печатях, тамгах и их кормление. Такой обряд мне приходилось наблюдать и подробно описать в 1921 г. в улусе Кутул на острове Ольхон.

П.П. БАТОРОВ*

Некролог¹²⁰

В наших журналах в свое время был отмечен 75-летний юбилей Петра Павловича. Петр Павлович был бодр. И все-таки он был озабочен завершением и изданием своих работ: старик чувствовал, что время наступает, когда он должен подвести и жизненный и исследовательский итог. 30 июля 1927 г. Петр Павлович скончался.

Петр Павлович был старого покроя человек, крепкий, целостный и однолинейный. Такие люди стоят на том посту, какой они считают им предоставленным. Он был одарен живым умом, широким, может быть, несколько неожиданным для «провинциала» интересом не только к окружающему, но и к тому, что делается в мире. И у него был свой подход для ориентировки. Старые люди не проходили общественной или политической школы, дающей правило поведения, трафарет или лозунг. Они сами должны были для каждого отдельного случая находить решение. Это не гарантирует от ошибок, но делает человека не шаблонным, оригинальным; с таким человеком беседа всегда дает что-нибудь новое, свежее. Петр Павлович и в своих исследованиях и в своих общественных выступлениях оставался одним: он всегда додумывался сам, но считал обязательным посоветоваться с людьми, имеющими репутацию «ученых». Он не был в претензии, если такой ученый украшал его работу своим именем. Поэтому нередко работы Петра Павловича печатались под видом коллективных.

То же самое в общественной работе.

Известно, что Сибирь — золотое дно: мы ходим, живем над бесчисленными богатствами. Об этом имеется большая литература. Все понемножку говорят об этом. Возьмем, например, разговоры о нефрите — чрезвычайно ценном минерале, который, как говорят, находится в виде целых скал в Саянах. Петр Павлович занялся нефритом очень серьезно. Он много ездил в поисках месторождений нефрита и собрал богатейшую коллекцию разных нефритов (к сожалению, погибшую во время пожара, истребившего имущество Петра Павловича). Но на это время он не остановился, а очень много хлопотал об организации предприятия для разработок нефрита. Так же прак-

* Бурятияведение, 1928. №1–3 (5–7). С. 289–292.

¹²⁰ Помещая заметку Н.Н. Козьмина о П.П. Баторове, редакция не имеет возможности в данное время дать подробную характеристику П.П. Баторова, как представителя старого поколения бурятских общественных деятелей, с именем которых связано дореволюционное общественное движение бурят-монголов. Общественно-политическая деятельность П.П. Баторова еще ожидает соответствующей оценки — от ред. СЖС.

тически он подходил к школьным, санитарно-врачебным и другим вопросам.

Петр Павлович, как бурят-монгол, любил охоту и охоту облавную. Великий хан Угэдей, сын Чингисхана, говорил, что и жить не стоит, если не стрелять с лошади. Петр Павлович, стреляя на скаку с лошади, сваливал дикого козла. Он был замечательный стрелок и наездник.

И в молодости он примыкал к кругам прогрессивных людей. Эту ориентацию ему подсказывала и инициативность его натуры и живой ум, и принадлежность к подчиненной и притесняемой народности. Он чувствовал, что будущее в этом направлении. В числе друзей он мог считать Г.Н. Потанина, который хорошо знал его семью. Дочь Петра Павловича, М.П. Трубачеева, известная бурятская писательница, как-то напечатала в одном из сибирских журналов рассказ, под своим псевдонимом. Я как раз увиделся с Григорием Николаевичем, и он спросил меня, чей рассказ; на мой ответ Григорий Николаевич с трогательной нежностью сказал: «Да ведь я ее вот такой знал», — и он указал на аршин от земли. Результатом знакомства с Г.Н. Потаниным явилось участие Петра Павловича в изданиях ВСОРГО. Им опубликованы историко-этнографические материалы, представляющие ценные данные для истории бурят и для их этнологии, при этом он использовал семейный архив и семейные предания. Его сообщения о прадеде Ирбане имеет ту, прежде всего, ценность, что увязывает устное предание с документальными данными; затем это сообщение увязывает события бурятской истории с Монголией. Может быть, ошибочно, но тем не менее характерно для него: Петр Павлович пытался разобраться в достоверности устных родословных. Он обнаруживал при этом некоторую страстность, обвиняя авторов родословных в невежественном «вранье». Он не всегда был в этом прав, но его указания на несоответствия родословий заставляют внимательно разобраться в племенных источниках преданий. Интересны также его указания на роль в бурятском фольклоре Алтая. Как и в других случаях, Петр Павлович и здесь не исходил из какой-либо теории, а руководствовался верной интуицией, — он как бы нащупывал правильный путь. Происходили ли буряты с Алтая или нет, Алтай, несомненно, в их этническом происхождении роль играл. Мы будем искать ответа в разнообразии образовавших бурятскую народность элементов. Петр Павлович так вопроса не ставил, но он соответствующий материал подбирал и таким образом направлял последующее изучение.

Охотник сказался в лице Петра Павловича той любовью, с какой он собирал охотничьи приметы, обычаи и т.д. И во время своих охот и во время странствий в поисках нефритов он мог собрать исключительно богатый материал по охотничьему фольклору. Был

Петр Павлович большим знатоком по части онгонов и шаманских молитвословий и песен. Его богатая память удерживала большое количество стихов, изречений, присловий.

В его записях, сделанных иногда по памяти в позднейшее время, предстоит внимательно разобраться нашим бурятским фольклористам.

После Петра Павловича осталось значительное научно-литературное наследство в виде рукописей отчасти готовых к публикации. Отчасти же нуждающихся в добросовестной и дружественной редакции. Мы надеемся, что в Буреспублике найдутся для этого и люди, и средства. Для начатого в большом масштабе дела научного изучения Бурятии работы Петра Павловича будут иметь немалое значение.

Если мы сопоставим Баторова и Хангалова, то мы должны иметь в виду, что М.Н. Хангалов всю жизнь почти посвятил своим изучениям; Петр Павлович всю жизнь ими занимался, не порывая с другими интересами. Но они много имели общего по методам и по направлению своих работ.

Петр Павлович был умный и интересный собеседник. Его живо затрагивали вопросы современности. Самые изучения свои он увязывал с заданиями, которые ставятся перед его народом запросами культурного и физического возрождения. Все эти темы было очень интересно обсуждать с этим сдержанным, осторожным и самостоятельно разбирающимся, бывалым, много выдавшим и слыхавшим человеком. У него, как у многих бурят, было исчезающее чувство своей народности, привитое особым сословным и национальным положением бурят и постоянно обостряемое мелочами повседневного уклада старорежимной жизни, хотя Петр Павлович пользовался всегда особым уважением, ослаблявшим лично для него эту особенность социального положения.

Предок Баторовых происходил из Монголии. Был ли он халхасец или бурят, по-видимому, сейчас нет определенных данных. Но Баторовы прочно вошли в состав аларцев-хонходоров. Они играли всегда значительную роль в общественной жизни Алари. Петр Павлович жил в особой усадьбе в степи. Дом его был на городской лад. Книги, коллекции были украшением дома. Этот дом сгорел, и Петр Павлович в последние годы жил часто у своих дочерей, постоянно кочуя по сбору своих этнографических материалов.

По наружности это был, пожалуй, типичный аларец, коренастый, среднего роста, с живым выражением лица и пронизательным, острым взглядом, с культурными манерами. Подвижная жизнь сказывалась быстрыми движениями и умением также быстро ориентироваться. Это был хороший представитель бурятской народности.

Научное общество в лице Петра Павловича потеряло крупную исследовательскую силу и преданного, идейного, деятельнейшего члена Общества.

НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ АЛАРСКИХ БУРЯТ*

Новый год начинается осенью. Как только покажутся на горизонте Плеяды, то наступает и новый год, что бывает в конце августа или в начале сентября, и с того времени можно сказывать сказки. В летние месяцы, когда на небе не видны Плеяды, то сказки не говорят – грех.

1. месяц *Кхук* – течка, ярость баранов – сентябрь
2. *Улара* – черная индейка – октябрь
3. *Ури* – ноябрь. В этом месяце начинают скот кормить сеном и запасаются мясом на зиму.
4. *Гуран* – самец дикий козел – декабрь. Долгота дня удлинится на скачок гурана.
5. *Буга* (изюбрь) – январь. В этом месяце снег начинает таять у порога жилого дома и день удлиняется на скачок изюбрия.
6. *Хусса* – баран – февраль. Первый день рождения сего месяца у ламантов бывает новый год. Саган-сара, т.е. белый месяц.
7. *Улан-зудан* – март – потечет красная снежная вода с гор.
8. *Ехэ буран* – большой медведь самец – апрель
9. *Бага бурган* – малый медведь или травяной медведь – май
10. *Гани* – собака – июнь. Поговорка: *гани гхара, галзу иден*, т.е. собачий месяц и бешеная пища (тарасун).
11. *Хожу* – июль, в этом месяце удои молока уменьшаются.
12. *Уольжин* – август, в этом месяце дни укорачиваются.

Лунные месяцы буряты определяют по совпадениям с Плеядою, и показывают *гхара мэшэни тохён*, это есть самое близкое стояние между собою Луны и Плеяд. И так эти *тохёны* бывают: в месяце *Ури* на 15 день Луны, *Гурана* на 13-й, *Буга* на 13-й, *Хусса* на 9-й, *Улан-Зудан* на 7-й, *Ехэ-бурган* на 5-й, *Бага-бурган* на 3-й, *Гани* на 1-й день, но последний тохён человек не видит, а видят на земле живущие собаки, да в воде живущие рыбы.

Считают, вернее делят месяц на три части; первый день рождения Луны называют *буту шины* – полный новый, второй день *хоер-шышы*, второй новый день и т.д. до десятого дня включительно, с 11-го до 20-го просто считают 11-й, 12-й и т.д. до 21-го дня, а затем начинают считать 9 *хушан* (9-е число устаревшей Луны) 8 *хушан* и т.д. до 1-го последнего числа Луны, а в ночь между старой и новой Луной называют *забагхар*, т.е. междулуние. В эту ночь буряты боятся отлучиться из дома, т.к. в ночь междулунья много шляются по земле нечистых духов *бохолдоев*.

* ЭБ. №3. 1922.

Считая 12 месяцев по 30 дней в году, получается 360 дней, из остающихся ежегодно 5 дней, через каждые пять лет на 6-й, будто бы в старину допускали 13-й високосный месяц, называемый *гха-рагха тагхарагхан гхартагшан гхара*. Но, к сожалению, нынешние буряты не умеют объяснить, в каком году прибавляется названный високосный месяц и сколько дней бывает в этом месяце.

Летоисчисление имеет 12-ти летний цикл; начинается так:

1. *Хулгана* – мышь, был в 1912 г. – считается благоприятным годом.
2. *Улыр* – бык – 1913 – холодным.
3. *Бар* – барс – 1914 – благоприятный, урожайный.
4. *Тунай* – заяц – 1915.
5. *Лу* – дракон – 1916.
6. *Могой* – змей – 1917 – год несчастливый.
7. *Морин* – лошадь – 1918.
8. *Хонин* – овца – 1919 – теплая зима.
9. *Бишин* – обезьяна – 1920.
10. *Тагхя* – курица – 1921.
11. *Нохой* – собака – 1922 – лето мокрое.
12. *Гахай* – свинья – лето сухое.

Затем начинается со старшего года мышь, и таким порядком будущий 1924 г. будет годом мыши и т.д. по порядку.

По поводу наименования 12-ти лет, вошедших в цикл, существует у бурят следующая легенда.

Бурхан, желая создать 12-летний цикл, возвестил всем одушевленным существам о том, что, кто первый увидит лучи восходящего солнца, именем того будет назван первый старший год. Тогда верблюд, думая, что больше его ростом нет животного, что наверное он первый увидит лучи солнца, и улегся обратив голову на восток и ожидает восход солнца, а маленькая мышка незаметно залезла на голову того верблюда и смотрит на запад. Утром лучи солнца отразились на вершине западной горы, тогда мышка закричала: «Я вижу лучи восходящ. Обманутый верблюд соскочил и хотел затоптать мышь, но она скрылась в пепел и так увернулась. Поэтому, говорят, верблюд по сне время как увидит пепел, то топчет его, думая там затоптать плутоватую мышь.

В общем в Аларском районе борются три календаря – народный описанный выше, ламайский циклический и русский общегражданский. Простонародье и старики держатся старины. Верующие буддисты пользуются своим ламайским календарем, молодежь живет по русскому календарю.

Ламайский календарь оказал сильное воздействие на народный. Но бывает часто, что народный календарь вступает в борьбу с ламайским и тогда начинаются нескончаемые споры, как называть месяц, обычно много спорят всегда из-за названия марта.

МАТЕРИАЛЫ ПО ОРАТОРСКОМУ ТВОРЧЕСТВУ БУРЯТ*

По поверию бурят, душа человека иногда может покинуть тело и, не возвращаясь обратно на свое место, т.е. в тело, скитаться сначала недалеко от своего жилища или же от того места, где разлучилась с телом. Такие случаи бывают от сильного и внезапного испуга человека. Когда душа оставит тело, то потерявший душу человек неминуемо захворает: он часто бредит, недомогает, хиреет и умирает. Если факт испуга подтвержден ворожкой шамана, немедленно готовятся и приступают к обряду *һүнэнэ хуруйлаха*, прибегая к помощи хорошо знающего шамана. Для совершения обряда требуются следующие предметы: один чистый, не бывший в употреблении белый войлок для подстилки под больным, другой такой же войлок под ноги шамана, стоя на котором он будет шаманить¹²¹, ведро с небольшим количеством белой пищи, т.е. с молоком или с *куронгою*. На дно ведра кладут рублевую серебряную монету (как символ прочности товара и богатства *хатту-эт*), в то же ведро втыкают *далангайин һомо* (специальная стрелка для испрошения небесных и земных благодатей при всяком священном обряде) и ставят это ведро у западной колонны юрты. К стрелке за ушко привязывают длинную шелковую нитку красного цвета, а к ней медную пуговку. Затем нитку через дверь протягивают на улицу, где заранее среди двора втыкается в землю небольшая береза; на один кусочек березы прикрепляют нитку с пуговкою (красная шелковая нитка служит путеводной ниткой для обратного возвращения исчезнувшей души). Дверь юрты все время остается открытой. Близ березы сидит человек и держит за повод оседланного самого лучшего коня. Возвращение души узнается по лошади, которая начинает дрожать и шевелиться. Затем душа переходит в человека, который держит лошадь и через него по нитке — в тело заболевшего человека.

В юрте на стол ставят вино, тарасун, табак и разного рода любимые кушанья, сладости — сахар, конфеты, пряники и орехи. Посуда и разные предметы, в которые кладется пища и сладости, предварительно окуривается шаманом дымом вереска; это делается с целью

* БС, 1926. Вып.1. С. 25—29.

Печатаемый материал получен в ответ на программу Г.С. Виноградова «Заметка об изучении народного ораторского искусства», 1925 г. — ред. БС.

¹²¹ Как войлок, так и тар, не бывшие в употреблении, у бурят считаются священными. Войлок подстилается при всех торжественных праздниках, как гостям, так и шаманам. Изготовление войлока сопровождается особыми обрядами и даже есть особые духи-покровители войлока и тары. Говорят, первые образцы этого товара, т.е. войлока и тары, были спущены с неба на землю. Возможно, что белый войлок символизирует облако, на котором шаман поднимается в верхний мир.

очищения посуды и содержимого в ней. Если больной человек уже стар, то собирают в юрту больше стариков и старух; если он средних лет, то его сверстников, по летам; в случае, если больной маленький, то собирают в юрту детей обоего пола, и к сладостям добавляют разных детских игрушек, а мать сидит возле больного ребенка с обнаженной грудью. Во двор загоняют весь скот, не исключая даже собак; иногда, по требованию шамана и указанию его, загоняют скот, принадлежащий и соседям больного. Это делается в тех видах, чтобы отлучившаяся из тела душа, одичав, могла пристать к скоту или собакам. Как самого больного, так всю семью одевают в самое лучшее и чистое платье; все присутствующие должны быть чисто умыты и прилично одеты; также во дворе и в юрте должна быть чистота. После такой подготовки шаман приступает к предварительно-подготовительным обрядам брызгания и молебствия *Баруни-хадам*, *Убогутам-хородутам*, местным *духам-эжинам* – покровителям той местности, где живет больной и предкам его *утха*. Затем шаман брызгает от себя и за себя своему шаманскому *утха*. Шаман молением просит у всех упомянутых духов-*заянов* благоволения, милости и помощи в его предприятии, в деле возвращения к больному с перепуга заблудившейся и одичавшей души. Если душа принадлежит к женскому полу, то еще брызгают трем девицам ахханутов, т.е. тарасинских шаманов. По окончании всей предварительной подготовки шаман приступает к главной своей задаче – к обращению с призывом к той самой душе, которая отлучилась с перепугу от тела и не возвращается к телу. Полагают, что чем скорее сделают обряд возвращения ушедшей души, тем скорее и легче достигается возвращение и водворение ее в тело, а если продлится время, то становится труднее, ибо душа с каждым прошедшим днем больше дичает и отдаляется и, таким образом, может уйти и исчезнуть навсегда; тогда больной умирает, захирев без души. Обряды и попытки возвращения и водворения души к телу можно повторить до трех раз в дни, назначенные шаманом. Об удачном возвращении и водворении души на свое место судят по следующим признакам: во время камлания в экстазе шамана больной внезапно почувствует разлившуюся теплоту по всему телу и неудержимо заплачет. Вслед за ним вся его родня тоже плачет (по-бурятски *у-яра*, буквально перевести – «распустились», «размякли»), даже посторонние люди не могут удержаться от слез. В таком случае все бывают уверены в том, что душа водворилась куда следует, и больной скоро вполне выздоровеет. Шаман становится на разостланный войлок, берет ведро с *далангою* и, махая ведром кругообразно по ходу солнца, начинает шаманить и входит в экстаз (*онго-орулохо*). Он громко призывает душу больного. При этом все присутствующие отстегивают верхние пуговицы у воротников.

Текст призывания начинается так:

«Отец твой *Абаша*, мать была *Эжин*, твое имя *Ирдэни*... Где ты находишься, куда же девался?.. Из чуждедальной стороны соединив-

шаяся с тобой подруга жизни твоей, оставшись в тоскливом одиночестве, грустно сидя в юрте, сквозь слезы обзоревавшая стены и вспоминая прежнюю счастливо-радостную жизнь свою с тобой, теперь оплакивает и воспекает мучительную тоску свою. Из утробы родившиеся милые дети твои с плачем и рыданием зовут тебя «Ба-абай, где же ты? Приди к нам!» Услышь ты их зов и приди поскорее сюда. А, *хурый!* Твои старшие и младшие братья, престарелые родители, улусные старцы, друзья и сверстники твои, собравшись все, слезно просят и умоляют возвратиться в среду их. Ты, услыша единогласное их призывание и мольбу, спеши вернуться к родным. А, *хурый!* Любимый конь твой оседланный стоит и ждет тебя. Вернись ты к коню своему. Если ты оставишь его, то на нем будет ездить какая-нибудь сволочь! Пожалей коня и вернись поскорее... А, *хурый!*.. Все твоё красивое и богатое одеяние без излишка и недостатка, без соринки и пылинки находится налицо — вернись и надень их. А, *хурый!* Все твоё домообзаведение в полном порядке и блестящем положении, налицо стоят — вернись и, владея ими, будешь блаженствовать на многие годы... А, *хурый!* Любимая жена твоя и милые дети твои, так неожиданно осиротев, с плачем и рыданием отчаянно кричат и с тоскою зовут тебя: «Бабай, где ты?» Услышь, пожалей их и вернись к ним... А, *хурый!* Многочисленный конный табун твой громким ржанием зовет тебя и выражает с тоскою: «Где же ты, хозяин наш?» Вернись ты к нам. А, *хурый!* Многочисленный рогатый скот твой с ревом и мычанием зовет тебя — хозяина; услышь их тоскливый зов и скорее вернись к ним. А, *хурый!* Целое стало овец твоих с тоскою и бляением зовет тебя, вернись ты к ним. А, *хурый!* Во дворе вскормленная собака твоя с лаем и воем призывает тебя, вернись ты к ней. А, *хурый!* Разложенный тобою на очаге огонь твой будет гореть неугасимо десять тысяч лет. Благодатью рожденное тело твоё будет девяносто лет здравствовать и блаженствовать. А, *хурый!* Столь огромное богатство и блаженное житьё своё зря не покидай, вернись поскорей и владея блаженствуй! А, *хурый!* Вот полны столы, наставлены любимые тобою яства, кислосладкий тарак, сытный *амхан* (вареная в молоке крупа — П.Б.), вареный саламат, как золото с обильным маслом, *урмо-тарак холр* (молочная пенка с *тарак*ом — П.Б.), а вот полное блюдо вареного мяса; жирное мясо, поставленное для тебя; стоит чай с сахаром и с глазированными пряниками, — вернись, сытную пищу прими, сладостью насладись, слушая о чем просят и умоляет милая твоя родная семья, улусные почтенные старцы, соседи, вся ближняя и дальняя родня твоя, усевшись кругом, слезами и печальными песнями возливают удрученное своё состояние о потере тебя; все они, отстегнувши верхние пуговицы одежды своей, держа каждый в руках лучшие части благодатной пищи и крепкие сорта (или лучшей марки) разных напитков, единогласно умоляют и хором распевая, просят тебя вернуться. А, *хурый!* Ты знай и пойми,

та страна (тот свет) черна, холодна и страшна, а эта наша страна светла, тепла и благодатна; ради этого ты вернись к нам; на утуге своем будешь старцем почтенным, в стране своей будешь *ноином* главным. Черная страна страшна, а светлая страна красива и благодатна, поэтому вернись к нам. А, *хурый!* А, *хурый!* А, *хурый!*»

Душу маленьких детей заманивают так: «Отец и мать твои стары стали, оба сидят плачут и рыдают о тебе. Если ты уйдешь от них, то кто же заменит им тебя и кто же будет покоить их старость? Ведь они с печали втянутся в вино, сделаются пьяницами и так погибнут, и род ваш прекратится на земле и всем наследственным достоянием завладеют чужеродцы. Ты, дитяtko, услышь призывание родителей и мое, вернись. А, *хурый!* Дома будешь девяти сыновей отцом, 90 голов скота хозяином, восьми дочерям отцом, 80 голов скота хозяином, богаче отца, лучше матери заживешь, полны *голумы* (площадка для коня – П.Б.), будут дети, расплодившийся скот твой заполнит горный хребет – итак, дитяtko, вернись, вернись для блаженного житья. А, *хурый!*»

Если душа принадлежит девочке, то шаман манит ее так: «Девяти сыновей матерью будешь, 80 скотин владелицею будешь, вернись и вернись к родным. А, *хурый!*» Затем шаман в заключение всего провозглашает: «*Утта наһа, удан жаргал гуримаринь гуйжа аба-баб!.. А, хурый!.. Даша убэ даланга, кэлэшэ убэ кэшэк хурый-лажа аба-абабыб! А, хурый! А, хурый! А, хурый!*»

Все присутствующие единогласно вторят шаману трижды: «А, *хурый!*» Заключительные слова шамана можно передать приблизительно так: «Испросил я установленным порядком, и *хуруем*, – долголетие, продолжительное благополучие, тяжеловесное *даланга*-благодать, неотразимое и невыразимое благоволение свыше; все это передано больному! Да будет отныне все задуманное хорошо, предпринятое удачно исполнится всегда благополучно!» «А, *хурый!*» повторяется трижды.

По окончании вышеизложенного, рассказчик настоящего обряда возвращения и водворения души в тело, аларский тайлаганский шаман Илья Ханхалович Мохоchкеев добавил еще следующее: «Если со времени разлучения души с телом прошло много времени, душа успела одичать и отшатнуться, а тело большого человека успело принять дурной, т.е. противный запах, свойственный сильно и долго болевшему человеку, то душа по призыву шамана хотя и вернется, но она не согласится обратно вселиться в покинутое ею тело. Тогда никакой шаман не поможет, и дело проиграно навсегда. Поэтому с обрядом возвращения души в тело всегда необходимо спешить»¹²².

¹²² Записано от аларского тайлаганского шамана Ильи Ханхаловича Мохоchкеева в Аларском хошуне, Бадархонском улусе в 1925 году.

**КУЛЬТ ЗАЯШИ, ЗАЯНОВ, ОНГОНОВ
У СЕВЕРОБАЙКАЛЬСКИХ БУРЯТ***

История работы

Заведуя музеем народоведения Сибирского отдела Русского географического общества в г. Иркутске в 1920–21 годах, имел возможность близко ознакомиться с культурой бурят по коллекциям музея и по черновым рукописным записям знатока быта своего народа М.Н. Хангалова. Он, собирая коллекции бурятской духовно-материальной культуры, препровождал их в Иркутский музей с подробным описанием их, делая иногда объяснения их значения и употребления. Главное свое внимание Хангалов обращал на шаманство бурят и, преимущественно, на онгоны. Профессор Иркутского Гос[ударственного] Университета Б.Э. Петри, руководивший работами по реорганизации музея, часто говаривал мне, когда я регистрировал предметы шаманского культа и разбирал рукописи Хангалова: «составьте описание онгонов у северо-байкальских бурят, и Вы делаете большое дело, так как такой работы в печати еще нет». Этим советом я и воспользовался.

Получив в 1920 г. командировку к балаганским бурятам, я с инструкциями и указаниями проф. Петри отправился в Кохинский хошун, где, по рекомендации студентки О.А. Зеленикиной и вступил в живое и непосредственное общение с бурятами. Без рекомендаций входить в близкое отношение к бурятам весьма трудно.

Мои хозяева, старики Халматовы, узнавши меня, познакомили меня с своими родственниками. Сначала я обращал внимание на внешнюю сторону жизни: как живут буряты, что пьют и едят, смотрел как выделывают кожу, жнут хлеб, его убирают¹²³; ходил почти ежедневно в бурятскую кузницу, сживал подолгу у мастера деревянной посуды. Заказывал для Иркутского музея то ложку, то острогу; платил за это — что запросят. Не отказывался не только от трапезы, но и от тарасуна и табака. Одним словом, старался я сдружиться с кохинскими стариками, так что, когда наступил праздник «Покровский тайлаган», я был уже желанным гостем на нем. Меня не только приглашали на тайлаган, но даже наделяли жертвенным мясом, а потом позвали с собой по юртам ходить для моления с ними. Рассказы и объяснения со стороны стариков пошли сами собой, непринужденно, и даже с охотой, тем более, думали они, что все это будет напечатано. Мое звание заведующего музеем и «помощника профессора» (тогда я был ассистентом Иркутского университета

* ГАИО. Ф. 565. Оп.1. Ед.хр. 35. Л.3–16. Публикация А.А. Сириной.

¹²³ Хотя был Покров, но жнитво не было окончено.

при кабинете археологии и этнографии) — придавало мне вес и значение в глазах бурятского населения. Меня стали знать не только в Кохе, но и в округности. Начинал я свое знакомство со стариками, выспрашивая их родословную и указывая что некоторые старики знают свой род до Буха-ноёна. Нужно заметить, что буряты очень любят говорить о своих предках.

Первым моим приятелем сделался шестидесятивосьмилетний старик Атан Атутов, мастер деревянной посуды, человек совершенно одинокий. Он плохо мог объясняться по-русски и по-бурятски был не речист, но отрывками кое-что мог рассказать о Буха-ноёне, его родстве; главная же его заслуга была в том, что он, как старый холостяк, не боялся не только говорить о покойниках и вообще о духах, но даже не побоялся проводить нас к *Глин-Толгою*, на самую священную гору, где пахнет смертью и бедой! «Ну — он таковский!..» — пренебрежительно отзывалась о нем наша хозяйка Халматова. Действительно, Атутов был близок к онгонам, заянам и заяшам и вообще — к покойникам. Главным его занятием в религиозной жизни было сжигание онгонов, т.е. «возвращение их домой» («харюлха»); да к тому же он сам был холостяк, а потому никаких онгонов у него самого не было (кроме «ехон», т.е. иконы — медного распятия) и, значит, они ему вредить не могли.

Другим моим приятелем был кузнец Ашахан. Он мало понимал в религии и не мог брать в рот раскаленного железа, как делают другие опытные кузнецы; но брызгания около своей кузницы он устраивал и «вымаливал дождя». В его кузнице я заводил знакомства с другими бурятами, более Ашахана опытными в религиозном деле.

Большим знатоком в религиозном деле был в Кохе Батудай Балханов, на тайлаганах он был главным руководителем; вот он-то и любил мне рассказывать и об обрядах, и о жизни бурятских «святых».

Познакомился я и с тамошним шаманом Андреем Задорным, но он не имел большой славы и кроме своего происхождения от «шаманского корня» ничем особенным не отличался; он сообщил мне о некоторых онгонах, имевшихся у него.

Был в Кохе еще один человек — Виктор Хулугуров, хорошо грамотный. Он многое из религиозной жизни рассказывал мне, но я отношусь к инородческой интеллигенции с недоверием: она религиозную жизнь понимает не так, как простой народ, и толкует по-книжному и по-культурному. Также бывалый грамотей старается показать свое бесстрашие пред онгонами и другими шаманскими святынями, но это показное бравирование лишает возможности наблюдателя заметить то непосредственное чувство, которое возбуждает в верующем человеке тот или иной предмет культа. Когда Хулугуров стал рассказывать мне о житии своих онгонов, и при этом хотел открыть их

бесстрашно, то его мать грозно закричала на него, и он прекратил разговор об этом. Так и нельзя было уловить того чувства, которое возбуждают его *зураки*.

Известны всем в округе енисейский старик Василий Суханов, твердо знающий свою родословную до Буха-ноёна, много рассказывал о шаманстве, но его известность меня смущала: он часто гастролирует перед всеми, кто интересуется этнографией, а потому, я думаю, он, чтобы показать себя всезнающим и чтобы не уронить своего престижа, не прочь выдумать из своей головы и объяснить и рассказать то, чего не знает. Поэтому таким людям я предпочитал простого бурята, хошунного ямщика из улуса Янгута, Сабык Петрова. Между прочим, этот Сабык, еще молодой человек, охотился на медведей и знает, как нужно относиться к медведю¹²⁴: культ медведя не потерял еще своего значения в этой местности.

Енисейский старик Тугуткон Скольжиков рассказал мне о Буха-ноёне, а его сын Василий, человек с агрономическим образованием, объяснил мне, почему на заяне хоринских девиц нарисованы лебеди. Хотя отец и сын не слынут в народе знатоками народных преданий и их рассказы не сходятся с таковыми, имеющимися в печати, но я пользовался и такими людьми, чтобы из сопоставления разных преданий об одном и том же сделать соответствующие выводы.

В Енисее же Илья Петров показал мне нигде не виденный мной случай — заян хоринских девиц с сальными свечами.

Старики-буряты с большой охотой любят рассказывать о своих предках — кто, когда и где жили, чем занимались. И эти разговоры служат для этнографа началом знакомства и сближения с знатоками верований. Кроме помянутых Суханова, Скольжикова, Атутова, Ашахана Халматова своими сведениями меня снабжали старик Белановского большого улуса Ернок Ганзаков и Бильчирский Мадас Хандухаев. Это была моя первая поездка с этнографической целью к балаганским бурятам. 14 ноября 1920 г. в студенческом научном кружке «Народоведение» (в помещении канцелярии Иркутского государственного Университета) мною был сделан доклад на тему: «Летняя поездка к балаганским бурятам и древние находки около Балаганска и Олонок». Интерес, возбужденный этой поездкой и докладом, вызвавший оживленный обмен мнений, побудил меня на дальнейшую работу в этом отношении и в этом направлении.

Для этой цели проф. Б.Э. Петри устроил мне в начале 1921 г. вторую поездку к балаганским бурятам, и я тогда поработал в Боханском районе. Здесь мне пришлось познакомиться с секретарем Боханского отдела народного образования Георгием Халмашкеевым,

¹²⁴ Сравни: *Земляничкий Т.А.* Охота у чуваш Самарского края // Самарский край. Охота. Самара, 1925.

который оказывал мне в моих поисках этнографического материала ценные услуги. Этот Халмашкеев в шаманском деле знал мало, но искренно верил и любил шаманство. Он узнавал, где и что можно видеть и записать. Повез он меня однажды в первое Готольское общество в надежде попасть на камлание шамана, т.к. эта деревня находилась в глуши, редко посещалась красноармейцами и была довольно зажиточна, — значит, для камлания все условия были налицо. Вместо моления шамана мы попали на моление «Унгинской бабушки». Когда после моления началось угощение тарасуном, старики, совершавшие жертвоприношение, Тарас Тимуров и Дабей Даньшинов, друг друга перебивая, рассказали мне историю «Унгинской бабушки», а также и об «Убугуне на Уляхе». Халмашкеев, как знаток русской речи, помогал во многом, переводя иногда бурятскую речь на русскую. Познакомил он меня и с другими стариками: из Первого же Готольского общества Прокопием Николаевым и из Третьего Готольского общества — Балданом Баранниковым, Егором Покля, Мотоном Сергеевым, из второго Готольского общества — Иваном Николаевичем Майоровым. Их рассказы о *Холонго*, о Боханском *Заяши*, о молениях при разных обстоятельствах жизни, уясняли мне ранее слышанное, виденное и читанное. Но нужно заметить, что Мотон Сергеев, много знающий о шаманском культе, боялся откровенничать, ссылаясь, что он болен и все забыл. С большим трудом и то по наводящим вопросам сказал он только шесть колен своей родословной, хотя и знал, как утверждали многие, свою родословную до Буха-ноёна. Потом я узнал, что он боялся рассказывать потому, что его могли бы для подтверждения сказанного потревожить вызовом в Иркутск. Впрочем, немало помехи здесь было и в том, что в Третьем Готольском обществе нас сопровождал кто-нибудь из членов ячейки, к которой религиозные старики не особенно благоволили и потому в присутствии партийного не имели расположения говорить. Но вот Иван Николаевич Майоров — охотник поговорить о вере при ком угодно, как будто многое знает и пользуется в этом смысле хорошей репутацией у населения; поэтому я поспешил воспользоваться им. Оказалось, что он знает о шаманстве по книгам Хангалова, сам не верит в шаманство и о всем говорит с своей точки зрения. И я, таким образом, почти ничего не узнал от него. Зато Платон Михайлович Пирожков из самого Бохана, учившийся в Иркутской гимназии (5 классов прошел) утешил меня своей искренней верой в шаманство и своим знакомством с ним. Как неофит (недавно уверовал он), получивший сам и жена его исцеление от шаманского моления умершему шаману Егору Тарасинскому, он очень старательно изучал шаманство от своего дяди шамана по имени «Абоня». Конечно, как учившийся в гимназии, он старался объяснить кое-что по-ученому, употребляя слова «инстинкт» и т.п.; но я слушал только то, что при мне говорил ему «Абоня», который плохо мог объясняться по-русски.

Так я получил сведения о местных бурятских «святых» и частью о хоринских *заянах* и т.п.

Третья командировка в ту же местность дала мне то, что я окончательно решил описать культ *заяши*, *заянов* и *онгонов* у северобайкальских бурят — тем более, что разбор шаманской коллекции в Иркутском музее мною был окончен и рукописи покойного М.Н. Хангалова, хранившиеся в музее, мною были рассмотрены и у меня прояснилось понимание бурятского «культа святых».

В третью поездку к старым моим знакомым прибавились новые: интеллигентный Шаракшинов из Бохана и кузнец Дамбинов из Заглика. Были и другие знакомства, но я упоминаю о вышеуказанных лицах потому, что они в местной жизни бурят имели некоторое значение или же старались иметь свое влияние, а также и для того отмечаю, чтобы показать, как исследователю трудно бывает ориентироваться в людях. Шаракшинов готовился раньше в миссионеры — учился в церковно-учительской школе, на миссионерских курсах при Казанской Духовной академии, слушал лекции в Казанском Гос[ударственном] Университете, был практикантом монголо-бурятского языка при Каз[анской] Дух[овной] Академии, а потом поселился на родине в Бохане, перешел в шаманство и решил быть руководителем национального образования бурят. Вот, думал я, этот интеллигент-бурят много знает из бурятской религиозной жизни и будет мне полезным. Но ожидания мои не оправдались. Из его красивых разговоров, из его обещаний я ничего не получал. Зато заглицкий кузнец Дамбинов дал мне много, позволив присутствовать при брызгании раскаленного железа. С ним познакомил меня мой приятель Николай Антропович Занданов из Заглики, мой ямщик моей второй поездки к бурятам. Он возымел ко мне, как к музейному деятелю, симпатию и, гостеприимно принимая у себя, рекомендовал меня всем как заведующего музеем и даже как «бурятского писателя», хотя я еще ни одной строчки не напечатал о бурятах. Нужно отметить, что буряты знают об иркутском музее, любят его и посещают не только грамотные из них, но и неграмотные, к каковым принадлежал и «Антропович». Вот однажды он и предложил мне поехать к кузнецу и посмотреть, как он будет «брызгать» раскаленным железом и дарить подарки своим «крестникам». Правда, посоветовал он мне не выдавать его, а сказать кузнецу, что я случайно зашел к «Антроповичу», когда он собрался ехать к кузнецу, и почти насильно «втерся» в эту поездку. Хотя все обошлось благополучно и кузнец Дамбинов не потребовал от меня объяснения, как я к нему попал, все же не позволил мне присутствовать, когда он брал раскаленное железо в рот. Обращаю внимание на все это потому, чтобы показать, что интимная сторона народной жизни требует «осторожного» с ней обращения и исследовать ее весьма трудно, т.к. здесь требуются и большой психологический такт, и знания народных верований.

МОНГОЛО-БУРЯТСКАЯ СКАЗКА
О МЭРГЭН-ЗОРИКТО*

Предисловие к сказке

Монголо-бурятский оригинал сказки о Мэргэн-Зорикто записан первоначально буквами тибетского алфавита и передан нам одним выходцем из Монголии, а затем переведен нами на русский язык в 1916 г. в Тункинском краю. Как по сюжету, так и по языку сказка эта довольно содержательна и интересна.

В конце сказки замечено, что она помещается в книге, называемой «Барайса». Среди богатого материала, содержащего монгольские и бурятские сказки и собранного в трудах Г.Н. Потанина¹²⁵, проф. А.М. Позднеева¹²⁶, М.Н. Хангалова (новые материалы), того же автора и Н.И. Затопляева¹²⁷, А.П. Беннигсена¹²⁸, проф. Б.Я. Владимирцова¹²⁹, — среди всего этого материала записанной нами сказки о Мэргэн-Зорикто мы не нашли; не нашли также никаких указаний и на книгу «Барайса», указываемую как ее первоисточник.

Государственным издательством «Всемирная литература» в 1923 г. в Петрограде издан «Сборник монголо-ойратских сказок» под заглавием «Сидди-кюр — Волшебный мертвец», с переводом и предисловием проф. Б.Я. Владимирцова. По словам последнего, сказки этого сборника — индийского происхождения, в Тибете подверглись значительной переработке, а затем они очень хорошо сохранились у монголов и калмыков в форме книжной и в виде устных народных пересказов. Монгольский сборник «Сидди-Кюр» содержит 25 сказок, имеющих ясный отпечаток буддизма; ойратский (калмыцкий) оригинал рукописи сборника приобретен у одного ойратского князька из «Северо-западной Монголии» (Владимирцов, предисловие к сказкам).

* Монголо-бурятская сказка о Мэргэн-Зорикто // Труды проф. и препод. ИГУ. Вып. XII. Иркутск 1927.

¹²⁵ Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 годах по поручению ИРГО членом-сотрудником онаго Г.Н. Потаниным. Дневник путешествия и материалы для физической географии и топографии Монголии. Вып. I, СПб., 1881; Вып. II, СПб., 1883.

¹²⁶ Позднеев А.М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг. А. Позднеевым. Т. I, 1896. Дневник и маршрут 1892 г. Т. 2, 1898. Дневник и маршрут 1893 г.

¹²⁷ Хангалов М.Н., Затопляев Н.И. Бурятские сказки и поверья, собранные Н.М. Хангаловым, О.Н. Затопляевым и другими // Записки ВСОРО по отделению этнографии. Иркутск. Т. I. Вып. 1, 1889; Вып. 2, 1890.

¹²⁸ Беннигсен А.П. Легенды и сказки Центральной Азии. СПб., 1912.

¹²⁹ Владимирцов Б.Я. Библиография монгольской сказки // ЖС, 1914.

Хотя и в этом сборнике сказки о Мэргэн-Зорикто мы не находим, но по некоторым сюжетам эта последняя почти совпадает с сказками «Сидди-Кюра». Так в сказке «Ловкий гордец и царь» (с. 41) рассказывается о железном молоте, которым «если ударить по земле девять раз, появятся девятиэтажные хоромы», а далее говорится о козьей шубе, которую «если встряхнуть, пойдет дождь, какой хочешь». В сказке «Царевич и его друг министр» один молодец Хобдогойн-кэбюн (Сын жадного) надевает шапку и делается невидим ни для богов, ни для людей, ни для чертей (с. 19). Самое слово: «Норжима», — что морской царь в нашей сказке велит крикнуть в случае какой нужды, весьма созвучно с именем «буддийского святого Нагараджуна», этого «несравненного учителя» (с. 9,12, 13, 65, 66). Характерна, наконец, общая симпатия в сказках к дурачкам, замечаемая как в сказке о Мэргэн-Зорикто, так и в сказках из «Сидди-Кюра», из которых одна так и озаглавлена: «Дурачок» (с. 102–105).

Однако сходством в некоторых сюжетах и оканчивается близость сказки о Мэргэн-Зорикто к серии сказок из «Сидди-Кюра»: в остальном же ни в одной из этих последних мы не встречаем фабулы, одинаковой с нашей, из чего вправе заключить, что сказка эта, по отдельным сюжетам близкая к имеющимся в сборнике «Сидди-кюр» сказкам индийского происхождения, все же сохраняет свой эпический характер и свой оригинальный колорит.

Заметим кстати, что в названных нами сочинениях текст сказок приводится только русский, за самыми малыми исключениями¹³⁰.

Сказка о Мэргэн-Зорикто останавливает на себе внимание прежде всего формой языка чисто монголо-бурятского, на котором она зафиксирована. Язык сказки отличается простотой, легкостью, образностью и правильностью оборотов речи. В сказке мы встречаем выражение таких понятий, которые, по отсутствию обозначающих их слов, являются трудно переводимыми, как например, «благодарить», «суженый», или таких форм, которые для письменного языка являются редкими (*Хэлужиб*), даже своего рода идиотизмами (*зарлик боло*). Поэтому подлинный текст этой сказки может служить образцом простого, удобопонятного, оригинального монголо-бурятского слога и материалом, дающим ценные указания в затруднительных случаях при переводах на монголо-бурятский язык.

Если сказки принято делить на группы, как-то: сказки фантастические, мифические, бытовые, поучительные, исторические, комические и др., то сказку о Мэргэн-Зорикто можно причислить к бытовым и поучительным.

С другой стороны, ее содержание, напоминающее лучшие наши сказки «О рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина, «О коньке Горбунке»

¹³⁰ Позднеев А.М. Монголия и монголы... Т.2. С. 352.

Ершова, «О садке у водяного царя» А.К. Толстого и др., указывает на то, что сюжет сказки о Мэргэн-Зорикто является общим, международным, общечеловеческим. Трудно решить вопрос о том, чем объясняется в сказках это сходство сюжетов: является ли оно следствием единства законов человеческого мышления, или сходства условий жизни у разных народов; или заимствования сказочных сюжетов представителями разных рас, например, монгольской и славянской друг у друга, и кто именно у кого заимствовал. За последнее говорит, между прочим, целая брошюра Г.Н. Потанина, так и озаглавленная: «Восточные параллели к некоторым русским сказкам».

Для нас важно отметить, что в сказке о Мэргэн-Зорикто мы видим признаки особенностей быта монгольских племен: действие совершается среди их скотоводческой обстановки, водяной царь велит кликать «Норчжиму», волшебной является яманья шуба, в море герой въезжает, сидя за спиной (*хундалдан*) на одном сивом коне вместе с посланцем от морского царя и ведя в поводу своего солового коня.

О ценности монголо-бурятского эпоса вообще такой знаток, как проф. А.М. Позднеев в сочинении своем о характере народной песенной поэзии монгольских племен говорит следующее: «Мы находим у бурят всецело сохранившуюся ту жизненность, которая год от года убывает у оловов и почти исчезла у халхасов. Буряты до настоящего времени еще сохранили у себя и слагают свой эпос и почти ни одно из выдающихся обстоятельств их общественной жизни не проходит без того, чтобы народ не отозвался на него эпической песнею»¹³¹ (с. 256–257). А ведь сказки, заметим кстати, есть часть народного эпоса.

Итак, отменно чистый, легкий и живой язык монголо-бурятского оригинала сказки о Мэргэн-Зорикто, ее международный характер, разнообразие и живость ее содержания, вместе с сохранением черт национального быта монголо-бурят – вот те особенности, которые выгодно отличают трактуемую сказку.

Будем ли удивляться сравнительно позднему, может быть, собиранию и популяризированию монголо-бурятской сказки, когда не так давно, только с 30-х и 40-х годов прошлого столетия (XIX в. – *ред.*) наши русские писатели: А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, П.В. Киреевский и др. принялись за изучение и обработку своей народной сказки и по их уже следам пошли Даль, Рыбников, Афанасьев и др., которые спасли от забвения огромное количество сказок.

В 1900 г. в иркутском издании «Первоначальный учебник русского языка для бурят» в первый раз напечатана на бурятском языке русская сказка А.С. Пушкина «О рыбаке и рыбке» в хорошем переводе И.П. Чистохина.

¹³¹ Позднеев А.М. Монголия и монголы...

В 1903 г. в Казани, в «Книге для чтения в бурятских школах» изданы уже две бурятские сказки: «Старик Хорёдой» и «Собака», записанные М.Н. Хангаловым, в переводе на бурятский язык того же И. Чистохина. Книга эта давно разошлась, а другим изданием, уже исправленным и дополненным, пока не издана.

В 1905 г., в Москве уже, появляются «Рассказы о бурятах, их вере и обычаях» А.В. Потаниной и ее же «Дорджи, бурятский мальчик», изданные фирмой «Посредник», украшенные картинками и рассчитанные очевидно на спрос и быструю распродажу¹³².

А если так, если быстрое распространение хорошей народной сказки, прилично изданной, обеспечено, если такими изданиями она выводится на свет и делается общедоступной, то, думаем, близится пора, когда снимут с книжных полок малодоступных ученых библиотек запыленные, увесистые тома писателей фольклористов, очистят их от пыли и в легкой, общедоступной и нарядной форме выпустят в свет. Тогда и сказка о Мэргэн-Зорикто найдет своего Пушкина, или Ершова, или своего Афанасьева — издателя и, украшенная рисунками, будет служить отражением жизни народной, будет пробуждать в людях любовь к сказке, к грамоте и книге.

Желая приблизить перевод к тексту оригинала, и тем сохранить самый дух бурят-монгольского языка, мы допускаем в переводе некоторые обороты речи, близкие к бурятским, своего рода бурятизмы. Полагаем, что этим мы облегчим использование этой сказки в школах Бурят-Монгольской республики и пойдем навстречу некоторым учащим этих школ, обращавшимся к нам в 1926 г. за указанием бурят-монгольских сказок, песен, поговорок, загадок и т.д.

Переходим теперь к изложению самого оригинала и русского перевода монголо-бурятской сказки о Мэргэн-Зорикто, сыне богача Сарая.

Урда сакта нэгэ Сарай гэжи нерэтэй ихэ баин хун байга. Гурбан хубутэй байгат, бага хубунин тэнэк юмаһан.

Хоир хубугэ гэрлүлэ. Тэнэк хубутэгэ улэт байга.

Нэгэ удур һанат: «Мини энэ хубун нэрэ тэнэк-гу, али худлар тэнэк байна-гу?» гэжи һанат, мунггу угот, турада ильгэгэ: орьё хэртэй юмайги аб гэжи захягт.

Тэнэк хубун турада ошот, абха юмае мартат, удуши болоһон хойно гэртэ ирхэдэн, эсегэн:

«Ю абашы?» гэжи һурахадан, «ю шиги аба угэй байшоб», — гэжи хэлэ.

«Ай тэнэк, юнай туло турада ошобши, юма абху угэй байгат?»

«Намда юншиги хэрэк угуй, бурханаһа ондо».

¹³² Потанина А.В. Рассказы о бурятах, их вере и обычаях. М., 1905; Она же: Дорджи, бурятский мальчик. СПб., 1905.

Тихэндэнь эсэгэн: «бурхан гэжи юм? Би дуула угэйб», – гэжи хэлэ.

Тихэдэнь хубун: «ши шиги мэдэ угуй болбол, мини зурхэндэ байна бурхан».

Тэрэ сакта бурхан гэжи дуулда угэй, мэдэ шиги угэй байга сак.

Тигэт тэрэ тэнэк хубун: «зэ, аба мини, байртай сайн сугарай», – гэжи аморшилат, малгая абат, толгой дэрэ табят, гархая ябахадань: «зе ши хубун мини, бурхан гэжи ямар юма байна чамда узулэрэй», – гэжи хэлэ.

«Зе, узулужиб», – гэжи хэлэт, малгая тологой дэрэ табят, гаржи ябашо.

Ябаһан хойнонь, эсэгэнь: «Энэ мунхак бурхан гэжи ямар юмае хэлэбэ?»

«Хана ошижи мунхаба-да?» – иле хаталдажи, галхалсажи улэбэ.

Тэрэ мунхак хубун барун хойто зукту ябажи ошо, холо газар ябажи ябасар, нэгэ мухан гэрһэ ута гарши байна. Тэрэ гэрэһэ нэгэ басаган хун гарат, нэгэш угэ хэлэн угэй, гэртэ орошо.

Тэрэ хубун ороходон, утолоһон эхэтэй ама угэй басаган байна.

«Зе, хубун, ханаһа иребши?» – гэжи хура.

Тэрэ хубун: «би бурхан-да мургуху гэжи ябанаб», гэжи хэлэ. Утолоһон хамаган: «зэ сайнда! Мини эне басаган ама орохойги бурханаһа хуражи ирэрэу», – гэжи захя.

Хубун: «зуб» – гэжи хэлэ. Баһа сана яба.

Нуни болот, урдан хара хара юма узэгдэ. Хажудан ошиходон, ухунэн ухурнут хэбтэ.

Хажудан дэрэлэт, унташо. Углонин бодот, хари мяхайн идэт, ургудэ абат, ургулэт яба.

Тендэхи ханай цэриги ноин ябагар хун ябахайги харат, тэрэндэ хун ильгэгэ: эндэ аба тир, гэжи хэлэт.

Тэрэ хубуги ханайда асарат: «Зэ хубун, хунаһаб-ши? Хана ошихое ябабши?» – гэжи хура. Тэрэ хубун: «Би бурханда мургуху гэжи ябаб», – гэжи хэлэ. Тихэдэн Соронзон хан: «би усу угэй; мини малнут ухужи барагдахая байна, тэрэнийги болюлхайги бурханда хэлэрэй», – гэжи зарлик боло.

Хубун: «зе, хэлуужиб», – гэжи хэлэт, ябахая ханахадань, тэрэ хан мунгу алта хоюрийги угот: «зэ, хубун мини, хэлэһэн юмай бу мартарай, бурханда һайсар мургот ир», – гэжи хэлэт, далайн хажуда хургужи орхэ.

Далайн захада одоуруга ябажи байга. Тэрэ хубун: «Энэ далай яжи гархабиб?» – гэжи ихэ гайхажы байсар, нэгэтэ «эй мунхак хубун, наша ир, энэ далай яжи гархаб гэжи ханабши», гэжи хи амардугара. Тэрэ хубун хари гайхат, намай эндэ хэн хашхархаб? Гэжи ханат, «ши хэн ши?» – гэжи хура. Тихэдэн: «би загаһан байнаб, шамай хайралат хашхарнаб, наша ир», – гэжи хэлэ.

Тэрэ хубун барун тэйши шихэ ошо; нэгэ ихэ загаһан далайги хунду-
лэн отолот хэбтэ. Тэрэ хубун ирэт: «Ши загаһан, намай юнда дуудаб-
ши?»— гэжи хура. — «Ай загаһан мини, би бурханда мургухуё ябанаб».

— «Ай сайн-да! Мини золдо ирж-гуш? Би бэйе дахая болёһор,
долон жил болоб. Худолхоё болёһор, худолхо ябах а хожурийги һерат
ирэрэй», — гэжи хэлэт: «намдугэр ябат, далая гар», гэжи тэрэ
загаһан хэлэ.

Загаһанайга хурэр загаһан дэгүрэ ябат, далая гаршо.

Нэгэ окторгойдо хурһэн ундур бурханай гэр байга. Тэрэ гэрэ
удэндэ хубун хурши ирхэдэн, хари нюдунин нарани гэрэл гарха зан-
гар харгажи нюдунин усу гарши нюдэ аршижи байга. Бурхан: «Зэ,
хубун, намда мургуху гэжи ирэт, намай харабагуш?» гэжи зарлик
боло. Хубун: «Эзэн бурхан мини! Би тани хараха зэргэ угуй байнаб;
һара, нара зангар гэрэл гарат, мини нюдун харгат, харана угэйб»,
гэжи хэлэхэдэн, бурхан тэрэнийги адислат, «зэ, хубун, бурханда
мургу», гэжи зарлик боло.

Хубун бурханда хэлэ: «Нэгэн утолоһон хамаган ама угэй басага-
тай байна. Аматай болхойги хура.

Баса нэгэ Соронзон хан: аду малин усу угэй ухужи барагдахая
байна. Уһатай болхойги хура.

Баса нэгэ далай-со нэгэ ихэ загаһа бейе дахая болёт, худулху
ябахая хура», гэжи бурханда хэлэ.

Бурхан: «Зэ, хубун, ихэ һана бу зобо: баран шини хэрэк бутуху»,
гэжи зарлик болоба. Тихэдэнь хубун, орьё хэрэк мартат, юшиги хэ-
лэн угуй байшо.

Бурхан: «Зэ, хубун, утолоһон хамагани басаган заяна хун узэ
болбол, заянда аматай болхо.

Соронзон ханай аду мал булук усунай аманда ихэ зан ухэ; тэрэ-
ни яса малта болбол, усу гарха.

Далай-со ябахая болёһон ихэ загаһан аман-согон эрдэни зугат,
ябахая болё. Тэрэ эрдэнийн шулу ши ирижи абарай. Тигэт хунду бу
угорэй. Тэрэ шулу амананань абсар шини, мэтэр ябах а», гэжи зар-
лик боло. «Зэ, хубун мини, энэ наһан-сого улутхоё болёш», гэжи зар-
лик болот, нэгэ шарга мори тэрэ хубунду гуйлга угобо. «Энэ морьё
унат, далайга гархаш, бу айгарай», гэжи зарлик боло. Тэрэ хубунду
бурхан Мэргэн-Зорикто гэжи нэрэ уго. Тигэт: «Бурхатайга хари»,
гэжи юрёгот, мордultzи орхиба.

Тэрэ хубун далая гархая шиги мэдэн угуй гаршо. Загаһан-да
ирэт, хэлэ: «Амансохи шулуга намда ук, тигэ болбол мэнэ ябахаш»,
гэжи хэлэ.

Загаһан: «Нэрэ-гу?» гэжи һурат, шулуга гаргат, угот, мэтэр гуй-
жи ябашо. Хубун шулуга торгон пулат-со божи абат, морьё унат,
ябашо. Ханайдо ирхэдэнь, Соронзон хан гаржи хурши ирэт: «Зэ, ху-

бун мини, ю дultzи ирэбе?», гэжи һурахадан, хубун: «Танай хэрэк бутэ бурханай хушер», гэжи хэлэ.

В давнее время жил был один богач, по имени Сарай. У него было три сына, младший из них был дурак.

Двоих сыновей Сарай женил и остался с дураком. Однажды отец подумал:

«Подлинно ли этот сын мой дурак, или только прикидывается глупым?» Подумавши, отец дал ему денег, послал в город и сказал: «Купи, что тебе нужно».

Пошел дурачок в город, а купить там что-либо забыл и вечером возвратился домой к отцу.

«Что купил?» – спросил его отец. «Ничего не купил», – отвечал тот.

– Ах ты дурак, зачем же ты в город ходил, коли ничего не купил?»

– Да мне ничего не нужно, кроме бурхана, – сказал сын.

– А что такое бурхан, я что-то не слыхал? – спросил отец.

– Хотя ты и не знаешь, ответил сын, – однако в сердце у меня есть бурхан.

В то время про бурхана еще и не слыхивали и не знали.

– Ну, счастливо оставаться, батюшка мой, – приветствует отца дурачок, берет шапку, надевает и направляется к выходу.

– А ты, сынок мой, покажи же мне, какой такой есть бурхан.

– Ладно, постараюсь показать, – сказал сын и, надев шапку, отправился.

А отец по уходе его размышлял: «Что этот глупыш сказал про бурхана?»

Куда он пойдет дурачиться? – говорили все, смеялись и потешались над ним.

А дурачок наш направился к западу и все продолжает идти уже в далекой стороне. Вот из одной худенькой юрты дым идет. Из юрты той выходит девица и не сказавши ни слова, возвратилась в юрту.

Вошел и парень в юрту, а в ней со старухой матерью немая дочь живет.

Мать спросила: «Откуда пришел ты, паренек?» «Иду поклониться бурхану» – отвечал тот. «Вот хорошо-то – сказала старушка. – Эта дочь моя без языка, ты сходи и попроси у бурхана, пусть начнет она говорить». «Хорошо» – сказал парень и отправился дальше.

Настала ночь. Впереди виднелось что-то очень черное. Подошел он поближе, а это пропавший рогатый скот лежит.

Прикурнулся парень около и уснул, а утром встал, поел чужого мяса, взял за пазуху и пошел.

Увидел воевода тамошнего царя, что идет пеший человек и послал к нему слугу с приказанием взять и привести его.

Когда привели парня к царю, то на вопрос царя: «Откуда ты, молодец, куда держишь путь?» — он отвечал: «Бурхану поклониться иду я». «А я вот, — продолжал Соронзон царь, — не имею воды; поэтому пропадает мой скот и близок к концу, как бы это прекратить, попроси бурхана об этом», — приказал царь.

«Хорошо, постараюсь сказать», — отвечал парень и стал собираться, а царь дал ему денег и золота, прибавив: «Не забудь же, сынок мой, хорошенько попроси бурхана и зайди ко мне», — после чего проводил его до моря.

Ходит наш парень по берегу моря взад и вперед и гадает: «Как я перейду это море?» — и думает великую думу: как быть ему? В воздухе вдруг прозвучало: «Эй, глупый, глупый паренек, иди-ка сюда! Ты раздумываешь, как перейти тебе это море». Изумился тут парень: кто бы тут мог меня звать? И спросил: «А ты кто?» И вот слышит ответ: «Я рыба, жалеючи зову тебя, иди сюда».

Пошел тогда парень прямо на запад: поперек моря лежит одна большая рыба. Пришел наш парень, спрашивает: «Зачем ты, рыба, звала меня сюда?» — «Скажи, паренек, откуда ты идешь и куда держишь путь?» — «Я бурхану иду поклониться, рыба моя».

«Вот добро-то», — отвечает рыба, — не к моему ли счастью пришел ты? Ведь я уже семь лет лежу неподвижно. Попроси-ка ты, как бы мне перестать лежать и начать двигаться. А теперь ступай по мне и переходи море».

Как сказала рыба, так он по рыбе и перешел море.

Стоит там до неба высокий дом бурхана. Как пришел парень до дверей того дома, то стал вытирать слезы на глазах: глазам его встретился свет, подобный сиянию солнца. Говорит ему бурхан: «Вот, молодец, пришел ты поклониться мне, а видишь ли ты меня?» Отвечает парень: «Господин бурхан мой! Я недостойн смотреть на вас: исходящий как от месяца, или солнца свет встречается глазам моим и я не вижу». Тогда бурхан благожелательно сказал ему: «Теперь ты, парень, проси бурхана».

Парень сказал бурхану: «Одна старая женщина имеет немую дочь и просит, чтобы немая стала с языком.

Еще некий Соронзон царь, у которого пропадает и кончается от безводья скот, просил, чтобы быть ему с водою.

Наконец в некоем море одна большая рыба без движения лежит: присла, чтоб ей двигаться и бегать».

«Ну, паренек, — сказал бурхан, — сильно не печалься: все твои просьбы будут исполнены». Забыл только парень свою нужду: так о себе ничего и не сказал.

Бурхан продолжал: «Ну, парень, старухина дочь, как только увидит суженого, тотчас у суженого станет с языком.

В проходе источника воды у царя Соронзона пропал большой слон и если откопать его кости, то вода пойдет.

Переставшая двигаться в море большая рыба закусилась во рту драгоценность и поэтому перестала двигаться. Тот драгоценный камень ты попроси и возьми, да людям не отдавай его. Как только ты возьмешь изо рта тот драгоценный камень, рыба тотчас пойдет. Ты же, сын мой, в этом веке перестанешь голодать». Окончив говорить, бурхан дал парню в подарок одного солового коня: «Не бойся, севши на этого коня, ты переедешь море». Парню тому бурхан дал имя Мэргэн-Зорикто, т.е. «Проницательный мудрец». Затем, пожелав ему счастливо возвратиться, отправил его в оборотный путь.

Парень наш и не заметил, как миновал море. Подошел он к рыбе и говорит: «Отдай мне камень, что у тебя во рту, и тогда ты тотчас же пойдешь».

«Да правда ли?», — спросила рыба, выпустила, отдала камень и тотчас быстро пошла. Взял парень тот камень, завернул его в шелковый платок, сел на коня и поехал. Приезжает он к царю, а Соронзон царь вышел к нему и спрашивает: «А что, с какими новостями, сынок мой, прибыл ты?» — «С помощью бурхана Ваша просьба исполнена», — ответил парень. Царь, весьма обрадовавшись, повел его в дом и потчевал. «Вот батюшка царь мой, поверх истока ручья пропал большой слон. Если его откопать, вода пойдет», — сказал парень.

Стал царь копать родник, а вода как брызнет фонтаном, так что и выбросила слоновьи кости. Очень обрадовался Соронзон царь. Много денег дал он парню; золото и серебро возили на санях и колесах, дал также и работников. Взял парень работников, золото, серебро и скота и отправился.

Залаяла старухина собака. Выходит ее немая дочь, да как заговорит: «Мама, к нам приехал на соловом коне тот парень, что в прошлый раз заходил к нам, пеший». Так закричала девушка, бывшая без языка целых восемнадцать лет. «Ах, что же это ты!», — воскликнула мать девицы, выбежала на двор, смотрит, а там слезает с солового коня тот самый парень, что пешком шел на поклонение бурхану.

Еще с коня поздоровался он, а старуха спрашивает: «Ну, сыночек мой, что же ты слышал от бурхана?» — «Он так сказал мне: «Девушка та, как только увидит суженого, так у суженого будет с языком».

«Вот дочка моя, — отвечает мать, — восемнадцать лет была нема, а теперь, лишь только увидела тебя, так и стала с языком». — «А ведь и правда», — прибавила тут дочь, — как увидела я тебя, так и стала с языком». А парень в ответ: «За чем же дело? Бурхан тебя сделал с языком, а ты, надеясь на его помощь, должна стать моей супругой, так как бурхан сказал мне: лишь увидишь суженого, то у него и будешь с языком. Поэтому-то ты, как с языком стала, увидев меня, так и должна стать и моею женой».

«Поистине так и быть должно», — сказала дочь старухи — в продолжении восемнадцати лет, когда я от роду была без языка, много я видела людей, однако не стала с языком. Поэтому-то, как повидав тебя, я стала с языком, то я уж не желаю разлучаться с тобой». То же сказала и мать.

Взял парень дочку с матерью и направился было обратно домой. Только вот (видит он), несколько человек ловят рыбу. Подошел к ним парень и говорит: «Возьму-ка я одну хорошую рыбу». Взял он одну большую, толстую живую рыбу, подошел к берегу и обронил эту рыбу в море.

Отплыла рыба несколько, да и говорит: «Ну, дружок мой, я скажу про тебя батюшке, а ты пока здесь подожди». Поплыла эта рыба, а парень стоит и думает: «Что это за рыбу держал я?» как вдруг на сивом коне подъезжает человек и говорит ему: «Эй, паренек, садись со мной сзади на одного коня: тебя зовет морской царь».

— А как я в воду-то пойду? В воде я никогда не бывал, боюсь я.

— Ничего, садись только сзади меня, не беспокойся!

Взял тогда за повод парень своего солового коня, а сам сел сзади на одном и так они заехали в море. Глядь: стоит огромный железный мост. По нему звонкой рысью прокатили они и слезают на дворе у водяного царя. А царь вышел навстречу: «Добро пожаловать!» — говорит, — добрый друг мой!», — целует в щеку, ведет в дом и усердно угощает.

— Откуда же ты, благодетель мой, достал мою единственную милую дочку и как ты отпустил ее? Не возьми бы ты ее, так дочка моя совсем погибла бы. Как бы она вырвалась от разбойников? И если не умерла она, а пришла домой живая, то только благодаря твоим трудам. Я не придумаю, чем отблагодарить тебя за эту помощь и благодеяние? Чего желал бы ты?

Парень ответил:

— Сами вы знаете, как дорога стоимость жизни человека. Пожалуйте же мне какую-нибудь большую драгоценность.

— А как твое имя? — спросил царь.

— Мэргэн-Зорикто.

— Так я дам тебе одну фокусную черную шапку. Еще дам тебе одну яманию шубу (доху), которая низводит дождь. Наконец, дам я тебе один золотой молоток: если ударишь землю этим молотком, то вырастает трехэтажный золотой дом. Наденешь фокусную черную шапку, так тебя никто не увидит, а коли яманию доху наденешь, то хоть и в огонь зайдешь: только тряхни, как тотчас пойдет дождь и погасит. Вот такие-то драгоценности я дам тебе», — сказал морской царь.

— Вот хорошо, — сказал парень, — теперь же я попробую все эти три вещи.

— Принести, — сказал царь и подали все три волшебные вещи.

Лишь ударил парень землю золотым молотком, — вдруг вырос трехэтажный дом.

Надел он яманью доху и как потрянул ею, так и полил сверху дождь как из ведра.

Велел человеку надеть фокусную черную шапку, глядь: надевшего человека не стало видно.

Взял тут молодой человек Мэргэн-Зорикто все те вещи, а царь приказал проводить его до дому. «Опять садись на сивого коня и переедешь море», — сказал царь, — а будет нужно что, так крикни только: «Норчжима!» — сказал царь парню.

«Ваше слово — правда, — ответил тот, попрощался, сел на своего солового коня и рысью поехал. С великим удовольствием возвращался в море и царь.

Приходит домой парень, а отец с матерью и не узнали его, спрашивают: «Кто ты и откуда?» — «А ведь я, батюшка, сын ваш, что бурхану-то поклониться ушел. Неужели вы меня не узнали?»

— Где же твой бурхан? — спрашивает отец.

— «А вот он», — говорит сын: надевает черную фокусную шапку и вдруг его не стало.

Взял он золотой молоток, ударил землю и вырос золотой трехэтажный дом. Надел яманью доху, потрянул ею и полил дождь сверху, как из ведра.

Удивился тогда богатый Сарай и недоумевает: каков этот сынок мой?

Как это вдруг не стало его? Каким образом он сразу заставил дождь идти? Какой силой, наконец, он в один миг трехэтажный золотой дом поставил? Что это за диво? — без конца удивлялись все.

Как это он золотой дом поставил? А отчего дождь полил?

Как стал он невидимкою?

«Этот сын мой не парень, а золото!», — сказал отец.

После того этот большой богач стал вполне счастливым человеком. Сказка эта помещается в книге, называемой Барайса.

Перевод на русский язык В.Н. Флоренсова

ЗАМЕТКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ГОНЧАРСТВА У ЯКУТОВ*

Публикуемый автором материал по гончарству собран во время его трех поездок в пределы Якутии в 1917, 1919 и 1925 годах в районы Баягантайского, Намского и Сунтарского улусов¹³³. Приступая к изложению сделанных записей, приходится констатировать малую изученность гончарства якутов, ибо сведения о нем мы находим только в работах Р. Маака, В. Серошевского¹³⁴. Помимо указанных лиц, обследованием гончарства занимался еще участник Сибиряковской экспедиции Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества В.В. Ливадин, но, к сожалению, собранные им материалы еще не опубликованы и хранятся в архиве ВСОРГО.

Наконец, в самое последнее время сведения по данному вопросу мы находим в работах проф. Б.Э. Петри и археолога Е.Д. Стрелова¹³⁵. Констатируя малую изученность гончарства якутов, приходится отметить, что изучение его имеет особый интерес не только для этнографии, но и для археологии: 1. Ибо сама форма горшков якутов, их качество и орнамент совпадают в значительной мере с таковыми же глиняных изделий доисторического человека древнежелезного века Иркутской губернии и Забайкалья и 2. Изучение современного гончарства может пролить некоторый свет на познание техники керамического производства доисторических времен Сибири.

В качестве материала якутским гончаром употребляется глина (туої), часто добываемая вблизи от места изготовления горшка. В некоторых районах существуют излюбленные места для добычи последней. Так, в Таттинском улусе, по данным М.Н. Ионовой, особенно славится месторождение глины зеленоватого цвета на горе Тати.

По данным Серошевского¹³⁶, копают глину неглубоко, на глубину не более двух-трех аршин. «В 1890 году, — пишет он, — я посетил

* СЖС, 1928. С. 128–144. Доклад, читанный в заседании БГ НИИ при ИГУ.

¹³³ Первая из указанных поездок совершена по поручению Общества Естествоиспытателей при Казанском университете, вторая по такому же Восточно-Сибирского отдела РГО и Лено-Байкальского округа Сибводпути, наконец, третья, давшая наиболее обильный материал, была выполнена на средства Комиссии по изучению Якутской АССР Академии Наук.

¹³⁴ Маак Р. Вилюйский округ Якутской области. СПб., 1887, ч. III; Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования 1896.

¹³⁵ Петри Б.Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье. К вопросу о доисторическом прошлом якутов. Чита, 1923; Стрелов 1926.

¹³⁶ Серошевский В.Л. Якуты... С. 377–378.

такие разработки глины в Хатынгаринском наслеге Намского улуса. Они находились верстах в 15 от улусной управы, на северо-запад, в вершине небольшой пади... Залежи, слышущие в околотке хорошим качеством глины, представляли невысокие волдыревидные бугры у подножья горного ската. Разработка состояла в том, что желающий достать глину сбрасывал сверху незначительный слой почвы и выбирал из дна ямы и стенок нужное ему количество материала. Таким образом яма внутри земли расширялась, пока ее земляная крыша не выдерживала тяжести и не обрушивалась вниз. Тогда переходили к следующему бугру. Я видел многие выработанные ямы и несколько новых. В одной из них при мне как раз работал якут. Он с трудом вытаскивал из глубины ямы куски в 10–15 фунтов вязкой, темной, почти черной глины и клал их на краю отверстия. Из этих кусков вылепливались кирпичи от трех до десяти фунтов весом, которые высушенные и обращались в продаже под названием *туоі*». Появление русской посуды в тех местностях, которые посетил автор настоящей заметки, обусловило значительное исчезновение как гончарства, так и продажи глины. Теперь обычно последняя добывается самим гончаром, кочующим иногда по домам, где нужен горшок, со своим материалом и инструментом, и добывающим глину, копая неглубокие ямы — летом лопатой, а зимой мотыгой или топором.

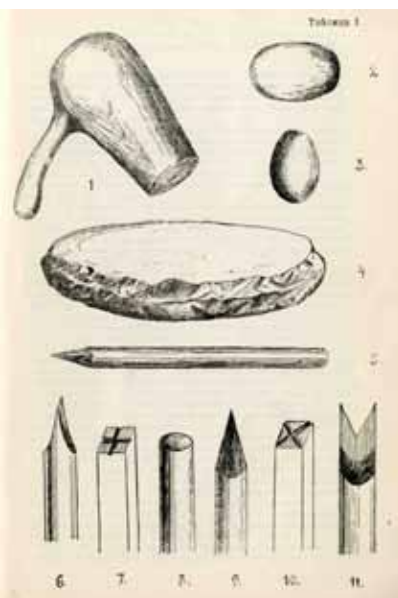
У устья р. Амги на одной из возвышенностей, недалеко от него, добывают глину зимой так: обычно в старых уже местах выработки последней раскладывают в яме костер. Когда последний погорит достаточное количество времени, оставшиеся уголья и золу выбрасывают наружу лопатой, оттаявшую глину или выскребают, или добывают чаще мотыгой, как со дна так и с боков ямы.

По словам якута С. Оннопрова, жителя Юдугейского улуса Вилуйского округа: «осенью, когда начинает подмерзать, добывают глину, копая ямы лопатой. Выброшенную из ямы глину лопатой сбивают в округлые куски, складывают их около нее на посланную, содранную с лиственницы кору, лежащую наружу гладкой стороной, или просто на доску. Зимой, когда нужна глина, идут к яме, где она добыта и отбивают топором нужный для работ кусок, унося его домой». Каждый гончар знает ряд способов для распознавания качества глины. По цвету самой хорошей считается ярянг *туоі* — белая глина, месторождения коей имеются в немногих местах. За ней следует обыкновенная и почти всюду добываемая черная глина — *хара туоі*.

Наконец, самой скверной считается глина цвета *туннахаі* — сероватая, мутная, как молоко с водой. Всюду предпочитается для работ липкая, жирная глина: «хорошая глина на языке липнет комками, пальцами мнется хорошо, имеет хороший вкус; худая рассыпается на языке, худо мнется, к пальцам не прилипает, имеет самый плохой вкус (Намский улус, горшечница Азарова).

Инструменты, употребляемые гончаром для выделки горшка, несложны: деревянный молоток *чохоцчу*, употребляемый для разбивания глины (табл. I, рис. 1), такая же лопатка с небольшой рукояткой, округлая галька (табл. I, рис. 2 и 3), голыш *мдчик тас* или деревянная ложка; плита песчаника тас (табл. I, рис. 4); кольцо, сделанное из тальника (i) (табл. II, рис. 1).

По данным В. Серошевского¹³⁷, камень голыш *мдчик тас*, служащий теперь для разбивания глины и шамота, употреблялся прежде для формовки стенок горшка, снабжался тальниковой рукояткой, для целей укрепления которой на камне делалась продольная выемка. Аналогичный камень с выемкой найден В. Маргаритовым при его раскопках на берегу Амурского залива и возможно употреблялся для тех же целей¹³⁸. Плита песчаника играет роль наковальни для битья глины. Аналогичные плиты встречаются на стоянках доисторического человека в пределах Прибайкалья и, возможно, употреблялись для той же цели. По данным Б.Э. Петри, на стоянке Улан-Хада «найден немало крупных плоских плит, сильно сглаженных действием воды. Эти плиты приносились на стоянку из озера и служили, видимо, для

¹³⁷ Он же. С. 379.

¹³⁸ Маргаритов В. Кухонные остатки, найденные на берегу Амурского залива близ р. Седеми // Общество изучения Амурского края, 1887.

каких-нибудь надобностей, в роде распластывания рыбы и тому подобного»¹³⁹.

Весь процесс изготовления горшка происходит в жилище, вдали от камелька для того, чтобы не сохла глина. Свойство жирной глины прилипать, в процессе изготовления горшка, к инструментам, неравномерная его усадка при процессе сушки, заставляют горшечников употреблять ряд примесей, отошающих материал для работ.

Из числа последних приходится отметить у якутских гончаров употребление шамота — осколков раздробленных старых горшков. Для приготовления последнего старый, обычно уже дефектный, с трещиной горшок накаливают на огне камелька до красного каления и затем, схватив его щипцами, спускают в какую-либо посуду, наполненную холодной водой. Когда в последней отстанет вся грязь, толкут черепки от растрескавшегося горшка, сделавшиеся хрупкими, в деревянном корыте, или на плите песчаника, голышом округлого очертания *куц охсор тас* (оль *куц охсор тас* играет обычно упомянутый выше *мдчик тас*, в некоторых районах употребляемый для формовки стенок горшка), превращая их в тонкий, зернистый серовато-черного цвета порошок — *харыадачи*.

При изготовлении горшка обычно хорошую глину смешивают на одну треть с шамотом или пополам с таковым. Так как глина, добытая заранее, хранится часто долго в сухом виде, скатанная в виде комка округлого очертания, то, перед смешиванием с шамотом, ее толкут камнем в берестяной посуде или в деревянном корыте, раздробляя на мелкие комья. Подбавляют к ней в нужном количестве шамот и помешивают небольшой деревянной лопаткой, вначале в сухом виде; затем к сухой уже смеси подбавляют воды, иной раз часто брызгая ее на смесь изо рта. В результате этого процесса смешивания глины с шамотом получается так называемая *холбоммут туюи* (смешанная глина), все еще ненадлежащей неоднородности по своему составу, заключающая в себе как еще крупные зерна шамота, так и комья глины.

Для того чтобы смесь сделать вполне однородной, ее бьют деревянным молотком *чохоцчу* (см. табл. I, рис. 1), сделанным из обрубка березового ствола, с отходящим от него сучком, играющим роль рукоятки. Это битье глины производится иной раз в Намском улусе на плоской небольшой плитке песчаника (св. табл. I, рис. 4), носящей название *дллір тас*; в Батурусском улусе для этой же цели, по словам М.Н. Ионовой, употребляется особое четырехугольного очертания корыто, так называемое *туюи дллір тас*, обычно грубо сделанное из обрубка бревна, с плоским дном, снабженное одной или двумя

¹³⁹ *Петри Б.Э.* Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада — Сборник МАЭ АН, 1916, т.3. С. 123.

ручками, с неглубоким углублением сверху, сходящим на нет к узким сторонам корыта, достигающее длины около 80 см, при ширине 30 см. В подобном корыте, носящем то же название, в Намском улусе горшечница Азарова разбивала сухую глину и черепки, превращая их в шамот. По данным Р. Маака, помимо корыта употребляется для целей размягчения глины деревянный желоб *хорууда*, рисунок его имеется в табл. VIII упомянутого автора¹⁴⁰.

Бьют смесь при помощи вышеотмеченных инструментов, быстро и уверенно, чтобы смесь не просыхала и чтобы крупные зерна глины и шамота разбивались при этом. Все время смачивают молот водой, погружая его в воду или просто проводя по его поверхности мокрой рукой; делают это для того, чтобы инструмент не прилипал к глине. Нанося удар по куску, горшечник всегда поддерживает его сбоку смоченной в воде лопаткой, держа ее наклонно, и после каждого удара переворачивает его расплюснутый молотом комок глины.

Когда глина после продолжительного битья стала пластичной и зерна шамота равномерно распределились в массе ее, горшечник, постукивая по кому глины смоченной водой лопаткой, делает из него прямоугольный кирпич и разрезает его вдоль на четыре равных куска простым ножом, обмокнутым в воду, вставляя палец в щель, чтобы куски не слипались друг с другом.

Далее гончар берет плиту песчаника, молот и, смочивши их водой, по очереди кладет на плиту четырехугольные по своему очертанию, отрезанные ранее, как сказано выше, куски глины и бьет по ним молотом, расплющивая их. Когда пластина глины достигает надлежащей толщины, гончар берет нож, обмакивает его в воду и обрезает широкие стороны пластины так, что прежде бывшее прямоугольным очертание пластины видоизменяется в трапециевидное; а бывшие когда-то равными по величине стороны пластины становятся неравными. Закончив подобную обрезку пластин, гончар закругляет ножом их тупые углы, примыкающие к узким сторонам. Этим кончается процесс заготовки материала и гончар приступает к лепке горшка. Беря круг — обруч, сделанный из тальника (i) — диаметр последнего равняется таковому же отверстию горшка. Назначение обруча — скрепить более основательно верхние концы пластин, из которых лепится горшок, при процессе формовки стенок его и не допустить нежелательных для мастера разрывов в верхней части сосуда; иногда обматываемый волосяной веревочкой (последней обматывается обруч для того, чтобы он плотно держался в глине, не сдвигаясь с места, потому что сдвиг его при формовке стенок горшка может служить причиной разрыва последних в верхней части сосуда), расплющивает пальцами края широких, необрезанных сто-

¹⁴⁰ Маак Р. Вилюйский округ. III. Б.м., 1887, с. 49.

рон заготовленных пластин и прикладывает их поочередно совнутри тальникового конца так, что они выдаются над ним на 1–2 см, загибает их наружу и прищипывает пальцами. Проделав это и таким образом укрепив пластины на кольце, гончар начинает соединять пластины друг с другом: наложив широкую сторону одной пластины на таковую же соседней, слепляет их края, давя пальцами снаружи внутрь, в то же время поддерживая шов изнутри пальцами левой руки. В результате получается цилиндр из слепленных друг с другом пластин, суженный к одному из своих концов — будущее дно горшка. Для того, чтобы получить последнее, гончар загибает под прямым углом узкие концы пластин и соединяет их друг с другом пальцами. После последней стадии процесса работы в руках гончара находится уже горшок, конечно, имеющий еще не вполне обработанные формы. Для того, чтобы сделать стенки горшка более правильными, гончар берет в левую руку обыкновенную деревянную ложку (у некоторых гончаров ложку заменяет упомянутый выше *мдчік тас*), наполняет ее глиной для большей тяжести, в правой держит лопатку, последней ударяет слегка по наружной стенке горшка, прижимая в момент удара ложку с внутренней стороны стенки сосуда; делает это затем, чтобы последняя не прогнулась внутрь.

Как и в предыдущих стадиях работы, инструменты смачиваются водой для того, чтобы к ним не прилипла глина. Весь упомянутый процесс формовки стенок гончар делает сидя, постлав себе на колени кусок коровьей шкуры шерстью наружу, положив на нее боком не прилипающий к ней горшок, все время поворачивая его вокруг оси (см. табл. II, рис. 1). выровняв стенки и увеличив внутреннюю полость горшка, гончар ставит горшок, называемой на этой стадии работы таруору, дном на обыкновенную сковороду, ножом обрезает излишек глины со дна и начинает по нему слегка постукивать лопаткой для того, чтобы сделать его ровным и плоским. Окончив это, подправляет ударами лопатки и стенки в месте их отхода от дна, все время в момент нанесения удара поддерживая стенку изнутри ложкой (в случае изготовления большого горшка лодку обыкновенных размеров заменяют такой же большой — поварешкой).

Затем горшечник, поставив горшок на сковороду, ножом, смоченным водой, срезает верхнюю часть стенок на 1,5–2 см, удаляя таким образом тальниковое кольцо, к которому прикреплялись пластины, из которых делался горшок; далее он сначала выравнивает край горшка, постукивая по нему сверху деревянной лопаткой, а потом, нанося удары сбоку по нему, утончает его так, что в разрезе он становится треугольным.

Когда это закончено, гончар, придерживая край стенки совнутри большим пальцем одной руки, делает на противоположной наружной стороне пальцами защепа, так что край горшка становится

снаружи неровным. Неровность края горшка способствует лучшему соединению с ним венчика. Вслед за этим, поставив горшок, гончар начинает делать венчик горшка. Для это берет небольшой комок глины, скатывает вначале из него шарик, последний раскатывает вначале между ладонями, а потом рукой на плите песчаника, смоченной слегка водой, превращая его в длинный валик, круглый в разрезе; затем первоначальную форму валика видоизменяет в такую же треугольную, постукивая по нему лопаткой.

Когда венчик готов, гончар прикладывает его снаружи к ранее утонченному краю горшка так, что одной из своих острых граней венчик выдается наружу и затем прижимает пальцами правой руки к краю горшка, придерживая стенку изнутри последнего пальцами другой руки. Когда венчик прилеплен, гончар, придерживая стенку изнутри пальцами левой руки, одним из таковых правой проводит по внутренней стороне венчика, делая его совнутри покатым и затем весьма осторожно, делая медленные движения пальцами, как сказано ранее, отгибает венчик наружу на 1,5–2 см и сглаживает его пальцами так, чтобы он снаружи стал округлым. Затем, смочив ладони рук водой, слегка поглаживает ими наружную стенку горшка, сглаживая ее.

Помимо описанного способа изготовления горшка, на Алдане, у устья р. Амги, удалось отметить второй таковой же причем: когда смесь глины и шамота заготовлена, гончар делает из нее шар, который, похлопывая сверху деревянной лопаткой, сплющивает, затем протыкает шар круглой в разрезе палкой и раскатывает его на камне плитняке до тех пор, пока кусок не превратится в полый конус с двумя отверстиями, из которых меньшее бывает диаметром несколько более диаметра палки и расположено у вершины, большее находится на противоположном конце. Когда внутренняя полость конуса достигнет достаточной ширины и в нее можно просунуть руку, мастер, как сказано выше, держа в одной руке камень *мдчик тас* или ложку, а в другой лопатку, наносит последней удары по наружной поверхности горшка; в результате формовки стенки уменьшают свою толщину, устье горшка и его ширина в средней части увеличиваются, отверстие же у вершины конуса уменьшается. Затем в устье вставляют упомянутый обруч (i) и залепливают глиной, отгибая стенки горшка наружу, и продолжают описанную выше формовку сосуда. Дальнейшая работа сводится к приданию формы дну, путем постукивания его лопаткой, к срезыванию обруча и укреплению венчика.

Еще не высохший горшок покрывают орнаментом; для нанесения такового употребляются т.н. *ојулур мас* — небольшие палочки, достигающие длины 10–15 см с надрезами на концах, обычно изготовляемые из березы или тальника. Иной раз место инструмента для орнаментации заменяют пальцы рук гончара или ноготь.

Все орнаменты якутских горшков можно подразделить на лепные и вдавленные.

Лепной орнамент *сурасын* обычно опоясывает горшок у его венчика, в виде одной или нескольких полосок, параллельных ему, и производится налепливанием полосок глины, каковым придается треугольное очертание в разрезе, путем проведения по двум боковым сторонам полоски смоченных водою пальцев. Крайне редко делают по полоске поперечно ей надрезы обыкновенным ножом или палочкой, сточенной лопаткой с двух сторон (см. табл. I, рис. 6). если по бокам полоски глины встречаются небольшие ямки, полученные посредством накола глины *ојулур мас*, изображенной на табл. I, рис. 11, то орнамент носит название *бытасыт хамыта* (мышь ходила). Вдавленные узоры воспроизводятся или проведение по поверхности горшка линий посредством *ојулур мас*, оканчивающейся конусом (см. табл. I, рис. 5 и 9), или получаются посредством вдавливания в глину штампов.

К первой категории орнаментов следует причислить:

1. Прямые непрерывающиеся линии, обычно опоясывающие горшок — *сурасын* или таковые же, но проведенные перпендикулярно венчику и собранные группами (табл. III рис. 5) *торбах оју* — «палец узор».

2. Орнамент в виде углов (см. табл. III, рис. 3 и 4) т.н. *ураса оју* или *бид тид оју* (часто один и то же орнамент имеет два названия, которые сообщает одно и то же лицо) — «кобылы сосок узор» и

3. Орнамент арочный — *тынхырахтах оју* — «ногтевой узор» (табл. III, рис. 1 и 2).

Ко второй категории орнаментов относится ямчатый, получаемый посредством круглой прямообрезной палочки (см. табл. I, рис. 8), которой надавливают на наружную стенку горшка, состоящий из ряда круглых ямок *тягяряк* с плоским дном, расположенных то параллельно венчику в виде полоски, то из одного, то из двух рядов ямок и носящий тогда название *сурасын оју* (табл. III, рис. 6), то в виде углов или зубчатой линии — *урасалар оју*.

Помимо ямчатого круглого, для якутских горшков следует отметить наличие ямчатого квадратного орнамента, наносящегося на наружную поверхность горшка прямо обрезанной четырехгранной палочкой, оставляющей на глине при надавливании ряд неглубоких четырехугольных ямочек с плоским дном, обычно опоясывающих линией горшок (см. табл. III, рис. 9) или расположенных в виде квадратов (см. табл. III, рис. 7).

Часто описанная выше палочка-штамп имеет на своей плоскости вырезанный крест, концы которого упираются в середину сторон квадрата, или отходят от его углов; при надавливании подобного штампа на глину мы получаем ряд ямок с плоским дном, на ко-

тором редко выделяется крест. В том случае, если концы его идут от середины сторон квадрата, орнамент называется *боһуска оју* (см. табл. I, рис. 7), если таковые же идут от углов его (табл. I, рис. 10) то орнамент называется в Сунтарском *улусе туюрай*, в Намском *кымырдагас оју* — «муравей узор».

Помимо отмеченных выше орнаментов, на якутских горшках встречается в районе Средневилюйского улуса, в общем крайне редко, ногтевой орнамент *тынгарахтаһ оју*, столь характерный для керамики неолита и производимый путем вонзания ногтя в глину, перпендикулярно венчику. Помимо его, встречается (см. табл. III, рис. 8) т.н. *крдсті оју* — «крест узор», получаемый посредством *ојулур мас* изображенной на таблице I, рис. 11 и расположенный обычно в виде полосы, идущей параллельно венчику горшка.

Когда горшок совершенно закончен и покрыт орнаментом, его ставят сушить (по-якутски *курду*) на полку или прикрепленную у камина, или над чоронами, на что требуется в летнее время 1,5–2 суток и затем подвергают обжигу. Так как обычно гончар обслуживает небольшую территорию и в год ему приходится делать максимум 20–30 горшков, то естественно, что мы не встречаем нигде стремления к устройству специальных печей. Обжиг всюду производят на шестке камелька, а летом иной раз на костре, разложенном около дома на дворе. В качестве топлива при обжиге употребляют сухую щепу или небольшие поленья, обычно лиственничного дерева, или таковую же кору; ими обкладывают горшок со всех сторон и зажигают, все время подкладывают топливо в огонь и следя за равномерным распределением пламени на поверхности сосуда. Накалывают горшок до красного каления, затем вынимают его из огня щипцами и, оставляя на шестке или ставя на пол, подвергают горшок процессу усарар, суть которого сводится к закалке стенок и уничтожением их пористости вливанием продуктов, обугливающих в мелких порах обожженных стенок сосуда. Для того чтобы достигнуть отмеченного, вливают в горшок быстро приблизительно на 1/3 его горячей воды, смешанной с одной-двумя ложками молока, часто снятого, иной раз последнее заменяют соратом и закрывают неплотно горшок сковородой. При соприкосновении с раскаленными стенками молоко, смешанное с водой, быстро вскипает и испаряется. Описанный способ заделки горшка не уничтожает вполне пористость стенок его, при варке продуктов последние проникают в толщу их, обугливаются и обуславливают черный цвет излома черепков. При взгляде на разрез черепка кажется, что при изготовлении горшка примешивался к глине уголь. Часто это кажущаяся примесь угля бывает связана с явлением нагара, то матового, то блестящего черного цвета, покрывающего совнутри стенку и достигающего нередко у венчика горшка толщины 0,2–0,4 см. Это явление нагара и примесь угля обусловле-

на обугливанием как в стенке горшка, так и на ней варимой пищи, в частности, молочных продуктов: молока, сливок. Для того чтобы удалить нагар, якутские хозяйки изредка соскребают его обыкновенным ножом. Примесь угля и явление нагара отмечена для керамики не только железного века, но и неолита Европейской России и Сибири¹⁴¹. Спицын и Каменский делают предположение: «чтобы уменьшить пористость сосуда, внутренняя сторона его покрывалась какой-то черной массой, вероятно, смолой, от которой в таких случаях сохраняется нагар. Смолой же, смешанной с песком, замазывались трещины котлов и сквозные отверстия, когда в них не было нужды¹⁴². Вышеотмеченное нами явлением нагара и примеси угля на современных горшках якутов объясняет наличие их у керамических изделий человека неолита. Обмазка смолой едва ли мыслима для сосудов, в которых варилась пища, ибо: 1) смола придавала бы варимому продукту неприятный вкус, запах и 2) нагрев стенок горшка вызывал бы каждый раз сползание с них смоляной обмазки сосуда.

В старину, помимо этого способа, закал производился наливанием в раскаленный горшок коровьей мочи или *kicild* — вареного шавеля, но способы эти практиковались исключительно для закала больших сосудов, предназначенных для варки съедобных корней и заболони. К ним прибегали редко не только потому, что брезговали первой жидкостью, но и потому, что получаемые горшки при этом способе закала были менее прочны, а пищевые продукты, хранимые в них, приобретали дурной запах и вкус.

Служит горшок, приготовленный описанным способом, до 4 лет, причем небольшой по размеру больше, чем таковой же крупный. В старину горшки употреблялись для варки разнообразных пищевых продуктов и достигали крупных размеров. В настоящее время горшечники делают только небольшие горшки для кипячения сливок и молока. Причиной исчезновения гончарства является появление русской посуды, служащей подряд много лет и более удобной для употребления. Особенно заметно исчезновение гончарства в районе Сунтарского улуса, в части его, расположенной вверх по течению р. Вилюя, где во время поездки в 1925 г. нам не удалось встретить не только ни одного гончара, но и даже самих горшков. Побочными причинами вызвавшими падение гончарного искусства, являются: качество самого сосуда, ломкость, пористость и относительная дороговизна горшка. Последний весьма малых размеров в Намском улусе стоит 1 фунт, а то и 2,5 фунта масла, что является довольно значительной единицей в товарообменном фонде якутской семьи.

¹⁴¹ Подгорбунский В.И. К вопросу об изучении примесей к глине в доисторической керамике Сибири — Сборник трудов ИГУ, 1926, вып. XI. С. 94—95.

¹⁴² Стоянка каменного века близ Балахны // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического Об-ва, т.VII

По своему размеру горшки распределяются на несколько категорий:

1. *Боччук* или *болчук* (см. табл. II, рис. 2 и) — горшок малых размеров с широким отверстием, употребляемый для кипячения молока и сливок, преимущественно детям.

2. *Баһаччах* или *баһарчах*¹⁴³ таковой же, но несколько больших размеров и

3. *Улахан кяц*, почти исчезнувшие в настоящий момент, яйцевидной формы, суженной к дну, обычно имевший небольшой размер.

Иной раз горшки делаются с ручками *тухтах кяц* или с ножками *атахтах кяц*¹⁴⁴, но видеть таковые автору не приходилось.

Керамическое производство якутов не ограничивается горшками; в Вилюйском округе, помимо таковых, делают чайники и, наконец, всюду кузнецы употребляют тигли и формы для литья, обычно изготовляемые самим мастером.

С приготовлением горшка связан целый ряд поверий, отмеченный мной для пределов Намского улуса. По словам горшечницы Азаровой, обитательницы Хомустахского наслега Намского улуса: «во время грома нельзя выносить горшок на улицу — он сломается. Если при обжиге горшка положить в огонь, на котором обжигают, полено или щепку от дерева, разбитого молнией, горшок лопнет. Если пережечь и растолочь черепки от него, смешать их с глиной, новый сделать горшок, он обязательно тоже при обжиге лопнет. Если положить при обжиге в огонь осиновое полено, горшок лопнет, потому что осина нечистое дерево.

Если кому из живущих в доме предстоит умереть, то глина выбивается плохо или рассыпается совсем. Если в соседнем доме умер человек, — оттуда в дом пришли, где я горшок делаю, то с глиной делается то же.

Если будут во время делания горшка над горшечником смеяться и он обидится, то горшок плохой выйдет.

Если приходят из дома, где женщина родила, горшки у горшечника никогда не выходят».

Неудачи подобного характера, препятствующие появлению хороших качеств в изготовляемом горшке, по словам горшечницы, обусловлены тем, что *иччи* — дух горшка — имеет связь с духом домашнего очага, принадлежащего к категории добрых чистых существ, не терпящим соприкосновения со всем нечистым. Элемент все проникающих анимистических воззрений особенно ярко осознается в записи о неудачном изготовлении горшка, сделанной со слов той же горшечницы:

¹⁴³ Он же дрддг,дс кяц горшок средних размеров, вмещающий около 10 фунтов жидкой пищи — Пекарский. С. 132.

¹⁴⁴ Рисунок подобного горшка с ножками имеется в табл. VI (Маак 1887).

«В месте Могуруот умер человек, оттуда ко мне часто приходили соседи, у меня не стали выходить горшки. Я взяла глину, сбила ее в комок в своей чабычах, отдула ее прутом и приговаривала: *«дн аны кіріргір булуон дуо дн турбат булуон дуо кдбін тцбян бу»* – «в будущем будешь ли хвастаться! Будешь ли ты в будущем не вставать – получил ты должное по заслугам» – немного погодя стали горшки делаться хорошие».

Отмеченные нами ранее элементы примитива говорят безусловно о древности гончарства якутов и обуславливают значительный интерес изучения его. Данные самой техники производства сосуда без помощи гончарного круга, упоминание о наличии гончарства у якутов еще Страленбергом¹⁴⁵, национальные названия как гончарных инструментов, так и горшка и его частей свидетельствуют о самобытности данного производства.

Переходя к вопросу о сходстве якутских горшков с горшками, находимыми на стоянках и в могильниках древнежелезного века Иркутской губернии и Забайкалья, автору сообщения пришлось констатировать таковое еще в 1917 г. на заседании Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, на основании материала по гончарству якутов, собранного в долине р. Алдан.

Впоследствии этот вопрос затронул в своих двух работах проф. Б.Э. Петри¹⁴⁶, высказав положение, что культура древнежелезного века Иркутской губернии, и в частности, стоянки т.н. «курумчинских кузнецов» принадлежит предкам якутов. В качестве доказательства Б.Э. Петри привел следующие соображения:

1. Находка неравносторонних удил, плоских небольших подков, у-образных наконечников стрел, имеющих в наличии у современных якутов.

2. Общность керамических изделий в орнаментации и в изготовлении горшков женщинами, что доказывается малой величиной отпечатков ногтей на гончарных изделиях с прибайкальских стоянок железного века.

3. Аналогия между землянками «курумчинских кузнецов» и современной якутской юртой, тоже, по словам автора, углубленной в землю, подобно первому типу жилища.

Указанная теория проф. Б.Э. Петри была подвергнута основательной критике археолога Е.Д. Стрелова (1926), на основании обильного материала, указавшего, что предметы, принятые проф. Б.Э. Петри за типичные якутские или совершенно отсутствуют у якутов, как, например, подковы, неравносторонние удила и землянки, или, вместе с наличием у якутов, имеются и у других туземцев Сибири, как например, у-образные наконечники стрел.

¹⁴⁵ *Серошевский В.Л.* Якуты... с. 380.

¹⁴⁶ *Петри Б.Э.* Далекое прошлое бурятского края. Иркутск, 1922; Его же: Доисторические кузнецы в Прибайкалье. Иркутск, 1923.

В своей работе Е.Д. Стрелов касается и вопросов изучения керамики якутов, останавливая свое внимание на орнаментации керамических изделий. Присоединяясь всецело к выводам автора упомянутого труда, мы не вполне согласны с ним только в одной детали, касающейся отсутствия лепного орнамента на гончарных изделиях якутов, одного из характерных способов орнаментации горшков гончарами, встреченного нами в районе Баянгатайского и Вилюйского улусов.

Суммируя свои выводы о сходстве культуры курумчинских кузнецов с якутской, Е.Д. Стрелов приходит к выводу совершенно противоположному проф. Б.Э. Петри, а именно, что доисторические кузнецы Прибайкалья не являются предками якутов.

Переходя к обзору керамических изделий древнежелезного века нашего района, мы встречаемся с целым рядом находок остатков плоскодонных сосудов, обычно темных в разрезе, с примесью песка или шамота, с толстыми стенками, отогнутым венчиком, весьма скудно орнаментированных; орнамент скуден и расположен обычно в виде опояски у самого венчика, характерные формы его: лепной треугольный в разрезе, часто разделенный, редко ямочный, арочный и угловой. Географическое распространение подобных горшков довольно широко: охватывает район Иркутской губернии, Забайкалья, Монголии и даже пределы Енисейской губернии. В пределах Иркутской губернии они найдены на стоянках в окрестностях Иркутска¹⁴⁷, Кудинской¹⁴⁸ и Аларской степи¹⁴⁹, в окрестностях г. Балаганска¹⁵⁰, по верхнему течению Лены в окрестностях с.

¹⁴⁷ Коллекции И.Ф. Щепетунина и В.И. Подгорбунского Кабинета географии Казанского университета; Г.М. Константинова Кабинета географии Иркутского университета; Отдел археологии Иркутского музея, инвентарные №№7816, 7808, 6676, 7669.

¹⁴⁸ Сборы автора на стоянках Кудинской степи: в окрестностях с. Оека, Ординского озера, улуса Шохтый и с. Усть-Орды, хранящиеся в Кабинета географии Казанского и Иркутского университетов. См. также Петри Б.Э. Вторая поездка в Прибайкалье — Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, 1914. Сер. 2, вып.3; 1922;1923; Подгорбунский В.И. К вопросу о пиктографии доисторического населения Сибири — Труды Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те, 1916, т.XVIII, вып.4; *Бортвин Н.Н.* Из области древнесибирской керамики — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического Общества, 1915. Т.XI.

¹⁴⁹ Коллекции П.П. Баторова, П.П. Хороших и В.И. Подгорбунского, хранящиеся в Отделе археологии Иркутского музея, инвентарные №№7785, 7630, 7797, 7830 и 7810, собранные на стоянках по берегам Алятского озера, в долине р. Голуметь.

¹⁵⁰ Иркутский научный музей — коллекция Г.П. Сосновского, инвентарный №№7531, 8536 и Т.А. Земляницкого, инвентарный №7496. См. также: *Сосновский Г.П.* К археологии Ангарского края // СЖС, 1923. №1.

Качуг¹⁵¹, в пределах Тункинской и Торской котловины¹⁵², на многочисленных стоянках по берегам Байкала и, в частности, побережья Малого моря¹⁵³.

В границах Забайкалья они обнаружены в бассейне Шилки¹⁵⁴, по правому берегу р. Боршовки (правый приток Шилки у ее устья) и Селенги, как на стоянках у устья последней¹⁵⁵, так и в среднем течении ее¹⁵⁶ и даже в Монголии¹⁵⁷. Наконец, керамика подобного типа обнаружена на стоянках в окрестностях г. Красноярска и даже в границах Минусинского округа¹⁵⁸.

¹⁵¹ Коллекции В.И. Подгорбунского, хранящаяся в Кабинете географии Казанского университета, собранная на стоянках по правому берегу р. Лены, вверх от с. Качуг по течению реки.

¹⁵² Иркутский музей — коллекции Н.И. Витковского, О.И. Толстихиной, Кирилова. Инвентарные №№1058, 8507 и 6012. Кабинет географии Казанского университета коллекции В.И. Подгорбунского, собранные на стоянках Торской и Тункинской котловины: *Подгорбунский В.И.* К вопросу об изучении стоянок Торской и Тункинской котловины // Труды проф. и препод. ИГУ, вып.5.1923.

¹⁵³ *Аганитов Н.Н.* Прибайкальские древности // Известия ВСОРО, 1881. Т.ХII, №4—5; *Петри Б.Э.* Неолитические находки на берегу Байкала (Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада) // Сб. МАЭ. 1916. Т. 3. С. 113—132; *Хороших П.П.* Остатки далекого прошлого в Аларской степи // Известия ВСОРО, т.LI.1924, Иркутский музей — коллекция П.П. Хороших, инвентарный №№7502, 7603, 7620, и А.М. Станиловского №7781, 78337.

¹⁵⁴ Кабинета географии Казанского университета, коллекции В.И. Подгорбунского: со стоянок у г. Нерчинска «У старого кладбища», в окрестностях с. Бянкино, со стоянок, расположенных по 2-й террасе.

¹⁵⁵ *Веселов И.И.* Предварительный отчет о летних полевых работах 1924 г. // СЖС, 1925. Вып. III—IV; *Толстихина О.И.* Дюнная стоянка у села Творогово-Шигаево. Иркутск 1924; Иркутский музей — коллекции И.И. Веселова, инвентарный №7834.

¹⁵⁶ *Дебец Г.Ф.* Предварительный отчет об археологических разведках в Западном Забайкалье // СЖС, 1925. Вып. III—IV; Его же: Итоги и задачи археологии и в Западном Забайкалье // Жизнь Бурятии, 1926. №4—6, 7—9; Галько-Грынцевич 1903; 1905; Иркутский музей — коллекции Федюшина, инвентарный №7508—7515. Г.Ф. Дебец, инвентарный №7818, 7837—7845. Кабинет географии Иркутского университета, коллекция проф. С.Н. Лаптева.

¹⁵⁷ Устное сообщение проф. С.Н. Лаптева и коллекция керамики, собранная им на стоянках железного века в бассейне р. Селенги в пределах Монголии, хранящаяся в Кабинете географии Иркутского университета.

¹⁵⁸ *Бортвин Н.Н.* Из области древней сибирской керамики // Записки отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. М., 1915. Т.2; *Сосновский Г.П.* Заметки по археологии Прибайкалья. // Изв. ВСОРО. Т. II., 1923.

Сравнивая керамические изделия якутов с таковыми же древне-железного века Прибайкалья, мы должны невольно констатировать, на основании вышеизложенного, сходство их друг с другом, проявляющееся не только в элементах орнаментации сосуда, но и в форме их; но это еще не значит, что творцами их были именно якуты.

Нет, в этом нужно видеть только одно лишнее подтверждение того, что в культуре якутов сохранились элементы культуры древне-железного века, носителем коей, может быть, был комплекс тюркских племен, обитавший когда-то в пределах Прибайкальского района.

Заканчивая настоящую работу, считаю своим приятным долгом выразить благодарность: М.Н. Ионовой, проф. С.Н. Лаптеву, С.О. Оннопрову за дополнение и просмотр настоящей работы; Г.М. Константинову, А.И. Михайловской и В.Н. Полосухину за выполнение рисунков и фотографий, приложенных к ней.

ПУТИ СВЯЗИ И СНАБЖЕНИЕ КОЛЫМСКО-ИНДИГИРСКОГО КРАЯ.

Характеристика заготовительных районов*

Товары колымских организаций распределяются по следующим районам, более детализированным на Колыме, менее на Индигирке, соответственно стабилизировавшейся сети на первой и находящейся в организационном периоде на второй. Распределение товарно-заготовительной сети по территории смотри на прилагаемой карте-схеме.

В бассейне Колымы.

1. *Среднеколымский район.* Включает Среднеколымск, ближайшие речные заимки и пригородную часть 2 Байдунского и 3 Мятужского наслегов Колымского улуса. В 1929 г. в Среднеколымске зимую проживало 148 семейств — 730 чел., часть которых летом разъезжается по речным заимкам для рыбной ловли. Считая с жителями речных заимок и ближайших наслегов (190 хозяйств — 1000 чел.) среднеколымские розничные лавки госторговли и кооперации снабжают приблизительно 340 хозяйств — 1700 чел. Большая часть населения города состоит из служащих учреждений и их семейств и лиц, обслуживающих учреждения, и служащих (отопление, временные работы). Многие хозяйства в течение зимы существуют заработком, полученным летом службой на водном транспорте торговых организаций. По существу, как это будет видно дальше, Среднеколымск, по-видимому, является искусственно разросшимся центром, проедающим 3/4 бюджета окружных учреждений¹⁵⁹. В занятиях городского населения незначительное место занимает скотоводство и рыболовство. Пушным промыслом никто не занимается¹⁶⁰. Пригородное улусное население занимается скотоводством, рыболовством и пушным промыслом. Город Среднеколымск обслуживается с 1930 г. постоянными розничными магазинами Якутгосторга и кооперации.

2. *Нижнеколымский район.*

В торговом отношении разделяется на:

а) поселок Нижнеколымск с ближайшими заимками по рр. Колыме, Большому и Малому Анюям и т.д., 119 хозяйств — 712

* Извлечение из книги «Пути связи и снабжение Колымско-Индигирского края» / Материалы партии по исследованию реки Колымы. Иркутск: Востсибкрайгиз, 1931. — 252 с., илл.

¹⁵⁹ Более полное освещение состава населения и его занятий по Среднеколымску на основании статистического обследования колымской партии в зиму 1928—29 гг. даются в вып. VIII «Материалов».

¹⁶⁰ Имеет место скупка пушнины у промышленников.

чел. по данным 1929 г.¹⁶¹ население русское и обруселые якуты и юкагиры, занятие — рыболовство и пушной промысел, собаководство, часть служащих. Население имеет значительный заработок от перевалочных работ по разгрузке и нагрузке судов и по перевозкам грузов зимним путем. Поселок Нижнеколымск обслуживается также, как и Среднеколымск двумя постоянными розничными магазинами. По существу говоря, к этому же району нужно отнести уже пережившую себя ежегодную «чукотскую» ярмарку в Пантелеихе (см. данное выше специальное описание этой ярмарки).

б) с. Походск, 83 км ниже Нижнеколымска. По данным на 1929 г. с ближайшими заимками — 50 хозяйств, 240 чел. русских и обруселых юкагиров, занятие — рыболовство, пушной промысел, собаководство, в небольшом размере извоз. К Походску примыкают чукчи Западной тундры — 20 хозяйств, 140 чел., занятие которых — оленеводство и пушной промысел. Походский район обслуживается сезонными (зимними) отделениями Якутгосторга и кооперации.

3. *Восточная тундра* (к востоку от Колымы до Чаунской губы), по которой кочуют чукчи и ламуты¹⁶², около 200 хозяйств — 1000 чел. населения. Около половины района снабжается чаунской агентурой Дальгосторга (с 1930 г. АКО) и выпадает из орбиты деятельности колымских организаций. Постоянных населенных пунктов в районе нет. Занятие — оленеводство и пушной промысел. Район обслуживается разъездными агентами Якутгосторга по двум направлениям (через Пантелеиху на М. Анюю к Островному и на Б. Анюю к Пятистенному) и кооперацией по Б. Анюю к пос. Пятистенному (непостоянный).

4. *Омолонский район*. По Приполярной переписи 1926—27 гг. значится 18 хозяйств чукчей, 19 ламутов и 8 юкагиров, всего 275 чел. Фактически омолонской агентурой обслуживаются ламуты правого берега Колымы (по р. Березовке и Омолону), юкагиры и ламуты среднего течения Омолона и чукчи правых притоков Омолона — Олая и Молонды. По данным Партии по исследованию р. Колымы на 1919 г. в этом районе обслуживается больше хозяйств и населения, чем указано выше, а именно приблизительно 70 хозяйств — 350 чел. Постоянных жилых пунктов в районе нет. Занятие — оленеводство, пушной промысел. Район обслуживается разъездной агентурой

¹⁶¹ Как и в Среднеколымске и Походске, сведения о составе обслуживаемого госторговлей населения получены «Партией по исследованию р. Колымы».

¹⁶² Ламутов и тунгусов в нашем описании мы объединяем в одну группу, благодаря их близкой родственности по языку, внешности и образу жизни. Для Колымы различие их имеет лишь чисто территориальное значение. По этому вопросу см.: *Д. Анучин* Ламуты, Русский антропологический журнал, 1916, №1—2, а также отчет Камчатского краеведческого общества за 1928—29 гг., Петропавловск на Камчатке.

Якутгосторга, достигающей устья р. Нендыни на р. Олое (правый приток Омолона).

5. *Северо-Западный район с торговыми пунктами в полосе лесотундры.* В район входят: меньшая часть 3 Мятюжского наслега, 3 Байдунский и Эгинский наслеги, Борогонский наслег, часть 1 Кангаласского наслега (всего якутов приблизительно 215 хозяйств — 1000 чел.) и тунгусы Западной тундры (49 хозяйств — 417 чел.). Всего в районе около 265 хозяйств — 1400 чел. по данным Приполярной переписи 1926—27 гг. Занятия якутов — скотоводство, рыболовство и пушной промысел, тунгусов — оленеводство, рыболовство и пушной промысел. Определившихся центров район не имеет. Расселение якутов — типичное для всех местностей, занятых якутами: по одной, две, редко три юрты у одного озера при расстоянии от жилища до жилища в 20—50 км. Район обслуживается тремя сезонными (зимними) отделениями Якутгосторга и двумя такими же отделениями кооперации.

6. *Западно-улусный район.* Включает часть 2 Байдунского наслега, 2 Мятюжский, 2 Кангаласский, часть 1 Кангаласского наслега, Колымского улуса, приблизительно 200 хозяйств — 1100 чел., главным образом якутского населения. Занятия и способ расселения тот же, что и у якутов Северо-Западного района, несколько плотнее, с расстояниями между жителями в 15—40 км. Район обслуживается двумя сезонными (зимними) отделениями и одним непостоянным разъездным агентом кооперации и одним сезонным отделением Якутгосторга.

7. *Верхнеколымский район.* Охватывает объединенный Верхнеколымский наслег, Колымского улуса (бывшие 1 Байдунский и 3 Мятюжский наслеги), 182 хозяйства — 832 чел. якутов. Кроме того, в район обслуживания верхнеколымскими торговыми агентствами входят тунгусы хребта Тумус-Хая, Абыйского района (между Верхнеколымском и Абыем) и юкагиры и тунгусы низовьев реки Ясачной, всего около 100 хозяйств — 550 чел. Итого в районе около 280 хозяйств — 1400 душ. Образ жизни и занятия якутов, как и в других районах, но благосостояние ниже. Оленеводство у кочевых народностей района развито слабее, чем в тундряном районе. Особенно неимущи юкагиры р. Ясачной, имеющие постоянное поселение Нелемное в 60 км от Верхнеколымска на р. Ясачной. Район обслуживается сезонной агентурой Якутгосторга в Родчево и его же разъездными агентами из Родчево в сторону Тумус-Хая (непостоянный) и на Верхнеколымск — Нелемное, а также сезонным отделением кооперации в Арылахе.

8. *Коркодонский район.* Обслуживает ближайшее население по Колыме и в устье рек Коркодона и Балыгачана — якуты и юкагиры, 46 хозяйств — 179 чел. В район также входит часть ламутов (тунгусов), кочующих между Колымой и Момой, но обслуживают-

ся они коркодонской торговой агентурой в незначительной степени. Крайний предел распространения товаров Коркодонской агентуры вверх по р. Колыме до п. Балыгачан (135 км выше Коркодона), каковой пункт частично, кроме того, получает товары с Охотского побережья (Наяхан) и из Сеймчан (отделение оймеконского туземного кооператива «Чыскан», снабжающееся из Олы и Оймекона). Район обслуживается с Колымы только одним разъездным торговым агентом, отправляемым отделением в Родчево до устья р. Столбовой (340 км выше Родчево).

На Индигирке.

9. *Момский район.* Якуты Момского (включая Тюбелях и Кыгылбалыктах) и Индигирского наслегов Эльгетского (Абыйского) улуса, Верхоянского округа. Занятие — скотоводство и пушной промысел; озера имеются только в северной части Индигирского наслега, поэтому рыболовство слабо развито. Аналогично Колыме, экономическое положение Момских наслегов хуже, чем якутов, живущих далее вниз по Индигирке. В Момском районе кочует много тунгусов. Из них отдельные лица имеют тысячные стада оленей, но большинство бедно оленями. Тунгусы Момского района зимой кочуют между Момой и Колымой на речных системах левых притоков Колымы (Ожогойной, Зырянке, Ясачной, Сеймчан, Таскан, Берелях) и правых притоков Индигирки (Момы, Неры). Часть их подходит к Колыме у рр. Коркодона и Налучье. Часть Момских тунгусов кочует западнее Индигирки. Летние стойбища этих тунгусов находятся на плоскогорьях Улахан-Чистай (с центром Екчан или Ерчан) и Кыллах (Мола, Крест-Мола), являющихся междуречьем Колымы и Индигирки. Кочевья их находятся вне путей снабжения торговых организаций.

Точные статистические сведения о тунгусах Момского района, Эльгетского улуса получены ветврачом Д.А. Новгородовым в мае-октябре 1927 г. при производстве подробных исследований оленеводческих хозяйств. Его данные дают следующие цифры тунгусов Эльгетского улуса:

- а) Тунгусы Кыллахского летнего стойбища — 29 хоз-в, 182 чел., число оленей 1343, в т.ч. ездовых 517.
- б) Тунгусы стойбища Улахан-Чистай, с центром в Екчане — 135 хоз-в, 460 чел., оленей 10830, в т.ч. ездовых 1623.
- в) Тунгусы, проживающие западнее Индигирки, но приписанные к Эльгетскому улусу — 28 хоз-в, 106 чел., 552 оленя, в т.ч. ездовых 296.

Таким образом, в Момском районе Эльгетского улуса тунгусов 192 хоз-ва, 748 чел.

Эльгетский улусный исполком количество оседлых якутов в Индигирском и Момском наслегах на 1929 г. определяет следующими, также, видимо, достаточно точными, цифрами:

а) Индигирский наслег — 634 чел., конного скота 580, рогатого 949, оленей 330.

б) Момский наслег — 504 чел., конного скота 451, рогатого 754, оленей 52.

Всего якутов 1138 чел.

Таким образом, всего в Момском районе нужно считать населения 1886 чел.¹⁶³

Этот обширный район получает незначительные дозы товаров из Колымы, Абыя и Оймекона и снабжается хуже всех районов Колымско-Индигирского края, обслуживаясь постоянным разъездным агентом из Оймекона и непостоянными, также только разъездными агентами кооперации из Родчево и Якутгосторга из Абыя.

10. *Абыйский район.* Якуты Абыйского наслега — 679 чел., якуты и тунгусы Майорского района — 607 чел., якуты и тунгусы Урасалахского района — 670 чел., то же Мугурдахского района (и Тирях) — 574 чел. Итого — 2530 чел., приблизительно, 500 хозяйств. Якуты занимаются скотоводством, рыболовством и пушным промыслом, тунгусы — оленеводством и пушным промыслом; часть их, включенная в Урасалахский район, кочует по реке Ерче в нижнем течении Индигирки и снабжается торговыми агентами из с. Аллаихи. Сведения о населении Абыйского района даны по данным Эльгетского улусного исполкома на 1929 г. Район обслуживается постоянными розничными магазинами Якутгосторга и кооперации в Абые и четырьмя разъездными агентами (непостоянными) по району. Как указано выше, в районе работают также организации из Верхоянска, параллельно с работой Колымских организаций.

11. *Аллаиховский район,* в нижнем течении Индигирки. Якуты объединенного Аллаиховского наслега, Усть-Янского улуса, Булунского округа. Точных данных о количестве населения в нашем распоряжении нет. По подсчету торговых организаций в районе приблизительно 250 хозяйств — 1200 чел. (без ерчинских тунгусов), занимаются рыболовством, оленеводством и пушным промыслом. Район обслуживается постоянными отделениями в Аллаихе Якутгосторга и кооперации и разъездными агентами, достигающими на запад до р. Хромы. Параллельно с колымскими организациями в районе

¹⁶³ Данные о количестве населения Момского района, сообщенные на месте весной 1919 г. нацсоветами сотруднику Дальгосторга т. Леванову, определяют количество якутов в районе в 300 хозяйств — 1800 чел., тунгусов 250 хозяйств — 1000 чел. Цифра безусловно преувеличена. Эльгетский улусный исполком в то же время сообщал, что в Момском районе с тунгусами 1634 чел., из них охотников 343 чел., но оговаривался, что цифры эти приблизительно, за неимением точных сведений о тунгусах. Мы в дальнейшем изложении берем выведенную нами цифру как, по-видимому, наиболее точную.

работают булунские организации через Казачье на р. Яне. С реки Колымы Аллаиховский район снабжается главным образом зимними путями из Карлуково и Среднеколымска через Кондаково и, в небольшой части, морским каботажем через устье р. Индигирки.

12. *Район Русского Устья в дельте Индигирки.* Русское население приблизительно в 100 хозяйств в составе около 400 чел. Занимаются рыболовством, собаководством и пушным промыслом. Район обслуживается сезонными (зимними) отделениями Якутгосторга и кооперации, снабжаемыми через Аллаиху зимними путями и, частично, через устье Индигирки морским каботажем.

Всего таким образом имеется 4 постоянных пункта торгово-заготовительной сети, 13 сезонных (зимних) отделений и 11 направлений разъездных агентур. Характерно, что из этого числа подавляющее количество торгово-заготовительных пунктов располагается севернее полярного круга. — именно только 4 пункта (одно сезонное отделение и три разъездных агентуры) охватывают огромную территорию южнее полярного круга.

Таким образом, деятельность колымских организаций в основном сосредоточена в северных полярных районах.

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СРЕДИ МАЛЫХ НАРОДОВ В ВОСТОЧНЫХ САЯНАХ
(предварительные данные)***

Среди многочисленных народов, населяющих Сибирь, имеется два небольших племени, представляющие как бы реликтовую культуру — это карагасы и окинские сойоты. Окруженные скотоводческими и земледельческими народами под 52–53⁰ северной широты, на уровне Киева, Варшавы, Берлина и Лондона, они со своими полярными прирученными оленями кажутся таким же отпрыском культуры приполярных областей, как и окружающий их ландшафт — высокогорная тундра с характерной полярной флорой и фауной, приютившаяся на самых вершинах Саян, выше линии леса под вечными снегами — их летние кочевья; горная тайга с черными кедровниками, с угнетенным лесом замшелых деревьев, с каменистыми россыпями и болотистыми долинами горных речек — их зимние и осенние кочевья. Оленеводы по способу передвижения, охотники по форме хозяйства, эти два народа давно привлекали мои научные интересы, и лишь в 1925 и 1926 годах удалось мне осуществить две экспедиции к ним и произвести их обследование.

Карагасы — чистые охотники, их режим обуславливается оленем и промыслом; их хозяйство построено на добыче пушнины. Сойоты — оленеводы, оставляющие оленеводство и переходящие к скотоводству и даже земледелию, с отодвиганием пушного промысла на второй план, ставящие его на уровень подсобного промысла. Оба эти народа вместе являют все стадии эволюции форм хозяйства от оленеводства к земледелию.

Проследить эти переходы, изучить их как с бытовой, так и экономической, а также и медико-санитарной точек зрения представлялось мне не только интересным с научной стороны, но и с практической. В настоящее время, когда мы стали лицом к лицу с необходимостью перехода наших туземцев к иным формам хозяйства и с устройством их на культбазах, особенно ценен учет тех практических достижений, к которым пришли эмпирическим путем наши туземцы, испытав на самих себе все невзгоды перемен, обусловленных их новым бытом. Учет всех сторон этого перехода обуславливает и состав проведенных мною экспедиций. Здесь работа этнографа-экономиста тесно переплеталась с работой врача. Задачей экспедиции явилось обследование туземцев в медико-санитарном, статистико-экономическом и бытовом отношениях.

* Сборник трудов проф. и препод. ИГУ. Вып.12. 1927. С. 217–226. То же: Отд.отт. Иркутск, 1927. — 22с.

Для этого была мною выработана специальная «Программа для составления подворных описей и бюджетов применительно к малым народностям тайги. Иркутск, 1926. Медицинское обследование велось по программе, выработанной профессором М.Н. Анастасиевым. Однородность программы исследования 1925 и 1926 годов дает большое преимущество при сопоставлении материала обеих экспедиций.

I

1925 г.

Карагасская экспедиция, организованная Иркутским губернским Управлением Общества Красного Креста¹⁶⁴

Первоначальный состав экспедиции состоял из следующих лиц: проф. Б.Э. Петри (начальник экспедиции), на которого были возложены этнографические и статистико-экономические исследования, врача И.П. Карпова, которому было поручено медико-санитарное исследование. Ему же было поручено оказание медико-санитарной помощи, для чего был дан еще лекпом Н.С. Пугачев. Снаряжение экспедиции прошло несколько поспешно из-за опоздания кредитов. Почти вся амуниция была изготовлена в Иркутске. Здесь же были приобретены и все продукты питания и предметы для обмена.

Маршрут и работы экспедиции сложились следующим образом: Окончательно снарядившись в Тулуне, экспедиция двинулась вьючным порядком на юг до поселка Сасырка, где должны были начаться исследования и где были сосредоточены важнейшие учреждения, обслуживающие карагас – кооператив, школа, фельдшерский пункт и пост милиционера. Фельдшерский пункт экспедиция нашла ликвидированным, т.к. он, работая стационарно, не обслуживал нужды карагас. Пост милиционера оказался упраздненным по сокращению. В Сасырке экспедиция обследовала кооператив и школу, а также пеших карагас, ютящихся около кооператива и кормящихся на подаяние, которое перепадает им от жителей поселка. Таких карагас оказалось четыре семьи. Эти семьи потеряли оленей и тем самым лишились возможности передвигаться по тайге, а, следовательно, и жить вместе с остальным племенем. Они поговаривают о том, чтобы выстроить избы, завести коров и жить оседло, занимаясь скотоводством, «как буряты». Все это возможно при некоторой субсидии правительства и руководства со стороны уполномоченного по карагасским делам, должность которого уже намечена к утвержде-

¹⁶⁴ В виду задержки с печатанием предварительного отчета о поездке к карагасам сводная таблица цифровых данных была мною передана для опубликования М.Е. Золотареву. См. Золотарев М.Е. и Ходукин Я.Н. Карагасия. Материалы Иркутского местного комитета Севера. Вып. I.

нию. Пеших карагас надо рассматривать как пионеров новой формы хозяйства среди карагасской народности.

Карагасская школа существует всего два года. Но сроки учения у карагас иные, чем у нас. Детей сдают в конце декабря, а берут в середине мая. Дети должны помогать промышлять родителям. Тем не менее, сделано много. К концу второго года ребята выучились не только говорить по-русски, читать, писать, считать до 100 и более и четырем арифметическим действиям, но успели основательно ознакомиться с новыми политическими идеями. Эти знания они понесли вглубь тайги, передали взрослым, и мы нашли карагас не только хорошо осведомленными о всех политических событиях, но и определенными сторонниками соввласти, вполне сознательными (правда, наивными) пролетариями, усвоившими по-своему, по-таежному все преимущества нового строя. Карагасы поняли, что они равноправные граждане в республике, что земля — их земля, что всех, кто их «обижает», эксплуатирует, они могут «вытряхнуть из тайги», что кооператив — это их лавка, их собственное дело и что завлажкой — их работник. Учительницы отмечают большие способности карагасских детей. Дети с большой любовью учатся и ждут не дождутся начала занятий. При школе имеется интернат, в котором живут все школьники. Первый год училось 15 детей, второй — 22; характерно, что все дети, учившиеся в первом году, пришли вновь на второй год. Зафиксировано шесть случаев прихода в школу учеников почти против воли родителей. Последние уступили только после крайних настояний детей.

Из Сасырки экспедиция двинулась в поиски восточной группы карагас, которых нашла в пределах Урянхая, живущими на вершинах Саян на горной тундре, выше той линии, где кончается лес, рядом с вечным снегом. Среди карагасских берестяных юрт была разбита палатка экспедиции, служившая амбулаторией, где врач И.В. Карпов занимался медицинским обследованием карагас, а также оказанием медпомощи. Одновременно с этим лекпом Н.С. Пугачев, расположившись в одной из больших юрт, принимался за оспопрививание. Пользуясь случаем, он прежде всего обстригал машинкой всем карагасятам волосы и мазал головы зеленым мылом. Карагасятам волей-неволей приходилось бежать к ручью и задавать себе первую и возможно последнюю в жизни головомойку. Далее шло оспопрививание, совершавшееся обычно без детского крика в несколько благоговейной тишине. К медпомощи, а особенно к оспопрививанию карагасы относились в высшей степени доброжелательно и даже порой волновались, что мы не заедем на то или иное стойбище. Так как сразу стало заметно, что этнолого-экономические исследования идут медленнее, чем медицинские, было решено пригласить еще одно лицо в помощь мне. Был приглашен

т. Мочульский, уже много лет с увлечением работающий среди карагас, весьма ими любимый, организатор Карагасского Общества Потребителей и карагасской школы. Экономическое обследование велось по юртам. Карагасы придали большое значение экономическому обследованию, считая, что оно должно несомненно повести к улучшению их материального быта. Дело происходило всегда так: почетных гостей (меня и т. Мочульского) сажали на войлоки, кругом располагалась семья и ближайшие родственники, и общими усилиями начинали вспоминать прожитой год. При выработке ответов по хозяйственным вопросам деятельно помогала жена хозяина юрты. Благодаря такому доверию к нашей работе данные по бюджетам отдельных семейств получились весьма точные. Не зная подоходных налогов, карагасы не боялись показать статьи своих доходов и, видя в нас своих друзей, не стеснялись показывать, сколько пушнины ушло в руки «карагасников» (эксплуататоры карагас; «карагасничать» — жить на счет торговли с карагасами). Благодаря тому, что карагас очень мало — всего 97 хозяйств — удалось точно выявить всю белку и всего соболя, который добыт был в обследуемом году (1 октября 1924 года по 1 октября 1925 года хозяйственный год карагас), удалось установить сколько и какого рода пушнины пошло в кооператив, в госторги, в руки «карагасников». Удалось учесть, сколько съедено этим маленьким народом муки, соли, масла, сколько выпито чаю, самогона, спирта; где, что и по какой цене куплено. Удалось установить сделки скупщиков пушнины с карагасами и выяснить бешеные цены, которые «карагасник» ставит голодному охотнику за соболями.

Параллельно с составлением бюджетов велись и этнографические наблюдения. Изучено было оленеводство, коневодство и собаководство. Составлено подробное описание жилища, одежды, пищи. Подробно описаны весь пушной и звериный промысел карагас по сезонам (охотничий календарь) и способы рыбной ловли. Изучены бытовой уклад карагасского общества, семейно-родовой быт, юридические нормы, формы землепользования. Не оставлены без внимания отношения к культам — православию, ламаизму, шаманству. Учтено и отношение к старому и новому в быте карагас — восприятие новых идей, отношение к последним политическим событиям и отношение к совлассия. Наконец, нарисована галерея «карагасников» — таежных эксплуататоров простодушных, детски-наивных и доверчивых карагас.

Неналаженность закуп-сбыта карагас — основное зло, мешающее им бездефицитно сбалансировать свой бюджет. Дешево и бесполезно проданная пушнина, дорого и нецелесообразно купленные продукты — вот заключение, которое само собою напрашивается при изучении бюджетов карагасских хозяйств. А между тем в бюджете середняка-карагаса приход от 500 до 800 рублей — на эти деньги

можно бы свободно и без нужды жить в лесу нетребовательному карагасу. Но беда в том, что карагас — ребенок, большой ребенок, «дитя природы», он берет все, что ему понравилось, порой даже ненужные вещи, лишь бы они были в его вкусе или были «как у всех». Надо ему только предложить их в кредит. Кредит губит карагаса, т.к. он никогда не может хотя бы приблизительно учесть предстоящий промысел. Он считает упрощенными всех соболей, о местопребывании которых он знает, и столько белки, сколько он промышлял «в прежнее время», когда он был единственным хозяином тайги. А жестокая действительность всегда много ниже ожиданий. Окончен осенний промысел и, конечно, опять обманул надежды. Карагас возвращается с осеннего промысла, — ему нужно расплатиться с долгами, сделать в своем кооперативе запас продуктов на зимний сезон охоты. Но тут по пути ему встречаются «купцы», заскочившие вглубь тайги, чтобы первыми встретить карагас и собрать у них за старые долги пушнину. С ними же выезжают агенты и контрагенты госторгов, на 50% навербованные из тех же «карагасников». Лаской, обещаниями, угрозой они очищают сумы карагас. Карагас движется дальше. Навстречу ему выезжают самогонщики, образуя в тайге второе кольцо, через которое надо прорваться карагасу. В лагунах, провезенными ими окольными тропами или спрятанными ими в мешках с мукой, булькает дешевое зелье: всего одна белка (=рубли) за четверть — дешевле чем в городе; как устоять против соблазна?!

После прорыва второго фронта сумы карагас делают еще легче. Карагас движется все дальше на север и наконец прибывает к своей потребиловке, — но сумы его значительно опустели, — он не только не может расплатиться с долгами, но принужден залезать еще больше в кредит. Потребилочки волей-неволей должны кредитовать карагас — закрыть карагасу кредит — это значит отдать его в руки «карагаснику», кредитовать — подрывать себя. Между тем, потребиловки и так открыли непомерно широкий кредит карагасам. Сасырское карагасское общество потребителей имеет за карагасами 5 тыс. руб., Нижнеудинское отделение — 12 тыс. руб., Канское — около 1 тыс. руб. — это на 97 карагасских хозяйств! Если сюда прибавить долги госторгам и частным торговцам, то получатся долги около 24 тыс.руб. Благодаря своему неумению рассчитать и свести концы с концами, карагас всегда должен, всегда голоден, одет в тряпье и в случае неудачного промысла обречен на нищенство. В то время, когда мы в осенние бури, закрыв плотно ставни, чувствуем себя хорошо в наших домах, карагасы в высокогорных долинах, где свищет ветер, где облака ползут почти по земле, цепляясь мохнатыми лапами за деревья и обдавая дождем со снегом, дрогнув в своей берестяной юрте. Полуголые иззябшие ребятишки жмутся к костру; сквозь дырявые тосы (берестяная покрывка жилья) сочится вода и

отсыревшая одежда не греет. В эти дни промышлять нельзя. Сидят в юрте, ждут солнечных дней. Хозяйка испекла лепешку и раздает ее членам семьи. Вскипел в котле чай. Чай и ржаная лепешка (мука, густо замешанная на воде и испеченная в золе) — главное и почти единственное питание карагаса в течение всего года. Количество потребления карагасами мяса и масла до курьеза ничтожно. Вполне понятно, что такие бытовые условия сильно отражаются на карагасах и главным образом на детях. И действительно, детская смертность, особенно в раннем возрасте, весьма велика. Это и служит основной причиной малого числа карагас. В общем же карагасы вполне здоровы — ни сифилиса, ни венерических болезней, ни трахомы — главных бичей малых народностей Сибири они не знают. Надо изменить их бытовые условия и племя будет спасено от вымирания.

Но вернемся к нашему маршруту. Покончив с восточной группой, экспедиция двинулась вновь на север и вернувшись из Урянхая в пределы СССР, спустилась по Кара-Бурени и Уде. Здесь в вершине реки Джуглым собрались все карагасы западной группы, ожидая приезда экспедиции. Но незадолго перед нашим приездом на оленьи стада напали волки — и карагасы бросились бежать врассыпную — единственный их способ спастись от этого самого страшного хищника в крае. Экспедиции стоило немалых трудов разыскать и посетить все карагасские юрты; успеху поисков мы в значительной степени обязаны шуленге (выборный начальник) карагасу Саганову, проявившему много первобытной административной расторопности. За самой западной группой пришлось даже съездить в пределы Енисейской губернии. Главную группу западных карагас удалось обследовать на реке Бирюсе недалеко от золотых приисков.

На обратном пути экспедиция остановилась на реке Нерха, где имеется отделение Нижнеудинского общества потребителей, созданное специально для карагас. Это предприятие определенно убыточно для Нижнеудинского кооператива, но... ведь «половина города Нижнеудинска построена на карагасских косточках». Нижнеудинск, несомненно, платит долги, поддерживая остатки того народа, который он разорил.

Из Нерхи экспедиция двинулась вниз по реке Уде и в Нижнеудинске закончила свой путь. Привезенные большие материалы как статистико-экономического, так и медико-санитарного характера будут обработаны в ближайшее время и лягут в основу строительства новой жизни карагас. Этот маленький угасающий народ здоровый, бодрый, жизнерадостный, имеющий не только право, но и все задатки для развития, выживет в своем стремлении к существованию. И если царское правительство спокойно смотрело на вымирание инородцев, то соввласть через РОКК (Российское отделение Общества Красного креста — отв.ред.) и Комитет Севера создает

для карагас те условия, при которых они смогут занять достойное место среди прочих народов мира.

Для практического осуществления возрождения карагасской народности предлагаю следующие мероприятия, намеченные мною во время следования карагасской экспедиции.

I. Карагасское хозяйство, основанное на промысле пушного зверя, неуклонно и быстро идет на убыль.

1. В связи с огромным требованием нашего рынка на пушнину охота стала особенно интенсивной.
2. Колонизационная волна вплотную придвинулась к карагасской территории и новоселы промышленно хищнически в охотничьих угодьях карагас.
3. Если азиатский способ расходования пушных богатств заметно отразился на всей тайге, то в карагасском крае он произвел, быть может, наибольшее опустошение.

Поэтому необходимо срочно изыскать меры по постепенному переводу карагас на новую форму хозяйства, каковой считаю скотоводческую, наподобие того, как живут в тех же физико-географических условиях ближайšie соседи карагас – окинские буряты.

Как исходный вариант оседания на землю следует взять беднейших карагас, лишившихся оленей, т.е. пеших карагас. Скотоводческая форма хозяйства ближе всех подходит к укладу жизни карагас и является единственно возможным видом сельского хозяйства в условиях высокогорной тайги, где земледелие почти невозможно, и где по соседству имеется хлебородная Катарбеевская волость (пуд ржи – 25 коп.), соединенная зимним санным путем по льду реки Уды с будущей карагасской культурбазой (240 верст).

II. Карагасы, если их предоставить самим себе, неуклонно и быстро пойдут к окончательному вымиранию. Необходимо срочное принятие ряда мер по их поддержанию и по охране их интересов.

III. Для охраны карагасских интересов, соблюдения их нужд и руководства перехода на новые формы хозяйства учреждается должность уполномоченного по карагасским делам.

1. Он должен пользоваться абсолютным доверием карагас;
2. Должен жить в тайге с карагасами.

IV. Для охраны охотничьих интересов необходимо в срочном порядке проведение землеустройства карагас, для чего следует выделить специальную охотничью территорию для карагас, каковую сделать запретной для остального населения Республики. Наиболее желательна, как наиболее удаленная от русского и прочего населения и наименее им посещаемая, территория по вершинам рек: Уда, Бирюса, Агул, Тагул и Гутара.

V. Для поддержания пушного промысла карагас необходимо употребить все усилия для снабжения охотников оленями, каковых

не хватает у карагас около 600 голов. Оленей закупить через самих карагас в Урянхайском крае, субсидировав их через кооператив. Субсидию (долгосрочную ссуду) предполагается выдать в размере $40 \text{ р.} \times 600 = 24\,000 \text{ руб.}$, распределив снабжение оленей на пять лет, т.е. по 120 оленей в год, что составит 4800 руб. в год. Снабжаться будут только малооленные карагасы (безоленные должны быть использованы как контингент для образования кадра оседлых карагас-скотоводов). Карагас должен гасить ссуду на оленей в течение трех лет, возвращая ее или деньгами, или оленями из приплода. Возвращаемые олени и деньги смогут в значительной мере сократить сумму в 24 000 руб.; после окончания операции снабжения возвращаемые карагасами деньги идут на погашение государственной ссуды¹⁶⁵.

- VI. Необходимо усилить карагасскую кооперацию, дав ей возможность забрасывать продукты первой необходимости и тяжеловозы вглубь тайги на места промыслов карагас (мука, соль, чай). Карагасская кооперация, совмещающая в себе потребительскую и кредитную, нуждается в оборотных средствах значительно больших, чем она обладает.
- VII. Усть-Нерхинское отделение Нижнеудинского общества потребителей должно быть передано Карагасскому обществу потребителей.
- VIII. Госторгам абсолютно должна быть запрещена работа с карагасами, помимо кооперативов, как организациям, не могущим наладить добросовестно аппарат и подрывающим основу карагасского хозяйства.
- IX. «Карагасники» (торговцы-эксплуататоры, частный капитал) должны быть изгнаны из тайги.
- X. На ближайшее время впредь до организации единой культбазы необходимо открытие второй карагасской школы в местности Алыгджер («Казармы»), где имеются дома; это место наиболее желательно, т.к. там предполагается устройство культбазы. Необходимость открытия второй школы обуславливается невозможностью для западной группы доставлять своих учеников в Сасырку и исчерпанностью пропускной способности Сасырской школы и ее интерната. Лучшие ученики из обоих школ в количестве не менее трех должны быть перевезены в Иркутск, где определены в техникумы для создания из них культработников среди карагас (желательна подготовка учителя для преподавания на родном языке, фельдшера и кооператора).

¹⁶⁵ В случае благополучно протекающей операции возвращения ссуды из естественного приплода оленьих стад цифра в 600 оленей, которых необходимо извлечь из Урянхая, тоже уменьшится.

XI. Все управление и все учреждения, обслуживающие карагас — кооператив, школа, фельдшерский и ветеринарный пункт, уполномоченный по карагасским делам должны быть сосредоточены в одном месте, в котором также проводится оседание карагас на землю. Это место должно явиться карагасской культбазой. Местом для культбазы следует избрать участок, удовлетворяющий следующим требованиям:

1. Центральное относительно охотничьих угодий.
2. Близко к Белогорью.
3. Изолированное от русских участков.
4. Благоприятное для развития скотоводства.
5. Наличие земельного фонда.

Местом культбазы должен быть избран участок при слиянии рек Уды и Кара-Бурени в 300 десятин покоса. К нему в виде земельного фонда забронировано веровье р. Уды (луговое пространство в 200 десятин) и луга по рекам Ичень и Нерха. Этот участок удовлетворяет всем предыдущим требованиям.

XII. На культбазе следует построить ферму-коммуну, где должны постепенно оседать опротаривающиеся карагасы. Ферма, получив некоторую субсидию на свою организацию, переводится на хозрасчет, на каком она может вполне существовать. На ней карагасы обучаются уходу за скотом и привыкают к оседлому хозяйству. После 10 лет они выделяются в самостоятельное хозяйство, получают надел, избу и скот в виде компенсации за труд и живут как бы отдельными хуторами.

XIII. При ферме будут иметься подсобные статьи дохода — сбор орехов, корня бадана и ягод; могут быть организованы соболий питомник или маральник. Таким образом, организованная ферма отнюдь не будет состоять на себе (социальном обеспечении — отв.ред.) у государства.

XIV. Сасырка, как место культбазы, неправильно избрана.

1. Лежит в стороне от центра карагасского промысла.
2. Окружена с трех сторон русским населением, спаивающим карагас.
3. Не имеет земельных угодий для развития скотоводства.
4. Удалена на 150 верст от Белогорья.
5. Климатические условия значительно хуже, чем в других участках карагасской области.
6. Свободные от леса пространства незначительны и сильно заболочены.
7. В прилегающем к Сасырке районе нет достаточных и удобных, свободных от леса луговых пространств. Сасырка должна быть как культбаза оставлена, а все культучреждения с нее перенесены на место новой культбазы.

II. 1926 год Сойотская экспедиция, организованная Иркутским местным Комитетом Севера

Зима 1925–1926 годов была употреблена на снаряжение. От карагасской экспедиции не осталось никакого наследства, т.к. все пришло в полную негодность. Спешно сшитое из дешевого материала, оно пришло в плачевном виде назад и было ликвидировано. Пришлось заново шить и готовить все снаряжение, начиная от вьюков, седел и пр., и кончая всеми мелочами, без которых путешествовать в высокогорной местности невозможно. Ничего готового в Иркутске не было. Даже на выписку мясных консервов потребовалось два месяца. К весне все было готово, и мы ждали только извещения от нашего проводника, что снег в горах окончательно стаял и что можно двигаться.

23 июня экспедиция отбыла из Иркутска в составе: начальника экспедиции, профессора этнографии Б.Э. Петри, врача С.Д. Стависского и этнографа П.Г. Полтораднева; технический персонал набирался из местных людей; состав его изменялся в зависимости от условий работы и обычно состоял из: коневода экспедиции, переводчика и проводника. Трудности переброски людей при вьючном порядке следования заставляли нас быть особенно экономными в личном составе, почему на ученый персонал экспедиции были возложены и технические обязанности.

Первая остановка была сделана в Тункинской долине, где был приобретен конский состав. В Тунке можно достать отличных лошадей монгольской породы, приспособленных к езде по горам. Конский состав подобрался очень удачно и выбрался назад в полной исправности, несмотря на все трудности пути. Оставив тракт в селе Монды, на границе Монголии, экспедиция двинулась горными тропами на северо-запад, сначала по системе р. Иркуты, потом по системе р. Оки, отыскивая сойот на местах их летних и зимних кочевий. Экспедиция была организована Комитетом для полного статистико-экономического, бытового и медико-санитарного обследования окинских сойот. Это обследование имело двоякую цель: 1. Выяснить возможности выделения сойт в самостоятельную хозяйственно-административную единицу с созданием у них культбазы и 2. Выяснить положительные и отрицательные стороны перехода сойот, как оленеводческого народа, к новым формам хозяйства — скотоводству и земледелию. Ветвь сойотов в свое время отделилась от общего ядра и вошла в пределы СССР. Здесь она осела в верховьях рек Оки и Иркуты и в течение некоторого периода самостоятельно, без постороннего влияния, естественным путем, но исключительно в силу изменения внешних факторов, проделала переход от оленеводства и охоты как к скотоводству в

одной части, так к земледелию в другой части; сойоты сократили свои кочевки, обзавелись скотом или пашнями, построили постоянные жилища, но сохранили элементы охотничье-промыслового хозяйства.

Сойоты в течение ряда поколений накопили жизненный опыт, испытав на самих себе все последствия перехода от одной формы хозяйства к другой. Произведенный экспедицией учет этого опыта дал ценный материал для разработки проекта образцовой культбазы. В то же время материал этот предостерегает организаторов культбаз от роковых ошибок, которые тяжело отразятся на слабо резистентных организмах последних представителей древних аборигенов Сибири. Результаты и подсчеты привезенной экспедицией материала, конечно, еще впереди. Пока я считаю возможным поделиться лишь общими впечатлениями.

Сойотов мы нашли разбросанными в 12 местах, причем их можно разделить на следующие группы:

1. **Оленная группа** живет вокруг озера Ильчир (исток реки Иркут) на высокогорной тундре; занимается по преимуществу оленеводством и пушным промыслом, начинает обзаводиться скотом.
2. **Переходная группа** от оленеводства к скотоводству живет в двух пунктах Хончин и Ха-Модон, сравнительно недалеко от верхней границы леса, в самых верховьях речек, являющихся истоками р. Белой. Основой хозяйства является крупный рогатый скот. Держат еще достаточное количество оленей. Бюджет строится на пушном промысле.
3. **Скотоводы** живут по долине р. Оки на удобренных покосах-утугах. Летом поднимаются вверх по рекам на горные пастбища. Поселки их следующие: Улзета, Сорока, Хореты, Буксон, Дибихозулхай-Бурга и Бурунгол.
4. Четвертую группу составляют **беженцы**, которые распадаются на две подгруппы: А) беженцы экономические — это разорившиеся оленеводы, недавно спустившиеся с Ильчира к подножию горы Мунку-Сардыка, частично устроившиеся скотоводческим хозяйством, частично находящиеся в стадии созидания такового. В будущем они осядут, как скотоводы. Б) беженцы политические. Эта группа живет в пределах Монголии, куда члены, составляющие ее, бежали со своими семьями, напуганные гражданкой войной. Одни из них уже вернулись назад, остальные собираются возвращаться. В ближайшем будущем вся эта подгруппа вольется в группу 3.
5. Пятую группу составляют сойоты-**земледельцы**, поселившиеся в улусе Нурай, поселившиеся среди привольных тункинских степей, занимающиеся по преимуществу земледелием, обладающие незначительным количеством скота и чрезвычайно мало промышляющие.

Экспедицией было произведено полное обследование всех хозяйств сойотов с учетом их бюджета до последней упрощенной белки и выпитого кирпича чая с обследованием в медицинском отношении до последнего ребенка. Предварительные данные сведены в прилагаемой таблице №1. Данные медосмотра в прилагаемой предварительной сводке (таблица №2).

Оленеводство у сойотов из года в год падает. В настоящее время осталось всего одно крепкое оленеводческое хозяйство (Бадмаев), вокруг которого держится несколько бедняков. Это хозяйство выполняет роль общественного пастуха у ближайших сойотов, которые на летний период передают ему своих оленей для пастбы на гольцах, в то время как сами пребывают в более низких местах, где пасут скот. Сойотский олень, как и карагасский, родом из Урянхая, но он несколько мельче карагасского. Причину этого, может быть, следует искать в общем падении оленеводства у сойотов. Зато прекрасно себя чувствуют скотоводы. Большие стада молочного скота (сарлыки и монгольские коровы) обеспечивают питание молочными продуктами и мясом. Пушной промысел обуславливает покупательную способность. Покупным является чай и мануфактура — все за малым исключением добывается контрабандным путем из Монголии китайского производства. Промысел совершается на оленях, которых пасут общественные пастухи (упомянутый Бадмаев и другие). Материальному благополучию соответствует и физический облик сойотов-скотоводов. Сильные, энергичные, здоровые, они производят впечатление народа, за которым, несомненно, имеется будущее. Материал экспедиции говорит за то, что переход сойотов от оленеводства к скотоводству был проделан легко и безболезненно. У сойотов-скотоводов экспедицией был собран исчерпывающий материал о скотоводстве (породы скота, уход за ним, уваживание утугов и уход за ними), о пище, об одежде, о ремеслах. Особой тщательности изучения было подвергнуто жилище, т.к. сойоты строят особое летнее жилище, прекрасно совмещающее все достоинства открытого и закрытого помещения. Мне думается, что это лучшая конструкция летних жилищ на культбазе для наших туземцев, которые не смогут переносить летнее пребывание в закрытом помещении. Скот сойотский тоже обращает на себя внимание своей неприхотливостью, умением круглый год держаться на подножном корму и большим содержанием жира в молоке. Специально было уделено внимание технике и организации промысла (артели, закабаленность, сбыт пушнины и пр.).

Полную противоположность являют земледельцы. Их бюджет более, чем скромный: он недостаточен; количество мяса и жиров доведено до минимума. Пашни незначительны и обрабатываются примитивно. Скота недостаточно. Несмотря на лучшие жилищные условия, сойоты земледельцы выглядят много хуже. Ослабленное питание ор-

ганизма при усиленной мышечной работе земледельца приводит к заметному вырождению, детской смертности и развитию болезней. Хлебный режим пагубно отражается на здоровье. Материал экспедиции отчетливо говорит за то, что этот переход от вольного промысла в горной тайге к упорному труду в долине не дается народу — он осужден на вымирание.

В отношении культа мы застали у сойотов полный расцвет ламаизма с некоторыми остатками шаманства. Особым почетом пользуется шаманский бог охоты. Его изображение висит в каждой юрте несколько поодаль от алтаря с бурханами. Шамана среди сойотов мы нашли только одного, зато ламы держат в своих цепких руках население.

В смысле своего антропологического состава сойоты оказались метисами. Окинские сойоты происходят от двух братьев — Иркит и Хасут, от которых образовалось два рода с теми же названиями. От Иркита осталось мало потомства, Хасуты размножились. Благодаря строго выдержанной экзогамии внутри рода жениться нельзя. Женщин у рода Иркит мало и приходится брать буряток. Большинство обследованных нами замужних женщин оказались бурятками. С бурятками вошел в обиход и новый язык — бурятский, а старый сойотский почти забылся. Его помнило только несколько стариков, у которых мной был записан словарный материал. Язык оказался чрезвычайно близкий урянхайско-сойотскому.

Вместе с бурятками-женщинами проникали и новые формы хозяйства, умение ухаживать за скотом, вести сложное молочное хозяйство скотовода, запасать впрок на долгую зиму молочные скопы; кроме того, покррой одежды, посуда и весь домашний уклад. В частности, все семейные, брачные и родственные нормы проникли от бурят и весь семейно-родовой быт сойот сейчас вполне отождествился с бурятским. Таким образом, бурятская женщина-скотоводка, войдя в чуждую ей среду сойотов-оленоводов, способствовала более быстрому переходу от отживающих, в силу ряда объективных условий, форм оленно-промыслового хозяйства к новым формам скотоводческо-промыслового хозяйства, где олень играет подсобную роль при пушном промысле.

Трудно сказать о половых нормах урянхайских сойотов, — мы так мало о них знаем. Но то, что мы наблюдали у окинских сойотов, является полным повторением норм у бурят¹⁶⁶. Свобода добрачных и внебрачных сношений полная.

Сношения начинаются очень рано в 15–16 лет, когда сойоты, медленнее развивающиеся, чем русские, являются еще почти детьми. Нежелательные последствия этих норм, конечно, сказываются,

¹⁶⁶ *Петри Б.Э.* Брачные нормы у северных бурят // Сборник трудов проф. и преп. ИГУ, вып. VIII, 1924. С. 23–26.

как в смысле ослабления организма сойот, так и в смысле заболеваемости венболезнями.

В отношении территории сойоты тоже не подаются выделению, т.к. живут разбросано на огромном пространстве чересполосно с бурятами. Но ни на какие переселения сойоты не соглашаются и, следовательно, их национальное объединение в одном месте немыслимо.

Итак, мы имеем народ без языка, без своей культуры и без территории. Мы можем констатировать, что и народа нет, а есть ассимилированная бурятами ветвь сойотов. Процесс ассимиляции зашел уже так далеко, что ни о каком возрождении окинских сойот думать не приходится. Нам остается предоставить им окончательно раствориться в бурятской массе.

Но если исследования экспедиции дали отрицательный материал для административного и культурного устроения сойот, то экспедиция привезла большой ценности материал для правильного строительства культбаз для наших туземцев. Этот материал с несомненностью доказывает, что мы должны вести наших туземцев не к земледелию, а к туземным формам.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Предварительная сводка медико-санитарного-обследования Составлена врачом экспедиции С.Д. Стависким

1. Обследовано врачом 90 семейств с общим населением 431 чел. Из них взрослых от 17-ти лет: мужчин — 138 чел., женщин — 127 чел. Из них детей до 17-ти лет: мальчиков — 88 чел., девочек — 78 чел.

Подверглись медосмотру 394 чел., т.е. 91% всего обследованного населения (остальных не было дома).

Подверглись взвешиванию и измерению 214 чел., т.е. 49% всего населения; остальные 51% падают на членов сойотских семейств бурятского происхождения (29%) и малолетних детей (22%).

Сифилис обнаружен из 90 хозяйств в 24 хозяйствах, что составляет около 24% хозяйств, пораженных сифилисом.

По отдельным улусам сифилис располагается так (в % из всего обследованного населения):

1.	Монды	7
2.	Ильчир	4
3.	Хончин	10
4.	Хамодон	7
5.	Сорока	4
6.	Буксон	10
7.	Хореты	—
8.	Улзета	—
9.	Долон-Турук (вместе с Хозуллаем и Диби)	3,2
10.	Бурунгол	19
11.	Нурай	30

Наиболее поражены сифилисом, таким образом, Бурунгол и Нурай. Остальные улусы дают все в среднем 5,5%. В Ильчире — это надо отметить — сифилиса только 4%. Совершенно свободны от сифилиса Хореты.

Туберкулез

1.	Монды	—
2.	Ильчир	4
3.	Хончин	—
4.	Хамодон	3,3
5.	Сорока	5,5

6.	Буксон	5
7.	Хореты	—
8.	Улзета	9
9.	Бурунгол	19
10.	Нурай	8

Больше всего туберкулеза в Бурунголе. На втором месте Улзета и Нурай. Остальные улусы дают в среднем только 4%.

Рождаемость превосходит смертность (данные за последние 10 лет) на 25%, но вывод об отсутствии вымирания нужно делать очень осторожно, т.к. наши сведения собраны только путем опроса и не могли быть подтверждены метрическими записями по причине их отсутствия.

Детская смертность

В Нурае погибает 55% всех детей по отношению к общему количеству беременностей (доминирующими факторами этого являются сифилис родителей, плохой уход за детьми и отсутствие грудного вскармливания).

1.	Монды	46
2.	Ильчир	22
3.	Хончин	54
4.	Хамодон	35
5.	Сорока	25

6.	Буксон	27
7.	Хореты	25
8.	Бурунгол	50
9.	Хозулхай	31,5

Итак, на первом месте по лучшему здоровью надо поставить Ильчир, самыми неблагополучными являются Нурай и Бурунгол, остальные средние.

В общем, принимая во внимание, что сойоты живут в плохих условиях, и их некультурность, надо сказать, что сойоты — сравнительно здоровый народ, и что социальные болезни, за исключением Нурая и Бурунгола (где уж очень сильна ассимиляция бурятами), среди них широкого распространения не имеют.

ПРОЕКТ КУЛЬТБАЗЫ ДЛЯ МАЛЫХ НАРОДОВ СИБИРИ*

Современное положение наших туземцев можно, по справедливости, считать безвыходным. Они попали в тот круг, из которого нет естественного выхода. Их хозяйственные нормы сложились в условиях очень отдаленных времен, когда они вполне соответствовали и окружающим физико-географическим условиям, и политической ситуации. Но с приходом русских в Сибирь внешние политические обстоятельства изменились. От чисто натурального хозяйства наши туземцы должны были перейти сначала к меновому, а затем, частично, и к денежному. Новые формы общения с соседями неизбежно должны были повести к полному переустройству их хозяйства, что и совершилось местами полнее, местами в меньшей степени для бурят, якутов, ойротов, киргизов... Революция застаёт последних с национальной интеллигенцией, с новыми формами земледелия, с сельскохозяйственными машинами, национальной школой, торговым аппаратом. Они оказались вполне способными принять новый принцип самоопределения народностей и при некотором инструктаже создали свои республики.

Не то произошло со значительной группой сибирских туземных племен, которые сейчас объединяются под именем малых народов Севера. За время владычества русских они, в основном, не приспособили своего хозяйства к новому строю, хлынувшему бурным потоком в Сибирь. Царское правительство всех периодов рассматривало их как колониальных рабов, как главных добытчиков пушнины и нисколько не пеклось об их благополучии. Глядя на длинный путь мытарств, бесчеловечной эксплуатации, полного бесправия, пройденный туземцами за триста лет, приходится удивляться, как выжили эти культурно-отсталые, численно слабые народы при столкновении с мощным стремлением колонизационной волны, безудержно хлынувшей через Урал. Революция застаёт их поредевшие ряды в состоянии значительного хозяйственного упадка. Гражданская война еще усугубляет их обнищание. Старые формы их хозяйства, сложившиеся еще задолго до прихода Ермака в Сибирь, встретились с эпохой восстановления хозяйства нашей страны и, в частности, Сибири. Не те уже окружающие условия — тайга испромыслилась, в обиход туземца введены продукты нашего производства — хлеб, ткани, посуда.

Хозяйство его обнищало. Жизнь идет стремительным потоком вперед, а формы хозяйства те же. Ясно, что, если нового строя до-

* Труды Первого Сибирского Краевого Научно-Исследовательского Съезда. Т.V. Новосибирск, 1928. С. 118–127.

стигли остатки некогда рациональных форм хозяйства, то теперь им не удержаться. Ясно, что туземцы Севера сами не перейдут к новым формам хозяйства, а их надо перевести. Ясно, что представление их самим себе поведет их, именно теперь, к полному вымиранию. Сейчас мы стоим накануне нового этапа жизни Сибири — накануне ее индустриализации. В какие бы формы не вылилась индустриализация в отношении наших туземных племен, она их не обойдет и так или иначе она их вовлечет в свой кругооборот. Мы должны подготовить к этому туземцев, так как иначе, застав их врасплох, она может довершить дело их уничтожения.

Перевод на новые формы хозяйства диктуется нам также и состоянием нашего пушного промысла. Благодаря азиатскому способу ведения нашего пушного хозяйства, а также в связи с огромным требованием нашего рынка пушнины (вследствие чего охота стала особенно интенсивной) мы стоим накануне катастрофы. Недалеко то время, когда какую бы армию промышленников мы не выслали в тайгу, как бы мы ее не вооружали, мы пушнины из тайги не получим, так как ее там не останется. Между тем, бюджет нашего туземца строится, или отчасти, или целиком, на пушном промысле.

Но, быть может, туземцев нужно какими-либо искусственными мерами удержать в их традиционной форме хозяйства? Это и дорогая, и бесцельная затея. Для того, кто пытался приложить идеи рационализации туземного хозяйства к современному хозяйственному укладу туземца, ясно, что все наши лучшие мероприятия никак не приспособляются к режиму жизни туземца. И наша медпомощь, и просветительская работа, и прочие благие затеи — жалкие паллиативы в условиях кочевого и бродячего быта наших туземцев. Режим жизни туземцев диктуется оленем. Где оленю сейчас хорошо, туда идет туземец. Отсюда вечное движение, отсюда легкая конструкция переносного жилища со всеми его последствиями: массовой детской смертностью, умиранием взрослых от незначительных заболеваний, бесполезность наших медпунктов, когда население разбредется на сотни верст по малопроезжим местностям. Оленный вопрос обуславливает периодические кочевки на летние выпасы, где туземец проводит несколько месяцев в году в вынужденной праздности, так как на летниках и делать нечего. Вечное передвижение вызывает легкий инвентарь — ничего лишнего, ничего тяжелого — отсюда периоды голодания со всеми последствиями, отсюда нездоровый хлеб в виде «лепешки», испеченной в золе, с ее результатом — обязательным катаром желудка к 35 годам. Этот же оленный вопрос, усложнившийся еще более к настоящему времени, благодаря почти повсеместному обеднению оленями туземцев, делает кочевки чрезвычайно сложными. Даже оленному туземцу сейчас трудно идти на промысел и тащить за собой всю семью. Дорогое время теряется на

непроизводительную работу. Но малооленные туземцы почти лишаются способности передвижения, без которого промысел делается малопродуктивным; лишившись главного источника дохода, они из года в год беднеют и, наконец, переходят в разряд пеших и... или вымирают, или, добравшись до русских поселений, бесследно растворяются в их населении.

Настало то время, когда необходимость изменить одряхлевшие формы хозяйства сделалась непреложной. Сам туземец этого не делает: у него нет ни соответствующей организации, ни капитала. Если это не сделать сейчас, то огромные пространства Сибири останутся без населения, ибо только туземец с его специальной структурой организма в состоянии освоить пустыню тайги и тундры. Произвести эту реорганизацию призван Комитет Севера. Но, конечно, с тем расчетом, чтобы не оторвать туземцев от их основного занятия — зверодоводства, а оставить их по-прежнему промышленниками, придать их хозяйству более рациональную культуру.

Культбаза. Меры, устраняющие недостатки современного быта малых народов приводят к необходимости создания культбазы. В основу прилагаемого проекта положен мною материал Карагасского и Сойтской экспедиций 1925 и 1926 годов¹⁶⁷. Мною был в этот период изучен быт карагасов — чистых оленеводов-промышленников, сойот — оленеводов, переходящих и частично перешедших к скотоводству, с одной стороны, и к земледелию — с другой, с сохранением охоты по пушному зверю, как зимнего подсобного промысла и, наконец, хозяйство присаянского таежника из русских или бурят, строящего свое хозяйство среди глухой тайги и базирующего его преимущественно на добыче пушнины без собственных запасок. Этот материал, с добавлением литературных данных, дал мне возможность составить настоящий проект, построенный, преимущественно, на элементах не кабинетного измышления, а взятых из готовых выработанных эмпирическим путем форм хозяйства пушников-промышленников. Предлагаемый тип культбазы взят вне зависимости от этнических и локальных условий, применительно к которым эту типовую культбазу надо модифицировать. Я обрисовываю культбазу в совершенно развитом виде, причем оговариваю, что денежные ресурсы, хозяйственная целесообразность, местные и национально-бытовые условия должны в каждом отдельном случае быть строго учтены.

Прежде всего, я не мыслю культбазу как нечто самодовлеющее. Это есть центр охотхозяйства. Охотхозяйство мыслится при этом как единственная форма территориального, хозяйственного и административного объединения туземцев, могущая совместить все при-

¹⁶⁷ Подробнее: *Петри Б.Э.* Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах // Сборник трудов проф. и преп. ИГУ. Вып. XIII. 1927.

ворчеия туземной действительности. Охотничье хозяйство при этом не мыслится иначе, как объединение отдельных туземных хозяйств на строго выдержанном национальном принципе.

Территория культбазы. Охотничьи угодья наших туземцев, как правило, давно распределены, согласно нормам их обычного права. В настоящее время границы прежнего землевладения в значительной мере смяты колонизационным движением русского населения в тайгу. Тем не менее, установить древние границы родовых владений еще можно. Обычно бывает, что для переживаемого момента количество десятин охотугодий на каждого промышленника слишком велико, что, с одной стороны, объясняется общим уменьшением числа туземных промышленников, а с другой — претензиями русских промышленников. Для карагас мною исчислены следующие нормы: все 416 карагасов владели, согласно их обычному праву, 49122 кв. верстами; на каждого карагаса приходится 118,1 кв. версты, на каждого охотника 467,8 кв. версты. В эту территорию включены и места, давно брошенные карагасами, т.к. они частично заселены русскими, частично охвачены золотыми Бирюсинскими приисками, частично оставлены зверем из-за соседства новых пришельцев. В настоящее время карагасы решили отступить от своих древних границ и ходатайствуют об отводе им площади в новых границах, которые составят 27449 кв.верст, причем на каждого человека придется 66,0 кв.верст, а на каждого охотника 261,4 кв. версты. Эти нормы должны быть еще больше на севере, т.к. карагасы издавна были стесняемые со всех сторон соседями, а потом и русской колонизацией. Нормы эти отнюдь не велики. Их непомерная величина является только кажущейся, ибо мы невольно не можем отделаться от сравнения с земельным наделом земледельца или скотовода. Земельный минимум промышленника-зверолова должен быть огромным, по существу дела. Не нужно также забывать, что наши туземцы занимают непригодные для колонизации земли. К тому же времени, когда мы сможем использовать эти земли, как лесные богатства, окрепнут наши культбазы и наш пушной промысел примет иные формы. Далеко нежелательны, конечно, столкновения туземных и русских промышленников и выделение специального надела для туземного хозяйства — дело в достаточной степени сложное при соблюдении интересов той и другой стороны.

Выбор места для культбазы. Но вот территория охотхозяйства выделена; теперь можно намечать место будущей культбазы. Выбор места для культбазы должен отвечать следующим условиям: 1. Место должно быть возможно центральным в наделе, т.к. отнесение его на периферию затруднит наблюдение и охрану территории. 2. Место должно быть возможно удалено от русских поселков и изолировано горами, тайгой и нежилым местом от воздействия

русского населения. Печальный опыт Сасырки (первое место карагасской культбазы) с несомненностью показал, что соседство (10–20–30 верст) участков с русским населением разбивает все расчеты культурного строительства. Море самогона, разлившееся по русским поселкам, широкой волной хлестало и по культбазе. Карагас, приехавший с самыми лучшими намерениями сдать пушнину в свою потребиловку, попадал в руки самогонщиков, где оставлял значительную долю промысла; приезжий останавливался у оседлых карагас и, напившись сам, спаивал своих гостеприимных хозяев. А так как на культбазу ездят непрерывно, то и оседлые принуждались пить без передышки. Приезжие родители «угощали» своих детей – учеников из интерната карагасской школы, и самогон проникал в школу. Все наши мероприятия сбивались, вся работа сводилась на нет, задолженность оставалась непокрытой, потребиловка работала слабо и т.д.; все продолжалось до тех пор, пока после карагасской экспедиции 1925 г. не было указано правильное место, а зимой 1926–1927 гг. культбаза не была перенесена в местность Алыджер, на слиянии рр. Уды и Карабурены. 3. Место должно представлять естественные удобства контроля над приезжающими и их деятельностью; 4. Место должно представлять удобства в смысле транспорта, т.е. быть расположено на какой-либо реке, по которой хотя бы зимним путем можно было дешево завозить товары. Желательно также иметь в виду на будущее время возможность проведения колеиной дороги. 5. Одним из существенных требований к месту для культбазы является близость летних выпасов оленей, чтобы легко можно было бы осуществлять наблюдение за оленным стадом, когда оно пасется под охраной пастухов. 6. Наконец, основным требованием при выборе места является его удобие, т.е. место должно быть подходящим во всех отношениях для развития той культуры, которую мы собираемся на нем насаждать (например, луга для скотоводства), а также здоровым для жилья. 7. Необходимо также наличие достаточного земельного фонда, обеспечивающего дальнейший рост колоний.

Культбаза, как административный центр. На культбазе сосредотачиваются все административные органы, управляющие туземным объединением. Здесь резиденция туземного совета (сельсовета); здесь съезжаются для решения туземных дел выборные члены туземного совета; здесь же собираются как большой, так и малый суглан народности. Словом, все органы самоуправления сосредотачиваются на культбазе. Здесь же живет уполномоченный по туземным делам. Должность и функции последнего еще недостаточно определены. Пока намечу только, что на его обязанности лежит охрана интересов вверенной ему народности, соблюдение ее нужд, общее руководство по ведению хозяйства культбазы и проведение мероприятий по переходу к оседлости. Уполномоченный должен пользоваться полным до-

верием туземцев (лучше, если он выборный) и жить постоянно на культбазе (выдержки из наказа уполномоченного по карагасским делам П.Н. Мочульскому). Кроме уполномоченного, на культбазе живет заведующий охотхозяйством, работающий в полном контакте с уполномоченным и ведающий правильной постановкой охотхозяйства, устанавливающий отстрелы и т.д.

Оседлость. Переход к новым формам хозяйства прежде всего связан с оседлостью. Вопрос о том, как сохранить промысловый характер хозяйства при оседлости, разрешен до нас сойотами. Ведь зимний промысел в тайге совершается периодически преимущественно от выпадения первого снега до глубокого снега и после установления наста до весны; остальное время туземец не промышленляет, но кочует все время со своей семьей и оленями.

Семья совершенно напрасно мучается с промышленником в условиях кочевой жизни, задерживает быстроту его передвижения и отнимает у него непроизводительное время и оленей на ее передвижение. Сойоты оставляют свои семьи в теплых домах со скотом, а сами сбиваются в артели и с небольшим количеством оленей уходят «табором» на промысел.

И мы на наших культбазах должны стремиться осадить семьи и дать возможность без этой обузы промышленнику следовать за зверем. Конечно, процесс оседания туземцев будет протекать постепенно; первыми пионерами оседлости явятся разрушенные хозяйства, выражающие, обычно охотно, желание перейти жить в избы и заняться скотоводством. Такой исход для неимущих представляется выходом из их бедственного положения. Темп строительства поселка туземцев будет обуславливаться притоком новых поселенцев, что в свою очередь будет зависеть от целого ряда причин — падежа оленей, неурожая пушнины, а, главным образом, от успеха первых начинаний.

Анализ статистико-экономического и медико-санитарного материала, вывезенного сойотской экспедицией, с несомненностью показал, что туземцы переносят легко переход от оленеводства к скотоводству, но переход к земледелию ведет неизбежно к вымиранию народа. Хлебный режим при недостаточном количестве мясных, жировых и молочных продуктов, с одной стороны, и непосильно тяжелый труд земледельца — с другой, подрывают силы туземцев, ослабляют питание организма и ведут к огромному их заболеванию туберкулезом легких и желез. К тому же в большинстве случаев и условия климатические, почвенные и прочие тех районов, где придется ставить культбазы, не соответствуют требованиям земледелия, но удовлетворяют требованиям скотоводства. Таким образом, колония оседлых туземцев на культбазе мыслится как колония-ферма зимой, когда в колонии дела немного, а мужчины все ушли на промысел, женщины и подростки легко управятся со скотом; летом же вместо

вынужденного бездействия на летних выпасах оленей вся колония будет занята полевыми работами, преимущественно, сенокосением, а также огородничеством. Подсобные статьи дохода на культбазе можно наметить: сбор бадана и лекарственных трав, сбор и сушка ягод и грибов, сбор кедрового ореха, выгонка смолы и дегтя и т.п. лесные промыслы, вполне доступные силам и характеру туземцев. При культбазе могут возникнуть: маральник, лисий, соболиный и иные питомники. Если то позволят ресурсы места — рыботдел или, по крайней мере, рыбная ловля для нужд культбазы. Что касается построек, то для зимы, несомненно, следует рекомендовать жилища типа русской деревянной избы. Но для лета такая постройка невыносима тягостна для туземца, привыкшего к вольному воздуху и хорошо вентилируемому жилищу. Я не сомневаюсь, что летнее пребывание в избах должно повести к массовому заболеванию туберкулезом. Опыт (правда короткий — 4 года) содержания карагасских детей в интернате, где условия жилища вполне гигиеничны (деревянная постройка, достаточная кубатура, вентиляция и чистота), показали, что на организм детей такой режим оказывает благотворное влияние. Наблюдения же над оседлыми тунгусами, киргизами и другими туземцами, перешедшими жить в избы по собственному почину, не могут быть приняты в расчет: жилища их настолько малы, грязны и душны, что вполне здоровый организм представителя любого народа, привыкшего к жизни в избе, не вынес бы таких антисанитарных условий. Но весной наши карагасята начинали томиться под крышей, под которой даже не было русской печи. Обычная же изба, с натопленной для печения хлеба печью, закрытыми дверями и окнами, чтобы гнус не проникал, — условия жизни абсолютно неприемлемые для туземца. Я предложил бы в данном случае последовать примеру сойот, позаимствовав у них легкую и дешевую конструкцию деревянной четырехстенной юрты, гармонично сочетающую в себе все преимущества открытого и закрытого помещения. В нем тепло, сухо и бездымно, как в избе, такая же вентиляция, как в берестяной юрте. Одним из существенных вопросов, который разрешается оседлым бытом, является выпечка здорового хлеба. При оскудении тайги и уменьшении количества дикого мяса в обиходе туземца, потребление муки стало обычным явлением. Но в юрте (берестяной или кожаной) хлеб печь нельзя, приходится катать небольшую, круто замешанную ковригу и запекать ее в золе костра. Получается чрезвычайно тяжелый и вредный хлеб. На культбазе должна быть организована общественная выпечка хлеба для всех жителей культбазы и сухарей для промышленников.

Школа. Неотъемлемой частью культбазы является школа. Здесь не место распространяться о характере ее. Несомненно она должна иметь уклон, соответствующий производственной работе на культба-

зе. Остановлюсь на одном моменте: до сих пор мы имели два типа туземной школы: 1) школа с интернатом и 2) школа кочевая или амбулаторная. Школа с интернатом обуславливается тем, что родители детей кочуют по беспредельной тайге и тундре, в то время, когда их дети учатся и имеет все недостатки интерната. С переходом семей туземцев к оседлости на культбазе надобность в интернате устраняется, и дети возвращаются под родительский кров. Что касается кочевых школ, то в условиях быта сибирских туземцев это неосуществимая идея. Проведение ее в жизнь и дорого бы стоило и, все равно, не разрешило бы вопроса. Школа, построенная на культбазе и правильно поставленная, будет, несомненно, втягивать учеников в общую работу культурного строительства народа. Не будет и того нежелательного отрыва от своего района и от своего народа, который мы замечаем сейчас в учащихся, отправленных на туземный рабфак в Ленинград. Нам сейчас не нужна интеллигенция, а нужен туземный актив, который может вырасти, окрепнуть и закалиться только в тесной увязке со своим народом, а не в роскошных дворцах бывшего Царского Села.

Медпункт. Другой неотъемлемой частью культбазы является медпункт. Я опять не буду останавливаться на его характере, должен ли он быть врачебным или фельдшерским, должен ли при нем быть и ветеринар. Считаю только необходимым поделиться своим опытом разъездного врачебного отряда и указать, что никакая серьезная помощь туземному населению немыслима в условиях вьючного передвижения. При наших огромных расстояниях и крайней трудности преодоления пространства поступательное движение каравана в 30 верст в сутки пропорционально черепашьему ходу. Допустим, что туземец сломал ногу в 150 верстах от местонахождения врача. Через три дня врач получил извещение, через 8 дней он на месте происшествия (и то, если его застали дома); запоздалая помощь в условиях походной палатки оказана; пять дней врач едет назад. В итоге 10 дней таежного пути медотряда из врача, фельдшера, коневода и пяти лошадей для перевязки одной ноги. И так далее в этом роде. Опыт стационарной амбулатории на бывшей карагасской культбазе тоже ничего не дал. Правда, приезжавшие карагасы обращались к фельдшеру, но в большинстве случаев по просьбе больных, оставшихся в тайге. Результаты «заочного лечения» осложнились еще фантастическими описаниями болезней, которые давали карагасы. Фельдшер, не имея возможности выехать в тайгу для освидетельствования больного, давал что-либо безразличное, т.к. отказ понимался карагасами, как нежелание оказать помощь. Карагас, свято веря в чудодейственность лекарства, бережно вез его в тайгу — в результате смерть и разочарование в «русском докторе» и торжество шамана. Да и как могут помочь несколько грамм хинина при плеврите? Или пор-

ция лакрицы при воспалении легких? Посещаемость карагасского фельдшерского пункта была ничтожна и его закрыли. Конечно, не то будет на медпункте, поставленном на культбазе. Все население, постоянно находящееся на культбазе и теснейшим образом прикреплённое к ней всеми хозяйственными и административными узами, будет постоянно обращаться за медпомощью. Старики и больные, которым в тайге нечего делать, будут стремиться проводить период болезни не в другом месте, а на культбазе. Все специальные мероприятия по охране детей будут проводиться также на культбазе, и мы разрешим самый больной вопрос: справимся с огромной детской смертностью, обусловленной исключительными жилищными условиями таежной и тундровой юрты — смертностью, которая остановила положительный прирост населения малых народов Севера.

Олений вопрос. Вопрос о снабжении оленями туземцев является одним из самых сложных вопросов, дебатировавшихся в Комитете Севера. Недостаток в оленях у сибирских туземцев громадный; он особенно усилился в период гражданской войны, чему способствовали, с одной стороны, эпидемии, а с другой — необходимость есть оленей, вследствие недоставления туземцам муки. Оленья минимальная норма исчислена мной для таежного туземца — 15 взрослых оленей на хозяйство¹⁶⁸. Между тем значительное большинство имеет много ниже этой нормы. Туземец, лишившись необходимой ему части оленей, не в состоянии преодолевать большие пространства и не в состоянии делать достаточные переходы, преследуя пушного зверя. Он приковывается к ограниченному району и медленно движется во время преследования зверя. Это сразу отражается на продукции его промысла, а, следовательно, на благосостоянии хозяйства. Туземец переходит в разряд бедняков. Лишившись подвижности, туземец теряет возможность поправить свои дела, и разве только исключительная энергия и исключительное счастье помогут ему вернуться в прежнее состояние. Обычно же, с уменьшением оленей, неуклонно уменьшается и количество домашнего скота. Побившись несколько лет и растеряв почти все свое имущество и оленей, погибших от перегрузки работ, туземец переходит в разряд батраков или в разряд пеших туземцев.

Снабжение туземной бедноты оленями затрудняется еще тем, что один-два оленя, данные извне на хозяйство, не решают вопроса. Необходимо доведение до минимума, при котором возвращается туземцу подвижность. Остальные мероприятия — паллиативы. Но снабжение всей туземной бедноты оленями потребует огромной затраты государственных денег. Помещать же народные деньги в такой неустойчивый фонд, как домашний северный олень, более чем

¹⁶⁸ *Петри Б.Э.* Оленеводство у карагас. Иркутск: «Власть труда», 1927.

рискованно: первая эпизоотия может унести большую часть оленей. При переходе на оседлость отпадает необходимость таскать за собой семью. На промысел выезжает один промышленник и берет с собой только трех оленей (лучше трех самцов, можно двух самцов и самку). Является новая трехоленная норма вместо современной пятнадцатеоленной. Этой нормой большинство наших туземцев обеспечено и, следовательно, вопрос разрешается сам собой. Отпадает и большая часть работы оленя, т.к. теперь олень будет занят только на период промысла, а остальное время отдыхать. Следовательно, у него не будет перегрузки работой: олень не будет умирать и вырождаться от этой причины, что имеет место сейчас в малооленных хозяйствах.

Напрашивается еще один вопрос: как оленный режим приспособить к режиму культбазы? Здесь нам лучше всего обратиться опять-таки к практике сойотов, выработавших эту трехоленную форму. У них оленей в летнее время пасет на гольцах, на моховицах коллективный пастух, берущийся на определенных условиях пасти оленей всех домохозяев. Иного выхода и не может быть на культбазе: с наступлением лета и появлением гнуса в тайге, олени выгоняются на летние выпасы; с ними отправляются пастух (один или несколько) и те женщины, которые будут доить оленух и заготавливать впрок оленьим молоком (масло, сыр и пр.).

Кооперация. Не только среди широкой публики, но и среди лиц, причастных к Комитету Севера, существует мнение, что устройство туземцев требует огромных затрат и что это есть разновидность собеса.

Этот предрассудок основан на малой изученности бюджетов наших туземцев. Те немногочисленные материалы, которыми я располагаю, говорят о рентабельности хозяйства нашего туземца. Так, например, карагасское хозяйство¹⁶⁹ (карагасы, пожалуй, одно из беднейших племен Севера) добывает в среднем пушнины на 564 руб. 94 коп., а расходует 331 руб. 66 коп., т.е. имеет ежегодно 233 руб. 38 коп. остатка, который мог бы получаться у карагасского хозяйства при рациональной постановке дела снабжения племени. Аналогичные данные я имею относительно сойотов, а также тунгусов и орочен. В менее испромышленных районах, чем Прибайкалье, эта разница должна быть еще более убедительная. Для меня несомненно, что рационально поставленное дело закуп-сбыт туземцев не есть собес, а есть доходная статья государства. Ведь кормили же туземцы в течение 300 лет целую армию скупщиков пушнины. Ведь недаром существует мнение, что «половина города Нижнеудинска построена на карагасских косточках». А сколько таких городов раскидано по Сибири. Меры рационализации закуп-сбыта туземца возможно осуществить только при наличии культбаз. Первым и основ-

¹⁶⁹ По данным экспедиции 1925 г.

ным мероприятием является такая постановка дела, чтобы туземцы сдавали весь промысел в руки своего туземного кооператива, который мыслится, как интеграл охоткооперации. Последнее может быть достигнуто: 1) устранением всех конкурентов туземного кооператива (госторгов, частников и пр.); 2) налаженностью туземного кредита; 3) такой постановкой дела в кооперативе, чтобы туземец находил там все нужное, т.е. не только нашу городскую продукцию, в большинстве случаев нецелесообразную в условиях его жизни, но и кустарную, приспособленную к потребностям его промысла и хозяйства; 4) регуляцией продажи вина, ибо запрещение торговли вином ведет к добыче его нелегальными путями¹⁷⁰ и утечке пушнины в руки самогогонщиков, тунгусятников, карагасников и прочих эксплуататоров туземцев, у которых кооперация и госторговля выбила из рук все товары, оставив пока только алкоголь. Если туземец будет сдавать в кооператив всю пушную продукцию, то он не только не будет ни в чем нуждаться, ни и будет делать значительные сбережения, которые дадут возможность поддерживать его в годы неурожая пушнины. Кроме того, значительную часть доходов кооператива можно будет употреблять на расширение строительства культбазы. Культбаза мыслится как хозяйственная организация, как рентабельное предприятие, поставленное на хозрасчет. Хотя и предполагается вначале некоторая дотация со стороны правительства, но ведь и в строительстве каждого предприятия, будь то совхоз или завод, тоже предполагается вложение некоторого капитала. В дальнейшем культбаза переходит целиком на принцип самоокупаемости и ее дальнейшее строительство и развитие идут по пути самостоятельного роста. В своей совокупности культбаза мыслится, как самоокупаемая, хозяйственная, культурная и административная организация.

Режим жизни на культбазе. Заканчивая изложение моего проекта культбазы, я считаю нужным наметить те основные моменты режима жизни, которые является последствием новых условий хозяйственного быта не бродячего охотничьего племени, а туземной промысло-скотоводческой артели, каковой, по существу, явится возникающее туземное охотхозяйство.

На осеннем суглане были установлены площади отстрела; после того, как выпал первый настоящий снег, промышленники двинулись, снабженные всеми необходимыми продуктами питания, огнеприпасами и одеждой на промысел, каждый с тремя оленями-самцами. Женщины, старики и дети остались на культбазе; у них и без того много дела со скотом. Многие из них вернулись недавно с кедрового и ягодного промыслов, и теперь должны заслуженно воспользоваться отдыхом. Начинается школьный период молодежи. К середине зимы,

¹⁷⁰ *Петри Б.Э.* Карагасский суглан. Иркутск, 1926. С. 33–38.

ко времени выпадения глубокого снега и наступления больших морозов возвращаются промышленники домой и сдают свой промысел в кооператив, рассчитываясь по лицевым счетам, закупая все нужное для зимы. Зимние холодные месяцы все члены охотхозяйства проводят вместе, а на весенний период зимней охоты снова промышленники уходят в тайгу. К началу весны опять все дома. Но вот растаял снег; вся коммуна принимается за расчистку и уваживание лугов-утугов, работу, требующую большого напряжения сил и энергии. Из года в год увеличивается покосная площадь, прибывает количество скота. Увеличивается число осевших на культбазу туземцев. Наступает теплое время. Оленухи давно отелились. Коллективные оленные пастухи собираются гнать оленей на места летних выпасов, где их не будет беспокоить появляющийся уже на культбазе гнус. Все принимаются за огороды, потом следует сенокос, уборка сена, делящаяся гораздо дольше, чем в условиях русской деревни, т.к. в холодных местах не торопятся убирать сено, да и много его убирают в заветошавшем состоянии. Приближается осень. Скоро олени вернуться на культбазу, скоро охотники начнут собираться на промысел.

Так, в общих чертах, мне рисуется жизнь на культбазе. Это не фантазия, не утопия в стиле «сибирских дикарей», это возможная конструкция самокупаемого таежно-промыслового коллектива; все части этой конструкции составлялись или из здоровых элементов старых хозяйственных форм сибирских туземцев, или из элементов, почерпнутых из опыта туземцев, уже перешедших на новые формы хозяйства или, наконец, из личного опыта по созданию культбазы у карагас. Создавая культбазу как культурную, хозяйственную и административную организацию сибирских туземцев, переводы их от старых отживших форм бродячего охотничьего состояния к оседло-скотоводческо-промысловому хозяйству, мы должны строго учесть все бытовые черты жизни туземцев, выработанные не в порядке административных проектов, а вылившихся в процессе борьбы за существование сибирских туземцев с силами сибирской природы.

ПИЩА ТУНГУСОВ*

Источники моих сведений о тунгусах

Осенью и зимой 1925—1926 годов мне пришлось быть у туруханских тунгусов в качестве участника экспедиции Комитета Севера. Я проехал по р. Нижней Тунгуске от г. Туруханска вверх до местечка Тура, расположенного в 900 верстах от устья реки, потом с Нижней Тунгуски перебрался на Подкаменную, минуя покрытое сплошной тайгой междуречье, шириной верст в 400. По Нижней Тунгуске кочуют тунгусы чумского, панкагирского и чапогырского родов. Несколько севернее Нижней Тунгуски обитают так называемые илимпийские тунгусы, и вся приречная правобережная сторона, шириной верст в 500, называется илимпийской тундрой. В междуречье рек Нижней и Подкаменной Тунгусок живут тунгусы куркагирского и чандарского родов. Со всеми этими тунгусами я знаком далеко неодинаково. Работа моя касается всех тунгусов от илимпийской тундры до южных границ Туруханского края, но непосредственно я соприкасался только с некоторыми родами, обитающими по Нижней Тунгуске, и с куркагирскими тунгусами. Во время моего проезда до Туры я тунгусов почти не встречал и знакомился с их бытом только расспросным путем. Особенно много сведений сообщил мне лоцман, переводчик М.М. Суслов. Михаил Михайлович — человек, очень долго живший в тунгусской среде, хорошо знающий тунгусский быт и язык, на котором он временами может изъясняться свободнее, чем на русском. Он исколесил все окрестности Нижней Тунгуски. Человек умный и культурный, Михаил Михайлович давал сведения охотно и обстоятельно. Записанное со слов Михаила Михайловича мне неоднократно приходилось проверять потом лично, и всегда данные сведения оказывались правильными. Особенно благодарен я Михаилу Михайловичу за сведения, данные об Илимпийской тундре, в которой мне быть не пришлось совершенно, и с бытом которой я знаком только по рассказам Михаила Михайловича. Все, что написано ниже о пище илимпийских тунгусов, — написано со слов М.М. Суслова.

Прежде чем отправиться на Подкаменную Тунгуску, я должен был прожить около 1,5 месяцев на фактории Госторга в устье р. Виви, впадающей в Нижнюю Тунгуску верст на 200—250 ниже по течению Туры. Там мне пришлось лично неоднократно видеться с тунгусами панкагирского рода. Потом с этими же тунгусами я кочевал в течение 20 дней в сторону Подкаменной Тунгуски. В дальнейшем я странствовал с тунгусами куркагирского рода, в среде которых я постоянно находился и с бытом которых и, в частности, с пищей,

* СЖС. 1926. Вып. I (V). С. 113—144.

мог познакомиться довольно подробно лично. О тунгусах чумских и чапогирских я знаю отчасти из кратковременных и немногочисленных личных встреч, а большей частью из рассказов М.М. Сулова и служащих на фактории Виви и Тура. Приангарские и эрбугачанские тунгусы, несколько раз мельком поминаемые в моей работе, известны мне лично. Через Приангарье я проезжал, возвращаясь из Туруханского края, а в Эрбогучан я ездил со специальной экспедицией зимою в 1921 г. от Ленского Союза Кооперативов. Таковы источники моих сведений о тунгусах Енисейского бассейна.

Три точки зрения при изучении пищи.

Пищу тунгусов, мне кажется, можно изучать с точки зрения антропо-географической, этнологической и историко-культурной.

Антропо-географическое изучение тунгусов — изучение культурных условий человека в лоне природных условий, побуждает сделать физико-географическую характеристику районов обитания тунгусов.

Общим влиянием для всех тунгусов: илимпийских, чумских, чапогирских, куркагирских и чандарских — является наличие тайги, сплошной ковер которой раскинулся от Ангары до притундренной полосы по берегам Ледовитого моря. Жизнь в лесу создает всем тунгусам внешне одинаковые условия для ведения хозяйства. Илимпийцы, чумцы, пакагирцы, чапогирцы и чаноарцы занимаются охотой, рыболовством и оленеводством. Для всех этих тунгусов основные продукты питания и формы пищи одинаковы. Все тунгусы питаются оленьим мясом, рыбой и растительной пищей. Сравнивая главные кушания тунгусов, и хотя бы их соседей якутов или обитающих в пределах Иркутской губернии и Забайкалья бурят, мы увидим большую разницу, обусловленную различными формами хозяйства. В противоположность молочным продуктам, доставляемым скотоводством, у тунгусов в каждом кусочке пищи чувствуется бродячая, охотничья жизнь. Исключительное умение пользоваться оленьим мясом, разборчивость в нем, наличие терминологии, связанной с отдельными частями тела оленей и сортами мяса и жиром говорит о большом бытовом значении оленя — об его исключительно выдающемся положении в питании тунгусов. Большую разборчивость тунгусы проявляют и по отношению к рыбе, которая для них, бродячих охотников, временами является важным подспорьем к существованию. Отсутствие умения использовать оленьим молоком, иначе как для употребления к чаю, свидетельствует об отсутствии у тунгусов взгляда на своих оленей, как на молочный скот; на оленей смотрят исключительно как на средство передвижения и на живой мясной резерв.

Мясо, рыба, молоко к чаю — основные продукты питания для всех тунгусов правого берега Енисея, поскольку речь идет о получении тунгусами продуктов питания от главных отраслей своего хозяйства. Но кроме общих черт в питании, свойственных всем тунгусам, пища

некоторых тунгусских групп характеризуется особенностями, отражающими различие физико-географических условий Туруханского края. Хотя повсюду, где только живут в Туруханском крае тунгусы, они занимаются охотой, рыболовством и оленеводством, но не везде эти отрасли хозяйства имеют одинаковое значение. Различные комбинации по значению охоты, рыболовства и оленеводства, обусловленные различием физико-географических условий, дают населению различные продукты питания. В недрах каждой отдельной отрасли хозяйства также существуют различия: охота в одном месте направлена на одних животных, в другом — на других, оленеводство местами крупное — по несколько сот голов, местами количество оленей у отдельных хозяйств не превышает десятка.

Илимпейская тундра — район обитания илимпейских тунгусов не вполне отвечает географическому представлению о тундре. Отдельные клочки почвы, лишенные леса и поросшие только мхом и кустарником, разбросаны пятнами среди сплошной лиственничной тайги. Березы в лесах илимпейской тундры так мало, что она зовется там у тунгусов русским деревом, а ель встречается только по склонам гор. Леса илимпейской «тундры» менее богаты белкой, чем южно-таежная полоса, но зато в них встречаются песцы и, кроме того, еще несколько десятков лет тому назад много водилось диких оленей и сохатых. Охота вследствие этого направлена отчасти на белку, отчасти на песца, отчасти на крупных жвачных животных, которые промышляются и из-за шкуры и из-за мяса. Дикого оленя было очень много лет 40–50 тому назад. М.М. Суслов помнит те времена, когда тунгусы с наступлением первых проблесков весны кончали охоту на белку и песца и шли на «камни» гоняться за «дикими» (так сокращенно называют тунгусы дикого оленя). Во времена Суслова (лет 40–50 тому назад) тунгусы почти по целым годам не употребляли хлеба; оленье мясо им заменяло все.

Количество домашних оленей в илимпейской тундре велико. Наличие оленьего корма, отсутствие гарей, умеренно глубокие снега дают возможность содержать большое количество домашних оленей. По количеству домашних оленей илимпейцы занимают первое место среди тунгусов Туруханского края. Между ними встречаются владельцы стад в тысячу и больше голов.

В илимпейской тундре много озер, из которых крупнейшие: Агаты и Виви. Много рек, текущих в Нижнюю Тунгуску, прорезают леса илимпейской тундры, из которых наиболее значительные: Северная, Виви, Кочечума. Наличие большого количества рыбы в водных бассейнах илимпейской тундры дает возможность илимпейцам широко заниматься рыбным хозяйством.

Таким образом, три главных отрасли хозяйства занимают в быту илимпейских тунгусов почти одинаковое значение.

Не так обстоит дело в других районах. Тунгусы, живущие по берегам Нижней Тунгуски: чумцы, панкагирцы и чапогирцы находятся в несколько иных условиях. Дикого оленя в районах их кочевий меньше, сохатые почти выбиты. Только в устье р. Таймуры еще встречаются оба вида этих животных. Охотники бьют почти исключительно белку, которая, не обеспечивая население мясом, принуждает его обращаться за пищей к русским. В хлебе тунгусы илимпийской тундры нуждаются меньше, чем тунгусы с р. Нижняя Тунгуска. Когда в 1921 г. фактория Северная стала закупать для себя оленей, она могла приобрести их у илимпийских тунгусов только в обмен на чай, к которому они очень пристрастились. Что же касается хлеба, то, перестав его получать от русских, илимпийцы смогли перейти на оленьё мясо, запасы которого у них были значительны в виде домашних и диких оленей. Чумские, панкагирские и чапогирские тунгусы, перестав снабжаться русскими, вынуждены были употреблять в пищу домашних оленей, которых они и съели в течение 2–3 лет. Вот почему почти все тунгусы, живущие по берегам Нижней Тунгуски, теперь почти безоленны. Сама по себе река эта для крупного оленеводства очень удобна. По берегам много оленьего корма, леса нетронуты гарями, а снега там еще менее значительны, чем в илимпийской тундре. До экономического кризиса 1919–22 гг. обитатели Нижней Тунгуски имели оленей помногу. Среди них встречались хозяйства, насчитывающие, как и в илимпийской тундре, по тысяче и более голов оленей. Главная причина безоленности тунгусских родов с Нижней Тунгуски — отсутствие мясного резерва в виде диких оленей. В настоящее время оленьим мясом чумцы, панкагирцы и чапогирцы только лакомятся, основой же питания является хлеб, получаемый от русских. Рыбы тунгусы этого района тоже добывают мало, ссылаясь на то, что ею бедны их реки и озера.

Тунгусы междуречья Нижней и Подкаменной Тунгусок находятся в несколько иных условиях. Район их покрыт густым смешанным лесом, который, в противоположность лесам илимпийской тундры, очень разнообразен видами деревьев. Чем ближе к Подкаменной Тунгуске, тем больше попадаетея кедров, пихты, много встречается березы. Сосен мне не приходилось видеть до тех пор, пока мы не перевалили на левый берег Подкаменной Тунгуски. Тайга испещрена, правда, болотцами, пустырями и озерами, но оленьего корма в районах, прилегающих к Подкаменной Тунгуске, много, хотя добраться до него нелегко, потому что снега там выпадают огромные — достигают местами до 1,5 саженой толщиной. Местами мох испорчен гарями и сильно вытоптан людьми и оленями. Чем ближе к Подкаменной Тунгуске, тем все населеннее делается край. Условия для оленьего хозяйства, таким образом, у тунгусов куркагирского рода не особенно благоприятные.

Тем не менее оленье мясо для них является все-таки более существенной частью питания, чем например, для тунгусов с Нижней Тунгуски. Дикого оленя, правда, мало по берегам Подкаменной Тунгуски, а кое-где «и в заводе нет», сохатый тоже встречается редко и не везде. Промышляют главным образом белку и отчасти соболей. С Подкаменной Тунгуски легче добраться до русских, чем с Нижней. Когда расстроилось во время экономического кризиса в государстве продукто-снабжение туземцев, куркагирские тунгусы смогли сами выходить к русским поселкам покупать муку. Возможность пользоваться мукой, обусловленная сравнительной близостью куркагирцев к русским, оказалась причиной, по которой тунгусы не съели своих домашних оленей. Больших стад по тысяче голов, подобно илимпийцам, куркагирские тунгусы не могут держать в своих сравнительно густо населенных лесах, испорченных гарями и истоптанных ее обитателями и засыпанных глубокими снегами. Рыбу куркагирские тунгусы промышляют и летом сетями, и зимой через лед палками с трезубцем, но большого значения в их питании она не имеет.

Таким образом, у самих северных тунгусов — илимпийских — главнейшими элементами пищи будут: оленье мясо, рыба и хлеб, как очень важное подспорье; у чумцев, панкагирцев и чапогирцев — хлеб как основа питания и, как лакомство, оленье мясо и рыба; у куркагирцев — на первом плане хлеб, потом почти в уровень с ним оленье мясо и, как лакомство, рыба.

Природа, обуславливающая формы хозяйства, определяет основные продукты питания. Там, где тунгусы лучше обеспечены оленями, они сохранили большее разнообразие в приготовлении мяса; где они питаются главным образом хлебом, они умеют искуснее использовать муку и т.д. Понять причину существования у отдельных тунгусских групп тех или иных видов продуктов и форм пищи можно, только приняв в соображение и физико-географическую и этническую среду.

Этнологическое изучение пищи тунгусов познакомит с соседними культурными влияниями, сказавшимися на формировании тунгусской культуры. Соседями тунгусов в пределах Туруханского края на правом берегу Енисея являются русские, якуты и самоеды. Долгане — переходная ступень между тунгусами и якутами.

Анализ пищи дает наиболее яркий материал для установления распространения соседней культуры. Всюду, где тунгусы подвержены русскому влиянию, они не только говорят по-русски, но и пекут хлеб. Чем дальше на север, тем меньше слышится в тунгусских чумах русская речь, тем реже печется на сковородах лепешка. По Подкаменной Тунгуске тунгусы из муки умеют готовить не только лепешки, но и кислые русские хлебы. Обыкновенно покупать дрожжи и печь хотя и плохой, но все-таки «кислый» хлеб у тунгусов

Нижней Тунгуски вскрывает старое русское влияние — результат деятельности миссионеров.

Якутское влияние захватывает северо-восточный угол Туруханского края. Наиболее объякучены тунгусы в районе озера Ессей, в меньшей степени — в илимпийской тундре, но отзвук якутской культуры чувствуется не только на чапогирцах, но и на панкагирцах и даже на чумцах. И подобно тому, как хлеб повсюду сопровождает русскую речь, так повсюду, где живут наиболее объякученные тунгусы, распространена лиственничная заболонь. В Туруханском крае это относится главным образом к озеру Ессей. Якутская беднота поедает заболонь в огромном количестве, так что Маак решается даже назвать их дендрофагами. Разборчивость в сортах и сравнительная разработанность приемов приготовления заболони у якутов свидетельствует о большом значении ее в пище якутов. Проникновение сосновой заболони в культуру соседних якутам народностей — факт, свидетельствующий о несомненном якутском культурном влиянии.

Якутское влияние на северных тунгусов сказалось во всех областях жизни. В названиях частей одежды (*хуторо* — тунгус., *суторо* — якут.), в терминах жилища (*голомо* — тунгус., *колыман* — якут., *палага* — тунгус., *балага* — якут.) проскакивает много якутских слов; пища не является исключением. Не якутского ли происхождения будут такие слова, как: *нимин* — похлебка с примесью крови, *будумин* — похлебка с примесью муки? (слово *мин* по-якутски «суп», «навар»).

Сравнение пищи тунгусов с пищей якутов дает возможность представить, насколько обе культуры самостоятельны в своем развитии и в какой степени одна находится под влиянием другой: что перенято тунгусами от якутов и что, в свою очередь, позаимствовали якуты от тунгусов.

На примере пищи видно, что тунгусская культура при всей ее расплывчатости отличается все-таки большой устойчивостью. Приемы разборки туши оленя, например, одинаковы на протяжении от илимпийской тундры до Подкаменной Тунгуски; совпадают даже подробности вплоть до хранения крови в желудке, до последовательности в отделении ног от туловища и т.д.

Пытаясь охарактеризовать пищу тунгусов с точки зрения ее этнической оригинальности, про нее можно сказать, что, в противоположность молочному скотоводческому уклону у якутов, тунгусская пища отражает на себе охотничью культуру. Оригинальностью тунгусов по отношению к пище является их шепетильность к запахам и свежести пищи. В противоположность якутам, пьющим мутную, грязную, вонючую воду, тунгусы для питья пользуются исключительно свежей водой; всякий запах от мяса, говорящий об его несвежести, тунгусам противен. Тунгусы не едят даже посоленное

в бочках мясо, которое пытались продавать им русские на фабриках, считая его гнилым — «кислым». По той же причине они не едят соленую рыбу. Запах мяса, начинающего подгорать на вертеле, вызывает у тунгусов отвращение. Данные о брезгливости тунгусов к запахам, мне кажется, должны уничтожить предположение, что именно они научили якутов пользоваться квашеной в ямах рыбой, т.н. «сымой», которая вызывает тошноту и отвращение у русских.

Историко-культурный подход к изучению пищи тунгусов рассматривает пищу, как бытовое явление, характеризующее степень культурности народа. Пища, как и всякое бытовое явление, не укладывается в рамки одной категории быта. Она — не только явление из области материальной культуры, но связана многочисленными нитями и с народным мировоззрением, в частности, с магическими представлениями. Поскольку я располагал материалом, я попытался при изложении отделов пищи отмечать эту связь.

Мясная пища

1. Оленьё мясо

Домашний и дикий олень. Мясная пища состоит, главным образом, из мяса диких и домашних оленей. Домашний олень по-тунгуски орон, дикий — в илимпийском, панкагирском, чапогирском произношениях — боюн, в кежемском произношении — бакдак.

Диких оленей на всем протяжении от илимпийской тундры до южных границ Туруханского края в настоящее время сохранилось немного: в сравнительно большем количестве встречаются они в лесах т.н. илимпийской тундры, попадают дикие олени в низовьях р. Таймуры; в междуречье Нижней и Подкаменной Тунгусок их почти совершенно нет. Чем ближе к Подкаменной Тунгуске, тем дикого оленя меньше, а по берегам самой реки он совершенно не встречается. Домашними оленями наиболее богаты илимпийские тунгусы.

Тунгусы находят, что дикий олень чище домашнего. Такое отношение к оленям объясняется тем, что домашний олень ест и человеческую мочу и кал. Относясь к мясу домашнего оленя как к второстепенному сорту, тунгусы не едят содержимое желудка домашнего оленя, в то время как у дикого оленя содержимое желудка вытряхивается и употребляется в пищу.

Мясо дикого оленя любят больше еще и потому, что оно пахнет дичиной. Мясо дикого оленя сушат, из него готовят т.н. уликту; из мяса домашнего оленя уликту не приготавливают.

Оставшиеся кусочки от мяса дикого оленя считаются лакомством. Когда приезжает гость, его угощают прежде всего не мясом домашнего оленя, запасы которого могут иметься в изобилии, а кусочками, оставшимися от туши дикого оленя.

Тунгусы не брезгают мясом больных оленей. Я был свидетелем, когда тунгусы пользовались мясом оленя, убитого из-за болезни. У

тунгуса панкагирского рода Василия Александровича чем-то заболел олень: плохо ходил и ничего не ел. Василий решил убить его на мясо. Когда я спросил, не вредно ли есть мясо большого оленя, он даже засмеялся: «Нет, совсем нет; тунгус всегда ест — такой вера».

Убой оленя и разборка туши. Существуют особые приемы убивать оленей. Убивают оленя ударом узкого тонкого ножа в лен (не-кемня).

Чтобы кровь не вытекала наружу, рану затыкают травой или мохом. Убивать оленя, перерезая горло, считают грехом. Иногда бьют в сердце, оставляя в нем воткнутый нож: на ощупь определяют, где находится сердце, и с размаху ударяют ножом. Если нож «запрыгает», догадываются, что попал в сердце.

У убитого оленя кровь стекает в полость живота. Когда все внутренности вынуты, полость остается наполненной только кровью. Убив оленя, сразу же стараются снимать шкуру. Если оставить оленя не очищенным и не рознятым на части хотя бы на одну ночь, то мясо делается затхлым от разложения внутренностей.

Снятие шкуры начинается с надрезов. На шкуре у самого окончания головы делается надрез кругом. Потом такие же надрезы на четверть выше колена на ногах, потом вдоль живота. Если шкуру готовят для выделки ровдуги, то распарывают по хребту, если же для постели или для одежды — по животу. Сдирают кожу первоначально при помощи ножа, которым отделяют мездру от мяса. Когда некоторая часть кожи содрана с туши, нож откладывают в сторону и действуют только руками. Лево́й рукой отделяют шкуру, а кулак правой руки всовывают между шкурой и мясом.

Когда шкура снята, начинается разбор мяса. Прежде всего делают продолговатый надрез вдоль хребта. Надрез этот делается верхка в два ширины, снимают ленты мяса и справа и слева от хребта. Под верхним слоем мяса находятся жилы, которые употребляются для шитья. Под ними находится самое нежное, самое вкусное мясо, которым пользуются при приготовлении особого кушанья саламат.

Михаил Семенович Суслов так рассказывает о дальнейшем порядке разбора туши.

Олень лежит на левом боку. Первоначально отрезается передняя нога, совсем с лопаткой. Потом делают надрез на животе у окончания ребер. Потом снимают «рубашку», облегающую желудок, которую слегка протыкают или надрывают пальцами для того, чтобы ее удобно было откинуть на сторону. Потом всовывают в полость живота через маленький прорез нож, зажатый в кулаке, и, упершись кулаком в желудок острием ножа, прорезают стенку живота. Кожу отгибают в сторону. Когда живот раскрыт, осторожно вынимают желудок и кишки. За кишками вынимают печень, потом вскрывают перепонку, отделяющие легкие и сердце от желудка и

кишок. Скопившаяся в передней части туши кровь разливается по всей полости живота. Делают ножом продольный разрез по груди и вынимают сердце и легкое вместе с горлом. Выливают из желудка содержимое и черпают в него ковшом кровь. Потом рожном (заостренной палочкой) зашнуровывают прорез на желудке. Отделяют четыре первых (от хвоста) ребра, а за ними и все остальные длинные ребра. Коротенькие шейные ребра остаются. Отнимают правую заднюю ногу. Потом отрезается грудина, потом снимается голова. Тушу переворачивают на другой бок. Отнимают две другие ноги, отделяют зад, отделяют ребра с другой стороны. Остается одна передняя часть хребта. Рознятое на части мясо втаскивается в чум.

Приведенное описание разборки туши относится к тунгусам илимпийской тундры.

Мне пришлось видеть, как свеживали только что убитого оленя тунгусы куркагирского рода, обитающие между Нижней и Подкаменной Тунгусками. Богатый тунгус Кардуа убил оленя. Я пришел, когда шкура была уже снята, и две девицы Матерья и Любгорэк возились над дальнейшей разборкой.

Олень лежал на боку. Из прорезанного живота вытащили огромный желудок, кишки, легкое и сердце. Потом живот оказался наполненным только кровью. Матерья подала Любгорэк часть желудка, очищенного от содержимого. Любгорэк с одного конца сколола его палочкой и стала держать желудок, а Матерья — черпать кровь лодочкой, сделанной из только что отрезанных ребер, которые, соединенные друг с другом кожей, образуют очень удобную черпалку. Прежде чем черпать кровь, Любгорэк потискала руками все части тела оленя, чтобы из них побольше набежало крови. Прежде чем черпать кровь в желудок, она еще взбила кровь руками, заставив ее немного пениться. Когда желудок был наполнен, его закрыли, прошнуровав палочкой и воткнув ее в землю. Стали у оленя отрезать передние и задние ноги, одновременно стали выдирать пласты мяса с хребта. Повернули оленя на другой бок. Опять предварительно отрезали ребра. Первоначально их подрезали, потом отломали. После ребер отрезали ноги. Около спинного хребта осталось много хорошего жирного мяса; его розняли на две части, разрезав хребет при помощи ножа пополам. Когда разборка была кончена, мясо начали таскать в чум и частью развешивать на березке, стоящей поблизости жилища.

В продолжении всей работы по разборке оленя топор совершенно не применяется. Ни одна часть оленя, за исключением головы, не рубится. По словам М.М. Сулова, иногда рубят только ляжки. Все суставы, не исключая шейных, соединенных особенно крепко, разбираются ножом.

Названия частей. Задняя часть хребта с хвостом называется *кундуки*; таз с чашечками задних ног называется *дулки*; грудина без ребер —

тынен; шейная часть оленя — *миван*. Передняя нога (все равно правая или левая) — *ночу холган*, задняя нога — *амаргу холган*, ляжка — *умоки* (буквально обозначает мозговая кость, от слова *ума* — мозг). Так же называется и нижняя часть ноги. Сердце — *меван*, ребра — *оптыля*, спинной хребет — *дараман*, хребет в целом — *икари*, оленья шкура — *ирекса*, кожа с ног (камыс) — *оһа*, кожа с головы — *мета*.

Большая часть приведенных терминов относится к тунгусам илимпийской тундры. Мне известно только, что по крайней мере некоторые из них совпадают с аналогичными названиями панкагирских и кежемских тунгусов. У всех тунгусов сердце будет меван, камасы — у кежемских, согласно общей особенности их говора — *оһа*.

Сорта мяса. Самым ценным, самым лакомым мясом считается то, которое вынимается из-под жил у спинного хребта. Его никогда не варят; мясо это употребляют только на *саламат* или жарят на вертеле; называют его *хогда*. Любят также грудину, которой угощают гостей. Ценится *кудуки*. Очень любят язык, который нередко подают к чаю.

У тунгусов редко случается, что мясо они сберегают долгое время. Когда зимой убьют оленя, его съедают очень быстро, в несколько дней. Конечно, отдельные части зимой перевозят в замороженном виде в сумках. На лабазах мороженое мясо оставляется обычно только в случаях, когда после удачной охоты удастся убить за раз несколько диких оленей или сохатых.

Сорта жира и его употребление. Жир по-тунгусски — *имукса*. Жир откладывается у оленя на заду, часто в таком большом количестве, что зарастает даже хвост. Покрывается жиром, иногда очень сильно, спина, так что по хребту проходит узкая ложбинка. Жир откладывается на брюшной рубашке и на почках. Жир снимается со спины оленя (*скундуки*) пластом и употребляется в пищу. Вообще жир употребляется в следующих видах: 1) его жарят кусочками на вертеле; 2) топят и пекут на нем лепешки; 3) кладут в мясо и дарят вместе; 4) употребляют сырым в мерзлом виде; 5) примешивают к рыбе, предварительно растопив его на огне; 6) примешивают к сушеному мясу.

Мне приходилось, кроме того, видеть, как куркагирские тунгусы ели жир с чаем. Растопленный жир по своей форме напоминал сковородку, в которой его топили и замораживали. Куски растопленного сала кололи на маленькие части и ели с хлебом. Ели его, как масло, предварительно опять растапливая на сковородке. Лепешки при этом были изорваны на мелкие кусочки. Лепешки подогрели на огне и напитали жидким салом; в дальнейшем лепешки ели, постоянно обмакивая в жидкое сало.

Кости. Кости убитого и съеденного оленя, как домашнего, так и дикого, в особенности жирного, складываются в турсук. Валят туда

и ребра, и берцовые кости и т.д. Когда не станет мяса, берут камень и размельчают на нем кости ударом по нему обухом топора. В полученный порошок наливают воды и ставят на огонь. Варят почти целый день. Получается слой сала, пальца в два, который употребляют на жарение лепешек или подают кусочками к чаю. По словам русских, такое довольно мало вкусно.

Кишки. Кишки по-тунгусски *хилюкта*. Кишки убитого оленя женщины сразу же при помощи правой руки наматывают кольцами на левую руку. Потом ударом ножа по свешивающимся кольцам кишки разрезаются на небольшие отрезки. Содержимое из них выжимается. Выжатые отрезки кишок женщины надевают на палочки и макают в кипящий котел с мясом. От такого приготовления кишки свертываются и делаются похожими на хрящи. Едят их сразу по приготовлении.

Заднепроходная кишка жирного оленя вынимается особо. Ее выворачивают и сушат над огнем на шестах. После того, как она будет вывернута, сало, облегающее кишку снаружи, окажется внутри, получится вид колбасы. Едят такую кишку, отрезая маленькими кусочками и поджаривая.

Мне приходилось видеть у куркогирских тунгусов несколько особое приготовление кишок. Кишки и там очень любят. Как только олень был убит, женщины начали поспешно вычищать кишки. Потом эти кишки варились в котле, а часть их жарилась на палочках. То и другое ели как лакомство, находя настолько вкусным, что усиленно угощали меня — гостя.

Мозги. Головной мозг вынимается, кладется в чашку и поливается сверху бульоном; едят его ложкой, отделяя небольшие кусочки. Наиболее чистым считается мозг внутренних костей. При топлении он дает осадок. По уверениям тунгусов, чем кости у тунгусов ниже расположены, тем мозг лучше. Таким образом мозг в бабках ног считается наиболее вкусным. По замечанию тунгусов, мозг так же вкусен, как и масло, но другие оспаривают, говорят, что мозг еще вкуснее. Костный мозг едят, рассекая кость ножом и вытряхивая из нее содержимое. Костный мозг считается, видимо, очень большим лакомством. Я не помню ни одного случая, когда бы тунгусы, разбив при мне кость, не начинали меня угощать мозгом. Приходилось видеть, как тунгусы, очень ловко разбив кость и, сбив с нее верхнюю половинку, из нижней половинки, как из желобка, пили мягкий от чумного жара мозг.

Голова. Голова по-тунгусски *дыль*. По уверениям Суслова, голова особенно почетным кушанием не считается. В ней любят только язык. С головы сдирают кожу (*мета*), отделяют челюсть с языком. Остальную часть головы рубят топором пополам (илимпийские тунгусы).

У панкагирских тунгусов я видел следующий порядок разборки головы. Первоначально хозяйка отрезала кожу на голове от лба, вдоль по носу до самых губ и разрезала ножом самые губы. Потом начала сдирать кожу, начав работу опять со лба. Когда голова была очищена, хозяйка ударила топором по затылочной части и отшибла небольшую часть кости в виде щепочки. В образовавшееся отверстие она просунула руку и вынула мозг.

Язык. Язык *чоли* наиболее вкусная часть оленьего мяса; олени языки нередко сохраняются, как угощение для гостей. Едят их в вареном виде. Языки диких оленей коптят впрок. Можно отваривать и прокопченные языки.

Рога. Если оленя колют летом, то прежде всего снимают рога *ие*, на огне опаливают шерсть, которая покрывает рога летом, а самый хрящ поедают тут же. Грызут хрящ зубами, помогая себе ножом. Роговой хрящ так любим тунгусами, что некоторые лакомки решаются обрезать рога у живых оленей, предварительно перевязав часть рога, находящуюся ниже предназначенных к отрезу веток, поверх оболочки жилами. Из пор порезанного рога кровь бьет фонтаном. Рога летом настолько мягки, что их удается срезать одним ударом ножа. Роговая оболочка, снятая с живого оленя, вкуснее и нежнее. Случается, что рога оленей плохо перетягиваются жилкой; в таком случае они нередко загнивают и олень пропадает.

Разные части. Горло *монон* съедают сырым. Копыта *кокчан* также идут в пищу. Их кладут в кипяток, отчего роговая оболочка делается мягкой и снимается легко. Оставшийся хрящ и жилы съедаются в сыром виде. Раскалывают бабки и съедают мозг, заключенный в них, который считаются особенно вкусным. Сырым съедают также хрящ носа у головы оленя. Очень любят есть в сыром виде печень, которую хвалят, особенно когда она мерзлая. Тунгусы говорили мне, что мерзлая печень по вкусу им напоминает рыбу. Мне приходилось видеть тунгусов, поедающих печень всегда с солью. Легкое — *апта* — в пищу не употребляется: оно считается невкусным и обычно бросается собакам. Глаза *эна* осторожно вынимают и, по уверениям М.М. Суслова по отношению к илимпийским тунгусам, бросают. Когда их вынимают из орбит, то стараются их ничем не проткнуть и не перерезать нервов. Мне приходилось у панкагирских и куркогирских тунгусов видеть очень бережное отношение к глазам. Они вынуты были вместе с нервами и с кусочком окружающей их кожи и висели несколько дней в чуме, засунутые за одну из жердей. Когда происходила кочевка, глаза укладывали в сумы, а потом вечером, когда снова разбивался чум, их опять прикрепляли на прежнее место. Не едят глаза домашних оленей тунгусы, видимо, по соображениям религиозного характера. Глаза диких оленей, по рассказам панкагирских тунгусов, можно есть.

Таким образом, из тела домашнего оленя люди не едят только легкие и глаза. Не употребляются в пищу и половые органы.

2. Употребление оленьего мяса

Оленье мясо употребляется в сыром, вареном, жареном и сушеном видах. Пользуются тунгусы и кое-какими мясными похлебками. Приготавливают из мяса и сравнительно сложные кушания.

Мясо в сыром виде. Мясо оленье тунгусы очень любят в сыром виде. Особенно много сырого мяса едят сразу после убоя оленя.

Отрезанные у оленя ноги женщины втаскивают в чум. Они отрезают ляжки от остальных частей ноги таким образом, чтобы мужу было удобнее с них снять камас. Муж разрезает кожу от копыта вверх по задней части. Потом постепенно отдирает кожу, отделяя мездру от мяса ножичком. Когда отнята первая часть ноги — ляжка, остается две части. В нижней части ноги мяса нет — только сухожилия, кожа и кости. Со второй части он также снимает кожу. Копыта отделяют от ноги и их кладут, как сказано, в кипяток. Мужчина, взяв верхнюю часть ноги в руку, начинает отделять ножом мускулы и есть их. Ухватив зубами сухожилие и мускул, он оттягивает от себя кость и ударом ножа отделяет кусок мяса. От позвоночного столба срезаются почки и съедаются, обычно вместе с сырой печенью. Потом кладут в котел все ребра и спинной хребет, рознятый ножом по суставам. Кладется в котел и сердце, хотя сердце не особенно любят, т.к. оно твердо.

Мне несколько раз приходилось видеть, как пировали тунгусы в день убоя. Я видел такие пиршества у панкагирских и куркагирских тунгусов. И те и другие прежде, чем начать варить мясо, ели его в большом количестве сырым. С ног снимали камас, ели сухожилия и мускулы. Некоторые тунгусы окончательно мясо от кости не отделяют, а, надрезав его с одного конца, сдирают в виде лент к другому концу и затем, приближая кость к огню, дают возможность жилам свернуться.

Варка и жарение. Тунгусы употребляют мясо чаще всего в вареном виде. Варят мясо, обычно не доваривая, так что иногда из него сочится даже кровь. Мясо переваренное тунгусы не едят, находя его невкусным.

Тунгусы жарят мясо главным образом на вертелах. Берут палочку, застругивают с одного конца и поддевают на нее предназначенный к поджариванию кусок мяса. Такого рода поджаренное мясо называется хелявун. Выбирают мясо или из ног (из ляжек) или других частей животного, которое считается наиболее вкусным. Тунгусы различают, какие части животного требуют продолжительного жарения, какие, наоборот, нужно поджаривать слегка. Мясо очень близко к огню не ставят, чтобы не дать ему подгорать. Запах горящего мяса, как сказано, вызывает у тунгусов отвращение. Много раз мне приходилось видеть, как тунгусов передергивало от чуть

ощутимого запаха гари. С криком «вонь!» они выдергивали вертел из огня и отставляли дальше. Мне приходилось также видеть, как жареное или вареное мясо, поданное женщинами, находящимися в чуме, разрезалось на маленькие кусочки и потом употреблялось в пищу при помощи палочек, которые заменяли вилки. Если под рукой оказывались мозговые кости, их расшибали, мозг вытаскивали и, разрезав на маленькие кусочки, клали поверх накрошенного мяса. Чаще мясо ели, разрезав его предварительно на большие куски. С одной стороны, кусок держат зажатым в руке, с другой — за него ухватываются зубами и свободной рукой ударяют ножом с таким расчетом, чтобы в зубах остался маленький кусочек.

Сушение. На сушение идет только мясо дикого оленя. У дикого оленя обычно для этой цели используется мясо ляжек. Мясо режут первоначально на полоски, потом сразу на куски и сушат в чуме на решетках. Когда эти кусочки достаточно подсохнут, их ссыпают в берестяные коробки-сумки *потакуи*, в которых они и хранятся. Хранясь в *потакуях*, кусочки постепенно крошатся и в конце зимы превращаются в порошок. Такое сушеное раскрошенное мясо называется *уликтотой*. Едят *уликтоту* с салом или чаем.

Похлебки. Когда варят мясо, то в котел не кладут ничего, кроме него. Мясо проваривается слабо, так что наваря почти не образуется. Этим бульоном тунгусы мало интересуются. Когда варят очень жирное мясо, то жир скапливается наверху. В него, по рассказам, макают сваренное мясо, прежде чем его есть. Приходилось мне также слышать рассказы о том, что такой жир собирают ложкой и сливают в особую посуду, где постепенно он остывает, превращается в сало; этим салом в дальнейшем пользуются, когда едят сушеное мясо или рыбу.

Самый бульон некоторые тунгусы просто выливают на снег. Чаще же его пьют как чай. Бульон наливают или в ковшики, или в тарелки или в стаканы и кружки. В зависимости оттого, во что он налит, его или пьют через край, или едят ложками. Мне приходилось видеть, как тунгусы, налив бульон в стаканы, разливали его потом в блюдца и пили, как настоящий чай. Хлеб в таких случаях заменялся вареным мясом. Выпив стакан, его молча отдавали женщинам, чтобы они снова наполнили.

Некоторые тунгусы заправляют бульон оленьей кровью. У илимпийских тунгусов такое кушание называется *нимин*. Самый бульон панкагирские тунгусы, куркагирские и илимпийские называют *херба*. У панкагирских тунгусов я видел кашу *хеле*. Собственно, это даже не каша, а нечто среднее между кашей и супом. Когда *херба* осталась от ужина, в нее стали подкладывать кусочки мерзлой оленьей крови и подсыпать муку. То и другое непрерывно мешалось. Полученное кушание большинство присутствующих ели ложками.

Те, кому не досталось ложек, ели кушание через край тарелок. Оно было настолько жидким, что его можно было пить. Женщины, которым не хватало тарелок, пили эту кашу через край котла и сильно пачкали себе лицо и руки.

Силя — каша, сваренная из воды, муки и крови с примесями кусочков мяса. Богатые тунгусы говорили о ней, что она годна в пищу только в тех случаях, когда нет ничего лучшего — нет достаточно мяса, ни рыбы. Тунгусы бедные и средней зажиточности смотрят на силя как на кушание вкусное и питательное. *Силя*, как и *нимин*, занимает среднее место между кашей и супом. Большинство тунгусов при мне ели ее ложками.

Боюрн. Кровь только что убитого весной или летом оленя сливают в большой желудок. Сверху получается нечто вроде пены. Ее сливают в маленький желудок. Потом туда же подливают молоко, и, завязав желудок, варят полученную смесь. Варят в особом котле около часа. Содержимое в котле постепенно очень сильно сгущается. По окончании варения желудок вытаскивают из котла и сдирают с сгустившейся массы кожу желудка. Получается вещество, похожее на белый хлеб. Смесь эта, сгустившись, делается пористой и, по словам тунгусов и русских, вкусной. Готовят боюрн только летом — в тех случаях, когда приходится убивать оленей. Зимой не приготавливают, видимо, потому, что не получается в крови пены, из которой приготавливается боюрн.

Саломат. Берут мясо, находящееся около хребта. Это мясо из-под спинных жил считается самым вкусным и нежным, так как в нем совершенно нет жил. Режут мясо на мелкие куски. Когда собирается много гостей, то добавляют мясо похуже. Потом режут сало, снятое со спины, а также с «рубашки», кладут все это в котел и варят без воды. Мясо кипит в сале. Такое кушание, называемое у тунгусов саломатом, употребляется на свадьбах или в каких-нибудь других торжественных случаях.

3. Мясо других животных

Из млекопитающих в илимпийской тундре главное место в системе питания, после домашнего оленя, занимает дикий олень. С приближением к Подкаменной Тунгуске его встречается все меньше и меньше. Из млекопитающих пользуются для пищи мясом дикого козла, лося и зайца.

Дикий козел по-тунгусски *дело*. Мясо его употребляют в пищу и считают большим лакомством. Встречается козел в нагорных частях илимпийской тундры, встречается, хотя и в небольшом количестве, в междуречье Нижней и Подкаменной Тунгуски. Свежую его точно также, как оленя.

Сохатый — *моты* — распространен кое-где по берегам Нижней Тунгуски. В верховьях Нижней Тунгуски в пределах Иркутской гу-

бернии его еще не так давно было очень много. Его били в большом количестве и русские промышленники и тунгусы. Потом стали замечать, что сохатого делается меньше. Охотники уверяют, что зверь пошел к Байкалу. Несколько севернее Иркутской губернии сохатый встречался также в большом количестве. На реку Илимпию, находящуюся в прежних пределах Иркутской губернии, а теперь являющуюся границей Иркутской губернии и Туруханского края, тунгусы выносили раньше несколько сот сохатинных шкур. Было это в те времена, когда там находилась торговая заимка купца Суздалева. Со времени выезда Суздалева прошло 10–11 лет. Теперь в тех краях сохатых встречается чрезвычайно мало. Объясняют это перекочевкой зверя и усиленной охотой на него. В бассейне Нижней Тунгуски пользуются славой реки, богатые сохатыми — Таймура. В междуречье Нижней и Подкаменной Тунгусок сохатого вообще немного, но в верховьях некоторых речек, текущих в Нижнюю Тунгуску и в Подкаменную Тунгуску, он встречается.

Из мяса сохатого приготавливают улику. Идет его мясо в пищу, также, как и оленье мясо, — в вареном виде.

Коров тунгусов нигде не держат. С мясом коров они познакомились только теперь через фактории. Быть может, раньше изредка снабжали этим мясом русские купцы, когда тунгусы выходили к ним на заимки. Тунгусы так и зовут корову испорченным русским словом «короба». Илимпийские тунгусы, по сообщению Суслова, имеют для коровы особое наименование «мочала».

Хищные звери. По уверениям Суслова, илимпийские тунгусы не едят вообще никаких хищных животных: волков, песцов, не едят также собак и бурундуков. Насколько я знаю по расспросам среди тунгусов панкагирского рода и тунгусов куркагирского рода, они также относятся с отвращением к мысли есть мясо этих животных. Один тунгус сказал, что мясо собак употреблять в пищу — большой грех и что-то прибавил про бога, указав вверх.

Медведь — амикан, или амака. Первое слово означает буквально «маленький отец», второе — «дедушка». В некоторых случаях тунгусы вообще стараются не произносить слова медведь. Говорят, например, просто: «пойду промышлять». Нужно понимать в таком случае, что человек направился промышлять медведя. Говорят также: «пойду промышлять сало». Иногда медведя называют описательно: «мохнатый», «черный». Суслов говорит, что ему за все время пребывания в илимпийской тундре не приходилось видеть, чтобы тунгусы ели мясо медведя, хотя он не слышал, чтобы по понятиям тунгусов есть мясо медведя считалось грехом. Сколько я ни расспрашивал тунгусов панкагирского и чапагирского родов, я не помню случая, чтобы один из моих собеседников сказал, что он ел мясо медведя. В большинстве случаев отвечали отрицательно, говоря, что не ели потому,

что им мясо медведя не по вкусу или нездоровится. Куркогирские тунгусы питают к медведю, в большинстве случаев, большой страх. И опять-таки мне не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь из тунгусов ел мясо медведя, хотя в чуме велись иногда разговоры, что мясо медведя вкусно, а сало даже очень полезно.

Белка у тунгусов илимпийского, панкагирского и куркогирского родов называется *улюки*. По словам Суслова, илимпийские тунгусы белки не едят. Что касается остальных тунгусов, то, по крайней мере, про тунгусов куркогирских и панкагирских я могу сказать, что большинство их ест белку охотно. Не всякую белку, впрочем, едят. Некоторые тунгусы уверяют, что белка «подпаль» и вообще белка, убитая ранней осенью, когда шкурка у нее не вполне вышла, невкусная. Мясо такой белки пахнет, по словам тунгусов, керосином или мылом.

Жарят белок, основательно их выпотрошив. Снимают шкурку с белки и чистят ее, конечно, женщины, на которых вообще лежит обязанность готовить пищу; чтобы белка хорошенько прожарилась, внутрь ее вставляют тоненькие распорки, которые сильно раздвигают бока белки. Иногда каждое животное втыкают на особый ражон, иногда две белки укрепляют на одном рожне. Делают это так: распорки, раздвигающие бока белок, переплетают палочкой, которую и втыкают в землю.

У белки считается наиболее вкусной частью зад и — в особенности — задние ноги, которыми часто угощают гостей. Мне никогда не приходилось есть желудка белок, но мне говорили, что он очень вкусен. В особенности, говорят тунгусы, вкусен желудок у белок, питающихся кедром.

Богатые тунгусы белок не едят. Один из тунгусских богачей сказал мне, что сердце у него не хочет белку. Когда я рассказывал, как одно тунгусское семейство угощало меня белками, дети богача подсмеивались и говорили: «А что, вкусно? Хочешь тебе изжарим белку?» Говорилось это в виде шутки, которую нужно было понимать в том смысле, что белку они считают кушанием очень неделикатным и что всякий состоятельный тунгус, у которого есть оленье мясо, есть мясо белки не будет. На свадьбах у тунгусов едят много оленины. Когда я спросил, не едят ли на свадьбах белку, в ответ мне засмеялись и сказали: «Какой белка? Зачем белка на свадьбе? На свадьбе надо хороший мясо есть, оленя надо кушать, который хороший».

Заяц — мундукан — употребляются тунгусами в пищу. Едят его, тем не менее, редко. Промыслом зайца при помощи ружья я не слышал, чтобы тунгусы серьезно занимались. Не ловят зайца также ловушками, потому что вообще все тунгусы Енисейского бассейна, ведущие настоящую кочевую охотничью жизнь, за исключением илимпийских тунгусов, которые ловят песцов пастями, ловушек не

употребляют. Ловушки некогда смотреть при постоянных передвижениях. Ставят, только очень редко, ловушки на таких животных, шкуры которых в глазах тунгусов представляют ценность, как например на рассомах. Приангарские тунгусы и тунгусы, живущие в верховьях Нижней Тунгуски, как элемент значительно обрусевший, ведут более оседлый образ жизни и частенько занимаются промыслом зайца ловушками.

Птица. Тунгусы Приенисейского бассейна промышляют, хотя и случайно, глухарей *хараки*, куропаток *херяки*, уток *ники*, гусей *нюмняки*. Птицу эту промышляют осенью до начала промысла и зимой, когда случайно, бродя за белкой, на нее наткнуться. Гагар бьют, но мясо их в пищу употребляют неохотно. Орла *гуш* не едят совершенно, не едят также мясо ворона *оли*.

Всю птицу, употребляемую в пищу, кроме куропаток, варят и жарят. Жарят в тех случаях, когда птицы убито немного. Когда птицы набито значительное количество, ее варят в котле. Перо и пух у птицы начисто выщипывают, но никогда не опаливают, считая последний прием грехом. Куропаток обычно жарят на вертеле. Предварительно их потрошат, внутренности выбрасывают, голову отрезают.

У тунгусов существуют несколько своеобразные приемы потрошить птицу. Мне приходилось видеть у тунгусов панкагирского рода, как женщины потрошили глухарей. Они делали надрез около шеи, потом начинали за шею вытягивать внутренности. По бокам тоже делали надрезы. Птица раскрывалась потом, как ящик.

Мне приходилось видеть, как тунгусы ели глухарей не только в вареном, но и сыром виде, — вернее сказать, ели в сыром виде отдельные части птицы. В то время как женщина главные части глухаря варили в котле, мужчины ели в сыром виде внутренний жир, положенный перед ними женщинами на тарелки.

Употребляют в пищу также бульон, получающийся от варения мяса птицы. Его пьют, как и бульон от мяса оленя, из стаканов, наподобие чая. Иногда поджаривают на огне верхнюю пузыристую кожу с птицы, снятую с нее до опускания в котел. У гуся снимают с лап перепонки, жарят их на угольках и едят как лакомство.

Рыбная пища

Рыбная пища для большинства тунгусов, обитающих по Нижней Тунгуске и в междуречье Нижней и Подкаменной Тунгусок, большого значения не имеет. Тунгусы, живущие в илимпийской тундре, питаются рыбой больше остальных. Панкагирские тунгусы говорили про рыбу, что она для них летом только одно баловство. Никогда досыта рыбой они не наедаются. По словам тунгусов, рыбу летом промышляют так мало, что, вероятно, на отдельное хозяйство не придется двадцати пудов в течение лета. Тунгусы, тем не менее, очень любят рыбу и охотно приезжают издалека в такие части рек, где

можно ею хорошо поживиться. Осенью много тунгусов скапливается на Нижней Тунгуске, у т.н. Уловного Камня. Летом промышляют рыбу большей частью сетями, зимой бьют острогой. Во льду проделывается отверстие, над которым сооружается подобие небольшого чума. Делается это сооружение для того, рыба не пугалась света. Тунгус сидит над отверстием, держа острогу с трезубцами на конце так, что один конец ее выходит через отверстие кверху.

Тунгусы промышляют окуня *некочан*, щуку *гуткочан*, пельдядку *пеючан*, налима *хеночан*, осетра *тана*, стерлядь *хоняко*, тайменя *дели*, чира *мумур*, форель *майгу*, хайриуса *ниручан*, сига *хуричан*, карася *налимпе*. Все эти названия приведены со слов М.М. Сулова и относятся к илимпийским тунгусам. У остальных тунгусов они приблизительно такие же, разница только в произношении. Так, например, куркагирские тунгусы, промышляющие рыбу на Каторамбе, налима зовут *шенган*, тайменя *джали*.

Наиболее вкусной частью рыб считается брюшко — *уркольда* (илимпийские тунгусы). Иногда оно вырезается отдельно и съедается сырым. Когда рыбу готовят для сушения, брюшки вырезают особо, шивают ниткой и коптят. Потом их вывешивают на воздух, чтобы не прогоркл жир. Любят также спинную часть рыб, по которой проходят жировые пласты. Спина *ходдон* (илимпийские тунгусы). Угощая гостя строганиной, для него вырезают брюшки из спинки рыб и подают как лакомство. Бока у рыб считаются менее вкусными. «Перья» рыб обсасывают и бросают. Иногда их варят вместе с остальной рыбой.

Кости *икари* (*икари* — собственно скелет; так, например, называется скелет у оленя). Когда с костей содрано тело рыбы для сушения, они складываются отдельно, и потом особо сушатся на солнце. В трудное время из них варят уху.

Кишки все выбрасываются, за исключением желудка, который едят в вареном виде. Исключение составляет окунь, которого обычно не потрошат и жарят на рожне, вместе с внутренностями. Остальные рыбы прежде, чем быть посаженными на рожон, подвергаются потрошению.

Желудок у рыб считается лакомством. Его вырезают и кладут в котел с остальной варящейся рыбой, а потом едят с особенным удовольствием.

Голова *дыль* (*дыль* — вообще голова у человека и у животного) употребляется в пищу менее охотно. Хозяин дома обычно ее не ест, а отдает или жене, или работнику. Охотно едят рыбы языки.

Кожу вообще не едят, за исключением некоторых. Кожу тайменя зимой сдирают и из нее готовят клей. Иногда она употребляется в пищу. Содранную кожу кладут на угольки и она начинает от жара постепенно коробиться в трубку. Шелуха, которая после этого

счищается очень легко, удаляется руками. Такую тайменью кожу едят с удовольствием. Чешуя *окикша* в пищу совершенно не употребляется, ее выбрасывают.

Рыбий жир вытапливают из кишок всех рыб. Жир этот — *люра* — сливается в цельные шкуры рыб, снятые мешком. Жир употребляют в пищу, обычно подмешивая к сушеной рыбе. Иногда, как большое лакомство, его хлебают ложками.

Печень рыб едят не всегда. Очень любят налимяю и отчасти щучью печень, которые зимой едят в сыром замороженном виде. Молоки рыб варят в ухе.

Способы употребления рыбы в пищу. Рыбу едят в разных видах. Едят в сыром, вареном, жареном, сушеном и мороженом видах.

Сырую рыбу едят не только зимой, но и летом. Часто свежую, только что упромышленную рыбу, очистив от чешуи и внутренностей, съедают тут же, совершенно сырой, или слегка поджарив на вертеле. Русские крестьяне Туруханского края также не брезгают сырой рыбой, которая у них называется *сугудиной*. По-тунгусски есть сырую рыбу — *талакаде*.

Варят тунгусы всякую рыбу — и крупную, и мелкую. Варят рыбу обычно в котле. Получившееся кушанье называется *херба*. Рыбу не любят сильно разваривать. Дают воде вскипеть, и, когда рыба немного размякнет, котел снимают с огня. Рыба предварительно чистится и все потроха и чешуя выбрасываются на сторону. В котел кладется, как сказано, один желудок. Самую похлебку, которая, как и мясной бульон, бывает часто довольно безвкусной, потому что сама рыба варится мало, в пищу не всегда употребляют.

Иногда варят особую похлебку из голов. Головы эти предварительно копятся и, когда наступает трудное время, когда нет свежей рыбы и мяса, их кладут в котел и начинают варить. Получается довольно густой навар.

Рыбу жарят чаще всего на вертеле. Жареная на вертеле рыба, как и мясо, зажаренное таким же способом, называется одним словом *хелявун*. Рожон обычно делается плоским, чтобы рыба на нем не вертелась. Мелкую рыбу, например, пельдядку, протыкают рожном через бок. На один рожон надевают по несколько штук рыб. Часто бывает, что на один рожон поддевают до десяти пельдядок. Обычно втыкая рыбу на рожон, ее укрепляют головой вниз.

Практикуется также жарение рыбы на сковороде — *кавардак* (илимпийские тунгусы). Жарить по-тунгусски *иридем*. Жареная рыба *иривча*. Чаще всего, жаря рыбу на сковородах, поливают их только водой, жир стараются не тратить. Мелких рыб чистят, распаривают им живот, вынимают внутренности и кости. Из крупных рыб костей не вынимают, рыба режется на части. Никаких приправ при жарении в рыбу не кладется.

Рыба употребляется зимой, главным образом, в сушеном виде. Сушить рыбу впрок — *пурчанде*. На сушение идет всякая рыба, кроме красной, налима и вообще крупной. Сушится: пельдядка, сиг, окунь, карась, хайрюз, форель. Сушение у илимпийских тунгусов производится, по словам Суслова, следующим порядком: в свежую рыбу втыкают в хвост нож и идут ножом к голове. Потом снимают мясо рыбы с ребер. Голова отрезается. Хвост остается для того, чтобы можно было на него повесить рыбу. Дело в том, что обе половинки рыбы разрезаются не до конца, а только до хвоста, который их скрепляет. С внутренней стороны делают на рыбе надрезы, приблизительно в сантиметр глубиной и вешают рыбу на чум на особые шести. Потом прокопченную в чумах на шести рыбу вешают досушиваться на солнце. Развешивают также на шести, над которыми никакого покрытия обычно не делается, и только от большого дождя ее убирают в чумы. Сушится рыба около двух недель.

Сушеная рыба употребляется в пищу, большей частью, в виде растертого порошка — *пурча*, но употребляется также и в не растертом виде.

Когда рыба достаточно просохнет, с нее сдирают шкуру и начинают ее растирать между ладонями. Получается сухой рыбный порошок. Его ссыпают в *потакуи*, которые покрывают сверху корой и ставят обычно на лабазы. Такая мелкая растертая рыба известна под именем *пурчи*.

Пурча употребляется в пищу с чаем; едят ее обычно без хлеба. Не только по словам тунгусов, но и некоторых русских, *пурча* приедается очень нескоро. Иногда *пурчу* мешают с рыбьим жиром, разогретым на сковороде. В таком случае ее едят обыкновенно ложками. *Пурча* с рыбьим жиром употребляется иногда как закуска перед чаем, но большей частью ее едят с чаем. Едят *пурчу* также, перемешивая ее с разогретым оленьим салом. Некоторые тунгусы приготавливают *пурчу* впрок, предварительно перемешав ее с салом. Про большинство тунгусов нужно сказать, что они едят *пурчу* и без рыбьего жира и без оленьего сала. И жир и сало — роскошь, доступная для богачей. Едят *пурчу*, перемешивая ее с ягодой, обычно с голубицей *дикта*. Когда сухой рыбный порошок ссыпается в *потакуи*, в него вмешивают голубицу. Получается рыбный порошок, пропитанный соком ягод.

Употребляется рыба в пищу в сушеном виде и не растертая. Случается, что и такую рыбу едят с ягодами. Пока рыба окончательно не отвердеет, ее кладут на решетки для сушения мяса и обсыпают голубицей. Получается сушеная рыба, в которую влипла ягода. Сушеную рыбу всегда едят без соли.

Большой частью сушеная рыба употребляется в виде *пурчи*, т.е. мелко растертого порошка. В этом отношении тунгусы являются

полной противоположностью остякам. Остяки сберегают сушеную рыбу целиком вместе со шкурой. Продают остяки рыбу счетом. У тунгусов рыба хранится в *потакуях* в виде *пурчи*, продается всегда мерой — *потакуями*. Пара *потакуев пурчи* стоит дорого. Обычно за пару *потакуев* берут оленя. В каждый *потакуй* вмещается приблизительно 30 фунтов мелкого сухого рыбного порошка.

Едят рыбу тунгусы зимой в сыром виде, замороженной. Никогда рыбу в большую глыбу не смораживают. Каждая отдельная рыба лежит особо. Глыбой рыба в *потакуи* не вместились бы. Мелкую рыбу — пельядку замораживают на палочках, по десяти штук на каждую. Эту рыбу продают счетом, и продают иногда в огромном количестве — тысячами. Десятками считать удобнее.

Сказанное о сушении и замораживании рыбы относится к тунгусам илимпийской тундры.

Струганина рассматривается как лакомство. Едят ее большей частью до чая. Обычно струганину едят без хлеба. Мороженых рыб стругают обычно вдоль хребта. Более или менее значительных рыб (красную рыбу) режут пластинами поперек.

Квашение рыбы тунгусам совершенно чуждо. Тунгусы не только не квасят сами, но и не едят квашеную рыбу, когда им предлагают русские. Сколько-нибудь пахнущую рыбу тунгусы пренебрежительно отбрасывают в сторону, называя ее гнилой. Точно также тунгусы не едят и соленую рыбу, которую называют прокисшей.

Икра. Икра у тунгусов вообще не в чести. Икра — *тыша* — употребляется в пищу, тем не менее, зимой и летом. Зимой ее едят только мерзлой. Слизь с мерзлой икры не снимают. Едят икру или, как струганину, длинными ломтиками, или отколупывают от общей массы ножиком небольшие кусочки неправильной формы. Иногда икру примешивают в хлеб. Мерзлую икру растирают, отчего она превращается в жидкость, похожую на молоко. В таком виде ее подмешивают в тесто, когда делают лепешки. По словам русских, выходит очень вкусно, словно в тесто добавлены яйца. Иногда превращенная в жидкость икра вмешивается в похлебку и разбалтывается там мутовкой, как кровь.

Летом икры едят сравнительно немного. Кладут ее в уху, как есть в «рубашке», и так варят с остальной рыбой.

Растительная пища

В районе обитания илимпийских тунгусов из крупных растений распространена только лиственница; нет ни сосны, ни березы. Береза проникает в илимпийскую тундру кое-куда по краям и зовется илимпийскими тунгусами «русским деревом». Ель встречается только по горам. По Нижней Тунгуске растительность более разнообразная. Там встречается и лиственница и береза. Кедр очень распространен в междуречье Нижней и Подкаменной Тунгусок. Все

эти растения тунгусами для пищи совершенно не эксплуатируются, как почти не используется для питания и ягода. Тунгусы едят только голубицу *дикта*, морошку *моронго* и, отчасти, бруснику *химикта*. Смородина — по-тунгусски *ихарикта* в пищу не употребляется, и самое слово производно от слова *ихаридем* — тошнить, рвать. Лук *ишты* тунгусы не едят и отворачиваются от русских, от которых пахнет луком.

В одном только пункте Туруханского края, там, где на тунгусах особенно чувствуется якутское влияние, около озера Якони, тунгусы употребляют в пищу лиственничную заболонь, которая в таких случаях называется *чара*. Ее режут маленькими кусочками неправильной формы, потом варят с мясом, как капусту. Другим тунгусам употребление лиственничной заболони совершенно неизвестно.

Из растительной пищи главное место в системе питания занимает мука, окупаемая от русских. В некоторых местах тайги, как ни странно, население питается мукой и только мукой. Мясная пища, которую так естественно было бы встретить у таежного населения, фигурирует как исключение, в праздничные дни. Создавшееся положение объясняется тем, что домашних оленей у большинства тунгусов теперь имеется очень немного. Тунгусы, обитающие по Нижней Тунгуске, почти безолены. Среди них нет ни одного человека, который имел бы больше двух десятков. В среднем тунгус панкагирского, чапагирского и чумского родов — обладатель стада в 8, 10, 12 голов. Как видно из изложенного выше, оленьим мясом более или менее часто могут пользоваться только илимпийские тунгусы, да некоторые богачи из междуречья Нижней и Подкаменной Тунгусок. Дикого оленя и сохатого, как сказано было выше, теперь в лесах Туруханского края очень немного. Тунгусы промышляют почти исключительно белку, которую сдают русским, и потому без продуктов, доставляемых русскими, существовать не могут. Наиболее важными продуктами, получаемыми от русских, являются масло и мука. Мука занимает первостепенное положение.

Мука по-тунгусски *бурдука*. Слово это настолько крепко вошло в оборот, что, когда открылись русские торговые фактории и появилась временно в Туруханском крае лавка Хлебопродукта, тунгусы называли ее «Хлебобурдуком».

Тунгусы различают отдельные сорта муки, которые зовут испорченными русскими словами: пшеничная — «шеничная», крупчатка — «прупчатка», сеянка — «хеянка», ржаная — «аржаная». Все эти сорта муки тунгусы употребляют в пищу, но очень неохотно едят ржаную. Муку обычно употребляют для лепешек не сеяной, т.к. сит не имеют.

Мука в похлебке. Мука используется для подмешивания похлебки и для приготовления лепешек.

Похлебка, к которой подмешивается мука, называется у илимпийских тунгусов *бурдумин*, в противоположность похлебке, заправленной кровью, которая называется *нимин*, бурдумин готовится из *хербы*. В *хербу*, не снимая ее с крюка, на котором котел подвешан на огне, постепенно подсыпают муку, непрерывно размешивая ее мутовкой.

Приготовление и употребление в пищу лепешек. Хлеб, употребляемый главным образом в виде лепешек, называется у панкагирских тунгусов *клеба*, у куркагирских *колобо*.

Процесс приготовления лепешки у илимпийских тунгусов, со слов М.М. Суслова, протекает так. Муку насыпают на сковороду, середине делают лунку, в которую наливают воду. Начинают муку перемешивать с водой и мешают до густоты, до тех пор, пока мука не станет приставать к полученной массе. Тесто расшлепывают руками в лепешку, толщиной в палец. Лепешку кладут в сковороду и помещают на угли. Несколько раз лепешку переворачивают с одного бока на другой, чтобы она не пригорела. Сковороду предварительно посыпают мукой. Когда лепешка на сковороде делается довольно твердой, ее берут со сковороды и ставят перед огнем торцом, подпирая с одной стороны палочкой. В таком виде лепешка допекается окончательно.

Мне приходилось видеть приготовление лепешек у панкагирских и куркагирских тунгусов. Муку ссыпали в таз. В сухую муку клали соль и растирали ложкой. Потом начинали лить воду. Тесто до густоты наминали руками. Тем временем готовили сковороду. Чтобы дать ей возможность сильнее нагреться, ее зарывали в костер под самые угли. Когда на сковороду помещали лепешку, ее снова зарывали под угли, большие головешки при этом отодвигали в сторону, чтобы не было сильного жара. Вытащенная через некоторое время из-под углей лепешка всегда бывала покрыта сверху слоем обуглившегося теста. Ножом соскребали обгоревшие части, а потом ставили лепешку перед огнем допекаться, подперев ее сзади палочкой.

Если имеется под руками масло, олений жир или оленьё сало, то лепешка печется на одном из них. Когда лепешка печется на сале, то в середине ее протыкается пальцем дыра. Вообще же дыр на лепешке, так характерных для якутских лепешек, я не видел. Один раз только я видел, как одна молодая хозяйка проткнула лепешку пальцем посередине.

Пекут лепешки обыкновенно утром, после первого чая, перед отправлением в путь, в то время, когда мужчины уходят собирать олений. Если зимой не кочуют, то пекут, конечно, и в другие часы дня. Печь лепешку можно в костре, разложенном где угодно, но хорошие лепешки получаются не всегда. Обычно тунгусы, выбрав подходящее место, стараются напечь лепешек про запас до другого удобно-

го случая. Стараются подыскивать сухое место. Когда приходится располагаться чумом на низких сырых местах, костер горит плохо, сильно дымит, лепешки в таких случаях выходят невкусными.

Как только тунгусы располагаются на ночевку, они вытаскивают из мешков лепешки и затыкают их за жерди, составляющие основу чума. Пока топится снег, пока кипятится чай, лепешки оттаивают. Перед самым чаем их подтаскивают к костру и ставят торцом, подпирая сзади палочкой. Иногда лепешки рвут на части. В таком случае около костра кладут палочки и на них размещают лепешки.

Лепешки едят только с чаем; никогда тунгусы не пользуются хлебом, когда едят мясо или рыбу. Во время чая лепешки едят или в виде маленьких кусочков, сложенных кучкой на столе, или в виде тех же лепешек, напитанных маслом и сложенных на сковородку. Когда у тунгусов есть достаточно масла, они не только выпивают им лепешки перед началом чая, но постоянно макают в него во время еды.

Оладьи. Оладьи тунгусы едят как большое лакомство. В чашку наливают воду, солят ее, потом сыпят муку — до такой густоты, чтобы тесто можно было зачерпнуть ложкой. На сковороде разогревают сало, масло и рыбий жир. Жира льют много. Тунгусские оладьи буквально плавают в жиру. Подаются оладьи на сковороде в масле. Достают их концом ножа и едят, держа в руках. Вилка не употребляется.

Русский хлеб. Русский хлеб тунгусам очень нравится. Выходя на фактории, они едят его с большим удовольствием у русских. Часто тунгусы заказывают русским женщинам на факториях испечь хлеб и платят за это припеком. Если на факториях открыть пекарни, они имели бы большой успех. Сами тунгусы готовить русский хлеб умеют далеко не все. Тунгусы чумского рода берут дрожжи, но пекут хлеб в золе. Получается таким образом нечто среднее между русским хлебом и тунгусской лепешкой. Про куркагирских тунгусов мне рассказывали, что их много умеют готовить кислый хлеб. Мне лично кислый хлеб у тунгусов куркагирского рода приходилось видеть только один раз.

Напитки

Напитки тунгусов состоят из воды, чая и его разных суррогатов и молока. Хмельных напитков собственного производства у тунгусов не имеется.

Сырая вода. В отношении воды тунгусы очень щепетильны. В противоположность якутам, пьющим часто мутную грязную воду, тунгусы стараются пользоваться чистой проточной водой. Тунгусы очень любят прозрачную холодную воду. Мне указывали на одну речку, настолько быструю, что в некоторых излучинах она не замерзает и зимой. Река эта славится своей холодной чистой водой. Летом, совершая перекочевки, тунгусы стараются держать направление та-

ким образом, чтобы далеко от этой реки не отходить. Если окрестным тунгусам почему-либо не удастся подойти к этой речке близко, они таскают воду из нее в котлах и чайниках, иногда на большое расстояние. Сырую воду, по словам М.М. Сулова, тунгусы вообще избегают пить. Тунгус крепится сколько может, с расчетом потом в чуме выпить несколько лишних чашек.

Снег. Зимой вся жизнь тунгусов связана со снегом. Насколько я замечал, тунгусы во время перекочевок, двигаясь на лыжах, снег не едят. Когда я, усталый, садился с ними отдыхать и начинал есть снег, чтобы заглушить мучившую меня жажду, тунгусы на это смотрели неодобрительно. Когда же им приходится далеко уходить за зверем, они начинают по многу есть снега. Есть специальный термин налямодем — «есть снег». Особенно много тунгусам приходится есть снега во время охоты за дикими оленями и сохатыми. Тунгусы до того наедаются снега, что, по словам одного из них, набивают им полное брюхо.

В обычной жизни снегом постоянно пользуются для получения воды для нужд хозяйства. Обычно первым делом, после того, как только будет разбит чум, бывает собирание снега в котле. Котел этот подвешивается потом над костром и неоднократно пополняется снегом в дальнейшем. В бедных тунгусских хозяйствах снег набирают прямо в котле. У состоятельных тунгусов я видел особые сумы для снега.

Сумы, наполненные снегом, ставятся обыкновенно в чуме у входа. Так как края чума внутри всегда состоят из снежного кольца, то снег, набитый в сумы, не тает. В котле снег подкладывают из сум, по мере надобности, особой лопаточкой или просто ковшиком.

Питьевая вода в чуме всегда пахнет салом. Особого котла для перетапливания снега у тунгусов не имеется, и они пользуются для этой цели тем же котлом, в котором варят мясо.

Для утоления жажды в чуме тунгусы прибегают к снегу. Зачерпнув из котла стаканом воду, кладут в нее снег, взятый или из сум, или из снежной кромы, всегда находящейся в чуме. Получается умеренно холодная вода, но пьют иногда и очень холодную. Пьют холодную полуснеговую воду иногда сразу же после жирной пищи. Детей поят обычно водой, в которую примешан снег. Мне приходилось видеть, как маленьким детям давали пить воду из ковшика, по которому перекачивались шарики нерастаявшего и сбившегося в комки снега. Часто бывает, что делают и наоборот, зачерпывают почти полную чашку снега, а потом подливают в нее немного воды и пьют ледяную холодную воду.

Если представляется зимой малейшая возможность напиться воды из реки или из ручья, ее всегда стараются использовать. Несколько раз мы, во время наших переходов, останавливались, и тунгусы начинали соскребать со льда снег, а потом долбить его своими копьями. Однажды долбили лед минут 15 и, будучи не в

состоянии пробить ледяной покров, со смехом и с досадой ушли, сожалея, что не могли добраться до воды, которую сильно хотелось пить. Когда располагаются чумом около реки, то всегда, конечно, берут из нее воду.

Тунгусы знают действие вод некоторых рек на человеческий организм. Несколько раз мне не советовали пить воду из переходимых нами рек, говоря, что от этой воды могут заболеть ноги.

Чай. Чай тунгусы пьют в огромном количестве. После длинного перехода в течение дня тунгусы выпивают по десятку и больше чашек. Тунгусы различают байховый чай от кирпичного. Байховый они, вслед за русскими Туруханского края, зовут «фамильным» чаем. Илимпейские тунгусы любят больше кирпичный чай. Куркагирские, а в особенности приангарские — байховый.

Тунгусы любят пить крепкий чай. Илимпейские тунгусы пьют чай несоленый, панкагирские и большинство куркагирских пьют чай с солью. Я видел, как куркагирские тунгусы готовят чай. Первоначально кладут щепотку соли в стакан, потом наливают чаю; так как чай не мешают, то на дне стакана получается очень крепкий соленый настой. Несмотря на то, что всегда кладут в стакан соль, чай обычно пьют с сахаром. Сахар всегда едят вприкуску. Мне рассказывали, что за последнее время тунгусы стали покупать на факториях лавровый лист для употребления его с чаем.

Илимпейские тунгусы воду для чая кипятят в железных чайниках, а чай заваривают в отдельных маленьких чайничках, которые зовутся *хувук*. Только наиболее бедные илимпейские тунгусы обходятся одним большим чайником. У ангарских тунгусов, у всех тунгусов междуречья Нижней и Подкаменной Тунгусок заваривать чай в маленьком чайнике нет обычнования.

Чай обязательно предшествует всякому угощению. Пришедшему гостю всегда предлагают чай, прежде чем подать оленье мясо или рыбу. По словам М.М. Сулова, илимпейские тунгусы всегда перед сном пьют «пустой» чай. У панкагирских тунгусов мне этот обычай замечать не приходилось. Вообще я ни разу не видал, чтобы тунгусы пили пустой чай. Панкагирцы и куркагирцы всегда при мне пили чай с лепешками.

У тунгусов существует несколько суррогатов чая. Заваривают вместо чая растение, известное у русских крестьян под именем кровохарковницы. Тунгусы зовут это растение *чука чай*, трава чай. Предварительной обработке *чука чай* не подвергается. Сорванные со стебельков головки кладутся в чайник. Иногда их собирают про запас, складывая в турсуки.

Употребляют вместо чая также наросты на березе, известные у русских под именем чага, у тунгусов — *чалбан чай*. Кусочек чаги кладут в чайник, в котором она разваривается.

Молоко. Молоко по-тунгусски *укунми*. Быть может, это слово происходит от слова «сосок» — *укун*.

Обычно начинают доить важенок с мая и доят приблизительно до 1 октября, до начала «бегания», по-тунгусски *хоканд*. Доят важенок два раза в день — утром и вечером. При плохом корме доят только раз. Каждый удой дает приблизительно ковшик. Перед доением ударяют несколько раз сильно по вымени ладонью. Делается это, быть может, для того, чтобы размягчить вымя или побудить корову охотнее давать молоко. Удар по вымени может ввести корову в заблуждение, т.к. теленок-олень, подходя к матери, прежде чем начать сосать, тычет несколько раз мордой по вымени. Доят важенок, первоначально выдаивая молоко до конца из первого соска, и уже потом переходят к другому. Надаивают молоко обычно в железный ковшик, покупаемый у русских.

В сыром виде молоко употребляется редко, т.к. представляет большую ценность. Обычно пьют его с чаем. Когда варят чай в больших чайниках, то в них сливают сразу и молоко. На большой чайник, из которого напивается семья в 4—5 человек, достаточно одной чашки молока.

С начала заморозков начинают запасать молоко впрок. Надоив молоко в ковшик, его замораживают на морозе. Перед новым доением ковшик подогревают на огне, вываливают из него кружок молока в освободившуюся посуду надаивают новое молоко. Принеся в чум кружок, тунгуска колет его на кусочки. Расколотые кусочки кладет в ковшик и добавляет в него кипяток из чайника. Не дожидаясь, пока куски растают, она разливают забелевшую воду по чашкам, потом на куски молока снова льет воду из чайника.

Иногда в замороженное молоко втыкают палочку. Делается это в том случае, если молоко замораживают в посуде больших размеров, чтобы легче было вытаскивать.

Кипятят молоко редко, обычно только для детей. Кипятят слабо — дают молоку немного подогреться, чтобы ребенок не пил холодного.

Масло. Масло тунгусы из молока готовить не умеют. За последние годы этому искусству научились немногочисленные семьи, живущие поблизости русских.

Молоко наливают в бутылку и болтают до тех пор, пока оно не свернется. Чтобы получилось масло, приходится болтать около часа. Сулов знает илимпийских тунгусов только три семьи, умеющих готовить масло. Своего слова для названия этого молочного продукта у тунгусов не имеется. Масло так и называется маслом, по-русски.

ТУНГУСЫ РЕКИ КОЧЕНГИ*

«Учитывая, с одной стороны, огромное политическое и экономическое значение окраин Севера и задачу, стоящую перед Рабоче-Крестьянской властью — пробуждение самостоятельности племен, населяющих эти окраины, и приобщение их к советскому строительству, а с другой, еще почти полную оторванность их от советского строительства и необходимость, в силу этого, законодательного и административно-хозяйственного регулирования и защиты их интересов — по предложению Президиума ВЦИК Союза ССР от 6 июня 1924 года, Постановлением Президиума ВЦИК от 20 июня того же года при нем был организован Комитет Содействия народностям северных окраин». На Комитет возложено: «содействие планомерному устройению малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношении». В круг его обязанностей вошло: а) выяснение, разработка и проведение в установленном порядке мероприятий, необходимых для хозяйственно-экономического подъема Севера, в частности имеющих целью поддержание и улучшение путей и средств сообщения на северных окраинах и способствующих урегулированию торговли и обмена в названных районах; б) содействие проведению в жизнь и наблюдение за выполнением постановлений, изданных согласно предыдущего пункта; в) соби́рание необходимых сведений о жизни и нуждах этих народностей, изучение истории, культуры и быта; г) выяснение мероприятий, необходимых для защиты малых народностей от эксплуатации, содействие проведению их в установленном порядке и наблюдение за их осуществлением; д) разработка проектов изменений действующих узаконений применительно к географическим условиям Севера и особенностям быта местного населения; е) разработка оснований административного и судебного устройства малых народностей Севера применительно к их быту, проведение в установленном порядке и наблюдение за проведением последних в жизнь; ж) разработка мероприятий по здравоохранению, а также планов школьной и вообще просветительной работы на северных окраинах и содействие проведению их в жизнь; з) выяснение размера необходимых для устройства народностей севера государственных ассигнований и содействие соответствующим ведомствам в проведении через государственные органы в установленном порядке кредитов на указанную надобность; и) выполнение поручений Президиума ВЦИК по делам, касающимся малых народностей Севера¹⁷¹. Вскоре ВЦИК и Совнарком РСФСР постановили: «Для со-

* Сборник трудов проф. и препод. ИГУ. Иркутск, 1924. Т. XIII. С. 365–391.

¹⁷¹ Известия ЦИК 12 февраля 1925. №35.

действия планомерному проведению на местах работы по устройению жизни малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношениях — учреждаются местные Комитеты Содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК. Названные Комитеты образуются при Сибревкоме, Дальревкоме, Уральском областном исполнительном комитете, Центральном Исполнительном Комитете Якутской Автономной ССР, Исполнительном Комитете области Коми и при губернских исполнительных комитетах, Архангельской, Енисейской, Томской, Иркутской и Камчатской губерний»¹⁷².

Главный Комитет, «приступив к своей работе, в самом начале, циркулярно обратился ко всем учреждениям, имеющим в своей деятельности отношение к северным окраинам, с просьбой своевременно и точно информировать Комитет, как о быте и положении малых народностей Севера, так равно и о всех мероприятиях и постановлениях, проводимых учреждениями, а также о настоятельных нуждах в том или ином мероприятии, о всех имеющихся материалах, полезных Комитету, и о планах дальнейших работ.

В основу текущей работы Комитета положено изучение современного положения, истории, всей культуры народностей Севера; содержание работы сведено, приблизительно, к следующему:

1. Определение и заказ (резервация) территории, необходимой для обитания и развития культуры каждой народности, соответственно ее быту и образу жизни.

2. Обеспечение снабжения необходимых для местных промыслов припасами, орудиями, охотничьими и рыболовными принадлежностями и содействие в предоставлении необходимых льгот и государственного кредита при этом снабжении.

3. Содействие промысловому и торговому кооперированию местного населения.

4. Принятие мер к защите населения малых народностей от хищничества и эксплуатации и содействие получению трудящимися этих народностей за свой труд полного эквивалента.

5. Принятие необходимых мер к обеспечению продуктами первой необходимости (устройство продовольственных складов, общественных запасных магазинов) и обеспечение правильного использования заготовленных предметов потребления.

6. Организация санитарной охраны для этих народностей и ветеринарной охраны для их скота.

7. Принятие мер к недопущению ввоза и торговли на заказанных территориях спиртными напитками и всякого рода наркотиками.

8. Содействие организации трудовых школ для этих народностей, приспособленных к особым условиям их жизни.

¹⁷² Постановление ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 23 февраля 1925 г.

9. Содействие возможно более тесной связи этих народностей с культурными центрами СССР и связи их административного управления с центральными организациями советской власти»¹⁷³.

С первых же шагов своей работы и главный Комитет Севера, и местные комитеты столкнулись с целым рядом препятствий, главнейшими из которых являлись малая изученность малых народностей Севера. На местах не оказалось не только статистических данных о каждой народности, но не было даже ясного представления о территории, занятой ими. Огромные расстояния, отделяющие территорию туземцев от центров, крайняя редкость и, главное, малочисленность кочевий, полное почти отсутствие удобных путей сообщения и средств передвижения, такое же отсутствие оседлых опорных пунктов заставили искать новые методы работы, отличные от обычных. Пришлось ударной работой сделать работу обследовательского характера, с целью выяснения территориального, хозяйственно-экономического и бытового положения туземцев. И только после собранных данных приступать к работе.

Иркутский местный Комитет Севера проделал такую работу среди карагас, сойотов окинских (экспедиции под руководством проф. Б.Э. Петри), тугуро-очеульских тунгусов (обследование Е.И. Титова, Монастырева), части тунгусов района Нижней Тунгуски (обследование Н.П. Попова).

Данные этих обследований говорили о начавшемся сдвиге в сторону изменения хозяйственных форм туземцев. Сдвиги подобного рода редко проходят безболезненно даже там, где это совершается естественным путем. Конечной целью Комитета Севера является стремление приобщить кочевые и бродячие роды туземцев к оседлой жизни. Но вопрос этот при проведении его в жизнь требует сугубой осторожности: должны быть учтены и бытовые, и физико-географические и целый ряд иных условий. Опыт прежних исследований как раз напоминал об этом. Работы среди аларских бурят, сойот, тугуро-очеульских тунгусов говорили о более интенсивной смертности у туземцев, перешедших к оседлому образу жизни, чем у тех, кто взял себе переходную стадию хозяйства — полуоседлую.

Все эти соображения ставили перед местным Комитетом Севера вопрос о необходимости детального изучения экономики и быта тех туземцев, что по собственному почину, в силу суровой экономической необходимости, перешли к новым формам хозяйства. По сведениям местного статбюро и опросным данным кооперативов по рекам Куте и Купе (Купа — правый приток реки Куты, а Кута — левый приток р. Лена) живут тунгусы, перешедшие к оседлому образу жизни. Иркутский местный Комитет Севера поручил мне выявить количе-

¹⁷³ Северная Азия 1925. Кн.1—2. С. 136—137.

ство тунгусов, состав их семей, состояние хозяйства, бытовые и иные условия их обитания. В первых числах июля 1926 г. я с художником Б.И. Лебединским выехал для выполнения поручения по маршруту: Иркутск — Большая Мамырь (пароход); Большая Мамырь — Каймонова — Суворки — Илимск — Избушечная (Хребтовская); Мука (лошади); Мука — Каймонова на Куте (лодка).

Еще в Избушечной опрос местного населения дал очень неутошительные сведения: тунгусы, жившие ранее по реке Купе, несколько лет тому назад откочевали в неизвестном направлении и, по-видимому, далеко. В прежние годы они в достаточно большом количестве появились в селе Муке весной, на празднике «Микола» (9 мая старого стиля), а теперь вот уж несколько лет не видно ни одной юрты. Сведения эти подтвердились и в селе Муке, расположенном на левом берегу реки Купы. Все же я решил доехать до села Каймонова, расположенного по левому берегу реки Куты, против впадения в нее реки Купы, надеясь встретить тунгусов на р. Куте. Опрос каймоновцев окончательно выявил, что тунгусы откочевали с рек Купы и Куты в направлении реки Непы (левый приток р. Нижней Тунгуски) и села Маркова (река Лена) уже шесть лет тому назад. Осмотр книг местного кооператива убедил меня, что даже в верховьях р. Куты и то нет тунгусов: в Максимовском отделении кооператива не оказалось не только ни одного пайщика-тунгуса, но даже и заборщика. Между тем, известно, что без «покруты» тунгус не проживет, а частных, друзей и благодетелей туземцев, по тем же опросным данным, в районе не было. Максимовское отделение кооператива находится в верховьях р. Куты и является почти конечным населенным пунктом: за ним имеется лишь небольшая деревушка Михеева. Две основные причины заставили тунгусов бросить свои исконные владения: захват лучших земель по рекам Купе и Куте русскими, захват охотничьих угодий и насилия и грабежи белогвардейских отрядов генерала Сукина и Казагранди, в свое время прошедших здесь после разгрома их партизанами на р. Илеме. У тунгусов было обобрано все до последнего хвоста, они были в буквальном смысле раздеты и разуты: с них стаскивали дохи, унты, шапки и др. Тунгусы бежали с остатками своего скарба на север — часть на р. Непу, а часть на р. Лену. Одна-две юрты первые годы ухода по традиции прикочевывали на «Миколу» — пображничать, погулять. Но последние два года даже и эти любители перестали появляться.

Пришлось мне обратно выехать в село Илимск, а отсюда плыть вверх по реке Илимуду до впадения в него р. Коченги, а затем вверх по р. Коченге до деревни Ясачной. Здесь я нашел 16 хозяйств оседлых тунгусов, которые и были мною обследованы.

II

Прежде чем говорить о хозяйстве и быте оседлых тунгусов деревни Ясачной, необходимо сказать о реке Илеме и насельниках его берегов вообще.

Среди двух больших водоразделов — Ангарского и Ленского, отличающихся достаточной высотой, протекает река Илим, занимая пространство между 54° и 58° с.ш. и 72° и 74° в.д.

Беря свое начало в вершинах Березового хребта (вернее части его, называемой «Погодаевым хребтом»), на высоте 1000 м, Илим с юго-востока течет на северо-запад, вливая свои воды в р. Ангару с правой ее стороны.

В своем истоке Илим — незначительная, обычного типа таежная река, начинается двумя небольшими ручьями и течет по болотистым топким падам, покрытым ельником и зарослями ерника, ивняка и других кустарников (*Spuraea media*, *Vaccinium uliginosum*, *Rosa acicularis*, *Empetrum nigrum*, *Ledum Palustre* и др.).

Чем дальше, тем становится шире и многоводней, принимая в себя бесчисленное множество ручьев, речек. После впадения р. Ламберихи Илим уже не ключ, а быстрая многоводная речка (не река), с частыми шиверами и даже омутами, приютом хариусов и налимов. Далее Илим выходит из топких болот, нередко сфагнатического характера, и на берегах его появляются, правда, не широкие луга с обильной травяной растительностью. Начавшись ключиками, в дальнейшем своем течении Илим достигает ширины в 150–250 м при глубине от 1,5 до 3 м в самых глубоких местах. Вообще же Илим мелководен. Лишь во время разливов и паводков глубина его достигает до 8 м. Начиная с верховьев до устья по всему Илим — шиверы, перекаты, пороги. Течение извилистое, дно каменистое. На своем протяжении — 600–650 км — Илим принимает с обеих сторон огромное количество ключей, ручьев, речек и рек, скромных в обычное время и бурливых и многоводных во время весеннего разлива, а также после сильных дождей. Течет Илим по сравнительно широкой долине, окаймленной склонами возвышенностей. Возвышенности эти то придвинуты близко к берегу, образуя, по местному выражению, «камни», «утесы», то уходят на порядочное расстояние в сторону. В первом случае прекрасно обнажаются горные массивы осадочного характера; во втором — берег до возвышенностей представляет довольно хорошие луга и пашни. По всему течению Илима залегают серые и красноцветные песчаниковые толщи, переходящие в красную глину. Серые песчаники частью кремнисты, частью беловато-серого оттенка, с значительной примесью желтой и белой кварцевой гальки; встречаются конгломераты кварцевой гальки и кристаллы кальцита. Как уже говорилось выше, берега Илима местами пологи, местами очень

круты. В последнем случае резко обозначены мощные обнажения коренных пород. Имеется много заболоченных пространств.

По берегам Илима встречаются, и нередко, полезные ископаемые. Начиная от с. Шестакова до Оглоблиной наблюдаются частые выходы соляных ключей. В Шестаковой они выходят прямо в реку, отчего вода здесь солоновата на вкус. То же замечается и между с. Илимском и д. Оглоблиной. По притоку р. Илима, Коршунихе, есть огромные залежи бурого железняка, выходящие к с. Шестакову. Между селами Илимском и Нижнеилимском огромные залежи «опок», из которой жители изготавливают алебастр. Масса подземных ключей с примесью минеральных веществ. Разного рода «краски», начиная от белой, кончая коричневой, используются жителями примитивным способом для своих нужд. «Краски» находятся преимущественно по «ручьям». Есть рассказы о нахождении золота, каменного угля, слюды. Но только «рассказы»: лично мне не приходилось видеть даже тех людей, которые находили это. Легенды же о «золотой горе» слышать приходилось не раз и в разных местах, от разных национальностей: русских, тунгусов, цыган, до сих пор встречающихся в Илимском крае.

Вечная мерзлота встречается повсеместно, а там, где имеются моховые болота, постоянно и на небольшой глубине. Не редкость, впрочем, встреча с нею и на высотах, особенно на северных склонах. Основные почвы — подзолистые с суглинистым характером; значительное число болотных и полуболотных.

Флора края богато представлена травянистой растительностью, причем преимущественно многолетней: серпух (*Serratula radiata*, *coronata*), живокость (*Delphinium elatum*), зопник (*Phlomis tuberosa*), лилии (*lilium dauricum*, *tenuifolium*), ирис (*Iris ruthenica*) и ряд других многолетников. Гораздо беднее древесная и кустарниковая растительность, несмотря на громаднейшие площади, занятые тайгой. Хвойные древесные породы здесь таковы: лиственница (*Larix sibirica* led), ель (*Picea obovata* led), сосна (*Pinus silbestris*), пихта (*Abies sibirica* led), кедр (*Pinus Cembra* led). Чистые насаждения этих пород встречаются довольно редко: все больше смешанные кедрово-пихтовые, кедрово-пихто-лиственничные, сосново-лиственничные. Лиственные породы тоже бедны: осина (*Populus tremula*), береза (*Betula alba* L.), бузина (*Sambucus gasemosa*), рябина (*Sorbus Aucuparia* L.).

Кустарниковые гораздо разнообразнее, особенно мелкие. Самых разнообразных видов ивы (*Salix*), ерник (*Betula fruticosa* Pall.) и черемуха (*Prunus Padus*) составляют иногда целые заросли. По берегам больших рек и таежных речек встречаются калина (*Viburnum Opulus* L.), боярышник (*Crataegus sanguinea* Pall.). Болота с вечной мерзлотой дают можжевельник (*Juniperus pana* Villd.).

Самыми распространенными кустарниками по всему району являются: таволга (*Spiraea salicifolia*, *L. Spiraea media* Schm, *Spiraea chamaedrifolia*), жимолость (*Lonicera coerulea* L.), кизильник (*Cotoneaster nigra* Vahb), багульник (*Ledum Palustre* L.), голубица (*Vaccinium uliginosum* L.), красная смородина (*Ribes pubescens* Hedl.), черная смородина (*Ribes uigrum*), моховая смородина (*Ribes procumbens* Pail.), лапчатка (*Potentilla fruticosa* L.), малина (*Rubus Idaeus* L.), рододендрон (*Rhododendron davuricum*), роза (*Rosa acicularis* Lindl) и другие.

Фауна берегов Илима: соболь (*Mustela sibillina*), горноста́й (*Putorius crmineus*), северный олень (*Rangifer Tarandus*), лось (сохатый) (*Alces alces*), коза (*Capreolus pygargus*), медведь (*Ursus arctos*), бурундук (*Tamias asiaticus*), белка (*Sciurus vulgaris calotus*), выдра (*Lutra lutra*), заяц (*Lepus timidus*), хорек (*Putorius putorius*), колонок (*Kolonocus sibiricus*), росомаха (*Gulo gulo*).

Из птиц: тетерев-косач (*Tetrao tetrix*), глухарь (*Tetrao urogallus*), рябчик (*Bonasa canescens*), куропатка (*Redix barbata*), перепелка (*Coturnix astulisonaus*), коростель (*Crex pratensis*), утки, кулики, гуси различных видов. Замечено несколько пар черных аистов (*Ciconia nigra*), зимующих здесь, по рассказам местного населения, уже третий год (рр. Купа, Кута, Илим, Борисовский Иреек, Коршуниха, Буканга и др.).

Ихтиофауна Илима и его притоков: таймень (*Salmo fluviatilis*), хариус (*Phimaclus grubii*), щука (*Esox lucius*), окунь (*Perca fluviatilis*), елец (*Squalius baicalensis*), налим (*Lota vulgaris*) и др.

Замечается некоторое изменение в фаунистическом отношении. Так, за последние годы исчез хищник-волк. Зато расплодилось много медведей, приносящих крупный вред крестьянскому скоту. По всем притокам Илима, а также по р. Купе и Куте, в среднем ее течении, на некоторых притоках Лены, идущих параллельно Илиму и Купе, удалось выяснить присутствие дикого северного оленя, появляющегося стадами от шести до двадцати штук. Вообще же, надо сказать, район обеднел пушным зверем, особенно за последние годы. Совсем исчез изюбрь, и редко-редко попадает соболь и горноста́й. Причин этому достаточно. Первый враг и самый сильный — «палы», уничтожающие огромные лесные пространства. Годы разрухи, повлекшие за собой недостаточность охотничьих припасов, усилили переход к интенсивной ловле зверя хищническим способом: капканы, плашки, ямы. Сами охотники жалуются, что много пропадает зверя «здря»: при таком способе ловли попавшегося зверя съедает другой хищник прежде чем охотник дойдет до своего «ухожья». Особенно жестокий и ненужный способ ловли зверя посредством ям. Редко вовремя удается охотнику обнаружить свою добычу. Чаще всего он приходит тогда, когда зверь, давно попавший в яму, успел уже разложиться

настолько, что ни мяса, ни шкура его ценности не представляют. Впрочем, илимчане народ не особенно требовательный: они едят и разложившееся мясо. У них для него даже и термин есть особый, ими самими придуманный — «сладкое» мясо. По их словам, «а чо, паря, ись можна». «Хароша брюха тапор пириварит, етта, сладка мяса та».

Как Илим, так и впадающие в него таежные реки были когда-то очень богаты рыбой. Теперь, благодаря хищническому способу ловли посредством заездов и т.п., рыбы стало гораздо меньше, а вскоре она и совсем сойдет на нет.

Климат реки Илима достаточно суровый, с коротким жарким и дождливым летом. Зимы снежные и ураганные, с морозами до 50° и выше по Цельсию. Весна поздняя с продолжительными заморозками (заморозки обычное явление в июле месяце). Осень ранняя, с заморозками, начинающимися в первых числах августа. «Вода закипат», говорят илимчане (замерзает).

Населяют берега Илима русские и потомки тунгусов — «ясачные».

Конец XVI и начало XVII столетий ознаменовались усиленным продвижением русских в глубину Сибири. В течение тридцати с небольшим лет была завоевана территория, в два раза большая, чем сама метрополия. Продвигаясь вглубь страны, завоеватели закрепляли захваченные земли крепкими острогами, городами. Выросли Тобольск, Пелым, Березов, Верхотурье, Обдорск, Туринск, Томск, Мангазей, Енисейск и много других.

В 1627 г. казак Максим Перфильев появился с 40 казаками в устье р. Илима и собрал богатый ясак с живших там тунгусов. Дорога досталась добыча Перфильеву: на обратном пути на него напали тунгусы, им обобранные, и Перфильев, раненый в схватке, еле спасся от плена.

В 1628 г. здесь был сотник Петр Бекетов с 30 казаками, а в 1629 г. приплыл на 20 судах Енисейский воевода Яков Хрипунов, выделивший 30 казаков на Лену в поисках серебра, о котором среди казаков ходили баснословные рассказы.

В 1630 г. на эту же Лену был послан с 30 казаками атаман Иван Галкин. Для закрепления завоеванной земли и удержания в повиновении окрестных тунгусов он заложил Илимский острог. С этих пор начался планомерный захват Илима и постепенное вытеснение с его берегов аборигенов.

Параллельно с завоеванием Илима шло завоевание р. Ангары. В том же 1627 г. и тот же казак, Максим Перфильев, с отрядом в 40 человек появился на р. Ангаре и прошел до Шаманского порога. Высадившись здесь, он дошел до бурятских стойбищ, объясачил бурят, а на обратном пути, как уже говорилось, и тунгусов, живших при устье р. Илима. Вскоре на Ангару прибыл с 30 казаками сотник

Петр Бекетов. Поход его был неудачен. На Падунском пороге разбилась лодка, везшая провиант. Енисейский воевода Яков Хрипунов, оставив суда в устье Илима, сам отправился сухопутьем по берегу Ангары и дошел до впадения в Ангару р. Оки. Здесь произошло кровопролитное сражение с бурятами, и, хотя Хрипунов остался победителем, но удержаться не мог и вернулся обратно. В 1631 г. на Ангаре вновь появился Перфильев, с 30 казаками и двумя пушками. Этой силы оказалось опять недостаточно и ему было послано подкрепление в 50 чел. Против Падунского порога Перфильев заложил Братский острог. В 1654 г. он был перенесен на то место, где сейчас стоит село Братский острог. С основанием его завоевание Ангары пошло успешней, и уже в 1654 г. основан был еще новый оплот — Балаганский острог.

С завоеванием Ангары Илим приобретает новое значение кратчайшего и удобнейшего пути в Енисейск, т.к. давал возможность обойти опасные Ангарские пороги. И, действительно, завоеватели тотчас же поспешили использовать этот водный путь: около деревни Подволочной (на Ангаре) казаки волоком перебирались на верховья Илима (у д. Кочерги) и плыли далее вниз. Таким образом, в сравнительно короткое время весь Илим был в руках у русских.

Первое время завоеватели ограничивались наложением ясака, оставляя туземцев на освоенной ими территории. Постепенно, с наплывом колонизационной волны, туземцы вытеснялись с удобных земель и, в сравнительно короткое время, мы видим их оттесненными от берегов Илима на его притоки. Правда, незначительная группа тунгусов осталась на Илеме до последнего времени, но это уже единицы. До прихода русских Илим был сплошь заселен тунгусами. Беззастенчивое обирательство с одной стороны, насилия — с другой повели к тому, что тунгусы «добровольно» отошли вглубь тайги, за исключением тех, которые усвоили от завоевателей новые формы хозяйства.

В поездку по Илиму, в 1925 г., мне пришлось записать интересный рассказ. В окрестностях с. Нижнеилимска и в верховьях р. Тубы были стойбища тунгусов. Их охотничьи уголья понадобились русским. Не имея возможности занять эти уголья, русские прибегли к довольно оригинальному способу выселения. У одного из старожилов, близко знакомого с тунгусами, имевшего среди них «дружков», заболел черной оспой поселенец-рабочий. Быстро сообразил старожил, что надо делать. Подговорив своих товарищей, он отправился с ними к тунгусам в гости вместе с больным рабочим. Тунгусы приняли «дружков» с почетом, угостили, как следует, а «дружки» в благодарность оставили им больного рабочего, который на второй день умер. Оспа поразила много тунгусских семей, и они, в испуге, бежали на р. Катунь, «добровольно» уступив русским свои охотничьи уголья.

Г.М. Василевич, обследовавшая тунгусов р. Непы, пишет: «В этом районе сейчас собрались тунгусы из разных концов: с р. Киренги и с р. Куты (притоков Лены), с р. Илима и с р. Каты (притоков Ангары)»¹⁷⁴.

Насельники Илима занимаются земледелием, охотой, рыболовством и скотоводством. Было время, когда Илимский край был одним из главных поставщиков на местный рынок пушнины. Соболь, горностай, рысь, выдра, медведь, лось, лисица и, главным образом, белка, добывались в огромном количестве. Илим и его притоки были богаты рыбой. Основным занятием жителей были охота и рыболовство, а земледелие было лишь подсобным промыслом. Сейчас не то. Исчез зверь, исчезла и рыба в реках, благодаря хищническому способу ловли. Охота и рыболовство отходят на задний план. Огромные пространства тайги выжжены. И охотник-рыболов вынужден перейти к скотоводству и земледелию. И все же и в средней и нижней части Илима земледелие не стало основным промыслом, а в верхнем течении его оно вековечно подсобное. Суровый климат, плохая почва, залегающая к тому же на склонах гор и потому зачастую сносимая в реку и пади горными дождями, глубокие овраги, как следствие тех же дождей, не дают развиться земледелию в основное хозяйство.

Плохо обстоит дело и со скотоводством. Луга по Илимю хотя и хорошие по качеству травяного покрова, но их мало, нет даже хороших выгонов. Илимский крестьянин вынужден запастись сеном, отправляясь за ним за несколько десятков километров (до 80–100 км) вверх по Илимю или его притокам. Бурливые и шумливые горные речки, взбудораженные дождями, заливают и луга и зачастую уносят с собой и сено, с большим трудом добытое. Говорить о правильном скотоводстве, значит, не приходится.

Из домашних животных на Илимке водятся: лошади, коровы, овцы, свиньи. Лошади низкорослые, достаточно выносливые, местной породы. Коровы маленькие, тщедушные, малоудойные, но молоко их богато содержанием жира. Из домашних птиц — куры, изредка утки и гуси. Последних не заводят потому, что с ними жестоко расправляются собаки, которых по несколько штук в каждом дворе. Собаки — необходимая принадлежность каждого двора. Они прекрасно ходят по «зверю», белке и соболу. Порода — помесь лайки с дворнягой.

В крае полное отсутствие усовершенствованных путей сообщения. Колесных дорог — две: Илим — тракт и перевал от д. Подволочной (Ангара) до д. Кочерги (Илим). В остальных местах вьючные тропы и лодка: в верхнем течении — берестянка, а в среднем и нижнем — «илимка». Есть и переходная ступень — «долбенка».

¹⁷⁴ Василевич Г.М. На Нижней Тунгуске // Северная Азия 1926. Кн.5–6. С. 150.

Все, вместе взятое, заставляет насельников р. Илима довольствоваться смешанной формой хозяйства: немного пашни, скота в меру возможности, охота и, уже совсем немного, рыболовство.

В моем распоряжении имеются цифровые данные по основным категориям хозяйства насельников р. Илима. Сопоставление этих данных по районам р. Илима, верхнему, среднему и нижнему, дает такую таблицу в единицах на каждое хозяйство.

Таблица 1.

Название района	Дворов	К-во пахотной земли	К-во засеянной земли	Сенокосы	Лошади	Жеребцы	Коровы	Нетели	Телята	Овцы	Свиньи	Бел. единиц	Рыбы (пуд.)
В. Илим.	187	1,9	1,3	0,9	2,3	0,5	1,3	0,18	0,7	1,87	—	8	1,65
Ср. Илим.	538	2,8	1,23	1,6	2	0,56	1,53	0,56	1,43	1,6	—	7,3	0,14
Н. Илим.	685	3,2	2,08	1,23	1,9	0,51	0,53	0,37	0,38	2,25	1,05	16,75	0,28
Средняя цифра для всей реки	1410	2,63	1,54	1,24	2,06	0,62	1,45	0,43	0,84	1,9	0,35	10,68	0,69

Трудно сказать, глядя на эти цифры, какое основное занятие илимчанина.

Надо принять во внимание при пользовании этими цифрами еще и то обстоятельство, что 1925 г. был годом «неурожайным» для белки. С другой стороны, цифры эти официальные, собранные на предмет обложения хозяйств сельхозналогом, а потому нуждаются в значительном коррективе.

Вот приблизительно картина той обстановки, в которой живут русские насельники берегов р. Илима и вкрапленные среди них тунгусы.

III

Вопрос о прародине тунгусов до сих пор не разрешен нашими учеными. Была ли это Маньчжурия, или область Семиречья — достоверно неизвестно. Как неизвестно и то, когда тунгусы пришли в Сибирь. Одно лишь можно говорить определенно: раньше монгольских племен. За это говорят названия большинства сибирских рек. Неизвестно время появления тунгусов и на Илим. Но и здесь большинство притоков Илима (и частью Лены) носят тунгусские названия: Берея, Талая, Игирма, Турука, Купа, Кута¹⁷⁵.

¹⁷⁵ Объяснено Е.И. Титовым.

Якуты в своем продвижении на север вынуждены были выдерживать упорные бои с тунгусами, заселявшими в то время верховья Лены и ее притоков. Русские завоеватели встретили тунгусов на обоих Тунгусах — Нижней и Верхней — и на притоках их. Как тем, так и другим завоевателям тунгусы оказали отчаянное сопротивление, но личная храбрость при плохом вооружении и еще худшей организованности не спасла их от покорения: тунгусы вынуждены были уступить лучше вооруженному и соорганизованному врагу и постепенно уйти с главных русл многоводных рек вглубь тайги по горнотаежным протокам. Сначала завоеватели, обложив покоренных данью, отобрали у них сенокосные угодья и удобные для пашни земли, а потом постепенно стали вытеснять их и из исконных охотничьих и рыболовных угодий.

Часть тунгусов, большая, подалась на север, захватив пространство между реками Илимом и Нижней Тунгуской и дальше, сохранив прежние формы своего хозяйства, при постоянных сношениях с русскими переняла от них новые формы хозяйства и постепенно перешла к оседлости. Такие отдельные хозяйства «ясачных» встречаются среди русских поселений по р. Илим от верховьев его до самого устья. Лишь на р. Коченге имеется целая, правда, небольшая, деревня, состоящая исключительно из ясачных тунгусов, давших свое податное состояние названию деревни. Впрочем литература прежних лет говорит не о деревне Ясачной, а о «Коченгском улусе» (Патканов и др.)

Деревня Ясачная

Ясачная расположена на правом берегу р. Коченги, правого же притока р. Илим, впадающего против с. Коченги.

Берег высокий. Деревня со всех сторон как бы защищена высокими горами, покрытыми преимущественно лиственничным и еловым лесом. Местоположение — удивительно красивое: скалы, вековой лес, вечно шумящая по камням Коченга и редкое эхо в вечерней тишине: спетая песня, произнесенная фраза громко повторяются до четырех и больше раз. Как будто где-то засела группа шаловливо настроенных ребят и повторяет сказанное. К сожалению, красота для нас, а не для ясачных.

«Лясной с табой говорил, а ты обрадовался. Смотри, он те пыгыварит. Яму тольки и нужна, штоб пакусть каку людям сделать. Яво тольки на ето и вазьми. А ты пастиригись, асабливо в палночь. Как петух загаркат, тада ничаво», — советовала мне старуха, хозяйка дома, где я остановился, доброй души человек, хотя и темной.

Коченга — типичная горная речонка: бурная, шумливая, вся в больших шиверах и небольших порогах. От устья реки, шириной в 200—250 м, до д. Ясачной, находящейся в 17 км, имеется 12 шивер и 4 порога. Пороги, правда, мало заметные, но шиверы быстрые,

тянущиеся иногда на протяжении от четверти до одного километра. Масса подводных камней, заметных только потому, что над ними «вода мырит», по словам моего возницы деда: «Хужи парога в двадцать рас етта шивера», — ворчит сердито дед, — лодка-то дыбом стала. Лягоньку, лягоньку, Серьга» — кричит он верховому, но поздно: налетели на камень, зачерпнули поллодки воды. «Куды ты, лешева скотина, лясной тебя задави, едишь? Ни видишь рази, каминь!? — не на шутку рассердился дед.

Берега Коченги высокие, скалистые. «Камни» из красного песчаника выглядят старыми полуразрушенными средневековыми замками. Почти по всему пространству «камни» подошли к реке. Там, где они отступили, человек немедленно отвоевывает себе это пространство, то под сенокос, то под пашню. Геологическое строение берегов Коченги, флора, фауна — общая для всего Илимского края.

Деревня Ясачная, как я уже говорил, лежит на правом берегу р. Коченги.

Здесь скалы отступили на 1–2 км вглубь, на протяжении 2–2,5 км в длину по берегу. Человек тотчас завладел этим местом и разбил его под усадьбы, карликовые огороды и каменистые пашни. Ландшафт таежный. Деревня вытянулась по берегу в одну улицу, отступив от реки на 20–25 м. У самого берега по сибирскому обычаю приютились полуразвалившиеся закопченные бани: топят «по-черному».

Деревня состоит из 16 дворов. Даже и здесь сказался сибиризм: во всей деревне лишь четыре фамилии: восемь Березовских, четыре Солодковых, три Сизых и один лишь Копылов. Но скоро и эта фамилия пустит ростки: семья большая, на возрасте работники.

Усадьбы расположены или тесно примыкая одна к другой, или с небольшими интервалами. Постройки однообразны, с очень маленькими вариациями. Одна или две, разделенные сенями, обыкновенного сибирского типа, хаты. Непосредственно к ним примыкает двор, разделенный на две части: в первой складываются или под навесом или под открытым небом земледельческие и иные орудия; здесь же амбары; а во второй — стойки для скота, загородки из жердей для складывания соломы и сена. Тесовые ворота имеются только у зажиточных, бедняки обходятся обыкновенными воротами, сделанными из жердей. Позади усадьбы, а иногда даже и в черте ее, небольшой огородик, сравнительно недавнее культурное завоевание — лет 7–10. Впереди усадьбы, как уже говорил, бани. И здесь опять сибирский обычай сказался: хата разваливается, а баня есть своя у каждого домохозяина. Хотя в иной бане дверь еле держится на веревочных петлях, печка из булыжника, нагруженная галькой, единственное окошечко, в 20 см в квадрате, заткнуто грязной тряпкой, а в бане даже человек среднего роста стоит согнувшись в три погибели — все же она «своя»: «Чо я буду таскатца по чужим та людям».

Сзади огородика небольшое по размеру гумно, но это не у всех, а опять-таки у более зажиточных, «справных мужиков»: засевы мизерные и надобности в хорошо устроенном гумне нет никакой.

Хата обыкновенно разделяется русской печью и кутной заборкой на две части. Кутная заборка обязательно раскрашена «святами», «ироями»; даже «львы» и те волею «Вяцкыва Мастира Н. Смирнова» попали в Ясачную. Вдоль стен тянутся широкие лавки, скамейки, самодельные табуреты. В «переднем углу» висят старые прокопченные и засиженные мухами иконы. Перед ними лампы, вычурно украшенные замысловатой фигурой из соломенок, пустых яиц, а чаще из хвостовых перьев косача. Рядом с иконами мирно уживаются: «Ванька-Ключник», «Хождение души по мытарствам», М.И. Калинин, великий князь Николай Николаевич, плакат о холере, о сельхозналоге, «Храбрый рыцарь Франциль Венициаль», Л.Д. Троцкий, этикетки от чая, конфет, объявления о винах удельного ведомства и т.д.

Здесь же, в переднем углу, стол, самодельный, покрытый самотканной скатертью или же раскрашенный тем же «Вяцким мастиром». Полы обязательно укрыты самотканными половиками. На подоконниках маленьких окон, заткнутых чуть не наполовину грязными тряпками, обязательно цветы: «табачек», «ирань», «сталетня deriva». Утварь обычная, с преобладанием дерева и бересты. Одежда — русская: наdevашки ярких цветов у мужчин, кофты, юбки у женщин; шубы, дохи, картузы, шапки, ичиги, ботинки, опояски, полушалки и платки. В ходу у девушек дешевенькие пояски, супиры — колечки. Одежда стариков и старух покроем не отличается от одежды молодежи — лишь цвета скромные, серые и черные. Особое внимание уделяется сетке, защищающей от «гнуса». Она всегда изяшно (как это ни странно) сшита и обязательно украшена «святами» из ярко-красной или иной материи, особенно у девушек и парней. Даже взрослые и пожилые украшают сетку.

На вопрос о количестве отведенной деревне земли жители отвечают незнанием. Действительно, трудно определить это количество на глазомер даже опытному в этом деле сибиряку. Царское правительство, в целях русификации туземных племен, проело такую чересполосицу, от которой и сейчас стонут жители д. Ясачной. Тотчас за «водяником» начинаются сенокосы и леса крестьян с. Коченги, а тунгусские «ухожья» находятся за 150—200 км от д. Ясачной. Река Коченга, сжатая с обоих сторон высокими скалами, почти не дает возможности использовать свои берега в качестве сенокосов, как это имеет место и по Илиму, и по другим его притокам, особенно по Борисовскому Иреку, где имеются, правда, отдаленные от жилья на 80—100 км сенокосные угодья. Даже там, где Коченга дает возможность сенокосить, буйная, бурная, она при первом сильном дожде, которые там довольно часты, все затопляет и уносит в бешеном порыве в Илим.

Буйная река каждый раз отмывает берега. Мне показывали «старый берег Коченги», который за 10–15 лет, у всех на памяти, был на 10–15 м дальше, чем сейчас.

Клочки пахотной земли, добываемые из-под тайги, тянутся по склонам гор. Мало тяжелым трудом выкорчевывать пни, необходимо убрать еще огромное количество камней — тогда только возможно будет приступить к пахоте. Почвенный слой тонкий, малогумусный, еле-еле держится на подстилающем слое гальки. Во вспаханном виде он при первом горном дожде уносится в р. Коченгу. Нынешним летом посеянная ясачными картошка после дождя оказалась на берегу Коченги, где жители и собирали ее ведрами. Говорить о каком-либо закреплении почвы посредством удобрения не приходится за отсутствием скота. Об искусственном удобрении тем более нечего мечтать. Земля ясачных, находящаяся под пашней, «собственная». Никому не возбраняется отвоевывать у тайги и камня нужное ему количество земли, расчищать, где угодно и сколько угодно. Но, раз добытая нечеловеческим трудом, земля становится собственностью той семьи, которая ее приготовила к распахиванию. В силу этого не бывает никаких переделов земли. С сенокосами дело сложнее: их совсем нет, за исключением немногих островков, плешин, заберегов. Но и здесь все обходится довольно мирно.

При таких тяжелых условиях добытая земля является особенно ценной, и жители, действительно, дорожат каждый клочком ее. Годы гражданской войны, а затем последовавшей за ней разрухи, еще более заставили ясачных дорожить землей. К сожалению, стремление всецело отдаться этой работе неосуществимо за отсутствием удобной для земледелия и сенокосения земли. Ясачные даже не прочь бросить свои насиженные места, лишь бы дали землю и средства на переезд и первое обзаведение на новом месте всем необходимым.

Вот много говорящая таблица — показатель огромного труда, затраченного ясачными на борьбу с враждебной им природой. Причем борьба эта ведется в самых тяжелых условиях: самыми примитивными способами корчуют ясачные пни, самым примитивным способом, при посредстве уже отжившей свой век рогальюхи, вспахивают свое поле и боронят его деревянной бороной. Плугу здесь еще негде разойтись.

«Вообще не можно ничего дешевле себя представить, как российский пахотное орудие. Напротив того довольно явствует, что земледелец такими простыми орудиями может взорать только поверхность пашни, и что едва покрывает землю посеянные семена», — писал в конце XVIII столетия Паллас¹⁷⁶. Для ясачных это замечание не устарело и до сих пор.

¹⁷⁶ Паллас «Путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшим в 1768 и 1769 годах».

Таблица 2. Земельные угодья д. Ясачной

№	владелец	Кол-во десятин пахотной земли	Кол-во поденщин, затраченных на подготовку к пашне и обработку земли	Стоимость земли в руб. при поденщине в 1 руб. 20 к.
1	Березовский Я.И.	1 1/2	270	324
2	Березовский М.С.	1	180	216
3	Березовский В.И.	1 1/2	270	324
4	Березовский И.А.	2 1/4	405	486
5	Березовский Н.Ф.	2 1/2	450	540
6	Березовский П.Д.	2 1/2	450	540
7	Березовский И.И.	1 1/4	225	270
8	Березовский А.С.	3/4	135	162
9	Солодков Л.М.	2	360	432
10	Солодков О.М.	2	360	432
11	Солодков И.Е.	1	180	216
12	Солодков В.М.	3	540	648
13	Сизых И.А.	1 1/4	225	270
14	Сизых О.А.	1/2	90	108
15	Сизых М.А.	2	360	432
16	Копылов Н.А.	2 1/4	405	486
	Итого	27 1/4	4905	5886
	В среднем на 1 хоз-во	1,7	306,56	367,9

Мною взяты при исчислении средней – минимальные цифры. На самом деле число поденщин, затрачиваемых на вырубку и корчевку десятины средней густоты леса, колеблются от 160 до 180 поденщин. Ясачные, кроме того, должны затрачивать на уборку камней и вскапывание (в год расчистки земля не подвергается вспахиванию, а лишь ручному вскапыванию) еще от 15 до 25 поденщин. Таким образом, средняя получится не 180 поденщин на десятину, а 190.

Между тем, валовой доход, получаемый ясачными с десятины земли, не превышает 30 рублей, при тех незначительных урожаях, какие там бывают. Средняя валового дохода дает на каждое хозяйство 51 руб. 09 коп., при затрате на подготовку к обработке земли 367 руб. 90 коп. Нужно более 6 лет, чтобы оправдать хотя бы первоначальную затрату средств, не амортизируя орудия производства в дальнейшем, не учитывая стоимость рабочих рук. Но самое главное это то, что через два года земля, лишенная удобрения, отказывается родить хлеб, если еще ранее тонкий слой почвы не будет унесен горными дождями. И вот мы видим, что значащийся в таблице под №14 Сизых Онуфрий Алексеевич, имеющий семью в 6 человек, но являющийся фактически, за болезнью жены и малосилием под-

ростка, единственным работником в семье, имеет пашни всего лишь полдесятины. Наличие рабочих рук дало возможность Солодкову Василию Михайловичу разработать три десятины пашни — единственный «крупный» земледелец и землевладелец д. Ясачной.

Интересны, как показатель, средние цифры количества десятин на одно хозяйство за последние три года (к сожалению, за большее количество лет собрать не удалось: опросные сведения — шаткий материал, а цифрового материала в сельсовете не нашел за отсутствием секретаря): за 1923 г. — 1,25 дес., за 1924 г. — 1,38 дес., за 1925 г. — 1,56 дес. Медленно, но распашки, несмотря на все неблагоприятные условия, растут. Засеваются: озимая и яровая рожь и пшеница, конопель и картофель. Есть пионеры, пробующие засеять ячмень.

Об огородах я уже говорил: они в зачаточном состоянии да и культивируют лишь табак и лук. Некоторые смельчаки пробуют сеять огурцы, но неудачно: в Ясачной еще в июле бывают очень холодные зори и выпадает иней, губительно отзывающийся на растительности, а в начале августа месяца здесь заморозки ежегодное обычное явление. Нужны особые заботы, чтобы уберечь огородные овощи от мороза, да и то не всегда удается достичь желанных результатов даже рачительным хозяйкам.

При таком мизерном количестве пашни мизерен и сельскохозяйственный инвентарь Ясачной. Вот таблица, рисующая его состояние:

Таблица 3.

№	владелец	сох		борон	
		Дерев.	Железн.	Дерев.	Желез.
1	Березовский Я.В.	1	—	1	—
2	Березовский М.С.	1	—	1	—
3	Березовский В.И.	1	—	1	—
4	Березовский И.А.	1	—	1	—
5	Березовский Н.Ф.	—	1	1	—
6	Березовский П.Д.	1	—	—	1
7	Березовский И.И.	1	1	—	1
8	Березовский А.С.	1	—	1	—
9	Солодков Л.М.	1	1	1	—
10	Солодков О.М.	1	—	—	1
11	Солодков И.Е.	1	—	1	—
12	Солодков В.М.	1	1	2	—
13	Сизых И.А.	1	1	1	—
14	Сизых О.А.	1	—	1	—
15	Сизых М.А.	1	1	1	—
16	Копылов Н.А.	1	1	1	—
	Итого	15	7	14	3

Как видно из прилагаемой таблицы, лишь семь хозяйств имеют железные сохи, т.е. только 43,75% домохозяев, а остальные 56,25% хозяйств ковыряют каменистую, усеянную пнями и корнями, почву, деревянной сохой. С боронами вопрос обстоит еще хуже: здесь железные бороны имеют только три хозяйства, т.е. 18,75%, а остальные 81,25% хозяйств обходятся деревянной бороной.

Ни о каких веялках, сеялках, молотилках, жатках и т.п. говорить, конечно, не приходится: их нет в д. Ясачной ни у одного крестьянина. Все делается вручную: сеют из лукошка; веют подбрасыванием лопатой зерен вверх или через сито; молотят по старинке; на сенокосе отвечает здоровая спина и острая литовка, как на жнитве серп и та же коса.

Следующая таблица говорит нам о количестве скота и птиц в д. Ясачной.

Таблица 4.

		лошадей	жеребят	коров	нетелей	телят	овец	кур
1	Березовский Я.В.	2	1	1	—	1	1	6
2	Березовский М.С.	3	1	1	—	1	1	2
3	Березовский В.И.	2	1	2	1	1	1	2
4	Березовский И.А.	2	1	2	2	—	6	2
5	Березовский Н.Ф.	3	—	1	3	—	3	7
6	Березовский П.Д.	3	2	1	2	—	1	2
7	Березовский И.И.	3	2	—	—	2	3	5
8	Березовский А.С.	2	—	1	1	1	2	2
9	Солодков Л.М.	3	1	1	1	—	2	2
10	Солодков О.М.	2	1	3	1	—	4	3
11	Солодков И.Е.	2	—	1	2	—	4	3
12	Солодков В.М.	4	1	3	—	3	3	5
13	Сизых И.А.	3	2	2	—	2	1	4
14	Сизых О.А.	1	—	—	1	—	—	2
15	Сизых М.А.	2	—	2	—	—	—	2
16	Копылов Н.А.	3	—	4	—	4	4	4
	Итого	40	13	25	14	15	33	52
	В среднем на х-во	2,5	0,8	1,56	0,8	0,93	2	3,25

Сравним таблицу средних единиц по Илимю со средними единицами д. Ясачной.

Таблица 5.

Название района	лошади	жеребята	коровы	нетели	телята	овец
р. Илим	1,54	1,24	1,45	0,43	0,84	1,9
д. Ясачная	2,5	0,8	1,56	0,8	0,93	2,0

Приведенная таблица дает среднюю цифру по всем рубрикам, за исключением жеребят, выше средней цифры для всего района р. Илима. Даже и количество засеянной земли в среднем по Илиму — 1,54 дес.; между тем для Ясачной эта цифра 1,7 дес. Прирожденный охотник стремится изменить форму своего хозяйства упорно и настойчиво, как и все, что ему приходится делать по борьбе с окружающей его природой за свое существование, в борьбе непрестанной и тяжелой, отвоевывая от тайги буквально каждую пядь, каждый клочок земли, поливая его потом и кровью. Было время, когда население д. Ясачной не вынуждалось суровой нуждой взяться за земледелие. Тайга кормила его в достаточной мере. Белки и иного зверя добывалось столько, что можно было жить безбедно. Общее исчезновение пушного зверя сказалось и в ухажьях Ясачной. Почти исчез драгоценный соболь; нет уже несколько лет изюбря, и белки становятся меньше и меньше. Сказкой веет от воспоминаний о недавнем былом.

Были годы, когда Ясачные убивали до 1000 штук белок на ружье в течение сезона. Не на хозяйство, а на ружье. На хозяйство же приходилось в среднем 2500 штук белок. Кроме того, изловит пару сохатых, убьет медведя, пару-другую соболей, лисиц — и обеспечен мясом, и всем необходимым. Теперь не то. Последние годы промысел совершенно пал. Так, прошлый сезон лучшие охотники добыли от 50 до 70 штук на хозяйство, а были такие, что едва-едва убили под одному десятку. И это стрелки, делающие на сто выстрелов... два промаха; десять пуль сажающие одна в другую... Орудия охоты те же, что у окрестных крестьян: плашки, ловушки, ямы... Но надо отдать справедливость — предпочитают ружье. Охоту плашками, в виду запрета, тщательно скрывают. На самом деле — плашки есть, а у многосемейных и в большом количестве: тянутся на несколько километров в «ухажьях». К разрешению охотиться — где угодно, и кому угодно, относятся отрицательно: «Я свое ухажье обихаживаю, а тут залезет, кто хочет. Ведь это все равно, что в чужой двор залезти». К слову сказать, в среде односельчан строго соблюдается прежний порядок. Каждый охотится там, где издавна охотились его предки. Другое дело — соседи русские: для них обычное право не писано. Он раньше ясачного придет в его ухажье, и придет тогда, когда ясачный не бьет белку, как не выходную; а ему все равно: лишь бы что-нибудь сорвать в чужом месте. Неудовольствие сильное.

Рыболовство еще ранее охоты перестало давать не только доход — дохода оно никогда не давало ясачному, — а перестало давать подспорье его скудному столу. Коченга, как и все притоки Илима, река рыбная, но мелкая, дающая возможность в любом месте перегородить ее так называемыми «заезам». «Заезы» ставятся тогда, когда рыба начинает метать икру и идет большими стаями; здесь ее и стерегут хищники, истребляя совершенно. Год от году рыбы ста-

новится меньше и меньше. Редким гостем она появляется за столом ясачного. Курьезно то, что все сознают недопустимость такого способа ловли, и все же, как настанет время, от мала до велика бегут истреблять рыбу: «Дык, я штож, один та. Я не пайду, а он все равно пайдет. Яму пофартит, а я чо? У Бога теленка што-ли съел?». Так отвечают на упреки закоренелые хищники.

Таким же небольшим хозяйственным подспорьем служит и охота на птиц, подспорьем, не имеющим рыночной ценности. Бьют ясачные тетеревей, глухарей, куропаток, рябчиков, гусей, уток и т.п. Бьют с большим выбором: уток, например, только крупных пород; заряд терять не стоит — себе дороже. Лебедей, появляющихся на Коченге во время весенних и осенних пролетов, не бьют. Мотивов не объяснили, говорили уклончиво: «Пашто яво бить; птица ладная; вреда от ие никакой нет: пушшай живет». Между прочим, охотно идут бить медведя, без всякой опаски перед «хозяином тайги». По-видимому, у ясачных не осталось ни малейшего страха перед этим культовым зверем их предков; столетие оторванности от них, постоянное общение с русскими вытравило, должно быть, следы национальных верований. Даже старики и старухи говорили о медведе как о звере умном, хитром, сильным, но ничуть никак как о звере божественного порядка. Небольшим подспорьем в несложном хозяйстве ясачного служит сбор кедрового ореха и ягод. Но кедровый промысел тоже год от году падает: неурожай ореха, порча кедровников шелкопрядом, и, наконец, самый злейший враг — палы, уничтожающие тысячи, десятки тысяч десятин кедровника. Что же касается ягод, то они хотя и имеются в достаточном количестве, все же их добывают лишь для домашнего обихода и рыночного значения они не имеют. Огромные лесные богатства лежат мертвым капиталом. Ясачная, отрезанная от больших центров дальностью расстояния, отсутствием путей сообщения (только зимняя дорога возможна на санях, летняя — лодка берестянка и вьюк) не может утилизировать этих богатств. Лес идет только на дрова, да на свои хозяйственные постройки. Ближайший, сравнительно с Ясачной, крупный центр Илимск, и этот отстоит от нее на 180 км.

Таблица 6. Состав населения

Детей до 12 лет		Подростков 12–15 лет		Взрослых 16–60 лет		Стариков свыше 60 лет		Всего	
Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
24	23	5	4	26	24	2	2	57	63

Распределение по полам почти одинаковое: 57 мужчин, 63 женщин. Довольно значительный процент (42,7%) детей; малый про-

цент стариков свыше 60 лет (3,6%); значителен процент взрослых (45,45%).

По числу членов семьи ясачные распределяются так: нет ни одной семьи в 2 и 3 человека; семьи в 4 человека — 1, т.е. 6,25%, в 5 человек — четыре, т.е. 25%, в 6 человек — три, т.е. 18,75%, в 7 человек — 2, т.е. 12,4%, в 8 человек — две, т.е. 12,5%, в 9 и 10 человек — тоже по две, т.е. 12,5%.

Наиболее распространенными являются семьи выше среднего размера — 50%. Средняя семья д. Ясачной состоит из 6,87 чел.

Все эти данные определенно говорят за то, что будущее Ясачной не внушает никаких опасений. Почти 45% из них падает на детей до 12-летнего возраста, этой будущей смены. Если же к этому числу мы прибавим еще 8,18%, падающие на подростков от 12 до 15 лет, то получим очень значительный процент в 50,88% общего числа ясачных, при совершенно незначительном (3,6%) старого, свыше 60 лет, населения¹⁷⁷.

Физически ясачные довольно развиты, хотя измерений мне не довелось произвести. Не было произведено и медицинского обследования. Опросные сведения дали лишь материалы о детских заболеваниях — кашель (коклюш), дизентерия, «родимчики» и т.п. По наружному виду у одного подозрительного свойства прыщи на лице, которые он, по его словам, и «духавым та мылом умывал, все чтой та ни проходят».

Ясачная, заброшенная в глухие дебри, продолжает жить в значительной степени по старинке. Основной причиной этого является то, что с момента своего появления на свет, а оно, по самым скромным расчетам, за 200 с лишним лет, она не видела и не видит до сих пор даже начальной школы. Имея около 35% детей школьного возраста, лишена возможности обучить их хотя бы грамоте. Правда, ближайшая школа находится всего лишь в 17 км, в с. Коченге, но в школе нет общежития, а платить ясачный из своего более чем скромного бюджета за квартиру не сумеет при всем его желании. За время существования Ясачной единственный человек из нее обучился грамоте в ликпункте, один из семьи Березовских, да и тот ушел

¹⁷⁷ По С.К. Патканову, Коченгский улус имел 13 хозяйств с населением в 61 душу (30 м.). К стати — о достоверности наших географических карт. Патканов пишет: «Одна (карта) показывает местоположение улуса Коченгского по верхнему Илим, по правую его сторону и против деревни Коченги, в некотором расстоянии от берега Илима. Число тунгусов в нем определено в 60 человек. На 40 верстной карте ему, вероятно, соответствует деревня Тунгусская по левую сторону реки Илима, расположенная, однако, у впадения в него реки Коченги». На самом же деле, как говорилось выше, деревня Ясачная расположена на правом берегу реки Коченга, в 17 км от устья.

искать счастья на стороне. Мне пришлось встретиться с ним случайно. Я дождался в Суворках (деревня по Илимскому тракту) смены лошадей. В хату вошел парень лет 25, рослый, здоровый детина, с ярко выраженным туземным типом лица. В руках у него была тщательно обернутая в бумагу книга. Я заинтересовался, что он читает. Оказалось — букварь. Мы разговорились; парень оказался толковый, вдумчиво относящийся ко всему новому. Узнав, что я еду в Ясачную, оживился и охотно отвечал на все мои вопросы. На мой совет вернуться в деревню и работать там, к сожалению, ответил отказом, но не категорически: «Вот поучусь сам, а тогда, может, и приеду».

И снова Ясачная без грамотея. «Пред» умеет только написать свою фамилию, а читать не умеет. Присланное от властей распоряжение везется для прочтения в с. Коченгу, за 17 км; туда же путешествуют на случай какого-либо договора с росписью и т.п. Между тем страстное желание учиться не только у малышей, но и взрослых. Даже самый консервативный элемент деревни — девахи и женщины — и те не прочь (правда, не все — единицы) засесть за букварь и поучиться уму-разуму. Все несчастье Ясачных в том, что долгая зима, влекущая за собой почти полнейшую праздность, ничем не занята. Работы у мужчин нет, как отбелочат; а у женщин и подавно. Даже традиционное прядение невозможно за отсутствием материала; овец мало, лен не сеют, конопель хотя и родится, но плохо. И ходит молодежь из одного дома в другой, горляня бессмысленные частушки.

Темнота же, невежество, как свили исстари гнездо в этом медвежьем углу, так и остались до сих пор.

Старики по-прежнему верховодят всем. По-прежнему справляют все праздники: и «Ивана», и «Пятра», и «Кирика и Улиту», и «Прокопия». Ознаменовывают эти праздники беспробудным пьянством, матерщиной, буйством и потасовками. Пьют сами, поят жен, дочерей, сыновей даже малолетних. И все это по традиции; некуда время убить, нет, да и никогда не слышали, что есть какая-то иная жизнь, отличная от той, которой живут они сами, жили их отцы, прадеды и прапрадеды.

Чутьем они дошли все же, что есть эта какая-то иная жизнь; народилось что-то новое, доселе ими невиданное. «Бывалчи к христьянскому начальнику придешь, стаишь, стаишь, бис шапки — ножиньким мочиньки нету. А тутча онамедни приехал судья — дык ко всем: Товарищи, товарищи; ну, вот, как мы с тобой разговариваем, так и он с нами со всеми; и с имя гыварил — с бабыми! Вот пади ж ты, каки таки вримяна настали. Правильно говорят: наша власть, христьян и рабочих. Так оно значит и выходит».

И вот, когда осколки отрядов Сукина и Казагранди разбрелись по дебрям Илима, и когда один из этих отрядов пошел по р. Коченге, по направлению к д. Ясачной, так они, обрусевшие тунгусы, все как один взялись за оружие и дали такой отпор, что те повернули в сто-

рону. А тунгус Онуфрий Алексеевич Сизых ушел с партизанским отрядом и вернулся лишь тогда, когда отряд распустили по окончании дела по домам.

И наряду с этим заселение всей окружающей природы «лясными, суседками, маяками, ведьмами» и прочей нечистью. Вера в заговоры, заклинания, лечение у знахарок и знахарей. Впрочем, и деваться иначе некуда: ближайший фельдшерский пункт находится в с. Илимске, на расстоянии 180–200 км, а врачебный — еще дальше: в с. Нижнеилимске, 300 км. И все же, несмотря на все недостатки ясачных, несмотря на то, что они утратили свой язык; что от прежнего тунгуса остался только туземный облик; что даже в своем домашнем обиходе он ввел все русское; что из своего тунгусского обихода он сохранил лишь оленье нарты, на которых везет «припас», когда едет белочить, да игрушечную изящную по устройству и легкости лодку — берестянку — перед ясачными светлое будущее. Их трудолюбие, настойчивость в достижении цели говорит за то, что и при незначительной правительственной поддержке они сумеют восстановить свое хозяйство и интенсифицировать его. Выводы: необходимо деревню Ясачную целиком перевести на лучший участок, где бы тунгусы могли сделать земледелие своей основной формой хозяйства, а охоту — подсобной. При сравнительно небольших затратах в короткое время можно было бы достичь хороших результатов и этот участок мог бы стать прекрасным агитационным средством для туземцев.

Агитация не приказом, а показом. Для этого надо выбрать участок с большим количеством долей, чем нужно для д. Ясачной, чтобы потом можно было безболезненно вселять пожелавших перейти к оседлости туземцев. Само собой разумеется, участок должен быть полностью заселен лишь туземцами, ни в коем случае не должно быть ни одного русского. Национальный подбор должен быть проведен в полной мере.

Беглый просмотр данных о д. Ясачной говорит за то, что переход тунгусов к оседлому образу жизни возможен и без промежуточной — скотоводческой — формы хозяйства; что земледелие свободно может стать основной формой этого хозяйства, а исконный род занятий — охота — подсобным промыслом, как и рыболовство. Наблюдающаяся в данный момент тяга тунгусов к просвещению — залог того, что культурные навыки и привьются и будут развиваться этими пионерами. В то же время необходимо помнить, что безболезненно этот переход может произойти лишь тогда, когда при проведении его в жизнь будут максимально учтены все сложнейшие условия этого перехода, начиная от бытовых, кончая рядом других: физико-географических, экономических и др.

Несоблюдение их может быть губительным для всего дела приобщения к культуре кочевников. Сугубая осторожность и сугубое внимание здесь нужны более, чем где-либо.

Рис. 1. Иннокентий Кокуев, мальчик карагас 17-ти лет, ученик третьего отделения. Схематическое изображение стоянки карагас (юрты, олени и люди).

П.Ф. Требуховский

ДЕТСКИЙ РИСУНОК ТУЗЕМНЫХ НАРОДОВ СИБИРИ*

*Посвящается дорогому учителю
Ивану Лавровичу Копылову*

I. Современное состояние вопроса о детских рисунках

Если в настоящий момент мы видим большой рост специальной литературы, посвященной рисунку русских детей, основанной на глубокой заинтересованности как представителей отдельных наук, так и школы в целом, то этого мы не наблюдаем еще по отношению к рисунку детей туземных народов Сибири.

До настоящего времени графическое искусство детей этих народностей не привлекло еще к себе необходимого внимания. Нет еще достаточного интереса и как бы не осознана вся ценность его. Поэтому и в литературе вопрос этот почти не затронут, имеются только незначительные замечания и попутные указания. Нет и специальных исследований, посвященных анализу рисунка детей туземцев Сибири, подобных работам академика В.М. Бехтерева, Ф.И. Шмидта, А.В. Бакушинского, М. Рыбникова, А. Лепилова, А.Е. Флериной, П. Гриневича и др. (1), посвященных исследованию рисунка русских детей. В области изучения рисунка туземных детей еще только намечаются пути и делаются первые попытки; одной из последних является, между прочим, небольшая статья П.П. Хороших, напечатанная в «Сибирской живой старине» (2).

Также не установилось еще правильное, систематическое соби- рание их. Только немногие, отдельные научные работники обращают свое внимание на рисунки туземцев Сибири и приступают к их соби- ранию.

В своем исследовании мы пользовались материалом, собранным действительными членами ВСОРГО П.П. Хороших, Б.Э. Петри и

* Сибирская Живая Старина. 1926. Вып. II. С. 113–164. 87 рисунков в тексте.

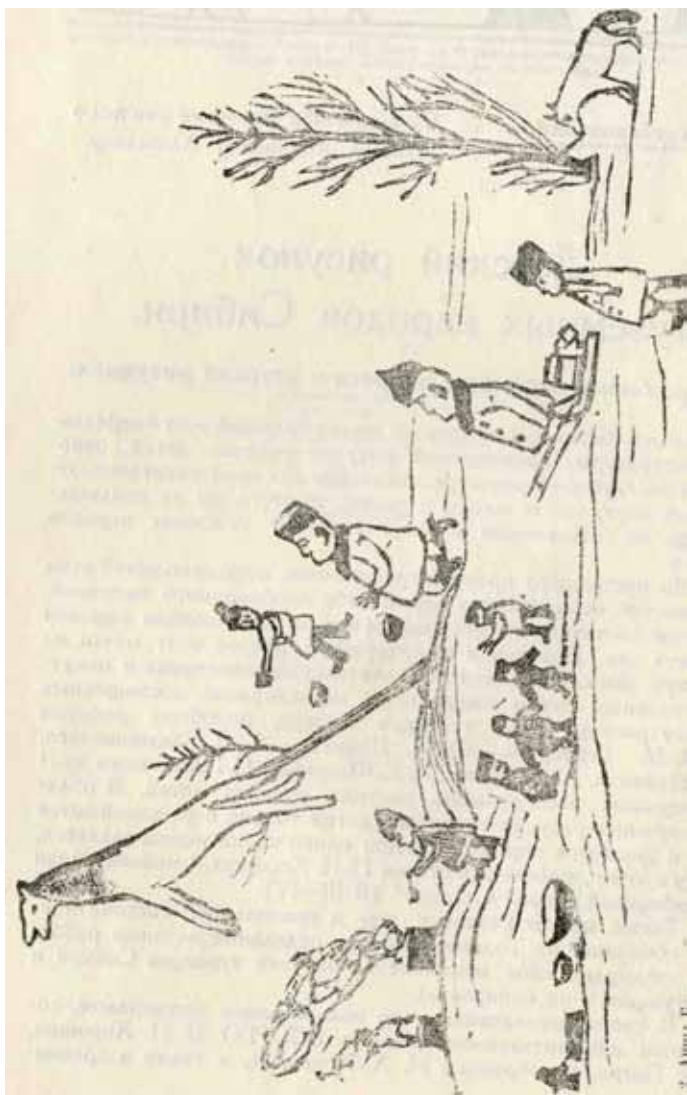

Рис. 2. Анна Боркина, бурятская девочка 14 лет из улуса Тогоот. Изображено общественное жертвоприношение (тайлага). На дереве повешена шкура животного, принесенного в жертву (зухалэ). Около дерева с чашкой в руках стоит старик, совершающий молитву к духу. На коленях стоят буряты, участники тайлага. Слева находятся чаши, в которых варится жертвенное мясо и посуда для пищи. Тут же изображены играющие дети. В середине, около саней, стоит гость (мальчик). У дерева привязана лошадь (морин).

Рис. 3. Николай Баканаев, карагасский мальчик 15 лет, ученик третьего отделения. Схематическое изображение шамана во время камлания, исполненное цветными карандашами: красным, синим, желтым, зеленым, черным и фиолетовыми чернилами.

собранием И.Л. Копылова, а также в сравнительных целях и коллекцией рисунков городских русских детей в возрасте от 2,5 до 16 лет и графически неграмотных взрослых, собранных нами в количестве до 20 тысяч рисунков и хранящихся в кабинете графических искусств Иркутского университета.

Результаты произведенного нами исследования дают возможность произвести параллели между рисунками детей-туземцев и рисунками детей-русских и сделать некоторые выводы.

Целью настоящего изложения ставится: а) указать на ценность детского рисунка туземных народов Сибири; б) обратить внимание на методы его исследования и в) подтвердить действие общего закона эволюции рисунка как первобытного человека, так современного графически неграмотного взрослого и ребенка всех народов.

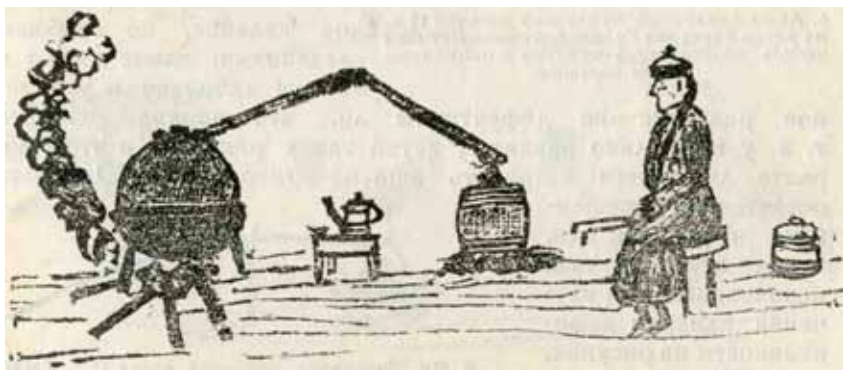

Рис. 4. Е. Елбаскин, бурятский мальчик 15 лет с острова Ольхона. Бурятка варит тарасун. Рисунок с натуры.

Рис. 5. Анна Апханова, бурятская девочка 10 лет из улуса Бартурки Кудинской степи. Схематическое изображение бурятки в национальном костюме.

материал, не годный к использованию. Например, рисунки 57 и 62, представляющие собой, как «схемо-каракули», для 17-ти летнего возраста чрезвычайное, исключительное явление, не снабжены сведениями: какое имеют их авторы здоровье и умственное развитие — не дефективны ли, что вполне возможно, т.к. у нормально развитых детей таких рисунков в этом возрасте лично нам встречать еще не приходилось. Факт этот остается не освещенным и рисунки эти, в

Все, исследованные нами коллекции рисунков туземных детей, собраны исключительно по анкетному методу. Большинство из них собрано при содействии туземных школ (рисунки детей школьников). Туземная школа, используя детский рисунок для своих общепедагогических целей, видимо, не установила еще определенных методов собирания и хранения его. Все школьные рисунки детей недостаточно документированы, сопровождаются только самыми ограниченными сведениями, как-то: имя, фамилия и возраст автора, название школы — и только. Но и эти сведения имеются далеко не на всех рисунках. Таких же важных сведений, как причины и условия воспроизведения рисунка, общее развитие, условия домашней жизни, здоровье и интересы ребенка — нет.

Подобная ограниченность сведений, сопровождающих рисунок, затрудняет исследование и значительно понижает ценность его, а иногда и совершенно уничтожает. Многие рисунки, лишенные каких бы то ни было сведений, представляют собой сорный

Рис. 6. Иван Масоркин, мальчик якут 12 лет. Таган с чайником на костре (схема).

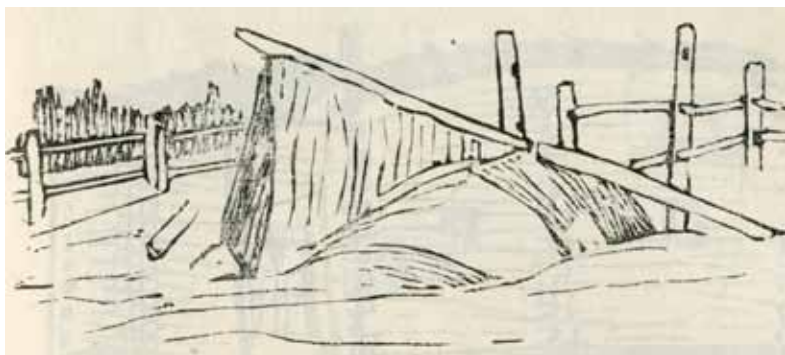

Рис. 7. Кузьма Семенов, якут, мальчик 14 лет. Подвал с земляной насыпью и прикрытием из дерева над дверью.

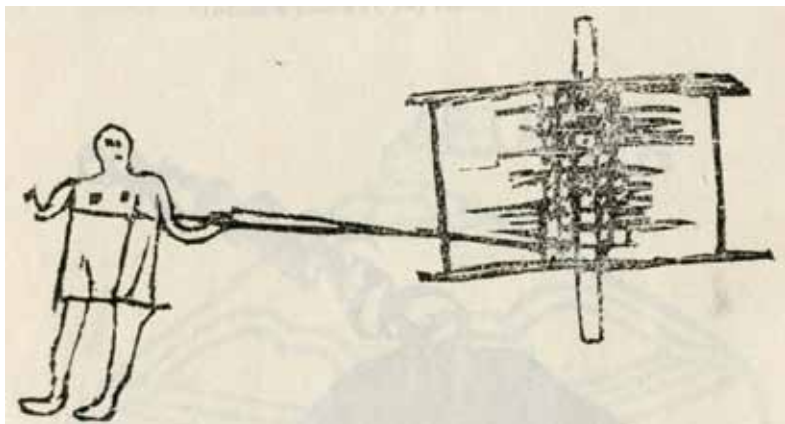

Рис. 8. Доржи, бурятский мальчик 10 лет из Тункинского аймака. Бурят мнет кожи в деревянной кожемялке с помощью ворота (схема).

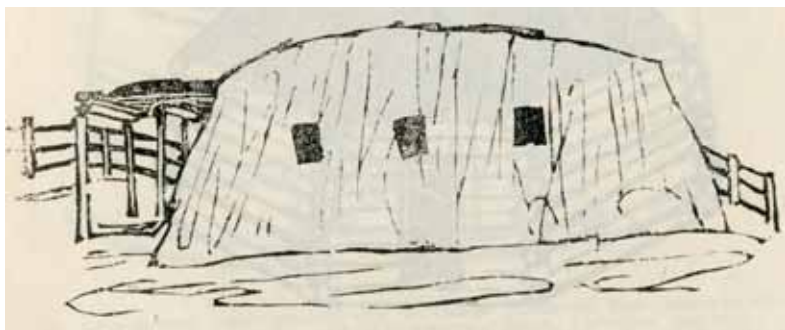

Рис. 9. Матвей Башиев, якут, мальчик 17 лет, из Баянтайского улуса. Изображено якутское зимнее жилище.

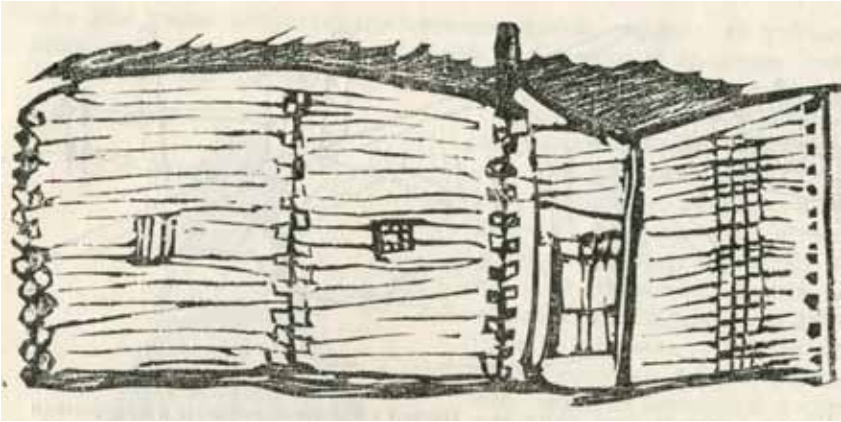

Рис. 10. Иван Егоров, якутский мальчик 17 лет. Схематическое изображение якутского строения, видимо, жилища (не указано, какого).

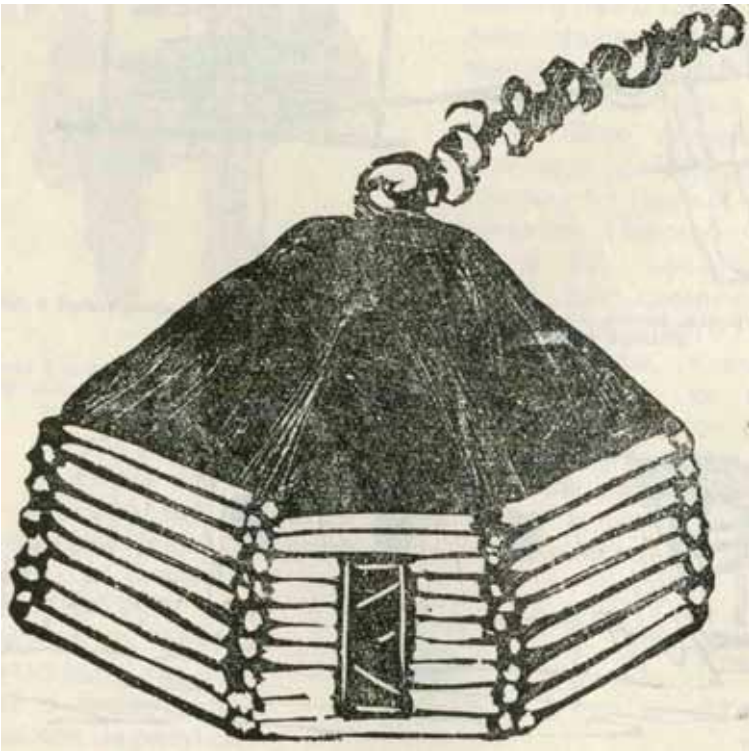

Рис. 11. Андрей Елбаскин, бурятский мальчик 15 лет с острова Ольхон. Изображена шестистенная бурятская юрта, покрытая землей.

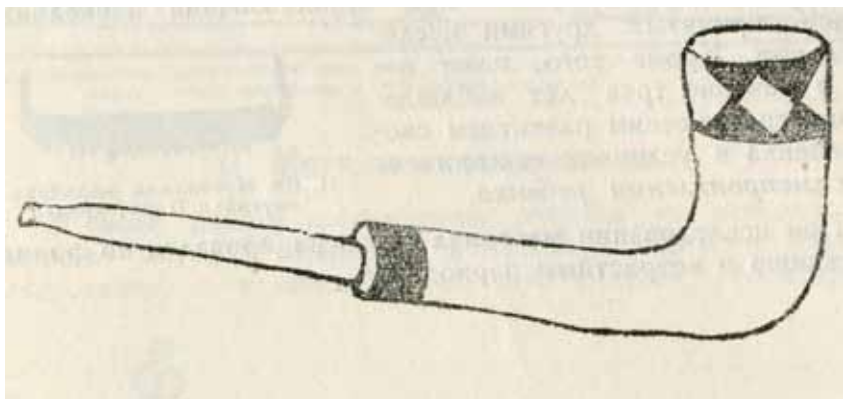

Рис. 12. Матвей Додоев, бурятский мальчик 10 лет с острова Ольхон. Изображена бурятская трубка с металлическими оправой и чубуком (с натуры).

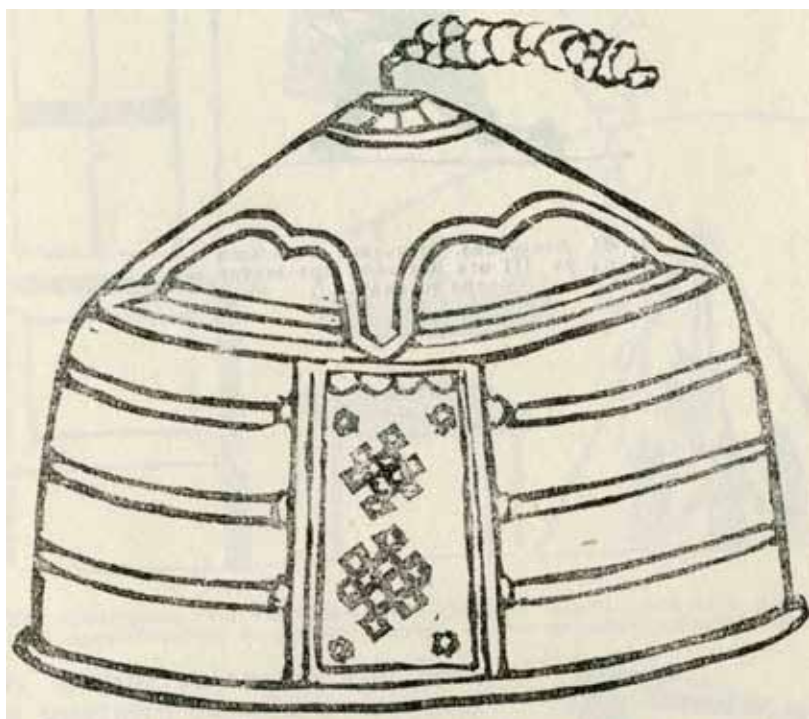

Рис. 13. Лапсондолмы, монгольская девочка 15 лет, из Северной Монголии. Изображена монгольская войлочная юрта с трубой от железной печки, в которую идет дым.

силу этого, нельзя использовать для изучения влияния дефективности на рисунок.

Сбор рисунков русских детей производился нами в дошкольных учреждениях (детдома и сады) и в школах 1-й и 2-й ступени при использовании нескольких методов, принятых другими исследователями. Кроме того, нами велось в течение трех лет наблюдение над графическим развитием своего ребенка в условиях естественного самопроявления ребенка.

При исследовании материал классифицировался по форме, содержанию и возрастным периодам (3).

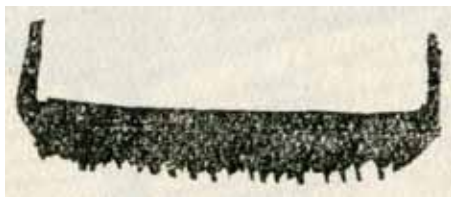

Рис. 14. Иван Мосоркин, мальчик якут 12 лет. Пила (схема).

Рис. 15. Н. Баканаев, мальчик карагас 15 лет, ученик третьего отделения. Охотник преследует зверя.

Рис. 16. Н. Киштеев, карагасский мальчик 15 лет, ученик второго отделения. Схематическое изображение карагасского каравана в передвижении на лошадях и оленях.

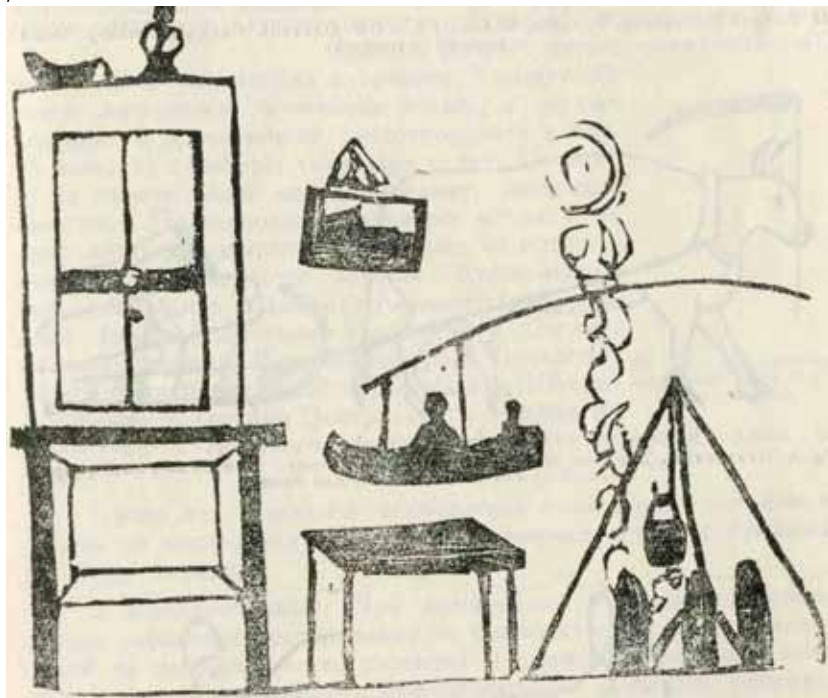

Рис. 17. Иннокентий Хонгоров, бурятский мальчик с острова Ольхон. Изображена внутренность бурятской юрты: шкаф, стол, люлька, картина, очаг с таганом и чайником (схема).

Рис. 18.
Иван Мосоркин,
мальчик якут 12
лет. Топор (деталь).

II. Методы исследования

В своей работе по изучению рисунка мы использовали несколько методов, принятых в настоящее время в научном исследовании, в зависимости от чего считаем необходимым дать краткое изложение этих методов: анкетного, биологического, сравнительно-этнологического, научного эксперимента, биографического и естественного наблюдения (4).

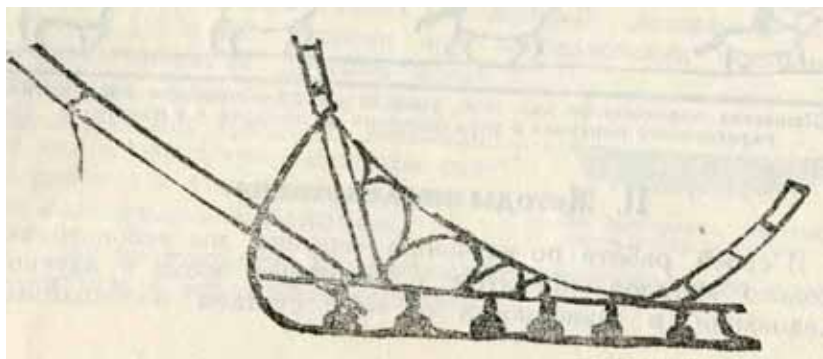

Рис. 19. Андрей Ханхисов, бурятский мальчик 13 лет с острова Ольхон. Схематическое изображение саней с пятами (с натуры).

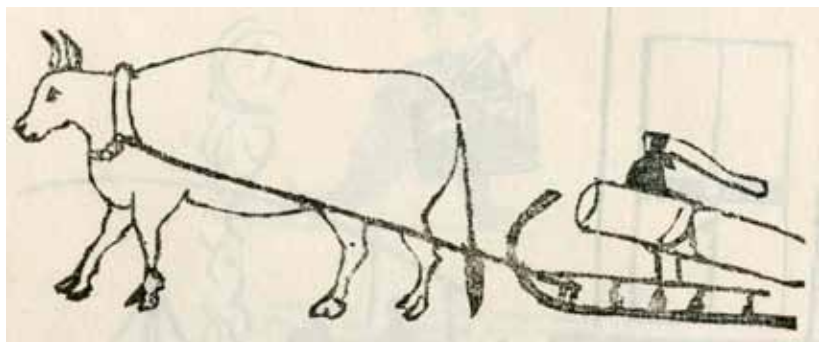

Рис. 20. А. Елбаскин, бурятский мальчик 15 лет с острова Ольхон. Изображен бык, запряженный ярмом в сани и везущий бревно.

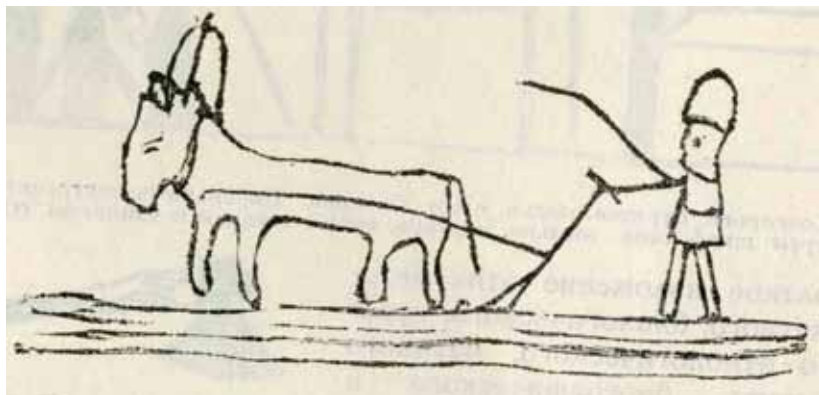

Рис. 21. Нюта Хунгеева, бурятская девочка 12 лет из улуса Бартурки Кудинской степи. Бурят пашет землю сохой (схема).

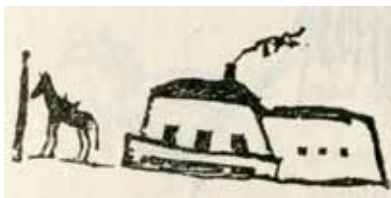

Рис. 22. Иван Мосоркин, мальчик якут 12 лет. Жилище якута, оседланная лошадь, привязанная у коновязи (схема).

Как пример, можно привести анкету, принятую в настоящее время Центральным Педологическим институтом. Ребенок должен написать на листе: название школы, в которой учится, класс, возраст, пол, занятия родителей, обучался ли рисованию. Затем просят нарисовать а) по желанию что-нибудь в течение 5 минут, б) самое интересное в течение 5 минут, в) иллюстрацию к прочитанному стихотворению в течение 15 минут, г) с натуры товарища в течение 15 минут, д) на память какой-нибудь предмет, растение, животное. При использовании этого метода собрано много коллекций, крупнейшие из которых находятся в Мюнхене (собрание Киршентейнера), Лейпциге (Лампрехт-Леванштейн), Дрездене (выставка «Детское искусство»), Берлине (Штерн-Липпман), Женеве (Клапед), Будапеште (Надь), Антверпене (Скойтен), Бреславе (Штерн). В России — коллекции Центрального Педологического института и Педологического музея Учительского дома в Москве.

Лично нам пришлось встретиться с анкетным методом в работе по исследованию рисунков туземных детей, собранных по этому методу.

2. *Биологический.* При применении этого метода обращается внимание прежде всего на биологический фактор, влияющий на закономерность развития и творчества ребенка — принимаются во внимание психо-физическое развитие ребенка, характеризующее несколькими периодами, отличными один от другого по графическому самопроявлению ребенка, период вне-изобразительный (двигательно-зрительный), период сознательного построения формы, период схемы, период иллюзорного зрительного построения. Здесь все фазы изобразительного творчества ребенка обусловлены первично-биологическим фактором. Этим методом пользовался в своих исследованиях А.В. Бакушинский и другие.

1. *Анкетный метод.* Сущность его состоит в том, что для соби- рания рисунков детей употребляют определенной формы анкету, состоя- щую из ряда вопросов, которые ставят детям перед рисованием или во время процесса рисо- вания, и сделать рисунок на опре- деленную или по желанию тему.

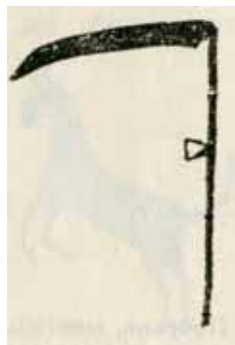

Рис. 23. Иван Мосоркин, мальчик якут 12 лет. Коса (деталь).

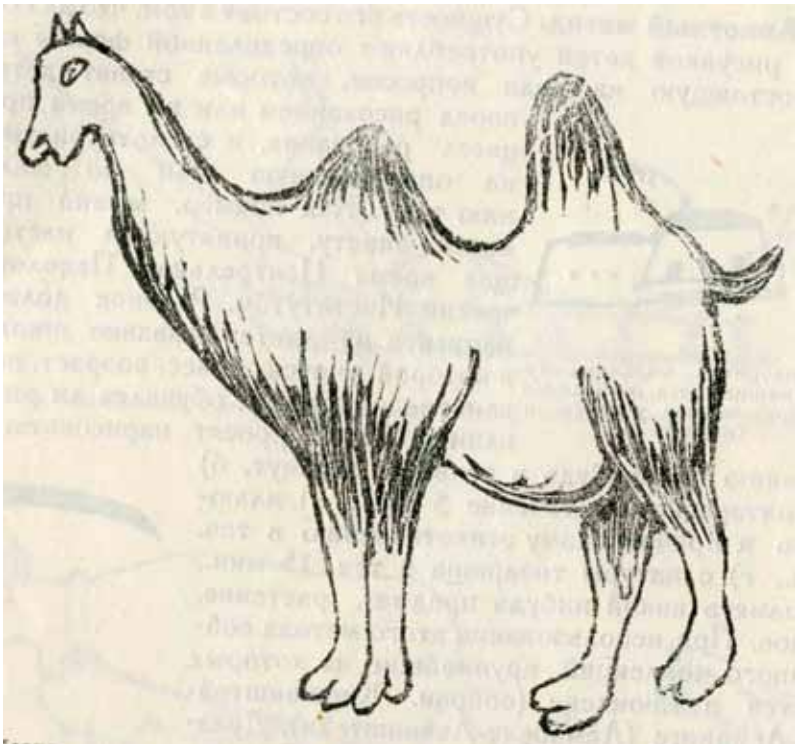

Рис. 24. Лобсана, монгольский мальчик 13 лет из Северной Монголии. Изображен двугорбый верблюд (схема).

Рис. 25. Мальчик сойот 10 лет (?) из Тунки. Изображен сарлык (бык длинношерстный).

Этот метод используется нами при индивидуальном наблюдении над ребенком дошкольного возраста и использован при исследовании рисунков туземных детей. Используя этот метод, мы имели в виду выяснить возрастные периоды для туземных детей и проследить отклонения от норм, установленных для детей города.

Рис. 26. Иван Мосоркин, мальчик якут 12 лет. Схематическое изображение якута, скачущего на лошади (деталь).

3. *Сравнительно-этнологический.* Сущность этого метода — сравнение детского рисунка с рисунком первобытного человека и современного малокультурного взрослого. С помощью этого метода установлено, что развитие изобразительного творчества, эволюция рисунка у всех людей всех времен и народов идет по одним и тем же строго определенным законам — проходит последовательно через одни и те же фазы развития.

Данный метод применяли в своих исследованиях: Левонштейн, Геллефер, Дермош, Шуберт, Ферворн, И.Л. Копылов и др.

Лично наши наблюдения, которые мы вели систематически в течение четырех лет над студентами педагогического факультета Иркутского государственного университета, в техникумах и школах взрослых, а также индивидуальное наблюдение на развитии ребенка дошкольного возраста, вполне подтверждают выводы указанных выше исследователей.

Занимаясь систематически над учащимися школ второй ступени, техникумов и вуза (1, 5, 7

Рис. 28. Иван Мосоркин, мальчик якут 12 лет. Схематическое изображение коров (деталь).

школ второй ступени, школа взрослых К. Маркса, Медтехникум, Педтехникум и педфак Иргосуна) с постановкой научного эксперимента для психоанализа, мы вполне убедились, что графическое развитие человека не зависит от общего развития и образования. Полученный нами большой фактический материал определенно свидетельствует о том, что недостаточно быть вообще грамотным и образованным, чтобы правильно видеть предметы, правильно думать о них и правильно изображать их графически; что для этого необходима особая грамота, особые трудовые навыки, без которых всякий взрослый человек, проявляя себя графически, становится в уровень с ребенком раннего возрастного периода.

Рис. 27. Иван Мосоркин, мальчик якут 12 лет. Прыжок собаки за уткой (деталь).

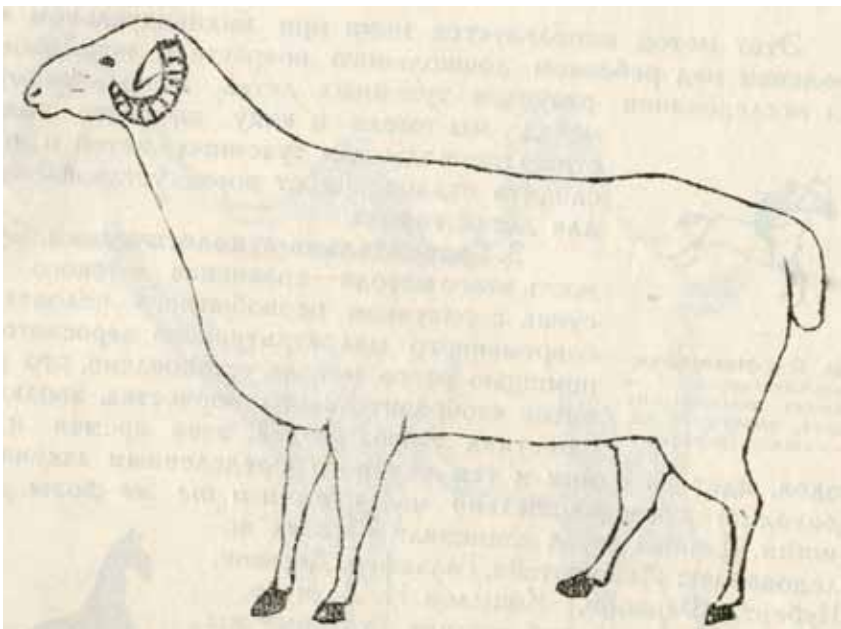

Рис. 29. Анастасия Степанова, бурятская девочка 14 лет из Кудинской степи. Изображена овца.

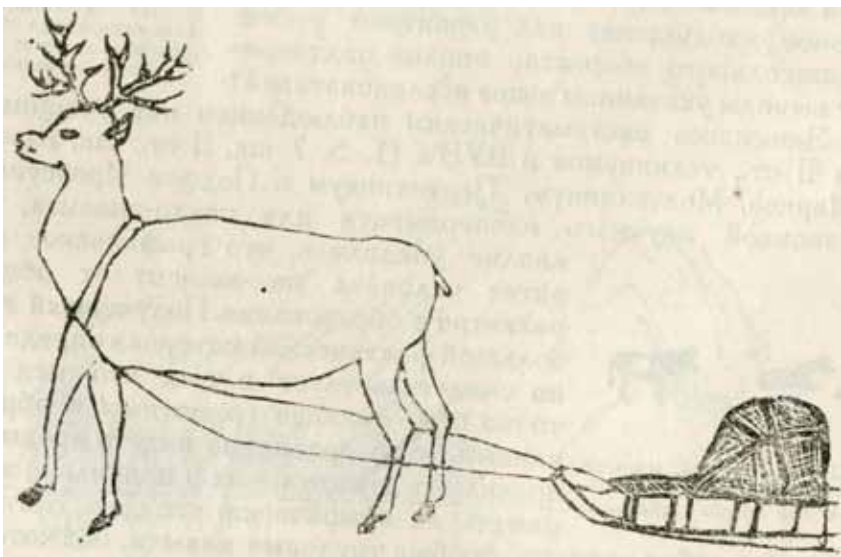

Рис. 30. И. Мамонтов, якутский мальчик 12 лет. Изображен олень, запряженный в нарты.

Объяснение этому мы усматриваем в положении: всякий труд требует упражнения. Рисование как определенный процесс труда,

Рис. 31. Иван Мосоркин, мальчик якут 12 лет. Табун лошадей (деталь).

воспитывающий психологию работающего, и вырабатывающий определенный комплекс практических навыков, необходимых и для других видов труда (координация движений), также нуждается в длительном и организованном упражнении — требует обучения.

Все обследованные нами студенты педфака, медтехникума и педтехникума, а равно и учителя школ первой и второй степеней, с которыми мы вели работу по ликвидации

их графической неграмотности, до 90% не могут правильно выражаться графически, будучи вообще образованными.

Помещая здесь часть этих рисунков (5) (рис. 52, 56) для сравнения с рисунками детей русских (рис. 47, 48, 49, 51, 55, 58), с одной стороны, и рисунками туземных детей (рис. 50, 53, 54, 57, 59, 61, 62) и туземцев взрослых (рис. 60, 63), с другой, считаем возможным высказать подтверждение следующему выводу: сходство изображения явлений окружающего мира у детей и графически неграмотных взрослых существует у всех народов и объясняется, главным образом, сходством процесса мышления (6).

4. *Метод научного эксперимента.* Этот метод применяется главным образом психологами (Лазурский, Альбин, Шульце и др.).

Рис. 33. Даши Будаев, сойотский мальчик 8 лет из улуса Хойтогол. Изображен кабан (схема).

Рис. 32. М. Мухаев, мальчик карагас 15 лет, ученик второго отделения. Схематическое изображение оленей (деталь).

Используются все виды рисования (свободное, по памяти, иллюстративное и с натуры), с целью определить психические способности ребенка. Весь процесс разбивается на три части: раздражение, реакция и выражение. Исследуются: восприятие, память, воображение, эстетическое чувство, интересы, координация движений.

В своей работе со студентами педфака мы используем этот метод при изучении процесса зрительных восприятий и графического выражения — определяем, какие психо-способности участвуют в

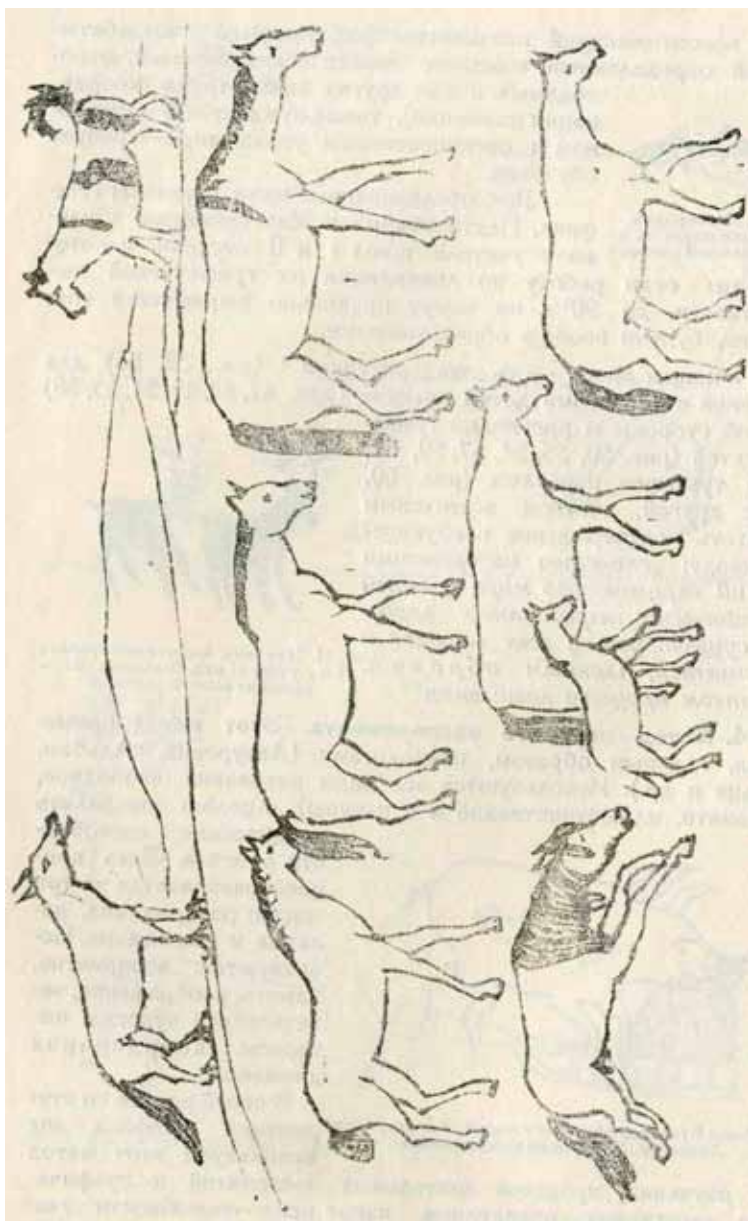

Рис. 34. Андрей Ханхисов, бурятский мальчик 13 лет с острова Ольхон. Изображен табун лошадей, охраняемый от волка собакой. Волк оскалил зубы на собаку; жеребец собирает табун в кучу, чтобы защищаться от волка (рисунок по представлению).

процессе зрительного восприятия и графического выражения и как влияют они на качество рисунка.

5. *Биографический метод.* Данный метод применяется в тех случаях, когда представляется возможным производить длительное наблюдение над ребенком индивидуально, начиная с самого раннего

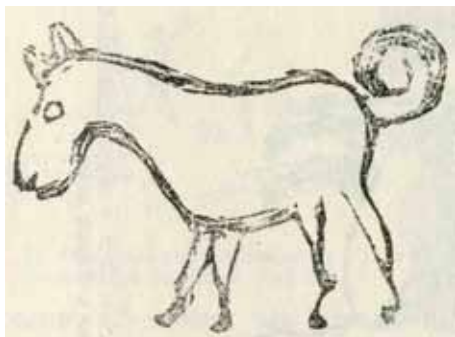

Рис. 35. Дамба Будаева, сойотская девочка 11 лет из улуса Хойтогол. Собака (схема).

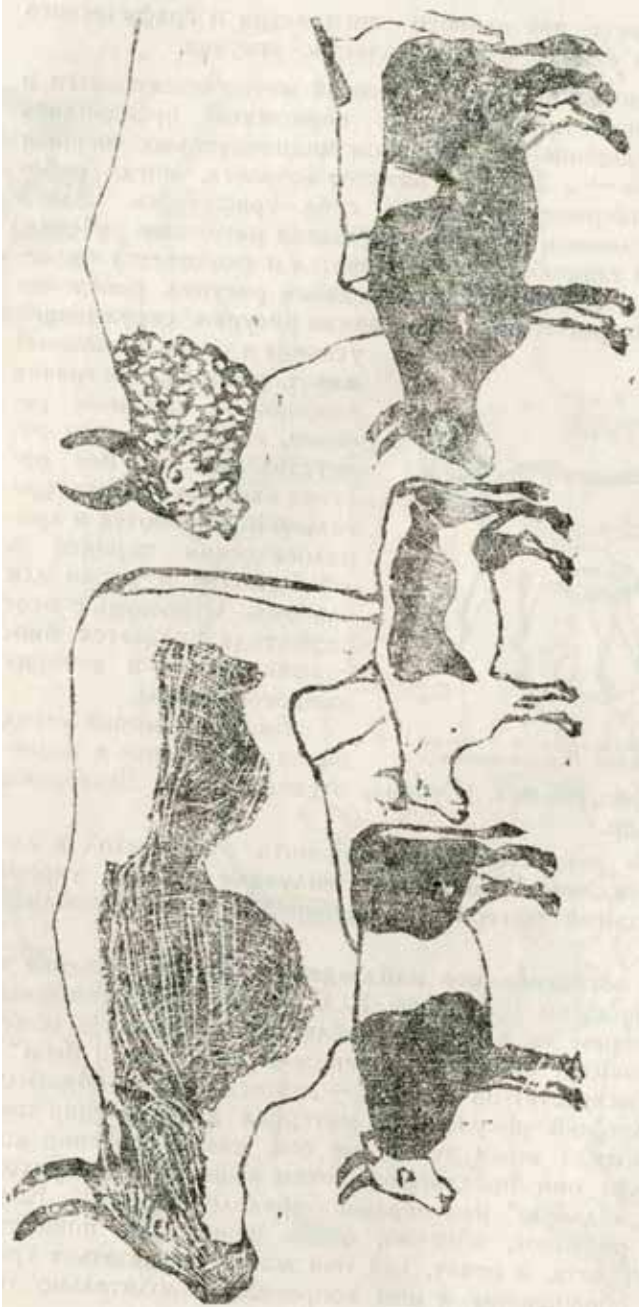
— 1,5–2-х летнего возраста, когда ребенок начинает впервые проявлять себя графически. Здесь имеется в виду, главным образом, свободное рисование ребенка. Каждый рисунок подробно регистрируется и снабжается сведениями: причины и условия воспроизведения рисунка, окружающие условия и среда, в которых живет ребенок, состояние здоровья и интересы ребенка, сведения о его родителях и т.д. Все рисунки каждого ребенка тщательно

подбираются в хронологическом порядке и обобщаются в папки или альбомы. С помощью этого метода создается биография автора и история каждого рисунка.

Биографический метод имеет применение в исследованиях Штерна, Дикса, Супина, Левоневского, Бехтерева, Болдыревой и др.

Лично мы рекомендовали применять этот метод в дошкольных учреждениях Иркутска и получили от этих учреждений значительный материал, собранный при использовании этого метода.

6. *Метод естественного наблюдения.* Особое значение и ценность мы придаем указаниям Г.С. Виноградова, который обращает внимание на важность наблюдения ребенка в естественных условиях. В Работе «Детский фольклор и быт» (глава «Зачатки искусств») он говорит: «Исследователи обратили внимание на детский рисунок, но материал для изучения они получают несколько иным путем, не тем, каким особенно дорожит этнограф: они предлагают детям выполнять рисунок ту или иную «вольную» или заранее определенную тему. Коллекции таких рисунков, конечно, очень ценны: они покажут, что дети могут дать в ответ, как они могут высказаться графически при обращенном к ним вопросе. Позволительно думать, что большой интерес представляют не только материалы, свидетельствующие о том, что могут дать дети в ответ на чужое обращение, но материалы, показывающие, что ребята дают в обычных условиях их жизни, под непосредственным воздействием обстановки, в которой

*Рис. 36. Андрей Ханхисов, бурятский мальчик 13 лет с острова Ольхон. Изображено с натуры стадо пе-
стрых коров.*

Рис. 37. Иван Мосоркин, мальчик якут 12 лет. Заготовка топлива (схема).

обработке накопленного материала и результаты этой работы предполагаем опубликовать в книге под заглавием: «Метод естественного наблюдения графического развития ребенка». За время наблюдения ребенок нарисовал самопроизвольно, без всякого воздействия на него со стороны взрослых, несколько сот рисунков, часть которых помещаем здесь как сравнительный материал (рис. 47, 49, 58).

Но наблюдение естественного проявления ребенка представляет большие трудности и возможно только при определенных условиях — необходимо, чтобы наблюдатель был незаметным для ребенка. Всякий человек, имеющий дело с детьми дошкольного возраста от двух до семи лет знает хорошо, как иногда бывает трудно заслужить доверие ребенка и заставить быть искренним и непринужденным. Обычно ребенок или чуждается незнакомого человека, или смотрит

протекают их дни, без подсказок в виде предлагаемой темы и т.д.» (Виноградов 5).

Такое указание больше всего родственно биографическому и биологическому методам и должно служить существенным дополнением к ним.

В своих наблюдениях, которые ведем индивидуально над графическим самопроявлением ребенка дошкольного возраста в течение трех лет, мы руководствовались тем же принципом, который применяет в своих этнологических исследованиях Г.С. Виноградов — имели в виду свободу самопроявления ребенка, всегда старались исключить влияние на ребенка фактора, который мог бы препятствовать нормальному графическому проявлению и нарушил бы естественный рост и художественное развитие его. В настоящее время мы приступили к

Рис. 38. Иван Мосоркин, мальчик якут 12 лет. Копна сена с лежащими на ней вилами и граблями (схема).

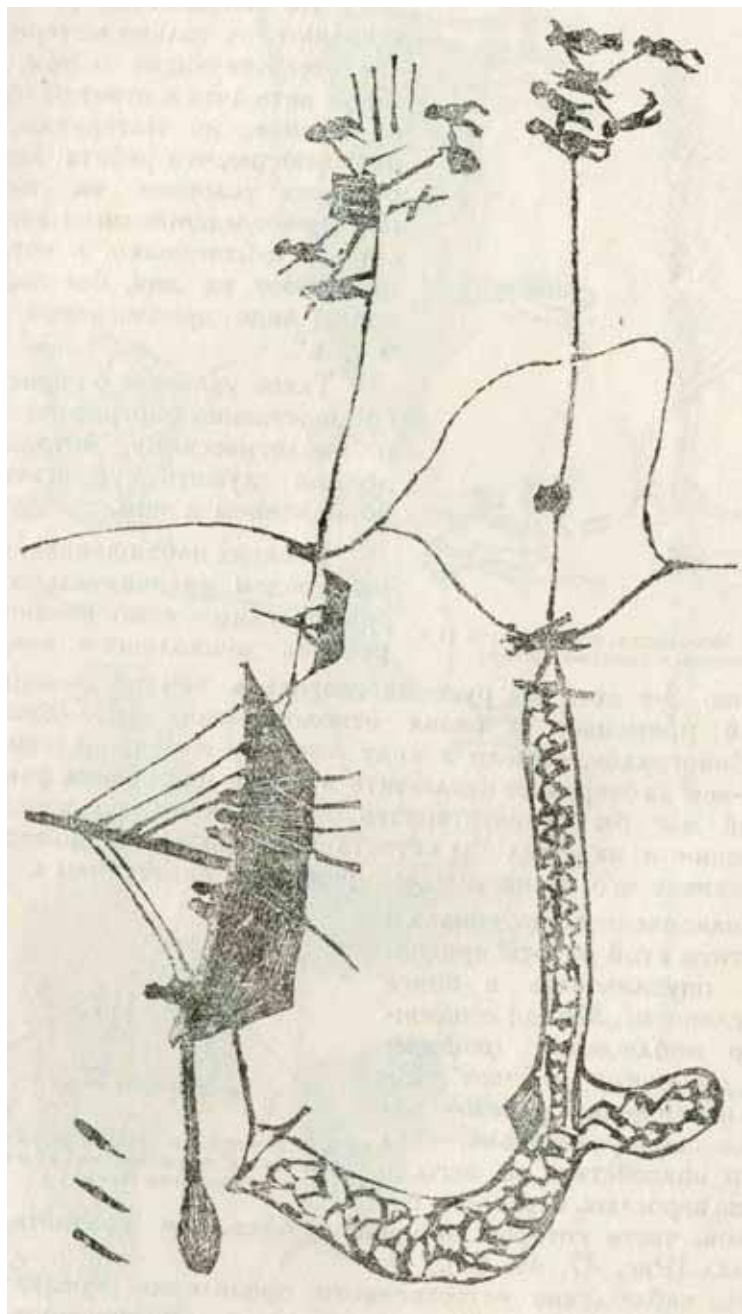

Рис. 39. Влад. Андреев, бурятский мальчик 8 лет с острова Ольхон. Изображена ловля омуля ольхонскими бурятами: невод вытаскивают из воды посредством ворота.

на него с большим любопытством, как смотрит на всякое, новое для него, явление. Многие дети, находясь в обществе посторонних людей, начинают показывать свою храбрость, удаль и т.п., т.е. ведут себя совсем иначе, чем в обычной повседневной жизни. Такое поведение ребенка является одной из отличительных черт детской психики и затрудняет, делает для постороннего человека почти невозможным на первое время наблюдение над ним. Только по истечении определенного периода времени, когда ребенок совершенно освоится с наблюдателем и будет испытывать к нему полное доверие, возможно начать правильно наблюдение, не нарушая естественного самопроявления ребенка.

Рис. 40. Яков Токуев, мальчик карагас 13 лет, ученик второго отделения. Схематическое изображение карагаса, собравшегося ехать на олене на охоту (деталь).

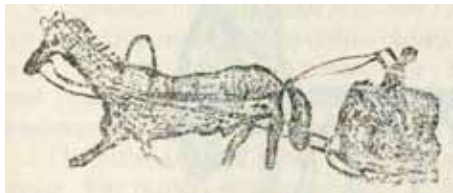

Рис. 41. Н. Баканаев, карагасский мальчик 15 лет. Везут воз сена (схема).

и врожденные предрасположения ребенка, ребенок же, конечно, больше доверяет ему, чем постороннему наблюдателю.

Пользуясь в своей работе вышеуказанными методами, мы не встретили между ними противоречий, но, наоборот, имеем основания думать, что каждый из них при определенных задачах и в определенных условиях имеет свои преимущества. Когда требуется длительное индивидуальное наблюдение над ребенком дошкольного периода, нельзя употреблять анкеты, а целесообразнее использовать биографический метод, причем по накоплении материала, т.е. рисунков, полезно подвергнуть этот материал дальнейшему, более глубоко-

Наблюдая за своим ребенком, мы были свободны от таких затруднений и вполне убедились, что наблюдатель-родитель или близкий родственник ребенка гораздо легче и более нормально сможет делать наблюдения, т.к. лучше, чем все остальные, знает свойства характера, интересы

Рис. 42. Иван Мосоркин, мальчик якут 12 лет. Якуты мечут сено в зарод (схема).

му исследованию с применением биологического метода, чтобы более четко охарактеризовать возрастные периоды художественного развития на основе общего психофизиологического роста ребенка. Анкетный метод необходим, когда нужно провести обследование одновременно и краткосрочно большой массы детей, когда не ставится целью проследить с помощью рисунка постепенность нарастания опыта и проявления способностей и предрасположений ребенка.

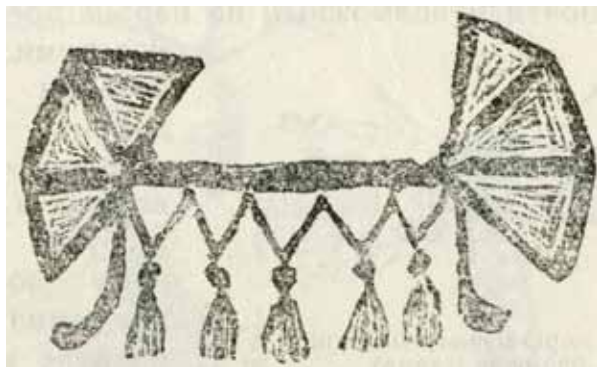

Рис. 43. Рисунок бурятской девочки Евдокии Хангаловой, ученицы второго отделения школы первой ступени. Рисунок от себя (орнамент).

Рис. 44. Исая Шарыпов, мальчик бурят 10 лет, Аларского хошуна. Везут на арбах снопы хлеба.

III. Эволюция рисунка

В настоящее время считается вполне установленным, что дети и графически неграмотные взрослые всех времен и народов *совершенно независимо от степени общего развития и культурного уровня, но в прямой зависимости от личного опыта каждого в проявлении графически* рисуют совершенно одинаково: переживают определенные периоды от идеопластического к физиопластическому.

Произведенное нами исследование рисунков якутских, монгольских, бурятских, карагасских и сойотских детей показало, что эти дети переживают все фазы графического развития и в такой же последовательности, какая установлена для детей более культурных, живущих в условиях города. Установлено несовпадение только в продолжительности этих фаз. У туземцев периоды, для большинства, протекают значительно продолжительнее.

Рис. 46. Иван Мосоркин, мальчик якут 12 лет. Схематическое изображение силков для ловли уток.

Рис. 45. Константин Андросов, якутский мальчик 14 лет. Схематическое изображение собаки.

Первый период — *каракулевый*, характеризуемый тремя стадиями: а) изучение свойств материала и увлечение процессом; в) приписывание содержания по сходству с имеющимся зрительным опытом и с) переход к целевой установке. В ранней стадии этого периода — от двух до четырех лет — ребенок рисует без заранее определенной цели, подчиняясь исключительно только внутреннему побуждению к познанию окружающей среды и условий, в которых он находится — рисует, изучая только свойства материала (распространение каран-

даша или краски по бумаге) и увлекается процессом труда, испытывая при этом чувство приятного, а о содержании совершенно не думает (см. рис. 47). Только к концу этой стадии, значительно позднее, ребенок начинает приписывать готовому уже рисунку содержание по сходству со зрительными впечатлениями. Часто случается так, что ребенок, начертив на бумаге какой-нибудь кружок, начинает называть его различными именами: мяч, часы, тарелка, голова и т.д. (см. рис. 48).

Следующая стадия характеризуется уже переходом к целевой установке: у ребенка возникает желание изобразить определенный предмет. Теперь ребенок от пассивного узнавания переходит к активному «хочу» — заранее решает, что нарисовать. Но рисунок и в этой стадии все еще остается малопонятным для взрослых, представляя собой как бы беспорядочное и случайное соединение штрихов и линий; для самого же автора имеет уже определенное содержание и глубокий смысл (см. рис. 49, 50).

Проследить все стадии этого периода у туземных детей нам не удалось, т.к. в исследованных нами коллекциях собраны по преимуществу рисунки детей школьного возраста — от 8 до 17 лет; каракулевый же период характеризуется для детей города возрастом от 2 до 6 лет. Но, в силу того, что туземный ребенок находится в совершенно других культурных условиях, чем ребенок города, у него идет значительно медленнее как общее развитие, так и развитие рисунка, нам удалось встретить среди рисунков 8-летних детей рисунки кара-

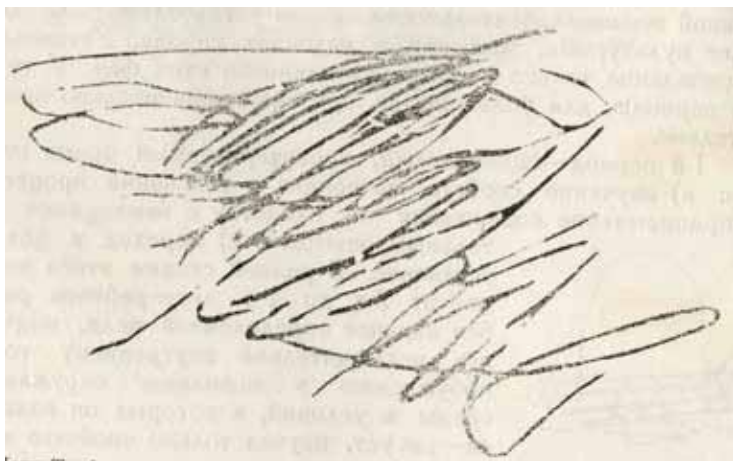

Рис. 47. Леня Требуховский, русский мальчик 4 лет 4 месяцев, в стадии «А» каракулевого периода. Рисунок, исполненный цветными карандашами и имеющий, как он объяснил, такое содержание: «Это просто так, потому что нравится... Я же хочу, папа, писать».

кулевого периода последних двух стадий: «В» и «С». Наличие этих двух стадий дает возможность предполагать, что у туземных детей, как и у всех других более младшего возраста, существует первая стадия «А».

Возрастное отклонение в каракулевом периоде замечено очень большое: некоторые рисунки русского мальчика относятся к рисункам туземных детей в стадии «В» как 1:2 (см. рис. 49, 50) и в стадии «С» как 1:3 (см. рис. 57, 58, 59).

Рисунки 49 и 50 представляют каракули, произведенные детьми в подражание письму взрослых. Рисунки 57, 58 и 59 изображают человека с половым органом. Здесь уже ясно определился переход от разрозненных каракулей к схематизации формы и выделению того, «что знает» автор и что более всего интересует автора в данный момент в изображаемом предмете (подчеркнут половой орган). Будучи совершенно бессильным изобразить сложную одежду человека, с помощью которой можно было бы обозначить пол, ребенок обнаруживает поразительную ясность мысли: самым простым, доступным для него приемом — черточкой у мужчины и точкой у женщины изображает естественный признак пола; но здесь автор еще не вполне освободился от каракулей (что особенно ясно видно на рис. 57) — довольствуется линией или мало связанными штрихами, чтоб принимать это за ногу или руку, а промежутки между отдельными штрихами и линиями мысленно заполняет содержанием (приписывает). Рисунки эти создаются без заботы о соразмерности и расчлененности предмета: голова, шея и туловище слиты в один общий овал; руки и ноги вырастают непосредственно из головы; нет носа, рта, ступней ног. Такие «схемо-каракули» некоторые исследователи относят ко второму периоду — к схеме, но мы рассматриваем их как последнюю стадию первого периода, т.к. процесс мышления и форма выражения в значительной степени остаются у ребенка еще прежними.

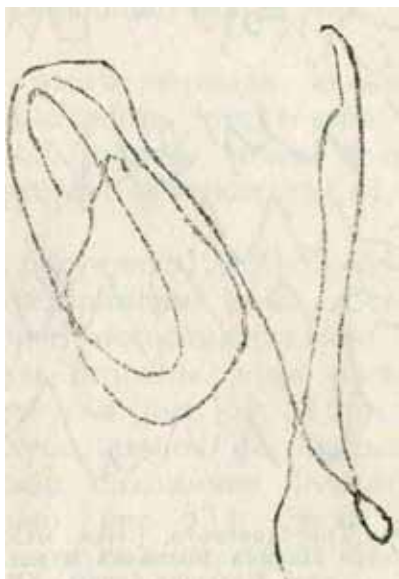

Рис. 48. Леня Требуховский, русский мальчик 4 лет 5 месяцев. Содержание: «Писал просто так, а вышла узда, нет... жук еще... и узда тоже». Стадия «В» каракулевого периода.

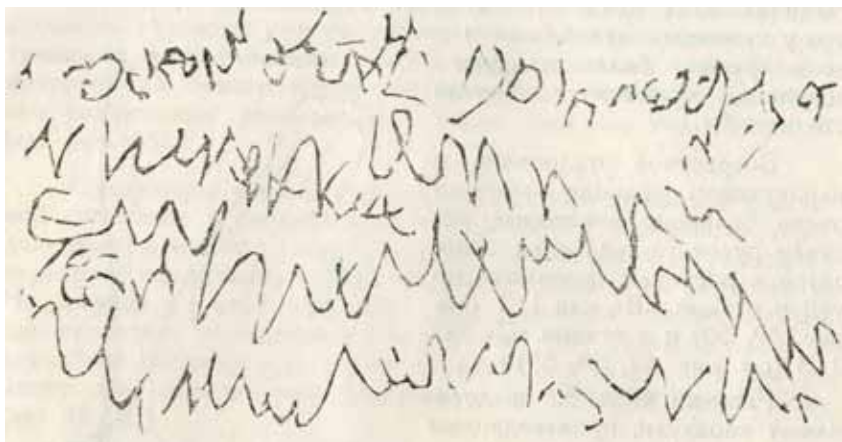

Рис. 49. Леня Требуховский, русский мальчик 4 лет 6 месяцев 13 дней. Содержание рисунка: «Сегодня закрывается Ленина выставка и все выставки. Букашки едят хлеб и бабочки едят хлеб. Большие буквы ХВЭ. Стадия «В» каракулевого периода.

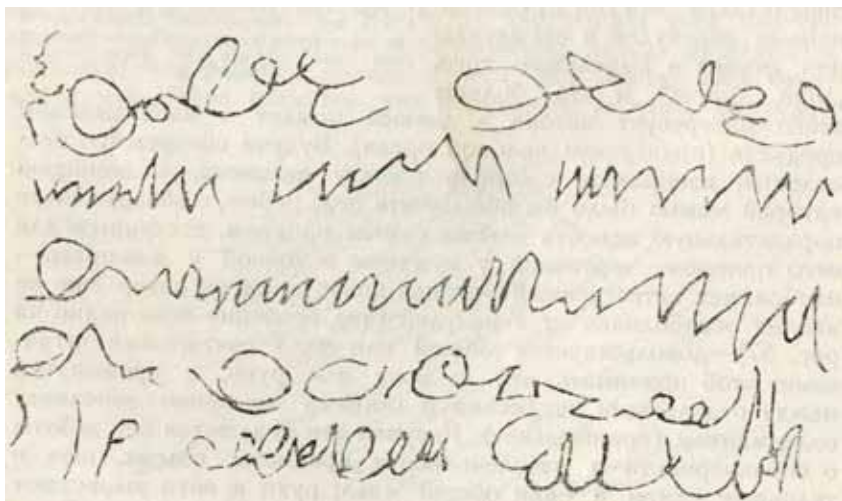

Рис. 50. Петр Христофоров, якут, мальчик 8 лет. Содержание не записано. Стадия «В» каракулевого периода.

Второй период — *период схематического изображения*. В этом периоде происходит полная установка цели и начинается изучение предметов. Изжив процесс изучения свойств материала и влечение процессом труда, ребенок начинает изучать предметы и изображать их со всеми подробностями и так, «как знает», а не так, «как видит». Характерными особенностями этого периода являются: идеопластичность изображения (прозрачность, отсутствие перспективы, изображение предмета со многих точек зрения), произвольная форма предметов, отсутствие соотношения отдельных частей предмета.

Для примера приводим здесь рисунки 51, 52, 53, 54, 55, представляющие идеопластические изображения дома. Все эти рисунки выражают многократный опыт несоответственно единичному зрительному восприятию: две стороны дома расположены на одной прямой и не образуют угла (рис. 51, 52), столбы у заборов, уходящих от зрителя вглубь, имеют не вертикальное, как мы видим, а горизонтальное положение (лежат), а доски, наоборот, стоят вертикально (рис. 53); стены дома прозрачны и сквозь них видно, что находится внутри (рис. 55–56). В таких рисунках сказывается влияние мускульно-двигательного чувства: рисующие вспомнили, как они обходили вокруг забора и изобразили его со многих точек зрения.

Этот период изживается детьми города в возрасте от 6 до 10 лет, а у туземцев для многих продолжается до 15–17 лет (см. рис. 16, 41, 45, 62, 65, 67, 68, 8 и др.).

Третий период — *период пластического изображения*. В этом периоде ребенок, имея уже значительный возраст — для детей города от 10 до 14 лет, — некоторый опыт и навыки к исследованию среды и условий, в которых он живет, устанавливает ко всему критическое отношение, в т.ч. и к самому себе, ко всем своим проявлениям. Поэтому критически относится и к своему рисунку, не довольствуясь уже только тем, «что нарисовано», но и «как нарисовано» — начинает сознательно-произвольно изображать «как видит».

В этом периоде дети изображают все преимущественно в соответствии зрительным восприятием. Плоскостность и схематичность заменяются трехмерным изображением предметов в пространственном размещении с явлениями перспективного сокращения. Рисунок приобретает уже целостность и законченность.

Но, стараясь изобразить все так, как видит, ребенок часто не может и остается недовольным своей работой (особенно к концу периода). Если не помочь в это время ему обучением правилам рисования, то он, под влиянием этого недовольства, забросит совершенно рисование, утратит существующие уже навыки в этом и превратится в графически безграмотного взрослого, изображающего все так, как знает, а не так, как видит, т.к. знание будет загораживать зрительные образы представлениями и идеями. Отсюда и происходит

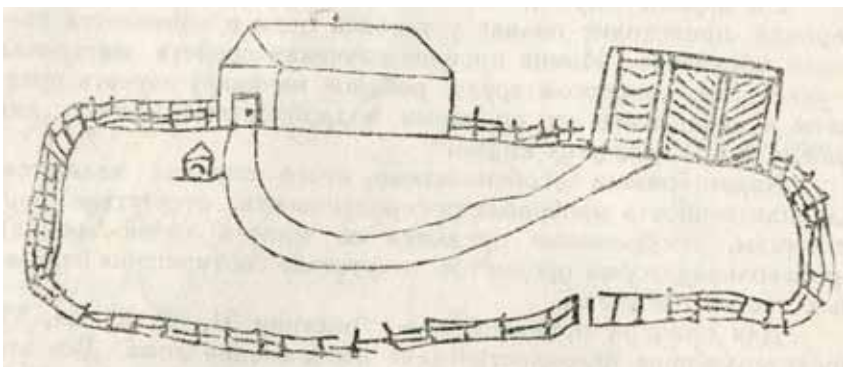

Рис. 51. Витя Грязнов, русский мальчик 9 лет, ученик первой группы школы первой ступени. Идеопластическое изображение усадьбы.

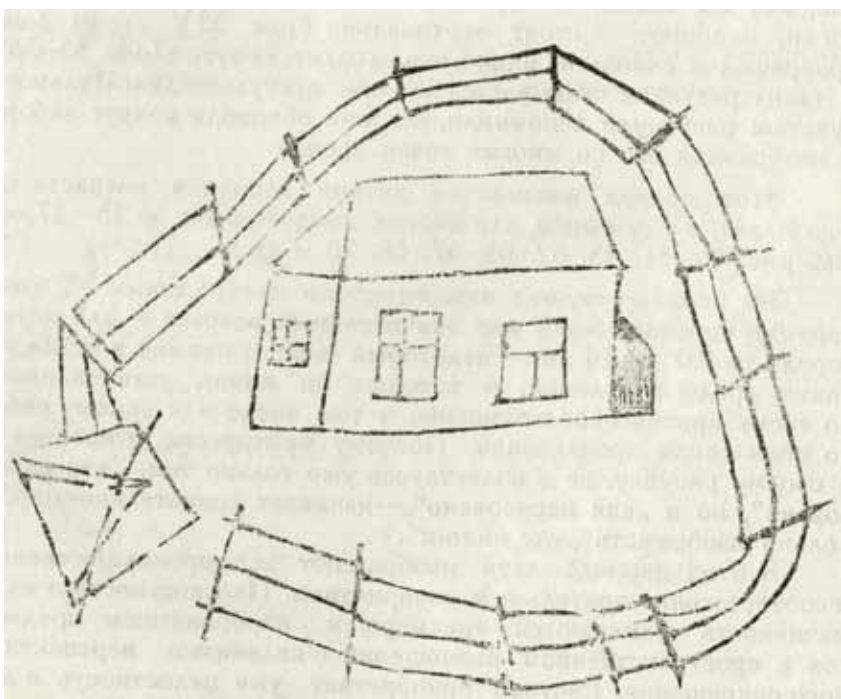

Рис. 52. Студентка Иркутского опытного педтехникума М.Г. Иерская. 20 лет. Идеопластическое изображение усадьбы (дома, обнесенного с четырех сторон забором).

сходство рисунков графически неграмотных взрослых с рисунками детей второго возрастного периода — *идеопластичность* и *схематичность*.

Исследованные нами рисунки детей-туземцев в количественном отношении являются недостаточным материалом, чтобы установить определенно продолжительность возрастных периодов, дают возможность только *наметить* их, т.е. указать на замеченные отклонения от периодов, установленных для городских детей.

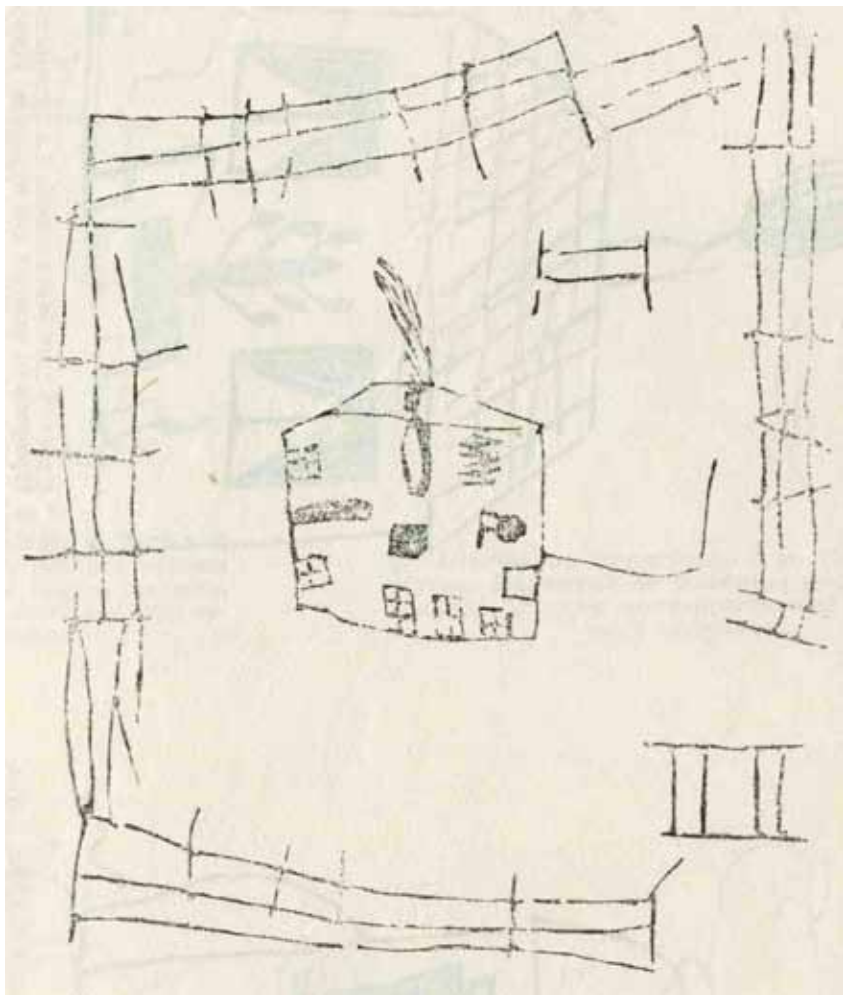

Рис. 53. Макар Кузьмин, якутский мальчик 8 лет. Идеопластическое изображение усадьбы.

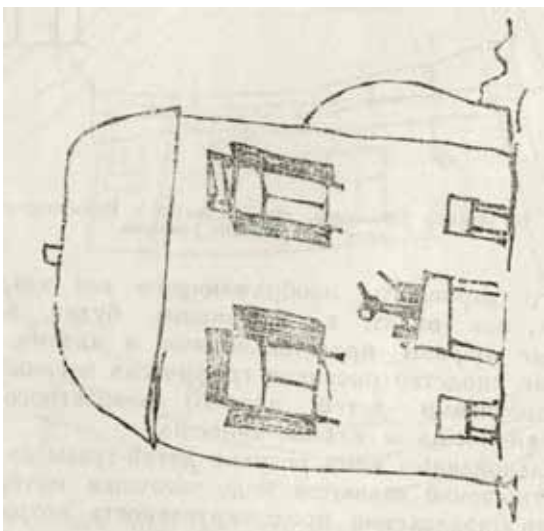

Рис. 54. Родион Абханов, бурятский мальчик 8 лет из улуса Бартурки Кудинской степи. Идеопластическое изображение дома с прозрачными стенами.

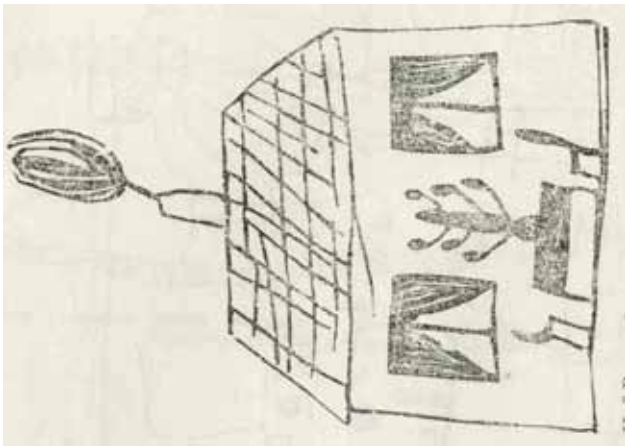

Рис. 55. Русская девочка Метляева, 9 лет, ученица 11-й Иркутской школы первой ступени. Идеопластическое изображение дома с прозрачными стенами, сквозь которые видно стоящую внутри мебель.

Рис. 56. Русская женщина И. Бак-ва 9 лет, слушательница школы взрослых им. К. Маркса. Схематическое изображение человека.

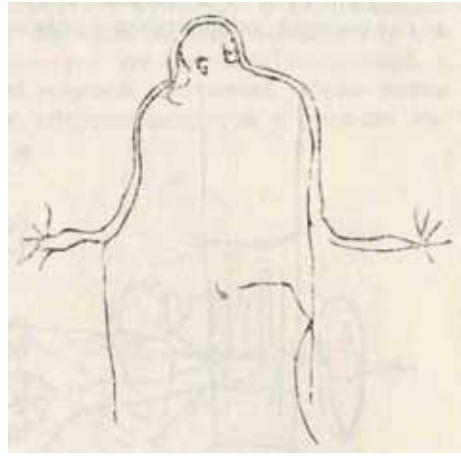

Рис. 57. Жанбалов, бурятский мальчик 17 лет из улуса Нуган. Каракулево изображение человека. Стадия «С» (как исключительный для данного возраста).

Рис. 58. Леня Требуховский, русский мальчик 5 лет 1 месяца 28 дней. Содержание рисунка: «Леня сам купил ириску и идет с пипкой». Стадия «С» каракулевого периода.

Рис. 59. Константин Андросов, якутский мальчик 14 лет. Каракулево изображение человека. Стадия «С» (как исключительный для данного возраста).

Для многих туземных детей, видимо, периоды протекают в следующих возрастных пределах. 1-й — каракулевый — длится до 8—10 лет. 2-й период — период схемы — от 8—10 лет до 14—17 лет. 3-й — пластического изображения — лежит за пределами 14—15-летнего возраста.

Но у некоторых процесс развития рисунка идет скорее и почти совпадает с периодами городских детей: 1-ый — до 6—7 лет, 2-й — до 0—12 лет и 3-й начинается с 11—12 лет.

Замечено, что продолжительность возрастных периодов находится в прямой зависимости от культурного состояния народ-

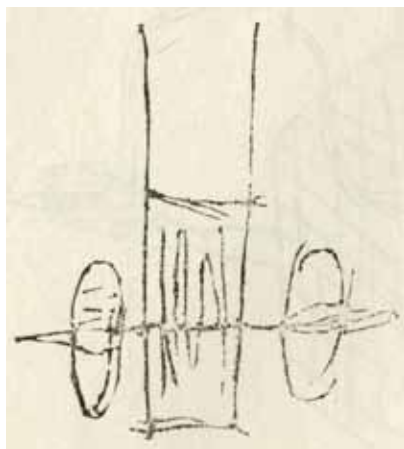

Рис. 60. Доржи Андронов, бурят 20 лет из улуса Тагартай. Идеопластическое изображение телеги о двух колесах.

Рис. 61. Граня Ботова, бурятская девочка 14 лет из улуса Хазаргай Кудинской степи. Идеопластическое изображение 4-х колесной телеги с запряженной в нее лошадию.

ности, рисунки карагасских детей захвачены схемой до 17-летнего возраста, в рисунках якутов схема распространяется до 15 лет, а у бурят еще ближе подходит к норме для городских детей. И вполне понятно. Бурятское население вкраплено в население русское, часто соприкасается с городом и сильнее

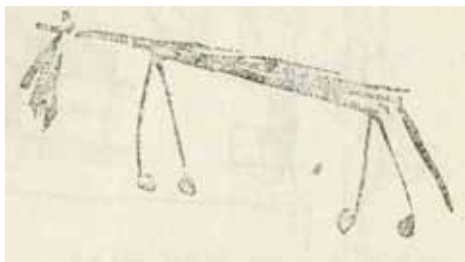

Рис. 62. Жанбалов, бурятский мальчик 17 лет из улуса Нуган. Изображение лошади — схема-каракули (как исключительный для данного возраста).

воспринимает культуру и цивилизацию их, чем якуты, живущие на далеком севере в наслегах, отстоящих на большом пространстве от русских поселений, а равно и карагасы, ведущие кочевой образ жизни в сибирской тайге, почти не соприкасающиеся с русским населением.

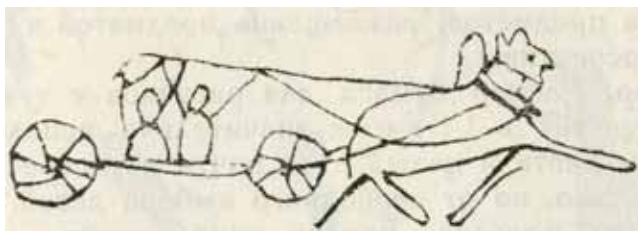

Рис. 63. Хусаев Замин Залибаров, бурят 70 лет. Буряты быстро едут на лошади, запряженной в 4-х колесную телегу.

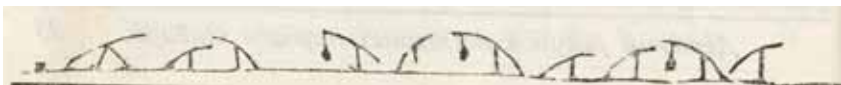

Рис. 64. Иван Мосоркин, мальчик якут 12 лет. Схематическое изображение силков для ловли зайцев.

IV. Форма и содержание рисунка

Форму рисунка туземных детей мы рассматривали по тем основным признакам, которые приняты и оставлены для классификации вообще всякого рисунка: размер, материал, манера, форма предметов, размещение предметов в пространстве, явления перспективы.

Размер. Размер бумаги для рисунков у туземных детей по преимуществу в $1/4$ листа, значительно используется и в $1/8$ листа, но $1/2$ листа и целый лист почти не встречаются. Зависит, это, видимо, не от свободного выбора детей, а от причин материального порядка. Бумага используется почти всегда целиком. Размер самого рисунка от нескольких миллиметров до размера бумаги, взятой для рисунка.

Рис. 65. Н. Киштеев, карагасский мальчик 15 лет, ученик второго отделения. Схематическое изображение игры карагасских детей с веревкой (деталь).

Материал. Материалом является исключительно обыкновенная писчая бумага и графитовый карандаш. Акварельные краски совершенно отсутствуют. Цветные карандаши, тушь и чернила составляют очень редкое исключение. Здесь также, очевидно, нет у детей свободного выбора материала.

Манера. Чувство цвета у туземных детей выражается очень сильно. Рисуют преимущественно яркими красками: желтой, синей и красной; дополнительные тона используются значительно слабее. Сила карандашного пятна различна — от слабой тушевки отдельными разрозненными штрихами до жирной заливки с использованием всей силы карандаша. Большинство рисунков контурные (линейные).

Форма предметов. Правильность формы предметов и трехмерность находятся в прямом отношении к возрастным периодам: в ранних стадиях — неясность, разрозненность и плоскостность; в позднейшие периоды — четкость, целостность, трехмерность и явление перспективы.

Пространственное размещение предметов. Здесь наблюдается та же закономерность — проходят последовательно фазы: а) разрозненное идеопластическое построение — предметы разбросаны по

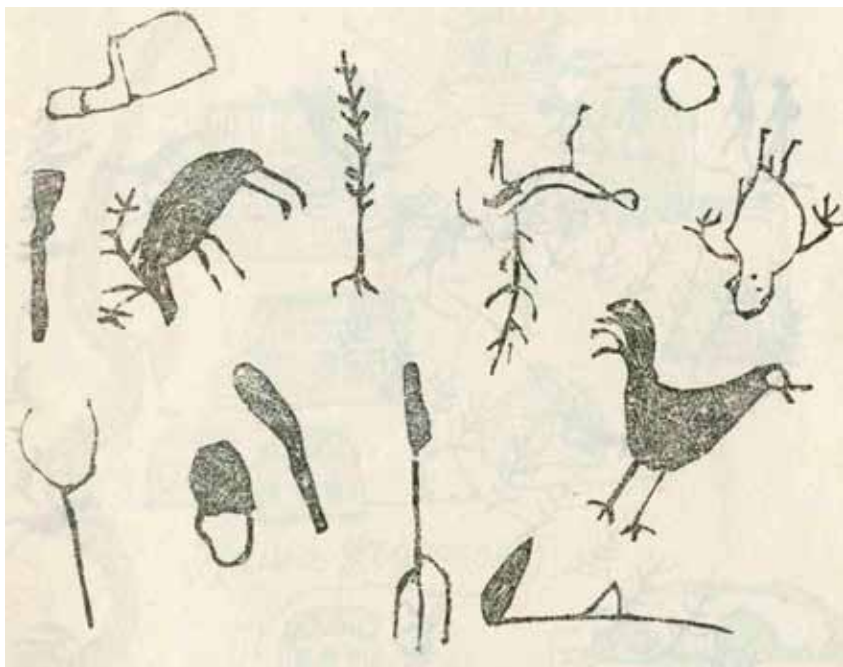

Рис. 66. Константин Андросов, якутский мальчик 14 лет. Разрозненное идеопластическое построение предметов в пространстве. Изображены: человек, домашние животные и предметы домашнего обихода.

бумаге без всякой связи в различных направлениях (см. рис. 66); б) фризное построение: размещение предметов в одну линию в горизонтальном построении в один или несколько планов; животные и люди по преимуществу в профиль (см. рис. 1, 16, 44, 64, 75, 81–83); в) геометральный план: желая изобразить пространство с размещенными в нем в определенном порядке предметами, ребенок изображает горизонтальную поверхность с верхней точки зрения, а все предметы, размещенные на этой поверхности, с боковой точки зрения (см. рис. 67–68); г) иллюзорное построение, т.е. перспективное, соответствующее зрительным восприятиям, свойственное последнему периоду (см. рис. 2, 4, 7, 9, 34, 35, 36, 87). Фризы геометральный план наблюдаются о преимуществу в периоде схемы, а разрозненное построение относится к более ранним стадиям развития – к каракулям, но, как исключение, встречается и в схеме.

Ритм. Ритмичность в туземном рисунке тоже ярко определяется с ранних стадий в позднейшие периоды переходит в форму орнамента. Начало ритма можно усматривать в первоначальных каракулях,

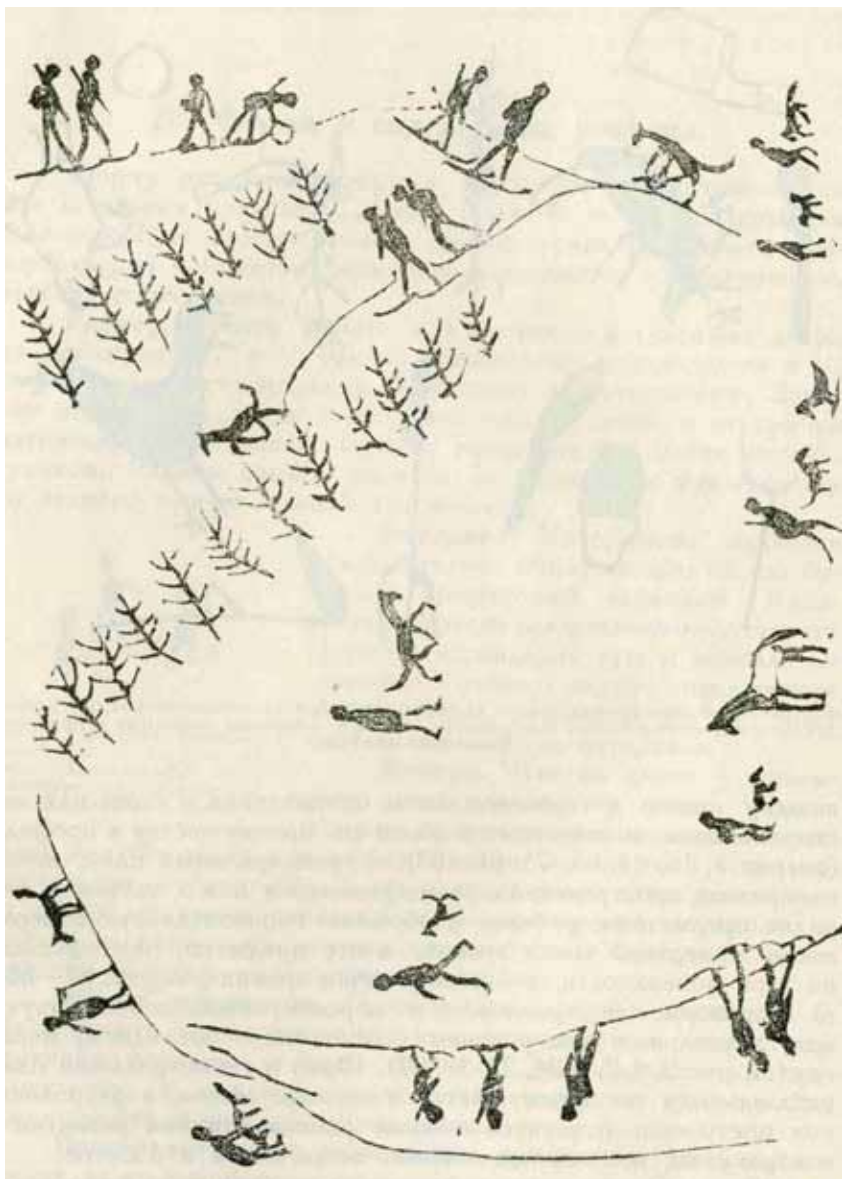

Рис. 67. Якутского мальчика 9 лет, фамилии не указано. Изображена в геометральном плане охота якутов на лыжах...

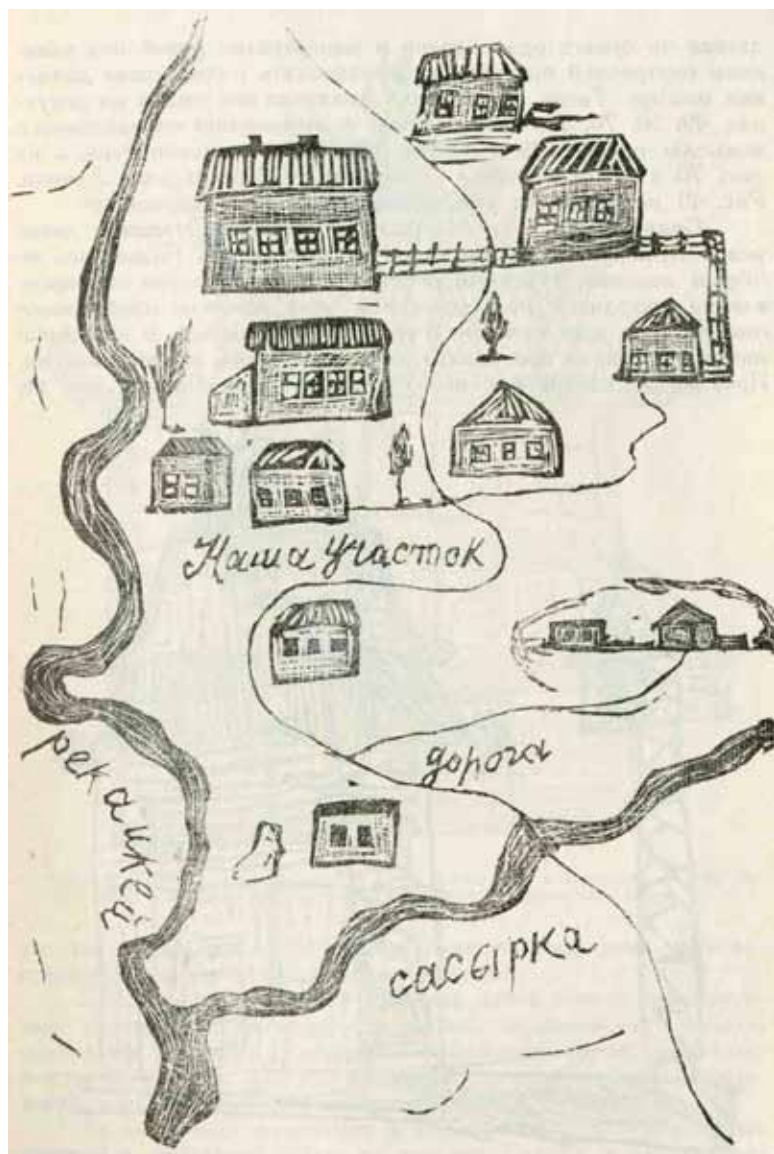

Рис. 68. Иннокентий Кокуев, мальчик карагас 17-ти лет, ученик третьего отделения. Изображен карагасский участок с домами, в которых размещены: школа, кооператив, общежитие учеников и другие учреждения. Рисунок представляет размещение предметов в геометрическом плане.

Рис. 69. Н. Мухаев, карагаский мальчик 15 лет, ученик второго отделения. Дацан окинских бурят изображен синими чернилами (схема).

которые ребенок вначале производит, двигая по бумаге однообразно и многократно рукой под влиянием внутренней потребности производить ритмические движения вообще. Такие ритмические движения мы видим на рисунках 49, 50, 70, 73, направленные к выражению определенного замысла, на рис. 49 и 50 употреблены в значении букв, а на рис. 70 и 73 — в значении украшения трибуны и дома Ленина. Рис. 43 представляет уже вполне законченный орнамент.

Содержание. По содержанию рисунки туземных детей резко отличаются от рисунков русских детей. Развиваясь по общим законам, туземный ребенок в графическом самопроявлении находится под действием этих законов: изображает только то, что связано с его личным опытом и переживаниями, что ярко воспринято им и отразилось в его сознании. Ярче же и конкретнее всего ребенок воспринимает

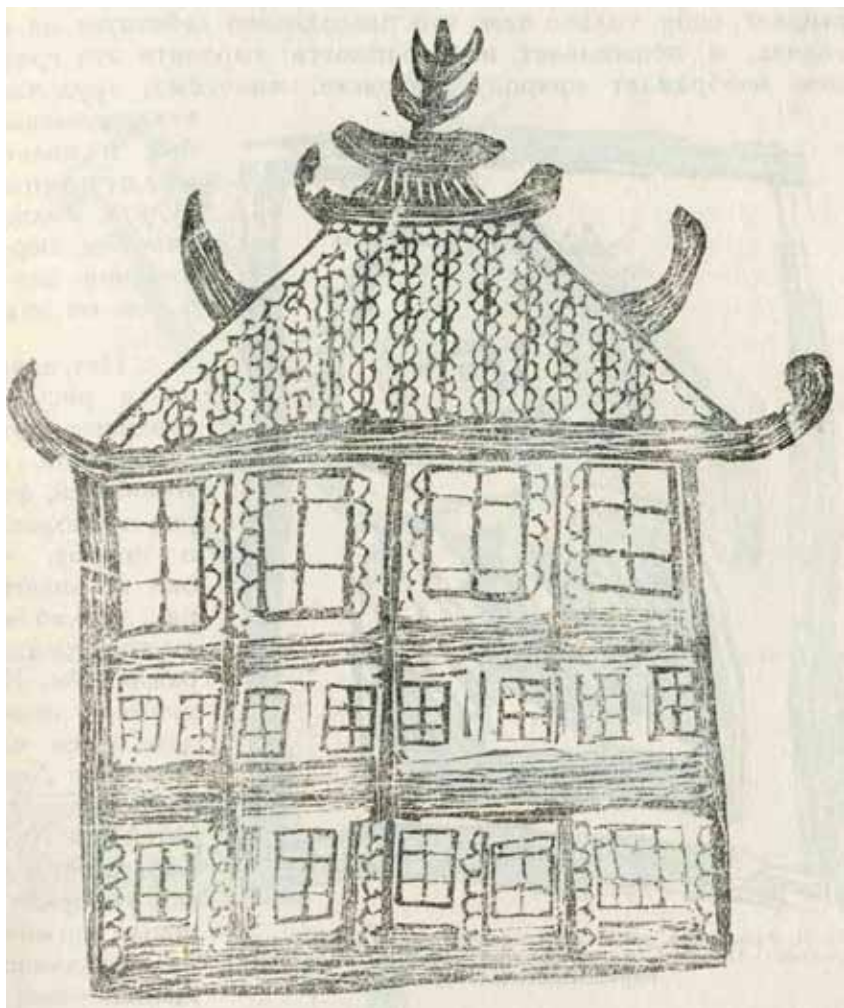

Рис. 70. Костя Киштеев, карагасский мальчик 15 лет, ученик второго отделения. Дом, в котором жил В.И. Ленин, изображен желтым, синим и черным карандашами.

все то, что составляет *естественные условия его развития* — что повседневно окружает его, что он изучает.

Если мы наблюдаем в рисунках детей города неотвратимое влияние цивилизации: пароходы, паровозы, автомобили, аэропланы, пожарные машины, фабричные трубы, железные мосты и пр., то все это входит в сознание ребенка города, довлеет на его психику — он этим живет.

То же самое происходит с ребенком и среди природных условий в сибирской тайге, на далеком Севере, в степях Монголии и Бурятии. Туземный ребенок, как и ребенок города, насыщает себя только тем, что повседневно действует на его сознание, и испытывает необходимость выразить это графически: изображает природу, человека, животных, труд человека, домашний быт и явления религиозного

Рис. 71. Д. Арактоев, ученик карагасской школы (возраст не указан). Портрет В.И. Ленина, черным и зеленым карандашами (схема).

Дети все это восприняли и определенным образом выразили: нарисовали портрет Ленина, как видели — в бюст; изобразили Ленина едущим на лошади верхом, но так, как ездят их отцы и однородцы, и потому так, что не видели в действительности Ленина едущим, а представили; некоторые нарисовали дом, в котором жил Ленин, похожий на дацан, который они видели во время поездки к окинским бурятам и который произвел на них очень сильное впечатление двумя этажами и сложным устройством. Нарисовали потому так, что никто из этих детей не был в городе и не видел его домов,

культы, жилище, способы передвижения — все то, о чем он знает.

Нет, конечно, в рисунках туземных детей аэропланов, автомобилей, фабрик и заводов и потому, что они не знают о них, а если бы знали, то тоже изображали бы. Как пример приводим здесь изображения Ленина карагасских детей (рис. 70–73). Карагасским детям говорили в школе про жизнь и деятельность Ленина — как он выступал перед народом с речами, в каком доме жил, — и показывали его портрет.

Рис. 72. Иннокентий Кокчев, мальчик карагас 17-ти лет, ученик третьего отделения. Ленин едет верхом на коне (схема).

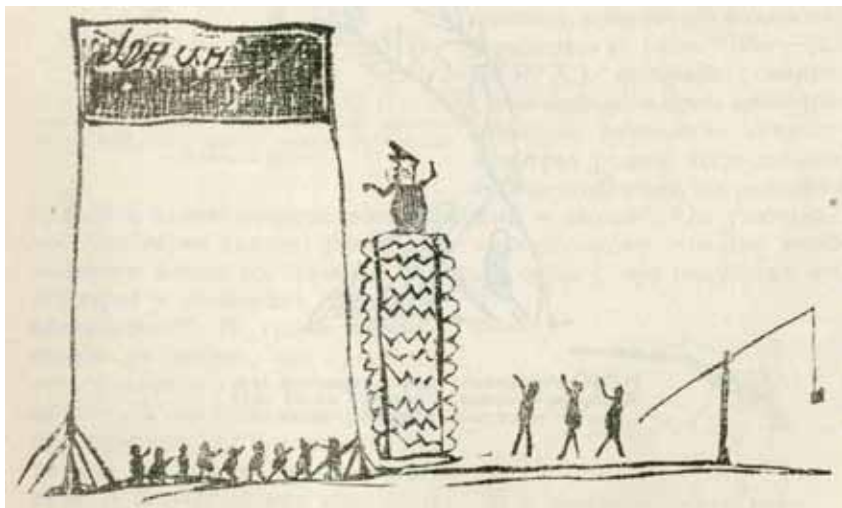

Рис. 73. Николай Баканаев, карагасский мальчик 15 лет, ученик третьего отделения. Ленин на собрании говорит речь (схема).

его жизни. Книжные же рисунки городских домов, которые они, несомненно, видели, не произвели на них такого впечатления грандиозности сооружений, какое они получили от виденного ими дацана.

Характерной особенностью рисунков туземных детей необходимо признать динамику в изображении человека и животных. Почти без исключения, все рисунки, которых изображаются человек и животные, выражают их движение. Движение как отдельных фигур, так и целых групп и сцен передается с большой силой и напряжением. Нами замечено, что движение в рисунках туземных детей появляется значительно раньше

и выражено значительно ярче, чем у детей города. Подобная сила выражения является, видимо, следствием необыкновенной чуткости в наблюдении над животными, которую проявляют туземные дети, находясь постоянно в общении с ними. В некоторых рисунках выражение достигает очень больших пределов, недоступных для взрослого (если он не художник) — изображается психология животных (см. рис. 34 и 36). Примером динамики человека и животных могут послужить рисунки 1, 6, 15, 20, 26, 27, 34, 44, 67, 75, 81, 82, 83.

Рис. 74. Иван Мосоркин, мальчик якут 12 лет. Изображен шалаш, в котором сидит якут во время отдыха на сенокосе (схема).

Рис. 75. Иван Мосоркин, мальчик якут 12 лет. Иллюстрация к сказке «Лиса и заяц», рассказанной учителем на уроке (деталь).

V. Значение и ценность рисунка

Значение и ценность детского рисунка вполне определяется тем интересом, который оказывается теперь ему и оказывался в прошлом. В настоящее время принято говорить: «наш век — век интереса к детскому рисунку».

Рис. 76. Номхой-Цирен, мальчик монгол 11 лет из Северной Монголии. Схематическое изображение монгола, едущего верхом на лошади с бичом в руках.

а, главным образом, потому, что искусство это образует и развивает «чувство прекрасного». И греки использовали рисование как средство эстетического воспитания. Но позднее, в средние века, рисование оценивается исключительно только по утилитарному значению. В монастырских школах и ремесленных мастерских различных цехов обучали детей рисованию только потому, что с помощью рисования повышали качество продуктов производства. И только идеи Амоса Коменского восстанавливают взгляды Аристотеля на рисование. Позднее взгляды Ж.Ж. Руссо, Песталоцци, Фребеля и Спенсера окончательно закрепляют за об-

Вопрос интереса к детскому рисунку имеет свою большую историю на протяжении двух тысячелетий. Уже древние греки высказывают определенный интерес к рисованию и признают за ним известную ценность. Одним из ранних воззрений, указывающих на ценность детского рисования, признается воззрение Аристотеля (384—322 до Р.Х.), который говорил: «необходимо влиять на подрастающее поколение искусством трех родов: посредством красок и образа, посредством голоса и слова, посредством гармонии и ритма. Он указывал, что рисование должно цениться не только потому, что оно необходимо в жизни,

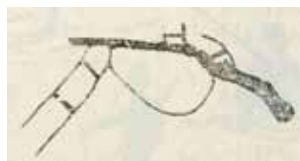

Рис. 77. С. Залибаров, бурят. Кремневое ружье на сошках (схема).

разованием воспитательное и образовательное значение и рисование вводится в массовую школу как самостоятельный предмет обучения. Вначале целью рисования в школе было только эстетическое воспитание, но в современной школе рисование ставит три цели: эстетическое воспитание, воспитание оптической психологии и метод проработки общешкольного материала.

Наряду с интересом, которое оказывает рисованию философско-педагогическая мысль, возникает интерес к рисованию и чисто научного значения — детским рисунком заинтересовываются искусствоведы и начинают собирать и изучать его. Одними из первых, обративших внимание на научную ценность рисунков детей, приступивших к их сборанию и изучению, считают проф. Лампрехта и Риччи Коррадо (8). В настоящее время искусствоведы всего мира заняты пристальным изучением графического творчества детей.

Рис. 78. Иннокентий Кокуев, мальчик карагас 17-ти лет, ученик третьего отделения. Карагас стреляет из ружья с сошек в медведя; видно, как летят пули (схема).

Рис. 79. Яков Токуев, мальчик карагас 13 лет, ученик второго отделения. Карагасы ловят в озере рыбу (схема).

Большую ценность признают за детским рисунком педологи, психологи и социологи и используют его для своих целей. Большое внимание оказывается детскому рисунку этнологами при изучении той или иной народности, частности, при изучении туземных народов Сибири.

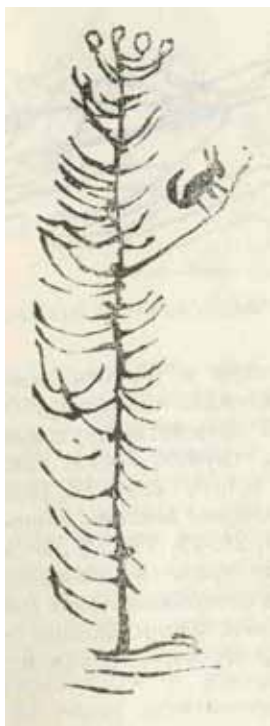

Рис. 80. Николай Баканаев, карагаский мальчик 15 лет, ученик третьего отделения. Белка сидит на дереве (схема).

Рис. 81. М. Мунхаев, мальчик карагас 15 лет, ученик второго отделения. Охотник с собакой преследует кабаргу (схема).

Рис. 82. Рисунок ученика бурятской школы из Боханского аймака.

Рис. 83. Иван Мосоркин, мальчик якут 12 лет. Конские бега – рысачки (схема).

Рис. 83а. Фамилия и возраст не указаны. Изображены конские бега-скачки (схема).

Рис. 84. Яков Токуев, мальчик карагас 13 лет, ученик второго отделения. Карагасские дети играют в городки (схема).

Рис. 86. М. Мунхаев, мальчик карагас 15 лет, ученик второго отделения. Схематическое изображение сохатого (деталь).

Рис. 85. Ученика из бурятской школы Боханского аймака (фамилия и возраст не указаны). Изображена охота на медведя с рогатинами.

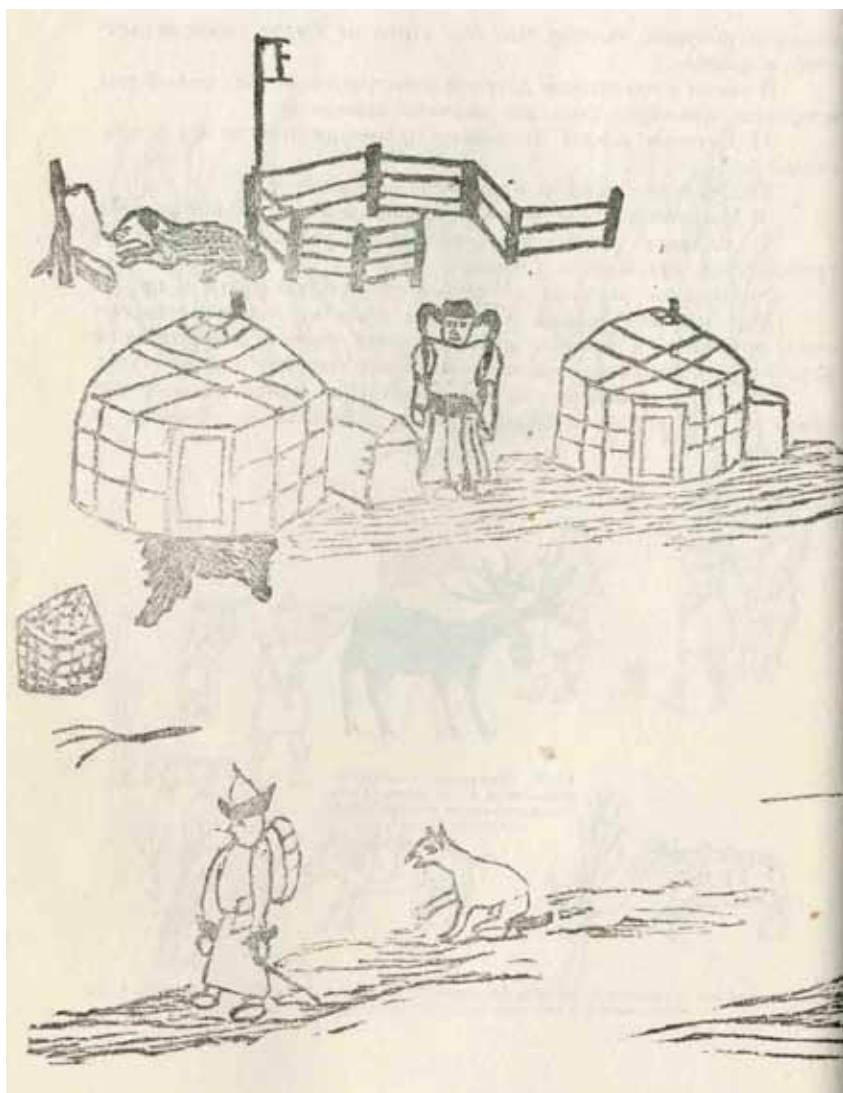

Рис. 87. Агорзан, монгольский мальчик 14 лет из Северной Монголии. Изображена стоянка монгол.

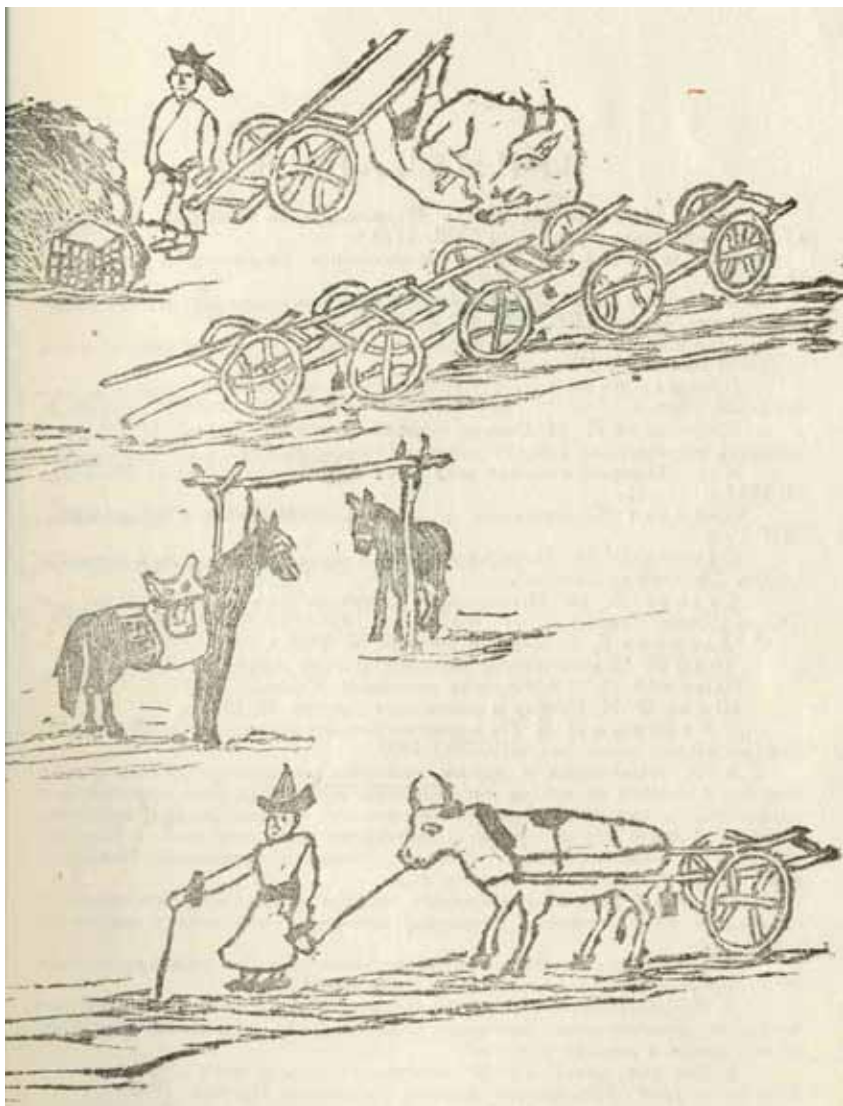

Рис. 87а. Изображено тушью и цветными карандашами — синим и красным.

БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

АЗАДОВСКИЙ Марк Константинович

(18.12.1888, Иркутск — 24.11.1954, Ленинград) — фольклорист, этнограф, историк литературы, библиограф, писатель. Доктор филологических наук, профессор профессор кафедры истории русской литературы ИГУ (в 1923–1930 и 1942–1945), ЛГУ (1932–1949), зав. кафедрой фольклора в ЛГУ. С 1920-х гг. — председатель этнологической секции и историко-литературной секций, в 1928–1929 г. — председатель ВСОРГО. Создатель, заведующий, науч-

ный сотрудник отдела фольклора ИРЛИ.

Библиография:

Бер Н.С. (сост.) Библиография М.К. Азадовского 1913–1943. Под ред. проф. В.Д. Кудрявцева. Иркутск, 1944. 26 с.

Мельц М.Я. Дополнения к Указателю // Сиб. огни, 1988. №12. С. 166–170.

Хронологический список печатных работ М.К. Азадовского за 1944–1956 гг. // Литературное наследство. 1956. Т.60. Кн.1. С. 644–646.

Томина В.П. (сост.) Марк Константинович Азадовский (1888–1954): Указатель литературы. Новосибирск, 1983. 134 с.

Труды*:

Сибирские страницы. Статьи, рецензии, письма / Сост., предисл. и примеч. Н.Н. Яновского. Иркутск, 1988. 336 с.

Страницы истории декабризма. Кн. 1. Иркутск, 1991. 496 с.

Страницы истории декабризма. Кн. 2. Иркутск, 1992. 426 с.

Материалы для библиографии литературы о народном хозяйстве бывшей Иркутской губернии, 1901–1925. Иркутск, 2005. 119 с.

Восточносибирские сказки: сказки Верхнеленского края. Сказки из разных мест Сибири. Ленские причитания / Сост., вступ. ст., коммент. А.А. Горелов. СПб., 2006. 533 с.

О нем:

М.К. Азадовский: Некролог //Литературное Наследство. 1956. Т.60. Кн.1. С. 641– 643.

* Приведены труды М.К. Азадовского, изданные после 1983 г. Все остальные работы ученого отражены в библиографических указателях.

Азадовский К.М. Переписка М.К. Азадовского с М.П. Алексеевым // Сиб. огни, 1988. №12. С. 151–160.

Азадовский М.К., Оксман Ю.Г. Переписка, 1944–1954 / Изд. подгот. и вступ. ст. К.М. Азадовский. М., 1998. 409 с.

Азадовский К.М. «Сибирская живая старина: история издания» // СЖС. В 2-х т. СПб.: Альфарет, 2008.

Акулич О.А. Письма сибирских ученых периода Великой Отечественной войны (по материалам архива Г.С. Виноградова) // Краеведческие записки / ИОКМ. Иркутск, 2003. Вып.10. С. 87–104.

Афанасьева-Медведева Г.В. Деятельность М.К. Азадовского в 20-х гг. XX века // Краеведческие записки / ИОКМ. Вып.8. Иркутск, 2001. С. 148–152.

Воспоминания о М. К. Азадовском / Сост. И.З. Ярневский. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1996. 208 с.

К 100-летию М.К. Азадовского // Сиб. огни. 1988. №12.

Мальшева М.П., Познанский В.С. Переписка М.К. Азадовского с редакцией ССЭ // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №4. С. 98–102.

Мельц М.Я. М.К. Азадовский как фольклорист-библиограф // Русский фольклор, 1964. Т.9.

Петряев Е.Д. М.К. Азадовский и Сибирь // Сиб. огни. 1968. №12. С. 143–154.

Письма ученых-сибиреведов и писателей М.К. Азадовскому // Литературное наследство Сибири. Т.1. Горький и Сибирь. Забытое и найденное. Новосибирск, 1969.

Селявская А. М.К. Азадовский // Литературная Сибирь. Иркутск, 1986.

Томина В.П. Библиографическая деятельность М.К. Азадовского // Сов. библиография, 1975. №2.

БАТОРОВ Петр Павлович

(1850/1, ул. Улзет Аларского аймака Иркутской губ. – 30.07.1927, Аларь) – бурятский краевед, этнограф, собиратель материалов по фольклору и этнографии северных бурят. Сын аларского тайши, тайша (1876–1880). Работы опубликованы в местных дореволюционных и послереволюционных изданиях (Иркутск, Верхнеудинск/Улан-Удэ).

Труды:

Бурятские поверья о боходаях и анахаях // Записки ВСОРГО по этнографии. Т. II. Вып.2. Иркутск: Тип. К.И. Витковской, 1890. С. 10–14.

Песня Шоно-Батора, с. 49–51; Кость Готол, с. 93–94; Булгата онгон, с. 124; Буртэ-убугун, с. 125; Почему некоторые буряты не едят селезенку и не бьют лебедей, С. 125–126; Предания о переселении из Монголии Бахака Ирбанова и Адая с прочим народом с. 126–130 (прим. Г. Потанина с. 150–153) // Записки ВСОРГО по этнографии. Иркутск, 1899. Т.1. Вып.2.

Боолоошин у северобайкальских бурят // ЖБ. 1926. №1–3. С. 107–108.

Народный календарь аларских бурят // ЭБ, 1923. №3. С. 9–10.

Белкование у аларских бурят и народные поверья // Бурятияведение. 1925. №1. С. 9–12.

Из бурятского фольклора// СЖС, 1925. Вып. III–IV. С. 133–136. (в соавт. с В.И. Подгорбунским).

Материалы по народной медицине аларских бурят // БС. Вып. I. 1926. С. 33–41.

Материалы по ораторскому творчеству бурят // БС. Вып. I. 1926. С. 25–29.

Культ орла у северобайкальских бурят // Бурятияведение. 1926. №2–3. С. 79–81.

Происхождение Ихэ-онгона и его почитание бурятами.

Приметы аларских бурят, касающиеся погоды, сельского хозяйства и охоты// БС, 1926. Вып. I. С. 46–51 (в соавт. с П.П. Хороших).

Аларские тайлаганы // Известия ВСОРГО. Иркутск, 1926. Т.51. С. 109–118.

Материалы к вопросу о происхождении бурятских племен // Бурятияведение. 1926. №2. С. 3–6.

Материалы по народному скотолечению Иркутских бурят // БС, 1926. Вып. II. С. 50–60. (в соавт. с П.П. Хороших).

Легенда о происхождении агинских бурят // БС. 1927. Вып. III–IV. С. 71–72.

Эхе-Онгон (Великий Онгон) // Бурятияведение. 1928. Вып. 4(8). С. 138.

Хамарган-джил // БС. 1930. Вып. 3–4. С. 59–63 (в соавт. с В.И. Подгорбунским).

О происхождении мира по сказаниям северо-байкальских бурят // Бурятияведение, 1928. Вып. 4(8). С. 139–140.

Сборник статей. Ч. 1. Вып. 4. Иркутск, 2006.

О нем:

«Баторовские чтения»: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Иркутск: Иркутская областная типография №1, 2010.

Гергенов М. Петр Баторов – тайша, ученый, исследователь. Улан-Удэ, 2007.

Зимин Ж.А. П.П. Баторов – этнограф, фольклорист, просветитель // Аларь: история и современность. Кн.1. Аларь – родная колыбель, 2004. С. 171–177.

Козьмин Н.Н. Некролог // Бурятияведение, 1928. №1–3 (5–7). С. 289–292.

Хороших П.П. Петр Павлович Баторов (К 75-летию его жизни) // ЖБ. 1926. №1–3. С. 115–118.

Шаргаева Е. Петр Павлович Баторов – этнограф // «Одна земля – одна культура»: Материалы научно-практич. конференции. Усть-Ордынский, 2011.

Павел Петрович Баторов. Сборник статей / [науч. ред. В.В. Свиинин]. Иркутск; Усть-Орда: ИГ СО РАН, 2006.

БОРОДКИНА Мария Викторовна

(1.07.1895 г. Нерчинск Забайкальской обл. – ?) – этнограф, краевед. В 1918–20 г. училась в Томском университете сначала на медицинском, затем историко-филологич. фак-те. Одновременно работала научным сотрудником библиографического бюро при Институте исследования Сибири. В 1921–22 г. перевелась на гуманитарное отделение Иркутского ун-та. Специализировалась в области русской этнографии у Г.С. Виноградова, выезжала в экспедиции в Восточное Прибайкалье. Действительный член этнологической секции ВСОРГО.

С сентября 1925 г. работала в Томском краевом музее заведующей общественно-экономическим отделом и библиотекой. Была членом Общества изучения Томского края, секретарем Комитета содействия Томскому краевому музею. Одна из первых начала собирать экспонаты по русской этнографии для Томского музея. После года работы возвратилась в Иркутск. Директор Томского музея М.Б. Шатилов охарактеризовал ее как «ценного, любящего свое дело и преданного работника».

В 1930-е годы работала в Омске сотрудником этнографического отдела государственного Западно-Сибирского краеведческого музея.

Труды:

Очерки хозяйственной жизни Баргузинского края (опыт составления экономического календаря) // Очерки по изучению Прибайкалья. Иркутск, 1926. С. 5–36.

Рыбацкий быт в Прибайкалье // СЖС, 1926. Вып. II (VI). С. 165–200.

Деревня Иткара Томского края : хозяйственно- бытовые очерки // Труды Томского краеведч. музея. Т. 1. Томск : Типо-лит. изд-во «Красное знамя», 1927.

О ней:

Артюхова И.В. Начальный период формирования коллекций по культуре русского населения в Томском краевом музее // Вестник ТГУ. Томск, 2007. №297. С. 104–108.

Артюхова И.В. Томский период в деятельности И.В. Бородкиной // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2005. С. 232–234.

ВИНОГРАДОВ Георгий Семенович

(9.04.1886, с. Тулун Иркутской губ. – 17.07.1945, г. Ленинград) – этнограф, фольклорист, филолог, литературовед. Основоположник детского междисциплинарного направления в отечественной этнографии и фольклористике. Доктор филологических наук. Профессор Иркутского университета (1925–1929). Научный сотрудник Института языка и мышления АН СССР и Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР (1934–1945).

С 1987 г. в России проводятся междисциплинарные научные «Виноградовские чтения», посвященные памяти Г.С. Виноградова (15-е Виноградовские чтения – 2012 г.)

Библиография:

Георгий Семенович Виноградов и Виноградовские чтения. Библиографический указатель / Сост. В.Ф. Шевченко. Ульяновск: Лаборатория культурологии, 1998. – 52 с.

Профессор Г.С. Виноградов. Биобиблиографический указатель. (1913–1998) / Сост. Н.Л. Калеп, В.В. Ванчугова; Научный редактор В.В. Свинин. Иркутск: ИГУ, 1999. – 32 с.

Труды:*

Г.С. Виноградов. Страна детей. Избранные труды по этнографии детства /Сост., био и библиография А.В. Грунтовского, подготовка текстов и комментарии А.Ф. Некрыловой, архивные материалы В.В. Головина. СПб.: Историческое наследие, 1998. 548 с.

Г.С. Виноградов Этнография детства и русская народная культура в Сибири. /сост. О.А. Акулич, А.А. Сирина. Серия «Этнографическая библиотека». М.: Вост. лит-ра, 2009. 896 с.

О нем:

Акулич О.А. К истории детской игровой культуры Сибири (Научные коллекции Г.С. Виноградова 1910–1920 гг.) // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы. Иркутск, 2000. Ч.II. С. 108–111.

Акулич О.А. Переводить ли непере译имый фольклор? (Взгляд Г.С. Виноградова на проблему перевода произведений иноязычного фольклора) // Вопросы теории и практики перевода: Вестник ИЛГУ. Сер. Лингвистика / Под ред. В.Е. Горшковой. Иркутск: ИЛГУ. 2005. С. 4–12.

Акулич О.А., Сирина А.А. Этнография детства Георгия Виноградова // Г.С. Виноградов Этнография детства и русская народная культура в Сибири. /сост. О.А. Акулич, А.А. Сирина. М.: Вост. лит-ра, 2009.

Астахова А.М. Георгий Семенович Виноградов (к 80-летию со дня рождения) // Русская литература, 1966. №3. С 195–201.

Григорьев С.В., Новицкая М.Ю., Мартынова А.Н. Георгий Семенович Виноградов – выдающийся исследователь детского фольклора, быта и проблем воспитания. Материалы к научной биографии // Мир детства и традиционная культура. Материалы III чтений памяти Г.С. Виноградова (Виноградовские чтения). Москва, 1990. С. 6–13.

Жуков К. Ученый, опередивший время: историко-педагогический очерк о проф. Георгии Семеновиче Виноградове. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2010. – 171 с.

Кудрявцев В., Трушкин В. Г.С. Виноградов // Литературная Сибирь. Критико-библиографический словарь писателей Восточной Сибири. Т.1. Иркутск, 1986. С. 220.

Медведева Г.В. Об актуальности научных разысканий Г.С. Виноградова //Традиционная народная культура и современность (материалы, тезисы сообщений областной научной конференции «Виноградовские чтения»). Иркутск, 1999. С. 3–13.

Мельников М.Н. Талантливый исследователь быта и творчества сибиряков // Сиб. огни, 1966. №11. С. 163–164.

* Приведены труды Г.С. Виноградова, изданные после 1998 г. Все остальные работы ученого отражены в библиографических указателях.

Новицкая М.Ю., Слепцова И.С. Чтения памяти Г.С. Виноградова // СЭ, 1991. №1. С. 137–139.

Письма Г.С. Виноградова и М.В. Красноженовой — М.К. Азадовскому // Сиб. огни, 1968. №12.

Письма Г.С. Виноградова М.К. Азадовскому // Литературное наследие Сибири. Новосибирск, 1969. Т. I.

Сизых Д. Педагог-фольклорист // Сиб. огни, 1963. №4. С. 170–174.

Сирина А.А. Выдающийся этнограф и фольклорист Г.С. Виноградов // ЭО, 1993. №1. С. 115–128.

Тропин Г.В. Г.С. Виноградов как диалектолог Сибири (к 80-летию со дня рождения) // Труды Иркутск. ун-та. Т. 65. Сер. языковедения. Вып.4. 1968. С. 50–57.

Чередникова М.П. Творческое наследие Г.С. Виноградова и современные проблемы изучения детского фольклора // «Голос детства из дальней дали...» (игра, магия, миф в детской культуре). М.: Лабиринт, 2002.

Дети и народная культура. Иркутск. 6-е Виноградовские чтения. М., 1995. 70 с.

ГУЩИНА (Шаповалова) Софья Федоровна

(28.11.1903, Тулун — 17.06.1986, Тулун) — этнограф, учительница, библиограф. Ученица Г.С. Виноградова по тулунской школе (1917–1920). Окончила литературное отделение педагог. фак-та ИГУ (1923–1928). Член этнологической секции ВСОРГО (с 1926), собирательница коллекций по детскому быту для Иркутского научного музея. Выезжала в этнографические экспедиции в Прибайкалье и Забайкалье. Записанные ею образцы детского фольклора хранятся в фонде Г.С. Виноградова в ИОКМ. Выявила песенницу Дарью Егоровну Коневу, от которой в 1936 г. записывал песни А.В. Гуревич.

В 1929 г. жила в Иркутске по адресу: Мясная, 42–3.

Окончила Государственные курсы иностранных языков, преобразованные во 2-й Пединститут иностранных языков (Ленинград) (1932–1937). Сотрудница Публичной библиотеки (РНБ) (1932–1939). В 1939 г. с мужем по состоянию здоровья уехала в Черкассы. В 1941–1943 гг. — в оккупации. После войны заболела нервной болезнью, в 1947 г. вернулась в Тулун. Работала преподавателем в Тулунской школе №19. Вела русский, немецкий языки и зарубежную литературу до выхода на пенсию в 1958 г.

Труды:

Материалы по народной кулинарии // СЖС. 1928. Вып.VII. С. 23–46. То же: отд.отт.

Краткий отчет С. Гушиной о поездке в Забайкалье летом 1925 г. // СЖС. Вып.I(V). Иркутск: ВСОРГО. 1926. С. 173–175.

О ней:

Азадовский М.К., Миротворцев К.Н. Иркутский университет и изучение местного края, 1918 – 1928. Иркутск, 1928

Аргутинская Н.К. Шаповалова (Гушина) Софья Федоровна // Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры. Биографический словарь, т. 1–4. Сайт, режим доступа 15.02.2013: http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=1261

Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1969. Т.1.

ЗЕМЛЯНИЦКИЙ Транквиллиан Апполинарьевич

(16.12.1871, с. Устье Ядринского уезда – после 1928) – православный священник, чуваш. Духовный писатель, краевед, этнограф. Окончил Казанскую духовную семинарию (1891). Служил священником церкви в с. Хыркасы Козьмодемьянского уезда и законоучителем в земском училище. Толстовец, корреспондент и адресат Л.Н. Толстого. Несколько лет служил в церкви с. Благодатное Херсонской губернии. После революции часто переезжает. Называл себя духовным сыном архиепископа Андрея (кн. Ухтомского), об освобождении которого хлопотал перед Е.П. Пешковой в июле 1924 г. По косвенным данным, арестовывался в период между 1917 и 1924 гг. (<http://pkk.memo.ru/page%202/dukh/pravos/1918–1924/ukhtom.doc>).

В Иркутске работал заведующим отделом шаманства и буддизма Иркутского музея (1920–1921), ассистентом профессора по кафедре истории первобытной культуры гуманитарного факультета Иркутского ун-та. В начале 1920-х гг. исследовал шаманство у бурят Балаганского уезда, комплектовал фонды музея этнографическими и археологическими коллекциями. В Иркутском музее занимался описанием онгонов, собранных М.Н. Хангаловым.

В Самаре в 1924/25 уч. году читал лекции на высших курсах краеведения Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском госуниверситете. Первая часть лекций носила название «Чуваши Самарского края и их историческое прошлое», вторая часть – «Болгаро-чувашский народ».

Брат, Протолеон Апполинарьевич, был доктором медицины, врачом Общества Красного Креста в Чите. Сын, Л.Т. Землицкий (1905–1979) – почвовед, кандидат биологических наук.

Труды:

О. Иоанн Кронштадтский в селе Ильинской пустыни, Козьмодемьянского уезда /К 20-му декабря – дню кончины о. Иоанна// Известия по Казанской Епархии /неофициальный отдел/. 1911. №47 /15 декабря/. С. 1355–1357.

Экскурсия детей Хыр-Касинского земского училища Козьмодемьянского уезда в Казань с религиозно и образовательной целью // Известия по Казанской Епархии. 1902. С. 699–702.

Просвещение инородцев-чуваши // Казанская газета 1903. №20.
Монастырь «Карашлах» и киреметь «Сар-таван» // Известия по Казанской Епархии. 1904. №45. С. 1555–1557.

О миссии вообще и, в частности, среди чуваш язычествующих// Сотрудник. 1909. №1. С. 7–13.

Чуваши: (некоторые ист. данные о чувашах вообще и, в частности, Козьмодемьян. уезда, в связи с вопросом христиан. просвещения их) // Известия по Казанской Епархии. 1909. №43. С. 1241–1246; №44. С. 1270–1277; №45. С. 1307–1315.

Чуваши. Казань: Центр. тип., 1909.

«Иоанниты» среди чуваш // Сотрудник. 1910. №32. С. 511–512.

Из жизни инородцев // Известия по Казанской Епархии. 1911. №№19–20. С. 611–612.

Чуваши в Самарской губернии // Вестник Среднего Поволжья. Самара, 1926. №1. С. 11–114.

Поселения и жилища чувашского населения Прикамского Заволжья и Южного Урала // Вопросы истории Чувашии. Чебоксары, 1965.

О нем:

У Толстого. 1904–1910 // Литературное наследство. Т.90. В 4-х книгах. М.: Наука, 1981. Т.4. С. 222, 458 (письма к Толстому).

Александров Г.А. Т.А. Землянички // «Чувашская энциклопедия». Сайт <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=1615>.

КАЗАРИНОВ Пантелеймон Константинович

(22.08.1885, Иркутск – 27.10.1939, Соловки) – юрист, краевед, библиограф, общественный деятель. Учился в Иркутской духовной семинарии, исключен (1905). Учился на юридическом ф-те Казанского ун-та, окончил юридический фак-т Петербургского ун-та (1910). Служил в судебном ведомстве в Иркутске и Усолье. С 1916 г. работает в области краеведения и библиографии. Ассистент и преподаватель педагогического ф-та Иркутского ун-та (с 1920). Председатель Совета ВСОРГО (1922–1927). В 1927 г. переехал в Новосибирск, оставшись представителем ВСОРГО в ЦБК при АН СССР. Ученый секретарь ССЭ. Член Центрального бюро краеведения при Наркомпросе. Ученый секретарь Сибирской советской энциклопедии (1927–1933). С 1930 г. Директор Сибирской краевой научной библиотеки (Новосибирск). Репрессирован в 1933 г., выслан в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН). Реабилитирован в 1957 г. Его племянник (по матери) – А.Н. Турунов.

Первая жена – А.Ф. Нейман, вторая – Евфалия Константиновна ?.

Дети: дочь и двое сыновей. Сын Владимир стал геологом, доктором геолого-минералогических наук, профессором, заслуженным геологом СССР, лауреатом Ленинской премии.

Труды:

Нация и область в этнографии Сибири // ЭБ. 1923. №3. С. 6–9.

Краевая этнография в работах ВСОРГО // ЭБ. 1923. №1. С. 1–4.

Сибирское краеведение // СЖС, 1924. Вып. II. На новых путях краеведения // СЖС. Вып. III–IV. С.

Итоги и перспективы сибирской библиографии // Первый Вост.-Сиб. краев. съезд, 11–18 янв. 1925 г. Иркутск, 1925. С. 50–51. Три четверти века (к юбилею ВСОРГО) // СЖС, 1926. Вып. II (VI). С. 3–32. Обзор деятельности Восточно-Сибирского отдела за 75 лет. 1851–1926 // Известия ВСОРГО. Т. 50. Иркутск, 1926.

О библиографии бурят и их края // БС. 1926. Вып. I. С. 3–25. Имеется отд. оттиск. Иркутск, 1926. – 8 с. О преподавании библиографии в высшей школе // Тр. Первого Всерос. библиогр. съезда в Москве, 2–8 дек. 1924. М., 1926. С. 205. Сибирское краеведение в десятую годовщину Октябрьской революции // Просвещение Сибири. 1927. №10. Задачи, перспективы и организационные пути Сибирской библиографии // Тр. Первого Сиб. краев. науч. исслед. съезда. Новосибирск, 1928. Т. 5. С. 169–170.

О нем:

Зуляр Ю.А., Снытко В.А. Казаринов Пантелеймон Константинович // ВСОРГО в лицах: биобиблиографический словарь / отв. ред. Ю.А. Зуляр, Л.М. Корытный. Вып. 2. Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 1912.

Носова Н.П. Библиотека – это судьба // Старое. Новое. Вечное (1929–1999): 70 лет Новосибирской обл. научн. биб-ке. Новосибирск, 2000. С. 26–32.

Посадков А.Л. Казаринов Пантелеймон Константинович // Новосибирск: Энциклопедия. Дополнение 2003. Новосибирск, 2004. С. 18–19.

Соболева Е.Б. Энтузиаст сибиреведения П.К. Казаринов // Сов. библиогр. 1984. №1. С. 58–65. Соболева Е.Б. По страницам одной переписки: П.К. Казаринов – Н.В. Здобнов // Иркутское краеведение 20-х. Ч. 1.

Сошина А. Музей Соловецкого общества краеведения (1925–1937 гг.) // Соловецкое море. 2004. №3.

Юмина А.Н. Пантелеймон Константинович Казаринов // Новосибирское землячество. Альманах. 2011. №2(3). С. 48–55.

КОЗЬМИН Николай Николаевич

(6.03.1872, Красноярск — 21.08.1938, Иркутск) — историк, этнограф, краевед. Окончил Иркутскую губернскую гимназию с серебряной медалью (1891), историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1896). Занимался вопросами переселений и землеустройства в Восточной Сибири, печатал статьи и заметки в «Восточном обозрении», «Сибири», «Сибирской жизни», «Степном крае» (псевдонимы Ландарма, Номчи и др.). Странник сибирского областничества. Правитель

дел ВСОИРГО (1900–1904). В 1920–1922 гг. работал в Харбине, Китай; в 1923–1925 гг. в Верхнеудинске (Улан-Удэ) зам. наркома земледелия, зам. председателя Госплана Бурят-Монгольской АССР. Профессор Иркутского университета (1924). Заведующий Иркутским музеем (1927–28). Председатель бурят-монгольской секции ВСОИРГО. Редактор журнала «Жизнь Бурятии». Почетный член ВСОИРГО и Троицкосавского отдела РГО. Почетный член Бурят-Монгольского общества им. Банзарова. Член редколлегии Сибирской советской энциклопедии.

Репрессирован. Реабилитирован 18 мая 1994 г.

Труды:

Библиография. Пугачевщина в Сибири // Известия ВСОИРГО. Т.32. Вып.1–2. С. 141–146.

Афанасий Прокопьевич Щапов, его жизнь и деятельность. Речь, сказанная на общем собрании членов Отдела, посвященная памяти А.П. Щапова 4 марта 1901 г. Иркутск, 1901. — 65 стр.

Администрация государевой пашни в Сибири XVII в. (из истории русской колонизации)// Известия ВСОИРГО, Иркутск, 1904. Т. XXXIV. 1903. №2. С. 149–165.

Из прошлого Сибири (Бывший генерал-губернатор Восточной Сибири С.Б. Броневский и его мемуары)// Известия ВСОИРГО. 1903. Т.34. №1. Иркутск 1904.

Исторический очерк деятельности ВСОИРГО // Известия ВСОИРГО, 1904. Т. XXXV. №2. Иркутск 1908. С. 1–43.

Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910.

Д.А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае// Изв. ВСОИРГО. 1916. Т. XLV. С. 35–65.

Князь Иренак (Эпизод сибирской истории) // Сибирские записки. Красноярск 1916. №1. С. 41–58.

К вопросу о вымирании инородцев // Сибирские записки. 1916. №2. С. 99–108.

Областничество // Сибирские записки. Красноярск 1918. №1. С. 40–54.

Тува // Сибирские записки. 1918. №1. С. 23–49.

Бурятия в географическом и хозяйственном отношении. Верхнеудинск: Госплан Б.-М. АССР. 1924. – 33 с.

Туземная интеллигенция Сибири // СЖС, 1923. Вып. I. С. 72–89.

Задачи и формы краеведческой работы // Бурятиеведение, 1925. №1. С. 3–4.

К вопросу о времени расселения бурят около Байкала // СЖС. Вып. III–IV. Иркутск: Изд. ВСОРГО. 1925. С. 113–132.

М.Н. Богданов (из личных воспоминаний) // ЖБ. 1925. №3–4. С. 18–26.

Хакасы. Историко-этнографический очерк Минусинского края. Иркутск, 1925.

Основы капитального строительства Бурятии. Верхнеудинск, 1926.

Краеведческие задачи в области хозяйства // Бурятиеведение, 1926. №2. С. 1–2. 1905 год и буряты // БС. 1926. Вып. 2. С. 7–14.

Какие права имеют якуты на Охотское побережье? // Сев. Азия. Кн. 2. М., 1926. С. 85.

Библиографический указатель литературы и источников по истории бурятского народа, составленный Н.Н. Козьминым, отчасти по материалам М.Н. Богданова // Богданов М.Н. Очерки истории бурятского народа. Верхнеудинск, 1926. С. 184–191.

Хозяйство и народность (производственный фактор в этнических процессах) // СЖС, 1928. Вып. VII. С. 1–22.

К вопросу о происхождении якутов-сахалар // Очерки по изучению Якутского края. 1928. Вып. II. С. 5–14.

Проект Якутского отделения Иргосуна // Очерки по изучению Якутского края. 1928. Вып. II. С. 139–143.

Об изучении туземных племен // Тезисы докладов I Вост.-Сибирск. краеведч. съезда. Историко-этнологич. секция.

История сибирской промышленности и ее изучение // Известия ВСОРГО, 1928. Т. 53. С. 81–85.

Кто такие камасинцы? // СЖС. Вып. VIII–IX. 1929. С. 193–197.

Бурят-моногольское отделение Иргосуна // БС. 1929. Вып. 5. С. 5–13.

Бродячие инородцы // ССЭ. Т. 1. 1929. Стб. 393–394.

Радлов В.В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Пер. с нем. Н.Н. Козьмина. Иркутск, 1929.

К первому выпуску бурят-моногольского отделения Иргосуна // БС. 1930. Вып. 6. С. 3–9. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. М.–Иркутск 1934. (рец. в СЭ 1934. №5. С. 112–117).

Классовое лицо «Атасы» Йоллыг-тегина, автора орхонских памятников // Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию

научно-общественной деятельности. 1882–1932. Сб. статей. Л., 1934. С. 259–277.

Оссон К. (Д'Оссон) История монголов. От Чингис-хана до Тамерлана. Перевод и предисловие Н. Козьмина. Т.1. Чингис-хан. Иркутск, 1937.

Очерки прошлого и настоящего Сибири. Репринтное издание. СПб.: Альфарет, 2011. – 282 с.

О нем:

Вибе П. П. Козьмин Николай Николаевич: [Ист. портрет] // Омский историко-краеведческий словарь / П.П. Вибе, А.П. Михеева, Н.М. Пугачева. М., 1994. С. 112.

Жизнь Бурятии. 1924. №4–5. С. 87–88; №6. С. 136–137.

Казакевич В.А. Проблемы истории Монголии и Южной Сибири в новом освещении: (рец. на кн.) Козьмин Н.Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. М.; Иркутск, 1934 // СЭ. 1934. №5.

Козьмин (псевд.: Ландарма, Номчи) Николай Николаевич (1872–1938) // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). / Сост. В.Я. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб.: Петербург. востоковедение, 2003.

Козьмин Николай Николаевич // ССЭ. Новосибирск, 1931. Т. 2. Стб. 796.

Кузьмин Ю. Н.Н. Козьмин (1872–1939) // Новости Монголии. 07.07.1990.

Кузьмин Ю.В. Н.Н. Козьмин – историк, этнограф, краевед // Иркутское краеведение 20-х. Ч. 2. С. 101–107.

Кузьмин Ю.В., Свинин В.В. Профессор Н.Н. Козьмин: историк, экономист и общественный деятель (1872–1938) // Первые востоковедческие чтения ИГЭА: К 130-летию со дня рождения Н. Н. Козьмина. Иркутск, 2002. С. 9.

Литературное наследство Сибири. Т.1. Новосибирск 1969.

Решетов А.М. Николай Николаевич Козьмин: основные направления научной деятельности // Репрессированные этнографы. М., 1999. С. 81–100.

Свинин В.В. Профессор Н.Н. Козьмин – ученый и общественный деятель // Россия, Сибирь и страны Азиатско-Тихоокеанского региона: Тез. докл. к науч.-практ. конференции. Иркутск, 1994. С. 216–219.

Свинин В.В. Профессор ИГУ Н.Н. Козьмин: его имя и книги вернулись к нам // История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета. Иркутск: Оттиск, 2008.

Шейнфельд М.Б. Проблемы истории Сибири у областников // Историография Сибири (конец XIX – начало XX вв.). Красноярск, 1973. С. 220–253.

Шейнфельд М.Б. Творческий путь Н.Н. Козьмина // Вопросы этнографии Хакасии. Абакан 1981. С. 163–184.

МИРОТВОРЦЕВ Клавдий Николаевич

(7.12.1880, Селенгинск — 10.04.1950, Воронеж) — экономист, географ, статистик. Профессор, доктор экономических наук (1936).

Из священнической семьи. Окончил Селенгинское городское училище, духовную семинарию в Иркутске. Участвовал в студенческих волнениях. В 1906—07 гг. изучал геологию в Женевском университете. В 1908 г. работал в экспедиции по изучению Горного Алтая, организованной Переселенческим управлением. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Юрьевского (Дерптского, позже Тартусского) университета (1910). За конкурсную работу по метеорологии ему была присуждена золотая медаль и ученая степень кандидата естественных наук. Работал в Алтайском горном округе (б. Томская губ.) (с 1910). Член и секретарь Алтайского подотдела ЗСОРГО, печатался в местных изданиях, участвовал в организации музея в Барнауле.

С 1916 г. работал в Иркутске, сначала в статистической службе Иркутской губернии: зав. статистическим отделом Иркутского переселенческого района, зав. Иркутским губернским статистическим бюро, консультант (до 1926).

В ИГУ (1918—1930): приват-доцент, преподаватель статистики юридического факультета ИГУ. Профессор, зав. кафедрой экономической географии и статистики на факультете общественных наук (впоследствии хозяйственно-правовой) (с 1920) ИГУ. Читал курс статистики и экономгеографии, написал учебник по статистике. Заместитель декана. Один из организаторов и руководителей Биолого-географического научно-исследовательского института при ИГУ. Организатор кафедры экономической географии в университете. Занимался также физической географией. Действительный член ВСОРГО, в 1925—26 гг. — член Совета ВСОРГО.

Член Иркутского Комитета содействия народностям Северных окраин при Президиуме ВЦИК. Член и консультант Восточно-Сибирской краевой плановой комиссии, заведующий экономическим отделом Иркутской сельскохозяйственной опытной станции, консультант краевого земельного отдела. Один из редакторов Сибирской советской энциклопедии.

Профессор, заведующий кафедрой экономической географии Воронежского университета (1937—41). Заведующий кафедрой физической географии Иркутского университета (1941—44). Ученики: Кротов В.А., Александрович К.К., Шерстобоев В.Н., др.

С 1944 г. в Воронеже. Возглавлял Воронежский отдел географического общества СССР.

Труды:

Южная часть Кузнецкого имения Алтайского округа (с картой). Барнаул, 1910. 53 с.

Соленые озера и соляной промысел Алтайского округа (с картой озер). Барнаул, 1911.

Переселение в Алтайский округ. Барнаул, 1912. 36 с.

Итоги предварительного подсчета материалов переписи 1917 года по Иркутской губернии. Иркутск, 1919. 520 с. (ред.).

Карагасы. Статистико-экономический очерк. Иркутск, 1921. 26 с. Материалы Иркутского губернского статистического бюро.

Географический и экономический очерк Сибири. 1924.

К вопросу о районировании Сибири (Лено-Байкальская область). Иркутск, 1924. 35 с. Отд. оттиск из Известия ВСОРГО, 1924, т. 47.

Иркутские «ясачные» в освещении статистических цифр: Стат. этюд. Иркутск, 1923. 36 с. // Материалы Иркутского губернского Стат. Бюро. Вып. XII. Иркутск, 1923. Сибирь. Краткий географический и экономический очерк. Иркутск, 1924. — 26 с.

Сельское хозяйство Средне-Сибирского края // Предварительные материалы районирования Средне-Сибирского района, 1925.

По поводу статьи А. Матвеева «К вопросу о вымирании бурят» // БС. 1926. Вып. 2. С. 40–43.

Краткий очерк состояния земледелия и скотоводства в Лено-Байкальской области в связи с географическими и экономическими условиями края // Проблемы капитального строительства Восточной Сибири. Иркутск: Иркутский губплан, Иркутск, 1926. 55 с.

Задачи демографического изучения туземцев Сибири // Труды Первого Сибирск. краевого научно-исследоват. съезда. Новосибирск, 1928. Т. V. С. 107–112.

К вопросу о сельскохозяйственном районировании Иркутского округа. 1929. 119 с. Отд. оттиск из Сборника трудов в Иркутском государственном университете. Т. XVI. Вып. 2. С. 67–180.

Племенная карта Азиатской части СССР. Изд-е КИПС АН СССР, 1927.

Лено-Байкальский район. М., 1928. 100 с.

Транспортная проблема Восточной Сибири // Сов. Азия 1930.

Карта-схема перспективных сельскохозяйственных районов Восточной Сибири 1931.

Очерки физической географии Восточно-Сибирского края. Москва, Иркутск, 1933. С. 145–153.

Население Сибири // Сибирская Советская Энциклопедия. 1931.

Очерки физической географии Восточно-Сибирского края.

О значении деятельности населения в формировании природных ландшафтов (на примере изучения ландшафтов Восточной Сибири) // Труды Воронежского университета. 1951.

Сельское хозяйство в Бурят-Монгольской автономной области: краткий географический и статистико-экономический очерк. [Б. м.]. [Б. г.] 48 с.

Библиографические заметки о журнале «Хозяйство Якутии». Иркутск, 1928. 11 с. Отд. Оттиск из сб. Очерки по изучению Якутского края. Вып.2. С. 155–163.

Иркутский университет и изучение местного края. 1918–1928. Иркутск, 1928. 18 с. (в соавт. с Азадовским М.К.)

Сельское хозяйство в Иркутской губернии в связи с естественно-географическими условиями. Краткий географический и статистико-экономический очерк. [Иркутск], [1923]. 40 с.

Сельское хозяйство Средне-Сибирского края и его перспективы. Иркутск, 1925. 23 с.

О нем:

Бояркин В.М. О краеведческой деятельности К.Н. Миротворцева // Иркутское краеведение 20-х. Ч. 1. С. 139–145. Кротов В., Александрович К. Научная и педагогическая деятельность профессора К. Н. Миротворцева в Восточной Сибири // Известия ВСГО СССР. Иркутск, 1960. Т. 59, вып.1. С. 103–114.

Казарин В.Н. Миротворцев Клавдий Николаевич // ВСОРОГО в лицах: биобиблиографический словарь. Вып.2. Иркутск, 2012. С. 72–74.

МОЛОДЫХ Иван Федорович

(1898, г. Тулун Иркутской губ. — август 1939, г. Иркутск) — географ, гидролог, к.г.н., профессор Иркутского ун-та (с 1923 г.). К 1917 г. окончил три курса Петроградского политехнического ин-та. В мае этого же года он впервые выехал студентом-практикантом в составе партии по исследованию рек Ленского бассейна, а после окончания работ остался в Иркутске. Доцент кафедры географии ИГУ. Действительный член ВСОРОГО, товарищ председателя ВСОРОГО (1925–26). Начальник отряда Якутской экспедиции АН СССР.

Сотрудник I разряда БГ НИИ при ИГУ. Главный инженер проектно-изыскательской конторы Восточного отделения управления речного транспорта Наркомвода в Иркутске (середина 1930-х).

В 1925 г. назначен начальником гидрологического отряда Якутской экспедиции АН СССР; в 1927 г. — начальником Аян-Нельканских изысканий; в 1928–29 годах — начальником Колымской экспедиции. В течение 20-ти лет исследовал реки Восточной Сибири. Лично провел экспедиции на реках Алдан, Олекма, Лена, Колыма, по плану И.Ф. Молодых и под его руководством исследованы реки Верхняя Ангара, Тымптон, Амга, Вилюй, Индигирка, Алазея. Работая в Северо-Восточной полярной экспедиции (1932 г.), И.Ф. Молодых участвовал в исследованиях, связанных с окончательным освоением Северного морского пути от Белого моря до Берингова пролива.

В Иркутске жил: в 1927 г. на ул. Мыльниковская, 45, в 1929 г. — на ул. Ленина 68—1.

Репрессирован в декабре 1937 г. В августе 1939 г. скончался в больнице Иркутской тюрьмы. В 1957 г. реабилитирован (посмертно).

Труды: Краткий отчет о работах Монгольской экспедиции 1919 г. Иркутск, 1920. Селенга в пределах Монголии. Иркутск, 1920. — 176 с. с 6 лист. карт. Рекогносцировочные исследования и маршрут съемки рек. Иркутск, 1921. Якутская экспедиция 1925 г. по Вилюю. Использование рек Восточной Сибири // Известия ВСОРГО, Иркутск, 1924, т.47. (в соавт. с В.М. Малышевым).

Северный Морской Путь в снабжении севера Восточной Сибири // СЖС. Вып. III—IV. 1925. С. 270—272.

Задачи водопутей в Восточной Сибири // Очерки по землеведению и экономике Восточной Сибири». Вып.2. Иркутск, 1926. С. 23—61.

К материалам о путях снабжения Якутии (направления с линии Амурской ж.д.) // Очерки по изучению Якутского края. Вып.2. Иркутск, 1928. С. 64—86.

Гидрографические исследования рек Восточной Сибири // СЖС. Вып. III—IV. 1925. С. 334—340.

Пути сообщения Якутии, 1927.

К материалам по вопросу снабжения Верхнеколымского приискового района Союззолото. Иркутск, 1930. Исследование рек в Восточной Сибири // СЖС. Вып. III—IV. 1925. С. 331—333.

Итоги картографии в Восточной Сибири // СЖС. Вып. III—IV. 1925. С. 333—334 (совм. с А.С. Герасимовым)

Транспортные проблемы Восточной Сибири // Сов. Азия. 1930. №5—6. Атлас реки Алдана от устья реки Май до устья реки Угумру. С пояснит. текстом и табл. Л., 1930 (Труды комиссии по изучению Якутской АССР. Т. XIV). Атлас реки Колымы. С текстом и табл. Сост. под ред. И.Ф. Молодых. Иркутск, 1931. Библиографический указатель по Колымскому краю Якутской АССР. Под ред. И.Ф. Молодых. Иркутск, 1931. Атлас притоков р. Колымы. Сост. под ред. И.Ф. Молодых по материалам изысканий 1928—29 гг. и 31 г. Иркутск, 1932. Агафонов И.И. (ред. И.Ф. Молодых) Индигирская экспедиция (предварительный отчет). Москва—Иркутск, Чита, 1933.

О нем:

Белюс И.П., Банаева З.Г. Молодых Иван Федорович // ВСОРГО в лицах: биобиблиографический словарь. Вып.2. Иркутск, 2012. С. 67—69.

Кузнецов С.И. (сост.) Иркутский государственный университет: ректоры, профессора, деканы (1918—1998). Иркутск, 1998.

Молодых Иван Федорович // ССЭ. 1929. Т.2. Сирина А. Рыцарь полярных рек // Восточно-Сибирская правда. 18.02. 1995. С. 2—3.

Сирина А. Молодых И.Ф. // Северная энциклопедия. М.: «Северные просторы» и Европейские издания, 2004. С. 571.

Широков А.И. История формирования и деятельности «Дальстроя» в 1931–1941 гг. // Автореферат дисс. канд. ист. наук. Томск, 1997.

МЭ(Ы)РДЫГЕЕВ Роман Сидорович

(1900–1969) – собиратель, краевед, художник. Родом из ул. Ендон, аларский бурят. Его отец, Сидор Доржиевич Мырдыгеев, малограмотный, репрессирован 27.02.1938 в Иркутске (<http://nekropole.info/ru/Sidor-Mirdigeev> режим доступа: 12.03.2013).

Член бурят-монгольской секции ВСОРГО. Автор работ по этнографии и фольклору бурят. Учился в Иркутском ун-те у И.Л. Копылова. В 1928 г. побывал вместе с П. Данбиновым в Эгитуйском дацане для изучения буддийского искусства. Основоположник бурятского изобразительного искусства, наряду с А.Е. Хангаловым, Ц.С. Сампиловым. Народный художник Бурятии. Отв. секретарь Союза художников Бурятии. Кавалер орденов Трудового Красного Знамени и «Знак почета». Его работы в художественном музее им. Сампилова г. Улан-Удэ. В 2001 г. имя Р.С. Мэрдыгеева присвоено детской художественной школе г. Улан-Удэ.

Труды:

Песни аларских бурят // БС. Вып.1. 1926. С. 69–71.

Предание об Ашха-батаре и происхождении кости (янан) Табжин // БС. Вып.2. 1926. С. 68–69.

Изделия из шерсти и войлока в Аларском аймаке // Бурятиеведение. 1928. №1–3. С. 139–148.

О нем:

История Бурятии в трех томах. Т.3. 2011. Улан-Удэ.

ПЕТРИ Бернгард Эдуардович

(17.09.1884, Берн – 25.11.1937, Иркутск) – археолог и этнограф. Сын известного российского географа и антрополога Э.Ю. Петри (1855–1899). Окончил реальное училище К. Мая в Петербурге (1899–1903) и естественное отделение физико-математич. фак-та Петербургского ун-та. Сотрудник МАЭ (1910–1918). Профессор Иркутского ун-та (1919–1930). Председатель Ассоциации Востоковедения (1929). Член и активный сотрудник Иркутского Комитета Севера. Собиратель этнографических коллекций

для Иркутского музея по бурятам, а также народам Севера – сойотам, эвенкам, тофаларам.

Репрессирован в мае 1937 г., расстрелян в ноябре 1937 г. Реабилитирован в 1958 г.

Жена – Любовь Илларионовна Коханович (1892–1936), сын Олег (1913–1968), внучка Ольга.

Труды:

Библиография за 1911 г. по этнографии, религии, языкознанию и фольклору // Живая старина. 1913. XXII. С. 442–468.

Неолитические находки на берегу Байкала // Сборник МАЭ АН. 1916. Т. III.

Археология. Путеводитель по Музею Антропологии и Этнографии Академии Наук. Пг., 1916.

Орнамент кудинских бурят. Пг., 1918. Т. 5.

Неолитическая колония в бухте «Песчаная» на Байкале // Сборник трудов проф. и препод. ИГУ. 1921. Отд. 1. Вып. 2.

Областной музей и его организация на демократических началах. Иркутск, 1921 – 15 с.

Далекое прошлое бурятского края. Иркутск, 1922. – 42 с.

М.П. Овчинников как археолог // Сибирские огни. 1922. №4. С. 99–104.

Доисторические кузницы в Прибайкалье (к вопросу о доисторическом прошлом якутов). Чита, 1923. – 19 с.

Народное искусство в Сибири. Иркутск, Сибгосиздат, 1923. – 28 с.

Задачи этнологической секции ВСОРГО. Иркутск, 1923. – 11 с.

Школа шаманов у северных бурят // Сборник трудов проф. и препод. ИГУ Иркутск, 1923. Вып. 5. С. 404–423.

Сибирский палеолит // Труды проф. и препод. ИГУ. Иркутск, 1923. Т. V.

Территориальное родство у северных бурят // Известия БГНИИ при ИГУ. Иркутск, 1924. Т.1. Вып.2 – 23 с.

Элементы родовой связи у северных бурят // СЖС. Иркутск, 1924. Вып.2. С. 98–126.

Брачные нормы у северных бурят // Сборник тр. проф. и препод. ИГУ, 1924. Вып.8. С. 3–32.

Внутриродовые отношения у северных бурят // Известия БГНИИ при ИГУ. 1925. Т.11. Вып.3.

Опыт преподавания основ географии на краеведческом материале // Краеведение в Иркутской губернии. №2.

Программа для собирания преданий по истории заселения Прибайкалья бурятами // Бурятияведение. 1925. №1. С. 41–44.

Программа для составления подворных описей и бюджетов применительно к малым народностям тайги. Иркутск, 1926.

Степени посвящения монголо-бурятских шаманов // Известия БГНИИ при ИГУ. 1926. Т.11. Вып.4. С. 39–75.

Древности озера Косогола (Монголия) // Бюллетень Всесоюзной научной ассоциации востоковедов. Иркутский филиал. 1926. №1. С. 92–100.

Сибирский неолит // Известия БГНИИ при ИГУ. 1926. Вып. VI. Т. III. С. 39–75.

Карагасский суглан. Иркутск, 1926 – 39 с.

В краю, отрезанном от мира // Сов. Сибирь, 30 ноября 1930. №274. С. 3.

Оленеводство у карагас. Иркутск: «Власть труда», 1927. – 45 с.

Охотугодя и расселение карагас // Сборник трудов проф. и препод. ИГУ. 1927. Вып.13. С. 335–364.

Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах (предварительные данные) // Сборник трудов проф. и препод. Иркутского гос. ун-та. Вып.12. 1927. С. 217–226.

Далекое прошлое Прибайкалья. Научно-популярный очерк. Иркутск, 1928. – 73 с. с илл.

Старая вера бурятского народа. Научно-популярный очерк. Иркутск, 1928. – 78 с.

Задачи дальнейшего исследования туземцев Сибири и метод исследования целых народностей // Труды Первого Сибирск. краеведч. научно-исследоват. съезда. Новосибирск, 1928. Т.5.

Бюджет карагасского хозяйства. Иркутск, 1928. – 72с.

Промыслы карагас. Иркутск, 1928. – 68с.

Проект культбазы у малых народов Сибири // Труды Первого Сибирск. краевого научно-исследоват. съезда. Т.V. Новосибирск, 1928. С. 118–127.

Черты родового быта карагасов. Иркутск, 1928.

Чикойский всадник // Тр. Секции археологии/ историко-архивный ин-т Росс. Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук М., 1928. Т.IV. С. 323–328 (в соавт. с П.С. Михно).

Охота и оленеводство у тугурских тунгусов в связи с организацией охотхозяйства. Иркутск, 1930. – 105 с.

О нем:

Архипов Н.Д. Археологические исследования Б.Э. Петри в Прибайкалье // Сов. археология. 1986. №2.

Белоус И.П., Донцева С.Ю. Петри Бернгард Эдуардович // ВСОРГО в лицах: биобиблиографический словарь. Вып.2. Иркутск, 2012. С. 72–74.

Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. Петри Бернгард Эдуардович // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.

Вдовин А.С., Кузьминых С.В. «Обещаю Вам от имени Сибири полное содействие» (письма Б.Э. Петри к А.М. Тальгрёну) // Вузовская научная археология и этнология. С. 22–24; 25–34.

Дашибалов Б.Б. Археологические коллекции Б.Э. Петри из поселения Шохтой // Краеведческие записки/ИОКМ. Вып.8. Иркутск: ИГ СО РАН, 2001.

Детлова Е.В., Макаров М.П. Красноярск–Иркутск. К истории научных связей Б.Э. Петри и Г.К. Мергарта // Вузовская научная археология и этнология. С. 36–40; 40–45.

Иванов Г.Л. Бронзовые предметы – находки Б.Э. Петри (из археологических фондов Иркутского областного краеведческого музея) // Вузовская научная археология и этнология. С. 53–57.

Иванов А.А., Калихман А.Д., Калихман Т.П. Б.Э. Петри в истории саянского перекрестка. Иркутск: Оттиск, 2008. – 260 с., илл.

Калихман А.Д., Калихман Т.П. По делам их узнаете их // Вузовская научная археология и этнология. С. 53–57.

Китова Л.Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы). Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2007.

Константинов В.В. Исследователи древнего Забайкалья. Чита, 1992. С. 31–34.

Коршунов Е.О. Исследования Б.Э. Петри на южном Байкале // Вузовская научная археология и этнология. С. 69–77.

Медведев Г.И. Об «иркутской школе археологии» // Российский гуманитарный журнал, 2005. №3 (7). С. 83–88.

Павлинская Л.Р. Бернгард Эдуардович Петри. Экспедиция в Восточные Саяны // Вузовская научная археология и этнология. С. 83–88.

Пархоменко С.Н. Архивно-следственное дело Б.Э. Петри // Петр Алексеевич Крopotкин: гуманист, ученый, революционер. Чита, 1992. С. 25–27.

Петри Бернгард Эдуардович (1887–1937) // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). / Сост. В.Я. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб.: Петербург. востоковедение, 2003.

Савельев Н.А. Вклад Б.Э. Петри в изучение сибирского неолита // Палеоэтнологические исследования на юге Восточной Сибири: сб. научных трудов. Иркутск. 1991. С. 75–93.

Свинин В.В. Человек на Байкале // Байкальская сторона: Книга о родном крае. Иркутск, 1991. Вып.2. С. 105–144

Сирина А.А. Бернгард Эдуардович Петри (к вопросу о становлении «иркутской школы» советской археологии и этнографии) // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири. Итоги и перспективы. Иркутск, 1986. С. 30–33.

Сирина А.А. Б.Э. Петри как этнограф // СЭ. 1991. №2. С. 83–92.

Сирина А.А. Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э. Петри // Репрессированные этнографы. М.: Вост. лит-ра, 1999. С. 57–80. Матвеева М.Ф., Сирина А.А. Три письма Б.Э. Петри П.К. Козлову (из архива Русского Географического Общества) // Вузовская научная археология и этнология. С. 79–82.

Терновая И.И. Последние дни в Иркутске Б.Э. Петри // Краеведческие записки/ ИОКМ. 1994. Вып.2. С. 13–19.

Терновая И.И. Малоизвестные страницы жизни иркутского ученого Б.Э. Петри // Иркутское краеведение 20-х. Ч. 2. С. 112–115.

Харинский А.В. Исследования Б.Э. Петри пещер у горы Танхын в Приольхонье // Вузовская научная археология и этнология. С. 99–104.

Шергин Д.Л. Коллекции археологического материала Б.Э. Петри в фондах Иркутского областного краеведческого музея // Краеведческие записки/ИОКМ. Иркутск: ИГ СО РАН, 2009. Вып.16. С. 4–18.

ПОДГОРБУНСКИЙ Василий Иннокентьевич

(28.02.1894, Иркутск – 21.09.1961, Иркутск) – географ, этнограф, краевед, геолог, ботаник. Действительный член ВСОРГО (1918). Мать – акушерка врачебной управы г. Иркутска, отец – коллежский советник Иркутской контрольной палаты, имел личное дворянство. В семье было двое детей. Семья жила в частном двухэтажном доме в центре Иркутска, который после революции перешел в государственность. В 1918 г. жил в Иркутске на углу ул. Успенской и Ланинской, с конца 1920-х гг. – на ул. Кладбищенской, 6, в деревянном коммунальном доме.

Окончил 4 курса естественного отделения физико-математического факультета Казанского университета. В течение полутора лет был вольнослушателем Казанской духовной академии. Этнографическую

школу прошел у профессора Казанской духовной академии, известного исследователя тюрко-монгольских народов Н.Ф. Катанова и автора работ по картам первобытных народов проф. Б.Ф. Адлера. В 1917 г. был студентом Северо-Восточного археологического института в Казани. Выезжал в экспедиции к тунгусам, бурятам, якутам.

В 1921–1951 гг. преподавал на географическом и геологическом факультетах Иркутского университета, в 1954–1961 гг. — на отделении охотоведения зоотехнического факультета сельскохозяйственного Института. В годы войны читал лекции в частях Красной Армии и госпиталях.

В 1924 г. входил в Совет ВСОРГО. Один из основателей и первых председателей якутской секции ВСОРГО (1926). Член палеозтологической секции ВСОРГО. Хранитель археологического и антропологического отделов Иркутского музея народоведения (1923–25 гг.). Научный работник отдела истории (1938–1942).

Автор более 60 статей по физической географии, в т.ч. по гидрологии для ССЭ. Среди научных открытий — изобретение метода определения кобальта и никеля в минералах в полевых условиях и содействие в открытии месторождения «Рудная гора» в группе Ангаро-Илимских железнорудных месторождений (1939 г.).

Репрессирован 30 марта 1951 г., осужден к 10-ти годам лишения свободы. Освобожден 28 сентября 1955 г. Реабилитирован 14 февраля 1990 г.

Имел семью, двоих детей. Великолепно играл на рояле, был знатоком музыки, живописи и поэзии.

Труды:

К вопросу о пиктографии доисторического населения Сибири // Труды О-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те. 1916. Т. 18. Вып.4. С. 23.

Материалы для изучения шаманизма среди бурят Иркутской губернии // Известия Иркутского отдела об-ва изучения Сибири и улучшения ее быта. Иркутск, 1917. Т.1.

Опыт программы для изучения охоты у тунгусов и якутов. Иркутск: ВСОРГО, 1923.

Материалы для изучения шаманских бубнов туземцев Сибири // Труды проф. и преп. ИГУ. Вып.4. 1923. С. 1–34.

К вопросу об изучении стоянок Торской и Тункинской котловины // Труды проф. и препод. ИГУ. Вып.4. 1923. С. 198–208.

Две карты тунгуса с реки Май: заметки об ориентировке тунгусов // Известия ВСОРГО. Т. XLVI. Иркутск, 1924. С. 138–146.

Заметки по изучению гончарства у якутов // СЖС. 1928. Вып. VII. С. 127–145. (в соавт. с П.П. Баторовым)

Из бурятского фольклора // СЖС. 1925. Вып. III–IV. С. 133–136 (в соавт. с П.П. Баторовым).

Обычай ставить аранга // ЭБ, 1923. №2.

Итоги и задачи археологических изысканий в пределах Восточной Сибири // Бюллетень ВСОРГО. 1925. №6. С. 81–82.

Вопросы археологических изысканий в пределах Прибайкалья и прилегающих к нему районов // Труды Первого Сибирского краевого научно-исслед. съезда. Новосибирск, 1928. Т. V. С. 226–236.

К вопросу об изучении примесей к глине в доисторической керамике Сибири // Сборник трудов проф. и препод. ИГУ. 1926. Вып.11. Мед. и пед. фак-ты. С. 87–95.

Раскопки в Горохово, окрестности Иркутска, летом 1924 г. // Известия ВСОРГО. 1929. Т. 54. С. 95–102.

Хамарган-джил // БС. 1927. Вып.3–4. С. 59–63 (в соавт. с Баторовым П.П.).

Религиозные и космогонические представления у бурят, якутов и тунгусов (полевые материалы 1913–1923 гг.) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. М., 1996. Вып.2. С. 221–241. Подготовка текста к публикации, авторство предисловия, примечаний А.А. Сирина.

О нем:

Потери науки: В.И. Подгорбунский (некролог) // Известия ВГО, 1962. Т.94. Вып.5. С. 447–448. См. также: Изв. ВГО, т.60. 1962.

Подгорбунский Василий Иннокентьевич // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). / Сост. В.Я. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб.: Петербург. востоковедение, 2003.

Сирина А.А. В.И. Подгорбунский (1897–1961) // География Азиатской России на рубеже веков. Материалы XI научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, Изд-во Ин-та географии СО РАН. 2001. С. 20–21.

Свинин В.В., Сазонова С.А. В.И. Подгорбунский как этнограф и музейный работник // Дуловские чтения 1997 года: (Секция археологии и этнографии): Мат-лы докл. и сообщ. региональной науч.-практ. конференции. Иркутск, 1997. С. 161–165.

Свинин В.В., Сазонова С.А. Доцент В.И. Подгорбунский: археолог, этнограф, геолог и “ходячая энциклопедия” // Иркутский университет. 1997. Март.

ПОЛТОРАДНЕВ Павел Григорьевич

(1892, Красноярск – 10.02.1938, Иркутск). Русский, беспартийный, образование высшее (педфак ИГУ). Этнолог, музеевед. В 1913–1917 гг. служил в царской армии, с 1916–1919 г. – в армии Колчака, с 1920 по 1921 г. – в Красной Армии.

После окончания ИГУ работал в БГНИИ при ИГУ. С 1926 г. — хранитель археологического, бурят-монгольского, а также антропологического отделов Иркутского обл. музея. Член палеозтологической секции ВСОРГО (1929). В 1929 г. возглавил этнографический отдел, образовавшийся путем слияния бурят-монгольского и народов Севера. В 1926 г. выезжал в экспедицию к сойотам (вместе с Б.Э. Петри). В 1930 г., в июне-сентябре, совершил сплав по Нижней Тунгуске с целью сбора этнографических, фотографических коллекций и научных материалов (вместе с П.П. Хороших). Обширные этнографические и фотоколлекции хранятся в ИОКМ. Ученый секретарь (с 1930), зав. отделом национальной политики (с 1932), зам. директора по науке (с 1934), зав. этнографическим отделом (с 1935), зав. историческим отделом (с 1936) Иркутского научного музея. Жил в Иркутске по ул. Марата 53 кв. 4. До этого — ул. Дек. Событий, 24. Арестован органами НКВД 16 октября 1937 года. Расстрелян в 1938 г. Реабилитирован 12.04.1957.

Труды:

Программа для обследования оленеводства у малых народностей применительно к таежному району. Иркутск, 1926.

Пушной промысел в Тункинском районе // ЖБ. 1929. №1. С. 99–106.

Тункинские сойоты (олeneводство и переход к скотоводству) // ЖБ. 1929. №1. С. 125–131.

Тункинские сойоты (олeneводство и переход к скотоводству) // ЖБ. 1929. №2. С. 94–99.

Окинский край // ЖБ. 1930. №5–6. С. 54–65.

Оленеводство тунгусов (р. Нижняя Тунгуска). М.—Иркутск, 1932. — 60 с.

О нем:

Сирина А.А. Эвенкийские коллекции в фондах Иркутского областного краеведческого музея (общий обзор) // Краеведческие записки/ ИОКМ. Иркутск: ИГ СО РАН, 2001. Вып.11.

Манушкина Е.Г., Сирина А.А. Международный проект «Архивы в опасности»: некоторые итоги работы с фотоколлекциями Иркутского областного краеведческого музея // Краеведческие записки/ ИОКМ. Иркутск: ИГ СО РАН, 2006. Вып.13. С. 35–50.

Иргит Ч.К. К истории изучения тункинских и окинских сойотов // XIII Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых “Наука и образование” (20–24 апреля 2009 г.) в 6 т. Т. IV. История. С. 100–105.

ПОПОВ Николай Петрович

(1900 – ?) – этнограф, археолог. Окончил ИГУ. Член кружка «Народоведение». Занимался этнографией эвенков и приисковым бытом. Зимой 1921 г. ездил в Ербогачен с экспедицией от Ленского союза Кооперативов. Ездил на север Якутии, останавливался в с. Витим. Записывал рассказы о ленской золотопромышленности. Осенью и зимой 1925–1926 гг. работал в экспедиции Комитета Севера. Проехал по Нижней Тунгуске от г. Туруханска до Туры, переместился вместе с кочевыми тунгусами на Подкаменную Тунгуску. Проездом в Туруханский край собирал материалы о енисейской золотопромышленности. В 1926 г. сдал в Иркутский музей коллекцию по этнографии эвенков из Туруханского края.

Труды:

Остатки доисторического человека около села Бадай // СЖС, III–IV, С. 181–184

Пища тунгусов // СЖС. 1926. Вып. I (V). С. 113–144.

Приисковый быт // СЖС. 1929. Вып. VIII–IX. С. 67–108.

ПОПОВА (Курбатова, в девичестве Степанова) Анна Михайловна

(3.02.1889, г. Мензелинск Уфимской губ. (совр. республика Татарстан) – не ранее 1966, г. Загорск, ныне Сергиев Посад, Московской обл.) – этнограф, историк, музеевед.

Окончила 7 классов женской гимназии. Работала учительницей в с. Ново-Троицкое Мензелинского у. Уфимской губ. (1911–1919). Выпускница гуманитарного отд-я пед. ф-та ИГУ (1919–1923). Дипломная работа «Крестьяне-ангарцы» (с. Распутино Яндинской волости Балаганского уезда Иркутской губернии). Член Бурят-Монгольского научного общества и этнологической секции ВСОРГО. Выезжала в экспедиции: в Балаганский уезд Иркутской губернии от ВСОРГО (1921–22), в Забайкалье от ВСОРГО и Бурят-Монгольского научного общества (1924–1928). В 1921–1926 гг. сдала в Иркутский научный музей несколько коллекций по этнографии русских старожилов из с. Распутино Балаганского у., семейских Забайкалья из с. Куйтун, Куналей и Тарбагатай Верхне-Удинского уезда БМАССР. В 1920–28 гг. – хранитель Иркутского научного музея (отделы русский, японско-китайский, туземцев Сибири), затем объединенного этногра-

фического отдела. Прослушала курсы по музейному делу в Москве по линии Главнауки (1926).

Проживала в 1929 г. в Иркутске по ул. Большой Блиновской (совр. Партизанская), 24.

С октября 1929 г. работала в Загорском музее-заповеднике (ныне г. Сергиев Посад) старшим научным работником до выхода на пенсию в 1958 г. Изучала богатый архив бывшего Троице-Сергиевого монастыря и собрание предметов истории и искусства. В 1944 г. назначена заведующей историко-художеств. отделом музея. В апреле 1946 г. назначена главным хранителем фондов Загорского историко-художеств. музея-заповедника с оставлением обязанностей заведующей отделом истории. Депутат горсовета, отличник министерства культуры СССР.

Труды:

Детские игры и забавы в Сибирской деревне (село Распутино, Яндинской волости, Балаганского уезда Иркутской губ.) // СЖС, 1923. Вып.1. С. 106–120.

Краткий отчет о летней работе в Верхнеудинском уезде Б.-М. АССР в 1926 // Бурятияведение. 1926. №2–3. С. 140–141.

Краткий отчет об этнографической работе среди семейских Забайкалья в 1925 г. // Бурятияведение. 1926. №2. С. 22–23.

Поездка к «семейским» Забайкалья (Этнографический очерк) // Бурятияведение. 1926. №2. С. 16–19.

Семейские (Забайкальские старообрядцы) // Бурятияведение. 1928. №1–3 (5–7).

Предание о первой встречи бурят с семейскими в Забайкалье // БС. 1926. Вып.1. С. 77.

Песни партизан (семейские селения Верхнеудинского уезда) // СЖС, 1926. Вып. I(V). С. 28–37.

Из области народной технологии // СЖС, 1925. Вып. III–IV. С. 109–112.

Медведь в воззрениях русского старожилого населения Сибири // СЭ. 1936. №3 (в соавт. с Г.С. Виноградовым).

О ней:

Personalia // Этнография, №1. М.–Л., 1926. №1–2. С. 338.

Чернявская О.А. Комплектование этнографической коллекции Иркутского краеведческого музея в 1920-е годы // Иркутское краеведение 20-х. Ч. 2. С. 60–64.

ТИТОВ Елпидифор Иннокентьевич

(4.07.1896, с. Тунгуй Верхнеудинского у. Забайкальской обл. (ныне Мухоршибирский район Бурятии) – 21.01.1938, Хабаровск) – этнограф, лингвист, археолог, писатель, поэт, журналист.

Из священнической семьи. Окончил историко-филологическое отделение педагогического факультета Иркутского государственного университета (1923), первый председатель кружка «Народоведение». Член этнологической секции ВСОРГО (1922). Неоднократно выезжал в этнографические экспедиции к верхнеленским и северобайкальским эвенкам, собирал этнографические коллекции (1918, 1919, 1920, 1921, 1925).

Хорошо рисовал и играл на скрипке. Владел несколькими иностранными языками.

Жил в Иркутске по адресам: Лапинская, 52 (1922), Свердлово, Понтонная, д.11, кв.2 (1923); Декабрьских событий 61 кв.4 (1926); Савинский переулок, 16/28 (1926–1927).

В 1927–1930 гг. находился в Харбине у родственников жены. Работал в библиотеке КВЖД. Проводил археологические разыскания в Маньчжурии.

Писатель, член Союза писателей СССР, заведующий отделом газеты «Тихоокеанская звезда» и ответственный секретарь журнала «На рубеже» (ныне – «Дальний Восток»). Литературные псевдонимы: Хопер, Албазин, Анабаров.

Репрессирован: арестован в 1937 г., расстрелян в 1938 г.

Труды:

Сексуальная педагогика (библиографическая) // Думы Забайкальского Учителя, №34, 1917.

Обновление деревни // Думы Забайкальского Учителя, №24, 1917.

Из недоконченных записок (по педагогике) // Думы Забайкальского Учителя, №28–29, 1918.

Опыт организации в Чите средней школы для взрослых // Думы Забайкальского Учителя, №26–27, 1918.

«Старик Назар», «Село Погиблое», «Сашка», «На крайнем Севере Байкала» // Дело, Наше Дело, Иркутск, 1918, 1919

Сухостой // Наше Дело, Иркутск, 1919, №215–218.

О поэте Д.И. Глушкове // Наше Дело, 1919 г.

Этнография в трудовой школе // Вестник просвещения. Чита. 1922. №11. Организация музеев – по поводу брошюры Б.Э. Петри

«Областной Музей» — в Известиях Института по народному образованию в Чите, 1922, кн.1.

Поэт-Забайкалец, Н.И. Литвинцев // Камены, Чита, 1922, кн.1.

Изучение «культы медведя» у туземных племен Сибири // ЭБ. №2. 1923 С. 4–5.

Орочены в Забайкалье. Чита, 1924. Газетная статья о конских бегах // Фонарь. Чита. 1923. №8. Конские бега в Восточном Забайкалье // СЖС. Вып. II. 1924. С. 38–54. Рецензия на: М.К. Азадовский «Ленские причитания»; Г.С. Виноградов «Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири» // ЭБ. 1923. №4. Некоторые данные по культу медведя у нижнеангарских тунгусов Киндигирского рода (Баргузинский округ Северо-Западное Забайкалье) // СЖС. 1923. Вып. I. С. 90–105.

Тунгусско-русский словарь. С приложением книги М. А. Кастрена «Основы изучения тунгусского языка». Иркутск: Изд-во Читинского краевого гос. музея им. А. К. Кузнецова, 1926. — 179 с.

Заметки по этнографии тунгусов (Баргузинский округ Забайкальской области). Землепользование и охотничье право // Вестник Азии. 1924. 52. Харбин. С. 291–297.

Промысел соболей у тунгусов // Иркутский обл. музей народо-ведения, Иркутск, 1924.

Северная Даурия. Путевые заметки // Сиб. огни, Новосибирск. Сиб. краевое изд-во. 1926. №5–6. С. 230–242. 1927. №1. С. 183–197.

По истокам Лены и Киренги // Власть труда, 1926. Кони, тайга и суглинок // Сиб. огни. 1927. №3. Пегая орда // Сиб. огни. Иркутск, 1928. №5. Население Дальнего Востока как производительный фактор // Экономика Дальнего Востока. М., 1926. С. 50–77. (в соавт. с В.К. Арсеньевым). Население Дальнего Востока как производительный фактор // Производительные силы Дальнего Востока. Хабаровск, 1927. Т. V. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск, 1928. (в соавт. с В.К. Арсеньевым). К изучению бесписьменных языков Маньчжурии (По поводу 75-летия со дня смерти М.-А. Кастрена) // Библиографический бюллетень Центральной биб-ки КВЖД. Харбин, 1927. №1–6. С. 84–85. Основные задачи тунгусоведения // Труды Первого Сибирского краевого научно-исслед. съезда. Новосибирск, 1928. Т. V. С. 144–154. Остатки неолитической культуры близ Хайлара // Вестник Маньчжурии. Харбин, 1928. №7. С. 63–68. (в соавт. с В.Я. Толмачевым). Материалы по устному творчеству эвенков Прибайкалья // Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору/ сост. Г.М. Василевич. Научно-исследовательская ассоциация института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича. Труды по фольклору. Т. I. Л: Изд-во ИНС ЦИК СССР, 1936. Пушкин — Сибирь — Америка // Сиб. огни. 1937. №3.

Титов Е.И. «Я сын земли...» Изд-е второе, доп. и перераб. // ред.-сост. Л.Ф. Синицина. Амурск: Амурский город. краеведч. музей, 2005. – 291с.

О нем:

Алкин С.В. Судьба и труды забайкальского этнографа и археолога Е.И. Титова // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск. Изд-во АмГУ, 2001. Вып.3. С. 258–269.

Алкин С.В. Исследователь коренного населения Восточной Сибири Елпидифор Иннокентьевич Титов // Вузовская научная археология и этнология. С. 10–20.

Алкин С. Забайкальский этнограф и археолог Елпидифор Иннокентьевич Титов // Сибирь. 2009. №1. С. 182–194.

Из писем Е.И. Титова / публикация Е.Г. Подборновой // Сибирь. 2009. №1. С. 194–208.

Дьяченко Б. Ордер на арест №927 // Рубеж. 1995. №2. С. 306–312.

Катеринич В. Драматургия жизни и литературы, журнал «На рубеже». 30-е годы // Российский литературный журнал. 2003. №5.

Катеринич В. Елпидифора Титова надо издавать! (из архива Ю.А. Шестаковой) // Тихоокеанская звезда, 20.05.2004.

Константинов М.В. Гулаговские страницы биографии Елпидифора Титова // Вузовская научная археология и этнология. С. 66–67.

Константинов М.В. Оракулы веков: этюды об исследователях Сибири. – 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 105 с.

Сирина А.А., Чернявская О.А. Эвенкийские коллекции Е.И. Титова в фондах Иркутского областного краеведческого музея // Краеведческие записки/ИОКМ. Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2005. Вып.12.

Сутурин А.С. «Решительно отвергаю...» // Дело краевого масштаба: о жертвах сталинского беззакония на Дальнем Востоке. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1991. С. 96–121.

Титов Е.И. // Писатели Восточной Сибири: библиографический указатель. Иркутск, 1973.

Титов Е.И. «Я сын земли...» Изд-е второе, доп. и перераб. // ред.-сост. Л.Ф. Синицина. Амурск: Амурский город. краеведч. музей, 2005. – 291с.

Трушкин В.П. Е.И. Титов // Литературный Иркутск. Иркутск: Вост-Сиб. кн. изд-во, 1981.

100 лет со дня рождения Е.И. Титова – этнографа, поэта и литературного критика (1896–1937) // Календарь знаменательных и памятных дат Читинской области на 1996 год. Чита: Читинская обл.

универс. научная б-ка им. А.С. Пушкина. Сектор краеведческой библиографии, 1996.

Personalia // Этнография, №1. М.—Л.: Главнаука, Госиздат, 1926. №1—2. С. 348—349.

ТРЕБУХОВСКИЙ Петр Францевич

(1883, с. Шивера Иркутской губ. — около 1974, Черемхово) — художник, этнограф, краевед. Старший ассистент кафедры педагогики ИГУ. Действительный член ВСОРГО, член этнологической, палеоэтнологической секции и секции школьного краеведения ВСОРГО (1929). Изучал русское старожилое и бурятское население Приангарья. Беспартийный. В Иркутске жил по ул. Красного Восстания, 1/12. Стоял у истоков создания Черемховского педагогического техникума (1934). С начала 1930-х гг. — преподаватель изобразительного искусства в этом учебном заведении.

Труды:

Экскурсия на Слюдянку. Иркутск, 1918. — 18 с.

Краеведение в детском рисунке: научно-популярная литература. С предисловием И.Л. Копылова. Иркутск: Изд-во Иркутской секции науч. работников, 1925. — 64 с.

Детский рисунок туземных народов Сибири // СЖС. 1926. Вып. II. С. 113—164.

Роль детского рисунка в школьном краеведении // Иркутский край в школе. Вып.1. С. 97—176. Иркутск, 1927.

Сур-харбан балаганских бурят в прошлом и настоящем (с рисунками) // БС. 1927. Вып.3—4. С. 74—80.

Бумал Шулун Биритских бурят. Свадьба балаганских бурят в прошлом и настоящем. Верхнеудинск, 1929. — 31с. То же: // Просвещение Бурятии. 1932. №1—3. С. 92—123.

Мнимый метеор Беритских бурят // 1929.

Задачи культурно-национального строительства и формы интернационального воспитания бурят //

О политехнизме в бурятской школе // БС. 1930. Вып.6. С. 63—71.

Бурято-монгольская школа. Иркутск, 1931.

О нем:

Инешин В. В их работах — все краски мира. Черемхово, 2005.

Меньшиков Л.П. Из истории становления среднего педагогического образования в Иркутской области. Иркутск, 2001.

ТУРУНОВ Анатолий Николаевич

(23.03.1893, Успенский прииск Витимского округа, Иркутская губерния — 5.10.1954, Москва, Введенское кладбище) — библиограф, искусствовед, художник-график, историк, этнограф.

В 1913—1917 гг. учился у Н.К. Рериха и И.Я. Билибина в Рисовальной школе при Об-ве поощрения художеств в Петербурге. Окончил юридический факультет Томского ун-та (1919). С 1920 г. — в Иркутском ун-те. Член ВСОРГО. Знаток буддийского искусства и автор работ по бурят-монгольской истории и мифологии.

Принимал активное участие в художественной жизни Сибири, участвуя в выставках как художник-график и иллюстратор.

Председатель библиотечного комитета ВСОРГО. Член библиотечно-библиографической комиссии при Моск. отделении ЦБК (вт. пол. 1920-х—начало 1930-х гг.).

Сотрудник Центр. архива Западно-Сибирского края. С 1923 г. переехал в Москву, где работал в Центральном архиве (до 1930), Ассоциации с.-х. библиографии (1931—35), Библиотеке АН (1937—38) и Всесоюзной книжной палате (1938—41). С 1941 г. ушел ополченцем на фронт, попал в плен. С 1948 г. до конца жизни — гл. библиограф Центр. научной сельскохозяйственной библиотеки.

Участвовал в составлении и редактировании «Библиографии Дальневосточного края», «Библиографии Бурят-Монголии» и «Библиографии советской библиографии» за 1939, работал над био-библиографическим словарём «Библиографы-краеведы».

Псевдонимы: А.; А. А.; А. Т.; А-в; Адгоков, А.; Адгоков, А. Н.; Т. Жена — Татьяна Иосифовна Левинсон.

Труды:

Обозрение памятников писаного права монгольских племен // Сборник трудов проф. и преп. ИГУ. 1921. Вып. I. (в соавт. с Ц. Жамцарано).

Прошлое бурят-монгольской народности (ист.-этнолог. очерк). Иркутск, 1922. С. 1—48. Отзыв: Сиб. огни, 1922. №5.

Буддийское влияние в народном орнаменте бурят // ЭБ. 1922. №1. «Мэдэн» (К вопросу о взаимоотношениях русского и монгольского пограничного населения) // ЭБ. №2. 1923. С. 1—4.

Халха Джиром: Описание памятника // Сборник трудов проф. и преп. ИГУ. Вып. 6. Иркутск, 1923 (в соавт. с Ц. Жамцарано).

М.Н. Хангалов // ЭБ. 1923. №3.

Хроника. Сибирь. Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества. (К 75-летию научно-исследовательской деятельности) // Дальний Восток. Краеведение на Дальнем Востоке М., 1926. С. 537–544 (в соавт. с З.Н. Матвеевым)

Советская пресса в Сибири в 1917–1918 гг. Материалы к библиографическому обзору. Иркутск, 1922.

Революция и гражданская война в Сибири. Указатель книг и журнальных статей. Иркутск. 1928 (в соавт. с В.Д. Вегманом).

1905 год в Сибири. Материалы к библиографическому обзору книг и журнальных статей, 1930 (в соавт. с Т.Н. Поповой).

История дореволюционной Бурятии, Октябрьской революции и образование БМ АССР // Библиография Бурятии, вып. 5. 1970 (в соавт. с В.П. Гирченко)

В.И. Суриков. Иркутск: Востсибоблогиз, 1937. – 150с. (в соавт. с М.В. Красноженовой).

В.И. Суриков и его картины. Иркутск: Иркутское обл. изд-во, 1948. – 88 с.

Письма Сурикова / Труды ГТГ. М., 1937–1948.

Как создавалась картина Покорение Сибири Ермаком // Искусство. 1937. №3.

Художник-реалист М.И. Песков, 1834–1864. Иркутск: Иркутское обл. изд-во, 1938.– 78 с.

Братья А.П. и Н.П. Чеховы и И.И. Левитан // Искусство. 1938. №4.

А.Н. Турунов – Азадовскому [Письма 1940–1954 гг. с биогр. справкой] // Лит. наследство Сибири. Новосибирск, 1969. Т. 1;

М. К. Азадовский – А. Н. Турунову [Письма] // Азадовский М. Статьи и письма. Неизданное и забытое. Новосибирск, 1978.

Партизанское движение в Сибири. Том 1. Приенисейский край / – М.: Книга по требованию, 2012. – 313 с. (составитель А.Н. Турунов)

О нем:

Николаев В. А. Турунов Анатолий Николаевич // Библиографы Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973.

Томина В.П. Краеведческая и библиографическая деятельность А.Н. Турунова // История сибирской библиографии. Новосибирск, 1978.

Книговедение: энциклопедический словарь / Н. М. Сикорский (гл. ред.) М.: Сов. энциклопедия, 1982, – 664 с. с илл.

УДИМОВА Нина Илиодоровна

(19 (по др. данным 21).08. 1906 (по др. данным – 1908), Иркутск – 31.05.1969, Ленинград) – библиограф, музеевед, историк искусства, этнограф.

Выпускница лингвистического отделения педфака ИГУ (1929), ученица Г.С. Виноградова. Член ВСОРГО, секретарь Этнологической секции ВСОРГО (1929). Отец – Илиодор Илиодорович Удимов (1880, с. Батени Минусинского уезда Красноярской губ.–1955, Ленинград) – потомственный почетный гражданин г. Иркутска, корректор и сотрудник газеты «Восточное Обозрение» (с 1900 г.). Дед, И. Удимов (род. в 1828), окончил Иркутскую духовную семинарию, учился одновременно с А.П. Шаповым.

В конце 1920-х годов в Иркутске – беспартийная, безработная, учительница родного языка. Проживала по адресу: ул. Свердловская, 47–3. Переехала в Ленинград в 1930 г.

Работала в библиотеке Бронетанковых курсов (1931–1934). Окончила английское отделение ЛГПИ им. А.И. Герцена (1937). Окончила курсы экскурсоводов при Дворцах-Музеях г. Пушкина, где работала экскурсоводом и младшим научным сотрудником (1934–1941). Сотрудница научной библиотеки при ИГУ (февраль 1942 – конец 1943). Вернувшись в Ленинград, работала на выставке Героическая оборона Ленинграда (1943–1947). Старший библиотекарь, старший библиограф отдела изобразительного искусства (эстампов) Гос. Публичной (бывш. Императорской публичной) библиотеки, ныне РНБ (1948–1951). Окончила отделение работников искусств Университета марксизма-ленинизма (1948). Экскурсовод и старший научный сотрудник Музея Городской Скульптуры (с 1951). Старший библиотекарь, старший библиограф Научной библиотеки Академии Художеств (с 1957, 1960).

Похоронена на Охтинском кладбище Ленинграда (Санкт-Петербурга).

Труды:

К изучению одежды русских тункинцев // СЖС, 1926. Вып. II (VI). С. 201–210.

Сибирский бытописатель В.С. Арефьев // СЖС. 1929. Вып. VIII–IX.

Стихотворение Пушкина памяти сына С.Г. Волконского / при участии Т.Г. Цявловской // Литературное Наследство. Т. 60. Кн. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 405–410.

Адмиралтейство в Екатерининском парке г. Пушкина. Л., 1941 (в соавт. с Туровой Е.Л.).

Экскурсия Ленинград—Пушкин: [путеводитель]. М.; Л., 1945.

Выставка «Героическая оборона Ленинграда» [с 30 апреля 1944 года, Соляной городок]. Очерк-путеводитель. Л.—М. 1945 (сост. Раков Л.Л. (руковод.), Александрова Т.С., Ковалёв В.П., Удимова Н.И., Шевердалкин П.Р., Эдельштейн З.А.).

Городская скульптура в музее // Нева. 1955. №9 (в соавт. с Г.Д. Нетунахиной)

Городские памятники. Некрополь Александро-Невской Лавры. Литераторские мостки: Краткий путеводитель. Л., 1963. (в соавт. с Нетунахиной Г.Д.)

Великая отечественная война в искусстве. Библиографический указатель. Л., 1965.

Картины-трагедии // Искусство. 1965. №7 (в соавт. с Г. Кока)

Ленинградский музей городской скульптуры, 2 изд., Л., 1972. (в соавт. с Нетунахиной Г.Д.)

Литераторские мостки // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1962—1978. Т. 4.

Эпитафия А.С. Пушкина сыну декабриста С.Г. Волконского // Сохраненная память. Сборник научных статей. Санкт-Петербург, 2008. С. 126—133.

О ней:

Виттенбург Е.П. Павел Виттенбург: геолог, полярник, узник ГУЛАГА : (воспоминания дочери). СПб. : Нестор-история, 2003.

Виттенбург Е.П. Несколько слов о Льве Львовиче Ракове в период работы в научной библиотеке Академии художеств СССР (1954—1962) // Лев Львович Раков. Творческое наследие. Жизненный путь. Авт.-сост. А.Л. Ракова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007.

Ковалева А.С. Из музыкальной жизни Иркутска (сестры Балабины) // Краеведческие записки. Иркутск, 2004 г. Вып.11.

Матвеева И.Г., Щербак Н.Л. Удимова Нина Илиодоровна // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры // Биографический словарь, т. 4. То же на сайте: http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=2028

Ракова А.Л. Любовь и слава. Биографический очерк // Лев Львович Раков. Творческое наследие. Жизненный путь. Авт.-сост. А.Л. Ракова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007.

ФЛОРЕНЦОВ Василий Николаевич

(3.04.1869, с. Балаганское Иркутской губ. – после 1930) – священник, протоиерей, монголовед, знаток монгольского языка.

Русский, из семьи священника. Окончил Иркутскую духовную семинарию (1889). После окончания семинарии пять лет служил священником-миссионером Иннокентиевской церкви Жимыгытского стана. Изучил бурятский язык, переводил богослужебную литературу. В Иркутск переехал в 1894 г. Состоял в Братстве свт. Иннокентия. Служил в различных Иркутских церквях (до 1917). Протоиерей Михаило-Архангельской Харлампиевской церкви (1917–1920). Член Иркутского комитета Православного миссионерского об-ва, председатель Иркутской переводческой комиссии. Член ВСОИРГО/ВСОРГО.

Преподаватель монгольского и бурятского языка в Иркутском госуниверситете (с конца 1921). Преподаватель русского языка для монголов в Восточном политехникуме (с 1925). Переписывался со знаменитыми лингвистами В.Л. Котвичем и Б. Владимирцевым. Член Комитета взаимопомощи безработному и ссыльному духовенству. Арестовывался в 1920, 1921, 1922, 1923 гг.; в 1927 г. арестован и сослан в Красноярский округ на 3 года. Реабилитирован в 1992 г.

Проживал в Иркутске, Красный (бывший Юнкерский) пер., 10–2 (1924).

Труды:

Из истории переводческого дела в Иркутской епархии // Прибавление к ИЕВ. 1908. №6.

Проводы из Иркутска Преосвященного Иоанна, Епископа Забайкальского и Нерчинского // ИЕВ. 1913.

Журналы 52-го Епархиального собрания духовенства и мирян Иркутской Епархии. 10/23 сентября – 26 сентября / 9 октября 1918. Иркутск, 1918. – 89 с.

Монголо-бурятская сказка о Мэргэн-Зорикто // Труды проф. и препод. ИГУ. Вып. XII. Иркутск 1927.

О нем:

Российско-польские научные связи. Монголовед В.Л. Котвич: к 140-летию со дня рождения. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Выставка on-line-2012. <http://ranar.spb.ru/rus/vystavki/id/416/>

http://irkipedia.ru/content/irkutsk_v_gody_repressiy

Крючкова Т.А. Иркутская Голгофа // Иркутский Кремль. 2011.

Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века // <http://kuz3.pstbi.ccas.ru/bin/nkws.exe/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6XbuIeuVdOrVie6UUe1Ve8iceG0Be8eieu0ZceXb>

Крючкова Т.А. Михаило-Архангельская Харлампиевская церковь.

Терновая И. Иркутские священнослужители в 1920–1930-х годах // “30 октября”. 2012. №107. С. 8–9.

ХОДУКИН Яков Николаевич

(7.11.1877, Троицк Пензенской губ. – 4.12.1937, Иркутск) – музейный работник, историк, археолог, этнограф.

В 1899 г. окончил учительскую семинарию в Пензе, работал учителем. С 1902 г. – в партии эсеров. В 1907 г. приехал в Сибирь, работал в школе в Верхнеудинске. Арестован в 1909 г. Работал в г. Нижнеудинске, избран Нижнеудинским городским головой (1915). Председатель Нижнеудинской уездной земской управы (1918). Сочувствовал сибирскому областничеству. Участник работы Сибирской областной думы в Томске. Председатель губернского земского собрания (1919). Председатель совета народного правления Сибири 1920. В 1920–22 гг. трижды арестовывался.

В 1923 г. окончил педагогический ф-т ИГУ. Ассистент университета, этнолог. Член археологической комиссии при ВСОРГО, член палеознотологической секции ВСОРГО (1929). Директор Иркутского музея (1924–1927). Выезжал в экспедицию на Илим к эвенкам.

Работал в Окружном отделе народного образования. В конце жизни работал учителем русского языка и литературы в Иркутском доме Красной Армии.

Жил в Иркутске по ул. 4 Красноармейская, 11/26 (на углу с Большой, вход со двора).

Репрессирован и расстрелян в 1937 г. Труды:

Карагасия. Материалы Иркутского местного комитета Севера. Вып.1. 1926. (в соавт. с М.Е. Золотаревым).

Тунгусы реки Коченги // Сборник трудов проф. и препод. ИГУ. Т.ХII. Факультет права и местного хозяйства. Иркутск: Изд-е ИГУ, 1927. С. 365–391.

Илимские партизаны // Краеведение в Иркутской губернии. Иркутск 1926. №3. С. 39–48.

Материалы по археологии р. Илим // Известия ВСОРГО. Т.53. 1928. С. 114–123.

Первые раскопки в горах Ноин-Ула // Бюллетень всесоюзной научной ассоциации востоковедов / Иркутский филиал. Иркутск, 1926. – 13 с.

Что читать просвещенцу-краеведу (опыт указателя краеведческой литературы). Иркутск: научный музей, 1925.

О нем:

Шободоев Е.Б. Я.Н. Ходукин: иркутский краевед и неудавшийся политик // Иркутское краеведение 20-х. Ч. 2. С. 82–90.

Дроков С.В. Адмирал Колчак и суд истории — М.: Центрполиграф, 2009. 591 с.

(ФОТО)

ХОРОШИХ Павел Павлович

(30.05.1890, г. Иркутск — 16.08.1977, г. Иркутск) — историк, архивист, библиограф, музейевед, краевед, этнограф, археолог. Выпускник ИГУ (1923).

Научный сотрудник, заведующий этнографическим отделом Иркутского научного (краеведческого) музея (1922–1926).

Действительный член ВСОРГО (с 1920), товарищ председателя бурят-монгольской секции ВСОРГО, член этнологической, палеоэтнологической секции ВСОРГО. Научный секретарь и зам. председателя ВСОРГО (1928–1929). Неоднократно выезжал в экспедиции в Прибайкалье и Забайкалье к бурятам, эвенкам, др., участвовал в формировании коллекций Иркутского музея.

Ассистент кафедры краеведения ИГУ (1925–1929), научный сотрудник БГ НИИ при ИГУ (1923–1931).

Репрессирован в 1931 г. осужден на три года, реабилитирован в 1989 г.

Директор музея Западно-Сибирского Севера Управления НКВД (1933–1937), научный консультант Новосибирского областного музея (1937–1942). Директор Новосибирской областной станции юных туристов.

С 1947 г. — в Иркутском краеведческом музее — сотрудник, замдиректора, директор.

Кандидатская диссертация «Пещерные стоянки Сибири как исторический источник» (1955). Доцент географического ф-та ИГУ. Заслуженный деятель науки республики Бурятия (1970).

Жил в Иркутске по ул. Ленина 31 (1929). Труды:

Заметки по шаманству. Посвящение лошади и быка // ЭО. 1922. №1. С. 13–14.

Первый бурятский ученый Дорджи Банзаров (биограф. очерк). Иркутск, 1922. — 28 с. Отзыв: Б.Э. Петри. Красные зори. 1923. №4. С. 152.

Исследователи Якутии. Вып. II. Вас.Ф. Трошанский // Известия ВСОРГО. Т. LI.

Памяти Василия Андреевича Михайлова // ЖБ. 1925. №9–12. С. 146.

Научно-литературное наследство А.Е. Кулаковского // Очерки по изучению Якутского края. Иркутск, 1927. Вып. I. С. 41–43.

Научно-литературное наследство М.Н. Хангалова // ЭБ. 1923. №3. С. 3–5.

М.П. Овчинников как краевед // СЖС. Вып. II.

Исследователи Якутии. Вс. М. Ионов // СЖС. Вып. III–IV.

Об изучении детских рисунков туземных племен Сибири // СЖС. Вып. III–IV. 1925.

Указатель историко-этнографической литературы о бурятской народности // СЖС Вып. I. 1923.

Якуты. Опыт указания историко-этнологической литературы об якутской народности // Изв. ВСОРГО. Т. XLVIII. Вып. I.

Итоги и задачи изучения памятников изобразительного искусства бурят // ЖБ. 1924. №6. С. 83–89.

Задачи изучения изобразительного искусства бурят / П.П. Хороших. Верхнеудинск, 1925. –10 с.

Старик Хоролдой // ЖБ. 1926. №4–6. С. 27–28.

М.Н. Богданов как бурятовед // ЖБ. 1926. №4–6.

Научно-литературное наследие М.Н. Богданова // Бурятияведение. 1926. №2. С. 24–26.

Литература о революционном и общественном движении в Бурятии // БС. 1926. Вып. 2. С. 14–25.

Литература о народной и тибетской медицине бурят-монголов // БС. 1926. Вып. 1. С. 42–46.

Материалы по народному скотолечению Иркутских бурят // БС. 1926. Вып. 2. С. 50–61. (в соавт. с П.П. Баторовым).

Приметы аларских бурят, касающиеся погоды, сельского хозяйства и охоты // БС, 1926. Вып. I. С. 46–51. (в соавт. с П.П. Баторовым).

Музыкальные инструменты, театр и народные развлечения бурят (опыт программы, литература) // БС. 1926. Вып. 2. С. 52–69.

А.К. Кузнецов // Сиб. огни. 1926. №1–2. С. 236–237.

Бирки Иркутских бурят // СЖС. 1926. Вып. I (V). С. 98–112.

П.П. Баторов (к 75-летию его жизни) // ЖБ. 1926. №1–3. С. 115–118. Библ.

П.П. Баторов // Бурятияведение. 1926. №2.

Памяти Петра Павловича Баторова // БС. 1927. Вып. 3–4. С. 11–13.

Программа для собирания сведений об одежде и обуви бурят // Бурятияведение. 1926. №2. С. 43–46.

Литература о народной и тибетской медицине бурят-монголов // БС. 1926. Вып. 1. С. 42–46.

Исторический очерк музея ВСОРГО (1854–1920 гг.) // Известия ВСОРГО. Т. L, вып. 1. Иркутск, 1927. С. 125–142.

Материалы по орнаменту северных бурят // СЖС. Вып. III–IV. 1927.

Орнамент северных бурят. Узоры на шитых работах (с рисунками) // БС. 1927. Вып. 3–4. С. 83–90.

Доисторический человек на Байкале. Иркутск, 1928. – 15 с.

Бурятский ученый Галсан Гомбоев // Бурятияведение. 1927. №3–4. С. 55–58.

Знаки собственности бурят // СЖС. 1929. Вып. VIII–IX.

О латинизации монгольской письменности // БС. 1929. Вып. 5. С. 85–86.

Литература о человеке Бурятии // БС. 1929. Вып. 5. С. 86–87.

Древности Кудинских степей // Бурятияведение 1929. №1–2 (9–10), 1930. №3–4 (11–12). С. 142–151; 85–100.

Чуйские Альпы. Новосибирск, 1936. – 26 с.

Археологические памятники Западной Сибири. Новосибирск : Изд. Зап.-Сиб. краев. музея, 1937 – 17 с.

По родному краю. Иркутск, 1950; 1952. – 75 с.

Путевые знаки эвенков-охотников (из материалов по этнографии эвенков р. Нижней Тунгуски) // КСИЭ. Вып. 10. 1950. С. 57–59.

По пещерам Прибайкалья. Иркутск, 1955.

Первобытные охотники Прибайкалья. Иркутск, 1956 (в соавт. с Л.Н. Иваньевым).

О нем:

Кузнецов С.И., Петрушин Ю.А. Хороших П.П. // История и историки. 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета. Иркутск: Оттиск, 2008.

Николаев В.А. Библиографы Сибири и Дальнего Востока (библиографический словарь). Новосибирск, 1973.

Пержакова А.С. Иркутская школа палеоэтнологии в 1920–1930 гг. // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. Т.8, вып. 5. Археология и этнография. 2009. С. 9–14.

Савельев Н.А., Пержакова А.С. Иркутская школа палеоэтнологии. Павел Павлович Хороших (1890–1977). Жизненный путь // Вузовская научная археология и этнология. С. 89–98.

Свинин В.В. К 80-летию Хороших П.П. // Известия ВСОРГО СССР. 1970. Т.67. С. 169–170.